

P Y C C R O E C L O B O.

III.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО - УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1859. /

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ РЮМИНА И КОМП.

252884

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, было представлено въ Ценсурный Комитетъ
установленное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 18 Марта 1859 года.

Цензоръ С. Палаговъ.

1859 год
Санктп.
Удостов.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЪ I.

	СТРАН.
Кузнечекъ-музыкантъ. Шутка въ видѣ поэмы. Я. П. ПОЛОНСКАГО	1 ✓
Дядюшкинъ сонъ. Изъ Мордасовскихъ лѣтописей. Повѣсть ДОСТОЕВСКАГО	27 ✓
«Пойду на встречу къ немъ знакомою тропою». Стихотвореніе А. ФЕТА	173
ОРАТОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Маколэ. Г. БЛАГОСВѢТЛОВА	174 ✓
ПѢСНЯ ПРО КНЯГИНЮ УЛЬЯНУ АНДРЕЕВНУ Вяземскую. Стихотвореніе Л. МЕЯ.	203 ✓
Марло, одинъ изъ предшественниковъ Шекспира. Очеркъ изъ исторіи Англійской драмы. (Окончаніе). С. УВАРОВА	221 ✓

ОТДѢЛЪ II.

Критика. Взглядъ на русскую литературу со смерти Пушкина: Романтизмъ. — Отношеніе критического сознанія къ романтизму. — Гегелизмъ. — (1834 — 1840). Статья вторая. АП. ГРИГОРЬЕВА	257 ✓
Библіографія. I. Уральцы. Очерки быта Уральскихъ Казаковъ. Соч. Іосифа Желѣзнова, 1858. Два тома. 374 — 371. in 8°. А. ХМ.... — II. Собраніе сочиненій Сенковскаго (Барона Брамбейса). Т. 1 и 2. АП. ГРИГОРЬЕВА	40

ОТДѢЛЪ III.

СТРАН.

	Смѣсь. Дуня. Рассказъ. ПЕТРА КРОЛЯ	1
	Нѣсколько замѣчаній объ охотѣ вообще. РЕВЕЛЬ-СКАГО БАРОНА	28

	Общественная жизнь въ Петербургѣ. Два слова о ма- сляницѣ. — Блѣдный очеркъ темнаго мѣра. — Балль и нѣ- сколько знаменитостей. — Новый скрипачъ Лаубъ. — О концертахъ. — Пьянѣсть Герцъ и другія музыкальныя свѣ- тила. — Маги. — О скромныхъ двигателяхъ въ театрѣ. — Гр. Нерро, Пейсаръ и Вороновъ. — Новые пѣвицы. — Перестройка театровъ. ЕГОРА МОЛЛЕРА	45
--	--	-----------

	Отъ Редакціи	
--	-------------------------------	--

	Шахматный листокъ № 3-й. Разсужденіе объ игрѣ по памяти. — Историческая о ней свѣдѣнія. — Партия Бер- тольда Зуле съ Г-мъ К. — Объ игрѣ по перепискѣ и по консультациі. — Двѣ консультационныя партіи К. А. Яни- ша и И. С. Шумова противъ Князя Д. С. Урусова и В. М. Михайлова. — Еще три партіи изъ матча Андерсена съ Морфи. — Руководство къ изученію шахматной игры; соч. Кн. С. С. Урусова (статья 2-я). — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.	
--	---	--

Въ Главной Конторѣ Редакціи Журнала Русское Слово и во всѣхъ Книжныхъ магазинахъ поступили въ продажу только что отпечатанныя книги:

2-Й ТОМЪ СОЧИНЕНИЙ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

Издание Графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Спб. 1859 г. Въ тип. Рюмина и Комп.

Содержание 2-го тома:

Бѣдность не порокъ.— Не такъ живи, какъ хочется.— Въ чужомъ пиру похмѣлье.— Доходное мѣсто.— Праздничный сонъ до обѣда.— Не сошлись характерами.

Содержание 1-го тома:

Семейная картина.— Свои люди — сочтемся.— Утро молодаго человека.— Бѣдная невѣста.— Не въ свои сани не садись.

Цѣна за два тома 3 рубля.

Очерки Англійскихъ Нравовъ. Приключение въ не совсѣмъ порядочномъ обществѣ. Б. М. Теккерея. Переводъ Ф. Ненарокомова. Издание «Русскаго Слова» Спб. 1859 г. Въ тип. Рюмина и Комп. Цѣна 1 руб.

Крестьянское дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Отрывки изъ новѣйшихъ Польскихъ экономистовъ, собранные Графомъ Севериномъ Урускимъ. Переводъ Е. Моллеръ. Издание «Русскаго Слова» Спб. 1859 г. Въ тип. Рюмина и Комп. Цѣна 1 р. 50 к.

Кузнецъ-музыкантъ.

(шутка въ виде поэмы).

ПѢСНЬ I.

Не сверчка нахала, что скрипить у печекъ,
Я пою, — герой мой — полевой кузнецикъ.
Росту небольшаго, по продолговатый
На спинѣ носиль онъ фракъ зеленоватый,
Тонкопогій, тощій и широколобый;
Быль онъ сущій геній — дарь имѣль особый.
Музыкаютомъ слыль онъ между наськомыхъ
И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ.
Подъ роскошной жатвой жпль онъ въ поль чистомъ,
Оглашал воздухъ безконечнымъ свистомъ
Своего оркестра. — Вѣтряное племя
Скакуновъ забыло, что въ поляхъ, въ то время,
Музыки и вкуса быль онъ представитель.
Всё, что нынче лѣтомъ деревенскій житель
Слышитъ за окошкомъ, лежа на кроватѣ,
Или на балконѣ свой выходя въ халатѣ, —
Этотъ свистъ трескучій, этотъ звонъ безбрежный,
Разлитой повсюду, и сухой, и пѣжный.
Если только въ этомъ сумрачномъ концертѣ
Есть живая нѣга и восторгъ, повѣрьте —
Всё это быыля, вѣчныя созданья
Моего героя или подражанья.

Бѣдненький кузнецикъ! позабыть твой геній;
Но ты вѣкъ свой прожилъ не безъ приключений.

Отд. I.

Помню, ты недаромъ слылъ идеалистомъ,
 Сядешь ты, бывало, въ свѣтѣ серебристомъ
 Мѣсяца, подъ пологъ ночи, на соломкѣ
 Вѣтромъ сокрушенной. (Даромъ что не ломки
 Гибкіе колосья, все же въ ипвѣ шаткой
 Много пхъ подломить этотъ вѣтеръ гадкій.)
 Сядешь ты бывало, и во славу ночи
 На своей скрипциѣ пилиши что есть мочи.
 И тебя дразнили пискуны пустые,
 Комары-злодѣи трубачи стенные,
 И въ тебя влюблалась божія коровки,
 И мутала зависть многія головки,
 Съ тѣмъ-же, музыкальнымъ то есть направленіемъ,
 Съ тою же охотой, да не съ тѣмъ умѣніемъ.
 И грозилася мошка съ помощью науки
 Умертвить тобою созданные звуки,
 И тяжеловѣсный жукъ неоднократно
 Увѣрялъ, что уши смачивать пріятно
 На твоихъ концертахъ, а не то де — уши
 Какъ трава завянутъ отъ ужасной сушки.
 Въчастной жизни также къ добренѣкимъ коровкамъ
 Къ мушкамъ и козявкамъ часто въ пренеловкомъ
 Былъ ты положенъ: слушаль пхъ признанья,
 Робко избѣгая тайного свиданья.

Но ни что однажды не поколебало
 Твоего покоя, ни какое жало
 Твоему таланту не казалось вреднымъ:
 Въ музыкальномъ мірѣ былъ ты всепобѣдныиъ.
 Ты вполнѣ блаженъ былъ; — но пришла невзгода.
 Слушайте, однажды въ половинѣ года
 Въ самый жаръ—быть можетъ въ самые Петровки,
 Въ дни — когда на рынкахъ потныя торговки
 Продаютъ малину, вишенья, клубнику
 И маша платками, часто не безъ крику,
 Съ мухами заводятъ изъ за ягодъ ссоры,
 Въ дни — когда изъ праха созпадаютъ горы

Муравьи, и роютъ скрытые тупели
 Подъ корнями дуба пль смолистой елп;
 Бабочка ташауа празднууетъ свободу;
 А пчела, съ клубочкомъ золотаго меду,
 Покидая липу, вся въ пыли цвѣточной
 Такъ и льнетъ къ жасмину бѣлизны молочной.
 Шмель, бичуя воздухъ, знойный и душистый,
 И кружась надъ моремъ нивы золотистой,
 Пропадаетъ въ блескѣ солнца какъ пылинка.
 Въ днѣ, когда для мошки каждая былинка
 Получаетъ соки, сладость и значенье,
 И она вкушаетъ тѣ же наслажденья.
 Стало быть въ Петровки — около полудня —
 Мой герой кузнецикъ, понеѣвшись студня,
 Т. е. за обѣдомъ начинивъ желудокъ,
 Вышелъ насладиться видомъ незабудокъ.
 И вдыхая запахъ алаго горошка
 Легъ, прищуря глазки, и мечталъ немножко.
 Много пролетало мимо настѣкомыхъ,
 Ось, шмелей сердитыхъ — трубачей знакомыхъ;
 Съ разными вѣстями. Ни къ кому съ вопросомъ
 Онъ не обратился. Все, что передъ носомъ
 У него вертѣлось, ползало, жужжало
 Было чуждо сердцу и не занимало....
 Моему герою вѣрно бы вздрогнулось
 Какъ и вамъ, читатель, еслибъ не взгрустилося.
 Вдругъ надъ нимъ порхнуло чудное видѣніе
 Бабочка — такая, что — мое почтенье!
 Бѣлизны жемчужной крылушки съ каемкой,
 Глазки — изумруды, носикъ щѣжній, тонкій.
 Бархатецъ на шейкѣ, бантикъ на затылкѣ.
 Увидавъ кузнецикъ — затряслась въ немъ жилки:
 Бабочка все ниже и такъ близко вьется,
 Что невольно сердце у артиста бьется.
 Бабочка — не знаю — видѣла-ль бѣдняжку
 Или невидала, только кушать кашку
 Съла — и конечно — ничего не съла.
 Ахъ, она сказала, еслибъ я умѣла

Такъ же пѣть отлично, какъ одинъ извѣстный
Всѣмъ артистъ кузнецикъ! — Если бы небесныій
Голосъ я имѣла — какъ бы я запѣла!
О какъ я бездарна! о какъ я....

— Напрасно....

Перебилъ кузнецикъ.... (онъ влюбился страстью
Въ милую болтушку). — Бабочка украдкой
На него взглянула: — Ахъ какой онъ гадкій!
Думаетъ; однажды улыбнулась мило,
Подняла свой посникъ и проговорила
Отъ чего жъ напрасно!?

— Отъ чего?

— Смѣшался

Мой артистъ, однако рекомендовался.

— Очень, очень рада, — молвила кокетка
(Бабочки бываютъ безъ кокетства — рѣдко).
Очень рада! очень! звуки вашей скрипки
Часто долетаютъ даже къ памъ подъ липки.
Покраснѣлъ кузнецикъ, началъ завираться,
Умоляя гостю чаще съ нимъ видаться.
Бабочка вспорхнула и, не давши слова
Прилетѣть вторично, прилетѣла снова
И заговорила: «даже въ свѣтѣ знаютъ,
Что большой вы геній, — все васъ изучаютъ, —
Только я къ вамъ съ просьбой, сдѣлайте такую,
Божескую милость — напишите злую,
Злую эпиграмму на мою сосѣдку,
Бабочку кокетку, что недавно въ сѣтку
Къ мальчикамъ попалась и съ крыломъ помятымъ
Ночью воротилась къ братцамъ глуповатымъ.
Эти братцы также преображеніе фаты
И воображаютъ, что они богаты!
Къ эпиграммѣ можно сочинить любую
Музыку — такую, самую смѣшную».
Упорхнула гостья, — а кузнецикъ бѣдный
Такъ былъ озадаченъ, что нѣмой и блѣдный
Шелъ опь глядя въ землю (такъ видаль я, въ воду
Сунувшиесь мальчишки, пущутъ въ рѣчѣ броду).

Шелъ, повѣся носъ свой, чутъ переступая
Длинными ногами и соображая:
Тьфу! Да какъ же это — развѣ эпиграммы
Можно класть на ноты. Ахъ какъ глупы дамы!
Шелъ онъ шелъ, и бредилъ — то сму казалось,
Что она хитрила и надъ нимъ смѣялась,
То воображаю онъ, что Сильфида эта
Захотѣла только испытать поэта
И ему такую задачу....
Что хоть плачь! Однакожъ — что жь я время трачу,
Думаетъ Кузнецчикъ, развѣ не сѣмѣю
Я въ смѣшномъ и жалкомъ отразить идею.
И съ такимъ рѣшеньемъ за работу смѣло
Принялся онъ, мигомъ закипѣло дѣло —
И слова и звуки. — Хоть и не бывалъ онъ
Въ обществѣ Жоржъ-Зацда — вотъ что написалъ онъ:
«Кѣ малярку подъ сѣтку бабочка попалась
«Краски полиняли — крылушко помялось.
«Если врагъ лукавый раставляетъ сѣти
«Кто въ нихъ попадаетъ? — попадаютъ дѣти.
«Боже! отъ чего же за поступокъ дѣтской
«Ихъ казнить такъ страшно судъ великосвѣтской?»
Кончено! —

И началъ сочинять онъ ноты
И усталъ онъ бѣдный отъ такой работы.
Но любовь всесильна! оставалось скликать
Прочихъ музыкантовъ — и начать пиликать.
И пароду куча собралась на пробу —
Даже жукъ павозный, пачинивъ утробу,
Всякой дрянью, смуглый, толстый и рогатый,
Уши отъ простуды затыкая ватой,
За толпой туда же пробрался сторонкой,
Ничего не понялъ — но замѣтилъ тоцкій
Хвостъ у музыканта и бочкомъ поплелся
Рассказать сосѣдямъ, что-де онъ сошелся
Съ молодымъ мазетро — что-де онъ не взраченъ,
Что его фигурой былъ онъ озадаченъ....

Черная казявка — та, что бьетъ баклужи
 И весь день вертится — павострила уши,
 Божкія коровка всѣхъ перепугала,
 Отъ восторга ныла — ныла и унала
 Въ обморокъ — спасибо, муравей, съ шпуревкой,
 Подъ жилетомъ, — малый очень ловкой,
 Даъ ей спиртъ понюхать въ маленькомъ фланкѣ,
 Онъ встрѣчалъ коровку у Н. Н. въ салонѣ,
 Гдѣ огъ появлялся, насурмцвши бровки,
 И быть можетъ радъ быль услужить коровкѣ.
 Много было шуму, музыку хвалили,
 Музыку бралили, спорили, судили. —
 Бабочки почныя, въ сѣренъкихъ бурнусахъ,
 Въ бѣлыихъ пелерникахъ и въ гранатныхъ бусахъ
 Просто поблѣдѣли отъ негодованья
 Раскусивши новой пѣсни содержанье.
 Но въ тотъ день герой мой такъ ужъ быль разскѣль,
 Что и не замѣтилъ, кѣмъ онъ быль осмѣянъ.

ПѢСНЬ II.

Эось поднимала алыми перстами
 Темные покровы ночи и мѣстами
 Въ небѣ загорались огненные пятна.
 Жизнь, полупроснувшись, слабо и невнятно
 Бормотала въ рощѣ, бормотала въ полѣ.
 Поцѣлуй сливался съ ропотомъ неволи
 Всюду, гдѣ лишь только брачныя оковы
 Гимнезея были ржавы и не новы.
 Поцѣлуй быль звонче — ропотъ быль иѣжнѣе
 Тамъ, гдѣ эти цѣпи была поновѣе.
 Лишь одинъ, герой мой, этой сладкой муки
 Не вкушаль и вѣрно умеръ бы со скучи....
 Рано онъ проснулся — но пе до зѣвоты
 Было музыканту, — нужно было иоты
 На листочкахъ разы написать какъ можно
 Лучше, тоныше, чище. — Тихо, осторожно

Перышкомъ водилъ онъ — сочинилъ виньетку,
Гдѣ изобразилъ онъ мартовую вѣтку —
Мартовую вѣтку, а надъ ней съ крылами
Огненное сердце съ надписью стихами:
«Я неуловима, но не унывайте;
Обожгитесь прежде, а потомъ поймайте.
Даровитый малый былъ артистъ мой — мило
Сочинилъ онъ эти два стиха, — въ нихъ было
Столько такта, столько нѣжности игривой,
Что въ нашъ вѣкъ холодный и самолюбивый
Ни одинъ кузнечикъ не найдетъ въ нихъ смысла
И быть можетъ даже улыбнется кисло.
Для кого жь на этихъ розовыхъ листочкахъ
Мой герой всю душу въ линіяхъ и точкахъ,
Выражаетъ сердцемъ страстию пламенія.
Для тебя Сильфида, праздничная фея,
Цвѣтниковъ роскошныхъ милая жилица !
Но откланяясь, гдѣ ты? гдѣ твоя свѣтлица?
Спишь-ли ты? Быть можетъ всякия обновки
Богъ-Морфей готовить для твоей головки.
Для Морфея итѣмъ вѣдь никакихъ таможень.
Для твоей головки всякий сонъ возможенъ —
Глуая головка !

Солнце поднимаетъ
Изъ за сосенъ шаръ свой. Сильно припекаетъ
Жатву. Сладко пахнетъ въ воздухѣ гречихой,
По рожаному полю утренничекъ тихій,
Вѣтерокъ, гуляя, росу отрясаетъ,
Быть даждю иль вѣдро — по росѣ гадаетъ
И шуршить соломой, словно беспокоюсь,
И ему колосья кланяются въ поясъ.
А юпухъ, высоко поднимая шишку
Съ вѣникомъ, цѣль листьевъ сдѣлалъ точно крышку,
Такъ расположилъ ихъ — что подъ ихъ навѣсомъ
Въ жаръ всегда прохладно молодымъ повѣсамъ.
Въ сей харчевнѣ многое всякихъ насѣкомыхъ,
Но, на это время, никого знакомыхъ.

Вотъ сидитъ кузнечикъ — но не нашъ кузнечикъ,
 А другой, — и куритъ — точно человѣчекъ.
 Съ нашимъ музыкантомъ онъ одной породы
 И скрипачъ быть можетъ — но не любить моды.
 Лапками на шею повязалъ тряпичу,
 Въ зубы взялъ сигару, да и корчитъ птицу.
 Клопика заставить заплатить за водку,
 Напоить козявку, осмѣять коровку,
 Муху одурачить, паука спровадить
 И при всемъ при этомъ съ цѣлымъ міромъ ладить,
 Былъ онъ мастерюще. — Страстно обожалъ онъ
 Нашего артиста — рѣдко покидалъ онъ
 Друга — даже пьяный; передъ цѣлымъ свѣтомъ
 Защищалъ — и часто надѣлялъ совѣтомъ, —
 Ибо хоть и рѣдко бралъ онъ книги въ руки
 Зналъ онъ твердо «Слово» и не вѣрилъ въ «Букн.»
 Подъ лопухъ въ харчевню рано онъ забился,
 Потому что утромъ не шутя бранился.
 Больно было другу — больно и досадно
 Глядя на артиста, видѣть какъ не складно
 Онъ проводитъ время, вѣчно задыхаясь
 Отъ безплодной страсти, и ни въ чемъ не каясь.
 Но пора вернуться къ нашему герою,
 Тотъ кто болѣнъ сердцемъ, — болѣнъ головою,
 Такъ всегда бываетъ, — тотъ не жди успѣха,
 Чье больное сердце головѣ помѣха.
 Бабочка гуляла — и кузнечикъ тоже.
 (Такъ и мы гуляли бывши помоложе.)
 Наконецъ гуляя, встрѣтились — и ножки
 Подогнувъ, кузнечикъ ей кивнулъ. — Съ дорожки
 Бабочка, виляя, сѣла на цвѣточекъ
 Онъ — прыгъ — прыгъ — и рядомъ сѣлъ на бугорочекъ.
 — Ахъ! она сказала — я не ожидала!
 Я васъ за другаго принялъ сначала,
 Вашу эпиграмму намъ вчера достали,
 Вы мою сосѣдку мило оправдали.
 На неѣ за это всѣ напали вдвое —
 (Насѣкомыхъ племя — племя очень злое).

Впрочемъ ваши мысли такъ всегда игривы,
 Такъ всегда глубоки, такъ красновѣчивы
 И такъ звуки сладки — точно землянка.
 Лестное сравненье — было очень дико,
 Но его артистъ мой даже не замѣтилъ —
 И ужъ я не знаю, что онъ ей отвѣтилъ.
 Ба! его Сильфида громко перебила.
 Вы мнѣ написали ноты?! — Ахъ какъ мило!
 Очень благодарна! очень благодарна!
 И она при этомъ тонко и коварно
 Улыбнулась — глазки стали веселѣе,
 Или — кто пойметъ ихъ? — стали просто злѣе.
 Помолчавъ немногого, бабочка вздохнула
 И сказала: — Поздно я вчера заснула,
 У моей кузинѣ я была на балѣ,
 То-то-бы вы влюбились, еслибы увидали!
 Впрочемъ, извините, я васъ утомила
 Болтовней — прощайте! — и она сложила
 Крылушки, (такъ точно бабушкины внучки,
 Гостю присѣдая, складываются ручки.)
 И по-надъ-дорожкой, тихо ковыляя,
 Словно листикъ вѣтромъ сорванный, мелькая
 Бѣлизною крыльевъ, понеслась Сильфида.
 Скоро мой кузничекъ потерялъ изъ вида
 Полевую фею, подскакнулъ, вѣпился
 Въ усики ржанаго колоса, — и злился,
 Что проклятый вѣтеръ колось нагибаєтъ,
 Нагибая колось видѣть въ даль мѣшаетъ....
 Въ этомъ положеніи шмель его увидѣлъ
 И нескромнымъ словомъ прыгунъ обидѣлъ.
 Бѣденъкѣй кузничекъ тутъ же спохватился,
 Растопырилъ фалды и въ траву свалился.

ПѢСНЬ III.

На глазахъ съ повязкой, стало быть слѣпая,
 Щедеть гдѣ попало, день и ночь зѣвая,
 Глупая Фортуна. Ею прихоть править.
 На однихъ наѣдетъ — колесомъ раздавить,
 На другихъ наткнется — вдругъ начнетъ бросаться
 Золотомъ, чтобъ только поскорѣй умчаться,
 Да забрызгать липкой грязью пѣшехода,
 Да загнать въ объятья красоты урода,
 Или такъ безъ пользы и не для примѣра
 Сдернуть мимоѣздомъ маску съ лицемѣра.
 Рысная по свѣту, этотъ идолъ свѣта
 Ненимѣеть сердца. Прихотница эта
 Никого не любить — и когда бросаетъ
 Деньги, звѣзды, ленты — денегъ не считаетъ.
 Звѣздъ сама не носить, лентъ не покупаетъ.
 И когда счастливо влюбить двухъ несчастныхъ
 Ихъ лица не видя, изъ рѣчей ихъ ~~счастныхъ~~
 Вѣрио заключаетъ, что влюбиться значить
 И себя дурачить и другихъ дурачить.
 Такъ сама Фортуна на глазахъ съ повязкой
 Счастье въ этомъ мірѣ почитаетъ сказкой.
 Для такой богини цѣлый міръ — пустыня;
 И пе то чтобъ эта странная богиня
 Къ нашему герою благосклонна стала,
 Только улыбнулась и въ него попала
 Чѣмъ то благовоннымъ, проѣзжая мимо.
 Здѣсь, поставивъ точку, мы необходио
 Вамъ сказать, что жертва тайного страданья
 Мой герой, кузнецикъ, получилъ посланье
 Спрыснутое амбрай, — Бабочка писала:
 «Приходите, жду васъ.» — Счастія не мало
 Въ себѣ заключало это выраженье —
 «Приходите жду васъ!» — Это приглашенье
 Принялъ мой кузнецикъ съ той надеждой темпой,
 При которой искра кажется огромной
 Огненной звѣздою.

Другъ его — гулка

Принималъ все къ сердцу — много врагъ; — однако,
Если только слушать мы его захочемъ,
Говорилъ такія рѣчи между прочимъ:
— Ты, братъ, разсуждаешь глупо и постыдно,
Буду правду рѣзать — гдѣ же это видно,
Чтобъ сверчекъ....

— Кузнечекъ, перебилъ кузнечекъ,
Чтобъ сверчекъ....

Кузнечекъ, перебилъ кузнечекъ.

Ну хоть и кузнечекъ — ну положимъ даже
Ты сверчка немного чище и поглаже
И немножко больше чувствуешь свободы —
Все-жъ ты братецъ, съ нею не одной породы.
Знаю я всѣхъ этихъ бабочекъ, бабошекъ,
Жить онѣ не могутъ безъ цветныхъ вѣтошекъ;
За женой бабошкой гдѣ-жъ тебѣ упрыгать,
Гдѣ-жъ тебѣ повсюду всѣдѣ за нею шмыгать!
Въ свѣтѣ, гдѣ нерѣдко всѣхъ умнѣй — невѣжда,
На талантъ — плохая, братецъ мой, надежда.
— Слава — вотъ надежда.

— Экой братъ ты право!

Разсуди же здраво и пойми, что слава
У людей бываетъ; а у насѣкомыхъ
Что такое слава? — болтовня знакомыхъ
Мы не лавры носимъ, носимъ побрякушки
То есть, наша слава, просто *фингифлюшки*,
Какъ сказалъ когда-то авторъ водевильный
Публикъ, пуская пузырёчекъ мыльный.
Тутъ гуляка видно, утомившись споромъ,
Оглядѣль артиста мутно строгимъ взоромъ.
Вышиль рюмку водки, пискнуль, углубился
Въ созерцанье почвы и угомонился.
Ну, и слава Богу! — Не до возраженій
Было музыканту. Какъ упрямый геній
Онъ съ хлыстомъ на място беспокойной скрипки
По межѣ зеленої носкакалъ подъ липки.
Липки это было нечто въ родѣ парка,
Въ серединѣ — прудикъ; а при вѣзѣ — арка

Изъ вѣтвей — такал, что была безспорно
 Чудомъ совершенства — такъ была просторна,
 Что, вообразите, настѣкомыхъ двѣсти
 Въ рядъ могло бы вѣхать. Вы меня повѣсьте,
 Если вру — строитель, я и не скрываю,
 Былъ — сама природа, только я не знаю —
 Кто ей за работу заплатилъ, а впрочемъ
 Здѣсь мы о природѣ вовсе не хлопочемъ,
 Такъ чтобы журналисты настѣ не заклевали,
 Признаюсь, что въ домѣ бабочекъ едва-ли
 Описать возможно лѣстницу подъ желтымъ
 Коврикомъ изъ моху, кое-гдѣ протертымъ.
 Пасмурныя сѣни, гдѣ съ утра лакеи
 Безъ сапогъ быть могутъ, но не безъ ливреи.
 Залу, гдѣ гнилушки точно сталактины,
 Облѣпивъ карнизы зеленою повиты.
 Мой однѣй знакомый, архитекторъ русскій,
 Видѣлъ въ этой залѣ черепокъ Эtrusskій.
 И, я живо помню, хвасталъ не краснѣя —
 Какъ ему въ той залѣ, вдругъ пришла идея
 Украшать со вкусомъ барскіе покои,
 Покрывая бѣлой пльсенью обои.
 Впрочемъ домъ Сильфиды если только строго
 Придираться къ стилю, смахивалъ не много
 На дупло.

Кузнечекъ такъ быль очарованъ
 Или такъ быль сердцемъ наэлектризовантъ,
 Что дрожалъ и таялъ, — молча ждалъ Сильфиды,
 Подходилъ къ окошку и глядѣль на виды.
 А Сильфіда съ кѣмъ-то по саду порхала
 Съ мѣлкими гостями весело болтала.
 Гости эти были червѣ разныхъ кличекъ
 И въ травѣ лежали въ видѣ заковычекъ.
 Чернокожій клопикъ, вѣрно сынъ швейцарскій,
 Или впучекъ пияц, крестничекъ боярскій,
 Доложилъ Сильфидѣ, что какой-то длинный
 Господинъ изволитъ ждать єё въ гостиной.

.

Приглашенъ герой мой; ему отвѣчали
На поклонъ улыбкой и пробормотали:
«Очень, очень рады! — Баринъ огляделъ
Всю его фигуру и едва съумѣли
Удержать свой хохотъ — только покосились
На мушинъ — но, черви не пошевелились;
Ибо умъ ихъ кто-то такъ ужасно съузилъ,
Что для нихъ довольно бантикъ или узелъ
Галстука замѣтить, чтобъ на остальное
Не глядѣть, и въ гордомъ пребывать покой.
Поприще артиста къ разнымъ столкновеніямъ
Пріучаетъ душу, но къ обыкновеніямъ
Милыхъ пасѣкомыхъ высшаго разряда
Не привыкъ герой мой. Вдалекѣ отъ сада,
Бѣденъ, худъ и блѣденъ, съ головы до пятокъ
На себѣ носилъ онъ поля отпечатокъ,
Поля, гдѣ лишь тучи подаютъ свой голосъ,
Колосится жатва и серна ждетъ колось.
Знаю, о кузнечекъ! какъ ты былъ отмѣнно
Бабочкою принять. Ты себя надменно
Вель, какъ будто цѣлый вѣкъ торчаль ты въ свѣтѣ,
Съ юныхъ лѣтъ гуляя въ собственной каретѣ.
Но, скажи, въ тотъ вечеръ, что съ тобою сталося
И какимъ безвѣстнымъ чувствомъ сердце сжалось,
И какія думы охватили жарко
Геніальный лобъ твой, въ часъ, когда изъ парка
Ты обратно въ поле мчался черезъ кочки?
Отвѣчать-ли?... или... мы поставимъ точки

.

(Будто бы цензура выклевала строчки).

Но злодѣй — кузнечекъ, что же ты ни слова
Не сказалъ гулякѣ въ ночь, когда другого
Не имѣль ты друга, съ кѣмъ бы подѣлиться
Снами, отъ которыхъ часто плохо спится.
Ненавистникъ свѣта, бабочекъ крылатыхъ,
Гладенькихъ коровокъ и червей лохматыхъ,
Онъ — едва вошелъ ты — вопросилъ сердито:
Что братъ, былъ-ли ужинъ? накормили сыто?

Или и понюхать не дали съѣстнаго.

Что братъ, какъ дѣлишки? Все ли тамъ здорово
И благополучно? Ты чему смѣешься.

Эх-ма, ничего ты братецъ, не дождешься.

— Спи, сказалъ кузнечекъ. —

— Сплю, сказалъ гуляка

И взодравши къ верху ноги изъ подъ фрака
Захрапѣлъ.

ПѢСНЬ IV.

Уходя день ясный плакаль за горою,
И роняя слёзы, жаркою зарею,
Изъ за темной рощи, обхватилъ край нивы.
Ночь глядѣла дню во сльдъ, и переливы
Свѣта отражались и дрожа блуждали
По ея ланитамъ. Тихо начинали
Выходить свѣтила, мѣсяца предтечи, —
Передъ Божыимъ трономъ зажигая свѣчи.
Далеко стемнѣло море жатвы зыбкой.
Грустная береза обнялася съ липкой.
Призатихла роща — только дубъ щушукаль,
Только гдѣ-то дятель крѣпкимъ носомъ тукаль,
Только гдѣ-то струйки смутно лепетали,
Только роковый страсти не дремали,
Только настѣкомыхъ міръ неугомонный
Голосилъ немолчно въ тишинѣ безсонной.
Стрекотали мухи, комары трубили —
На своихъ скрипцахъ весело пилили,
Лихо зная поты, стало быть безъ свѣчекъ,
Тѣ, которыхъ хоромъ управляль кузничекъ.
Впереди оркестра на своей скрипци
Громче всѣхъ пилиль онъ въ честь своей царицы.
Выходила замужъ бабочки кузина,
И женихъ былъ славный съ хоботкомъ дѣтина,
Но уму конечно не былъ изъ проворныхъ;
Но происходилъ онъ отъ червей отборныхъ.

По словамъ невѣсты, онъ лишь былъ несносенъ
 Тѣмъ, что безъ разбора запахъ старыхъ сосенъ
 Сравнивалъ съ весеннимъ запахомъ фіалокъ,
 Уважая шиповникъ и боялся галокъ.
 Но какое дѣло намъ до этихъ вздоровъ.
 Балъ великолѣпный! Звуки льются съ хоровъ;
 Шпанскихъ мухъ десятки въ золотыхъ ливреяхъ
 Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
 Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ
 Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
 Копошатся гости. Въ мѣсячномъ сіянїи
 Бабочки порхаютъ въ бальномъ одѣянїи.
 Стрекоза, сѣпившись съ стрекозой, несется.
 Нестрый вихорь вальса шелеститъ и вѣтется.
 Жуколицы ходятъ около буфета,
 Ползаютъ козявки — и большаго свѣта
 Женскія особы — божіи коровки
 Собрались другъ-другу показать обновки.
 Молча подбирайася къ двумъ зеленымъ мухамъ
 Два жучка какихъ-то выступаютъ брюхомъ
 На короткихъ ножкахъ. Муравей, съ шнурковкой
 Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой
 Важно и небрежно присядая пляшеть.
 Рѣзвая Сильфида крыльшками машетъ;
 Глазки, носикъ, ножки, платьица, узоры —
 Всё въ ней поневолѣ привлекаетъ взоры;
 Мой артистъ кузнецовъ и душой пылаеть,
 И очей не сводить, и какъ черть играеть.
 По ея же просьбѣ, сердцемъ неизмѣнныи,
 Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
 Танецъ, подъ который скачутъ и понынѣ
 Стai настѣкомыхъ на любой куртингъ
 Вашего же сада, если, о читатель,
 Садъ иль хоть садишко далъ тебѣ Создатель.
 Но и настѣкомыхъ балъ не обошелся
 Безъ скандала: въ паркѣ, говорять нашелся
 Злой паукъ, который съ вѣточки на вѣтку,
 Протянувшii пити, невидимку сѣтку

Сдѣлалъ такъ канальски ловко и искусно,
 Что тайкомъ быть можетъ и покушалъ вкусно.
 Говорятъ — вдобавокъ, шлепнулась коровка,
 И у ней отъ страха лопнула шуровка.
 Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его Сильфида
 Паучёкъ какой-то, преналивный съ виду.
 За крыло задѣвши чѣмъ-то въ родѣ петли.
 Притянуть старался, и глядѣль ужъ: — нѣть-ли,
 Гдѣ такого мѣста въ этомъ чудномъ садѣ,
 Чтобъ минутъ хоть десять провести въ прохладѣ,
 Въ тишинѣ, въ уютѣ, дальше отъ волненья ...
 Но артистъ ревнивый понялъ ухищренье,
 Подскочилъ и порвалъ роковыя нити.
 Паучекъ надулся — а Комаръ: Смотрите —
 Пропицалъ артисту — какъ вы замарались,
 Точно въ неприличномъ мѣстѣ обрѣтались!
 Покраснѣлъ кузничекъ — видить — паутина
 Къ рукаву прилипла. —

Экая скотина! —

Проворчалъ и вытеръ. Бабочка ни слова
 Не сказала, только выбрала другаго
 Въ танцахъ кавалера — кавалеръ крылатый
 Былъ ея сосѣдки братецъ глуповатый.
 — Правда-ли, — спросилъ онъ, слухъ идетъ изъ нивы,
 Будто-бы въ маэстро страстно влюблены вы?
 Будто-бы кузничекъ говорилъ, что хочетъ
 Опъ на васъ жениться и о томъ хлопочеть.
 — Что вы говорите? Молвила Сильфида,
 Мой женихъ — кузничекъ! Какова общада!!
 Кто такие въ свѣтѣ распускаетъ слухи,
 Или эту глупость выдумали мухи!
 — Нѣть совсѣмъ не мухи-съ, кто то изъ оркестра
 Говорилъ, что будто слышалъ отъ Маэстро.
 Фея надѣя собою сдѣлала усилие
 Чтобъ не разсердиться — и встряхнувши крылы
 Бросила холодный взглядъ на музыканта,
 А когда кричали въ честь его таланта
 Браво! форы — форы! — дѣлала гримаски,

Или улыбалась, опуская глазки.
 Баль подъ темнымъ небомъ длился до разсвѣта.
 Бабочка устала. — Вдругъ, за рощей гдѣ-то
 Соловей защелкалъ.

Ей тогда сказали
 (Можно-ли безъ лести обойтись на балѣ),
 Ей сказали: — Фея! прекратите танецъ,
 Смышице-ли пѣнье? — это иностранецъ,
 Соловей пролетный вздумалъ серенаду
 Вамъ давать. —

И точно, по всему-то саду
 Разсыпались звуки, страстно замирая
 Въ безконечныхъ треляхъ.

Бабочка, винная
 Соловью, мечтала. —

Въ это время сзади
 Подошелъ кузнецикъ.

Фея — Бога радп....
 Что вы такъ печальны?...

Ахъ! — она сказала —
 Вы мнѣ помѣшали... — Я воображала,
 Что таланты нашихъ, не всегда проплчныхъ,
 Скакуновъ, достойны тѣхъ иѣвцевъ столичныхъ,
 Имена которыхъ славны за границей.
 Боги! для чего я рождена не птицей —
 Будь я итицей.... Вирочемъ если захочу я
 Соловья послушать, завтра жъ полечу я....
 О! — сказалъ кузнецикъ. —

— Жалкий музыкантъ! —

Прощентала Фея, пощипавши бантикъ
 На свое мѣсто корсажѣ, — развѣ я не знаю....
 — О! сказалъ кузнецикъ — я не понимаю,
 Что вы говорите. Соловы опасны,
 И къ тому-жъ, положимъ, пѣсни ихъ прекрасны
 Все-же не въ народномъ духѣ.

Засмеялась
 Бальшая царица — и какъ тѣнъ умчалась.
 Отд. I.

Бѣдненький кузничекъ тутъ же посъ новѣсилъ
 И однѣ остался, блѣденъ и не весель.
 Вотъ упала слезка на листочекъ влажный,
 Съ вѣтеркомъ промчался чей-то вздохъ протяжный,
 Словно колокольчикъ звякнулъ въ отдаленіѣ....
 Ничего герой мой не слыхалъ — презрѣнья
 Было слишкомъ явно.... И глядѣль онъ мутно
 Въ тѣмный лѣсъ, откуда, сладко раздражая
 Благовонный воздухъ, и не умолкая,
 Соловычныхъ пѣсень раздавались трели,
 И шепталъ онъ: — боги! боги! неужелъ?
 Что жъ это такое? отъ чего же это?...
 Или для поэта миновало лѣто. —
 Пойте! пойте птицы. — Но сердца больныя
 Врачевать не могутъ пѣсни не родныя.

ПѢСНЬ V.

Плачь родная Муза! Затяни ты пѣсню:
 Не о томъ, какъ «ходитъ молодецъ на Пресню»
 Не о томъ, какъ «приехала прыла не лѣнилась»
 Не о томъ, какъ «Волга матушка катилась!»
 Спой намъ пѣсню такъ, чтобы туча разразилась
 Надъ широкой нивой, чтобы дождемъ шумящимъ,
 Пробѣжала сила по листамъ дрожащимъ,
 Чтобъ червей, враждебныхъ зелени и лѣту
 Ненавистныхъ, падкихъ къ завязи и цвету,
 Смыло, разнесло бы по крутымъ оврагамъ!
 Туча дождевая, будь ты нашимъ благомъ!
 Поднимай вѣтеръ, оборви ты сѣти
 Паука съ крестами, что гордится въ свѣтѣ
 Тѣмъ, что изсущилъ онъ множество народу,
 Изъ души и сердца высосавъ свободу.
 Бабочкамъ грозою опали ты крылья,
 Чтобъ хоть ихъ за это снова полюбить я. —
 Такъ стонала кузничихъ подъ пантьемъ бурной

И мятежной думы, — а надъ нимъ лазурный
 Василекъ качался, падивался колось,
 И жужжа знакомый проносился голосъ:
 «Слышишь-ли ты грома дальние раскаты,
 «Погляди на тучки, что безъ крылья крылаты,
 «Мрачны безъ печали, безъ улыбки ясны,
 «Какъ гроза могучи, какъ туманъ безстрастны!»
 Проносился голосъ, но въ душѣ артиста
 Раздавалось что-то въ родѣ злого свиста.
 Оскорбленный свѣтомъ, огорченный баломъ,
 Не на шутку мрачнымъ сталъ онъ либераломъ.
 Въ этомъ мѣстѣ надо, въ видѣ объясненія,
 Маленькое къ Липкамъ сдѣлать отступленіе.
 Бабочка, герою измѣнивъ, сначала
 За его нескромность уколоть желала;
 А потомъ, — головка видно закружилась —
 И она не въ шутку въ соловья влюбилась.
 Иностранецъ этотъ въ міръ наскомыхъ,
 Говорять, бытъ дерзокъ и клевалъ знакомыхъ.
 Отомстить любовью этой чудной птицѣ,
 Приковать къ побѣдной своей колесницѣ
 Песни и посланья сочинять заставить
 И быть можетъ въ свѣтѣ тѣмъ себя прославить:
 Вотъ что замышляла вѣтреная фея.
 Къ нашему-жъ герою, просто не краснѣя
 И не церемонясь, клопика послала,
 И «блоходарю вѣсть» ему написала.
 Эта «блоходарность» вмѣсто «благодарность»
 Пуще огорчила моего героя,
 А гуляка страшно хохоталъ и, строя
 Разныя гримасы, говорилъ, что блохи
 Болѣе полезны, чѣмъ пустые вздохи.
 Можетъ быть — артистъ нашъ, разъ отдавшись снова
 Музамъ, позабылъ-бы какъ любовь сурово
 Обошлась съ нимъ: то есть, позабылъ-бы эту
 Вѣтренную фею — къ будущему лѣту
 Сочинилъ-бы кучу гимновъ и сонетовъ,
 Былъ-бы снова счастливъ счастiemъ поэтовъ,

Сѣль-бы на соломку, чтобъ во славу ночи
На своей скрипице пилить что-есть-мочи;
Но къ его несчастью вдругъ распространилась
Вѣсть, что будто что-то съ бабочкой случилось, —
Говорили, будто бабочка бѣжала,
Бабочка погибла, бабочка пропала.
Прямо шли изъ парка эти злые слухи,
Стало быть не вралъ комары и мухи:
Была вѣроятность! Долго этимъ слухамъ
Мой артистъ не вѣрилъ. Вдругъ, какъ бы обухомъ
Кто-нибудь героя съѣздилъ прямо въ ухо,
Онъ повѣрилъ разомъ въ достовѣрность слуха,
Только что успѣль онъ всѣхъ предать проклятью,
Получилъ пакетикъ съ маленькой печатью.
Вотъ письмо:

«Вы были къ намъ неравнодушны.
«Если правда, будьте хоть любви послушны.
«Поищите нашу милую Сильфиду
«И се не дайте соловью въ обиду;
«Кто вамъ это пишетъ сами угадайте.
«Если-жъ будуть вѣсти, въ Линки передайте».

Прочитавъ такое странное посланье,
Онъ въ припадкѣ страсти и негодованья
Началь просто хныкать — хныкалъ, долго хныкалъ!
(Одакое горе онъ себѣ накликалъ!)

Приближался вечеръ. — Къ счастію, гуляка
Былъ въ харчевнѣ, клюкнуль и, красне рака,
Постучался къ другу — онъ разставилъ ноги,
Увидавши слезы и слѣды тревоги
На лицѣ артиста. —

«Ба! Какія страсти!
Вышай братецъ, клюкни, — будешь нашей масти, —
Возгласилъ Гуляка — плюнь ты на Сильфиду
И тебя не дамъ я никому въ обиду.»

Бѣдная Сильфида что съ ней? — не безъ писку
Отвѣчалъ кузинчикъ — па! прочти записку.
Ничего не вижу, — пробурчалъ гуляка;
Ибо онъ не даромъ былъ красне рака.

Тутъ ему кузнецкъ разсказалъ — въ чёмъ дѣло,
И онъ рѣшился въ путь пуститься смѣло.
Мой герой готовъ былъ съ соловьемъ хоть драться,
А гуляка вышелъ просто поразмѣться.

ПѢСНЬ VI.

Вечеръ былъ непастный. Квакали лягушки, —
Подъ налетомъ вѣтра зыбкия верхушки
Жатвы колыхались, словно волны, — капаю
Тихій дождь и гдѣ-то перепелъ вавакалъ,
Паучки свернулись, пораскисли мушки,
Комары притихли. Около опушки
Лѣса нашъ кузнецикъ шелъ самъ-другъ съ гулякой.
— Слушай-ко пріятель! надо-бы на всякой
Случай запастись памъ фонаремъ, шагая
Говориъ гуляка. Но не возражая
На совѣтъ, кузнецикъ пріостановился —
Съ вѣтромъ изъ тумана къ нему доносился
Звукъ ему знакомый; — два степныхъ артиста
На дрянныхъ скрипницахъ хрюплю и нечисто
Выводили нотки — безпрестанно эти
Нотки обрывались. — Ты пмѣй въ предметѣ,
Продолжалъ гуляка, что въ потьмахъ наткнуться
Можно на лягушку, или кувырнуться, —
Гей!... Оиъ свиснулъ. — Ктѣ тамъ? — и подъ подорожникъ
Заглянувші, крикнулъ: Ну-ка, ты, пирожникъ,
Выходи! — и вышелъ таракашекъ смуглый,
Какъ медовый пряникъ и какъ булка круглый.
— Что вамъ надо? — Гдѣ тутъ къ свѣтляку дорога? —
— Дальше, баринъ, дальше, по правѣй немного,
Тамъ подъ Божьей травкой двѣ еловыхъ шишкы,
Тамъ спросите — жаль вотъ снять мои мальчишки.....
«Э! сказалъ гуляка, мы пдемъ не свпщемъ,
А къ еловымъ шишкамъ сами путь отыщемъ.»
— Даи-бы на водку, я пошель-бы съ вами.—
«Не ходи любезный, — шевеля усами

Возразилъ гуляка. — Больно иочь муруга! Ну, не ври любезный! — И пошли два друга Къ двумъ словымъ шпшкамъ. Стукъ-стукъ! отворяй-ка Двери! — Кто тамъ? — Лѣший — кто тамъ? — Вылезай-ка. И свѣтлякъ съ разбитымъ фонаремъ пустился Въ лѣсъ казать дорогу. Клялся и божился, Что совсѣмъ не знаешьъ, гдѣ тамъ обитаетъ Соловей, что нужно, если кто желаетъ Знать его квартеру, допросить у Розы. — Я, сказалъ гуляка, у такой запозы Спрашивать не стану — и глупа ужасно, И молчитъ какъ рыба, и не безопасна. — Ну, такъ хоть улитку допросите. —

«Враки!

Ты совсѣмъ не знаешьъ гдѣ злимуютъ раки. Надо въ тихомолку пробираться въ лѣво, Къ муравьевымъ кучамъ дальше отъ посѣва.» Вдругъ гуляки голосъ превратился въ шопотъ, Въ темнотѣ раздался чей-то рѣзvый топотъ, Въ кустъ черезъ дорогу проскакала мышка.

У гуляки тотчасъ началась одышка; Онъ маленько струслилъ. Впрочемъ, отъ испуга Скоро онъ очнулся, догоняя друга. Вѣтеръ упимался и луна въ сквозные Своды темной рощи, словно золотыя Струны протянула; мицтые кореня Просіяли, словно дожидалась пѣни. И, о чудо! въ дебряхъ вдругъ раздался голосъ Соловья — и дрогнула мой артисъ, и волосъ Дыбомъ на макушкѣ всталъ отъ ощущенія Страха и тревоги, гнѣва и смятенія. Вотъ онъ! вотъ! — шепнулъ онъ, пригашвъ дыханье. — Что это за пѣни? — Просто рокотанье; — Тутъ ему замѣтилъ другъ его гуляка — Все въ однихъ руладахъ — все въ однихъ ... — Однако Возразилъ герой мой — не браинись напрасно,

Плутъ сѣва-ли можетъ пѣть такъ сладкогласно:
— Что вы тутъ? Зачѣмъ вы?! — харю выставля
Изъ цоры, спросила ихъ оса лѣсная.
«Эхъ, оса голубка! что ты смотришь волкомъ;
Мы не лхолѣи — отвѣтчай памъ толкомъ:
Вышли мы на поискъ, — и кузнечикъ смѣло
Выглажившей харѣ объяснилъ въ чемъ дѣло:
— Нешто я не знаю какъ она вертѣлась,—
Запищала харя — пофильтить хотѣлось,
Этому ипакъ ужъ третій день какъ минулъ;
Соловей-то клюнулъ, да потомъ и кинулъ.
Ползала бѣдняжка, ползала не мало;
Если въ муравейникъ съ дуру не попала,
Гдѣ-нибудь у нашихъ червяковъ спросите.
И-жъ оса — и только, — ну п не взыщите! —
Съ этимъ словомъ, какъ-то скорчась, опустилась
Харя въ норку и въ подвалъ скрылась.
— Такъ-бы вотъ и сѣѣздила я по этой харѣ,
Прорвичаль гуляка, еслибы былъ въ ударѣ;
Но артистъ кузнечикъ горестнымъ разсказомъ
Такъ былъ отуманенъ, что казалось разумъ
Потерялъ — и долго сладостныя трели
Соловья такъ смутно для него звенѣли,
Какъ звенитъ порою въ чась ночной мятежи
Глухо замирая колокольчикъ дальний
Въ глубинѣ пустынн снѣжной и печальной.

ПѢСНЬ VII.

Долго до полночи прыгучы блуждали,
Наконецъ на свѣжій слѣдъ они напали.
Свѣтлячекъ вертѣлся подлѣ ихъ не даромъ.
И Diana, тучку золотымъ пожаромъ
Охвативъ, не даромъ отклоняла вѣтки,
И кой-гдѣ чертила яркія отмѣтки,
И не даромъ — (вотъ что значитъ Провидѣніе!) —
Надъ одной лужайкой точно привидѣніе

Встала, блѣдный лучъ свой упирая въ землю.
 (Муза! Муза! тише! я дрожу и внемлю).
 Тамъ — не подалеку спѣющій бруслики,
 Подъ корнями красной полевой гвоздики,
 Одинокимъ трупомъ бабочка лежала —
 Ножки протянула, крылья распластала,
 И — казалось — лежа небесамъ молилась,
 Вся окоченѣла, но не измѣнилась —
 Тотъ же сохранился очеркъ милый, нѣжныи —
 Тою же сіяли бѣлизною снѣжной
 Матовыя крылья. — Черная косынка
 На груди раскрылась, крупная слезинка
 Какъ алмазъ блестѣла около рѣсницы,
 И какъ бархатъ были темныя косицы.
 Мертвая казалась сонной; но чернѣла
 Маленькая ранка.... Молча взлѣтѣла
 Постояль кузнечикъ, сердцемъ надрываясь.
 Молча съ огонечкомъ къ трупу наклоняясь,
 Свѣтлячекъ, какъ будто сильно пораженный
 Небываломъ чудомъ, жмурился, какъ сонный.
 У гуляки тоже хмѣль прошелъ. — Сурово
 Онъ глядѣль и то, что видѣль, было ново
 Для него. Онъ понялъ, что былабъ тутъ шутка
 Всѣ иенрилична. Даже какъ-то жутко
 Становилось сердцу вѣчнаго гуляки,
 Даже покривилась рожа забіяки
 (Потому, что была онъ добрая скотинка),
 Видя какъ у мертвой на лицѣ слезника
 Неподвижно свѣтлой капелькой стояла.
 Онъ шепталъ.... «Бабошка! — Ты отпировала!
 Такъ и мы у смерти дни свои воруемъ;
 Попадемся съ кражей — да и отпируемъ!»
 Впрочемъ, мой гуляка былъ такого сорту
 Что свое унынье вмигъ отправилъ къ черту,
 И толкнувъ артиста, молвилъ: «ну, конечно,
 Жаль, да вѣдь нельзя же горевать намъ вѣчно;
 Сдѣляемъ носилки, и ее прилично
 Отнесемъ подъ Липки. Все пойдетъ отлично.

Только ты напрасно, братъ, не надрывайся,
 Силь не трать, и плакать послѣ постарайся.
 Сдѣлали носилки, положили тѣло,
 Подняли и долго поступью не смѣлой
 Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ;
 Впереди, мелькая яркимъ огопечкомъ,
 Шелъ свѣтлякъ — и сотни разныхъ пасѣкомыхъ,
 Нашему артисту вовсе незнакомыхъ,
 Шумно просыпались въ перелѣскѣ темномъ. —
 А! ба! кто тамъ? что тамъ? — слышалось въ сонномъ
 Царствѣ. Вдругъ во мракѣ жалкій пискъ раздался;
 Муравей какой-то побѣ ноги попался
 Нашему гулякѣ — онъ его и тиснуль.
 Вслѣдъ за этимъ взигомъ — въ рощѣ кто-то свиснулъ.
 Комары, проснувшись и поднявшись роемъ,
 Затрубили въ трубы точно передъ боемъ;
 Но, слетѣвшись кучей — и увидѣвъ тѣло
 Взяли тономъ ниже (поняли въ чёмъ дѣло....)
 И трубя плачевно, въ разстоянны дальномъ
 Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
 Къ свѣтляку другое свѣтляки пристали
 Свѣчи пхъ то гасли, то опять мелькали.
 Съ жалобнымъ жужжаньемъ поднимались мухи
 И жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
 Бабочка — Сильфиды прежняя подруга —
 Высунула носикъ, блѣдная съ испуга,
 И потомъ, спустившись по листочкамъ, сѣла
 На холодный камень, и оѣпенѣла.
 Предразсвѣтный вѣтеръ, невидимкой вѣя,
 Думалъ, что воскреснетъ молодая фея;
 Шевелилъ у мертвой легкими крылами,
 И дышалъ въ лице ей влажными устами,
 И потомъ далекимъ прополоскался стономъ,
 И по всѣмъ тропинкамъ отдавался звономъ,
 Чашечки лиловыхъ цвѣтковъ качая.
 И роса, какъ слезы, холодно сверкая,
 Медленно стекала съ успковъ цвѣтущей
 Повелики, робко по стволамъ ползущей;

И благоухали тысячи растений;
И сквозь дымъ деревья въ видѣ привидѣшій
Головой кивали. — Тихо раздвигая
Облака, вставала зорька золотая, —
И когда все стало ясно отъ улыбки
Пламенной богини, принесли подъ Липки
Мертвую Спльфиду — тамъ ее сложили,
Вырыли могилку и похоронили.
И когда надъ этой новою могилой
Думалъ злукъ думу мой артистъ унылый,
Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной куртиной
Звучно раздавался рокотъ соловьицой.

А. И. Шоломекій.

ДЯДЮШКИНЪ СОНЪ.

(изъ Мордасовскихъ лѣтописей)

ГЛАВА I.

Марья Александровна Москалева, конечно, первая дама въ Мордасовѣ и въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Она держитъ себя такъ, какъ будто ни въ комъ не нуждается, а, напротивъ, всѣ въ ней нуждаются. Правда, ее почти никто не любить и даже очень многіе искренно ненавидятъ; но за то ее всѣ боятся, а этого ей и надобно. Такая потребность есть уже признакъ высокой политики. Отчего, напримѣръ, Марья Александровна, которая ужасно любить сплетни и не заснетъ всю ночь, если наканунѣ не узнала чѣго-нибудь новень资料, — отчего она, при всемъ этомъ, умѣеть себя держать такъ, что, глядя на нее, въ голову не прійдетъ, чтобы эта сановитая дама была первая сплетница въ мірѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Мордасовѣ? Напротивъ, кажется, сплетни должны исчезнуть въ ея присутствіи; сплетники краснѣть и дрожать, какъ школьники передъ господиномъ учителемъ, и разговоръ долженъ пойти не иначе, какъ о самыхъ высокихъ матеріяхъ. Она знаетъ, напримѣръ, про кой-кого изъ Мордасовцевъ такія капитальныя и скандалѣзныя вещи, что разскажи она ихъ, при удобномъ случаѣ, и докажи ихъ такъ, какъ она умѣеть доказывать, то въ Мордасовѣ будетъ лиссабонское землетрясеніе. А между тѣмъ она очень молчалива на всѣ эти секреты, и разскажетъ ихъ развѣ ужъ въ крайнемъ случаѣ и то не иначе, какъ самымъ короткимъ пріятельни-

цамъ. Она только пугнеть, намекаетъ — что знаеть, и лучше любить держать человѣка или даму въ безпрерывномъ страхѣ, чѣмъ поразить окончательно. Это умъ, это тактика! — Марья Александровна всегда отличалась между намп своимъ безукоризненнымъ *comme-il-faut*, съ котораго всѣ берутъ образецъ. На счетъ *comme-il-faut* она не лижетъ соперницъ въ Мордасовѣ. Она, напримѣръ, умѣетъ убить, растерзать, уничтожить какимъ-нибудь однимъ словомъ соперницу, чemu мы свидѣтели; а между тѣмъ покажеть видъ, что и не замѣтила, какъ выговорила это слово. А извѣстно, что такая тонкая черта есть уже принадлежность самаго высшаго общества. Вообще во всѣхъ такихъ фокусахъ она перещеголяетъ самаго Пинетти. Связи у ней огромныя. Многіе изъ посыпавшихъ Мордасовъ уѣзжали въ восторгѣ отъ ея пріема и даже вели съ ней потомъ переписку. Ей даже кто-то написалъ стихи, и Марья Александровна съ гордостю ихъ всѣмъ показывала. Одинъ заѣзжій литераторъ посвятилъ ей свою повѣсть, которую и читалъ у ней на вѣчерѣ, что пропзвело чрезвычайно пріятный эффектъ. Одинъ шѣмецкій ученый, нарочно пріѣзжавшій изъ Карльсруэ, изслѣдоватъ особенный родъ червячка съ рожками, который водится въ нашей губерніи, и написавшій обѣ этомъ червячкѣ четыре тома *in-quarto*, такъ былъ обвороженъ пріемомъ и любезностю Марыи Александровны, что до сихъ поръ ведеть съ цей почтительную и нравственную переписку изъ самаго Карльсруэ. Марью Александровну сравнивали даже, въ иѣкоторомъ отношеніи, съ Наполеономъ. Разумѣется, это дѣлали въ шутку, ея враги, болѣе для каррикатуры, чѣмъ для истины. Но, признавая вполнѣ всю странность такого сравненія, я осмѣялся однакоже сдѣлать одинъ невѣшній вопросъ: Отчего, скажите, у Наполеона закружилась, на конецъ, голова, когда онъ забрался уже слишкомъ высоко? Защитники старого дома приписывали это тому, что Наполеонъ, не только не былъ изъ королевскаго дома, но даже былъ и не *gentilhomme* хорошей породы; а потому, естественно, испугался паконецъ своей собственной высоты и вспомнилъ свое настоящее мѣсто. Не смотря на очевидное остроуміе этой догадки, напоминающее самыя бле-

стящія времена древняго французскаго двора, я осмѣлюсь привести въ свою очередь: Отчего у Мары Александровны никогда и ни въ какомъ случаѣ не закружится голова, и она всегда останется первой дамой въ Мордасовѣ? Бывало, напримѣръ, такіе случаи, когда всѣ говорили: «Ну какъ-то теперь поступить Мары Александровна, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ?» Но наступали эти затруднительные обстоятельства, проходили и — ничего! Все оставалось благополучно, по прежнему, и даже почти лучше прежняго. Всѣ, напримѣръ, помнятъ, какъ супругъ ея, Афанасій Матвѣичъ, лишился своего мѣста, за неспособностію и слабоуміемъ, возбудивъ гневъ прѣхавшаго ревизора. Всѣ думали, что Мары Александровна падетъ духомъ, унизится, будетъ просить, умолять, однимъ словомъ опустить свои крыльшки. Ничуть не бывало: Мары Александровна поняла, что уже ничего больше не выпросишь и обѣла свои дѣла такъ, что нисколько не лишилась своего влиянія на общество и домъ ея все еще продолжаетъ счи-таться первымъ домомъ въ Мордасовѣ. Прокурорша Анна Николаевна Антипова, заклятой врагъ Мары Александровны, хотя и другъ по наружности, уже трубила побѣду. Но когда увидѣли, что Марью Александровну трудно сконфу-зить, то догадались, что она гораздо глубже пущила корни, чѣмъ думали прежде.

Кстати, такъ какъ ужъ обѣ пемъ упомянули, скажемъ нѣсколько словъ и обѣ Афанасій Матвѣичѣ, супругѣ Мары Александровны. Во первыхъ, это весьма представительный человѣкъ по наружности, и даже очень порядочныхъ пра-виль; но въ критическихъ случаяхъ, онъ какъ-то теряется и смотритъ, какъ баранъ, который увидалъ новые ворота. Онь необыкновенно сановитъ, особенно на именинныхъ обѣдахъ, въ своемъ блескѣ галстукѣ. Но вся эта сановитость и представительность, единственю до той минуты, когда онъ заговоритъ. Тутъ ужъ, извините, хоть уши заткнуть. Онь рѣшительно недостоинъ принадлежать Марѣ Александровнѣ; это всеобщее мнѣніе. Онь и на мѣсть спѣль единственно только черезъ геніальность своей супруги. По мо-ему крайнему разумѣнію, ему бы давно пора въ огородъ

шугать воробьевъ. Тамъ и единственно только тамъ, онъ бы могъ приносить настоящую, несомнѣнную пользу своимъ соотечественникамъ. И потому Марья Александровна превосходно поступила, сославъ Афанасія Матвѣича въ подгородную свою деревню, въ трехъ верстахъ отъ Мордасова, гдѣ у нея сто двадцать душъ, — мимоходомъ сказатъ, все состояніе, всѣ средства, съ которыми она такъ достойно поддерживаетъ благородство своего дома. Всѣ поняли, что она держала Афанасія Матвѣича при себѣ единственно за то, что онъ служилъ и получалъ жалованье и.... другіе доходы. Когда же онъ пересталъ получать жалованье и доходы, то его тотчасъ же и удалили за негодіостію и совершенною безполезностію. И всѣ похвалили Марью Александровну за ясность сужденія и рѣшимость характера. Въ деревнѣ Афанасій Матвѣичъ живетъ припѣвающи. Я заѣжалъ къ нему и провелъ у него цѣлый часъ довольно пріятно. Онъ примѣряетъ бѣлые галстуки, собственноручно чиститъ сапоги, не изъ нужды, а единственно изъ любви къ искусству, потому-что любить, чтобъ сапоги у него блестѣли; три раза въ день пьетъ чай, чрезвычайно любить ходить въ баню и — доволенъ. Помните-ли, какая гнусная исторія заварилась у нась, года полтора назадъ, по поводу Зинаиды Афанаſьевны, единственной дочери Мары Александровны и Афанасія Матвѣича? Зинаида, безспорно, красавица, превосходно воспитана, но ей двадцать три года, а она до сихъ поръ не замужемъ. Между причинами, которыми объясняютъ почему до-сихъ-поръ Зина не замужемъ,—одною изъ главныхъ считаются эти темные слухи о какихъ-то странныхъ ея связяхъ, полтора года назадъ, съ уѣзднымъ учителемъ, слухи, не умолкнувшіе и понынѣ. До сихъ поръ говорятъ о какой-то любовной запискѣ, написанной Зиной, и которая, будто-бы, ходила по рукамъ въ Мордасовѣ, но скажите: кто видѣлъ эту записку? Если она ходила по рукамъ, то куда-жъ она дѣлась? Всѣ обѣ ней слышали, но никто ея не видалъ. Я, по крайней мѣрѣ, никого не встрѣтилъ, кто-бы своими глазами видѣлъ эту записку. Если вы памекнете обѣ этомъ Марѣ Александровнѣ, она васъ, просто, не пойметъ. Теперь предположите, что дѣй-

ствительно что-нибудь было и Зина написала записочку (я даже думаю, что это было непремѣнно такъ): какова же ловкость со стороны Мары Александровны! каково замято, затушено неловкое, скандалѣзное дѣло? Ни слѣда, ни намека! Марья Александровна и вниманія не обращаетъ теперь на всю эту низкую клевету; а между тѣмъ, можетъ быть, Богъ знаетъ какъ работала, чтобы спасти неприкосновенно честь своей единственной дочерп. А что Зина не замужемъ, такъ это понятно: какіе здѣсь женихи? Зинѣ только развѣ быть за владѣтельнымъ принцемъ. Видали-ль вы гдѣ такую красавицу изъ красавицъ? Правда, она горда, слишкомъ горда. Говорять, что сватается Мозгликовъ, но врядъ-ли быть сватьбѣ. Что-же такое Мозгликовъ? Правда молодъ, не дуренъ собою, франтъ, полтораста не заложенныхъ душъ, Петербургскій. Но вѣдь, во первыхъ, въ головѣ не все-дома. Вертопрахъ, болтунъ, съ какими-то новѣйшими идеями! Да и что такое полтораста душъ, особенно при новѣйшихъ идеяхъ? Не бывать этой сватьбѣ!

Все, что прочелъ теперь благосклонный читатель, было написано мною мѣсяцевъ пять тому назадъ, единственно изъ умленія. Признаюсь заранѣе, я нѣсколько пристрастенъ къ Марѣ Александровнѣ. Мне хотѣлось написать что-нибудь въ родѣ похвального слова этой великолѣпной дамѣ и изобразить все это въ формѣ игриваго письма къ пріятелю, по примѣру писемъ, печатавшихся когда-то въ старое, золотое, но, слава Богу, невозвратное время, въ Сѣверной пчелѣ и въ прочихъ повременныхъ изданіяхъ. Но такъ какъ у меня нѣть никакого пріятеля, и, кроме того, есть нѣкоторая врожденная литературная робость, то сочиненіе мое и осталось у меня въ столѣ, въ видѣ литературной пробы пера и въ память мирнаго развлеченія въ часы досуга и удовольствія. Прошло пять мѣсяцевъ и, вдругъ, въ Мордасовѣ случилось удивительное происшествіе: рано утромъ въ городъ вѣхалъ князь К. и остановился въ домѣ Мары Александровны. Послѣствія этого пріѣзда были неизчислимы. Князь провелъ въ Мордасовѣ только три дня, но эти три дня оставили по себѣ роковыя и непозадимыя воспоминанія. Скажу болѣе: князь произвелъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, пе-

реворотъ въ нашемъ городѣ. Разсказъ объ этомъ переворотѣ, конечно, составляетъ одну изъ многознаменательныхъ страницъ въ Мордасовскихъ лѣтописяхъ. Эту-то страницу я и рѣшился, наконецъ, послѣ некоторыхъ колебаний, обработать литературнымъ образомъ и представить на судъ многоуважаемой публики. Повѣсть моя заключаетъ въ себѣ позную и замѣчательную исторію возвышенія, славы и торжественнаго паденія Марии Александровны и всего ея дома въ Мордасовѣ: тема достойная и соблазнительная для писателя. Разумѣется, прежде всего, нужно объяснить: что удивительного въ томъ, что въ городѣ вѣхалъ князь К. и остановился у Марии Александровны, а для этого, конечно, нужно сказать иѣсколько словъ о самомъ князѣ К. Такъ я и сдѣлаю. Къ тому же биографія этого лица совершенно необходима и для всего дальнѣйшаго хода нашего разсказа. И такъ приступаю.

ГЛАВА II.

Начну съ того, что Князь К. былъ еще не Богъ знаетъ какой старикъ, а между тѣмъ, смотря на него, невольно приходила мысль, что онъ сію минуту развалится; до того онъ обветшалъ или, лучше сказать, износился. Въ Мордасовѣ объ этомъ князѣ всегда разказывались чрезвычайно страшныя вещи, самаго фантастического содержанія. Говорили даже, что старичекъ помѣшался. Вѣмъ казалось особенно страшнымъ, что помѣшникъ четырехъ тысячъ душъ, человѣкъ съ известнымъ родствомъ, которой-бы могъ имѣть, еслибы захотѣлъ, значительное влияніе въ губерніи, живетъ въ своемъ великолѣпномъ имѣніи уединенно, совершеннымъ затворникомъ. Многіе знавали князя позадѣ тому лѣтъ шесть или семь, во время его пребыванія въ Мордасовѣ, и уверяли, что онъ, тогда, терпѣть не могъ уединенія и отнюдь былъ непохожъ на затворника.

Вотъ одинакоже все, что я могъ узнать о немъ достовѣрнаго:

Когда-то, въ свои молодые годы, что, впрочемъ, было очень давно, князь блестящимъ образомъ вступилъ въ жизнь,

жуировалаъ, волочился, нѣсколько разъ проживался за границей, пѣть романсы, каламбурилъ и никогда не отличался блестящими умственными способностями. Разумѣется, онъ растроилъ все свое состояніе и, въ старости, увидѣлъ себя вдругъ, почти безъ копѣйки. Кто-то посовѣтовалъ ему отправиться въ его деревню, которую уже начали продавать съ публичнаго торга. Онъ отправился и прїѣхалъ въ Мордасовъ, гдѣ и прожилъ ровно шесть мѣсяцевъ. Губернская жизнь ему чрезвычайно поправилась и, въ эти шесть мѣсяцевъ, онъ ухлопалъ все, что у него оставалось, до послѣднихъ поскребковъ, продолжая жуировать и заводя разныя интимности съ губернскими барынями. Человѣкъ онъ былъ, къ тому-же, добрѣйшій, разумѣется не безъ нѣкоторыхъ особыхъ клижескихъ замашекъ, которыя, впрочемъ, въ Мордасовѣ считались принадлежностю самаго высшаго общества, а потому, вмѣсто досады, производили даже эффектъ. Особенно дамы были въ постояннѣмъ восторгѣ отъ своего милаго гостя. Сохранилось много любопытныхъ воспоминаній. Рассказывали, между прочимъ, что князь проводилъ больше половины дня за своимъ туалетомъ и, казалось, былъ весь составленъ изъ какихъ-то кусочковъ. Никто не зналъ, когда и гдѣ онъ успѣлъ такъ разсыпаться. Онъ носилъ парикъ, усы, бакенбарды и даже эспаньолку, — все, до послѣдняго волоска, накладное и великолѣпнаго чернаго цвѣта. Бѣлился и румянился ежедневно. Увѣряли, что онъ какъ-то расправлялъ пружинками морщины на своемъ лицѣ и что эти пружины были, какимъ-то особымъ образомъ, скрыты въ его волосахъ. Увѣряли еще, что онъ носитъ корсетъ, потому что лишился гдѣ-то ребра, неловко выскочивъ изъ окошка, во время одного своего любовнаго похожденія, въ Италии. Онъ хромалъ на лѣвую ногу; утверждали, что эта нога поддѣльная, а что настоящую сломали ему при какотъ-то другомъ похожденіи, въ Парижѣ, за то приставили новую, какую-то особенную, пробочную. Впрочемъ мало-ли чего не рассказутъ? Но вѣрно было однакоже то, что правый глазъ его былъ стеклянный, хотя и очень искусно поддѣланый. Зубы тоже были изъ композиціи. Цѣлые дни онъ умывался разными патентованными водами, ду-
Отд. I.

шился и помадился. Помнить, однакоже, что князь тогда уже начиналъ примѣтно дряхлѣть и становился невыноси-
мо болтливъ. Казалось, что карьера его оканчивалась. Всѣ
знали, что у него уже не было ни копѣйки. И вдругъ, въ это
время совершенно неожиданно, одна изъ ближайшихъ его
родственницъ, чрезвычайно ветхая старуха, проживавшая
постоянно въ Парижѣ, и отъ которой онъ никакимъ обра-
зомъ не могъ ожидать наслѣдства,—умерла, похоронивъ ров-
но за мѣсяцъ до своей смерти своего законнаго наслѣдника.
Князь, совершенно неожиданно, сдѣлался ея законнымъ на-
слѣдникомъ. Четыре тысячи душъ великолѣпнѣйшаго имѣ-
нія, ровно въ шестидесяти верстахъ отъ Мордасова, доста-
лось ему одному, безраздѣльно. Онъ немедленно собрался
для окончанія своихъ дѣлъ въ Петербургъ. Провожая сво-
его гостя, наши дамы дали ему великолѣпный обѣдъ, по под-
пискѣ. Помнить, что князь былъ очаровательно весель на
этотъ послѣдній обѣдѣ, каламбурилъ, смѣшилъ, рассказы-
валъ самые необыкновенные анекдоты, обѣщался какъ можно
скороѣ прїѣхать въ Духаново (свое новопріобрѣтенное имѣ-
ніе) и давалъ слово, что по возвращенію его, у него будутъ
безпрерывные праздники, пикники, балы, фейерверки. Цѣлый
годъ послѣ его отѣзда, дамы толковали объ этихъ обѣ-
щанныхъ праздникахъ, ожидала своего милаго старичка съ
ужаснымъ нетерпѣніемъ. Въ ожиданіи-же составлялись даже
поѣздки въ Духаново, гдѣ былъ старинный барскій домъ и
садъ, съ выстриженными изъ акацій лѣвами, съ насыпными
курганами, съ прудами, по которымъ ходили лодки съ дере-
вянными турками, игравшими на свирѣляхъ, съ бесѣдками,
съ павильонами, съ монплезирами и другими затѣями.

Наконецъ князь воротился, но, къ всеобщему удивленію
и разочарованію, даже и не заѣхалъ въ Мордасовъ, а по-
селился въ своемъ Духановѣ совершеннымъ затворникомъ.
Распространились странные слухи и, вообще, съ этой эпохи
исторія князя становится туманною и фантастическою. Во
первыхъ разсказывали, что въ Петербургѣ ему не со-
всѣмъ удалось, что нѣкоторые изъ его родственниковъ,
будущіе наслѣдники, хотѣли, по слабоумію князя, выхло-
потать надъ нимъ какую-то опеку, вѣроятно изъ боязни, что

онъ опять все промотаетъ. Мало того: иные прибавляли, что его хотѣли даже посадить въ сумасшедшій домъ, но что какой-то изъ его родственниковъ, одинъ важный баринъ, будто-бы за него заступился, доказавъ ясно всѣмъ прочимъ, что бѣдный князь, вполовину умершій и поддѣльный, вѣроятно скоро и весь умретъ и тогда имѣніе достанется имъ и безъ сумасшедшаго дома. Повторяю опять: мало-ли чего не наскажутъ, особенно у насъ въ Мордасовѣ? Все это, какъ рассказывали, ужасно испугало князя, до того, что онъ совершенно измѣнился характеромъ и обратился въ затворника. Нѣкоторые изъ Мордасовцевъ изъ любопытства поѣхали къ нему съ поздравленіями: но — или не были приняты, или приняты чрезвычайно-страннымъ образомъ. Князь даже не узнавалъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Утверждалъ, что и не хотѣлъ узнавать. Посѣтилъ его и губернаторъ.

Онъ воротился съ извѣстіемъ, что, по его мнѣнію, князь действительно не много помѣшанъ и всегда потомъ дѣлалъ кислую мину, при воспоминаніи о своей поѣздкѣ въ Духаново. Дамы громко негодовали. Узнали наконецъ, одну капитальную вещь; именно, что княземъ овладѣла какая-то неизвѣстная Степанида Матвѣевна, Богъ знаетъ какая женщина, пріѣхавшая съ именемъ изъ Петербурга, пожилая и толстая, которая ходитъ въ ситцевыхъ платьяхъ и съ ключами въ рукахъ. Что князь слушается ее во всемъ, какъ ребенокъ и не смѣеть ступить шагу безъ ея позволенія; что она даже моетъ его своими руками; балуетъ его, носить и тѣшить, какъ ребенка; что, наконецъ, она-то и отдаляетъ отъ него всѣхъ посѣтителей и, въ особенности, родственниковъ, которые начали-было понемногу забѣжать въ Духаново, для развѣдокъ. Въ Мордасовѣ много разсуждали обѣ этой непонятной связи, особенно дамы. Ко всему этому прибавляли, что Степанида Матвѣевна управляетъ всѣмъ имѣніемъ князя, безгранично и самовластно; отрѣшасть управителей, прикащиковыхъ, прислугу; собираетъ доходы; но что управляетъ сна хорошо, такъ что крестьяне благословляютъ судьбу свою. Что-же касается до самого князя, то узнали, что для его проходить почти сплошь за туалетомъ, въ при-

мѣриваний шариковъ и фраковъ; что осталное время онъ проводитъ съ Степанидой Матвѣевной, играетъ съ ней въ свои козыри, гадаетъ на картахъ, изрѣдка выѣзжая погулять верхомъ на смирной англійской кобылкѣ, причемъ Степанида Матвѣевна неизменно сопровождаетъ его въ крытыхъ дрожкахъ, на всякий случай; потому что князь ёздить верхомъ болѣе изъ кокетства, а самъ чуть держится на сѣдаѣ. Видѣли его иногда и пѣшкомъ, въ пальто и въ соломенной, широкополой шляпкѣ, съ розовымъ дамскимъ платочкомъ на шеѣ, съ стеклышикомъ въ глазу и съ соломенной карзинкой на лѣвой рукѣ; для собирания грибковъ, полевыхъ цвѣтовъ, васильковъ; Степанида-же Матвѣевна всегда при этомъ сопровождаетъ его, а сзади идутъ два саженные лакея и ёдетъ, на всякий случай, коляска. Когда-же встрѣчается съ нимъ мужикъ и, остановясь въ сторонѣ, снимаетъ шапку, низко кланяется и приговариваетъ: «Здравствуй, батюшка князь, ваше сиятельство, наше красное солнышко! — то князь немедленно наводитъ на него свой лорнетъ, привѣтливо киваетъ головой и ласково говоритъ ему: «Bonjour, mon ami, bonjour!» и много подобныхъ слуховъ ходило въ Мордасовѣ; князя никакъ не могли забыть: онъ жилъ въ такомъ близкому сосѣдствѣ! Каково-же было всеобщее изумленіе, когда, въ одно прекрасное утро, разнесся слухъ, что князь, затворникъ, чудакъ, своею собственною особою пожаловалъ въ Мордасовъ и остановился у Марии Александровны! Все переполошилось и взволновалось. Всѣ ждали объясненій, всѣ спрашивали другъ у друга: что это значитъ? Иные собирались уже ѿхать къ Марьѣ Александровнѣ. Всѣмъ пріѣзѣ князя казался диковинкой. Дамы пересыпались записками, собирались съ визитами, носили свои горничныхъ и мужей на развѣдки. Особенно страннымъ казалось, отчего именно князь остановился у Марии Александровны, а не у кого другого? Всѣхъ болѣе досадовала Анна Николаевна Антипова, потому что князь приходился ей какъ-то, очень дальней роднѣй. Но, чтобы разрѣшить всѣ эти вопросы, нужно испрѣмѣнно зайдти къ самой Марьѣ Александровнѣ, къ которой милости просимъ пожаловать и благосклоннаго читателя. Теперь, правда, еще только десять часовъ утра, но я увѣ-

ренъ, что она не откажется принять своихъ короткихъ знакомыхъ. Насъ, по крайней мѣрѣ, приметъ она непремѣнно.

ГЛАВА III.

Десять часовъ утра. Мы въ домѣ Мары Александровны, на Большой улицѣ, въ той самой комнатѣ, которую хозяйка, въ торжественныхъ случаяхъ, называетъ своимъ салономъ. У Мары Александровны есть тоже и будуаръ. Въ этомъ салонѣ порядочно выкрашены полы и педурины вышиеные обои. Въ мебели, довольно неуклюжей, преобладаетъ красный цветъ. Есть каминъ, надъ каминомъ зеркало, передъ зеркаломъ бронзовые часы съ какимъ-то амуромъ, весьма дуриаго вкуса. Между окнами, въ простыняхъ два зеркала, съ которыхъ ушибли уже снять чехлы. Передъ зеркалами, на стоянкахъ, опять часы. У задней стѣны — превосходный рояль, выписанный для Зины; Зина — музыкантша. Около затопленного камина разставлены кресла, по возможности въ живописномъ беспорядкѣ; между ними маленький столикъ. На другомъ концѣ комнаты другой столъ, накрытый скатертью осѣпительной бѣлизны; на немъ кипитъ серебряный самоваръ и собранъ хорошенъкій чайный приборъ. Самоваромъ и чаемъ завѣдуетъ одна дама, проживающая у Мары Александровны въ качествѣ дальней родственницы, Настасья Петровна Злбова. Два слова обѣ этой дамѣ. — Она вдова, ей за тридцать лѣтъ, брюнетка, съ свѣжимъ цветомъ лица и съ живыми темнокарими глазами. Вообще, не дурна собою. Она веселаго характера и большая хохотунья, довольно хитра, разумѣется, сплетница и умѣеть обдѣлывать свои дѣлышки. У нея двое дѣтей, гдѣ-то учатся. Ей-бы очень хотѣлось выйти еще разъ за мужъ. Держитъ она себя довольно независимо. Мужъ ея былъ военный офицеръ. — Сама Мары Александровна сидитъ у камина въ превосходнѣйшемъ расположениѣ духа и въ свѣтлозеленомъ платьѣ, которое къ ней очень идетъ. Она ужасно обрадована прѣздомъ князя, который, въ эту минуту сидитъ наверху за своимъ туалетомъ. Она тѣкъ рада, что даже не старается

скрывать свою радость. Передъ ней, стоя, рисуется моло-
дой человѣкъ и что-то съ одушевленіемъ разсказываетъ.
По глазамъ его видно, что ему хочется угодить своимъ слу-
шательницамъ. Ему двадцать-пять лѣтъ. Манеры его были
бы недурны, но онъ часто приходитъ въ восторгъ и, кромѣ
того, съ большой претензией на юморъ и остроту. Одѣтъ
отлично, бѣлокуръ, недуренъ собою. Но мы уже говорили
объ немъ: это господинъ Мозгликовъ, подающій большія
надежды. Марья Александровна находитъ про себя, что у
него не много пусто въ головѣ, но принимаетъ его прекрас-
но. Онъ искатель руки ея дочери Зины, въ которую, по
его словамъ, влюбленъ до безумія. Онъ поминутно обра-
щается къ Зинѣ, стараясь сорвать съ ея губъ улыбку сво-
имъ остроуміемъ и веселостью. Но та съ нимъ видимо хо-
лодна и небрежна. Въ эту минуту она стоитъ въ сторонѣ,
у рояля и перебираетъ пальчиками календарь. Это одна изъ
тѣхъ женщинъ, которая производятъ всеобщее восторжен-
ное изумленіе, когда являются въ обществѣ. Она хороша
до невозможности: росту высокаго, брюнетка съ чудными,
почти совершенно черными глазами, стройная, съ могучею,
дивною грудью. Ея плечи и руки — античныя, ножка соблаз-
нительная, поступь королевская. Она сегодня не много блѣ-
на; но за то ея пухленькия, алые губки, удивительно обри-
сованныя, между которыми свѣтятся, какъ нанизанный жем-
чугъ, ровные маленькие зубы, будуть вамъ три дня сниться
во снѣ, если вы хоть разъ на нихъ взглянете. Выраженіе
лица ея серьезно и строго. Мосье Мозгликовъ какъ будто
боится ея пристального взгляда; покрайней мѣрѣ его какъ-то
коробитъ, когда онъ осмысливается взглянуть на нее. Движе-
нія ея свысока-небрежны. Она одѣта въ простое, бѣлое
кисейное платье. Бѣлый цвѣтъ къ ней чрезвычайно идетъ;
впрочемъ, къ пей все идетъ. На ея пальчикѣ кольцо, спле-
тено изъ чьихъ-то волосъ, судя по цвѣту, — не изъ ма-
менькихъ; Мозгликовъ никогда не смѣлъ спросить ее: чьи
это волосы? Въ это утро Зина какъ-то особенно молча-
лива и даже грустна, какъ-будто чѣмъ-то озабочена. За то
Марья Александровна готова говорить безъ умолку, хотя
изрѣдка тоже взглядываетъ на дочь, какимъ-то особыеннымъ,

подозрительнымъ взглядомъ, но впрочемъ дѣластъ это украдкой, какъ-будто и она тоже боится ея.

— Я таکъ рада, таکъ рада, Павель Александровичъ,—щебечеть она,—что готова кричать объ этомъ всѣмъ и каждому изъ окошка. Не говорю ужъ о томъ миломъ сюрпризѣ, который вы сдѣлали намъ, мнѣ и Зинѣ, пріѣхавъ двумя недѣлями раньше обѣщанаго;—это ужъ само собой!—Я ужасно рада тому, что вы привезли сюда этого ипмана князя. Знаете-ли, какъ я люблю этого очаровательнаго старичка! Но нѣтъ, нѣтъ! вы не поймете меня! вы, молодежь, не поймете моего восторга, какъ-бы я неувѣряла васъ! Знаете-ли чѣмъ онъ былъ для меня, въ прежнее время, лѣтъ шесть тому назадъ,—помните Зина? Впрочемъ я и забыла: ты тогда гостила у тѣтки.... Вы не повѣрите Павель Александровичъ: я была его руководительницей, сестрой, матерью! Онъ слушался меня, какъ ребенокъ! было что-то напивное, пѣжное и облагороженное въ нашей связѣ; что-то даже, какъ-будто пастушеское.... Я ужъ и не знаю какъ и назвать! Вотъ почему онъ и помнить теперь только объ одномъ моемъ домѣ съ благодарностью, се рапуре prince! Знаете-ли Павель Александровичъ, что вы, можетъ-быть, спасли его тѣмъ, что завезли его ко мнѣ! Я съ сокрушениемъ сердца думала о немъ эти шесть лѣтъ. Вы не повѣрите: онъ мнѣ снился даже во снѣ. Говорятъ эта чудовищная женщина околдовала, погубила его! Но наконецъ-то вы его вырвали изъ этихъ клаещей! Нѣтъ! надо воспользоваться случаемъ, и спасти его совершенно! Но разскажите мнѣ еще разъ, какъ удалось вамъ все это? Опишите мнѣ подробнѣйшимъ образомъ всю вашу встрѣчу. Давечка я, впопыхахъ, обратила только вниманіе на главное дѣло, тогда какъ всѣ эти мелочи, мелочи и составляютъ, такъ сказать, настоящій сокъ! Я ужасно люблю мелочи, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ прежде всего обращаю вниманіе на мелочи.... и.... покамѣсть онъ еще сидитъ за своимъ туалетомъ....

— Да все тоже, что я уже рассказывалъ, Марья Александровна! съ готовностію подхватываетъ Мозгликовъ, готовый рассказывать хоть въ десятый разъ,—это составляетъ для него наслажденіе. Бхаль я всю ночь, разумѣется всю ночь

не спасть,—можете себѣ представить, какъ я спѣшилъ! прибѣляетъ онъ, обращаясь къ Зинѣ, — однимъ словомъ бранился, кричалъ, требовалъ лошадей, даже боялся изъ за лошадей на станціяхъ; еслибы напечатать вышла-бы цѣлая поэма въ новѣйшемъ вкусѣ! Впрочемъ это въ сторону! Ровно въ шесть часовъ утра, приѣзжаю на постѣднюю станцію, въ Игнитово. Издрогъ, не хочу и грѣться, кричу: лошадей! Испугалъ смотрительницу съ груднымъ ребенкомъ; теперь, кажется, у ней испотело молоко.... Восходъ солнца очаровательный. Знаете эта морозная пыль алѣеть, серебрится! Не обращаю ни начто вниманія; однимъ словомъ, спѣшу на проналую! Лошадей взялъ съ собою: отнялъ у какого-то коллежскаго совѣтника и чуть не вызвалъ его на дуэль. — Говорятъ мнѣ, что, четверть часа тому, сѣхъ со станціи какой-то князь, ёдетъ на своихъ, почевалъ. Я едва слушаю, сажусь, лечу, точно съ цѣпи сорвался. Есть что-то подобное у Фета, въ какой-то элегіи. Ровно въ девятыи верстахъ отъ города, на самомъ поворотѣ въ Свѣтозерскую пустынѣ, вижу произошло удивительное событие. Огромная дорожная карета лежитъ на боку; кучеръ и два лакея стоятъ передъ нею въ недоумѣніи, а изъ кареты, лежащей на боку, несутся раздирающіе душу крики и вопли. Думалъ проѣхать мимо: лежи-себѣ на боку; не здѣшняго прихода! Но превозмогло человѣколюбіе, которое, какъ выражается Гейне, вездѣ суется съ своимъ носомъ. Останавливаюсь. Я, мой Семенъ, ямщикъ—тоже русская душа, спѣшимъ на подмогу, и такимъ образомъ, въ шестеромъ, подымаемъ наконецъ экипажъ; ставимъ его на ноги, которыхъ у него правда и нетъ, потому что онъ на полозьяхъ. Помогли еще мужики съ дровами, ёхали въ городъ, получили отъ меня на водку. Думаю: вѣрно это тотъ самый князь! Смотрю: Боже мой! онъ самый и есть, князь Гаврила! Вотъ встрѣча! кричу ему: — князь! дядюшка! — Онъ, конечно, почти не узналъ меня съ первого взгляда; впрочемъ тотчасъ-же почти узналъ.... со втораго взгляда. Признаюсь вамъ однako-же, что едва-ли онъ и теперь понимаетъ—кто я таковъ, и, кажется, принимаетъ меня за кого-то другаго, а не за родственника. Я видѣлъ его лѣтъ семь назадъ въ Петербургѣ; ну, разу-

жѣется, я тогда былъ мальчишкой. Я-то его запомнилъ; онъ чепа поразилъ; ну а ему-то гдѣ-жъ меня помнить! Рекомендуясь;—онъ въ восхіщепіи, обнимаетъ меня, а между тѣмъ самъ весь дрожитъ отъ испуга и плачетъ, ей Богу плачетъ; я видѣлъ это собственными глазами! То да сё,—уговорилъ его, наконецъ, пересѣсть въ мой возокъ и хоть на одинъ день заѣхать въ Мордасовъ, ободриться и отдохнуть. Онъ соглашается, безпрекословно.... Объявляетъ мнѣ, чтоѣдетъ въ Свѣтозерскую пустынь, къ іеромонаху Мисаилу, котораго чтятъ и уважаютъ; что Степанида Матвѣевна,—а ужъ изъ виа, родственниковъ, кто не слыхалъ про Степаниду Матвѣевну? Она меня прошлаго года, изъ Духанова, помеломъ прогнала,—что эта Степанида Матвѣевна получила письмо, такого содержанія, что у ней, въ Москвѣ, кто-то при послѣднемъ издыханіи: отецъ или дочь, не знаю кто именно, да и не пытерисуюсь знать; можетъ-быть и отецъ и дочь виѣстѣ; можетъ-быть еще съ прибавкою какого-нибудь племянника, служащаго по питейной части.... Однимъ словомъ она до того была оконфужена, что, дней на десять, рѣшилась рас проститься съ своимъ княземъ и полетѣла въ столицу, украсить ее своимъ присутствіемъ. Князь сидѣлъ день, сидѣлъ другой, примѣрялъ парики, помадился, фабрился, загадалъ-было на картахъ (можеть быть даже и на бобахъ); но стало не въ мочь безъ Степаниды Матвѣевны! приказать лошадей и покатилъ въ Свѣтозерскую пустынь. Кто-то изъ домашнихъ боясь невидимой Степаниды Матвѣевны, осмѣялся-было возразить; но князь настоялъ. Выѣхалъ вчера послѣ обѣда, ночевалъ въ Игнешевѣ, со станціи сѣхалъ на зарѣ и, на самомъ поворотѣ къ іеромонаху Мисаилу, полетѣлъ съ каретой чуть не въ оврагъ. Я его спасаю, уговариваю заѣхать къ общему другу нашему, многоуважаемой Марье Александровнѣ; онъ говорить про васъ, что вы очаровательнѣйшая дама, изъ всѣхъ, которыхъ онъ когданибудь зналъ, и вотъ мы здѣсь, а князь поправляетъ теперь на верху свой туалетъ, съ помощію своего каммердинера, котораго не забылъ взять съ собою, и котораго никогда и ни въ какомъ случаѣ не забудетъ взять съ собою, потому что согласится скорѣе умереть, чѣмъ явиться къ дамамъ.

безъ иѣкоторыхъ приготовленій, или лучше сказать—исправлений.... Вотъ и вся исторія! Eine allerliebste Geschichte!

— Но какой онъ юмористъ, Зина! — вскрикиваетъ Марья Александровна, выслушавъ,— какъ онъ это мило разсказываетъ! Но послушайте, Поль, одинъ вопросъ: объясните мнѣ хорошенько ваше родство князю! Вы называете его дядей?

— Ей Богу не знаю, Марья Александровна, какъ и чѣмъ я родня ему: кажется седьмая вода, можетъ-быть даже и не на кисель, а на чѣмъ-нибудь другомъ. Я тутъ не виноватъ никаколько; а виновата во всемъ этомъ тетушка Аглай Михайловна. Впрочемъ тетушкѣ Аглай Михайловнѣ больше и дѣлать нечего, какъ пересчитывать по пальцамъ родню; она-то и прокурила меняѣхать къ нему, прошлаго лѣта, въ Духаново. Съѣздила-бы сама! Просто за просто я называю его дядюшкой; онъ откликается. Вотъ вамъ и все наше родство, на сегодняшній день по крайней мѣрѣ....

— Но я все таки повторяю, что только одинъ Богъ, могъ вѣсть надоумить привезти его прямо ко мнѣ! Я трепещу, когда воображу себѣ, что-бы съ нимъ было, бѣдняжкой, еслибъ онъ попалъ къ кому-нибудь другому, а не ко мнѣ? Да его-бы здѣсь расхватали, разобрали по косточкамъ, съѣли! Бросились-бы на него какъ на рудникъ, какъ на розсыпь, — пожалуй обокрали-бъ его! Вы не можете представить себѣ какіе здѣсь жадные, низкие и коварные людшки, Павель Александровичъ!....

— Ахъ, Боже мой, да къ кому-жъ его и привезти какъ не къ вамъ, — какія вы, Марья Александровна! — подхватывается Настасья Петровна, вдова разливающая чай. — Вѣдь не къ Аниѣ-же Николаевнѣ везти его, какъ вы думаете?

— Но однако-жъ, что онъ такъ долго не выходитъ? Это даже странно, — говоритъ Марья Александровна, въ нетерпѣніи вставая съ мѣста.

— Дядюшка-то? Да я думаю онъ еще пять часовъ будеть тамъ одѣваться! Ктому-же, такъ-какъ у него совершенно нѣть памяти, то онъ можетъ-быть и забыть, что прїѣхалъ къ вамъ въ гости. Вѣдь это удивительнѣйшій человѣкъ, Марья Александровна!

— Ахъ полноте, пожалуста, что вы!

— Вовсе не что вы, Марья Александровна, а сущая правда! Вѣдь это полукомпозиція, а не человѣкъ! Вы его видѣли шесть лѣтъ назадъ, а я часть тому назадъ его видѣлъ. Вѣдь это полулюпойникъ! Вѣдь это только воспоминаніе о человѣкѣ; вѣдь его забылъ похоронить! Вѣдь у него глаза вставные, ноги пробочныя, онъ весь на пружинахъ, онъ и говорить на пружинахъ!

— Боже мой, какой вы однакоже вѣтренникъ, какъ я васъ послушаю! восклицаетъ Марья Александровна, принимая строгій видъ. И какъ не стыдно вамъ, вамъ, молодому человѣку, родственнику, говорить такъ про этого почтеннаго старичка! Не говоря уже о его безпримѣрной добротѣ — и голосъ ея принимаетъ какое-то трогательное выраженіе — вспомните, что это остатокъ, такъ сказать обломокъ нашей аристократіи! Другъ мой, шопаші! Я понимаю, что вы вѣтренничаете изъ какихъ-то тамъ вашихъ новыхъ идей, о которыхъ вы безпрерывно толкуете. Но Боже мой! Я и сама — вашихъ новыхъ идей! Я понимаю, что основаніе вашего направленія благородно и честно. Я чувствую, что въ этихъ новыхъ идеяхъ есть даже что-то возвышенное; но все это не мѣшаетъ мнѣ видѣть и прямую, такъ-сказать, практическую сторону дѣла. Я жила на свѣтѣ, я видѣла больше васъ и, наконецъ, я мать, а вы еще молоды! Онъ старичекъ и потому на ваши глаза смѣшонъ! Мало того: вы прошлый разъ говорили даже, что намѣрены отпустить вашихъ крестьянъ на волю, и что надобно-же что-нибудь сдѣлать для вѣка и все это оттого, что вы начитались тамъ какого-нибудь вашего Шекспира! Повѣрьте, Павелъ Александровичъ, вашъ Шекспиръ давнымъ давно уже отжилъ свой вѣкъ и еслиъ воскресъ, то, со всѣмъ своимъ умомъ, не разобралъ бы въ нашей жизни ни строчки! Если есть что-нибудь рыцарское и величественное въ современномъ намъ обществѣ, такъ это именно въ высшемъ сословіи. Князь и въ кульѣ князь, князь и въ лачугѣ будетъ какъ во дворцѣ! А вотъ мужъ Натальи Дмитріевны чуть-ли не дворецъ себѣ выстроилъ, — и все таки онъ только мужъ Натальи Дмитріевны и ничего больше! Да и сама Наталья Дмитріевна, хоть пят-

десять кринолиновъ не себя нальши — все таки останется прежней Натальей Дмитріевной, и нисколько не прибавить себѣ. Вы тоже, отчасти, представитель высшаго сословія, потому что отъ него происходите. Я тоже себя считаю ис чужою ему, а дурное то дитя, которое мараеть свое гнѣздо! Но впрочемъ вы сами дойдете до всего этого лучше меня, топ cher Paul и забудете вашего Шекспира. Предрекаю вамъ. Я увѣрена, что вы даже и теперь не искреши, а такъ только, модничаєте. Впрочемъ я заболталаась. Побудьте • здѣсь, топ cher Paul, я сама схожу наверхъ и узнаю о князѣ. Можетъ-быть ему надо чего-нибудь, а вѣдь съ моими людышками....

И Марья Александровна поспѣшила вышла изъ комнаты, вспомни о своихъ людышкахъ.

— Марья Александровна кажется очень рады, что князь не достался этой Франтихѣ, Ангѣ Николавиѣ. А вѣдь увѣрила все, что родня ему. То-то разрывается, должно-быть, теперь отъ досады! — замѣтила Настасья Петровна; но замѣтивъ, что ей не отвѣчаютъ и взглянувъ на Зину и на Павла Александровича, г-жа Зяброва тотчасъ догадалась и вышла, какъ-будто задѣломъ, изъ комнаты. Она, впрочемъ, немедленно вознаградила себя, остановилась у дверей и стала послушивать. Она ужасно любила послушивать.

Павель Александровичъ тотчасъ-же обратился къ Зинѣ. Опь былъ въ ужасномъ волненіи; голосъ его дрожалъ.

— Зинанда Афанасьевна, вы не сердитесь на меня? проговорилъ онъ съ робкимъ и умоляющимъ видомъ.

— На васъ? Зачто-же? сказала Зина, слегка покраснѣвъ и поднявъ на него чудные глаза.

— За мой ранній прѣездъ, Зинанда Афанасьевна! Я не вытерпѣлъ, я не могъ дожидаться еще двѣ недѣли.... Вы мыѣ сипились даже во спѣ. Я прiletѣлъ узнать мою участъ.... Но вы хмуритесь, вы сердитесь! Неужелъ и теперь я не узнаю ничего рѣшительнаго?

Зинанда дѣйствительно нахмурилась.

— Я ожидала, что вы заговорите объ этомъ, — отвѣчала она снова опустивъ глаза, голосомъ твердымъ и строгимъ, но въ которомъ слышалась досада. — И такъ-

какъ это ожиданіе было для меня очень тяжело, то чѣмъ скорѣе оно разрѣшилось, тѣмъ лучше. Вы опять требуете, т. е. просите отвѣта. Извольте, я повторю вамъ его, потому что мой отвѣтъ все тотъ-же, какъ и прежде: подождите! Повторяю вамъ,— я еще не рѣшилась и не могу вамъ дать обѣщаніе быть вашею женой. Этого не требуютъ насильно, Павелъ Александровичъ. Но, чтобъ успокоить васъ, прибавляю, что я еще не отказываю вамъ окончательно. Замѣтьте еще: обнадѣживая васъ теперь на благопріятное рѣшеніе, я дѣлаю это единственно потому, что симходительна къ вашему нетерпѣнію, и беспокойству. Повторяю, что хочу о-статься совершенно свободною въ своемъ рѣшеніи и если я вамъ скажу, наконецъ, что я не согласна, то вы и не должны обвинять меня, что я васъ обнадѣживала. И такъ, знайте это.

— И такъ, что-же это! вскричалъ Мозгляковъ жалобнымъ голосомъ. — Неужели это надежда! Могу-ли я извлечь хоть какую нибудь надежду изъ вашихъ словъ, Зинаида Афанасьевна?

— Припомните все, что я вамъ сказала и извлекайте все, что вамъ угодно. Ваша воля! Но я больше ничего не прибавлю. Я вамъ еще не отказываю, я говорю только-ждите. Но повторяю вамъ, я оставляю за собой полное право отказать вамъ, если мнѣ вздумается. Замѣчу еще одно, Павелъ Александрович; если вы пріѣхали раньше положеннаго для отвѣта срока, чтобы дѣйствовать окольными путями, на-дѣясь на постороннюю протекцію, на примѣръ хоть на вліяніе маменьки, то вы очень ошиблись въ разсчетѣ. Я тогда прямо откажу вамъ, слышите-ли это? А теперь довольно и, пожалуста, до извѣстнаго времени, не поминайте мнѣ объ этомъ ни слова.

Вся эта рѣчь была произнесена сухо, твердо и безъ запинки, какъ-будто заранѣ заученная. Мсье Поль почувствовалъ, что остался съ носомъ. Въ эту минуту воротилась Марья Александровна. За нею почти тотчасъ-же госпожа Зяброва.

— Онь кажется сейчасъ сойдетъ, Зина! Настасья Петровна, скорѣе заварите новаго чаю! Марья Александровна была даже въ маленькомъ волненіи.

— Анна Николаевна уже присыпала навѣдаться. Ея Аньютка пріѣгала на кухню и распрашивала. То-то злится теперь! — возвѣстила Настасья Петровна, бросаясь къ самовару.

— А мнѣ какое дѣло! сказала Марья Александровна, отвѣчая черезъ плечо госпожѣ Зябловой. — Точно я интересуюсь знать-что думаетъ ваша Анна Николаевна? Повѣрьте не буду никого подсыпать къ ней на кухню. И удивляюсь, рѣшительно удивляюсь, почему вы все считаете меня врагомъ этой бѣдной Анны Николавны, да и не вы одна а всѣ въ городѣ? Я на васъ пошлюсь, Павелъ Александровичъ! Вы знаете насть обѣихъ, — пу изъ чего я буду врагомъ ся? За первенство? Но я равнодушна къ этому первенству. Пусть ее, пусть будетъ первая! Я первая готова поѣхать къ ней поздравить ее съ ея первенствомъ. И наконецъ все это несправедливо. Я заступлюсь за нее, я обязана за нее заступиться! На нее клевещутъ. За что вы всѣ на нее нападаете? Она молода и любитъ паряды, — за это что-ли? Но по моему ужъ лучше паряды, чѣмъ что-нибудь другое, вотъ какъ Наталья Дмитріевна, которая такое любитъ, что и сказать нельзя. За то-ли, что Анна Николаевна ёздить по гостямъ и не можетъ посидѣть дома? Но, Боже мой! Она не получила никакого образованія и ей, конечно, тяжело раскрыть, на примѣръ, книгу или заняться чѣмъ нибудь двѣ минуты сряду. Она кокетничаетъ и дѣлаетъ изъ окна глазки всѣмъ, кто ни пройдетъ по улицѣ. Но зачѣмъ-же увѣряютъ ее, что она хорошенькая, когда у ней только бѣлое лицо и больше ничего? она смѣшить въ танцахъ, — соглашаюсь! Но зачѣмъ-же увѣряютъ ее, что она прекрасно полькируетъ? На ней невозможныя паколки и шляпки, — по чѣмъ-же виновата она, что ей Богъ не далъ вкусу, а напротивъ далъ столько легковѣрія. Увѣрьте ее, что хорошо приколоть къ волосамъ конфетную бумажку, она и приколеть. Она сплетница, — по это здѣшняя привычка: кто здѣсь не сплетничаетъ? Къ ней ёздитъ Сушкиловъ съ своими бакенбардами и утромъ и вечеромъ и чуть-ли не ночью. Ахъ, Боже мой! еще-бы мужъ козырялъ въ карты до пяти часовъ утра! Кому-же здѣсь столько дурныхъ примѣровъ! Наконецъ это еще, можетъ-быть и клевета. Словомъ, я всегда, всегда за-

ступлюсь за нее!.... Но Боже мой! вотъ и князь! Это онъ, онъ! Я узнаю его! Я узнаю его изъ тысячи! Наконецъ-то я вѣсъ вижу, топ prince!—вскричала Марья Александровна и бросилась на встрѣчу вошедшему князю.

ГЛАВА IV.

Съ первого, бѣлага взгляда, вы вовсе не сочтете этого князя за старика, и только взглянувъ поближе и пристальнѣе увидите, что это какой-то мертвецъ на пружинахъ. Всѣ средства искусства употреблены, чтобы закостюмировать эту мумію въ юношу. Удивительные парикъ, бакенбарды, усы и эспаньолка, превосходнѣйшаго чернаго цвѣта, закрываютъ половину лица. Лицо набѣлленное и нарумяненное необыкновенно искусно и на немъ почти нѣть морщинъ. Куда онъ дѣлъся? — неизвѣстно. Одѣтъ онъ совершенно по модѣ, точно вырвался изъ модной картинки. На немъ какая-то визитка, или что-то подобное, ей Богу не знаю, что именно, но только что-то чрезвычайно модное и современное, созданное для утреннихъ визитовъ. Перчатки, галстукъ, жилетъ, бѣлье и все прочее, — все это ослѣпительной свѣжести и изящнаго вкуса. Князь не много прихрамываетъ; но прихрамываетъ такъ ловко, какъ-будто и это необходимо по модѣ. Въ глазу его стеклыshko, въ томъ самомъ глазу, который и безъ того стеклянный. — Князь пропитанъ духами. Разговаривая онъ какъ-то особенно протягиваетъ иные слова, — можетъ быть отъ старческой немощи, можетъ быть оттого, что всѣ зубы вставные, можетъ быть и для пущей важности. Нѣкоторые слоги онъ произносить необыкновенно сладко, особенно напирая на букву э. Да, у него какъ-то выходитъ дѣ, но только еще не много по-слаще. Во всѣхъ манерахъ его что-то небрежное, заученное въ продолженіе всей франтовской его жизни. Но вообще, если и сохранилось что-нибудь отъ этой прежней, франтовской его жизни, то сохранилось уже какъ-то безсознательно, въ видѣ какого-то неяснаго воспоминанія, въ видѣ какой-то пережитой и отпѣтой старины, которую, увы! не воскресить ни какие косметики, корсеты, парфюмеры и парикмахеры.

И потому лучше сдѣлаемъ, если заранѣ признаемся, что старичекъ, если и не выжилъ еще изъ ума, то давно уже выжилъ изъ памяти и поминутно сбивается, повторяется и даже совсѣмъ завирается. Нужно даже умѣнье, чтобы съ нимъ говорить. Но Марья Александровна надѣется на себя и при видѣ князя приходитъ въ неизрѣченный восторгъ.

— Но вы ничего, ничего не перемѣнились! — восклицаетъ она, хватая гостя за обѣ руки и усаживая его въ покойное кресло. — Садитесь, садитесь, князь! Шесть лѣтъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ не видались, и ни одного письма, даже ни строчки во все это время! О, какъ вы виноваты передо мною, князь! Какъ я зла была на васъ, *mon cher prince!* Но чаю, чаю! Ахъ, Боже мой! Настасья Петровна, чаю!

— Благодарю, bla-go-дарю, вин-новать! Шепелявить князь, (мы забыли сказать, что онъ немногого шепелявить, но впрочемъ и это дѣлаетъ какъ будто по модѣ.) — Ви-но-вать! и представьте себѣ, еще прошлаго года непре-мѣнно хотѣль сюда ѿхать, — прибавлять онъ, лорнируя комнату; — да напугали. Тутъ, говорить, хо-ле-ра была....

— Нѣть князь, у насъ не было холеры, говорить Марья Александровна.

— Здѣсь былъ скотскій надежъ, дядюшка! — вставляетъ Мозгляковъ, желая отличиться. Марья Александровна обмираетъ его строгимъ взглядомъ.

— Ну да, скотскій па-дежъ, или что-то въ этомъ родѣ... Я и остался. Ну какъ вашъ мужъ, моя милая Анна Николавна? Все по своей проку-рорской части?

— Н-нѣть, князь, говорить Марья Александровна, не много заикаясь. — Мой мужъ не про-ку-роръ....*

— Бьюсь обѣ закладъ, что дядюшка сбился и принимаетъ васъ за Анну Николавну Антипову! — вскрикиваетъ догадливый Мозгляковъ, но тотчасъ спохватывается, замѣчая, что и безъ этихъ поясненій Марью Александровну какъ будто всю покоробило.

— Ну да, да, Анну Николавну, и-и- (я все забываю!) Ну да, Антипову, именно Анти-пову, — подтверждаетъ князь.

— Н-нѣть, князь, вы очень ошиблись, — говоритъ Марья Александровна, съ горькой улыбкой. — Я вовсе не Анна

Неколавна п., призываюсь, никакъ, никакъ не ожидала, что вы меня не узнаете! Вы меня удивили, князь! Я вашъ бывшій другъ, Марья Александровна Москалева. Помилите, князь, Марью Александровну?....

— Марью А-лек-саид-ровну! представьте себѣ! а я и-меншъ по-ла-галъ, что вы то и есть (какъ ее!)—иу да! Анна Васильевна.... *C'est delicieus!* Значитъ я не туда заѣхалъ. А я думалъ, мой другъ, что ты именно ве-зешь меня къ этой Аннѣ Матвѣевнѣ. *C'est charmant!* Впрочемъ это со мной часто случается.... Я часто не туда заѣзжаю. Я вообще доволенъ, всегда доволенъ, чтобъ не случилось. Такъ вы не Настасья Ва-сильевна? Это инте-ресно....

— Марья Александровна, князь, Марья Александровна! О какъ вы виноваты передъ мной! Забыть своего лучшаго, лучшаго друга!

— Ну да, лучшаго друга.... *pardon, pardon!* — шепелявить князь, заглядываясь на Зину.

— А это дочь моя, Зина. Вы еще не знакомы, князь. Ее не было въ то время, когда вы были здѣсь, помните-въ—мъ году?

— Это ваша дочь! *Charmante, charmante!* бормочеть князь, съ жадностю лорнируя Зину.— *Mais quelle beauté!*— шепчетъ онъ, видимо пораженный.

— Чай, князь, — говоритъ Марья Александровна, привлекая вниманіе князя на казачка, стоящаго передъ имъ съ подносомъ въ рукахъ. Князь беретъ чашку и засматривается на мальчика, у которого пухленькия и розовые щечки.

— А-а-а, это вашъ мальчикъ? — говоритъ онъ. — Какой хо-ро-шень-кой мальчикъ!.... и-и-и вѣрно хо-рѣ-шъ.... ведеть себя?

— Но, князь, — поспѣшило перебиваетъ Марья Александровна,— я ссыпала объ ужаснѣйшемъ происшествіи! Принимаюсь, я была внѣ себя отъ испуга.... Не ушиблись ли вы? Смотрите! этимъ пренебрегать невозможно....

— Вывалиль! вывалиль! кучерь вывалиль! — восклицаетъ князь съ необыкновеннымъ одушевленіемъ.— Я уже думалъ, что наступаетъ свѣто-представление или что-нибудь въ этомъ родѣ, и такъ, признаюсь, испугался, что, — прости меня

Отд. I.

угодникъ!—небо съ овчинку показалось! Не ожидалъ, не-ожидалъ! совсѣмъ не о-жи-далъ! И во всемъ этомъ мой кучерь Ще-о-филь виноватъ! Я ужъ на тебя во всемъ ладьюсь, мой другъ: распорядись и розыщи хорошенько.—Я у-вѣ-ренъ, что онъ на жизнь мою по-ку-шался.

— Хорошо, хорошо, дядюшка! отвѣчаетъ Павелъ Александровичъ, все розыщу! Только послушайте, дядюшка! Простите-ка его для сегодняшняго дня, а? Какъ вы думаете?

— Ни-за-что не прошу! Я увѣренъ, что онъ на жизнь мою поку-шался! Опъ и еще Лаврентій, котораго я дома оставилъ. Вообразите: нахватался, знаете, какихъ-то новыхъ идей! Отрицаніе какое-то въ немъ явилось.... Однимъ словомъ: комунистъ, въ полномъ смыслѣ слова! Я ужъ и встрѣчаться съ нимъ боюсь!

— Ахъ какую вы правду сказали, князь! восклицаетъ Марья Александровна. Вы не повѣрите, какъ я сама страдаю отъ этихъ негодныхъ людышекъ! Вообразите: я теперь не-ремѣнила двухъ изъ мопхъ людей и, признаюсь, они такъ глупы, что я просто бьюсь съ ними съ утра до вечера. Вы не повѣрите, какъ-они глупы, князь!

— Ну да, ну да! Но призываюсь вамъ, я даже люблю, когда лакей отчасти глупъ,—замѣчаетъ князь, который, какъ и всѣ старички, радъ, когда болтовню его слушаютъ съ подобострастіемъ. Къ лакею это какъ-то идетъ и даже со-ставляетъ его достоин-ство, если онъ чистосердченъ и глупъ. Разумѣется въ иныхъ только слу-ча-яхъ. Са-но-ви-тости въ немъ оттого какъ-то больше, тор-жественность ка-кая-то въ лицѣ у него является, однимъ словомъ благово-спитанности больше, а я прежде всего требую отъ человѣка bla-gо-wos-pitan-nosti. Вонъ у меня Те-рен-тій есть. Вѣдь ты помнишь, мой другъ, Те-рен-тія? Я какъ взглянулъ на него, такъ и предрекъ ему, съ первого раза: быть тебѣ въ швейцарахъ! Глупъ фе-но-менально! смотрить какъ баранъ на воду! Но какая са-но-витость, какая тор-жественность! Кадыкъ такой, свѣтло-розовый! Ну, а вѣдь это, въ бѣломъ галстухѣ, и во всемъ парадѣ составляетъ эффектъ. И душевно его полюбилъ. Иной разъ смотрю на него и засматриваюсь: рѣшительно диссертацию сочиняетъ,—такой важный видъ! од-

нимъ словомъ настоящій нѣмецкій философъ Кантъ, или, еще вѣрнѣе, откормленный жирный индюкъ. Совершенный *comme il-faut* для служащаго человѣка!.

Марья Александровна хохочетъ съ самымъ восторженнымъ увлечениемъ и даже хлопаетъ въ ладошки. Павель Александровичъ вторитъ ей отъ всего сердца: его чрезвычайно занимаетъ дядя. Захохотала и Настасья Петровна. Улыбнулась даже и Зина.

— Но сколько юмору, сколько веселости, сколько въ васъ остроумія, князь! — восклицаетъ Марья Александровна. — Какая драгоценная способность подмѣтить самую тонкую, самую смѣшную черту!.... И изчезнуть изъ общества, запереться на цѣльыхъ пять лѣтъ! Съ такимъ талантомъ! Но вы бы могли писать, князь! Вы бы могли повторить фон-Визиша, Грибоѣдова, Гоголя!....

— Ну да, пу да! — говоритъ вседовольный князь, — я могу пов-то-рить.... и, знаете, я былъ необыкновенно острогуменъ въ прежнее время. Я даже для сцены во-де-виль написалъ.... Тамъ было нѣсколько вос-хп-ти-тельныхъ куплетовъ! Впрочемъ его никогда не играли....

— Ахъ, какъ-бы это мило было прочесть! И знаешь, Зина, вотъ теперь-бы кстати! У насть-же собираются составить театръ, — для патріатического пожертвованія, князь, въ пользу раненыхъ.... вотъ-бы вашъ водевиль!

— Конечно! Я даже опять готовъ написать.... впрочемъ я его совершенно за-былъ. Но помню тамъ было два-три каламбура такихъ, что.... — (и князь поцаловалъ свою ручку). — И вообще, когда я былъ за гра-ци-цей, то я производилъ нас-то-ящій fu-го-ге. Лорда Байрона помню. Мы были на дружеской но-гѣ. Восхитительно танцевали краковякъ на Вѣнскомъ конгрессѣ.

— Лордъ Байронъ, дядюшка! помпуйте, дядюшка, что вы?

— Ну да, Лордъ Байронъ. Впрочемъ можетъ быть, это былъ и не Лордъ Байронъ, а кто-нибудь другой. Именно не лордъ Байронъ, а одинъ полякъ! Я теперь совершенно припоминаю. И пре-ори-ги-нальный былъ этотъ по-лякъ: выдалъ себя за графа, а потомъ оказалось, что онъ былъ ка-

кой-то кухмистеръ. Но только вос-хи-ти-тельнъ танцеваль краковякъ и иаконецъ сломалъ себѣ ногу. Я еще тогда, на этотъ случаѣ, стихи сочинилъ:

Нашъ 'по-лякъ
Танцеваль краковякъ....'

А тамъ.... а тамъ вотъ ужъ дальше и не припомню....

— А какъ ногу сломалъ
Танцевать пересталъ.

— Ну ужъ вѣрио такъ, дядюшка? — восклицаетъ Мозгликовъ, все болѣе и болѣе приходя въ вдохновеніе.

— Кажется что такъ, другъ мой, — отвѣчаетъ дядюшка, — или что-нибудь по-добное. Впрочемъ можетъ быть и не такъ, но только преудачные вышли стишкы.... Вообще я теперь забылъ иѣкоторыя происшествія. Это у меня отъ занятій.

— Но скажите, князь, чѣмъ же вы, все это время, занимались въ вашемъ уединеніи, — интересуется Марья Александровна. — Я такъ часто думала о васъ, mon cher prince, что, признаюсь, на этотъ разъ сгараю петербургіемъ узнать обѣ этомъ подробнѣе....

— Чѣмъ занимался? Ну, вообще, знаете, много занятій. Когда — отдыхаешь; а иногда, знаете, хожу, воображаю разныя вещи....

— У васъ, должно-быть, чрезвычайно сильное воображеніе, дядюшка?

— Чрезвычайно сильное, мой милый. Я никогда такое воображу, что даже самъ себѣ, потомъ, удивляюсь. Когда я былъ въ Кадуевѣ.... А прорѣ! вѣдь ты, кажется кадуевскимъ вицегубернаторомъ былъ?

— Я, дядюшка! Помилуйте, что вы! восклицаетъ Павель Александровичъ.

— Представь себѣ, мой другъ! а я тебя все припимаю за вицегубернатора, да и думаю: что-жъ это у него, какъ-будто-бы вдругъ, стало совсѣмъ другое лицо?.... У того знаешь, было лицо такое о-са-нистое, умное. Не-о-бык-но-венно умный былъ человѣкъ и все стихи сочинялъ на разныя случаи. Не много, такъ, съ-боку, на бубноваго короля былъ похожъ....

— Нѣтъ, князь, — перебиваетъ Марья Александровна, — клянусь, вы погубите себя такой жизнью! Затвориться на пять лѣтъ въ уединеніе, никого не видать, ничего не слыхать! Но вы погибшій человѣкъ, князь! Кого хотите спросите изъ тѣхъ — кто вамъ преданъ и вамъ всякий скажетъ, что вы — погибшій человѣкъ!

— Неужели? восклицаетъ князь.

— Увѣряю вѣсть; я говорю вамъ какъ другъ, какъ сестра ваша! Я говорю вамъ потому, что вы мнѣ дороги, потому что память о прошломъ для меня священна! Какая выгода была-бы мнѣ лицемѣрить? Нѣтъ, вамъ нужно до основанія измѣнить вашу жизнь,—иначе вы заболѣте, вы истощите себя, вы умрете....

— Ахъ, Боже мой! Неужели такъ скоро умру! — восклицаетъ испуганный князь — и, представьте себѣ; вы угадали: меня чрезвычайно мучитъ геморой, особенно съ некотораго времени.... И когда у меня бываютъ припадки, то вообще у-ди-ви-тельные при этомъ симптомы: (я вамъ подробнѣйшимъ образомъ ихъ опишу) — Во первыхъ....

— Дядюшка это вы въ другой разъ расскажете, — подхватываетъ Павелъ Александровичъ, а теперь.... не пора ли начатьѣхать?

— Ну да! пожалуй, въ другой разъ. Это, можетъ-быть, и не такъ интересно слушать. Я теперь соображаю.... Но все-таки это чрезвычайно любопытная болѣзнь. Есть разные эпизоды.... Напомни мнѣ, мой другъ, я тебѣ ужо-вечеромъ рассказалъ одинъ случай въ под-роб-ности....

— Но послушайте, князь, вамъ-бы попробовать лечиться за границей, — перебиваетъ еще разъ Марья Александровна.

— За границей! Ну да, шу да! Я непремѣнно поѣду за границу. Я помню, когда я былъ за границей въ двадцатыхъ годахъ, тамъ было у-ди-ви-тельно весело. Я чуть-чуть не женился на одной виконтессѣ, француженкѣ. Я тогда былъ чрезвычайно влюбленъ и хотѣлъ посвятить ей всю свою жизнь. Но впрочемъ женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовалъ, одинъ иѣмецкій баронъ; онъ еще потомъ, некоторое время, въ сумашедшемъ домѣ спѣлъ.

— Но cher prince, я къ тому говорила, что вамъ надо серьозно подумать о своемъ здоровыи. За границей такие медики.... и, сверхъ того, чего стонтъ ужъ одна перемѣна жизни! Вамъ рѣшительно надо бросить хоть на время ваше Духаново.

— Нен-ре-мѣнио! Я уже давно рѣшился, и, знаете, намѣренъ лѣчиться гид-ро-па-тией.

— Гидропатіей?

— Гидропатіей. Я уже лечился разъ гид-ро-па-тией. Я былъ тогда на водахъ. Тамъ была одна московская барышня, я ужъ и фамилью забылъ, но только чрезвычайно поэтическая женщина, лѣтъ семидесяти была. При ней еще находилась дочь, лѣтъ пятидесяти, вдова съ бельмомъ на глазу. Та тоже чуть-чуть не стихами говорила. Потомъ еще съ ней несчастный случай вы-шелъ: свою дворовую дѣвку, осердясь, убила и за то подъ-судомъ была. Вотъ и вздумали онѣ меня водой лѣчить. Я, признаюсь, ничемъ не былъ болѣнь; пу пристали ко мнѣ: «лѣчись да лѣчись!» Я, изъ деликатности и началь пить воду, думаю: и въ самомъ-дѣлѣ легче сдѣ-ляется. Пиль-пиль, пиль-пиль, вышилъ цѣлый водопадъ, и, знаете, эта гидропатія преполезная вещь и ужасно много пользы мнѣ принесла, такъ что еслибъ я наконецъ не забо-лѣль, то увѣряю васъ, что былъ-бы совершенно здоровъ....

— Вотъ это совершенное справедливое заключеніе, дядюшка! Скажите, дядюшка, вы учились логикѣ?

— Боже мой! какіе вы вопросы задаете! — строго замѣчаетъ скандализированная Марья Александровна.

— Учился, другъ мой, но только очень давно. Я и философіи обучался въ Германии, весь курсъ прошелъ, но только тогда-же все совершенно забылъ. Но.... признаюсь вамъ.... вы меня такъ испугали этими болѣзнями, что я.... весь растроенъ. Впрочемъ я сейчасъ ворочусь....

— Но куда-жъ вы, князь? — вскрикиваетъ удивленная Марья Александровна.

— Я сейчасъ, сейчасъ.... Я только записать одну новую мысль.... au revoig....

— Каковъ? — вскрикиваетъ Павель Александровичъ и заливается хохотомъ.

Марья Александровна теряетъ терпѣніе.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю чмъ вы смеетесь! — начинаетъ она съ горячностю. — Смеяться надъ поченнымъ старичкомъ, надъ родственникомъ, подымать на смѣхъ каждое его слово, пользуясь ангельской его добротою! — Я краснѣла за васъ, Павель Александровичъ! Но, скажите, чмъ онъ смѣшенъ по вашему? Я ничего не нашла въ немъ смѣшнаго.

— Что онъ не узнаетъ людей, что онъ иногда заговоривается?

— Но это слѣдствіе ужасной жизни его, ужаснаго пятилѣтняго заключенія, подъ надзоромъ этой адской женщины. Его надо жалѣть, а не смеяться надъ нимъ. Онъ даже меня не узнаетъ; вы были сами свидѣтелемъ. Это уже, такъ-скажать, — вопиетъ! Его рѣшительно надо спасти! Я предлагаю емуѣхать за границу, единственно въ надеждѣ, что онъ, можетъ-быть, бросить эту... торговку!

— Знаете-ли чмъ его надо женить, Марья Александровна! восклицаетъ Павель Александровичъ.

— Опять! Но вы не исправимы послѣ этого, Мсье Мозгликовъ!

— Нѣтъ, Марья Александровна, нѣтъ! Въ этотъ разъ я говорю совершенно серьезно! Почему-жъ не женить? Это тоже идея! *C'est une idée comme une autre!* Чмъ можетъ это повредить ему, скажите пожалуста? Онъ, напротивъ, въ такомъ положеніи, что подобная мѣра можетъ только спасти его! По закону онъ еще можетъ жениться. Во первыхъ, онъ будетъ избавленъ отъ этой пройдохи, (извините за выражение). Во вторыхъ и, главное, — представьте себѣ, что онъ выберетъ дѣвушку, или, еще лучше, вдову, милую, добрую, умную, иѣжную и, главное, бѣдную, которая будетъ ухаживать за нимъ какъ дочь и пойметъ, что онъ ее облагодѣтельствовалъ, назвавъ своею женою. А что-же ему лучше, какъ не родное, какъ не искреннее и благородное существо, которое безпрерывно будетъ подѣлъ него, вмѣсто этой.... бабы? Разумѣется, она должна быть хорошенькая: потому

что дядюшка до сихъ поръ еще любить хорошенъкъ. Вы замѣтили какъ онъ заглядывался на Зинанду Афанасьевну?

— Да гдѣ же вы найдете такую невѣсту? — спрашиваетъ Настасья Петровна, прилежно слушавшая.

— Вотъ такъ сказали: да хоть бы вы, если только угодно! Позвольте спросить: чѣмъ вы не невѣста князю? Во первыхъ — вы хорошенъкая, во вторыхъ — вдова, въ третьихъ-благородная, въ четвертыхъ — бѣдная, (потому что вы дѣйствительно небогатая), въ пятыхъ — вы очень благоразумная дама, следственію будете любить его, держать его въ хлопочкахъ, прогоните ту барыню въ толчки, повезете его за границу, будете кормить его манной кашкой и конфектами, все это равно до той минуты, когда онъ оставитъ сей бренный міръ, что будетъ ровно черезъ годъ, а можетъ быть и черезъ два мѣсяца съ половиною. Тогда вы княгиня, вдова, богачка и въ награду за вашу рѣшимость, выходите замужъ за маркиза или за генераль-интенданта! *C'est joli, ne правда-ли?*

— Фу ты, Боже мой! да я бы мнѣ кажется влюбилась въ него, голубчик, изъ однай благодарности, еслибъ онъ только сдѣлалъ мнѣ предложеніе! — восклицаетъ г-жа Зяблова и темные, выразительные глаза ея засверкали.—Только все это — вздоръ!

— Вздоръ? хотите это будетъ не вздоръ? Попросите-ка меня хорошенко и потомъ палецъ мнѣ отрѣжьте если, сегодня-же, не будете его невѣстою! Да иѣтъ ничего легче уговорить или сманиТЬ па что-нибудь дядюшку! Онъ на все говорить: «Ну да, ну да!» — сами слышали. Мы его женимъ такъ, что онъ и не услышитъ. Пожалуй обманемъ и женимъ; да вѣдь для его же пользы, помилосердуйте! хоть бы вы принарядились на всякий случай, — Настасья Петровна!

Восторгъ М-сье Мозглякова переходитъ даже въ азартъ. У г-жи Зябловой, какъ ни разсудительна она, потекли однакоже слюнки.

— Да ужъ я и безъ васъ знаю, что сегодня совсѣмъ замарашка, — отвѣчаетъ она. Совсѣмъ опустилась, давно не мечтаю. Вотъ и выѣхала такая мадамъ ГрибуСье... А что въ самомъ дѣлѣ я кухаркой кажусь?

Все это время Марья Александровна сидѣла съ какой-то странной миною въ лицѣ. Я не ошибусь если скажу, что она слушала странное предложеніе Павла Александровича съ какимъ-то испугомъ, какъ-то оторопѣвъ... Наконецъ она опомнилась.

— Все это положимъ очень хорошо, но все это вздоръ и нелѣпость, а, главное, совершенно некстати, — рѣзко прерываетъ она Мозглякова.

— Но почему же, добрѣйшая Марья Александровна, почему же это вздоръ и некстати?

— По многимъ причинамъ, а главное потому, что вы у меня въ домѣ, что князь — мой гость, и что я никому не позволяю забыть уваженіе къ моему дому. Я принимаю ваши слова не иначе какъ за шутку, Павелъ Александровичъ. Но, слава Богу! вотъ и князь!

— Вотъ и я! — кричтъ князь, входя въ комнату. — Удивительно, cher ami, сколько у меня сегодня разныхъ пдѣй. А другой разъ, можетъ быть ты и не повѣришь тому, какъ будто ихъ совсѣмъ не бы-ва-етъ. Такъ и сижу себѣ цѣлый день.

— Это, дядюшка, вѣроятно отъ сегодняшняго паденія. Это потрясло ваши нервы и вотъ...

— Я и самъ, мой другъ, этому же приписываю и нахожу этотъ случай даже по-лез-нымъ; такъ что я рѣшился просить моего Фео-фи-ла. Знаешь что? мнѣ кажется онъ не покушался на мою жизнь; ты думаешь? Притомъ же онъ и безъ того былъ недавно наказанъ, когда ему бороду сбрели.

— Бороду сбрали, дядюшка! Но у него борода съ иѣмѣцкое государство?

— Ну да, съ иѣмѣцкое государство. Вообще, мой другъ, ты совершенно справедливъ въ своихъ заклю-че-ніяхъ. Но это искуссвенное. И представьте себѣ какой случай; вдругъ присылаютъ мнѣ прейсъ-курантъ. Получены вновь изъ-за границы превосходнѣйша кучерскія и господскія бо-роды, равномѣрно бакенбарты, эспаньюолки, усы и проч., и все это лучшаго ка-чес-тва, и по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Дай, думаю, вышишу бо-ро-ду, хоть поглядѣть — что такое? Вотъ я выписалъ я бороду кучерскую, дѣйствительно борода

заглядѣніе! Но оказывается, что у Феофила своя собственная чуть не въ два раза больше. Разумѣется возникло недоумѣніе: сбрить-ли свою, или присланную назадъ отослать, а носить натуральную? Я думалъ-думалъ и рѣшился, что ужъ лучше носить искусственную.

— Вѣроятно потому, что искусство выше природы, дядюшка!

— Именно потому. И сколько ему страданій стоило, когда ему бороду брили? Какъ будто со всей своей карьерой съ бородой разставался... Но не пора-ли намъѣхать, мой милый?

— Я готовъ, дядюшка.

— Но я надѣюсь, князь, что вы только къ одному губернатору! — въ волненіи восклицаетъ Марья Александровна. Вы теперь *мой*, князь, и принадлежите моему семейству на цѣлый день. Я конечно ничего вамъ не буду говорить про здѣшнее общество. Можетъ быть вы пожелаете быть у Анны Николаевны, и я не въ правѣ васъ разочаровывать: къ тому же я вполнѣ увѣрена, что время покажетъ свое. Но помните одно, что я ваша хозяйка, сестра, мамка, пятачка на весь этотъ день и, признаюсь, я трепещу за васъ, князь! Вы не знаете, нѣть, вы не знаете вполнѣ этихъ людей, покрайней мѣрѣ до времени!...

— Положитесь на меня, Марья Александровна. Все какъ я вамъ обѣщаю, такъ будетъ, — говорить Мозгляковъ.

— Ужъ вы, вѣтренникъ! положись на васъ! Я васъ жду къ обѣду, князь. Мы обѣдаемъ рано. И какъ я жалѣю, что на этотъ случай мужъ мой въ деревнѣ! какъ бы радъ онъ былъ васъ увидѣть! Онъ такъ васъ уважаетъ, такъ душевно васъ любитъ!

— Вашъ мужъ? А у васъ есть и мужъ? спрашивается князь.

— Ахъ, Боже мой! какъ вы забывчивы, князь! Но вы совершенно, совершенно забыли все прежнее! Мой мужъ, Афанасій Матвѣичъ, неужели вы его не помните? Онъ теперь въ деревнѣ, но вы тысячу разъ его видѣли прежде. Помните князь: Афанасій Матвѣичъ?...

— Афанасій Матвѣичъ! въ деревнѣ! представте себѣ, *mais c'est deliciieux!* Такъ у васъ есть и мужъ? Какой странный одн-

ко же случай! Это точь-въ-точь какъ есть одинъ водевиль: мужъ въ дверь, а жена въ... позвольте, вотъ и забылъ! только куда-то и жена тоже поѣхала, кажется въ Тулу или въ Ярославль, однимъ словомъ выходить какъ-то очень смѣшино.

— Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, дядюшка! — подсказываетъ Мозгляковъ.

— Ну-ну! да-да! благодарю тебя, другъ мой, именно въ Тверь, *charmant, charmant!* такъ что опо и складно выходитъ. Ты всегда въ рифму понадаешь, мой милый! То-то я помню: въ Ярославль или въ Кострому, но только куда-то и жена тоже поѣхала! *Charmant, charmant!* Вирочекъ я не много забылъ, о чмъ я началъ говорить... да! и такъ мы ёдемъ, другъ мой. *Ai revoit Madame, adieu ma charmante demoiselle,* — прибавилъ князь, обращаясь къ Зинѣ и цалуя колечки своихъ пальцевъ.

— Обѣдать, обѣдать, князь! Не забудьте возвратиться скорѣе! — кричитъ вслѣдъ Марья Александровна.

ГЛАВА V.

Вы бы, Настасья Петровна, взглянули на кухиѣ, — говорить она, проводивъ князя. — У меня есть предчувствіе, что этотъ извергъ Никитка непремѣнно испортитъ обѣдъ! Я увѣрена, что онъ уже пьянъ...

Настасья Петровна повинуется. Уходя она подозрительно взгляиваетъ на Марью Александровну и замѣчаетъ въ ней какое-то необыкновенное волненіе. Вместо того, чтобы идти присморѣть за извергомъ Никиткой, — Настасья Петровна проходитъ въ залъ, оттуда коридоромъ, свою комнату, оттуда въ темную комнатку, въ родѣ чуланчика, гдѣ стоятъ сундуки, развѣшена кой-какая одежда и сохраняется въ узлахъ черное бѣлье всего дома. Она на цыпочкахъ подходитъ къ запертымъ дверямъ, скрадываетъ свое дыханіе, нагибается, смотритъ въ замочную скважинку и подслушиваетъ. Эта дверь, — одна изъ трехъ дверей той самой комнаты, гдѣ остались теперь Зина и ея маменька, — всегда паглоухо заперта и заколочена.

Марья Александровна считаетъ Настасью Петровну плутоватой, но чрезвычайно легкомысленной женщиной. Конечно, ей приходила иногда мысль, что Настасья Петровна не поцеремонится и подслушать . Но въ настоящую минуту госпожа Москалева такъ занята и взволнована, что совершенно забыла о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ. Она садится въ кресла и значительно взглядываетъ на Зину. Зина чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ и какал-то непріятная тоска начинаетъ щемить ея сердце.

— Зина!

— Зина медленно оборачиваетъ къ ней свое блѣдное лицо и подымаетъ свои черные, задумчивые глаза.

— Зина, я намѣрена поговорить съ тобой о чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

Зина оборачивается совершенно къ своей маменьки, складываетъ свои руки и стоитъ въ ожиданіи. Въ лицѣ ея досада и насмѣшка, что, впрочемъ, она старается скрыть.

— Я хочу тебя спросить, Зина, какъ показался тебѣ, сегодня, этотъ Мозгляковъ?

— Вы уже давно знаете—какъ я о немъ думаю,—нѣхотя отвѣчаетъ Зина.

— Да, thou enfant; по мнѣ кажется онъ становится какъ-то ужъ слишкомъ навязчивъ съ своимъ... искашеніями.

— Онъ говорить, что влюбленъ въ меня и навязчивость его извинительна.

— Странно! Ты прежде не извѣняла его такъ... охотно. Напротивъ всегда на него нападала, когда я заговорю объ немъ.

— Странно и то, что вы всегда защищали и неизрѣбно хотѣли, чтобы я вышла за него замужъ, а теперь первая на него нападаете.

— Почти. Я не запираюсь, Зина; я желала тебя видѣть за Мозгляковымъ. Мне тяжело было видѣть твою безпрерывную тоску, твои страданія, которыя я въ состояніи понять (чтобы ты ни думала обо мнѣ!) и которыя отравляютъ мой сонъ по начамъ. Я увѣрилась наконецъ, что одна только злачительная перемѣна въ твоей жизни можетъ спасти тебя! И перемѣна

эта должна быть замужество. Мы небогаты и не можемъ бѣхать, напримѣръ, за граниту. — Здѣшніе ослы удивляются, что тебѣ двадцать три года и ты не замужемъ и сочиняютъ обѣ этомъ исторіи. Но неужели-жъ я тебя выдамъ за здѣшняго совѣтника или за Ивана Ивановича, нашего стряпчаго? Есть ли для тебя здѣсь мужья? Мозгликовъ конечно пустъ, но онъ все таки лучше ихъ всѣхъ. Онъ порядочной фамиліи, у него есть родство, у него есть полтораста душъ; это все таки лучше, чѣмъ жить крючками, да взятками, да Богъ знаетъ какими приключеніями; потому я и бросила на него мои взглѣды. Но, клянусь тебѣ, я никогда не имѣла настоящей къ нему спиннати. Я увѣренна, что самъ Всевышній предупреждалъ меня. И еслибы Богъ послалъ, хоть теперь, что-нибудь лучше — о! какъ хорошо тогда, что ты еще не дала ему слова! ты вѣдь сегодня ничего не сказала ему павѣрино, Зина?

— Къ чему такъ кривляться, маменька, когда все дѣло въ двухъ словахъ? — раздражительно проговорила Зина.

— Кривляться, Зина, кривляться! и ты могла сказать такое слово матери? Но что я! Ты давно уже не вѣришь своей матери! Ты давно уже считаешь меня своимъ врагомъ, а не матерью!

— Э, полноте, маменька! Намъ-ли съ вами за слово спорть! Развѣ мы не понимаемъ друга друга? Было кажется время понять!

— Но ты оскорбляешь меня, дитя мое! Ты не вѣришь, что я готова рѣшительно на все, на все, чтобы устроить судьбу твою!

Зина взглянула на мать насмѣшило и съ досадою.

— Ужъ не хотите-ли вы меня выдать за этого князя, чтобы устроить судьбу мою? — спросила она съ страшной улыбкой.

— Я ни слова не говорила обѣ этомъ, Зина, но къ слову скажу, что еслибъ случилось тебѣ выйти за князя, то это было-бы счастьемъ твоимъ, а не безумiemъ...

— А я нахожу, что это просто вздоръ! — Запальчиво воскликнула Зина. — Вздоръ! вздоръ! Я нахожу еще маменька, что у васъ слишкомъ много поэтическаго вдохновен-

нія; вы женщина-поэтъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; васъ здѣсь и называютъ такъ. У васъ безпрерывно проекты. Невозможность и вздорность ихъ васъ не останавливаютъ. Я предчувствовала, когда еще князь здѣсь сидѣлъ, что у васъ это на умѣ. Когда дурачился Мозгляковъ и увѣрялъ, что надо женить этого старика, я прочла всѣ мысли ваши на вашемъ лицѣ. Я готова биться объ закладъ, что вы обѣ этомъ думаете, и теперь съ этимъ-же ко мнѣ подѣжжаете. Но такъ какъ ваши безпрерывные проекты на счетъ меня начинаютъ мнѣ до смерти надоѣдать, начинаютъ мучить меня; то прошу васъ не говорить мнѣ обѣ этомъ ни слова, слышите-ли, маменька, — ни слова, и я бы желала, чтобъ вы это запомнили! Она задыхалась отъ гибѣва.

— Ты дитя, Зина, — раздраженное, больное дитя! — отвѣчала Марья Александровна, растроганнымъ, слезящимся голосомъ. — Ты говоришь со мной непочтительно и оскорбляешь меня. Ни одна мать не вынесла бы того, что я выношу отъ тебя ежедневно! Но ты раздражена, ты больна, ты страдаешь, а я мать и прежде всего, христіанка. Я должна терпѣть и прощать. Но одно слово, Зина: Еслибъ я и дѣйствительно мечтала обѣ этомъ союзѣ, — почему, именно, ты считаешь все это вздоромъ? По моему Мозгляковъ никогда не говорилъ умишѣ давешняго, когда доказывалъ, что князю необходима женитьба, — конечно не на этой чумичкѣ Настасье. Тутъ ужъ онъ заврался.

— Послушайте, маменька! скажите прямо: вы это спрашиваете только такъ, изъ любопытства, или съ намѣреніемъ?

— Я спрашиваю только: почему это кажется тебѣ такимъ вздоромъ?

— Ахъ досада! вѣдь достается-же такая судьба! — восклицаетъ Зина, топнувъ погою отъ нетерпѣнія. — Вотъ почему, если это вамъ до сихъ поръ неизвѣстно: не говоря уже о всѣхъ другихъ цѣлѣпостяхъ, — воспользоваться тѣмъ, что старикашка выжила изъ ума, обмануть его, выйти за него, за калѣку, чтобъ вытащить у него его деньги и потомъ каждый день, каждый часъ, желать его смерти, по моему это не только вздоръ, но сверхъ того такъ низко,

такъ низко, что я не поздравляю васъ съ такими мыслями, маменька!

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Зина! а помншь-ли, что было два года назадъ? — спросила вдругъ Марья Александровна.

Зина вздрогнула.

— Маменька! — сказала она строгимъ голосомъ, — вы торжественно обѣщали мнѣ никогда не помнить объ этомъ!

— А теперь торжественно прошу тебя, дитя мое, чтобъ ты позволила мнѣ одинъ только разъ нарушить это обѣщаніе, которое я никогда до сихъ поръ не нарушила. Зина! пришло время полного объясненія между нами. Эти два года молчанія были ужасны! Такъ не можетъ продолжаться!.. Я готова на колѣнахъ молить тебя, чтобъ ты мнѣ позволила говорить. Слышишь Зина: родная мать умоляетъ тебя на колѣнахъ! Вмѣстѣ съ этимъ даю тебѣ торжественное слово мое — слово несчастной матери, обожающей свою дочь, что никогда, ни подъ какимъ видомъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, даже еслибъ шло о спасеніи жизни моей, я уже не буду болѣе говорить объ этомъ. Это будетъ въ послѣдній разъ, но теперь — это необходимо!

Марья Александровна разсчитывала на полный эффектъ.

— Говорите, — сказала Зина, замѣтно блѣднѣя.

— Благодарю тебя, Зина. Два года назадъ, къ покойному Митѣ, твоему малецкому брату, ходилъ учитель...

— Но зачѣмъ вы такъ торжественно начинаете, маменька! Къ чему все это краснорѣчіе, всѣ эти подробности, которыя совершенно ненужны, которыя тяжелы и которыя намъ обѣими слишкомъ извѣстны? — съ какимъ-то злобнымъ отвращеніемъ прервала ее Зина.

— Къ тому, дитя мое, что я, твоя мать, принуждена теперь оправдываться передъ тобою! Къ тому, что я хочу представить тебѣ это-же все дѣло совершено съ другой точки зрѣнія, а не съ той, ошибочной точки, съ которой ты привыкла смотрѣть на него. Къ тому, наконецъ, чтобъ ты лучше поняла заключеніе, которое я намѣрена изъ всего этого вывести. — Не думай, дитя мое, что я хочу играть твоимъ сердцемъ! Нѣтъ, Зина, ты пайдешь во мнѣ настоя-

щую мать и, можетъ быть, обливаясь слезами, у ногъ моихъ, у ногъ *низкой женщины*, какъ ты сейчасъ назыла меня; сама будешь просить примиренія, которое ты такъ долго, такъ надменно, до — сихъ — поръ отвергала. Вотъ почему я хочу высказать все, Зина, все съ самого начала; пначе я молчу!

— Говорите, — повторила Зина, отъ всего сердца проклятная потребность краснорѣчія своеї маменьки.

Я продолжаю, Зина: этотъ учитель уѣздиаго училища, почти еще мальчикъ, производитъ на тебя совершенно неизвѣстное для меня впечатлѣніе. Я слишкомъ надѣялась на твоё благоразуміе, на твою благородную гордость и, главное, на его ничтожество, (потому что надо же все говорить), чтобы хотъ что нибудь подозрѣвать между вами. И вдругъ ты приходишь ко мнѣ и решительно объявляешь, что памѣтена выйти за него замужъ. Зина! Это быль книжалъ въ мое сердце! Я вскрикнула и лишилась чувствъ. Но ты все это помнишь! Разумѣется я сочла за нужное употребить всю свою власть, которую ты называла тиранствомъ. Погодуй: мальчикъ, сынъ дьячка, получающій двѣнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованія, крапатель дрянныхъ стишонковъ, которые, изъ жалости, печатаются въ Библіотекѣ для Чтенія, и умѣющій только толковать обѣ этомъ проклятомъ Шекспирѣ, — этотъ мальчикъ — твой мужъ! мужъ Зинаиды Москалевой! Но это достойно Флоріана и его пастушковъ! Прости меня, Зина, но одно уже воспоминаніе выводить меня изъ себя! Я отказалась ему, но никакая власть не можетъ остановить тебя. Твой отецъ, разумѣется, только хлопаль глазами и даже не понялъ, что я начала ему объяснять. Ты продолжаешь съ этимъ мальчикомъ сношенія, даже свиданія, но что всего ужаснѣе, ты рѣшаешься съ нимъ переписываться. По городу начинаютъ уже распространяться слухи. Меня начинаютъ колоть намеками; уже обрадовались, уже затрубили во всѣ рога и вдругъ всѣ мои предсказанія сбываются самымъ торжественнымъ образомъ. Вы за что-то скоритесь; онъ оказывается самимъ недостойнымъ тебѣ.... мальчишкой (я никакъ немогу назвать его человѣкомъ!) и

грозить тебѣ распространить по городу твои письма. При этой угрозѣ, полная негодованія, ты выходишь изъ себя и даешь пощечину. Да, Зина, мнѣ известно и это обстоятельство! Мнѣ все, все известно! Несчастный, въ тотъ же день, показываетъ одно изъ твоихъ писемъ негодяю Заушину и, чрезъ часъ, это письмо уже находится у Натальи Дмитріевны, у смертельный врага моего. Въ тотъ-же вечеръ этотъ сумашедшій, въ раскаяніи, дѣлаетъ цѣлую попытку чѣмъ-то отравить себя. Однимъ словомъ, скандалъ выходитъ ужаснѣйшій! Эта чумичка Настасья прибегаетъ ко мнѣ испуганная, съ страшнымъ извѣстіемъ: уже цѣлый часъ письмо въ рукахъ у Натальи Дмитріевны; черезъ два часа весь городъ будетъ знать о твоемъ позорѣ! Я переселила себя, я не упала въ обморокъ, — но какими ударами ты поразила мое сердце, Зина! Эта безстыдная, этотъ извергъ, Настасья требуетъ двѣсти рублей серебромъ и за это клянется достать обратно письмо. Я сама, въ легкихъ башмакахъ, по снѣгу, бѣгу къ жаду Бумштейцу и закладываю мой фермуаръ — память праведницы моей матери! Черезъ два часа письмо въ моихъ рукахъ. Настасья украла его. Она взломала шкатулку и — честь твоя спасена, — доказательствъ нѣть! Но въ какой тревогѣ ты заставила меня прожить тотъ ужасный день! На другой же день я замѣтила, въ первый разъ въ жизни, нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ головѣ моей. Зина! ты сама разсудица теперь о поступкѣ этого мальчика. Ты сама теперь соглашаешься и, можетъ быть, съ горькою улыбкою, что было-бы вѣрхомъ неблагоразумія довѣрить ему судьбу свою. Но съ тѣхъ поръ ты терзаешься, ты мучаешься, дитя мое; ты не можешь забыть его, или, лучше сказать, не его — онъ всегда былъ недостоинъ тебя, — а призракъ своего прошедшаго счастья. Этотъ несчастный теперь на смертномъ одрѣ; говорятъ онъ въ чахоткѣ, а ты, — ангель доброты! — ты не хочешь, при жизни его, выходить замужъ, чтобы не растерзать его сердце, потому что онъ до сихъ-поръ еще, мучится ревностью, хотя я уверена, что онъ никогда не любилъ тебя настоящимъ, возвышеннымъ образомъ! Я знаю, что, услышавъ про исканія Мозглакова, онъ шпионилъ, подсыпалъ, высپрашивалъ. Ты щадишь его,

Отд. I.

дитя мое, я угадала тебя, и, Богъ видѣть, какими горькими слезами обливалася я подушку мою!...

— Да оставьте все это, маменька! — прерываеть Зина, въ невыразимой тоскѣ. — Очень понадобилась тутъ ваша подушка, — прибавляетъ она съ колкостю. — Нельзя безъ декламаций, да вывертовъ!

— Ты не вѣришь мнѣ, Зина! Не смотри на меня враждебно, дитя мое! Я не осушала глазъ эти два года, но скрывала отъ тебя мои слезы, и, клянусь тебѣ, я во многомъ измѣнилась сама въ это время! Я давно поняла твои чувства, и, каюсь, только теперь узнала всю силу твоей тоски. Можно ли обвинять меня, другъ мой, что я смотрѣла на эту привязанность, какъ на романтизмъ, навѣянный этимъ проклятымъ Шекспиромъ, который какъ нарочно, суетъ свой носъ вездѣ, гдѣ его не спрашиваютъ. Какая мать осудить меня за мой тогдашній испугъ, за принятая мѣры, за строгость суда моего? Но теперь, теперь, впдя твои двухлѣтнія страданія, я понимаю и цѣнлю твои чувства. Повѣрь, что я поняла тебя, можетъ быть, гораздо лучше, чѣмъ ты сама себя понимаешь. Я увѣренна, что ты любишь не его, этого неестественного мальчика, а золотыя мечты свои, свое потерянное счастье, свои возвышенные идеалы. Я сама любила и, можетъ быть, сплынѣе, чѣмъ ты. Я сама страдала; у меня тоже были свои возвышенные идеалы. И потому, кто можетъ обвинить меня теперь и, прежде всего, можешь ли ты обвинить меня за то, что я нахожу союзъ съ княземъ самымъ спасительнымъ, самымъ необходимымъ для тебя дѣломъ, въ теперешнемъ твоемъ положеніи?

Зина съ удивленіемъ слушала всю эту длинную декламацію, отлично зная, что маменька никогда не впадетъ въ такой тонъ безъ причины. Но послѣднее, неожиданное заключеніе, совершенно изумило ее.

— Такъ неужели вы серьозно положили выдать за этого князя? — вскричала она, съ изумленіемъ, чуть не съ испугомъ смотря на мать свою. — Стало-быть это уже не однѣ мечты, не проекты, а твердое ваше намѣреніе? Стало-быть я угадала? И.... и.... какимъ образомъ это замужество спасеть меня и необходимо въ настоящемъ моемъ положеніи? И....

и... какимъ образомъ все это вяжется съ тѣмъ, что вы теперь наговорили,—со всей этой исторіей?.... Я рѣшительно не понимаю васъ, маменька!

— А я удивляюсь, топ ange, какъ можно не понимать всего этого! — восклицаетъ Марья Александровна, одушевляясь въ свою очередь.—Во первыхъ—ужъ одно то, что ты переходишь въ другое общество, въ другой міръ! Ты оставляешь навсегда этотъ отвратительный городишко, полный для тебя ужасныхъ воспоминаній, гдѣ пѣтъ у тебя ни привѣта, ни друга; гдѣ оклеветали тебя; гдѣ всѣ эти сороки непавидятъ тебя за твою красоту. Ты можешь дажеѣхать этой-же весной за границу, въ Италію, въ Швейцарію, въ Испанію, Зина, въ Испанію, гдѣ Альгамбра, гдѣ Гвадалкивиръ, а не здѣшняя скверная рѣченька, съ неприличнымъ названіемъ....

— Но позвольте, маменька, вы говорите такъ, какъ-будто я уже замужемъ или, по крайней мѣрѣ, князь сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

— Не беспокойся объ этомъ, мой ангелъ, я знаю, что я говорю. Но, — позволь мнѣ продолжать. Я уже сказала *первое*, теперь *второе*: я понимаю, дитя мое, съ какимъ отвращеніемъ ты отдала-бы руку этому Мозглякову....

— Я и безъ вашихъ словъ знаю, что никогда не буду его женою!—отвѣчала съ горячностю Зина и глаза ея засверкили.

— И еслибы ты знала, какъ я понимаю твое отвращеніе, другъ мой! Ужасно поклоняться передъ алтаремъ Божіимъ въ любви къ тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь! А онъ потребуетъ, твоей любви; онъ для того и жснится; я это знаю по взглядамъ его на тебя, когда ты отвернешься. Каково-жъ притворяться! Я сама двадцать пять лѣтъ это испытываю. Твой отедъ погубилъ меня. Онъ, можно сказать, высосалъ всю мою молодость и, сколько разъ ты видѣла слезы мон!....

— Папенька въ деревнѣ, не трогайте его, пожалуйста, — отвѣчала Зина.

— Знаю, ты всегдашияя его заступница. Ахъ Зина! У меня все сердце зампрало, когда я, изъ расчета, желала твоего брака съ Мозгляковымъ. А съ княземъ тебѣ притворяться нечего. Само собою разумѣется, что ты не можешь его любить.... любовью, да и онъ самъ *неспособенъ* потребовать такой любви....

— Боже мой, какой вздоръ! Но увѣряю васъ, что вы ошиблись въ самомъ началѣ, въ самомъ первомъ, въ главномъ! Знайте, что я не хочу собою жертвовать, неизвѣстно для чего! Знайте, что я вовсе не хочу замужъ, ни за кого, и останусь въ дѣвкахъ! Вы два года ёли меня за то, что я не выхожу замужъ. Ну чтожъ? придется съ этимъ вамъ примириться. Не хочу, да и только! Такъ и будеть!

— Но душечка, Зиночка, не горячись, ради Бога, не выслушавъ! И что у тебя за головка горячая, право! Позволь мнѣ посмотреть съ моей точки зрѣнія, и ты тотчасъ же со мной согласишься. Князь проживетъ годъ, много два п, по моему, лучше ужъ быть молодой вдовой, чѣмъ перезрѣлой дѣвой, не говоря ужъ о томъ, что ты, по смерти его, — княгиня, свободна, богата, независима! Другъ мой, ты можетъ-быть, съ презрѣніемъ смотришь па всѣ эти расчеты,—расчеты на смерть его! Но — я мать, а какая мать осудитъ меня за мою дальновидность? Наконецъ, если ты, ангелъ доброты, жалѣешь до-спѣхъ-поръ этого мальчика, жалѣешь до такой степени, что не хочешь даже выйти замужъ при его жизни (какъ я догадываюсь), то подумай, что, выйдя за князя, ты заставишь его воскреснуть духомъ, обрадоваться! Если въ немъ есть хоть капля здраваго смысла, то онъ конечно пойметъ, что ревность къ князю неумѣстна, смѣшна; пойметъ, что ты вышла по расчету, по необходимости. Наконецъ онъ пойметъ.... то есть я просто хочу склазить, что, по смерти князя, ты можешь опять выйти за мужъ, за кого хочешь....

— По просту выходитъ: выйти замужъ за князя, обобрать его и расчитывать потомъ на его смерть, чтобы выйти потомъ за любовника. Хлѣtro вы подводите ваши итоги! Вы хотите соблазнить меня, предлагая мнѣ.... Я понимаю васъ, маменька, вполнѣ понимаю! Вы никакъ не можете

воздержаться отъ выставки благородныхъ чувствъ, даже въ гадкомъ дѣлѣ. Сказали-бы лучше прямо и просто: «Зина, это подлость, но она выгодна, и потому согласись на нее!» Это по крайней мѣрѣ было-бы откровенѣе.

— Но зачѣмъ-же, дитя мое, смотрѣть непремѣнно съ этой точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія обмана, коварства и корыстолюбія? Ты считаешь мои расчеты за низость, за обманъ? Но, ради всего святаго, гдѣ-же тутъ обманъ, какая тутъ низость? Взгляни на себя въ зеркало; ты такъ прекрасна, что за тебя можно отдать королевство! И вдругъ ты, — ты, красавица, жертвуюсь старику свои лучшія годы! Ты, какъ прекрасная звѣзда, освѣтишь закатъ его жизни; ты, какъ зеленый плющъ, обовьешься около его старости, ты, а не эта крапива, эта гнусная женщина, которая околоводала его и, съ жадностію, сосетъ его соки! Неужели-же его деньги, его княжество, стоять дороже тебѣ? Гдѣ-же тутъ обманъ и низость? Ты сама не знаешь, что говоришь, Зина!

— Вѣрно стоять, коли надо выходить за калѣку! Ожманъ — всегда обманъ, маменька, какія-бы ни были цѣли.

— Напротивъ, другъ мой, напротивъ! на это можно взглянуть даже съ высокой, даже съ христіанской точки зрѣнія, дитя мое! Ты сама, однажды, въ какомъ-то изступленіи, сказала мнѣ, что хочешь быть сестрою милосердія. Твое сердце страдало, ожесточилось. Ты говорила (я знаю это), что онъ уже не можетъ любить. Если ты не вѣришь въ любовь, то обрати свои чувства на другой, болѣе возвышенный предметъ, обрати искренно, какъ дитя, со всею вѣрою и святынью и Богъ благословить тебя. Этотъ стариикъ тоже страдалъ, онъ несчастенъ, его гонятъ; я уже нѣсколько лѣтъ его знаю и всегда питала къ нему непонятную симпатію, родъ любви, какъ будто что-то предчувствовала. Будь-же его другомъ, будь его дочерью, будь, пожалуй, хоть игрушкой его, — если ужъ все говорить! — но согрѣй его сердце и ты сдѣлаешь это для Бога, для добродѣтели! Онъ смѣщенъ, — не смотри на это. Онъ получеловѣкъ, — пожалуй его; ты христіанка! Принудь себя; такие подвиги иудятся. На пашь взглядъ тяжело перевязывать раны въ больницѣ; отѣрати-

тельно дышать зараженнымъ лазаретнымъ воздухомъ. Но есть ангелы Божіи, исполняющіе это и благословляющіе Бога за свое назначеніе. Вотъ лѣкарство твоему оскорбленному сердцу, занятіе, подвигъ и ты залѣчишь раны свои. Гдѣ-же тутъ эгоизмъ, гдѣ тутъ подлость? Но ты мнѣ не вѣришь! Ты можетъ-быть думаешь, что я притворяюсь, говоря о долгѣ, о подвигахъ. Ты не можешь понять какъ я, женщина свѣтская, суетная, могу имѣть сердце, чувства, правила? Что-жъ? не вѣрь, оскорбляй свою мать, но согласись, что слова ея разумны, спасительны. Вообрази, пожалуй, что говорю не я, а другой; закрой глаза, обернись въ уголь, представь, что тебѣ говорить какой-нибудь невидимый голосъ.... Тебя главное смущаетъ, что все это будетъ за деньги, какъ будто это какая-нибудь продажа или купля? Такъ откажись, наконецъ, отъ денегъ, если деньги такъ для тебя ненавистны! Оставь себѣ необходимое и все раздай бѣднымъ. Помоги хоть, напримѣръ, ему, этому несчастному на смертномъ одрѣ.

— Онь не приметъ никакой помощи,—проговорила Зина тихо, какъ-бы про себя.

— Онь не приметъ, но мать его приметъ,—отвѣчала торжествующая Марья Александровна; — она приметъ тихоньюко отъ него. Ты продала же свои серыги, теткинъ подарокъ, и помогла ей, полгода назадъ; я это знаю. Я знаю, что старуха стираетъ бѣлье на людей, чтобы кормить своего несчастнаго сына.

— Ему скоро не пужна будетъ помощь!

— Знаю и это, на что ты намекаешь,—подхватила Марья Александровна и вдохновеніе, настоящее вдохновеніе остынило еe:—знаю про что ты говоришь. Говорятъ, онъ въ чахоткѣ и скоро умретъ. Но кто-же это говоритъ? Я, на дняхъ, нарочно спрашивала о немъ Каллиста Станиславича; я интересовалась о немъ, потому-что у меня есть сердце, Зина; Каллистъ Станиславичъ отвѣчалъ мнѣ, что болѣзнь конечно опасна, но что онъ до-сихъ-поръ увѣренъ, что бѣдный не въ чахоткѣ, а такъ только, довольно сильное грудное разстройство. Спроси хоть сама. Онъ навѣрно говорилъ мнѣ, что при другихъ обстоятельствахъ, особенно при измѣненіи климата и впечатлѣній, больной могъ-бы выздоровѣть

Онъ сказаъ мнѣ, что въ Испаніи, — и это я еще прежде слышала, даже читала, — что въ Испаніи есть какой-то необыкновенный островъ, кажется Малага, — однимъ словомъ похоже на какое-то вино,—гдѣ не только грудные, но даже настоящіе чахоточные совсѣмъ выздоравливали, отъ одного климата, и что туда нарочно єздятъ лѣчиться, разумѣется, только одни вельможи, или даже, пожалуй и купцы, но только очень богатые. Но ужъ одна эта волшебная Альгамбра, эти миры, эти лимоны, эти Испанцы на своихъ мулахъ! — одно это произведетъ уже необыкновенное впечатлѣніе на натуру поэтическую. Ты думаешь, что онъ не приметъ твоей помощи, твоихъ денегъ, для этого путешествія? Такъ обмань его, если тебѣ его жаль! Обмань простителенъ для спасенія человѣческой жизни. Обнадежь его, обѣщай ему, наконецъ, любовь свою; скажи, что выйдешь за него замужъ, когда овдовѣешь. Все на свѣтѣ можно сказать благороднымъ образомъ. Твоя мать не будетъ учить тебя неблагородному, Зина; ты сдѣлаешь это для спасенія жизни его и потому — все позволительно! Ты воскресишь его надеждою; опь самъ начнешь обращать вниманіе на свое здоровье, лечиться, слушаться медиковъ. Онъ будетъ стараться воскреснуть для счастья. Если онъ выздоровѣеть, то ты, хоть и не выйдешь за него, — все-таки онъ выздоровѣлъ, все-таки ты спасла, воскресила его! Наконецъ можно и на него взглянуть съ состраданіемъ! Можетъ-быть судьба научила, и измѣнила его къ лучшему и, если только онъ будетъ достопримѣнъ тебѣ, — выйди за него, когда овдовѣешь. Ты будешь богата, независима. Ты можешь, вылечивъ его, доставить ему положеніе въ свѣтѣ, карьеру. Бракъ твой съ нимъ будетъ тогда извинительное, чѣмъ теперь, когда онъ невозможенъ. Что ожидаетъ васъ обоихъ, еслиъ вы теперь рѣшились на такое безумство? Всеобщее презрѣніе, нищета, дранье за уши мальчишескъ, потому что это сопряжено съ его должностю, взаимное чтеніе Шекспира, вѣчное пребываніе въ Мордасовѣ и, наконецъ, его близкая, неминуемая смерть. Тогда какъ, воскресивъ его, — ты воскресишь его для полезной жизни, для добродѣтели; простивъ ему — ты заставишь его обожать себя. Онъ терзается своимъ гнуснымъ поступкомъ, а ты,

открывъ ему новую жизнь, простивъ ему, дашь ему надежду и примиришь его съ самимъ собою. Онъ можетъ вступить въ службу, войти въ чины. Наконецъ, если даже онъ и не выздоровѣтъ, то умретъ счастливый, примиренный съ собою, на рукахъ твоихъ, потому что ты сама можешь быть при немъ въ эти минуты,увѣренный въ любви твоей, прощеній тобою, подъ сѣнью миртъ, лимоновъ, подъ лазуревымъ, экзотическимъ небомъ! О Зина! все это въ рукахъ твоихъ! Всѣ выгоды на твоей сторонѣ и все это чрезъ замужество съ княземъ.

Марья Александровна кончила. Наступило довольно долгое молчаніе. Зина была въ невыразимомъ волненіи.

Мы не беремся описывать чувствъ Зины; мы не можемъ ихъ угадать. Но, кажется, Марья Александровна нашла настоящую дорогу къ ея сердцу. Не зная въ какомъ состояніи находится теперь сердце дочери она перебрала всѣ случаи, въ которыхъ оно могло находиться и, наконецъ, догадалась, что попала на истинный путь. Она грубо дотрогивалась до самыхъ больныхъ мѣстъ сердца Зины и, разумѣется, по привычкѣ, не могла обойтиться безъ выставки благородныхъ чувствъ, которая, конечно, не ослѣпила Зину. «Но что за нужда, что она мнѣ не вѣритъ», думала Марья Александровна, «только-бы ее заставить задуматься! только-бы ловче намекнуть, о чёмъ мнѣ прямо нельзя говорить!» — Такъ она думала и достигла цѣли. Эффектъ былъ произведенъ. Зина жадно слушала. Щеки ея горѣли, грудь волновалась.

— Послушайте, маменька,—сказала она наконецъ рѣшительно, хотя внезапно наступившая блѣдность въ лицѣ ея, показывала ясно, чего стоила ей эта рѣшимость. — Послушайте маменька....

Но въ это мгновеніе, внезапный шумъ, раздавшійся изъ передней и рѣзкій, крикливый голосъ, спрашивавшій Марью Александровну, заставилъ Зину вдругъ остановиться. Марья Александровна вскочила съ мѣста.

— Ахъ Боже мой! — вскричала она, — чертъ несетъ эту сороку, полковницу! Да вѣдь я-жъ ее почти выгнала двѣ недѣли назадъ! — прибавила она, чуть не въ отчаяніи. — Но.... но невозможно теперь не принять

её! Невозможно! Опа, навѣрно, съ вѣстями, иначе не послала-бы и явиться. Это важно, Зина! Мне надо знать.... Ничѣмъ теперь не надо пренебрегать! — Но какъ я вамъ благодарна за вашъ визитъ! — Закричала она, бросаясь на встрѣчу вошедшей гостьѣ. — Какъ это вамъ вздумалось вспоминть обо мнѣ, безцѣнная Софья Петровна? Какой о-ча-рова-тельный сюрпризъ!

Зина уѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА VI.

Полковница, Софья Петровна Фарпухина, только нравственно походила на сороку. Физически она скорѣе походила на воробья. Это была маленькая, пятидесяти-лѣтняя дама, съ востренѣкимъ носикомъ, съ бысрыми глазками, въ веснушкахъ и въ желтыхъ пятнахъ по всему лицу. На маленькомъ, изсохшемъ тѣльцѣ ея, помѣщенному на тоненькихъ, крѣпкихъ воробыльныхъ ножкахъ, было шелковое темное платье, всегда шумѣвшее, потому что полковница двухъ секундъ не могла пробыть въ покоѣ. Это была зловѣща и мстительная сплетница. Она была помѣшана на томъ, что она полковница. Съ отставнымъ полковникомъ, своимъ мужемъ, она очень часто дралась и царапала ему лицо. Сверхъ того выпивала по четыре рюмки водки утромъ и по столькоже вечеромъ и до помѣшательства ненавидѣла Анну Николаевну Антонову, прогнавшую ее на прошлой недѣлѣ изъ своего дома, равно какъ и Наталью Дмитріевну Паскудину, тому способствовавшую.

— Я къ вамъ только на минутку, mon ange,—защебетала она.— Я вѣдь напрасно и сѣла. Я заѣхала только разсказать какія чудеса у насъ дѣлаются. Просто весь городъ съ ума сошолъ отъ этого князя! Наши пройдохи, — vous comprenez! — его ловятъ, пищутъ, ташутъ его на расхватъ, шампанскимъ поять, — вы не повѣрите, не повѣрите! Да какъ это вы рѣшились его отпустить отъ себя? Знаете-ли, что онъ теперь у Натальи Дмитріевны?

— У Натальи Дмитріевны! — вскричала Марья Александровна, привскакнувъ на мѣстѣ. — Да вѣдь онъ къ губер-

натору только поѣхалъ, а потомъ, можетъ быть, къ Аниѣ Николаевиѣ, и то не надолго!

— Ну да, не надолго; вотъ и ловите его теперь! Онъ губернатора дома не засталъ, потомъ къ Аниѣ Николаевиѣ поѣхалъ, далъ слово обѣдать у неї, а Наташка, которая теперь отъ нея не выходитъ, затащила его къ себѣ до обѣда завтракать. Вотъ вамъ и князь!

— А чтожъ... Мозгликовъ? Вѣдь онъ обѣщался...

— Дался вамъ этотъ Мозгликовъ! хваленый-то вашъ... Да и онъ съ ними туда-же! Посмотрите если его въ картишки тамъ не засадятъ, опять проиграется, какъ прошлый годъ проигрался! Да и князя тоже засадятъ; облуяютъ какъ лицу! А какія она вещи про васъ распускаетъ, Наташка-то! Всухъ кричитъ, что вы завлекаете князя, иу тамъ... для извѣстныхъ цѣлей, — *vous comprenez?* Сама ему толкуетъ обѣ этомъ. Онъ, конечно, ничего не понимаетъ, сидѣть какъ мокрый котъ, да на всякое слово; «ну да! ну да!» А сама-то, сама-то! вывела свою Соныку — вообразите пятнадцать лѣтъ, а все еще въ коротенькомъ платьѣ водитъ! все это только до колѣнъ, какъ можете себѣ представить. Послали за этой сироткой Машкой, та тоже въ короткомъ платьѣ, только еще выше колѣнъ, — я въ лорнетъ смотрѣла... На голову имъ надѣли какія-то красныя шапочки съ перьями, — ужъ не знаю, что это изображаетъ! — и подъ фортельяно заставила обѣихъ пиглицъ передъ княземъ плясать казачка! Ну вы знаете слабость этого князя? Онъ такъ и растаялъ: «Формы», говоритъ «Формы!» въ лорнетку на нихъ смотрѣть, а онъ-то отличаются, двѣ сороки! раскраснѣлись, ноги вывертываются, такой мопплезиръ пошолъ, что люди да только! тыфу! Это — танецъ! Я сама танцовала съ шалью при выпускѣ изъ благороднаго пансіона мадамъ Жарин; такъ я благородный эффектъ произвѣла! Мне сенаторы аплодировали! Тамъ княжескія и графскія дочери воспитывались! А вѣдь это просто канканъ! Я сгорѣла со стыда сгорѣла, сгорѣла! Я просто не выспѣла!...

— Но... развѣ вы сами были у Натальи Дмитріевны? выѣдь вы...

— Ну да, она меня оскорбила на прошлой недѣль. Я это прямо всѣмъ говорю. Mais, та chère, мнѣ захотѣлось хоть въ щелочку посмотретьъ на этого князя, я и пріѣхала. А то гдѣ-жъ бы я его увидала? Поѣхала-бы я къ ней, кабы не этотъ скверный князишка! Представьте себѣ: всѣмъ шоколать подаютъ, а мнѣ нѣтъ и все время со мной хотѣбы слово. Вѣдь это она нарочно... Кадушка этакая! Вотъ я-жъ ей, теперь! Но прощайте, mon ange, я теперь спѣшу, спѣшу... Мнѣ надо непремѣнно застать Акулину Панфиловну и ей разсказать, только вы теперь такъ и простились съ княземъ! Опъ ужъ у васъ больше не будетъ. Знаете — памяти-то у него нѣть, такъ Анна Николавна непремѣнно къ себѣ его перетащить! Онѣ всѣ боятся, чтобъ вы не того... понимаете? на счетъ Зины....

— Quelle horreur!

— Ужъ это я вамъ говорю! Весь городъ обѣ этомъ кричитъ. Анна Николавна непремѣнно хочетъ оставить его обѣдать, а потомъ и совсѣмъ. Это она вамъ въ пику дѣлаетъ, mon ange. Я къ ней на дворъ въ щелочку заглянула. Такая тамъ суетня; обѣдъ готовятъ, ножами стучатъ... за шампанскимъ послали. Спѣшите, спѣшите и перехватите его на дорогѣ, когда онъ къ ней побѣдетъ. Вѣдь онъ къ вамъ первый обѣщался обѣдать! Онъ вашъ гость, а не ее! Чтобъ падъ вами смѣялась эта пройдоха, эта каверзинца, эта сопля! Да она подошвы моей не стоять, хоть и прокурорша! Я сама полковница! Я въ благородномъ пансіонѣ мадамъ Жарни воспитывалась... тьфу! Mais adieu, mon ange: У меня свои сани, а то-бы я съ вами вѣстѣ побѣхала...

Ходячая газета пѣчезла, Марья Александровна затрепетала отъ волненія, но совсѣмъ полковницы былъ чрезвычайно ясень и практиченъ. Медлить было нечего, да и некогда, Но оставалось еще самое главное затрудненіе Марья Александровна бросилась въ комнату Зины.

Зина ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, сложивъ на крестъ руки, понуривъ голову, блѣдная и разстроенная. Въ глазахъ ея стояли слезы: но рѣшимость сверкала во взглядѣ, который она устремила на мать. Она поспѣшило скрыла слезы и саркастичекая улыбка появилась на губахъ ея.

— Маменька, — сказала она, предупреждая Марью Александровну. — Сейасъ вы истратили со мною много ваше-го краснорѣчія, слишкомъ много. Но вы не ослѣпили меня. Я не дитя. Убѣждать себя, что дѣлаю подвигъ сестры милосердія, пе имѣя къ нему ни малѣйшаго призванія, оправ-дывать свои низости, которыя дѣлаешь для одного эгоизма, благородными цѣлями, — все это такое іезунтство, которое не могло обмануть меня. Слышиште: это не могло меня об-мануть и я хочу, чтобы вы это непремѣнно знали!

— Но, mon ange!.... — вскрикнула оробѣвшая Марья Александровна.

— Молчите, маменька! Имѣйте терпѣніе выслушать ме-ня до конца: пе смотря на полное сознаніе того, что все это только одно іезунтство; пе смотря на полное мое убѣж-деніе въ совершенномъ неблагородствѣ такого поступка,— я принимаю ваше предложеніе вполнѣ, слышите: вполнѣ, и объявляю вамъ, что готова выйти за князя и даже готова помочь всѣмъ вашимъ усилиямъ, чтобы заставить его па мнѣ женихтся. Для чего я это дѣлаю? — вамъ не надо знать. Довольно и того, что я рѣшилась. Я рѣшилась на все: я буду подавать ему сапоги, я буду его служанкой, я буду плясать для его удовольствія, чтобы загладить передъ имъ мою низость; я употреблю все на свѣтѣ, чтобы онъ пе рас-каивался въ томъ, что женился на мнѣ! Но въ замѣнѣ моего рѣшенія, я требую, чтобы вы откровенно сказали мнѣ: ка-кимъ образомъ вы все это устропите? Если вы начали такъ настойчиво говорить обѣ этомъ, то — я васъ знаю — вы пе могли начать, пе имѣя въ головѣ какого-нибудь опредѣлен-наго плана. Будьте откровенны, хоть разъ въ жизни; откро-венностъ непремѣнное условіе! Я не могу рѣшиться, пе зная положительно, какъ вы все это сдѣлаете?

Марья Александровна была такъ озадачена неожидан-нымъ заключеніемъ Эппы, что, нѣкоторое время, стояла пе-редъ ней нѣмая и неподвижная отъ изумленія и глядѣла на нее по всѣ глаза. Приготовившись воевать съ упорнымъ ро-мантизмомъ своей дочери, суроваго благородства которой она постоянно боялась, она вдругъ слышитъ, что дочь со-вершенно согласна съ нею и готова на все, даже вопросы

своимъ убѣжденіямъ! Слѣдственно дѣло принимало необыкновенную прочность,—и радость засвѣркала въ глазахъ ея.

— Зиночка! — воскликнула она въ увлеченіи, — Зиночка! ты плоть и кровь моя!

Больше она ничего не могла выговорить и бросилась обнимать свою дочь.

— Ахъ Боже мой! я не прошу вашпхъ объятій, маменька, — вскричала Зина съ нетерпѣльшимъ отвращеніемъ; мнѣ не надо вашихъ восторговъ! я требую отъ васъ отвѣта на мой вопросъ и больше ничего.

— Но, Зина, вѣдь я люблю тебя! Я обожаю тебя, а ты меня отталкиваешь.... вѣдь я для твоего же счастья стараюсь....

И пепріторные слезы заблистали въ глазахъ ея. Марья Александровна дѣйствительно любила Зину, по своему, а въ этотъ разъ, отъ удачи и отъ волшения, чрезвычайно разчувствовалась. Зина, не смотря на некоторую ограниченность своего настоящаго взгляда на вещи понимала, что мать ее любить и — тяготилась этой любовью. Ей, даже; было-бы легче еслибы мать ее непавидѣла....

— Ну, не сердитесь, маменька, я въ такомъ волшении, — сказала она, чтобъ успокоить се.

— Не сержусь, не сержусь, мой ангельчикъ! — защебетала Марья Александровна, мигомъ оживляясь, — вѣдь я и сама понимаю что ты въ волшении. Вотъ видишь, другъ мой, ты требуешь откровенности.... Изволь, я буду откровенна, вполголоса откровенна, увѣряю тебя! Только-бы ты-то мнѣ вѣрила! И во первыхъ скажу тебѣ, что вполнѣ опредѣленного плана, то есть — во всѣхъ подробностяхъ, у меня еще нетъ, Зиночка, да и не можетъ быть; ты, какъ умная головка, поймешь почему. Я даже предвижу некоторые затрудненія.... Вотъ и сейчасъ эта сорока патрещала мнѣ всякой всячины.... (Ахъ Боже мой! спѣшишь-бы надо!) Видишь я вполнѣ откровенна! Но, клянусь тебѣ, я достпгну цѣли! — прибавила она въ восторгѣ. — Уверенность моя вовсе не поэзія, какъ ты даша говорила, мой ангель; она основана на дѣлѣ. Она основана на совершенномъ слабоуміи князя, — а вѣдь это такая канка, по которой вышивай что угодно. Главное — чтобъ

не помѣшали! Да этимъ-ли дурамъ перехитрить меня, вскричала она, стукнувъ рукой по столу, и сверкая глазами; — ужъ это мое дѣло! А для этого всего нужнѣе какъ можно скорѣй начинать, даже чтобы сегодня и кончить все главное, если только возможно.

— Хорошо, маменька, только выслушайте еще одну.... откровенность: знаете-ли почему я такъ интересуюсь о вашемъ планѣ и не довѣрю ему? Потому что на себя не надѣюсь. Я сказала уже, что рѣшилась на эту низость; но если подробности вашего плана будутъ уже слишкомъ отвратительны, слишкомъ грязны, то объявляю вамъ, что я не выдержу и все брошу. Знаю, что это новая низость: рѣшиться на подлость и бояться грязи, въ которой она плаваетъ, но что дѣлать? Это непремѣнно такъ будетъ!...

— Но, Зиночка, какая-же тутъ особенная подлость, топ ange?—робко возразила-было Марья Александровна.—Тутъ только одинъ выгодный бракъ, а вѣдь это всѣ дѣлаютъ! Только надобно съ этой точки взглянуть и все очень благородно покажется....

— Ахъ, маменька, ради Бога не хитрите со мной! Вы видите я на все, на все согласна! — ну чѣго-жъ вамъ еще? Пожалуста не бойтесь, если я называю вещи ихъ именами. Можетъ быть это, теперь, — единственное мое утѣшеніе!

И горькая улыбка показалась на губахъ ея.

— Ну, ну, хорошо, мой ангельчикъ, можно быть не согласными въ мысляхъ и все-таки взаимно уважать другъ друга. Только если ты безпрокопишься о подробностяхъ и боишься, что онѣ будутъ грязны, то предоставь всѣ эти хлопоты мнѣ; клянусь, что на тебя не брызнетъ ни капельки грязи. Я-ли захочу тебя компрометировать передъ всѣми? Положись только на меня и все превосходно, преблагородно уладится, главное — преблагородно! Скандалу не будетъ никакого, а если и будетъ какой-нибудь маленький, необходименький скандальчикъ, — такъ.... какой-нибудь! — такъ вѣдь мы ужъ будемъ тогда далеко! вѣдь ужъ здѣсь не останемся! Пусть ихъ кричатъ во все горло, наплевать на нихъ! Сами же будутъ завидовать. Да и стоитъ того, чтобы о нихъ заботиться! Я даже удивляюсь тебѣ, Зиночка, (только ты не

сердись на меня) — какъ это ты съ твоей гордостью ихъ бопшься?

— Ахъ, маменька, я вовсе не ихъ боюсь! вы совершен-
но меня не понимаете! — отвѣчала раздражительно Зина.

— Ну-ну, душка, не сердись! Я только къ тому, что они
сами каждый Божій день пакости строятъ, а тутъ ты всего-
го какой-нибудь одинъ разочекъ въ жизни.... да и что я,
дура! Вовсе не пакость! Какая тутъ пакость? Напротивъ
это даже преблагородно. Я рѣшительно докажу тебѣ это,
Зиночка. Во первыхъ, повторяю, все отъ-того съ какой точки
зрѣнья смотрѣть....

— Да полно, маменька, съ вашими доказательствами! —
съ гнѣвомъ вскрикнула Зина и нетерпѣливо топнула ногою.

— Ну, душка, не буду, не буду! я опять завралась....

Наступило маленькое молчаніе. Марья Александровна сми-
ренно ходила за Зиной и съ беспокойствомъ смотрѣла ей
въ глаза, какъ маленькая, провинившаяся собачка смотритъ
въ глаза своей барынѣ.

— Я даже не понимаю, какъ вы возметесь за дѣло, — съ
отвращенiemъ продолжала Зина. — Я увѣрена, что вы наткне-
тесь на одинъ только стыдъ. Я презираю ихъ мнѣніе, но
для васъ это будетъ позоромъ.

— О если только это тебя беспокоитъ, мой ангель, —
пожалуста не беспокойся! прошу тебя, умоляю тебя! Только-
бы мы согласились, а обо мнѣ не беспокойся. Охъ, еслибы
ты только знала изъ какихъ я передрягъ суха выходила?
Такія-ли дѣла мнѣ случалось обдѣлывать! ну да позволь хоть
только попробовать! — Во всякомъ случаѣ, прежде всего,
нужно какъ можно скорѣе быть на единѣ съ княземъ. Это
самое первое! а все остальное будетъ зависѣть отъ этого!
Но ужъ я предчувствую и остальное. Они все возстанутъ,
но.... это иначе! я ихъ сама отдѣлаю! Пугаетъ меня еще
Мозгликовъ....

— Мозгликовъ? — съ презрѣнiemъ проговорила Зина.

— Ну да, Мозгликовъ; только ты не бойся, Зиночка!
блянусь тебѣ, я его до того доведу, что опѣ-же будетъ намъ
помогать! Ты еще не знаешь меня, Зиночка! ты еще не
знаешь, какая я въ дѣлѣ! Ахъ Зиночка, душечка! давеча

какъ я услышала объ этомъ князѣ, у меня ужъ и загорѣлась мысль въ головѣ! Меня какъ-будто разомъ всю освѣтило. И кто-жъ, и кто-жъ могъ ожидать, что онъ къ намъ пріѣдетъ? Да вѣдь въ тысячу лѣтъ не будетъ такой оказія! Зиничка! ангельчик! Не въ томъ безчестіе, что ты выйдешь за старика и калѣку, а въ томъ, если выйдешь за такого, котораго терпѣть не можешь, а между тѣмъ *длѣстѣтельно* будешь женой его! А вѣдь князю ты не будешь настоящей женой. Это вѣдь и не бракъ! Это просто домашній контрактъ! Вѣдь ему-жъ дураку будетъ выгода, ему-же дураку даютъ такое неоцѣненное счастье! Ахъ какая ты сегодня красавица, Зиничка! раскрасавица, а не красавица! Да я-бы, еслибъ была мужчиной, я-бы тебѣ полцарства достала, еслибъ ты захотѣла! Ослы оши всѣ! Ну, какъ не поцѣловать эту ручку?—И Марья Александровна горячо поцѣловала руку у дочери.—Вѣдь это мое тѣло, моя плоть, моя кровь! да хоть пасильно женить его, дурака! А какъ заживемъ-то мы съ тобой, Зиничка! Вѣдь ты не разлучишься со мной, Зиничка! Вѣдь ты не прогонишь свою мать, какъ въ счастье попадешь? Мы хоть иссорились, мой ангельчикъ, а все-таки у тебя не было такого друга, какъ я; все-таки....

— Маменька! если ужъ вы рѣшились, то, можетъ-быть, вамъ пора.... что-нибудь и дѣлать. Вы здѣсь только время теряете! — въ нетерпѣніи сказала Зина.

— Пора, пора, Зиничка, пора! ахъ! я заболталаась! — схватилась Марья Александровна. — Онѣ тамъ хотятъ совсѣмъ смашить князя. Сейчасъ-же сажусь иѣду! Подѣду, вызову Мозглякова, а тамъ.... Да я его сплю—увезу, если надо! Прощай, Зиничка, прощай голубчикъ, не тужи, не сомнѣвайся, не грусти, главное не грусти! все прѣкрасно, преблагородно обдѣлается! Главное съ какой точки смотрѣть.... ну прощай, прощай!....

Марья Александровна перекрестила Зину, выскочила изъ комнаты, съ мѣшкомъ повертелась у себя передъ зеркаломъ, а черезъ двѣ минуты катилась по мордасовскимъ улицамъ съ своей каретой на полозьяхъ, которая ежедневно запрягалась около этого часу, въ случаѣ выѣзда. Марья Александровна жила ей grand.

— Нѣтъ не вамъ перехитрить меня! — думала она, сидя въ своей каретѣ. — Зина согласна, значитъ половина дѣла сдѣлано и тутъ — оборваться! вздоръ! Ай да, Зина! Согласилась-таки наконецъ! Значить и на твою головку дѣйствуютъ иные расчетцы! Перспективу-то я выставила ей заманчивую! Трошку! Но только ужасъ, какъ она хороша сегодня! Да я-бы, съ ея красотой поль-Европы перевернула по своему! Ну да подождемъ.... Шекспиръ-то слегть, когда княгиней сдѣляется, да-какъ съ чѣмъ познакомится. Что она знаетъ? Мордасовъ, да своего учителя! Гм.... Только какая-же она будетъ княгиня! Люблю я въ ней эту гордость, смѣлость, недоступная какая! взглянетъ — королева взглянула. Ну какъ, иу какъ не понимать своей выгоды? Поняла-жъ наконецъ! Пойметъ и остальное.... Я вѣдь все-таки буду при ней! Согласится-же, наконецъ, сомнѣй во всѣхъ пунктахъ! А безъ меня не обойдется! Я сама буду княгиня; меня и въ Петербургѣ узнаютъ. Прощай городишко! Умреть этотъ князь, умреть этотъ мальчишка и тогда я ее за владѣтельного принца выдамъ! одного боюсь: не слишкомъ-ли я ей довѣрилась? Не слишкомъ-ли откровенничала, не слишкомъ-ли я разчувствовалась? Пугасть она меня, охъ пугасть!

И Марья Александровна погрузилась въ свои размышленія. Нечего сказать: они были хлопотливы. Но вѣдь говорится-же, что охота пуще неволи.

Оставшись одна, Зина долго ходила взадъ и впередъ, из комната, скрестивъ руки, задумавшись. О многомъ она не-редумала. Часто и почти бессознательно повторяла она: «пора, пора, давно пора!» Что значило это отрывочное восклицаніе? Не разъ слезы блестали на ея длинныхъ, шелковистыхъ рѣсицахъ. Она не думала отирать ихъ, ихъ останавливать. Но напрасно беспокоилась ея маменька и старалась проникнуть въ мысли своей дочери: Зина совершиенно рѣшилась и приготовилась ко всѣмъ послѣдствіямъ....

— Постой-же! думала Настасія Петровна, выбираясь изъ своего чуланчика по отъездѣ полковницы. — А я было и бантинъ розовый хотѣла приколоть для этого князинки! И повѣрила-же дура, что онъ на миѣ женится! Вотъ тебѣ и бантинъ! А, Марья Александровна! Я у васъ чумичка, я

нищая, я взятки по двѣстѣ цѣлковыхъ беру. Еще-бы съ тебя упустить не взять, франтиха ты этакая! Я взяла благороднымъ образомъ; я взяла на сопряженіе съ дѣломъ расходы.... Можетъ мигъ самой пришлось-бы взятку дать! Тебѣ какое дѣло, что я не побрезгала, своими руками замокъ взломала? Для тебя-же работала, бѣлоручка ты этакая! Тебѣ бы только по канвѣ вышивать! Погоди-жъ, я тебѣ покажу канву. Я покажу вамъ обѣимъ какова я чумичка! Узнаете Настасью Петровну и всю ея кротость!

ГЛАВА VII.

Но Марью Александровну увлекаль ея геній. Она замыслила великий и смѣлый проектъ. Выдать дочь за богача, за князя и за камѣкку, выдать украдкой отъ всѣхъ, воспользовавшись слабоуміемъ и беззащитностью своего гостя, — выдать воровскимъ образомъ, какъ сказали бы враги Марьи Александровны, — было не только смѣло, но даже и дерзко. Конечно, проектъ былъ выгоденъ, но, въ случаѣ неудачи, покрывать изобрѣтательницу необыкновеннымъ позоромъ. Марья Александровна это знала, но не отчаявалась. «Изъ такихъ-ли передрягъ я суха выходила!» — говорила она Зинѣ и говорила справедливо. Не то какая-жъ бы она была геронія?

Безспорно, что все это походило иѣсколько на разбой на большой дорогѣ; но Марью Александровна и на это не слишкомъ-то обращала вниманія. На этотъ счетъ у неї была одна, удивительно вѣрила, мысль: «Обвѣнчаютъ, такъ ужъ не развѣщаются» — мысль простая, но соблазнявшая воображеніе такими необыкновенными выгодами, что Марью Александровну, отъ одного уже представленія этихъ выгодъ, бросало въ дрожь и кололо мурашками. Вообще она была въ ужасномъ волненіи и сидѣла въ своей каретѣ, какъ на иголкахъ. Какъ жеющія вдохновенная, одаренная песоми-липымъ творчествомъ, она уже успѣла создать планъ своихъ дѣйствій. Но планъ этотъ былъ составленъ вчера, вообще, он grand, и еще какъ-то тусклю просвѣчивалъ передъ нею. Предстояла бездна подробностей и разныхъ непредвидимыхъ

случаевъ. Но Марья Александровна была уверена въ себѣ: она волновалась не страхомъ неудачи; иѣть! ей хотѣлось только поскорѣе начать, поскорѣе въ бой. Нетерпѣніе, благородное нетерпѣніе сожигало ес при мысли о задержкахъ и остановкахъ. Но, сказавъ о задержкахъ, мы попросимъ позволенія нѣсколько пояснить нашу мысль. Главную бѣду предчувствовала и ожидала Марья Александровна отъ благородныхъ своихъ согражданъ мордасовцевъ и, прелмущественно, отъ благородного общества мордасовскихъ дамъ. Она на опытѣ знала всю ихъ непримиримую къ себѣ ненависть. Она, напримѣръ, твердо знала, что въ городѣ, въ настоящую минуту, можетъ быть уже знаютъ все изъ ея наимѣреній, хотя обѣ шихъ еще никто, никому не разсказывалъ. Она знала, по неоднократному печальному опыту, что не было случая, даже самаго секретнаго въ си дома, который, случившись утромъ, не бытъ-бы уже извѣстенъ къ вечеру послѣдней торговкѣ на базарѣ, послѣднему сидѣльцу въ лавкѣ. Конечно Марья Александровна еще только предчувствовала бѣду, но такія предчувствія никогда ее не обманывали. Не обманывалась она и теперь. Вотъ что случилось на самомъ дѣлѣ и чего еще не знала она положительно. Около полуночи, то есть ровно три часа по приѣздѣ князя въ Мордасовъ, по городу распространялись странные слухи. Гдѣ начались они неизвѣстно, по разошлись они почи мгновенно. Всѣ вдругъ сталиувѣрять другъ друга, что Марья Александровна уже просватала за князя свою Зину, свою безприданную, двадцати-трехлѣтнюю Зину; что Мозгляковъ въ отставкѣ и что все это уже решено и подписано. Что было причиной такихъ слуховъ? Неужели всѣ до такой степени знали Марью Александровну, что разомъ попали въ самое сердце ея завѣтныхъ мыслей и идеаловъ? Ни несобразность такого слуха съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, потому что такія дѣла очень рѣдко могутъ обдѣливаться въ одинъ часъ; — ни очевидная неосновательность такого извѣстія, потому что никто не могъ добиться откуда оно началось, — не могли разувѣрить мордасовцевъ. Слухъ разростался и укоренялся съ необыкновеннымъ упорствомъ. Всего удивительнѣе, что онъ началъ распространяться.

нияться, пменио въ то самое время, когда Марья Александровна приступила къ своему давешнему разговору съ Зиной объ этомъ же самомъ предметѣ. Таково-то чутые провинціаловъ! Инстинктъ провинціальныхъ вѣстовщиковъ доходитъ иногда до чудеснаго и, разумѣется, тому есть причины. Онъ основанъ на самомъ близкомъ, интересномъ и многолѣтнемъ изученіи другъ друга. Всякій провинціалъ живетъ какъ будто подъ стекляннымъ колпакомъ. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть отъ своихъ поченныхъ согражданъ. Васъ знаютъ напузъ, знаютъ даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинціаль уже по натурѣ своей, кажется, долженъ - бы быть психологомъ и сердцевѣдомъ. Вотъ почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встрѣчая въ провинціи, вмѣсто психологовъ и сердцевѣдовъ, чрезвычайно много ословъ. Но это въ сторону; это мысль лишняя. Вѣсть была громовая. Бракъ съ княземъ казался всякому до того выгоднымъ, до того блестательнымъ, что даже странная сторона этого дѣла никому не бросалась въ глаза. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Зину ненавидѣла почти еще больше Мары Александровны, — за что? — неизвѣстно. Можетъ-быть красота Зины была отъ-части тому причиной. Можетъ-быть и то, что Марья Александровна все таки была какъ-то своя всѣмъ мордасовцамъ, *своего поля люда*. Изчезни она изъ города и, — кто знаетъ? — обѣ ней-бы можетъ быть пожалѣли. Она ожидала общество безпрерывными исторіями. Безъ нея бы здѣбы скучно. На противъ того, Зина держала себя такъ, какъ будто жила въ облакахъ, а не въ городѣ Мордасовѣ. Была она этимъ людямъ какъ-то не пара, не ровня и, можетъ быть сама не замѣчая того, вела себя передъ ими невыносимо надменно. И вдругъ, теперь, эта-же самая Зина, про которую даже ходили скандалѣзныя исторіи, эта надменная, эта гордячка Зина саповитится миллионеркой, княгиней, войдетъ въ знать. — Года черезъ два, когда овдовѣеть выйдетъ за какого-нибудь герцога, можетъ-быть даже за генерала; чего доброго — пожалуй еще за губернатора (а мордасовскій губернаторъ какъ нарочно вдовецъ и чрезвычайно нѣженъ къ женскому полу.) Тогда она будетъ первая дама

въ губерніи, — и разумѣется одна эта мысль уже была невыносима и никогда никакая вѣсть не возбудила бы такого негодованія въ Мордасовѣ, какъ вѣсть о выходѣ Зины за князя. Мгновенно поднялись яростные крики со всѣхъ сто ренъ. Кричали, что это грѣшило, даже подло; что старикъ не въ своемъ умѣ; что старика обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабоуміемъ; что старика надо спасти отъ кровожадныхъ когтей; что это, наконецъ, разбой и безнравственность; что, наконецъ, чѣмъ же другое хуже Зины? и другія могли бы точно также выйти за князя? Всѣ эти толки и возгласы Марья Александровна сіе только предполагала, но для нея довольно было и этого. Она твердо знала, что всѣ, рѣшительно всѣ, готовы будутъ употребить все, что возможно и что даже невозможно, чтобы воспрепятствовать ея намѣреніямъ. Вѣдь хотятъ-же тепѣрь конфисковать князя, такъ что приходится его возвращать чуть не съ бою. Наконецъ, хоть и удается поймать и заманить князя обратно, нельзя-же будетъ держать его вѣчно на привязи. Наконецъ кто поручится, что сегодня, что черезъ два же часа, весь торжественный хоръ мордасовскихъ дамъ не будетъ въ ея салонѣ, да еще подъ такимъ предлогомъ, что невозможно будетъ и отказать? Откажи въ дверь, войдуть въ окно: случай почти невозможный, но бывавшій въ Мордасовѣ. Однимъ словомъ нельзя было терять ни на часъ, ни на каплю времени, а между тѣмъ дѣло было сіе и не начато. Вдругъ гениальная мысль блеснула и мгновенно созрѣла въ головѣ Марыи Александровны. Обѣ этой новой идеѣ мы не забудемъ сказать въ своемъ мѣстѣ. Скажемъ только теперь, что, въ эту минуту, наша героиня летѣла по мордасовскимъ улицамъ, грозная и вдохновленная, рѣшившись даже на настоящій бой, еслибъ только представилась надобность, чтобы овладѣть княземъ обратно. Она еще не знала, какъ это сдѣляется и гдѣ она встрѣтить его; но за то она знала навѣрно, что скорѣе весь Мордасовъ провалится сквозь землю, чѣмъ не исполнится хоть одна іота изъ теперешнихъ ея замысловъ.

Первый шагъ удался какъ нельзя лучше. Она успѣла перехватить князя на улицѣ и привезла къ себѣ обѣдать.

Если спросить: какимъ образомъ, не смотря на всѣ козни враговъ, ей удалось-таки настоять на своемъ и оставить Анну Николаину съ довольно большимъ иссомъ? — то я обязанъ объявить, что считаю такой вопросъ даже обиднымъ для Марыи Александровны. Ей-ли не одержать побѣду надъ какой нибудь Анной Николаиной Английской? Она просто арестовала князя, уже подъѣзжавшаго къ дому ея соперницы и, несмотря ни на что, а выѣхѣть съ тѣмъ и на доводы самого Мозглякова, испугавшагося скандалу, перссадила старичка въ свою карету. Тѣмъ-то и отличалась Марья Александровна отъ своихъ соперницъ, что, въ рѣшительныхъ случаяхъ, не задумывалась даже передъ скандаломъ, принимая за аксиому, что успѣхъ все оправдываетъ. Разумѣется, князь не оказалъ значительнаго сопротивленія и, по своему обыкновенію, очень скоро забылъ обо всемъ и остался очень доволенъ. За обѣдомъ онъ болталъ безъ умолку, былъ чрезвычайно весель, острѣлъ, каламбурилъ, рассказывалъ анекдоты, которые не доканчивалъ, или съ одного перескакивалъ на другой, самъ не замѣчая того. У Натальи Дмитріевны онъ выпилъ три бокала шампанскаго. За обѣдомъ онъ выпилъ еще и закружился окончательно. Тутъ ужъ подливала сама Марья Александровна. Обѣдъ былъ очень порядочный. Извергъ Никитка не подгадилъ. Хозяйка оживляла общество самой очаровательной любезностью. Но остальные присутствующіе, какъ нарочно, были необыкновенно скучны. Зина была какъ-то торжественно молчалива. Мозгляковъ былъ видимо не въ своей тарелкѣ и малоѣль. Ольга обѣ чемъ-то думала и, такъ какъ это случалось съ нимъ довольно рѣдко, то Марья Александровна была въ большемъ беспокойствѣ. Настасья Петровна сидѣла угрюмая и даже, украдкой, дѣлала Мозглякову, какіе-то странные знаки, которыхъ толькъ совершенно не примѣчала. Не будь очаровательно-любезной хозяйки, обѣдъ походилъ бы на похороны.

А между тѣмъ Марья Александровна была въ невыразимомъ волненіи. Одна уже Зина пугала ее ужасно своимъ грустнымъ видомъ и заплаканными глазами. А тутъ и еще затрудненіе: надо сиѣшнить, торопиться, а этотъ «проклятый Мозгляковъ» спидѣть себѣ, какъ болванъ, которому мало за-

боты, и только мѣшаетъ! Вѣдь нельзѧ же, въ самомъ дѣлѣ, начинать такое дѣло при немъ! Марья Александровна встала изъ за стола въ страшномъ беспокойствѣ. Каково-же было ея изумленіе, радость, радостный испугъ, если можно такъ выразится, когда Мозгляковъ, только-что всталъ изъ за стола, самъ подошелъ къ ней и вдругъ, совсѣмъ неожиданно, объявилъ, что ему, разумѣется — къ его величайшему сожалѣнію, необходимо сейчасъ же отправиться.

— Куда это? — спросила, съ необыкновеннымъ соболѣзнованіемъ, Марья Александровна.

— Вотъ видите, Марья Александровна, — началъ Мозгляковъ съ беспокойствомъ и даже пѣсколько путалъся, — со мной престранная исторія. Я ужъ и не знаю какъ вамъ сказать... дайте мнѣ, ради Бога, совсѣмъ!

— Что, что такое?

— Крестный отецъ мой, Бородуевъ, вы знаете, — тотъ купецъ... встрѣтился сегодня со мной. Старикъ рѣшительно сердитъся, упрекаетъ, говоритъ мнѣ, что я загордился. Вотъ уже третій разъ я въ Мордасовѣ, а къ нему и посы не показалъ. — «Пріѣзжай, говоритъ, сегодня на чай.» — Теперь ровно четыре часа, а чай онъ пьетъ по старинному, какъ проснется, въ пятомъ часу. Что мнѣ дѣлать? Оно, Марья Александровна, конечно, — но подумайте! Вѣдь онъ моего отца-покойника отъ шелти избавилъ, когда тотъ казенныя депыги проигралъ. Онъ и крестиль-то меня по этому слушаю. Если состоится мой бракъ съ Зинаидой Афанасьевной, у меня все-таки только полтораста душъ. А вѣдь у него миллионъ, люди говорятъ даже больше. Бездѣтъ. Угодишь ему — сто тысячъ по духовной оставитъ. Семдесятъ лѣтъ. А вѣдь онъ какъ любилъ меня прежде! Подумайте!

— Ахъ Боже мой! такъ что-жъ это вы! что-же вы можете? — вскричала Марья Александровна, едва скрывая свою радость. — Поеѣзжайте, пойѣзжайте! этимъ нельзѧ шутить. Тото я смотрю за обѣдомъ — вы такой скучный! Поеѣзжайте топи амѣ, пойѣзжайте! Да вамъ-бы слѣдовало давеча утромъ съ визитомъ отправиться, показать, что вы дорожите, что вы цѣните его ласку! Ахъ, молодежь, молодежь!

— Да вѣдь вы-же сами, Марья Александровна, — въ изумлѣніи вскричалъ Мозгляковъ, — вы-же сами нападали на меня за это знакомство! Вѣдь вы-же говорили, что онъ мужикъ, борода, въ роднѣ съ кабаками, съ подвальными, да повѣршными?

— Ахъ, mon ami! Маю-ли мы что говоримъ необдуманнаго! Я тоже могу ошибиться, я — не святая. Я, впрочемъ, не помню, но я могла быть въ такомъ расположениѣ духа... Наконецъ вы тогда еще не сватались къ Зиночкѣ.... Конечно, это эгоизмъ съ моей стороны, но теперь я, поневолѣ должна смотрѣть съ другой точки зрењія, и — какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ? Поѣзжайте, и мицуты не медлите! Даже вечеръ у него посидите.... да послушайте! Заговорите какъ-нибудь обо мнѣ. Скажите, что я его уважаю, люблю, почитаю, да этакъ половче, получше! Ахъ, Боже мой! И у меня вѣдь это изъ головы вышло! Мнѣ бы надо самой догадаться, васъ-же надоумить!

— Воскресили вы меня, Марья Александровна! — вскричалъ восхищенный Мозгляковъ. — Теперь, клянусь, буду во всемъ васъ слушаться! А то, вѣдь я вамъ просто боялся сказать!.... Ну прощайте, я и въ путь! Извините меня передъ Зинаидой Афанасьевной. Впрочемъ, непремѣнно сюда....

— Благословляю васъ, mon ami! Стотрите-же обо мнѣ-то поговорите съ нимъ! Онъ дѣйствительно премилый старичокъ. Я давно уже перемѣнила о немъ мои мысли.... Я и всегда, впрочемъ, любила въ немъ все это старинное русское, не поддельное.... Au revoir, mon ami, au revoir!

— Да какъ это хорошо, что его черть несетъ! Нѣть это самъ Богъ помогаетъ! — подумала она, задыхаясь отъ радости.

Павель Александровичъ вышелъ въ переднюю и надѣвалъ уже щубу, какъ вдругъ откуда не возьмись Настасья Петровна. Она поджидала его.

— Куда вы? — сказала она, удерживая его за руку.

— Къ Бородуеву, Настасья Петровна! Крестный отецъ мой; удостоился меня крестить.... Богатый старикъ, оставилъ что-нибудь, надо попытать!...

Павель Александровичъ былъ въ превосходѣйшемъ расположеніи духа.

Къ Бородуеву! иу такъ и проститесь съ невѣстой,— рѣзко сказала Настасья Петровна.

— Какъ-такъ, «проститесь»?

— Да такъ! Вы думали она ужъ и ваша! А вонъ ее за князя выдавать хотятъ. Сама слышала?

— За князя? помилосердуйте, Настасья Петровна!

— Да чего: помилосердуйте! Вотъ не угодно-ли самимъ посмотреть и послушать? Бросьте-ка шубу, подите-ка сюда!

Ошеломленный Павель Александровичъ бросилъ шубу и на цыпочкахъ отправился за Настасьей Петровной. Она привела его въ тотъ самый чуланчикъ, откуда утромъ подглядывала и подслушивала.

— Но помилуйте, Настасья Петровна, я рѣшительно ничего не понимаю!...

— А вотъ поймете, какъ нагнетесь и послушаете. Комедія вѣрою сейчасъ начнется.

— Какая комедія?

— Тс! не говорите громко! Комедія въ томъ, что васъ просто надуваютъ. Давеча, какъ вы отправились съ княземъ, Марья Александровна цѣлый часъ уговаривала Зину выйти за-мужъ за этого князя, говорила, что иѣть ничего легче его облапошить и заставить жениться и такія крючки выводила, что даже мнѣ тошно стало. Я все отсюда подслушала. Зина согласилась. Какъ онѣ васъ-то обѣ честили! просто за дурака почитаютъ, а Зина прямо сказала, что ни за что не выйдетъ за васъ. Я-то дура! Красный бантикъ приколоть хотѣла! Послушайте-ка, послушайте-ка!

— Да вѣдь это безбожійшее коварство, если такъ! — прошепталъ Павель Александровичъ, глупѣйшимъ образомъ смотря въ глаза Настасії Петровнѣ.

— Да вы только послушайте, и не то еще услышите.

— Да гдѣ-же слушать?

— Да вотъ нагнитесь, вотъ въ эту дырочку....

— Но, Настасья Петровна, я.... я не способенъ подслушивать.

— Экъ, когда хватились! Тутъ, батюшка, честь-то въ карманъ, пришли, такъ ужъ слушайте!

— Но однокоже....

— А не способны, такъ и оставайтесь съ носомъ! Васъ-же жалѣютъ, а онъ-то куражится! Миѣ что! вѣдь я не для себя. Я и до вечера здѣсь не останусь!

Павелъ Александровичъ, скрѣвя сердце, нагнулся къ щечкѣ. Сердце его билось, въ вискахъ стучало. Онъ почти не понималъ, что съ нимъ происходит....

ГЛАВА VIII.

— Такъ вамъ очень было весело, князь, у Натальи Дмитріевны?— спросила Марья Александровна, плотояднымъ взглядомъ окидывая поле предстоящей битвы и желая самымъ невиннымъ образомъ начать разговоръ. Сердце ея билось отъ волненія и ожиданія.

Послѣ обѣда князя тотчасъ-же перевели въ «салонъ», въ которомъ принимали его утромъ. Всѣ торжественные случаи и приемы происходили у Марии Александровны въ этомъ салонѣ. Она гордилась этой комнатой. Старичокъ съ шести бакаловъ какъ-то весь раскисъ и некрѣпко дѣржался на ногахъ. За то болталъ безъ умолку. Белтовия въ немъ даже успѣлась. Марья Александровна понимала, что эта вспышка минутная и что отяжелѣвшему гостю скоро захочется снать. Надо было ловить минуту. Оглядѣвъ поле битвы, она съ наслажденіемъ замѣтила, что сластолюбивый старичокъ какъ-то особенно лакомо поглядывалъ на Зину и родительское сердце ея затрепетало отъ радости.

— Чрез-вы-чайно весело,— отвѣчалъ князь;— и, знаете, это безпо-добнѣйшая женщина, эта Наталья Дмитріевна, безпо-добнѣйшая женщина!

Какъ ни занята была Марья Александровна своими великими планами, но такая звонкая похвала сонеринцѣ у колола ея въ самое сердце.

— Помилуйте, князь!— вскричала она, сверкая глазами:— Если ужъ ваша Наталья Дмитріевна безподобная женщина, такъ ужъ я и не знаю что, послѣ этого! Но послѣ этого

вы совершенно не знаете здѣшняго общества, совершенно не знаете! Вѣдь это только одна выставка своихъ небывалыхъ достоинствъ, своихъ благородныхъ чувствъ, одна комедія, одна наружная золотая кора. Приподымите эту кору и вы увидите цѣлый адъ подъ цветами, цѣлое осипое гиѣздо, где васъ сѣдятъ и косточекъ не оставятъ!

— Неужели! — воскликнулъ князь, — удивляюсь.

— Но я клянусь вамъ въ этомъ! Ah, ton prince. Послушай, Зина, я должна, я обязана разсказать князю это смѣшное и позкое произшествіе съ этой Натальей, на прошлой недѣлѣ,—помнишь? Да, князь это про ту самую вашу хваленую Наталью Дмитріевну, которою вы такъ восхищаетесь. О милейшій мой князь! Клянусь я не сплетница! Но я непремѣнно разскажу это, единственно для того, чтобы разсмѣшить, чтобы показать вамъ въ живомъ образчикѣ такъ сказать въ оптическое стекло, что здѣсь за люди? Двѣ недѣли назадъ прѣѣзжаетъ ко мнѣ эта Наталья Дмитріевна. Подали кофе, а я за чѣмъ-то вышла. Я очень хорошо помню сколько у меня оставалось сахару въ серебряной сахарницѣ: она была совершенна полна. Возвращаюсь, смотрю: лежать на допушкѣ только три кусочка. Кроме Натальи Дмитріевны въ комнатѣ никого не оставалось. Какова! У ней свой каменный домъ и денегъ без счета! Этотъ случай смѣшной, комическій, но судите послѣ этого о благородствѣ здѣшняго общества!

— Не-у-же-ли! — воскликнулъ князь, искренно удивляясь.—Какая, однокоже, неестественная жадность! Неужели-жъ она все одна сѣла?

— Такъ вотъ какая она *безподобицѣша* женщина, князь! какъ вамъ нравится этотъ позорный случай? Да я-бы казжется умерла въ ту-же минуту, въ которую-бы рѣшилась на такой отвратительный поступокъ?

— Ну да, да.... Только, знаете, она все-таки такая *belle-femme*....

— Наталья-то Дмитріевна! помилуйте, князь, да это просто кадушка! Ахъ, князь, князь! что это вы сказали! Я ожидала въ васъ гораздо поболѣе вкусу....

— Ну да, кадушка.... только, знаете, она такъ сло-же-на.... Ну а эта дѣвочка, которая тан-цо-ва-ла, она тоже.... сло-же-на....

— Соничка-то? да вѣдь она еще ребенокъ, князь! ей всего четырнадцать лѣтъ!

— Ну да.... только, знаете, такая ловкая и у неї тоже.... такія формы.... формируются. Ми-ле-нь-кая такая! и другая, что съ неей тан-цо-вала, тоже.... формируется....

— Ахъ, это—несчастная спрота, князь! Она ее часто берутъ.

— Си-ро-та. Грязная, вирочемъ, такая, хоть-бы руки вымыла.... А вирочемъ тоже за-ман-чи-вая....

Говоря это князь съ какою-то возрастающею жадностію разсматривалъ Зину въ лорнетъ.

— Mais quelle charmante personne! — бормоталъ онъ въ полголоса, тая отъ наслажденія.

— Зина! сыграй памъ что-нибудь, или иѣть лучшіе спой! Какъ она поеть, князь! Она можно сказать виртуозка, настоящая виртуозка! И еслибы вы знали, князь,—продолжала Марья Александровна вполноголоса, когда Зина отошла къ роялю, ступая своею тихою, плавною поступью, отъ которой чуть не покоробило бѣдного старичка,—еслибы вы знали какая она-дочь! Какъ она умѣеть любить, какъ иѣжна со мной! Какія чувства, какое сердце!

— Ну да.... чувства.... и, знаете-ли, я только одну женщину зналъ, во всю мою жизнь, съ которой она могла-бы сравниться по-кра-со-тѣ,—перебилъ князь, глатая слюнки.—Это покойная графиня Нанская, умерла лѣтъ тридцать тому назадъ. Вос-хи-ти-тельная была женщина, неопи-сан-ной красоты, потомъ еще за своего новара вышла....

— За своего новара, князь!

— Ну да, за своего новара... за француза, за грани-цей. Она ему за гра-ни-цей графскій титулъ доставила. Вид-ный былъ собой человѣкъ и чрезвычайно образованный, съ маленькими такими у-си-ка-ми.

— И—и.... какже они жили, князь?

— Ну да, они хорошо жили. Впрочемъ они скоро по-тому разошлись. Онь ее обобралъ и уѣхалъ. За какой-то соусъ поссорились....

— Маменька, что миѣ играть? — спросила Зина.

— Да ты бы лучше спѣла памъ, Зина. Какъ она поеть, князь! Вы любите музыку?

— О, да! Charmant, charmant! Я очень люблю музыку. Я за граняцей съ Бетховеномъ была знакомъ.

— Съ Бетховеномъ! Вообрази, Зина, князь была знакомъ съ Бетховеномъ! — Кричитъ въ восторгѣ Марья Александровна. — Ахъ, князь! неужели вы были знакомы съ Бетховеномъ?

— Ну да.... мы были съ нимъ на дружес-кой ногѣ. И вѣчно у него носъ въ табакѣ. Такой смѣшной!

— Бетховенъ?

— Ну да, Бетховенъ. Впрочемъ, можетъ-быть, это и не Бет-хо-венъ, а какой-нибудь другой Нѣмецъ. Тамъ очень много Нѣмцевъ.... Впрочемъ я, кажется, ошибаюсь.

— Что-же миѣ пѣть, маменька? спросила Зина.

— Ахъ, Зина! спой тотъ романсъ, въ которомъ, помнишь, много рыцарского, гдѣ еще эта владѣтельница замка пѣла трубадуръ.... Ахъ, князь! Какъ я люблю все это рыцарское! Эти замки, замки! Эта средневѣковая жизнь! Эти трубадуры, герольды, турниры.... Я буду аккомпанировать тебѣ, Зина. Пересидьте сюда, князь, поближе! Ахъ эти замки, замки!...

— Ну да..., замки. Я тоже люблю замки, — бормочетъ князь въ восторгѣ, вливаясь въ Зину единственнымъ своимъ глазомъ. — Но.... Боже мой! — воскликнѣаетъ онъ: — Это романсъ!... Но.... я знаю этотъ романсъ! Я давно уже слышала этотъ романсъ.... Это такъ миѣ на-по-ми-настъ.... Ахъ, Боже мой!

Я не берусь описывать, что сдѣлалось съ княземъ, когда заиграла Зина. Пѣла она старинный французскій романсъ, бывшій когда-то въ большой модѣ. Зина пѣла его прекрасно. Ея чистый, звучный контратальто проникалъ до сердца. Ея прекрасное лицо, чудные глаза, ея точеные дивные пальчики, которыми она переворачивала ноты, ея волосы,

густые, черные, блестящие, волнившаяся грудь, вся фигура ея, гордая, прекрасная, благородная, — все это околдовало бедного старичка окончательно. Онъ не отрывалъ отъ нея глазъ, когда она пѣла, онъ захлебывался отъ волненія. Его старческое сердце, подогрѣтое шампанскимъ, музыкой и воскреснувшими воспоминаніями (а у кого неѣть любимыхъ воспоминаний?) — стучало чаще и чаще, какъ уже давно не было сего.... Онъ готовъ былъ опуститься на колѣни передъ Зиной и почти плакалъ, когда она кончила.

— О ma charmante enfant! — вскричалъ онъ, цаляя ея нальчики, — Vous me ravissez! Я теперь, теперь только вспомнилъ.... Но.... но.... о ma charmante enfant! —

И князь даже не могъ докончить.

Марья Александровна почувствовала, что наступила ея минута.

— Зачѣмъ-же вы губите себя, князь? — воскликнула она торжественно. — Столько чувства, столько жизненной силы, столько богатствъ душевныхъ и зарыться на всю жизнь въ единеніе! уѣхать отъ людей, отъ друзей! Но это не простительно! Одумайтесь, князь! взгляните на жизнь, такъ сказать, яснымъ окомъ! Воззовите изъ сердца своего воспоминанія прошедшаго, — воспоминанія золотой вашей молодости, золотыхъ, беззаботныхъ дней, — воскресите ихъ, воскресите себя! Начните опять жить въ обществѣ между людей! Поехжайте за границу, въ Италию, въ Испанию — въ Испанию, князь!.... Вамъ нужно руководителя, сердце, которое бы любило, уважало васъ, вамъ сочувствовало? Но у васъ есть друзья! Позовите ихъ, кликните ихъ и они приѣдутъ толпами! Я первая брошу все и приѣду на вашъ вызовъ. Я помню нашу прежнюю дружбу, князь; я брошу мужа и пойду за вами.... и даже, еслибъ я была еще моложе, еслибъ я была также хороша и прекрасна, какъ дочь моя, я-бы стала вашей спутницей, подругой, женой вашей, еслибъ вы того захотѣли!

— И я увѣренъ, что вы были une charmante personne, въ свое времѧ, — проговорилъ князь, сморкаясь въ платокъ. Глаза его были омочены слезами.

— Мы живемъ въ нашихъ дѣтяхъ, князь, — съ высокимъ чувствомъ отвѣчала Марья Александровна. — У меня тоже есть свой ангелъ хранитель! И это — она, моя дочь, подруга моихъ мыслей, моего сердца, князь! Она отвергла уже семь предложенийъ, не желая разставаться со мною.

— Стало-быть она съ вами пойдетъ, когда вы будете, сопровождать меня за границу? Въ такомъ случаѣ, я не-премѣнно пойду за границу! — вскричалъ князь одушевлѣясь.

— Непрѣмѣнно пойду! И еслибъ я могъ льстить себя на-дѣжд-дою.... Но она очаровательное, очарова-тельное дитя! О та charmante enfant!.... — И князь съвсомъ целовать ея руки. Бѣдняжка! ему хотѣлось стать передъ ней на колѣни.

— Но.... но, князь, вы говорите: може-ли вы льстить себя надеждою? — Подхватила Марья Александровна, почувствовавъ новый приливъ краснорѣчія. — Но-вы страны, князь! Неужели вы считаете себя уже недостойнымъ вниманія женщины? Не молодость составляетъ красоту. Вспомните, что вы, та-къ-сказать, обломокъ аристократіи! вы — представитель самыхъ утонченныхъ, самыхъ рыцарскихъ чувствъ и.... манеръ! Развѣ Марія не полюбила старика Мазену? Я помню, я читала, что Лозенъ, этотъ очаровательный маркизъ двора Людовика.... я забыла котораго, — уже въ преклонныхъ лѣтахъ, уже старикъ, побѣдилъ сердце одной изъ первѣйшихъ придворныхъ красавицъ!.. И кто сказалъ вамъ, что вы старикъ? Кто научилъ васъ этому! Развѣ люди, какъ вы, старѣются? Вы, съ такимъ богатствомъ чувствъ, мыслей, веселости, остроумія, жизненной силы, блестящихъ манеръ! Но появитсяесь гдѣ-нибудь теперь, за границей, на водахъ, съ молодой женой, съ такой-же красавицей, какъ, на примѣръ, моя Зина, — я не обѣней говорю, я говорю только такъ, для сравненія, — и вы увидите какой колоссальный будетъ эффектъ! Вы — обломокъ аристократіи, она — красавица изъ красавицъ; вы ведете ее торжественно подъ руку; она поетъ въ блестящею общество, вы, съ своей стороны, съните остроуміемъ, — да же воды сбѣгутся смотрѣть на васъ! Вся Европа закричитъ, потому-что все газеты, все фельстоны на водахъ,

заговорятъ въ одинъ голосъ.... Князь, князь! И вы говорите: можете-ли вы льстить себя надеждою?

— Фельетоны.... ну да, ну да!... Это въ газетахъ.... — бормочетъ князь, вполовину не понимая болтовню Марыи Александровны, и раскисая все болѣе и болѣе. — Но.... дитя мое, если вы не устали, — повторите еще разъ тотъ романсь, который вы сейчасъ пѣла!

— Ахъ, князь! Но у нее есть и другіе романсы еще лучше.... Помните, князь, l'hirondelle? вы вѣроятно слышали?

— Да, помню.... или, лучше сказать, я за-былъ. — Нѣтъ, пѣть, прежній, прежній романсь, тотъ самый, который она сейчасъ пѣла! Я не хочу l'hirondelle! Я хочу тотъ романсь.... — говорилъ князь, умоляя, какъ ребенокъ.

Зина проиѣла еще разъ. Князь не могъ удержаться и опустился передъ неей на колѣна. Онъ плакалъ.

— O ma belle châtelaine! — воскликнулъ онъ своимъ дребезжащимъ отъ старости и волненія голосомъ. — O ma charmante châtelaine! О милое дитя мое! вы мнѣ такъ много напомнили... изъ того, что давно прошло.... Я тогда думалъ, что все будетъ лучше; чѣмъ оно потомъ было. Я тогда пѣлъ дуэты.... съ виконтессой.... а теперь.... Я и не знаю, что ужъ теперь....

Всю эту рѣчь князь произнесъ задыхаясь и захлебываясь. Языкъ его прымѣтило одеревенѣль. Нѣкоторыхъ словъ почти совсѣмъ нельзя было разобрать. Видно было только, что онъ въ спѣльнѣйшей степени разчувствовался. Марья Александровна немедленно подшила масла въ огонь.

— Князь! Но вы, пожалуй, влюбитесь въ мою Зину! — вскричала она, почувствовавъ, что минута была торжественная.

Отвѣтъ князя превзошелъ ея лучшія ожиданія.

— Я до безумія влюбленъ въ нее! — вскричалъ старичокъ, вдругъ весь оживляясь, все еще стоя на колѣнахъ и весь дрожа отъ волненія. — Я ей жизнь готовъ отдать! И еслиъ я только могъ на-дѣяться.... Но подымите меня, я не-мно-го ос-лабъ.... Я.... еслиъ только могъ надѣяться предложить ей мое сердце, то.... я.... она-бы мнѣ каждый

день иѣла ро-ман-сы, а я-бы все смотрѣль на нее.... все смотрѣль.... Ахъ, Боже мой !

— Князь, князь! вы предлагаете ей свою руку! вы хотите ее взять у меня, мою Зину! мою милую, моего ангела, Зину! Но я не пущу тебя, Зина! Пусть вырвутъ ее изъ рукъ моихъ, изъ рукъ матери! — и Марья Александровна бросилась къ дочери и крѣпко сжала ее въ объятіяхъ, хотя чувствовала, что ее довольно сильно отталкивали.... Маменька не много пересаливала. Зина чувствовала это всѣмъ существомъ своимъ и, съ невыразимымъ отвращеніемъ, смотрѣла на всю комедію. Однакожъ она молчала, а это все, что было надо Марьѣ Александровнѣ.

— Она девять разъ отказывала, чтобъ только не разлучаться съ своею матерью! — Кричала она. — Но теперь — мое сердце предчувствуетъ разлуку. Еще давеча я замѣтила, что она такъ смотрѣла на васъ.... Вы поразили ее своимъ аристократизмомъ, князь, этой утонченностью!.... О! вы разлучите насть; я это предчувствую!..

— Я о-бо-жаю ее! — пробормоталъ князь, все еще дрожа какъ осиновый листикъ.

— И такъ ты оставляешь мать свою! — воскликнула Марья Александровна, еще разъ бросаясь на шею дочери.

Зина торопилась кончить тяжелую сцену. Она молча протянула князю свою прекрасную руку и даже заставила себя улыбнуться. Князь съ благоговѣніемъ принялъ эту ручку и покрылъ ее поцалуями.

— Я только теперь па-чи-паю жить, — бормоталъ онъ захлебываясь отъ восторга.

— Зина! — торжественно проговорила Марья Александровна, — взгляни на этого человѣка! Это самый честнѣйший, самый благороднѣйший человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знаю! Это рыцарь среднихъ вѣковъ! Но она это знаетъ, князь, она знаетъ на горе моему сердцу... О! зачѣмъ вы прѣѣхали! Я передаю вамъ мое сокровище, моего ангела. Берегите ее, князь! Васъ умоляетъ мать и какая мать осудить меня за мою горесть!

— Маменька, довольно! — прошептала Зина.

Отд. I.

— Вы защитите ее отъ обиды, князь? Ваша шпага блеснетъ въ глаза клеветнику или дерзкому, который осмѣлится обидѣть мою Зину?

— Довольно, маменька, или я...

— Ну да, блеснетъ... — бормоталъ князь. — Я только теперь начинаю жить... Я хочу чтобы сейчасъ-же, сю ми-нуту была свадьба... я... Я хочу послать сейчасъ же въ Ду-ха-ко-во. Тамъ у меня бри-лі-янты. Я хочу по-ло-жить ихъ къ ея по-гамъ...

— Какой пыль! какой восторгъ! какое благородство чувствъ! — воскликнула Марья Александровна. — И вы могли, князь, вы могли губить себя, удаляясь отъ свѣта? Я ты-сячу разъ буду это говорить! Я виѣ себѧ, когда вспомню объ этой адской...

— Что-жъ мнѣ дѣ-лать, я такъ бо-ялся! — бормоталъ князь, хныча и разчувствовавшись. — Опп меня въ су-ма-shed-шій домъ посадить хо-тѣ-ли... Я и испугался.

— Въ сумасшедшій домъ! О изверги! о безчеловѣчные люди! О низкое коварство! Князь, — я это слышала! Но это сумасшествіе со стороны этихъ людей! Но зачто же, за что?!

— А я и самъ не знаю за что! — отвѣчалъ стариечекъ, отъ слабости садясь на кресло. — Я, знаете, на ба-лѣ былъ и, какой-то аnekдотъ раз-ска-залъ; а имъ не понрави-лось. Ну и вышла исторія?

— Неуже-ли только за это, князь.

— Нѣтъ. Я еще по-томъ въ карты иг-раль, съ княземъ Петромъ Демен-тыи-чемъ, и безъ шести ос-тал-ся. У меня было два ко-ро-ля и три дамы... или, лучше сказать, три дамы и два ко-ро-ля... Нѣтъ! одинъ ко-ро-ль, а потомъ ужъ были и да-мы....

— И за это? за это! о адское безчеловѣчіе! вы плаче-те, князь! Но теперь этого не будетъ! Теперь я буду подле-васъ, мой князь; я не разстанусь съ Зиной и посмотримъ какъ они осмѣлятся сказать слово!.. И даже знаете, князь, вашъ бракъ поразить ихъ. Онъ пристыдить ихъ! Опп уви-дятъ, что вы еще способны... то есть они поймутъ, что не вышла бы за сумасшедшаго такая красавица! Теперь вы

гордо можете поднять голову. Вы будете смотрѣть имъ прямо въ лицо...

— Ну да, я буду смотрѣть имъ прямо въ лицо,—пробормоталъ князь, закрывая глаза.

— Однако онъ совсѣмъ роскисъ, подумала Марья Александровна. Только слова терять! —

— Князь, вы встревожены, я вижу это; вамъ непремѣнно надо успокониться, отдохнуть отъ этого волненія,—сказала она, матерински нагибаясь къ нему.

— Ну да, я бы хотѣлъ не многого искать,—сказалъ онъ.

— Да, да! успокойтесь, князь! Эти волненія... Постойте, я сама провожу васъ... Я уложу васъ сама если надо.

Что вы такъ смотрите на этотъ портретъ, князь? Это портретъ моей матери. — этого ангела, а не женщины! О зачѣмъ ее нѣть теперь между нами! Это была праведница, князь, праведница! — иначе я не называю ее!

— Праведница? c'est joli... У меня тоже была мать... princesse... и — вообразите — необыкновенно полная была женщина... Впрочемъ, я не то хотѣлъ сказать... Я нечестиво ослабѣлъ. Adieu, ma charmante enfant!.. Я съ наслажденіемъ... я сегодня... завтра... Ну да все равно! au revoir, au revoir! — тутъ онъ хотѣлъ сдѣлать ручкой, но поскользнулся и чуть не упалъ на порогъ.

— Осторожиѣ, князь! Обопрitezь на мою руку,—кричала Марья Александровна.

— Charmant, charmant! — бормоталъ онъ уходя. — Я теперь только начинай жить...

Зина осталась одна. Невыразимая тягость давила ея душу. Она чувствовала отвращеніе до юношеского. Она готова была презирать себя. ІЩеки ея горѣли. Съ сжатыми руками, стиснувъ зубы, опустивъ голову, стояла она и не двигаясь съ места. Слезы стыда покатились изъ глазъ ея... Въ эту минуту отворилась дверь, и Мозгляковъ вбѣжалъ въ комнату.

ГЛАВА IX.

Онъ слышалъ все, все!

Онъ дѣйствительно не вошелъ, а вбѣжалъ, блѣдный отъ волненія и отъ ярости. Зина смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Такъ-то вы! — вскричалъ си, задыхаясь. — Наконецъ-то я узналъ кто вы такая!

— Кто я такая! — повторила Зина, смотря на него какъ на сумасшедшаго, и вдругъ глаза ея заблистиали гнѣвомъ.

— Какъ смѣли вы такъ говорить со мной! — вскричала она, подступая къ нему.

— Я слышалъ все! — повторилъ Мозгляковъ торжественно, но какъ-то невольно отступивъ шагъ назадъ.

— Вы слышали? вы подслушивали? — сказала Зина, съ презрѣніемъ смотря на него.

— Ну да! я подслушивалъ! да, я рѣшился на подлость, но за то я узналъ, что вы самая... Я даже не знаю какъ и выразиться, чтобы сказать вамъ... какая вы теперь выходите! — отвѣчалъ онъ, все болѣе и болѣе робѣя передъ взглядомъ Зины.

— А хотѣ-бы и слышали, въ чёмъ-же вы можете обвинить меня? Какое право вы имѣете обвинять меня? Какое право имѣете такъ дерзко говорить со мной?

— Я? Я какое имѣю право? И вы можете это спрашивать? Вы выходите за князя, а я не имѣю никакого права!... да вы мнѣ слово дали, вотъ что!

— Когда?

— Какъ когда?

— Но еще сегодня утромъ, когда вы приставали ко мнѣ, я решительно отвѣчала, что не могу сказать ничего положительнаго.

— Но, однако же, вы не прогнали меня, вы не отказали мнѣ совсѣмъ; значитъ вы удерживали меня про запасъ! значитъ вы завлекали меня.

Въ лицѣ раздраженной Зины показалось болѣзниное опущеніе, какъ будто отъ острой, произительной внутренней боли; но она перемогла свое чувство.

— Если я васъ не прогоняла, отвѣчала она ясно и съ разстановкой, хотя въ голосѣ ея слышалось едва замѣтное дрожаніе, то единственно изъ жалости. Вы сами умоляли меня повременить, не говорить вамъ — «пѣть», но разглядѣть васъ поближе и «тогда» сказали вы, «тогда, когда вы увѣритесь, что я человѣкъ благородный, можетъ быть, вы мнѣ не откажете». Это были ваши собственные слова въ самомъ началѣ вашихъ исканий. Вы не можете отъ нихъ отпереться! Вы осмѣялись сказать мнѣ теперь, что я завлекала васъ. Но вы сами видѣли мое отвращеніе, когда я увидѣлась съ вами сегодня, двумя недѣлями раньше, чѣмъ вы обѣщали, и это отвращеніе я не скрыла передъ вами, напротивъ я его обнаружила. Вы это сами замѣтили, потому-что сами спрашивали меня: Не сержусь ли я за то, что вы раньше прѣѣхали? Знайте, что того не завлекаютъ, передъ кѣмъ не могутъ и не хотятъ скрыть своего къ нему отвращенія. Вы осмѣялись выговорить, что я берегла васъ про запасъ. На это отвѣчу вамъ, что я разсуждала про васъ такъ: «если онъ и не одаренъ умомъ, очень большимъ, то все-таки можетъ-быть человѣкомъ добрымъ и потому можно выйти за него». Но теперь, убѣдясь къ моему счастью, что вы дуракъ, и еще, въ добавокъ, злой дуракъ, — мнѣ остается только пожелать вамъ поѣнаго счастья и счастливаго пути. Прощайте!

Сказавъ это Зина отвернулась отъ него и медленно пошла изъ комнаты.

Мозгляковъ, догадавшись, что все потеряно, закипѣлъ отъ ярости.

— А! такъ я дуракъ, — кричалъ онъ, — такъ я теперь ужъ дуракъ! Хорошо! Прощайте! Но прежде чѣмъ уѣду, всему городу расскажу, какъ вы съ маменькой облапошили князя, напоивъ его до-пьяна! Всѣмъ разскажу! Узнаете Мозглякова.

Зина вздрогнула и остановилась-было отвѣчать, но, подумавъ съ минуту, только презрительно пожала плечами и захлопнула за собою дверь.

Въ это мгновеніе на порогѣ показалась Марья Александровна. Она слышала восклицаніе Мозглякова, въ одну ми-

и ту догадалась, въ чемъ дѣло и вздрогнула отъ испуга. «Мозгляковъ еще не уѣхалъ, Мозгляковъ около князя, Мозгляковъ раззвонить по городу, а тайна, хотя-бы на самое малое время, была необходима!» У Марыи Александровны были свои расчеты. Она мгномъ сообразила всѣ обстоятельства и планъ усмирения Мозглякова былъ уже созданъ.

— Что съ вами, топ ami? — сказала она, подходя къ нему и дружески протягивая ему свою руку.

— Какъ: *топ ami!* — вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ: — послѣ того, что вы натворили, да еще: *топ ami*. Моргенъ-фри, милостивая государыня! И вы думаете, что обманете меня еще разъ?

— Мне жаль, мнѣ очень жаль, что вижу васъ въ такомъ *странномъ* состояніи духа, Павелъ Александровичъ. Какія выраженія! вы даже не удерживаете словъ вашихъ передъ дамой.

— Передъ дамой! Вы... вы все что хотите, а не дама! — вскричалъ Мозгляковъ. Не знаю, что именно хотѣлось ему выразить своимъ восклицаніемъ, но, вѣроятно, что-нибудь очень громовое.

Марья Александровна кротко поглядѣла ему въ лицо.

— Сядьте! — грустно проговорила она, показывая ему на кресла, въ которыхъ, четверть часа тому, покоялся князь.

— Но послушайте, наконецъ, Марья Александровна! — вскричалъ озадаченный Мозгляковъ. — Вы смотрите на меня такъ, какъ-будто вы вовсе не виноваты, а какъ-будто я-же виноватъ передъ вами! — Вѣдь это нельзѧ-же-съ!.. такой тонъ!... вѣдь это, наконецъ, превышаетъ мѣру человѣческаго терпѣнія... знаете-ли вы это?

— Другъ мой! — отвѣчала Марья Александровна, — вы позволите мнѣ все еще называть васъ этимъ именемъ, потому-что у васъ нѣть лучшаго друга, какъ я, — другъ мой! вы страдаете, вы измучены, вы уязвлены въ самое сердце — и потому, неудивительно, что вы говорите со мной въ такомъ тонѣ. Но я рѣшаюсь открыть вамъ все, все мое сердце, тѣмъ скорѣе, что я сама себя чувствую нѣсколько виноватой передъ вами. Садитесь-же, поговоримъ.

Голосъ Мары Александровны былъ болѣзненно-мягкій.

Въ лицѣ выражалось страданіе. Изумленный Мозгляковъ сѣлъ подлѣ нея въ кресла.

— Вы подслушивали? — продолжала она, укоризненно глядя ему въ лицо.

Ну да, я подслушивалъ! еще-бы не подслушивать; вотъ-бы охуѣ-то были! Покрайней мѣрѣ узналъ все, что вы противъ меня затѣваете, — грубо отвѣчалъ Мозгляковъ, ободряя и подзадоривая себя собственнымъ гиѣвомъ.

— И вы, и вы, съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашими правилами, могли рѣшиться на такой поступокъ? — о Боже мой!

Мозгляковъ даже вскочилъ со стула.

Но, Марья Александровна! — вскричалъ онъ, — это, наконецъ, невыносимо слушать! Вспомните, на что вы-то рѣшились, съ вашими правилами, а тогда осуждайте другихъ!

— Еще вопросъ, — сказала она, не отвѣчая на его вопросы. — Кто васъ надушилъ подслушивать, кто разсказалъ, кто тутъ шпioniшь? — вотъ что я хочу знать.

— Ну ужъ извините; этого не скажу-съ.

— Хорошо. Я сама узнаю. Я сказала, Поль, что я передъ вами виновата. Но если вы разберете все, всѣ обстоятельства, то увидите, что если я и виновата, то единственно тѣмъ, что вамъ-же желала возможно больше добра.

— Мнѣ? добра? Это ужъ изъ рукъ вонъ! Увѣряю васъ, что больше не надуете! Не таковъ мальчикъ!

И онъ повернулся въ креслахъ, такъ что они затрещали.

— Пожалуста, мой другъ, будьте хладнокровиѣ, если можете. Выслушайте меня внимательно и вы сами во всемъ согласитесь. Во первыхъ, я хотѣла немедленно вамъ объяснить все, все, и вы узнали-бы отъ меня все дѣло, до майшей подробности, не унижаясь подслушиваніемъ. Если же не объяснилась съ вами заранѣе, давеча, то единствено потому, что все дѣло еще было въ проектѣ. Оно могло и не состояться. Видите: я съ вами вполнѣ откровенна. Во вторыхъ, не вините дочь мою. Она васъ до безумія лю-

битъ и мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій отвлечь ее отъ вѣса и согласить ее принять предложеніе князя.

— Я сейчасъ имѣю удовольствіе слышать самое полное доказательство этой любви *до безумія*, — иронически проговорилъ Мозгляковъ.

— Хорошо. А вы какъ съ ней говорили? Такъ-ли должны говорить влюбленный? Такъ-ли говорить, наконецъ, человѣкъ хорошаго тона? Вы оскорбили и раздражили ее.

— Ну, не до тону теперь, Марья Александровна! А давеча, когда вы обѣ дѣлали мнѣ такія сладкія мыны, я поѣхалъ съ княземъ, а вы меня изучестить! Вы чернили меня, — вотъ что я вамъ говорю-съ! Я это все знаю, все!

— И, вѣрою, изъ того-же грязнаго источника? — замѣтила Марья Александровна, презрительно улыбаясь. — Да, Павелъ Александровичъ, я чернила васъ, я наговорила на васъ и, признаюсь, не мало билась. Но ужъ одно то, что я принуждена была васъ чернить передъ цею, можетъ быть, даже клеветать на васъ, — ужъ одно это доказываетъ, какъ тяжело было мнѣ исторгнуть изъ цея согласіе вѣстъ оставить! Недальновидный человѣкъ! Еслибъ она не любила васъ, пужно-ли-бѣ было мнѣ васъ чернить, представить васъ въ смѣшномъ, недостойномъ видѣ, прибѣгать къ такимъ крайнимъ средствамъ? Да вы еще не знаете всего! Я должна была употребить власть матери, чтобы исторгнуть васъ изъ ея сердаца и, послѣ невѣроятныхъ усилій, достигла только наружнаго согласія. Если вы теперь наасъ подслушивали, то должны же были замѣтить, что она ни однимъ словомъ, ни однімъ жестомъ не поддержала меня передъ княземъ. Во всю эту сцену, она почти не сказала ни слова; пѣла, какъ автоматъ. Вся ея душа ныла въ тоскѣ и я; изъ жалости къ ней, увѣла, наконецъ, отсюда князя. Я увѣрена, что она плачала, оставшись одна. Войдя сюда, вы должны были замѣтить ея слезы...

Мозгляковъ дѣйствительно вспомнилъ, что, вѣжливъ въ комнату, онъ замѣтилъ Зину въ слезахъ.

— Но вы, вы, за что вы-то были противъ меня, Марья Александровна? — вскричалъ онъ. — За что вы чернили меня? Клеветали на меня, — въ чёмъ сами признаетесь теперь?

— А, это другое дѣло! Вотъ еслибы вы спачала благородумно спрашивали, то давно бы получили отвѣтъ. Да, вы правы! Все это сдѣлала я и я одна. Зину не мѣшайте сюда. Для чего я сдѣлала? отвѣщаю: во-первыхъ, для Зины. Князь богатъ, знатенъ, имѣть связи и, выйдя за него, Зина сдѣлаетъ блестящую партію. Наконецъ, если онъ и умретъ, — можетъ быть, даже скоро, потому что мы все болѣе или менѣе смертны. Тогда Зина — молодая вдова, княгиня, въ высшемъ обществѣ, и, можетъ быть, очень богата. Тогда она можетъ выйти замужъ за кого хочетъ, можетъ сдѣлать богатѣйшую партію. Но, разумѣется, она выйдетъ за того, кого любитъ, за того, кого любила прежде, чье сердце растерзала, выйдя за князя. Одно уже раскаяніе заставило бы ее загладить свой проступокъ передъ тѣмъ, кого прежде любила.

— Гм! — промычалъ Мозгликовъ, задумчиво смотря на свои сапоги.

— Во вторыхъ, — и обѣ этомъ я упомяну только вкратце, — продолжала Марья Александровна: — потому что вы этого; можетъ быть, даже и не поймете. Вы читаете вашего Шекспира, черпаете изъ него все свои высокія чувства, а на дѣлѣ — вы хоть и очень добры, но еще слишкомъ молоды; а я мать, Павелъ Александровичъ! Слушайте же: я выдаю Зину за князя, отчасти и для самого князя, потому что хочу спасти его этимъ бракомъ. Я любила и прежде этого благороднаго, этого добрѣйшаго, этого рыцарски-честнаго старика. Мы были друзьями. Онъ несчастенъ въ кохтяхъ этой адской женщины. Она доведетъ его до могилы. Богъ видѣть, что я согласила Зину на бракъ съ нимъ, единственно выставивъ передъ нею всю святость ея подвига самоотверженія. Она увлеклась благородствомъ чувствъ, обаяніемъ подвига. Въ ней самой есть что-то рыцарское, Павелъ Александровичъ! Я представила ей, какъ дѣло высоко-христіанское, быть опорой, утѣшеніемъ, другомъ, дитятей, красавицей, идоломъ того, кому, можетъ быть, остается жить всего одинъ годъ. Не гадкая женщина, не страхъ, не уныніе окружали бы его въ послѣдніе дни его жизни, а свѣтъ, дружба, любовь. Раемъ показались-бы ему эти послѣдніе закатные

дни! Гдѣ же тутъ эгоизмъ, — скажите, пожалуйста? Это, скорѣе, подвигъ сестры милосердія, а не эгоизмъ?

— Такъ вы.... такъ вы сдѣлали это только для князя, для подвига сестры милосердія? — промычалъ Мозгяковъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Понимаю и этотъ вопросъ, Павелъ Александровичъ; онъ довольно ясенъ. Вы, можетъ быть, думаете, что тутъ іезуитски сплетена выгода князя съ собственными выгодами? Что-жъ? можетъ быть, въ головѣ моей и были эти разсчеты, только не іезуитскіе, а невольные. Знаю, что вы изумляетесь такому откровенному признанію, но обѣ одномъ прошу васъ, Павелъ Александровичъ: не мѣшайте въ это дѣло Зину! Она чиста какъ голубь; она не разсчитываетъ; она только умѣеть любить, — милое дитя мое! Если кто и разсчитывалъ, то это я и я одна! Но, во-первыхъ, спросите строго свою совѣсть и скажите: кто не разсчитывалъ-бы на моемъ мѣстѣ, въ подобномъ случаѣ? Мы разсчитываемъ наши выгоды даже въ великолѣпнѣйшихъ, даже въ безкорыстнѣйшихъ дѣлахъ нашихъ, разсчитываемъ непримѣтно, невольно! Конечно, почти всѣ себя-же обманываютъ, уверяя себя самихъ, что дѣйствуютъ изъ одного благородства. Я не хочу себя обманывать: я сознаюсь, что при всемъ благородствѣ моихъ цѣлей, — я разсчитывала. Но спросите, для себя ли я разсчитываю? Миѣ уже ничего не нужно, Павелъ Александровичъ! я отжила свой вѣкъ. Я разсчитывала для нея, для моего ангела, для моего дитятѣ, и — какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Слезы заблестали въ глазахъ Марыи Александровны. Павелъ Александровичъ въ изумленіи слушалъ эту откровенную исповѣдь и, въ недоумѣніи, хлопалъ глазами.

— Ну да, какая мать.... — проговорилъ онъ, наконецъ. — Вы хорошо посте, Марья Александровна, — но.... но вѣдь вы миѣ дали слово! Вы обнадеживали и меня.... Миѣ-то каково? подумайте! Вѣдь я теперь, знаете, съ какимъ носомъ?

— Но неужели вы полагаете, что я обѣ васъ не подумала, mon cher Paul! Напротивъ: во всѣхъ этихъ расчетахъ была для васъ такая огромная выгода, что она-то и

понудила меня, главнымъ образомъ, исполнить все это предпріятіе.

— Моя выгода! вскричалъ Мозгляковъ, на этотъ разъ совершенно ошеломленный. — Это какъ?

— Боже мой! Неужели же можно быть до такой степени простымъ и недальновиднымъ! — вскричала Марья Александровна, возводя глаза къ небу. — О молодость! молодость! Вотъ что значитъ погрузиться въ этого Шекспира, мечтать, воображать, что мы живемъ, — живя чужимъ умомъ и чужими мыслями! Вы спрашиваете, *добрый* мой Павелъ Александровичъ, въ чемъ тутъ заключается ваша выгода? Позвольте мнѣ, для ясности, сдѣлать одно отступление: Зина васъ любитъ, — это несомнѣнно! Но я замѣтила, что, несмотря на ея очевидную любовь, въ ней танцится какая-то недовѣрчивость къ вамъ, къ вашимъ добрымъ чувствамъ, къ вашимъ наклонностямъ. Я замѣтила, что шогда она, какъ-бы нарочно, удерживаетъ себя и холодна съ вами — плодъ раздумья и недовѣрчивости. Не замѣтили-ли вы это сами, Павелъ Александровичъ?

— За-мѣ-чалъ; и даже сегодня.... Но, однако, что же вы хотите сказать, Марья Александровна?

— Вотъ видите, вы сами замѣтили это. Стало-быть, я не ошиблась. Въ ней именно есть какая-то странная недовѣрчивость къ постостоянству вашихъ добрыхъ наклонностей. Я мать — и мнѣ-ли не угадать сердца моего дитяти? Вообразите же теперь, что вмѣсто того, чтобы вбѣжать въ комнату съ упреками и даже съ ругательствами, раздражить, обидѣть, оскорбить ее, чистую, прекрасную, горющую, и тѣмъ, поневолѣ, утвердить ее въ подозрѣніяхъ на счетъ вашихъ дурныхъ наклонностей, — вообразите, что вы-бы приняли эту вѣсть кротко, со слезами сожалѣнія, пожалуй, даже отчаянія, но и съ возвышеннымъ благородствомъ души....

— Гм!...

— Нѣть, не прерывайте меня, Павелъ Александровичъ. Я хочу изобразить вамъ всю эту картину, которая поразитъ ваше воображеніе. Вообразите, что вы пришли къ ней и говорите: «Зинаида! Я люблю тебя болѣе жизни моей, но

фамильные причины разлучают насъ. Я понимаю эти причины. Онъ для твоего же счастія и я уже не смѣю возставать противъ ихъ, Зинанда! я прощаю тебя. Будь счастлива, если можешь! — и тутъ бы вы устремили на нее взоръ — взоръ закалаемаго агнца, если можно такъ выразиться, — вообразите все это и подумайте, какой эффектъ произвели бы эти слова на ея сердце!

— Да, Марья Александровна, положимъ, все это такъ; я это все понимаю.... но что же, — я-то бы сказалъ, а все-таки ушелъ-бы безъ ничего....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Не перебивайте меня! Я непремѣнно хочу изобразить всю картину, со всѣми послѣдствіями, чтобы благородно поразить васъ. Вообразите же, что вы встрѣчаетесь съ ней потомъ, чрезъ нѣсколько времени, въ высшемъ обществѣ; встрѣчаетесь гдѣ-нибудь на балѣ, при блистательномъ освѣщеніи, при упоптальной музыкѣ, среди великолѣпнѣйшихъ женщинъ и, среди всего этого праздника, вы одни грустный, задумчивый, блѣдный, гдѣ-нибудь опершись на колонну (но такъ, что васъ видно), слѣдите за ней въ вихрѣ бала. Она танцуетъ. Около васъ льются упоптальные звуки Штрауса, сыплется остромуѣ высшаго общества, — а вы одинъ, блѣдныи и убитый вашею страстью! Что тогда будетъ съ Зинандой, подумайте? Какими глазами будетъ она глядѣть на васъ? «И я, — подумастъ она, — я сомнѣвалась въ этомъ человѣкѣ, который мнѣ пожертвовалъ всѣмъ, всѣмъ, и растерзалъ для меня свое сердцѣ!» разумѣется, прежняя любовь воскресла бы въ ней съ неудержимою силою!

Марья Александровна остановилась перевести духъ. Мозглakovъ повернулся въ креслахъ съ такою силою, что они еще разъ затрещали. Марья Александровна продолжала.

— Для здоровья князя, Зина ёдетъ за границу, въ Италию, въ Испанию, — въ Испанию, гдѣ мрты, лицомы, гдѣ голубое небо, гдѣ Гвадалкивиръ, — гдѣ страна любви, гдѣ нельзя жить и не любить; гдѣ розы и поцелуи, такъ сказать, посятся въ воздухѣ! Вы ёдете туда-же, за ней; вы

жертвуете службой, связями, все́мъ! Тамъ начинается ваша любовь съ неудержимою силой; любовь, молодость, Испания,— Боже мой! Разумѣется, ваша любовь непорочная, святая; но вы, наконецъ, *томитесь*, смотря другъ на друга. Вы меня понимаете, топ амі! Конечно, найдутся низкие, коварные люди, изверги, которые будутъ утверждать, что вовсе не родственное чувство къ страждущему старику повлекло васъ за границу. Я нарочно назвала вашу любовь непорочною, потому что эти люди, пожалуй, приадутъ ей совсѣмъ другое значеніе. Но я мать, Павелъ Александровичъ, и я-ли научу васъ дурному!... Конечно, князь не въ состояніи будетъ смотрѣть за вами обоми, но, — что до этого! Можна-ли на этомъ основывать такую гнусную клевету? Наконецъ, онъ умираетъ, благословляя судьбу свою. Скажите: за кого-жъ выйдетъ Зина, какъ не за васъ? Вы такой дальний родственникъ князю, что препятствій къ браку не можетъ быть никакихъ. Вы берете ее, молодую, богатую, знатную, — и въ какое же время? — когда бракомъ съ ней могли бы гордиться знатнейшіе изъ вельможъ! Черезъ нее вы становитесь свой въ самомъ высшемъ кругу общества; черезъ нее вы получаете вдругъ значительное мѣсто, входите въ чины. Теперь у васъ полтараста душъ, а тогда вы богаты; князь устроить все въ своемъ завѣщаніи; я берусь за это. И, наконецъ, главное, она уже вполнѣ увѣрена въ васъ, въ вашемъ сердцѣ, въ вашихъ чувствахъ, и вы, вдругъ, становитесь для нея героями добродѣтели и самоотверженія!.... И вы, и вы спрашиваете, послѣ этого, въ чемъ ваша выгода? Но вѣдь нужно, наконецъ, быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить, чтобы не сообразить, чтобы не расчитать эту выгоду, когда она стоитъ въ двухъ шагахъ передъ вами, смотритъ на васъ, улыбается вамъ, а сама говорить: «это я, твоя выгода!» Павелъ Александровичъ, помилуйте!

— Марья Александровна! — вскричалъ Мозгликовъ въ необыкновенномъ волненіи: — теперь я все понялъ! я поступилъ грубо, низко и подло!

Онъ вскочилъ со стула и схватилъ себя за волосы.

— И не расчетливо, — прибавила Марья Александровна: — главное: не расчетливо!

— Я оселъ, Марья Александровна! — вскричалъ онъ почти въ отчаяніи. — Теперь все погибло! Потому что я до безумія люблю ее!

— Можетъ-быть, и не все погибло, — проговорила госпожа Москалева, тихо, какъ-будто что-то обдумывая.

— О, еслибъ это было возможно! Помогите! научите! спасите!

И Мозгликовъ заплакалъ.

— Другъ мой! — съ состраданіемъ сказала Марья Александровна, подавая ему руку: — вы это сдѣлали отъ излишней горячки, отъ кипѣнія страсти, стало-быть, отъ любви же къ ней! Вы были въ отчаяніи, вы не помнили себя! вѣдь должна-же она понять все это....

— Я до безумія люблю ее и всѣмъ готовъ для нея по жертвовать! — кричалъ Мозгликовъ.

— Послушайте, я оправдаю васъ передъ нею....

— Марья Александровна!

— Да, я берусь за это! Я сведу васъ. Вы выскажете ей все, все, какъ я вамъ сейчасъ говорила!

— О, Боже! какъ вы добры, Марья Александровна!... Но.... нельзя-ли это сдѣлать сейчасъ?

— Оборони Богъ! О, какъ вы неопытны, другъ мой! Она, такая гордая! Она приметъ это за новую грубость, за нахальность! Завтра-же, завтра-же я устрою все, а теперь — уйдите куда-нибудь, хоть къ этому купцу.... пожалуй, приходите вечеромъ; но я бы вамъ не совѣтовала!

— Уйду, уйду! Боже мой! вы меня воскрешаете! но еще одинъ вопросъ: ну, а если князь не такъ скоро умретъ?

— Ахъ, Боже мой, какъ вы наивны, mon cher Paul! Напротивъ, намъ надобно молить Бога о его здоровыи. Надобно всѣмъ сердцемъ желать долгихъ дней этому милому, этому добруму, этому рыцарски-честному старичку! Я первая, со слезами, и день и ночь буду молиться за счастье моей дочери. Но, увы! кажется, здоровье князя непадежно! Кому-же придется теперь посѣтить столицу, вывозить Зину въ свѣтъ. Боюсь, охъ боюсь, чтобъ это окончательно не довершило его! Но — будемъ молиться, cher Paul, а осталъное — въ руцѣ Божіей!... Вы уже идете! Благославляю васъ,

mon ami! Надѣйтесь, терпите, мужайтесь, главное—мужайтесь! Я никогда не сомнѣвалась въ благородствѣ чувствъ вашихъ....

Она крѣпко пожала ему руку и Мозгликовъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Ну, проводила одного дурака!—сказала она съ торжествомъ.—Остались другіе....

Дверь отворилась и вошла Зина. Она была блѣднѣе обыкновенпаго. Глаза ея сверкали.

— Маменька!—сказала она,—кончайте скорѣе, или я не вынесу! Всё это до того низко, до того грязно и подло, что я готова бѣжать изъ дома. Не томите же меня, не раздражайте меня! Меня тошнитъ, слышите-ли: меня тошнитъ отъ всей этой грязи!

— Зина! что съ тобою, мой ангелъ? Ты.... ты подслушивала!—вскричала Марья Александровна, пристально и съ беспокойствомъ вглядываясь въ Зину.

— Ну да, подслушивала. Не хотите-ли вы стыдить меня, какъ этого дурака? Послушайте, клянусь вамъ, что если вы еще будете меня такъ мучить и назначать мнѣ разныя низкия роли въ этой низкой комедіи, то я брошу все и покончу все разомъ. Довольно уже того, что я рѣшилась на главную низость! Но.... я не знала себя! Я задохнусь отъ этого смрада!...—И она вышла хлопнувъ дверями.

Марья Александровна пристально посмотрѣла эй въ слѣдъ и задумалась.

— Спѣшить, спѣшить!—вскричала она встрепенувшись.—Въ ней главная бѣда, главная опасность, а если всѣ эти мерзавцы насъ не оставятъ однихъ, раззвонятъ по городу, — что ужъ вѣрю и сдѣлано, — то все пропало! Она не выдержитъ этой всей кутерьмы и откажется. Во что-бы-то ни-стало и немедленно надо увезти князя въ деревню! Слѣтаю сама сперва, вытащу моего болвана и привезу сюда. Долженъ-же онъ хоть на что-нибудь наконецъ пригодиться! А тамъ тотъ высится — и отправимся!—она позвонила.

— Что-жъ лошади?—спросила она вошедшаго человѣка.

— Давно готовы-сь, — отвѣчалъ лакей.

Лошади были заказаны въ ту минуту, когда Марья Александровна уводила на верхъ князя.

Она одѣлась, по прежде забѣжала къ Зинѣ, чтобы сообщить ей въ главныхъ чертахъ свое рѣшеніе и пѣкоторыя инструкціи. Но Зина не могла ее слушать. Она лежала въ постели, лицомъ въ подушкахъ; она обливалась слезами и рвала свои длинные чудные волосы своими бѣлыми руками, обнаженными до локтей. Изрѣдка вздрагивала она, какъ-будто холодъ, въ одно мгновеніе, проходилъ по всѣмъ ея членамъ. Марья Александровна начала было говорить, но Зина не подняла даже и головы.

Постоявъ надъ ней пѣкоторое время, Марья Александровна вышла въ смущеніи и, чтобы вознаградить себя съ другой стороны, сѣла въ карету и вѣлья гнать что-есть-мочи.

— Скверно то, что Зина подслушивала! — думала она, спидя въ каретѣ. — Я уговорила Мозглякова почти тѣми-же словами, какъ и ее. Она горда и, можетъ-быть, оскорбилась.... Гм! Но главное, главное успѣть все обѣять, покамѣсть не проюхали! Бѣда! Ну, если на грѣхъ моего дурака иѣту дома!...

И при одной этой мысли сю овладѣло бѣшенство, не предвѣщавшее ничего счастливаго Афанасію Матвѣичу, она ворочалась на своемъ мѣстѣ отъ нетерпѣнія. Лошади ичали ее во всю прыть.

ГЛАВА X.

Карета летѣла. Мы сказали уже, что въ головѣ Марии Александровны, еще утромъ, въ то время, когда она гонялась за княземъ по городу, блеснула гениальная мысль. Объ этой мысли мы обѣщали упомянуть въ своемъ мѣстѣ. Но читатель уже знаетъ ее. Эта мысль была: въ свою очередь конфисковать князя и, какъ можно скорѣе, увезти его въ подгородную деревню, гдѣ беззмятежно процвѣталъ блаженчій Афанасій Матвѣичъ. Не скроемъ, что на Марью Александровну все болѣе и болѣе находило какое-то необыкновенное беспокойство. Это бываетъ даже съ настоящими героями, именно въ то время, когда они достигаютъ цѣли.

Какой-то инстинкт подсказывалъ ей, что опасно оставаться въ Мордасовѣ. «А ужъ разъ въ деревнѣ», разсуждала она, «такъ тутъ хоть весь городъ ходи вверхъ ногами!» Конечно и въ деревнѣ нельзя было терять времени. Все могло случиться, все, рѣшительно все, хотя мы конечно не вѣримъ слухамъ, распространеннымъ въ послѣствіи про мою героиню я злоумышленниками, что она, въ эту минуту, боялась даже полиціи. Однимъ словомъ она видѣла, что надо какъ можно скорѣе обвѣнчать Зину съ княземъ. Средства-же были подъ руками. Обвѣнчать могъ на-дому и деревенскій священникъ. Можно было обвѣнчать даже послѣ завтра; въ самомъ крайнемъ случаѣ даже и завтра. Вѣдь бывали же свадьбы, которыя въ два часа обѣльвались! Князю представить эту поспѣшность, это отсутствіе всякихъ праздниковъ, словоровъ, дѣвишниковъ, за необходимое *comme-il-faut*; винуть ему, что это будетъ приличиѣ, грандіознѣ. Наконецъ можно было все выставить какъ романническое приключение и затронуть такимъ-образомъ самую чувствительную струну въ сердце князя. Въ крайнемъ случаѣ можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьянымъ. А потомъ, чтобы не случилось, Зина все-таки будетъ княгиней! Если же не обойдется потомъ безъ скандалу, на примѣръ, хоть въ Петербургѣ или въ Москвѣ, где у князя были родные, то и тутъ было свое утѣшеніе. Во-первыхъ все это еще впереди; а во-вторыхъ, Марья Александровна вѣрила, что въ высшемъ обществѣ почти никогда не обходится безъ скандалу, особенно въ дѣлахъ свадебныхъ; что это даже въ тонѣ, хотя скандалы высшаго общества, по ея понятіямъ, должны быть всегда какіе-нибудь особенные, грандіозные, что-нибудь въ родѣ Монте-Кристо или *Memoires du Diable*. Что, наконецъ, стоило только показаться въ высшемъ обществѣ Зинѣ, а маменькѣ поддержать ее, то всѣ, рѣшительно всѣ, будуть въ ту-же минуту побѣждены и что никто, изъ всѣхъ этихъ графинь и княгинь, не въ состояніи будетъ выдержать той мордасовской головомойки, которую способна задать пимъ одна Марья Александровна, всѣмъ вѣстѣ или по одипочкѣ. Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній Марья Александровна и лягѣла теперь въ свое помѣстье за

Афанасьемъ Матвѣичемъ, въ которомъ, по ея расчету, предстояла теперь необходимая надобность. Дѣйствительно: везти князя въ деревню, значило везти его къ Афанасью Матвѣичу, съ которымъ князь, можетъ-быть, и не захотѣлъ-бы знакомиться. Если-же самъ Афанасій Матвѣичъ произнесеть приглашеніе, тогда дѣло принимало совсѣмъ другой видъ. Къ тому-же явленіе пожилаго и сановитаго отца семейства, въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ, со шляпой въ рукѣ, прѣхавшаго нарочно изъ дальнихъ странъ по первому слуху о князѣ, могло произвести чрезвычайно пріятный эффектъ, могло даже польстить самолюбію князя. Отъ такого настойчиваго и параднаго приглашенія трудно и отказаться, думала Марья Александровна. Наконецъ карета пролетѣла три версты и кучерь Софронъ осадилъ своихъ коней у подъѣзда длиннаго, одноэтажнаго деревяннаго строенія довольно ветхаго и покернѣвшаго отъ времени, съ длинными рядомъ оконъ и обставлennаго со всѣхъ сторонъ старыми липами. Это былъ деревенскій домъ и лѣтняя резиденція Марыи Александровны. Въ домѣ уже горѣли огни.

— Гдѣ болванъ? — закричала Марья Александровна, какъ ураганъ врываясь въ комнаты. — Зачѣмъ тутъ это полотенце? А! онъ утирался! Опять былъ въ бани? И вѣчно-то хлещетъ свой чай! Ну, что на меня глаза выпучилъ, отпѣтый дуракъ? Зачѣмъ у него волосы не выстрижены? Гришмка! Гришка! Гришка! Зачѣмъ ты не обстригъ барина, какъ я тебѣ на прошлой недѣлѣ приказывала?

Марья Александровна, входя въ комнаты, собираясь поздраворваться съ Афанасіемъ Матвѣичемъ гораздо мягче. Но увидѣвъ, что онъ изъ бани и съ наслажденіемъ попиваетъ чай, она не могла удержаться отъ самого горькаго негодованія. Въ самомъ дѣлѣ: столько хлопотъ и заботъ съ ея стороны и столько самого блаженнаго квѣтизма со стороны, ни къ чему не нужнаго и неспособнаго къ дѣлу, Афанасія Матвѣича; такой контрастъ немедленно ужалилъ ее въ самое сердце. Между тѣмъ болванъ, или, если сказать учтивѣе, тотъ, котораго называли болваномъ, сидѣлъ за самоваромъ и, въ безсмыслии испугѣ, раскрывъ ротъ и выщуча глаза, глядѣлъ на свою супругу, почти окаменѣвшую

его своимъ появлениемъ. Изъ передней выставилась заспанная и неуклюжая фигура Гришки, хлоновшаго глазами на всю эту сцену.

— Да не даются, отъ того и не стригъ,—проговорилъ онъ ворчливымъ и осиплымъ голосомъ. — Десять разъ съ ножницами подходилъ,—вотъ, говорю, барышня ужотка придетъ,—намъ обоямъ достанется, тогда чего стащемъ дѣлать? Нѣтъ, говорятъ, подожди, я къ воскресенью завьюсь; мнѣ надо чтобъ волосы длинные были.

— Какъ? такъ онъ завиваться! такъ ты еще выдумаешь безъ меня завиваться? Это что за фасоны? Да пдетъ-ли это къ тебѣ, къ твоей глупой башкѣ? Боже, какой здѣсь беспорядокъ! Чѣмъ это пахнетъ? Я тебя спрашиваю, извергъ, чѣмъ это здѣсь пахнетъ? — Кричала супруга, накидываясь все болѣе и болѣе на невиннаго и совершенно уже ошалѣвшаго Афанасія Матвѣича.

— Ма-матушка! — пробормоталъ запуганный супругъ, не вставая съ мѣста и смотря умоляющими глазами на свою повелительницу, — ма-ма-матушка!...

— Сколько разъ я вбивала въ твою осинную голову, что я тебѣ вовсе не матушка? Какая я тебѣ матушка, пигмей ты этакой! Какъ смѣешь ты давать такое названіе благородной дамѣ, которой мѣсто въ высшемъ обществѣ, а не подѣя такого осла, какъ ты!

— Да.... да вѣдь ты, Марья Александровна, все-же законная жена моя, такъ вотъ я и говорю.... посупружески.... — возразилъ было Афанасій Матвѣичъ и, въ ту же минуту, поднесъ обѣ руки свои къ головѣ, чтобы защитить свои волосы.

— Ахъ, ты харя! ахъ, ты осиновый колъ! Ну слыхано-ли что-нибудь глупѣе такого отвѣта? Законная жена! Да какія теперь законныя жены? Употребитъ-ли теперь хоть кто-нибудь въ высшемъ обществѣ это глупое, это семинарское, это отвратительно-низкое слово: «законная»? и какъ смѣешь ты напоминать мнѣ, что я твоя жена, когда я стараюсь забыть обѣ этомъ всѣми сплами, всѣми средствами моей души? Что руками-то голову закрываешь? Посмотри-те какіе у него волосы? совсѣмъ, совсѣмъ мокрые! Въ три

часа не обсохнуть! Какъ теперь везти его? Какъ теперь людямъ показать? Что теперь дѣлать?

И Марья Александровна ломала свои руки отъ бѣшенства, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ. Бѣда, конечно была не большая и исправимая; но дѣло въ томъ, что Марья Александровна не могла совладать съ всепобѣждающимъ и властолюбивымъ своимъ духомъ. Она находила потребность въ безпрерывномъ изліяніи своего гиѣва на Афанасія Матвѣевича, потому что тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность. Афанасій Матвѣичъ съ трепетомъ слѣдила за эволюціями своей супруги и даже вспотѣлъ на нее глядя.

— Гришка! — вскричала наконецъ она, — тотчасъ-же барину одѣваться! фракъ, брюки, бѣлый галстукъ, жплетъ, — живѣ! Да гдѣ его головная щетка, гдѣ щетка?

— Матушка! да вѣдь я изъ бани; простудиться могу, если въ городъ ёхать....

— Не простудишься!

— Да вотъ и волосы мокрые....

— А вотъ мы ихъ, сейчасъ, высушимъ! Гришка, бері головную щетку, три его до-суха; крѣпче! крѣпче! крѣпче! вотъ такъ! вотъ такъ!

Подъ эту команду усердный и преданный Гришка что-есть- силы началъ оттирать волосы своего барина, для большаго удобства схвативъ его за плечо и нѣсколько припягнувъ къ дивану. Афанасій Матвѣичъ морщился и чуть не плакалъ.

— Теперь пошелъ сюда! подыміи его Гришка! гдѣ позада? Нагинись, нагинись, негодяй, — нагинись, дармоѣдъ!

И Марья Александровна собственноручно припяялась помадить своего супруга, бежалостию теребя его густые съ просѣдью волосы, которые онъ, на бѣду свою, не остригъ. Афанасій Матвѣичъ кряхтѣль, вздыхаль, но не вскрикиуль и съ покорностю выдержаль всю операцию.

— Соки ты мои высосаль, пачкунъ ты такой! — проговорила Марья Александровна. — Да нагинись еще больше, нагинись!

— Чѣмъ-же я матушка, высосалъ твои соки? — жалобно промяглъ супругъ, нагибая какъ только могъ болѣе голову.

— Болванъ! аллегоріи не понимаетъ! Теперь причешись; а ты одѣвай его, да живѣе!

Геропия наша усѣлась въ кресла и инквизиторски наблюдала весь церемоніаль облаченія Афанасія Матвѣича. Между тѣмъ онъ успѣль нѣсколько отдохнуть и собраться съ духомъ и когда дѣло дошло до повязки бѣлаго галстуха, то даже осмѣялся изъявить какое-то собственное мнѣніе на счетъ формы и красоты узла. Наконецъ, надѣвая фракъ, почтенный мужъ совершилъ ободрился и началъ поглядывать на себя въ зеркало съ иѣкоторымъ уваженіемъ.

— Куда-жъ это ты везешь меня, Марья Александровна? — проговорилъ онъ охорашиваясь.

Марья Александровна не повѣрила-было ушамъ своимъ.

— Слышите! ахъ, ты чучела! Да какъ ты смѣешь спрашивать меня, куда я везу тебя!

— Матушка, да вѣдь надо-же знать....

— Молчать! Вотъ только назови еще разъ меня матушкой, особенно тамъ, куда теперь ёдемъ! Цѣлый мѣсяцъ просядишь безъ чаю.

Испуганный супругъ умолкъ.

— Ипъ! ил одного креста вѣдь не выслужилъ, чумичка ты этакая, — продолжала она съ презрѣніемъ смотря на черный фракъ Афанасія Матвѣича.

Афанасій Матвѣичъ наконецъ обидѣлся.

— Кресты, матушка, начальство даетъ, а я совѣтникъ, а не чумичка, — проговорилъ онъ, въ благородномъ негодованіи.

— Что, что, что? Да ты здѣсь разсуждать паучился! ахъ, ты мужикъ ты этакой! ахъ ты соплякъ! Ну, жаль некогда мнѣ теперь съ тобой возиться, а то бы я.... Ну да потомъ припомню! Давай ему шляпу, Гришка! Давай ему шубу! Здѣсь, безъ меня, всѣ эти три комнаты прибрать; да зеленую угловую комнату тоже прибрать. Мигомъ щетки въ рукп! Съ зеркаль снять чехлы, съ часовъ тоже, да чтобы

черезъ часъ все было готово. Да самъ надѣнь фракъ, людямъ выдай перчатки, слышишь, Гришка, слышишь!

Сѣла въ карету. Афанасій Матвѣичъ неудомѣвалъ и удивлялся. Между-тѣмъ Марья Александровна думала про себя,— какъ-бы поспѣтие вбить въ голову своего супруга иѣкоторыя наставлениа, необходимыя въ теперешнемъ его положеніи? Но супругъ предупредилъ ее.

— А я вотъ, Марья Александровна, сегодня сонъ преоригинальный видѣлъ, — возвѣстилъ онъ, совсѣмъ неожиданно, посреди обоюднаго молчанія.

— Тьфу—ты, проклятое чучело! Я думала и Богъ знаетъ что! Какой-то сонъ! да какъ ты смѣешь лѣзть ко мнѣ своими мужицкими снами! оригиналъ! понимаешь-ли еще, что такое: оригиналъ? Слушай, говорю въ послѣдній разъ: если ты у меня сегодня осмѣлишься только слово упомянуть про сонъ или про что-нибудь другое, то я, — я ужъ и не знаю, что съ тобой сдѣлаю! Слушай хорошенъко: ко мнѣ прѣхалъ князь К. Помнишь князя К?

— Помни, матушка, помни. Зачѣмъ-же это онъ пожаловалъ?

— Молчи, не твое дѣло! Ты долженъ, съ особенною любезностью, какъ хозяинъ, просить его сейчасъ-же къ намъ въ деревню. За тѣмъ я и везу тебя. Сегодня-же сядемъ и уѣдемъ. Но если ты только осмѣлишься хоть одно слово сказать въ цѣлый вечеръ, или завтра, или послѣ-завтра, или когда-нибудь, то я тебя цѣлый годъ заставлю гусей пасті! Ничего не говори, ни едишаго слова. Вотъ вся твоя обязанность, понимаешь?

— Ну, а если что-нибудь спросятъ?

— Все равно молчи.

— Но вѣдь нельзѧ-же все молчать, Марья Александровна.

— Въ такомъ случаѣ отвѣтай односложно, что-нибудь этакое, напримѣръ: Гм! или что-нибудь такое-же, чтобы показать, что ты умный человѣкъ и обсуживаешь, прежде чѣмъ отвѣщаешь.

— Гм.

— Пойми ты меня! Я тебя везу для того, что ты услыша́ла о князѣ и тотчасъ-же, въ восторгѣ отъ его посѣщенія, прилетѣлъ къ нему засвидѣтельствовать свое почтеніе и просить къ себѣ въ деревню; понимаешь?

— Гм.

— Да ты не теперь гумкай, дуракъ! ты мнѣ-то отвѣчай.

— Хорошо, матушка, все будетъ по твоему; только зачѣмъ я приглашать-то буду князя?

— Что, что? опять разсуждать! А тебѣ какое дѣло: зачѣмъ? да какъ ты смѣешь обѣ этомъ спрашививать?

— Да я все къ тому Марья Александровна: какъ-же я приглашать-то его буду, коли ты мнѣ велѣла молчать?

— Я буду говорить за тебя, а ты только кланяйся, слышишь, только кланяйся, а шляпу въ рукахъ держи. Понимаешь?

— Понимаю, мат.... Марья Александровна.

— Князь чрезвычайно остроуменъ. Если что-нибудь онъ скажетъ, хоть и не тебѣ, то ты на все отвѣчай добродушной и веселой улыбкой, слышишь?

— Гм.

— Опять загумкалъ! Со мной не гумкать! Прямо и просто отвѣчай: слышишь иль нѣтъ?

— Слышу, Марья Александровна, слышу, какъ не услышать, а гумка для того, что пріучаюсь, какъ ты велѣла. Только я все про то-же, матушка, какъ-же это: если князь что скажетъ, то ты приказываешь глядѣть на него и улыбаться. Ну а все-таки, если что меня спроситъ?

— Экой непонятливый балбесъ! Я уже сказала тебѣ: молчи. Я буду за тебя отвѣчать, а ты только смотри да улыбайся.

— Да вѣдь онъ подумаетъ, что я нѣмой, — проворчалъ Афанасій Матвѣичъ.

— Велика важность! пусть думаетъ; за то скроешь, что ты дуракъ.

— Гм.... Ну а если другіе обѣ чемъ-нибудь спрашивывать будутъ?

— Никто не спроситъ, никого не будетъ. А если на случай, — чего Боже сохрани! — кто и приѣдетъ, да если

что тебя спросить или что-нибудь скажетъ, то немедленно отвѣтай саркастической улыбкой. Знаешь, что такое саркастическая улыбка?

— Это остроумная, что-ли матушка?

— Я тебѣ дамъ, болванъ, остроумная! Да кто съ тебя, дурака, будеть спрашивать остроумія? Это насмѣшивая улыбка, понимаешь, — насмѣшивая и презрительная.

— Гм.

— Охъ боюсь я за этого болвана! — шептала про себя Марья Александровна. — Рѣшительно онъ поклялся высосать все мои соки! Право-бы лучше было его со-всѣмъ не братъ!

Разсуждая такимъ-образомъ, беспокоясь и стѣтуя, Марья Александровна безпрерывно выглядывала изъ окошка своего экипажа и погоняла кучера. Лошади летѣли, но ей все казалось тихо. Афанасій Матвѣичъ молча сидѣлъ въ своемъ углу и мысленно повторялъ свои уроки. Наконецъ карета вѣхала въ городъ и остановилась у дома Марии Александровны. Но только-что успѣла наша геройня выпрыгнуть на крыльцо, какъ вдругъ увидѣла, подъѣзжавшія къ дому, парные двумѣстныя сани съ верхомъ, тѣ самыя, въ которыхъ обыкновенно разѣзжалась Анна Николавна Антипова. Въ саняхъ сидѣли двѣ дамы. Одна изъ нихъ была, разумѣется, сама Анна Николавна, а другая — Наталья Дмитріевна, съ недавняго времени ея искренній другъ и послѣдователь. У Марии Александровны упало сердце. Но не успѣла она вскрикнуть, какъ подъѣхалъ экипажъ, возокъ, въ которомъ, очевидно, заключалась еще какая-то гостья. Раздались радостныя восклицанія:

— Марья Александровна! и вмѣстѣ съ Афанасіемъ Матвѣичемъ! прїѣхали! откуда? Какъ кстати, а мы къ вамъ, на весь вечеръ! Какой сюрпризъ!

Гости выпрыгнули на крыльцо и защебетали, какъ ласточки. Марья Александровна не вѣрила своимъ глазамъ, ни ушамъ своимъ.

— Провалились-бы вы! — подумала она про себя. Это пахнетъ заговоромъ! Надо изслѣдовать! Но.... не вамъ, сорокамъ, перехитрить меня!... Подождите!...

ГЛАВА XI.

Мозгяковъ вышелъ оть Мары Александровны, по видимому, вполнѣ утѣшенній. Она совершенно воспламенила его. Къ Бородуеву онъ не пошелъ, чувствуя нужду въ уединеніи. Чрезвычайный наплывъ героическихъ и романическихъ мечтаній не давалъ ему покоя. Ему мечталось торжественное объясненіе его съ Зиной, потомъ благородныя слезы всепрощающаго его сердца, блѣдность и отчаяніе на петербургскомъ блестательномъ балѣ, Испанія, Гвадалквивиръ, любовь и умирающей князь, соединяющей ихъ руки передъ смертнымъ часомъ. Потомъ красавица жена, ему преданная и постоянно удивляющаяся его героизму и возвышеннымъ чувствамъ; мимоходомъ, подъ шумокъ, — вниманіе какой-нибудь графини изъ «высшаго общества», въ которое онъ неизменно попадетъ черезъ бракъ свой съ Зиной, вдовой князя К.; вице-губернаторское мѣсто, денежки, — однимъ словомъ, все, такъ краснорѣчиво расписанное Марьей Александровной, еще разъ перешло черезъ его вседовольную душу, лаская, привлекая ее и, главное, льстя его самолюбію. Но вотъ — и не знаю, право, какъ это объяснить, — когда уже онъ началъ уставать отъ всѣхъ этихъ восторговъ, ему вдругъ пришла предосадная мысль: что вѣдь, во всякомъ случаѣ, все это еще въ будущемъ, а теперь-то онъ, все-таки съ предлиннѣйшимъ носомъ. Когда пришла къ нему эта мысль, онъ замѣтилъ, что забрелъ куда-то очень далеко, въ какой-то уединенный и незнакомый ему форштатъ Мордасова. Становилось темно. По улицамъ, обставленнымъ маленькими, вrostавшими въ землю домишками, ожесточенно лаяли собаки, которые, въ провинціальныхъ городахъ, разводятся въ ужасающемъ количествѣ, именно въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ нечего стеречь и нечего украсть. Начиналъ падать мокрый снѣгъ. Изрѣдка встрѣчался какой-нибудь запоздавшій мѣщанинъ или баба, въ тулупе и въ сапогахъ. Все это, неизвѣстно почему, начало сердить Павла Александровича, — признакъ очень дурной, потому-что, при хорошемъ оборотѣ дѣлъ, все, напротивъ, кажется намъ въ мнѣомъ и радужномъ видѣ. Павелъ Александровичъ невольно припоминалъ, что онъ, до-сихъ-поръ, постоянно задавалъ

тону, въ Мордасовѣ; очень любилъ, когда во всѣхъ домахъ ему намекали, что онъ женихъ и поздравляли его съ этимъ достоинствомъ. Онъ даже гордился тѣмъ, что онъ женихъ. И вдругъ онъ явится теперь передъ всѣми — въ отставкѣ! Подымется смѣхъ. Вѣдь не разувѣрять-же пхъ всѣхъ, въ самомъ-дѣлѣ, не рассказывать-же о нетербургскихъ балахъ съ колоннами и о Гвадалквириѣ! Разсуждая, тоскуя и сѣтуя, онъ набрелъ, наконецъ, на мысль, которая уже давно, не-непримѣтно скребла ему сердце: «Да правда-ли это все? Да сбудется-ли это все такъ, какъ Марья Александровна расписывала?» Тутъ онъ, кстати, припомнилъ, что Марья Александровна чрезвычайно хитрая дама, что она, какъ ни достойна всеобщаго уваженія, но все-таки сплетничаетъ и лжетъ съ утра до вечера. Что теперь, удаливъ его, она, вѣроятно, пмѣла къ тому свои особыя причины и что, наконецъ, расписывать — всякий мастеръ. Думалъ онъ и о Зинѣ; припомнился ему прощальный взглядъ ея, далеко не выражавшій затаенной страстной любви; да ужъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кстати, припомнилъ, что онъ все-таки, часть тому, сѣѣтъ отъ нея дурака. При этомъ воспоминаніи, Павель Александровичъ вдругъ остановился, какъ вкопанный и покраснѣлъ до слезъ отъ стыда. Какъ нарочно, въ слѣдующую-же минуту, съ нимъ случилось непріятное пропшествіе: онъ оступился и слетѣлъ съ деревяннаго тротуара въ сугробъ снѣгу. Покамѣстъ онъ барабатался въ снѣгу, стая собакъ, уже давно преслѣдовавшая его своимъ лаемъ, налетѣла па него со всѣхъ сторонъ. Одна изъ нихъ, самая маленькая и задорная, даже повисла на немъ, ухватившись зубами за полу его шубы. Отбиваясь отъ собакъ, ругаясь съ слухъ и даже проклиная судьбу свою, Павель Александровичъ, съ разорванной полой и съ невыносимой тоской на душѣ, добрелъ, наконецъ, до угла улицы и тутъ-только замѣтилъ, что онъ заблудился. Извѣстно, что человѣкъ, заблудившійся въ незнакомой части города, особенно ночью, никакъ не можетъ идти прямо по улицѣ; его поминутно подталкиваетъ какая-то невѣдомая сила непремѣнно сворачивать во всѣ, встрѣчающіеся на пути, улицы и переулки. Слѣдя этой системѣ, Павель Александровичъ заблудился окончательно. «А чтобы

чертъ побрали всѣ эти высокія идеи!» — говорилъ онъ про себя, плюя отъ злости.—«А чтобы самъ дьяволъ васть всѣхъ побрали, съ вашими высокими чувствами, да съ Гвадалкви-вирами!» Не скажу, что Мозгляковъ былъ привлекателенъ въ эту минуту. Наконецъ, усталый, измученный, проплутавъ два часа, дошелъ онъ до подъѣзда дома Марыи Александровны. Увидѣвъ много экипажей—онъ удивился. «Неужели-же гости, неужели званый вечеръ?»—подумалъ онъ,—«съ ка-кою-же цѣлью?» Справившись у повстрѣчавшагося слуги и узнавъ, что Марья Александровна была въ деревнѣ и привезла съ собою Афанасія Матвѣяча, въ бѣломъ галстухѣ, и что князь уже проснулся, но еще не выходилъ внизъ къ гостямъ, Павель Александровичъ, не говоря ни слова, поднялся на верхъ къ дядюшкѣ. Въ эту минуту онъ былъ именемъ въ томъ расположениіи духа, когда человѣкъ слабаго характера, въ состояніи рѣшился на какую-нибудь ужасную, злѣйшую пакость, изъ мщенія, не думая о томъ, что, можетъ-быть, придется всю жизнь въ томъ раскаяваться.

Войдя на верхъ, онъ увидѣлъ князя, сидящаго въ креслахъ, передъ дорожнымъ своимъ туалетомъ и съ совершен-но голою головою, но уже въ эспаньолкѣ и въ бакенахъ. Парикъ его былъ въ рукахъ сѣдаго, стариннаго каммердина-нера и любимца его, Ивана Пахомыча. Пахомычъ глубоко-мысленно и почтительно его расчесывалъ. Что-же касается до князя, то онъ представлялъ изъ себя очень жалкое зрѣ-лище, еще не очнувшись послѣ давешней попойки. Онъ си-дѣлъ, какъ-то весь опустившись, хлопая глазами, измятый и раскисшій, и глядѣлъ на Мозглякова, какъ-будто не узна-валъ его.

— Какъ ваше здоровье, дядюшка? — спросилъ Моз-гляковъ.

— Какъ.... это ты? — проговорилъ, наконецъ, дядюш-ка. — А я, братъ, немножко заснулъ. Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ онъ, весь оживившись:—вѣдь я.... безъ па-рика!

— Не беспокойтесь, дядюшка! я.... я вамъ помогу, если вамъ угодно.

— А вотъ ты и узналъ тенерь мой секретъ! Я вѣдь говорилъ, что надо дверь за-пи-ратъ. Ну, мой другъ, ты

долженъ, не-мед-ленно, дать мнѣ свое честное сло-во, что не воспользуешься моимъ секретомъ и никому не скажешь, что у меня волосы нак-лад-ные.

— О, помилуйте, дядюшка! неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость! — вскричалъ Мозгляковъ, желая угодить старику для.... дальнейшихъ цѣлей.

— Ну да, ну да! И такъ-какъ я вижу, что ты благородный человѣкъ, то ужъ такъ и быть, я тебя удивлю.... и открою тебѣ всѣ мои тайны. Какъ тебѣ нравятся, мой милый, мои у-сы?

— Превосходные, дядюшка! удивительные! какъ могли вы ихъ сохранить такъ долго?

— Разувѣрься, мой другъ, они нак-лад-ные! — проговорилъ князь, съ торжествомъ смотря на Павла Александровича.

— Неужели? ПовѣриТЬ трудно. Ну, а бакенбарды? Признайтесь, дядюшка, вы, вѣро, черните ихъ?

— Черню? Не только не черны, но и они совершенно искусственные!

— Искусственные? Нѣть, дядюшка, воля ваша, не вѣрю! Вы надо мною смеетесь!

— *Parole d'honneur, ton ami!* — вскричалъ торжествующій князь: — я предст-авль себѣ, всѣ, рѣши-тельно всѣ, такъ же, какъ и ты, обма-ны-ваются! Даже Степанида Матвѣевна не вѣритъ, хотя сама, иногда ихъ нак-ла-ды-ваетъ. Но я увѣренъ, мой другъ, что ты сохранишь мою тайну. Дай мнѣ честное слово....

— Честное слово, дядюшка, сохраню. Повторяю вамъ: неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость?

— Ахъ, мой другъ, какъ я упалъ безъ тебя сегодня! Феофиль меня опять изъ кареты вы-ва-лилъ.

— Вывалилъ опять! когда-же?

— А вотъ мы уже къ мо-нас-тырю подъѣзжали....

— Знаю, дядюшка, давеча.

— Нѣть, нѣть, два часа тому назадъ, не-бо-жье. Я въ монастырь поѣхалъ, а онъ меня взялъ, да и вывалилъ; такъ на-пу-галъ, — даже теперь сердце не на мястѣ.

— Но, дядюшка, вѣдь вы почивали! — съ изумленіемъ проговорилъ Мозгляковъ.

— Ну да, почиваль.... а потомъ и по-ѣхалъ.... впрочемъ, я.... впрочемъ, я это, можетъ-быть.... ахъ, какъ это странно!

— Увѣряю вѣсть, дядюшка, что вы видѣли это во снѣ! Вы преспокойно себѣ почивали, съ самаго послѣ-обѣда.

— Неужелъ? — И князь задумался.

— Ну да, я и въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, это видѣлъ во-спѣ. Впрочемъ, я все помню, что я видѣлъ во-спѣ. Сначала мнѣ приснился какой-то престрашный быкъ съ рогами; а потомъ приснился какой-то про-ку-роръ, тоже, какъ-будто, съ рогами....

— Это, вѣрно, Николай Васильичъ Антиповъ, дядюшка.

— Ну да, можетъ-быть, и онъ. А потомъ Наполеона Бона-парте видѣлъ. Знаешь, мой другъ, мнѣ всѣ говорятъ, что я на Наполеона Бона-парте похожъ.... а въ профиль, будто я разительно похожъ на одного стариннаго папу? Какъ ты находишь, мой милый, похожъ я на па-пу?

— Я думаю, что вы больше похожи на Наполеона, дядюшка.

— Ну да, это en-face. Я, впрочемъ, и самъ тоже думаю, мой милый. И приснился онъ мнѣ, когда уже на островѣ сп-дѣлѣ, и, знаешь, какой разговорчивый, разбитной, ве-сель-чакъ такой, такъ-что сиѣ чрез-вы-чайно меня по-забавилъ.

— Это вы про Наполеона, дядюшка? — проговорилъ Навель Александровичъ, задумчиво смотря на дядю. Какая-то страшная мысль начинала мелькать у него въ головѣ, мысль, въ которой онъ не могъ еще себѣ самому дать отчета.

— Ну да, про На-по-леона. Мы съ нимъ все про философию разсуждали. А знаешь, мой другъ, мнѣ даже жаль, что съ нимъ такъ строго поступили.... анг-ли-чане. Конечно, не держи его на цѣпѣ, опъ бы опять на людей стала бросаться. Бѣшеный былъ человѣкъ! Но все-таки жалко. Я бы не такъ поступилъ. Я-бы его посадилъ на не-о-бн-таемый островъ....

— Почему-же на необитаемый? — спросилъ Мозгликовъ разсѣянно.

— Ну, хоть и на о-би-таемый, только не иначе, какъ благоразумными жителями. Ну и разныя разв-ле-ченія для него устроить: театръ, музыку, балетъ и все на казенный счетъ. Гулять-бы его выпускалъ, разумѣется, подъ при-смотромъ, а то-бы онъ сейчасъ у-лиз-нулъ. Пирожки каки-то онъ очень любилъ. Ну, и пирожки ему каждый день стря-пать. Я-бы его, такъ-сказать, о-те-чески содержалъ. Онъ-бы у меня и рас-ка-ялся....

Мозгликовъ разсѣянно слушалъ болтовню полупроснув-шагося старичка и грызъ ногти отъ нетерпѣнія. Ему хотѣ-лось навести разговоръ на женитьбу; — онъ еще самъ не зналъ зачѣмъ; но безграличная злоба кипѣла въ его сердцѣ. Вдругъ старичокъ вскрикнулъ отъ удивленія.

— Ахъ, топ ами! Я вѣдь тебѣ и забыть ска-зать. Пред-ставь себѣ, я вѣдь сдѣлалъ сегодня пред-ло-женіе.

— Предложеніе, дядюшка? — вскричалъ Мозгликовъ, ожи-вляясь.

— Ну да, пред-ло-женіе. Пахомычъ, ты ужь идешь? Ну, хорошо. C'est une charmante personne.... Но.... признаюсь тебѣ, милый мой, я поступилъ необ-ду-манно. Я только теперь это ви-жу. Ахъ, Боже мой!

— Но позвольте, дядюшка, когда-же вы сдѣлали пред-ложеніе?

— Признаюсь тебѣ, другъ мой, я даже и не знаю на-вѣрно когда. Не во-спѣ-ли я видѣть и это? Ахъ, какъ это, од-на-ко-же стран-но!

Мозгликовъ вздрогнулъ отъ восторга. Новая идея блес-нула въ его головѣ.

— Но кому, когда вы сдѣлали предложеніе, дядюшка? — повторялъ онъ въ нетерпѣніи.

— Хозяйской дочери, топ ами.... cette belle personne.... впрочемъ, я забылъ, какъ ее зо-вутъ. Только, видишъ-ли, топ ами, я вѣдь никакъ не могу же-нить-ся. Что-же мнѣ теперь дѣлать?

— Да, вы, конечно, погубите себя, если женитесь. Но позвольте мнѣ вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ, дядюшка.

Точно-ли вы увѣрены, что дѣйствительно сдѣлали предложеніе?

— Ну да.... я увѣренъ.

— А если все это вы видѣли во-снѣ, такъ-же, какъ и то, что вы, другой разъ, вывалились изъ кареты?

— Ахъ, Боже мой! И въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, я и это тоже видѣль во-снѣ! Такъ-что я теперь и не знаю, какъ туда по-ка-заться. Какъ бы это, другъ мой, узнать на-вѣр-но, какимъ-нибудь по-сто-рон-нимъ образомъ? А то, представь, каково теперь мое положеніе?

— Знаете что, дядюшка, я думаю, и узнавать нечего.

— А что?

— Я навѣрно думаю, что вы видѣли это во-снѣ.

— Я самъ тоже думаю, мой ми-лый, тѣмъ болѣе, что мнѣ часто снятся по-доб-ные сны.

— Вотъ видите, дядюшка. Представьте-же себѣ, что вы не много выпили за завтракомъ, потомъ за обѣдомъ и на-конецъ....

— Ну да, мой другъ; именно, можетъ быть отъ э-то-го.

— Тѣмъ болѣе, дядюшка, что какъ-бы вы ни были разгорячены, вы, все-таки, никакимъ образомъ, не могли сдѣлать такого безразсуднаго предложенія на яву. Сколько я вѣрю, дядюшка, вы человѣкъ въ высшей степени раз-судительный и....

— Ну-да, ну-да.

— Представьте только одно: еслибы узнали это ваши родственники, которые и безъ того дурно расположены къ вамъ, — чтобы тогда было?

— Ахъ, Боже мой! — вскрикнулъ испуганный князь, — а что бы тогда было?

— Помпуйте! да они закричали-бы всѣ въ одинъ го-лось, что вы сдѣлали это не въ своеумѣ, что вы сумасшед-шій, что васъ надо подъ опеку, что васъ обманули и, пожа-луй, посадили-бы васъ куда-нибудь подъ надзоръ.

Мозгликовъ знать, чѣмъ можно было напугать старика.

— Ахъ, Боже мой! — вскричалъ князь, дрожа какъ листъ. — Неужели-бы посадили?

— И потому разсудите, дядюшка: могли-ли-бы вы сдѣлать такое безразсудное предложеніе на яву? Вы сами поимпаете свою выгоды. Я торжественно утверждаю, что вы все это видѣли во снѣ.

— Непремѣнно во снѣ, неп-ре-мѣнно во снѣ! — повторялъ напуганный князь. — Ахъ, какъ ты умно разсудилъ все это, мой ми-лый! Я душевно тебѣ благодаренъ, что ты меня вра-зу-милъ.

— А я ужасно радъ, дядюшка, что съ вами сегодня встрѣтился. Представьте себѣ: безъ меня вы бы дѣйствительно могли.... сбиться, подумать, что вы женыхъ и сойти туда женихомъ. Представьте, какъ это опасно!

— Ну да.... да, опасно.

— Вспомните только, что этой дѣвицѣ двадцать три года; ее никто не хочетъ брать замужъ, и вдругъ вы, богатый, знатный, являетесь женщикомъ! да они тотчасъ ухватятся за эту идею,увѣрять васъ, что вы и въ самомъ дѣлѣ женыхъ и женятъ васъ, пожалуй, насильно. А тамъ и будутъ разсчитывать, что, можетъ быть, вы скоро умрете....

— Неужели?

— И паконецъ, вспомните, дядюшка: человѣкъ съ вашими достоинствами....

— Ну да, съ моими достоинствами....

— Съ вашимъ умомъ, съ вашею любезностю....

— Ну да, съ моимъ умомъ, да!...

— И паконецъ, вы — князь. Такую-ли партію вы-бы могли себѣ сдѣлать, еслибы, дѣйствительно, почему-нибудь, нужно было жениться? Подумайте только, что скажутъ ваши родственники?

— Ахъ, мой другъ, да вѣдь они меня совсѣмъ заѣдятъ! Я ужъ испыталъ отъ нихъ столько коварства и злобы.... Представь себѣ, я подозрѣваю, что они хотѣли посадить меня въ су-мас-шедшій домъ. Ну, помилуй, мой другъ, сообрази-ли это? Ну, чтобы я тамъ сталъ дѣлать.... въ су-мас-шедшемъ-то домѣ?

— Разумѣется, дядюшка, и потому я теперь ис отойду отъ васъ, когда вы сойдете винзъ. Тамъ теперь гости.

— Гости! Ахъ, Боже мой?

- Не беспокойтесь, дядюшка, я буду при васъ.
- Но какъ я тебѣ благо-да-ренъ, мой милый, ты просто, спаситель мой!... Но знаешь-ли что? Я лучше уѣду.
- Завтра, дядюшка, завтра, утромъ въ семь часовъ. А сегодня вы, при всѣхъ, откланийтесь и скажите, что уѣзжаете.
- Непремѣнно уѣду.... къ отцу Мисаилу.... Но, мой другъ, ну какъ они меня тамъ сос-ва-таютъ?
- Не бойтесь, дядюшка, я буду съ вами. И, наконецъ, что-бы вамъ ни говорили, на что-бы вамъ не намекали, прямо говорите, что вы все это видѣли во снѣ.... такъ, какъ оно и дѣйствительно было.
- Ну да, непре-мѣнно во снѣ! только, знаешь, мой другъ, все-таки это былъ пре-оча-ро-ва-тельный сонъ! Она удивительно хороша собой и, знаешь, такія формы....
- Ну прощайте, дядюшка, я пойду внизъ, а вы....
- Какъ! такъ ты меня одного оставляешь! — вскричать князь, въ испугѣ.
- Нѣть, дядюшка, мы сойдемъ только порознь; сначала я, а потомъ вы. Это будетъ лучше.
- Ну, хо-ро-шо. Миѣ-же, кстати, надобно записать одну мысль.
- Имено, дядюшка, запишите вашу мысль, а потомъ приходите, не мѣшкайте. Завтра-же утромъ....
- А завтра утромъ къ іеромонаху, непре-мѣнно къ ie-ro-mo-naху! Charmant, charmant! А знаешь, мой другъ, она у-ди-ви-тельно хороша собой; такія формы; и еслиъ, ужъ такъ, миѣ надо было непремѣнно жениться, то я....
- Боже васъ сохрани, дядюшка!
- Ну да, Боже сохрани!... Ну прощай, мой милый, я сейчасъ.... только вотъ за-пи-шу. А-гророс, я давно хотѣлъ тебя спросить: читалъ ты мемуары Казановы?
- Читалъ, дядюшка, а что?
- Ну да.... Я вотъ теперь и за-былъ, что хотѣлъ сказать....
- Послѣ вспомните, дядюшка! до свиданья!
- До свиданья, мой другъ, до свиданья! Только всетаки это былъ очаровательный сонъ, оча-ро-ва-тельный сонъ!...

ГЛАВА XII.

— А мы къ вамъ всѣ, всѣ! И Прасковья Ильинична тоже пріѣдетъ, и Луиза Карловна хотѣла быть, — щебетала Анна Николавна, входя въ салонъ и жадно осматриваясь. Это была довольно хорошенъкая, маленькая дамочка, пестро но богато одѣтая и, сверхъ того, очень хорошо знавшая, что она хорошенъкая. Ей такъ и казалось, что гдѣ-нибудь въ углу спрятанъ князь, вмѣстѣ съ Зиной.

— И Катерина Петровна пріѣдутъ-съ и Фелисата Михайловна тоже хотѣли быть-съ, — прибавила Наталья Дмитріевна, колоссальнаго размѣра дама, которой формы такъ понравились князю и которая чрезвычайно походила на гренадера. Она была въ необыкновенно-маленькой розовой шляпкѣ, торчавшей у нея на затылкѣ. Уже три недѣли, какъ она была самымъ искреннимъ другомъ Анны Николавны, за которой давно уже увивалась и ухаживала и которую, судя по виду, могла проглотить одинъ глоткомъ, вмѣстѣ съ косточками.

— Я ужъ не говорю о томъ, можно сказать, восторгѣ, который я чувствую, видя васъ обѣихъ у меня и еще вече-ромъ, — запѣла Марья Александровна, оправившись отъ перваго изумленія; — но скажите пожалуста, какое-же чудо зазвало васъ сегодня комнѣ, когда я уже со всѣмъ отчаялась имѣть эту честь?

— О Боже мой, Марья Александровна, какія вы право-съ! — сладко проговорила Наталья Дмитріевна, жеманясь, стыдливо и пискливо, что составляло прелюбопытный контрастъ съ ея наружностію.

— Mais, ma charmante, — защебетала Анна Николавна, вѣдь надобно-же, непремѣнно надобно, когда-нибудь кончить всѣ эти наши сборы съ этимъ театромъ. Еще сегодня Петръ Михайлычъ сказалъ Калисту Станиславичу, что его чрезвычайно огорчаетъ, что у насъ это неидеть на ладъ и что мы только ссоримся. Вотъ мы и собрались сегодня вчетверомъ, да и думаемъ: поѣдемъ-ка къ Марьѣ Александровнѣ, да и рѣшимъ все разомъ! Наталья Дмитріевна и другимъ дала знать. Всѣ пріѣдутъ. Вотъ мы и говоримся, и хорошо будетъ. Пускай-же не говорятъ, что мы

только ссоримся, такъ-ли, ton ange? — прибавила она и груко плая Марью Александровну. — Ахъ, Боже мой! Зинанда Афанасьевна! но вы каждый день все болѣе хо-рошѣете! — Анна Николавна бросилась съ поцалуями къ Зинѣ.

— Да имъ и нечего дѣлать больше-съ, какъ хорошѣть-съ, — сладко прибавила Наталья Дмитріевна, потирая свои ручищи.

— Ахъ чертъ-бы ихъ взялъ! я и не подумала объ этомъ театрѣ! изловчились сороки! — прошептала Марья Александровна, вѣя себя отъ бѣшенства.

— Тѣмъ болѣе, мой ангель, — прибавила Анна Николавна, — что у васъ теперь этотъ милый князь. Вѣдь вы знаете, въ Духановѣ, у прежнихъ помѣщиковъ, былъ театръ. Мы ужъ справлялись и знаемъ, что тамъ гдѣ-то складены всѣ эти старинныя декораціи, занавѣсь и даже костюмы. Князь былъ сегодня у меня и я такъ была удивлена его пріѣздомъ, что совершенно забыла ему сказать. Теперь мы нарочно заговоримъ о театрѣ, вы намъ поможете и князь велить отослать къ намъ весь этотъ старый хламъ. А то кому здѣсь прикажете сдѣлать что-нибудь похожее на декорацію? А главное, мы и князя-то хотимъ завлечь въ нашъ театръ. Онъ непремѣнно долженъ подписатьсь; вѣдь это для бѣдныхъ. Можетъ-быть даже и роль возьметъ, — онъ-же такой милый, согласный. Тогда пойдетъ чудо-какъ-хорошо.

— Конечно возьмутъ ролю-съ. Вѣдь ихъ можно заставить всякую роль разыгрывать-съ, — многозначительно прибавила Наталья Дмитріевна.

Анна Николавна не обманула Марью Александровну: да-мы поминутно сѣѣзжались. Марья Александровна едва успѣвала встрѣчать ихъ и издавать восклицанія, требуемыя въ такихъ случаяхъ, приличiemъ и компльфтонстію.

Я не берусь описывать всѣхъ посѣтительницъ. Скажу только, что каждая смотрѣла съ необыкновеннымъ коварствомъ. У всѣхъ на лицахъ было написано ожиданіе и какое-то дикое нетерпѣніе. Нѣкоторыя изъ дамъ пріѣхали съ рѣшительнымъ намѣреніемъ быть свидѣтельницами какого-нибудь необыкновенного скандала и очень-бы разсердились,

еслибъ пришлось разъѣхаться, не видавъ его. Наружно всѣ вели себя необыкновенно любезно, но Марья Александровна съ твердостю приготовилась къ нападеню. Посыпались вопросы о князѣ, казалось самые естественные; но въ каждой заключался какой-нибудь намекъ, обинякъ. Появился чай; всѣ размѣстились. Одна группа завладѣла роялемъ. Зина, на приглашеніе сыграть и спѣть, сухо отвѣчала, что она не такъ здорова. Блѣдность лица ея это доказывала. Тотчасъ-же посыпались вопросы участія и даже тутъ нашли случай кой-о-чемъ спросить и намекнуть. Спрашивали и о Мозгляковѣ и относились съ этими вопросами къ Зинѣ. Марья Александровна удивлялась въ эту минуту, видѣла все, что происходило въ каждомъ углу комнаты, слышала, что говорилось каждою изъ посѣтительницъ, хотя ихъ было до десяти, и немедленно отвѣчала на всѣ вопросы, разумѣется, не ходя за словомъ въ карманъ. Она трепетала за Зину и дивилась тому, что она не уходитъ, какъ всегда до сихъ-поръ поступала, при подобныхъ собраніяхъ. Замѣтили и Афанасія Матвѣича. Надъ нимъ всегда всѣ трунили, чтобъ колынуть Марью Александровну ея супругомъ. Теперь же, отъ недалекаго и откровеннаго Афанасія Матвѣича, можно было кой-что и вывѣдать. Марья Александровна съ беспокойствомъ приглядывалась къ осадному положеню, въ которомъ видѣла своего супруга. Къ тому-же онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы: *и. м.*, съ такимъ несчастнымъ и неестественнымъ видомъ, что было отчего ей прийти въ бѣшенство.

— Марья Александровна! Афанасій Матвѣичъ съ нами со всѣмъ говорить не хочетъ,— вскричала одна смѣлая, во-строглазая дамочка, которая решительно никого не боялась и никогда не конфузилась. — Прикажите ему быть по учтивѣе съ дамами.

— Я право сама не знаю, что съ нимъ сегодня сдѣлялось,—отвѣчала Марья Александровна, прерывая разговоръ свой съ Анной Николавной и съ Натальей Дмитріевной и весело улыбаясь: — такой право неразговорчивый! Онъ и со мной почти ни слова не говорилъ. Почему-жъ ты не отвѣчаешь. Фелисатѣ Михайловнѣ, Athanase? Что вы его спрашивали?

— Но.... но.... матушка, вѣдь ты-же сама....—пробормоталъ-было, удивленный и потеряныи Афанасій Матвѣичъ. Въ это время онъ стоялъ у затопленного камина, заложивъ руки за жилетъ, въ живописномъ положеніи, которое самъ-себѣ выбралъ и прихлебывалъ чай. Вопросы дамъ такъ его конфузили, что онъ краснѣлъ, какъ дѣвчонка. Когда-же онъ началъ свое оправданіе, то встрѣтилъ такой ужасный взглядъ своей взвѣшеннай супруги, что чуть не обезпамятѣлъ отъ испуга. Не зная, что дѣлать, желая какъ-нибудь поправиться и вновь заслужить уваженіе, онъ хлебнулъ-было чаю. Но чай былъ слишкомъ горячій. Не соразмѣривъ глотка, онъ ужасно обжегся, выронилъ чашку, поперхнулся и такъ заикался, что на время принужденъ былъ выйти изъ комнаты, возбудивъ недоумѣніе во всѣхъ присутствовавшихъ. Однимъ словомъ, все было ясно. Марья Александровна поняла, что ея гости знали ужъ все и собрались съ самыми дурными намѣреніями. Положеніе было опасное. Могутъ разговарить, сбить съ толку слабоумнаго старика, въ ея-же присутствії. Могли даже увести отъ нея князя, поссоривъ его съ нею въ этотъ-же вечеръ и сманивъ его за собою. Ожидать можно было всего. Но судьба готовила ей еще одно испытаніе: дверь отворилась и явился Мозгляковъ, котораго она считала у Бородуева и совсѣмъ не ожидала къ себѣ въ этотъ вечеръ. Она вздрогнула; какъ будто что-то кольнуло ее.

Мозгляковъ остановился въ дверяхъ и оглядывалъ всѣхъ, не много потерявшись. Онъ не въ силахъ былъ сладить съ своимъ волненiemъ, которое ясно выражалось въ его лицѣ.

— Ахъ, Боже мой? Павель Александровичъ!—вскрикнуло не сколько голосовъ.

— Ахъ, Боже мой! да вѣдь это Павель Александровичъ! какъ-же вы сказали, Марья Александровна, что они пошли къ Бородуевымъ-съ? Намъ сказали, что вы скрылись у Бородуева-сь, Павель Александровичъ,—пропищала Наталя Дмитріевна.

— Скрылся?—повторилъ Мозгляковъ, съ какой-то искривившейся улыбкой.—Странное выраженіе! Извините Наталя Дмитріевна! Я ни отъ кого не прячусь и никого не желаю

прятать,—прибавил онъ, многознаменательно взглянувъ на Марью Александровну.

Марья Александровна затрепетала.

— Какъ, неужели и этотъ болванъ бунтуется!—подумала она, пытливо всматриваясь въ Мозглякова.—Нѣтъ, это ужъ будеть хуже всего....

— Правда-ли, Павель Александровичъ, что вамъ вышла отставка.... по службѣ разумѣется?—выскочила дерзкая Фелисата Михайловна, насыщенно смотря ему прямо въ глаза.

— Отставка? какая отставка? Я просто перемѣняю службу. Миѣ выходить мѣсто въ Петербургѣ,—сухо отвѣчалъ Мозгляковъ.

— Ну, такъ поздравляю васъ,—продолжала Фелисата Михайловна;—а мы даже испугались, когда услышали, что вы гнались за мѣстомъ у насть въ Мордасовѣ. Здѣсь мѣста не надежныя, Павель Александровичъ, тотчасъ слетишь.

— Развѣ однѣ учительскія, въ уѣздномъ училищѣ; тутъ еще можно найти вакансію,—замѣтила Наталья Дмитріевна. Намекъ былъ такъ ясенъ и грубъ, что сконфузившися Анна Николавна толкнула своего ядовитаго друга тихонько ногой.

— Неужели вы думаете, что Павель Александровичъ согласятся занять мѣсто какого-нибудь учителишки? — включила Фелисата Михайловна.

Но Павель Александровичъ не нашелъ, что отвѣчать. Онъ повернулся и столкнулся съ Афанасіемъ Матвѣичемъ, который протягивалъ ему руку. Мозгляковъ преглуно не принялъ его руки и насыщенно поклонился ему въ поясъ. Раздраженный до крайности, онъ прямо подошелъ къ Зинѣ и, злобно смотря ей въ глаза, прошепталъ:

— Это все по вашей милости. Подождите, я еще сегодня вечеромъ покажу вамъ—дуракъ я или нѣтъ?

— Зачѣмъ откладывать? Это и теперь видно, — громко отвѣтила Зина, съ отвращеніемъ обмѣривая глазами своего бывшаго жениха.

Мозгляковъ поспѣшилъ отворотиться, испугавшись ея громкаго голоса.

— Вы оть Бородуева? — рѣшилась, наконецъ, спросить Марья Александровна.

— Нѣть-съ, я оть дядюшки.

— Оть дядюшки? такъ вы, значитъ, были теперь у князя?

— Ахъ, Боже мой! такъ — значитъ — князь ужъ проснулся; а намъ сказали, что они все еще почиваютъ-съ, — прибавила Наталья Дмитріевна, ядовито посматривая на Марью Александровну.

— Не беспокойтесь о князѣ, Наталья Дмитріевна; — отвѣчалъ Мозгляковъ, — онъ проснулся и, слава Богу, теперь уже въ своемъ умѣ. Давеча его подпоили, сначала у васъ, а потомъ ужъ, окончательно, здѣсь, такъ-что онъ совсѣмъ было потерялъ голову, которая у него и безъ того не крѣпка. Но теперь, слава Богу, мы вмѣстѣ поговорили и онъ началъ разсуждать здраво. Онъ сейчасъ сюда будетъ, чтобы откланяться вамъ Марья Александровна и поблагодарить за все ваше гостепріимство. Завтра-же, чѣмъ свѣтъ, мы вмѣстѣ отправляемся въ пустынъ, а потомъ я его, непремѣнно, самъ провожу до Духанова, во избѣженіе вторичныхъ паденій, какъ, напримѣръ, сегодня; а тамъ ужъ его приметъ, съ рукъ на руки, Степанида Матвѣевна, которая, къ тому времени, непремѣнно, воротится изъ Москвы и ужъ ни за что не выпустить его въ другой разъ путешествовать; за это я отвѣчаю.

Говоря это Мозгляковъ злобно смотрѣлъ на Марью Александровну. Та сидѣла, какъ будто онѣмѣвшая отъ изумленія. Съ горестю признаюсь, что моя герояня, можетъ быть, первый разъ въ жизни струсила.

— Такъ они завтра чѣмъ-свѣтъ уѣзжаютъ? как же это-съ? — проговорила Наталья Дмитріевна, обращаясь къ Марье Александровнѣ.

— Какъ-же это? — повторила удивленная Анна Николаевна.

— Какъ-же это такъ? — наивно раздалось между гостями; — а мы слышали что.... вотъ, право, странно!

Но хозяйка ужъ и не знала, что отвѣтить. Вдругъ всеобщее вниманіе было развлечено самымъ необыкновеннымъ

и эксцентрическимъ образомъ. Въ сосѣдней комнатѣ послышался какой-то странный шумъ и чьи-то рѣзкія воскликанія и вдругъ, нежданно-негаданно, въ салонъ Мары Александровны ворвалась Софья Петровна Карпухина. Софья Петровна была безспорно самая эксцентрическая дама въ Мордасовѣ, до того эксцентрическая, что даже въ Мордасовѣ рѣшено было, съ недавняго времени, не принимать ее въ общество. Надо еще замѣтить, что она, регулярно каждый вечеръ, ровно въ семь часовъ, закусывала, — для желудка, какъ она выражалась, — и послѣ закуски, обыкновенно, была въ самомъ эмансипированномъ состояніи духа, чтобы не сказать чего-нибудь болѣе. Она именно была въ этомъ состояніи духа теперь, такъ неожиданно ворвавшись къ Марѣ Александровнѣ.

— А, такъ вотъ вы какъ, Марья Александровна, — закричала она на всю комнату, — такъ вотъ вы какъ со мной поступаете! Не беспокойтесь, я на минутку; я у васъ п не сяду. Я нарочно заѣхала узнать вѣрно-ли то, что мнѣ говорили? А! такъ у васъ балы, банкеты, говоры, а Софья Петровна сиди себѣ дома, да чулокъ вяжи! Весь городъ называли, а меня нѣть! А давеча я вамъ и другъ и ton ange, когда прїѣхала пересказать, что дѣлаютъ съ княземъ у Натальи Дмитріевны. А теперь вотъ и Наталья Дмитріевна, которую вы давеча на чемъ свѣтѣ ругали и которая васъ же ругала, у васъ въ гостяхъ сидитъ. Не беспокойтесь, Наталья Дмитріевна! Не надо мнѣ вашего шоколаду *à la santé*, по гриденнику палка. Я почаше вашего пью у себя дома! тьфу!

— Это и видно-съ, — замѣтила Наталья Дмитріевна.

— Но помилуйте, Софья Петровна, — вскрикнула Марья Александровна, покраснѣвъ отъ досады; — что съ вами? образумитесь, по крайней мѣрѣ.

— Не беспокойтесь обо мнѣ, Марья Александровна, я все знаю, все, все узнала! — кричала Софья Петровна, своимъ рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ, окруженная всѣми гостями, которые казалось наслаждались этой неожиданной сценой. — Все узнала! Ваша-же Настасья приѣждала ко мнѣ и все разсказала. Вы подѣлили этого князышку, напо-

или его до пьяна, заставили сдѣлать предложеніе вашей дочери, которую ужъ никто не хочетъ больше брать за-мужъ, да и думаете, что и сами теперь сдѣлались важной птицей,— герцогиня въ кружевахъ, — тьфу! Не беспокойтесь, я сама полковница! Коли вы меня не пригласили на сговоръ, такъ и наплевать! Я и почище васъ людей видывала. Я у графини Залихватской обѣдала; за меня оберъ-коммисаръ Курочкинъ сватался! Очень надо мнѣ ваше приглашеніе, тьфу!

— Видите-ли, Софья Петровна,—отвѣчала Марья Александровна, выходя изъ себя; — увѣряю васъ, что такъ не врываются въ благородный домъ и, притомъ, въ *такомъ видѣ* и если вы, сейчасъ-же, не освободите меня отъ вашего присутствія и краснорѣчія, то я немедленно приму свои мѣры.

— Знаю-съ, вы прикажете меня вывести своимъ людичкамъ! Не беспокойтесь, я и сама дорогу найду. Прощайте, выдавайте за-мужъ кого-хотите, а вы, Наталья Дмитріевна, не извольте смѣяться надо мной; мнѣ 'наплевать на вашъ шоколадъ! Меня хоть и не пригласили сюда, а я, все-таки, передъ князьями казачка не выплясывала. А вы что смѣетесь, Анна Николавна? Сушиловъ-то ногу сломалъ; сейчасъ домой принесли, тьфу! А если вы, Фелисата Михайловна, не велите вашей босоногой Матрешкѣ вѣ-время вашу корову загонять, чтобы она не мычала у меня, каждый день, подъ окошками, такъ я вашей Матрешкѣ ноги переломаю. Прощайте, Марья Александровна, счастливо оставаться, тьфу! — Софья Петровна изчезла. Гости смѣялись. Марья Александровна была въ крайнемъ замѣшательствѣ.

— Я думаю онѣ выпили-съ, — сладко произнесла Наталья Дмитріевна.

— Но, только какая дерзость!

— Quelle abominable femme!

— Вотъ-такъ ужъ насмѣшила!

— Ахъ, какія онѣ неприличности говорили-съ!

— Только что-жъ это она про сговоръ говорила? Какой-же это сговоръ? — насмѣшливо спрашивала Фелисата Михайловна.

— Но это ужасно! — разразилась, наконецъ, Марья Александровна. — Вотъ эти-то чудовища и сѣютъ пригоршнями

всѣ эти нелѣпые слухи! Удивительно не то, Фелисата Михайловна, что находятся такія дамы, среди нашего общества. Нѣть; удивительнѣе всего то, что въ этихъ самыхъ дамахъ нуждаются, ихъ слушаютъ, ихъ поддерживаютъ, имъ вѣрятъ, ихъ....

— Князь, князь! — закричали вдругъ всѣ гости.
 — Ахъ Боже мой! се cher prince!
 — Ну, слава Богу! мы теперь узнаемъ всю подноготную, — прошептала своей сосѣдкѣ Фелисата Михайловна.

ГЛАВА XIII.

Князь вошелъ и сладостно улыбнулся. Вся тревога, которую четверть часа назадъ Мозгляковъ заронилъ въ его куриное сердце, изчезла при видѣ дамъ. Опѣ тотчасъ-же растаялъ, какъ конфетка. Дамы встрѣтили его съ визгливымъ крикомъ радости. Вообще говоря, дамы всегда ласкали нашего старичка и были съ нимъ чрезвычайно фамильярны. Онъ имѣлъ способность забавлять ихъ своею особою до невѣроятности, Фелисата Михайловна даже утверждала утромъ — (конечно не серьозно), что она готова сѣсть къ нему на колѣни, если это ему будетъ пріятно, — «потому что онъ милый-милый старичокъ, милый до безконечности!» Марья Александровна впилась въ него своими глазами, желаю, хоть что-нибудь, прочесть на его лицѣ и предугадать выходъ пзъ своего критического положенія. Ясно было, что Мозгляковъ нагадилъ ужасно и что все дѣло ея сильно колеблется. Но ничего нельзѧ было прочесть на лицѣ князя. Онъ былъ такой-же какъ и давеча, какъ и всегда.

— Ахъ, Боже мой! вотъ и князь! а мы васъ ждали, ждали, — закричали нѣкоторыя изъ дамъ.

— Съ петерпѣньемъ, князь, съ нетерпѣньемъ! — пропищали другія.

— Мнѣ это чрезвычайно лестно, — шепелявилъ князь, подсаживаясь къ столу, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Дамы тотчасъ-же окружили его. Возлѣ Марыи Александровны остались только Анна Николавна, да Наталья Дмитріевна. Афанасій Матвѣичъ почтительно улыбался. Мозгляковъ то-

же улыбался и съ вызывающимъ видомъ глядѣлъ на Зину, которая, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, подошла къ отцу и сѣла возлѣ него на кресло, близъ камина.

— Ахъ, князь, правда-ли говорятъ, что вы отъ насъ уѣзжаете? — пропищала Фелисата Михайловна.

— Ну да, Mesdames, уѣзжаю. Я не-мед-ленно хочуѣхать за гра-ни-цу.

— За границу, князь, за границу! — вскричали всѣ хоромъ; — да что это вамъ вздумалось?

— За гра-ни-цу, — подтвердилъ князь охорашиваясь, — и, знаете, я особенно хочу тудаѣхать для но-выхъ идей.

— Какъ этодля новыхъ идей? Это обѣ чѣмъ-же? — говорили дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Ну да, для новыхъ пдей, — повторилъ князь, съ видомъ глубочайшаго убѣждепія. — Всѣ теперь єдутъ для новыхъ п-дей. Вотъ и я хочу получить но-вы-я и-деи.

— Да ужъ пе въ масопскую-ли ложу вы хотите поступить, любезнѣйшій дядюшка? — включилъ Мозгляковъ, очевидно желая порисоваться передъ дамами своимъ остроуміемъ и развязностью.

— Ну да, мой другъ, ты не ошибся, — неожиданно отвѣчалъ дядюшка. — Я, дѣйст-ви-тельно, въ старину, къ одной масонской ложѣ, за границей, при-на-д-лежалъ, и даже имѣль, въ свою очередь, очень много великудущихъ идей. Я даже собирался тогда много сдѣлать для сов-ре-мен-наго прос-вѣщенія, и ужъ совсѣмъ-было положилъ, въ Франкфуртѣ, моего Сидора, котораго съ собой за границу повезть, на волю от-пус-тить. Но онъ къ удивленію моему, самъ бѣжалъ отъ меня. Чрезвычайно странный былъ че-ло-вѣкъ. Потомъ, вдругъ, встрѣчаю его въ Па-ри-жѣ, франтомъ такимъ, въ бакенахъ, идетъ по буль-вару съ мамзелью. Поглядѣлъ на меня, кивнулъ го-ло-вой. И мамзель съ нимъ такая бойкая, востроглазая, такая за-ман-чивая....

— Ну, дядюшка! Да вы, послѣ этого, всѣхъ крестьянъ отпустите на волю, коли этотъ разъ за границу побѣдете, — вскричалъ Мозгляковъ, хохоча во все горло.

— Ты совершенно уга-далъ мои желанія, мой милый, — отвѣталъ князь безъ запинки. — Я именно хочу ихъ отпустить всѣхъ на-во-лю.

— Да помилуйте, князь, вѣдь они тотчасъ-же всѣ убѣгутъ отъ васъ, и тогда кто вамъ будетъ оброкъ платить? — вскричала Фелисата Михасловна.

— Конечно всѣ разбѣгутся, — тревожно отозвалась Апна Николавна.

— Ахъ, Боже мой! неу-же-ли они и въ самомъ дѣлѣ убѣгутъ? — вскричалъ князь съ удивленіемъ.

— Убѣгутъ-съ тотчасъ-же всѣ убѣгутъ-съ, и васъ одного и оставятъ-съ, — подтвердила Наталья Дмитріевна.

— Ахъ, Боже мой! Ну такъ я ихъ не от-пушу на волю. Впрочемъ, вѣдь это я только такъ.

— Этакъ-то лучше, дядюшка, — скрѣпилъ Мозгляковъ.

До сихъ поръ Марья Александровна слушала молча и наблюдала. Ей показалось, что князь совершенно о ней позабылъ и что это во все не натурально.

— Позвольте, князь, — начала она громко и съ достоинствомъ, — вамъ отрекомендовать моего мужа, Афанасія Матвѣича. Онъ парочно пріѣхалъ изъ деревни, какъ только услышалъ, что вы остановились въ моемъ домѣ.

Афанасій Матвѣичъ улыбнулся и приосанился. Ему показалось, что его похвалили.

— Ахъ, очень радъ, — сказалъ князь. — А-фа-насій Матвѣичъ! Позвольте, я что-то при-по-минаю. А-фа-насій Матвѣичъ. Ну да, это тотъ, который въ деревнѣ. Charmant, charmant, очень радъ. Другъ мой! — вскричалъ князь, обращаясь къ Мозглякову, — да вѣдь это тотъ самый, помнишь, давеча еще въ рифму выхо-дило. Какъ-бишь это? Мужъ въ дверь, а жена.... ну да, въ какой-то городъ и жена тоже по-ѣ-хала....

— Ахъ, князь, да это вѣрно: мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, — тотъ самый водевиль, который у насъ, прошлаго году, актеры играли, — подхватила Фелисата Михайловна.

— Ну-да, именно въ Тверь; я все за-бы-ваю. Снагтант, charmant! Такъ это вы тотъ самый и есть? Чрезвычайно радъ съ вами позна-ко-миться, — говорилъ князь,

не вставая съ кресель и протягивая руку улыбающемуся Афанасию Матвѣичу. — Ну, какъ ваше здоровье?

— Гм....

— Онъ здоровъ, князь, здоровъ, — торопливо отвѣтила Марья Александровна.

— Ну-да, это и видно, что онъ здо-ровъ. И вы все въ де-ревнѣ? Ну, я очень радъ. Да какой онъ крас-но-щекій и все смѣется....

Афанасій Матвѣичъ улыбался, кланялся и даже разшаркивался. Но при послѣднемъ замѣчаніи князя не утерпѣлъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, самымъ глупѣйшимъ образомъ, прыснулъ отъ смѣха. Всѣ захохотали. Дамы визжали отъ удовольствія. Зина вспыхнула и сверкающими глазами посмотрѣла на Марью Александровну, которая въ свою очередь разрывалась отъ злости. Пора было перемѣнить разговоръ.

— Какъ вы почивали, князь? — спросила она медоточивымъ голосомъ, въ тоже время, грознымъ взглядомъ, давая знать Афанасию Матвѣичу, чтобы онъ немедленно убирался на свое мѣсто.

— Ахъ, я очень хорошо спалъ, — отозвался князь — и, знаете, видѣлъ одинъ очарова-тельный сонъ, о-ча-ро-вателеный сонъ!

— Сонъ! Я ужасно люблю, когда рассказываютъ про сны, — вскричала Фелисата Михайловна.

— И я то-же-съ, люблю-съ. Очень-съ, — прибавила Наталья Дмитріевна.

— О-ча-ро-вателеный сонъ, — повторялъ князь съ сладкой улыбкой, — но за то этотъ сонъ вели-чайшій секретъ!

— Какъ, князь, неужели и разскать нельзя? Да это должно-быть удивительный какой-нибудь сонъ? — Замѣтила Анна Николавна.

— Ве-ли-чайшій секретъ, — повторялъ князь, — съ наслажденiemъ подзадоривая любопытство дамъ.

— Такъ это, должно-быть, ужасно интересно! — кричали дамы.

— Бьюсь обѣ закладъ, что князь стоялъ во снѣ передъ какой-нибудь красавицей на колѣняхъ и объяснялся въ люб-

ви! — вскричала Фелисата Михайловна. — Ну-признайтесь, князь, что это правда! Миленький князь, признайтесь!

— Признайтесь, князь, признайтесь! — подхватили со всехъ сторонъ.

Князь торжественно и съ упоенiemъ, внималъ всѣмъ этимъ крикамъ. Предложенія дамъ чрезвычайно льстили его самолюбію, такъ-что онъ чуть-чуть не облизывался.

— Хотя я и сказалъ, что мой сонъ — величайший се-кретъ, — отвѣчалъ онъ, наконецъ; — но я принужденъ со-зваться, что вы, сударыня, къ удивленію моему, почти со-вершенно его от-га-дали.

— Отгадала! — съ восторгомъ вскричала Фелисата Михайловна. — Ну, князь! Теперь какъ хотите, а вы должны намъ открыть, кто такая ваша красавица?

— Непремѣнно откройте!

— Здѣшняя иль пѣтъ?

— Миленький князь, откройте!

— Душенька князь, откройте! хоть умрите, да открой-те! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Mesdames, mesdames!... если вы ужъ хотите такъ на-сто-я-тельно знать, то я только одно могу вамъ открыть, что это — самая о-ча-ро-вательная и, можно сказать, самая не-по-рочная дѣвица изъ всѣхъ, которыхъ я знаю, — про-ммлилъ совершенно растаявшій князь.

— Самая очаровательная! и.... здѣшняя! кто-жъ-бы это? — спрашивали дамы, значительно переглядываясь и перемиги-валась одна съ другой.

— Разумѣется тѣ-съ, — которыхъ здѣсь первыя красавицы считаются-съ, — проговорила Наталья Дмитріевна, потирая свои красныя ручищи и посматривая своими кошачьими гла-зами на Зину. Вмѣстѣ съ нею и всѣ посмотрѣли на Зину.

— Такъ какъ-же, князь, если вы видите такие сны, такъ почему-жъ-бы вамъ на яву не жениться? — спросила Фелисата Михайловна, оглядывая всѣхъ значительнымъ взглядомъ.

— А какъ-бы мы славно женили васъ! — подхватила дру-гая дама,

— Миленький князь, женитесь! — пропищала третья.

— Женитесь, женитесь! — закричали со всѣхъ сторонъ. — Почему-жъ не жениться?

— Ну-да.... почему-жъ не жениться? — поддакивалъ князь, сбитый съ толку всѣми этими криками.

— Дядюшка! — вскричалъ Мозгляковъ.

— Ну-да, мой другъ, я тебя по-ни-маю? Я именно хотѣлъ вамъ сказать, Mesdames, что я уже не въ состояніи болѣе жениться, и, проведя очарова-тельный вечеръ у нашей прелестной хозяйки, я завтра-же отправлюсь къ іеромонаху Мисайлу въ пустынь, а потомъ уже прямо за границу, чтобы удобнѣе слѣдить за евро-пейскимъ прос-вѣ-щеніем....

Зина поблѣднѣла и съ невыразимою тоскою посмотрѣла на мать свою. Но Марья Александровна уже рѣшилась. До-сихъ-поръ она только выжидала, испытывала, хотя и понимала, что дѣло уже слишкомъ испорчено, и что враги ея слишкомъ обогнали ее на дорогѣ. Наконецъ она поняла все и однимъ разомъ, однимъ ударомъ, рѣшилась сокрушить стоглавую гидру. Съ величіемъ встала она съ кресель и твердыми шагами приблизилась къ столу, гордымъ взглядомъ измѣряя шигмееевъ враговъ своихъ. Огонь вдохновенія блесталъ въ этомъ взглядѣ. Она рѣшилась поразить, сбить съ толку всѣхъ этихъ ядовитыхъ сплетницъ, раздавить негодяя Мозглякова, какъ таракана, и однимъ рѣшительнымъ, смѣльямъ ударомъ, завоевать вновь все свое потерянное вліяніе надъ идіотомъ-княземъ. Разумѣется, требовалась дерзость необыкновенная; но за дерзостью не въ карманѣ было ходить Марьѣ Александровнѣ!

— Mesdames, — начала она торжественно и съ достопримѣтомъ, — (Марья Александровна, вообще, чрезвычайно любила торжественность) — Mesdames, я долго прислушивалась къ вашему разговору, къ вашимъ веселымъ и остроумнымъ шуткамъ, и нахожу, что пора и мнѣ сказать свое слово. Вы знаете, мы собрались здѣсь всѣ вмѣстѣ, — совершенно случайно, (и я такъ рада, такъ этому рада!)... Никогда-бы я, первая, не рѣшилась высказать важную семейную тайну и разгласить ее прежде, чѣмъ требуетъ самое обыкновенное чувство приличія. Въ особенности, прошу извине-

нія у моего милаго гостя; но мнѣ показалось, что онъ самъ, отдаленными намеками на тоже самое обстоятельство, подаетъ мнѣ мысль, что ему не только не будетъ непріятно формальное и торжественное объявление нашей семейной тайны, но что даже онъ самъ желаетъ этого разглашениѧ... Неправдали, князь, вѣдь я не ошиблась?

— Ну-да, вы не ошиблись.... и я очень, очень радъ...— проговорилъ князь, совершиенно не понимая — о чёмъ идеть дѣло.

Марья Александровна, для большаго эффекта, остановилась перевести духъ и оглядѣла все общество. Всѣ гости, съ алчнымъ и беспокойнымъ любопытствомъ, вслушивались въ слова ея. Мозгликовъ вздрогнулъ; Зина покраснѣла и привстала съ кресель; Афанасій Матвѣичъ, въ ожиданіи че-го-то необыкновеннаго, на всякий случай, высыпался.

— Да, mesdames, я, съ радостю, готова повѣрить вамъ мою семейную тайну. Сегодня, послѣ обѣда, князь, увлеченный красотою и.... достоинствами моей дочери, сдѣлалъ ей честь своимъ предложеніемъ. Князь! — заключила она, дрожащимъ отъ слезъ и отъ волненія голосомъ, — милый князь, вы не должны, вы не можете сердиться на меня за мою нескромность! Только чрезвычайная семейная радость мѣгла, преждевременно, вырвать изъ моего сердца эту милую тайну и.... какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Не нахожу словъ, чтобы изобразить эффектъ, произведенный неожиданною выходкою Марыи Александровны. Всѣ какъ-будто оцѣпенѣли отъ изумленія. Вѣроломныя гости, думавшія напугать Марью Александровну, тѣмъ, что они уже знаютъ ея тайну, думавшія убить ее преждевременнымъ обнаружениемъ этой тайны, думавшія разтерзать ее, показались, только одними намеками, были ошеломлены такою смѣлою откровенностию. Такая безстрашная откровенность обозначала въ себѣ силу. «Стало-быть, князь дѣйствительно, своею собственою волею, женится на Зинѣ? Стало-быть не завлекали его, не опаивали, не обманывали? Стало-быть не потаеннымъ, не воровскимъ образомъ его заставляютъ жениться? Стало-быть Марья Александровна никого не болт-

ся? Стало-быть нельзя уже разбить эту сватыбу, коли князь, не по принуждению, женится?» Послышался мгновенный шопотъ, превратившийся вдругъ въ визгливые крики радости. Первая бросилась обнимать Марью Александровну Наталья Дмитріевна; за ней Аниша Николавна, за этой Фелисаты Михайловны. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, всѣ перемѣшились. Многія изъ дамъ были блѣдны отъ злости. Стали поздравлять сконфуженную Зину; уѣхали даже за Афанасія Матвѣича. Марья Александровна живоисно простила руки и, почти насильно, заключила свою dochь въ объятія. Однѣ князь смотрѣлъ на всю эту сцену съ какимъ-то страннымъ удивленіемъ, хотя и улыбался по прежнему. Впрочемъ сцена ему отчасти нoprавилась. При объятіяхъ матери съ дочерью, она вынула излатокъ и утеръ свой глазъ, на которомъ показалась слезинка. Разумѣется, бросились и къ нему съ поздравленіями.

— Поздравляемъ, князь, поздравляемъ! — кричали со всѣхъ сторонъ.

— Такъ вы женитесь!

— Такъ вы действительно женитесь?

— Миленький князь, такъ вы женитесь?

— Ну-да, ну-да,—отвѣчалъ князь, чрезвычайно довольный поздравленіями и восторгами, — и, признаюсь вамъ, что мнѣ, всего болѣе, нравится ваше милое участіе ко мнѣ, которое я шког-да не забуду, иш-ког-да не забуду. Charmant, charmant! вы даже прос-ле-зили меня....

— Поцалуйте меня, князь! — громче всѣхъ кричала Фелисата Михайловна.

— И признаюсь вамъ, — продолжалъ князь, прерываемый со всѣхъ сторонъ, — я наиболѣе удивляюсь тому, что Марья Ива-но-вна, наша почтенная хозяйка, съ такою необыкновенною проницательностью угадала мой сонъ. Точно какъ-будто она сама, вместо меня, его видѣла. Необыкновенная проницательность! Не-о-бык-новенная проницательность!

— Ахъ, князь, вы опять за сонъ?

— Да ужъ признайтесь, князь, признайтесь! — кричали всѣ, обступая его.

Отд. I.

10

— Да, князь, скрываться нечего, пора обнаружить эту тайну,— решительно и строго сказала Марья Александровна.— Я поняла вашу тонкую аллегорию, вашу очаровательную делicatesse, съ которой вы старались мнѣ намекнуть о желаніи вашемъ огласить ваше сватовство. Да, Mesdames, это правда: сегодня князь стоялъ на колѣняхъ передъ моею дочерью и на яву, а не во снѣ, сдѣлалъ ей торжественное предложеніе.

— Совершенно какъ-будто па-яву и даже съ тѣми самыми обсто-я-тельствами, — подтвердилъ князь. — Мадмуазель, — продолжалъ онъ, съ необыкновенною вѣжливостью обращаясь къ Зинѣ, которая все еще не пришла въ себя отъ изумленія, — мадмуазель! Клянусь, что никогда-бы я не осмѣшился произнести ваше имя, еслибы другое, раньше меня, не про-из-нес-ли его. Это былъ очаровательный сонъ, очаровательный сонъ, и я вдвойнѣ счастливъ, что мнѣ позволено вамъ теперь это выс-ка-зать. Charmant, charmant!...

— Но помилуйте, какъ-же это? Вѣдь онъ все говоритъ про сонъ, — прошептала Анна Николаевна встревоженной и слегка поблѣдѣвшей Марью Александровнѣ.— Увы! У Марии Александровны, и безъ этихъ предостереженій, давно уже ныло и трепетало сердце.

— Какъ же это? — шептали дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Помилуйте, князь, — начала Марья Александровна, съ болѣзнеточно-искривившейся улыбкою; — увѣряю васъ, что вы меня удивляете. Что за странная у васъ пдяя про сонъ? Признаюсь вамъ я думала до-сихъ-поръ, что вы шутите, но.... Если это шутка, то это довольно неумѣстная шутка.... Я хочу, я желаю прописать это вашей разсѣянности, но....

— Въ самомъ дѣлѣ, это можетъ-быть у нихъ отъ разсѣянности-съ, — прошипѣла Наталья Дмитріевна.

— Ну-да.... можетъ-быть это и отъ разсѣянности, — подтвердилъ князь, все еще не совсѣмъ понимая, чего отъ него добиваются. — И, вообразите, я вамъ разскажу сейчасъ одинъ а-нек-дотъ. Зовутъ меня, въ Петербургѣ, на похороны, такъ, къ однѣмъ людямъ, maison bourgeoise, mais honnête, а я и смыслаль, что на именины. Именнини-то

еще на прошлой недѣ-лѣ прош-ли. Букетъ изъ камелій им-нин-ницѣ приготовилъ. Вхожу, и чохъ вижу? Человѣкъ почтенный, солидный — лежитъ на столѣ, такъ что я удивился. Я просто не зналъ куда дѣваться съ бу-ке-томъ....

— Но, князь, дѣло не въ анекдотахъ! — съ досадою перебила Марья Александровна. — Конечно, моей дочери печего гнаться за женщиными, но давеча вы, вы сами, здѣсь, у этого рояля, сдѣлали ей предложеніе. Я не вызывала васъ на это.... Это меня, можно сказать, фрашировало.... Разумѣется, у меня мелькнула только одна мысль, и я отложила это все до вашего пробужденія. Но я — мать; она — дочь моя... Вы сами заговорили сейчасъ о какомъ-то снѣ и я думала вы, подъ видомъ аллегоріи, хотите разскажать о вашей по-мolvkѣ. Я очень хорошо знаю, что васъ, можетъ-быть, сбиваются.... я даже подозрѣваю кто именно.... но.... объяснитесь, князь, объяснитесь скорѣе, удовлетворительнѣе. Такъ пельзя шутить съ благороднымъ домомъ....

— Ну-да, такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ,— поддакнулъ князь безсознательно, но уже начиная, по немногу, беспокоиться.

— Но это не отвѣтъ, князь, на мой вопросъ. Я прошу васъ отвѣтить положительно; подтвердите, сейчасъ-же подтвердите здѣсь, при всѣхъ, что вы дѣлали давеча предложеніе моей дочери.

— Ну-да, я готовъ подтвердить. Впрочемъ я все это уже раз-ска-зывалъ, и Фелисата Яковлевна со-вер-шенно угадала мой сонъ.

— Не сонъ, не сонъ! — Закричала въ ярости Марья Александровна.— Не сонъ, а это было на яву, князь, на яву, сышите-ли, на яву!

— На-я-ву! — вскричалъ князь, въ удивленіи подымаясь съ кресель.— Ну другъ мой! какъ ты да-ве-ча напророчилъ, такъ и вышло! — прибавилъ онъ, обращаясь къ Мозглякову.— Но увѣряю васъ, почтенная Марья Степановна, что вы заблуждаетесь! Я совершилъ увѣренъ, что я это видѣлъ только во снѣ!

— Господи помилуй! — вскрикнула Марья Александровна.

— Не убивайтесь, Марья Александровна, — вступилась Наталия Дмитриевна. — Князь, можетъ быть, какъ-нибудь по-забы-ли-сь. Они вспомнятъ-сь.

— Я удивляюсь вамъ, Наталия Дмитріевна, — съ неодоливаниемъ возразила Марья Александровна, — развѣ такія вещи забываются? развѣ это можно забывать? Помилуйте, князь! Вы смѣетесь надъ нами иль иѣть? Или вы корчите, можетъ-быть, изъ себя одного изъ шематоновъ временъ регентства, которыхъ изображаетъ Дюма? какого-нибудь Ферлакура, Лозена? Но, кромѣ того, что это вамъ не по лѣтамъ, увѣряю васъ, что это вамъ неудастся! Моя дочь не французская виконтесса. Давеча, здѣсь, вотъ здѣсь она вамъ пѣла романсы, и вы, увлеченные ея пѣньемъ, опустились на колѣни и сдѣлали ей предложеніе. Неуже-ли я грежу? Неуже-ли я сплю? Говорите, князь: сплю я иль иѣть?

— Ну-да.... а впрочемъ, можетъ-быть, иѣть.... — отвѣчалъ разтерявшійся князь. — Я хочу сказать, что я теперь, кажется, не-во-снѣ. Я, видите-ли, давеча былъ во снѣ, а потому видѣлъ сонъ, что во снѣ....

— Ну ты, Боже мой, что это такое: не воснѣ — воснѣ, во снѣ — не во снѣ! — да это чёрть знаѣтъ что такое! Вы бредите, князь, или иѣть?

— Ну-да, чёрть знаѣтъ.... впрочемъ я, кажется, ужъ совсѣмъ теперь сбila-ся.... — проговорилъ князь, вращая кругомъ безнокойные взглѣды.

— Но какие вы могли видѣть во снѣ, — убивалась Марья Александровна, — когда я, вамъ-же, съ такими подробностями, рассказываю вамъ-же собственный сонъ, тогда какъ вы его, еще никому изъ насъ, не рассказывали?

— Но, можетъ-быть, князь ужъ кому-нибудь и рассказывали-сь, — проговорила Наталия Дмитріевна.

— Ну-да, можетъ-быть я кому-нибудь и рассказывала, — подтвердилъ совершенно потерявшійся князь.

— Вотъ комедія-то! — шепнула Фелисата Михайловна своей сосѣдкѣ.

— Ахъ, ты Боже мой! да тутъ всякое терпѣніе лоп-

иеть! — кричала Марья Александровна, въ изступлениі ломая руки. — Она вамъ пѣла романсъ, романсъ пѣла! Неужели вы и это во снѣ видѣли?

— Ну-да, и въ самомъ-дѣлѣ, какъ-будто пѣла романсъ, — пробормоталъ князь въ задумчивости и, вдругъ, какое-то воспоминаніе оживило лицо его.

— Другъ мой! — вскричала онъ, обращаясь къ Мозглякову, — я и забылъ тебѣ да-ве-ча ска-зать, что вѣдь и вправду былъ какой-то романсъ, и въ этомъ романсе были все какіе-то замки, все замки, такъ-что очень много было замковъ, а потомъ былъ какой-то тру-ба-дуръ! Ну-да, я это все помню.... такъ-что я и заплакалъ.... А теперь вотъ и затрудняюсь, точно это и въ самомъ дѣлѣ было, а не во снѣ....

— Признаюсь вамъ, дядюшка, — отвѣчалъ Мозгляковъ, сколько можно спокойнѣе, хотя голосъ его и дрожалъ отъ какой-то тревоги, — признаюсь вамъ, мнѣ кажется, все это очень легко уладить и согласить. Мнѣ кажется, вы дѣйствительно слышали пѣніе. Зинаида Афанасьевна поетъ прекрасно. Послѣ обѣда васъ отвели сюда, и Зинаида Афанасьевна вамъ снѣла романсъ. Меня тогда не было, но вы, вѣроятно, разчувствовались, вспомнили старину; можетъ-быть, вспомнили о той самой виконтессѣ, съ которой вы сами, когда-то, пѣли романсы и о которой вы-же сами намъ утромъ рассказывали. Ну, а потомъ, когда легли снать, вамъ, въ сѣдѣствіе пріятныхъ впечатлѣній, и приснилось, что вы влюблены и дѣлаете предложеніе....

Марья Александровна была просто оглушенна такою дерзостью.

— Ахъ, мой другъ, вѣдь это, и въ са-момъ-дѣлѣ, такъ было, — закричала князь въ восторгѣ. — Имѣнно въ сѣдѣствіе пріятныхъ впе-чат-лѣній! Я дѣйствительно помню, какъ мнѣ пѣли романсъ, а я за это, во снѣ, и захочѣлъ жениться. И виконтесса то-же бы-ла... Ахъ, какъ ты умно это распута-ть, мой милый! Ну! я теперь со-вер-шенно увѣренъ, что все это видѣль во снѣ! Марья Васильевна! У-вѣряю васъ, что вы ошибаетесь! Это было во снѣ. Иначе, я не сталъ-бы играть вашиими bla-go-rod-шими чувствами....

— А! теперь я вижу ясно, кто тутъ нагадилъ! — закричала Марья Александровна, выѣ себя отъ бѣшенства, обращаясь къ Мозглякову.—Это вы, сударь, вы, безчестный человѣкъ, вы все это надѣали! вы взбаламутили этого несчастнаго идіота, за то, что вамъ самимъ отказали! Но ты заплатишь мнѣ, мерзкій человѣкъ, за эту обиду! Заплатишь, заплатишь, заплатишь!

— Марья Александровна,—кричалъ Мозгляковъ, въ свою очередь, покрасиѣвъ какъ ракъ:—Ваші слова до такой степени.... Я ужъ и не знаю до какой степени ваши слова.... Ни одна свѣтская дама не позволитъ себѣ.... я, по крайней мѣрѣ, защищаю моего родственника. Согласитесь сами, такъ завлекать.

— Ну-да, такъ завлекать....—поддакивалъ князь, стараясь спрятаться за Мозглякова.

— Афанасій Матвѣичъ! — взвизнула Марья Александровна, какимъ-то неестественнымъ голосомъ. — Неужѣ-ли вы не слышите, какъ насы срамятъ и безчестятъ? Или вы уже совершенно избавили себя отъ всякихъ обязанностей? Или вы и, въ-самомъ-дѣлѣ, не отецъ семейства, а отвратительный деревянный столбъ? Что вы глазами-то хлоаете? Другой мужъ давно-бы уже кровью смылъ обиду своего семейства!...

— Жена! — съ важностью началь Афанасій Матвѣичъ, гордясь тѣмъ, что и въ немъ настала цужда: — жена! Да ужъ не выдала-ль ты, и въ-самомъ-дѣлѣ, все это во-силъ, а потомъ, какъ проспалась, такъ и перепутала все, по-свойски....

Но Афанасію Матвѣичу не суждено было докончить свою остроумную догадку. До-сихъ-поръ еще гости удерживались и коварно принимали на себя видъ какой-то чинной солидности. Но тутъ громкій залпъ самого неудержимаго смѣху огласилъ всю комнату. Марья Александровна, забывъ все приличія, бросилась-было на своего супруга, вѣроятно, затѣмъ, чтобы немедленно выцарапать ему глаза. Но ее удержали силою. Наталья Дмитріевна воспользовалась обстоятельствами и, хоть кашельку, да подлила еще яду.

— Ахъ, Марья Александровна, можетъ-быть, оно, и въ-самомъ-дѣлѣ, такъ было-сь, а вы убиваетесь-сь, — проговорила она самымъ медоточивымъ голосомъ.

— Какъ было? что такое было? — кричала Марья Александровна, не понимая еще хорошенъко.

— Ахъ, Марья Александровна, вѣдь это иногда и бываетъ-сь....

— Да что такое бываетъ? Жили вы изъ меня, что-ли, тянутъ хотите?

— Можетъ-быть, вы, и въ-самомъ-дѣлѣ, видѣли это воспѣ-сь.

— Во снѣ? я? во снѣ? И вы смѣете мнѣ это говорить, прямо въ глаза?

— Что-жъ, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ, такъ было, — отозвалась Фелисата Михайловна.

— Ну-да, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ, такъ было, — пробормоталъ тоже князь.

— И онъ, и онъ туда-же! Господи Боже мой! — вскричала Марья Александровна, всплеснувъ руками.

— Какъ вы убиваетесь-сь, Марья Александровна! Вспомните-сь, что сны ниспосыпаются Богомъ-сь. Ужъ коли Богъ захочетъ-сь, такъ ужъ никто какъ Богъ-сь, и на всемъ Его святая воля-сь лежитъ-сь. Сердиться тутъ ужъ нечего-сь.

— Ну да, сердиться нечего, — поддакивалъ князь.

— Да вы меня за сумасшедшую принимаете, что-ли? — едва проговорила Марья Александровна, задыхаясь отъ злости. Это уже было выше силъ человѣческихъ. Она поспѣшила отыскать стулъ и упала въ обморокъ. Поднялась суматоха.

— Это онъ изъ приличія-сь въ обморокъ упали-сь, — шепнула Наталья Дмитріевна Аннѣ Николаевѣ.

Но въ эту минуту, въ минуу высочайшаго недоумѣнія публики и напряженія всей этой сцены, вдругъ выступило одно, безмолвное доселѣ, лицо и вся сцена немедленноизмѣнилась въ своеобразіе....

ГЛАВА XIV.

Зинаида Афанасьевна, вообще говоря, была чрезвычайно романического характера. Не знаемъ, оттого ли, какъ увѣряла сама Марья Александровна, что слишкомъ начиталась «этого дурака» Шекспира съ «своимъ учительшкой?» Но никогда, во всю мордасовскую жизнь свою, Зина еще не позволяла себѣ такой, необыкновенно-романической, или, лучше сказать, героической выходки, какъ та, которую мы сейчасъ будемъ описывать.

Блѣдная, съ рѣшимостью во взглядѣ, но почти дрожащая отъ волненія, чудно-прекрасная въ своемъ негодованіи, она выступила впередъ. Обводя всѣхъ долгимъ, вызывающимъ взглядомъ, она, посреди наставшаго вдругъ безмолвія, обратилась къ матери, которая, при первомъ ея движеньи, тотчасъ-же очнулась отъ обморока и открыла глаза.

— Маменька! — сказала Зина: — къ чему обманывать? Къ чему еще ложью пытнать себя? Все уже до того загрязнено теперь, что, право, не стоитъ упизительного труда прикрывать эту грязь!

— Зина! Зина! что съ тобою? ономнись! — вскричала испуганная Марья Александровна, вскочивъ съ своихъ креселъ....

— Я вамъ сказала, я вамъ сказала заранѣе, маменька, что я не вынесу всего этого позора,— продолжала Зина.— Неужели же непремѣнно надо еще болѣе упижаться, еще болѣе грязнить себя? Но знайтѣ, маменька, что я все возьму на себя, пототу-что я виновнѣе всѣхъ. Я, я, своимъ соглашениемъ, дала ходъ этой гадкой.... интригѣ! Вы — мать; вы меня любите; вы думали по-своему, по своимъ понятіямъ, устроить мое счастье. Васъ еще можно простить; но меня, меня — никогда!

— Зина, неуже-ли ты хочешь раз рассказывать?... О, Боже! я предчувствовала, что этотъ кинжалъ не минуетъ моего сердца!

— Да, маменька, все, все разскажу! Я опозорена, вы.... мы всѣ опозорены!...

— Ты преувеличиваешь, Зина! ты виѣ-себя и не помнишь, что говоришь! и къ чему-же раз рассказывать? Тутъ смысла

сла нѣтъ.... Стыдъ не на насъ.... Я докажу сейчасъ, что стыдъ не на насъ....

— Нѣтъ, маменька, нѣтъ! — вскричала Зина, съ злобнымъ дрожаніемъ въ голосѣ: — я не хочу болѣе молчать передъ этими людьми, мнѣніемъ которыхъ презираю и которые прїѣхали смѣяться надъ нами! Я не хочу сносить отъ нихъ обидъ; ни одна изъ нихъ не имѣеть права бросить въ меня грязью. Всѣ онѣ готовы, сейчасъ-же, сдѣлать въ тридцать разъ хуже, чѣмъ я или вы! Смѣяться, могутъ-ли онѣ быть нашими судьями?...

— Вотъ прекрасно! — Вотъ какъ заговорила! — Это что же! Это насъ обижаютъ! — Сама-то какая! — послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да онѣ, и впрямь, сами не понимаютъ, что говорятъ-сь, — проговорила Наталья Дмитріевна.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что Наталья Дмитріевна сказала справедливо. Если Зина не считала этихъ дамъ достойными судить себя, зачѣмъ-же было и выходить къ нимъ съ такою огласкою, съ такими призначеніями? Вообще Зинница Афанасьевна чрезвычайно поторопилась. Таково было, въ послѣдствіи, мнѣніе самыхъ лучшихъ головъ въ Мордасовѣ. Все-бы могло быть исправлено! Все-бы могло быть уложено! Правда, и Марья Александровна сама себѣ подгадила въ этотъ вечеръ своею поспѣшностью и заносчивостью. Стоило только насмѣяться надъ идіотомъ-старикашкой, да и выгнать его вонъ! Но Зина, какъ нарочно, вопреки здравому смыслу и мордасовской мудрости, обратилась къ князю.

— Князь! — сказала она старику, который даже привсталъ изъ почтенія со стула, — такъ поразила она его въ эту минуту! — Князь! простите меня, простите насъ! мы обманули, мы завлекли васъ....

— Да замолчишь-ли ты, несчастная! — въ изступленіи вскричала Марья Александровна.

— Сударыня! сударыня! ma charmante enfant.... — бормоталъ пораженный князь.

Но гордый, порывистый и, въ высшей степени, мечтательный характеръ Зины увлекалъ ее въ эту минуту изъ среды всѣхъ приличій, требуемыхъ дѣйствительностью. Она

забыла даже о своей матери, которую корчили судороги отъ ея признаній.

— Да, мы обманули васъ обѣ, князь; — маменька тѣмъ, что рѣшилась заставить васъ жечься на мнѣ, а я тѣмъ, что согласилась на это. Васъ напоили виномъ, я согласилась пить и кривляться передъ вами. Васъ слабаго, беззащитнаго, облапошили, какъ выразился Павель Александровичъ, облапошили изъ-за вашего богатства, изъ-за вашего княжества. Все это было ужасно низко и я каюсь въ этомъ. Но клянусь вамъ, князь, что я рѣшилась на эту низость не изъ низкаго побужденія. Я хотѣла.... Но что я! двойная низость оправдывать себя въ такомъ дѣлѣ! Но объявляю вамъ, князь, что я, еслибъ и взяла отъ васъ что-нибудь, то была-бы за это вашей игрушкой, служанкой, плясуньей, рабой.... я поклялась и свято-бы сдержала клятву мою!...

Сильная горловая спазма остановила ее въ эту минуту. Всѣ гости, какъ-будто оцѣпенѣли и слушали, выпуча глаза. Неожиданная и совершенно непонятная имъ выходка Зины, сбила ихъ съ толку. Одинъ князь былъ тронутъ до слезъ, хотя и половины не понималъ изъ того, что сказала Зина.

— Но я женюсь на васъ, ша belle enfant, если ужъ вы такъ хо-ти-те, — бормоталь онъ: — и это для меня будетъ большая честь! Только,увѣряю васъ, что это былъ дѣйст-ви-тельно, какъ-будто-бы, сонъ.... Ну, мало-ли что я увижу во-снѣ? Къ чему-же такъ без-по-коиться? Я даже какъ-будто ничего и не понялъ, топ ami, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову: — объясни мнѣ, хоть ты по-жа-лу-ста....

— А вы, Павель Александровичъ, — подхватила Зина, тоже обращаясь къ Мозглякову: — вы, на когоаго я, одно время, рѣшилась-было смотрѣть, какъ на моего будущаго мужа, вы, который теперь мнѣ такъ жестоко отмстили, — неуже-ли и вы могли примкнуть къ этимъ людямъ, чтобы растерзать и опозорить меня? И вы говорили, что любили меня! Но не мнѣ читать вамъ правоученія! Я виновнѣе васъ. Я оскорбила васъ, потому что, дѣйствительно, манила васъ обѣщаніями, и мои давешнія доказательства были ложь и хитросплетенія! Я васъ никогда не любила, и если

рѣшалась выйти за васъ, то единственно, чтобъ хоть куданѣбудь уйти отсюда изъ этого проклятаго города и избавиться отъ всего этого смрада.... Но, клянусь вамъ, выйдя за васъ, я была-бы ваша добрая и вѣрной женой.... Вы же-стоко отмстили мнѣ и, если это лѣстить вашей гордости....

— Зинаида Афанасьевна! — вскричалъ Мозгляковъ.

— Если до-спихъ-поръ вы питаете ко мнѣ неправильств....

— Зинаида Афанасьевна!!

— Если когда-нибудь, — продолжала Зина, давя въ себѣ слезы: — если когда-нибудь вы любили меня....

— Зинаида Афанасьевна!!!

— Зина, Зина! дочь моя! — вопила Марья Александровна.

— Я подлецъ, Зинаида Афанасьевна, я подлецъ и больше ничего! — скрѣпилъ Мозгляковъ и все пришло въ ужаснейшее волненіе. Поднялись крики удивленія, негодованія, но Мозгляковъ стоялъ, какъ вкопанный, безъ мысли и безъ голосу....

Для слабыхъ и пустыхъ характеровъ, привыкшихъ къ постоянной подчиненности и рѣшающихся, наконецъ, взбѣситься и протестовать, однимъ словомъ, быть твердыми и послѣдовательными, всегда существуетъ черта, — близкій предѣль ихъ твердости и послѣдовательности. Протестъ ихъ бываетъ въ началѣ, обыкновенно самый энергический. Энергія ихъ даже доходитъ до изступленія. Они бросаются на препятствія, какъ-то зажмурившисъ глаза, и всегда почти не споламъ берутъ себѣ пошу на плечи. Но, дойдя до извѣстной точки, взбѣшенный человѣкъ, вдругъ, какъ-будто самъ себя испугается, останавливается, какъ ошеломленный, съ ужаснымъ вопросомъ: «Что это я такое надѣлалъ?» Потомъ, немедленно, раскисаетъ, хнычетъ, требуетъ объясненій, становится на колѣни, просить прощенія, умоляетъ, чтобы все было по старому, но только поскорѣе, какъ-можно поскорѣе!.... Почти то-же самое случилось теперь съ Мозгляковымъ. Выйдя изъ себя, взбѣшившись, накликавъ бѣду, которую онъ уже всю, цѣликомъ, приписывалъ теперь одному себѣ; насытивъ свое негодованіе и самолюбіе и себя-же воз-

ненавидѣвъ за это, онъ, вдругъ, остановился, убитый со-
вѣстью, передъ неожиданной выходкой Зипы. Послѣднія сло-
ва ея добили его окончательно. Перескочить изъ одной край-
ности въ другую было дѣломъ одной мышты.

— Я — оселъ, Зинаида Афанасьевна! — вскричалъ онъ, въ
порывѣ изступленіаго раскаянія. — Нѣтъ! что оселъ? Осель
еще ничего! Я несравненно хуже осла! Но я вамъ докажу,
Зинаида Афанасьевна, я вамъ докажу, что и оселъ можетъ
быть благороднымъ человѣкомъ!... Дядюшка! я обманулъ
васъ! Я, я, я обманулъ васъ! Вы не спали; вы дѣйстви-
тельно, на-яву, дѣлали предложеніе, а, я, я, подлецъ, изъ
мщенія, что мнѣ отказали, увѣрилъ васъ, что вы видѣли
все это во-снѣ.

— Удивительные любопытныя вещи-сь открываются-сь, —
прошипѣла Наталья Дмитріевна на ухо Аннѣ Николаинѣ.

— Другъ мой, — отвѣчалъ князь: — ус-по-койся по-
жа-уста; ты меня, право, испугалъ своимъ крикомъ. Увѣ-
ряю тебя, что ты о-ши-ба-ешься... Я, пожалуй, готовъ же-
ниться, если ужъ такъ на-до; но вѣдь ты, самъ-же, увѣрялъ
меня, что это было только во-снѣ...

— О, какъ увѣрить мнѣ васъ! Научите меня, какъ мнѣ
увѣрить его теперь! Дядюшка, дядюшка! Вѣдь это важная
вещь, важнѣйшее фамильное дѣло! Сообразите! Подумайте!

— Другъ мой, изволь, я по-ду-маю. Постой, дай-же мнѣ
вспомнить все по-порядку. Сначала я видѣлъ кучера Фе-о-
фи-ла....

— Э, не до Феофила теперь, дядюшка!

— Ну-да, положимъ, что теперь не-до-не-го. Потомъ
былъ На-по-ле-онъ, а потомъ какъ-будто мы чай пили, и
какая-то дама пришла и весь сахаръ у насъ побѣла....

— Но, дядюшка, — брякнула Мозгликовъ, въ затмѣніи
ума своего, — вѣдь это сама Марья Александровна разска-
зывала вамъ давечка про Наталью Дмитріевну! Вѣдь я тутъ-
же былъ, я самъ это слышалъ! Я спрятался и смотрѣлъ на
васъ въ дырочку....

— Какъ, Марья Александровна, — подхватила Наталья
Дмитріевна, — такъ вы ужъ и князю разсказывали-сь, что

я у васъ сахаръ украла, изъ сахарицы! Такъ я къ вамъ сахаръ воровать ёзаку-сь!

— Прочь отъ меня! — закричала Марья Александровна, доведенная до отчаянія.

— Нѣтъ не прочь, Марья Александровна, вы этакъ не съѣете говорить-сь, а стало-быть я у васъ сахаръ краду-сь? Я давно слышала, что вы про меня такія гиусности распускаете-сь. Мнѣ Софья Петровна подробно разказывала-сь.... Такъ я у васъ сахаръ краду-сь? ...

— Но, Mesdames, — закричалъ князь, — вѣдь это было только во-снѣ! Ну, мало-ли что я увижу во-снѣ?

— Кадушка проклятая! — пробормотала въ пол-голоса Марья Александровна.

— Какъ, я и кадушкица-сь! — взвизгнула Наталья Дмитріевна. — А вы кто такая-сь? Я давно знаю, что вы меня кадушкой зовете-сь! У меня, по-крайней-мѣрѣ, мужъ у меня-сь, а у васъ-то дуракъ-сь....

— Ну-да, я помню, была и ка-ду-шика, — пробормоталъ безсознательно князь, припоминая давешний разговоръ съ Марьей Александровной.

— Какъ, и вы туда-же дворянку бранить-сь? Какъ вы съѣете, князь, дворянку бранить-сь? Коли я кадушкица, такъ вы безногіе-сь....

— Кто, я безногій?

— Ну-да, безногіе-сь, да еще и беззубые-сь, вотъ вы какіе-сь!

— Да еще и одноглазый! — закричала Марья Александровна.

— У васъ корсетъ, вместо реберь-сь, — прибавила Наталья Дмитріевна.

— Лицо на пружинахъ!

— Волосъ своихъ нѣть-сь....

— И ушишки-то, у дурака, пакладные, — скрѣнила Марья Александровна.

— Да хоть носъ-то оставьте мнѣ, Марья Степановна, насто-ящій! — вскричалъ князь, ошеломленный такими внезапными откровенностями. — Другъ мой! Что ты меня предалъ! Это ты разказалъ, что волосы у меня пакладные....

— Дядюшка!

— Нетъ, мой другъ, я уже болѣе не могу здѣсь оставаться! Уведи ты меня куда-нибудь.... quelle societé! Куда это ты завелъ меня, Бо-же-мой?

— Идіотъ! подлецъ! — кричала Марья Александровна.

— Боже ты мой! — говорилъ бѣдный князь, — я вотъ только не-много за-былъ, зачѣмъ я сюда прѣхалъ, но я сей-часъ вспом-нио. Уведи ты меня, братецъ, куда ни-будь а то меня разтерзаютъ! Притомъ-же.... мнѣ не-мед-ленно надо записать одну новую мысль....

— Пойдемте, дядюшка, еще не поздно; я васъ тотчасъ же перевезу въ гостиницу и самъ перѣду съ вами....

— Ну-да, въ гос-тии-нице: Adieu, ma charmante enfant.... вы одна.... вы только одна.... доб-родѣтельны. Вы благородная дѣвушка, bla-go-rod-naya dѣvushka! — Пойдемъ-же, мой милый. О Боже мой!

Но не стану описывать окончанія непріятной сцены, бывшей по выходѣ князя. Гости разѣхались съ визгами и ругательствами. Марья Александровна осталась, накопецъ, одна, среди развалинъ и обломковъ своей прежней славы. Увы! сила, слава, значеніе, — все изчезло въ одинъ этотъ вечеръ! Марья Александровна понимала, что уже не подняться ей по прежнему. Долгій, многолѣтній ея деспотизмъ наѣ всѣмъ обществомъ окончательно рушился. Что оставалось ей теперь? — философствовать. Но она не философствовала. Она пробѣсилась всю ночь. Заша обезчещена, сплетни пойдутъ безкощечныя! Ужасъ!

Какъ вѣрный историкъ я должеръ упомянуть, что всѣхъ болѣе въ этомъ похмѣлье досталось Афанасію Матвеевичу, который забился накопецъ куда-то въ чуланъ и въ немъ промерзъ до утра. Наступило, наконецъ, и утро; но и оно не принесло ничего хорошаго. Бѣда никогда одна не приходитъ....

ГЛАВА XV.

Если судьба обрушится разъ на-кого бѣдою, то ударяется и конца не бываетъ. Это давно замѣчено. Мало было

одного вчерашняго позора и срама для Марыи Александровны! Нѣтъ! судьба ей готовила побольше и получше.

Еще до десяти часовъ утра, по всему городу, вдругъ, распространился однъ странный и почти невѣроятный слухъ естрѣченный всѣми съ самою злобною и ожесточеною радостью,— какъ и обыкновению встрѣчаемъ мы всѣ всякий необыкновенный скандалъ, случившійся съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ ближнихъ. «До такой степени потерять стыдъ и совѣсть!»—кричали со всѣхъ сторонъ, — «до такой степени унититься, пренебречь всѣ приличія, до такой степени распустить всѣ узы!» и проч. и проч. Вотъ что, однакоже, слутилось. Рано утромъ, чуть-ли сїе не въ седьмомъ часу, одна бѣдная, жалкая старуха, въ отчаяніи и въ слезахъ, прибѣжала въ домъ Марыи Александровны и умоляла горничную, какъ можно скорѣе разбудить барынню, одну только барышню, потихоньку, чтобы какъ-нибудь не узнала Марыя Александровна. Зина, бѣдная и убитая, выбѣжала къ старухѣ немедленно. Та упала ей въ ноги, пѣловала ихъ, обливала слезами и молила немедленно сходить съ ней къ ею больному Васѣ, который всю ночь былъ такъ труденъ, такъ труденъ, что можетъ, и дня больше не проживетъ. Старуха говорила Зинѣ рыдаю, что самъ Вася зоветъ ее къ себѣ проститься въ предсмертный часъ, заклинаетъ ее всѣми святыми ангелами, всѣмъ, что было прежде, и что если она не прийдетъ, то онъ умреть съ отчаяніемъ. Зина тотчасъже рѣшилась идти, не смотря на то, что исполненіе такой просьбы явно-бы подтвердило всѣ прежніе, озлобленные слухи о перехваченной запискѣ, о скандалѣномъ ея поведеніи и проч. Не сказавшись матери, она накинула на себя салопъ и, тотчасъ же, побѣжала съ старухой, черезъ весь городъ, въ одну изъ самыхъ бѣдныхъ слободокъ Мордасова, въ самую глухую улицу, где стоялъ одинъ ветхій, покривившійся и вросшій въ землю домишко, съ какими-то щелочками, вместо оконъ и обнесенный сугробами снѣгу со всѣхъ сторонъ.

Въ этомъ домишкѣ, въ маленькой, низкой и затхлой компактѣ, въ которой огромная печь заняла ровно половину всего пространства, на досчатой, некрашеной кровати, на тонкомъ какъ блинъ тюфякѣ, лежалъ молодой человѣкъ, по-

крытый старой шинелью. Лицо его было бледное и изможденное, глаза блестали болезненнымъ огнемъ, руки были тонки и сухи, какъ наалки; дышалъ онъ трудно и хрипло. Замѣтило было, что когда-то онъ былъ хорошъ собою; но болѣзнь искажила тонкія черты его красиваго лица, на которое страшно и жалко было взглянуть, какъ на лицо всякаго чахоточнаго, или вѣрнѣе сказать, умирающаго. Его старуха мать, которая цѣлый годъ, чуть-ли не до послѣдняго часу, ждала воскресенія своего Васильки, увидала, наконецъ, что онъ не живецъ въ этомъ мірѣ. Она стояла теперь надъ нимъ, убитая горемъ, сложивъ руки, безъ слезъ, глядѣла на него и не могла смотрѣть, и все-таки не могла понять, хоть и знала это, что черезъ нѣсколько дней ея испагляднаго Васю закроетъ мерзлая земля, тамъ, подъ сугробами снѣгу, на бѣдномъ кладбищѣ. Но Вася не на ее смотрѣль, въ эту минуту. Все лицо его, изхудалое и страдальческое дышало теперь блаженствомъ. Онъ видѣль, наконецъ, передъ собою ту, которая синлась ему, цѣлые полтора года, и на яву и во снѣ, въ продолженіи долгихъ, тяжелыхъ почей его болѣзни. Онъ понялъ, что она простила его, явясь къ нему, какъ ангель Божій, въ предсмертный часъ. Она сжимала его руки, плакала надъ нимъ, узыбалась ему, опять смотрѣла на него своими чудными глазами и,—и все прежнее, невозвратное, воскресло вновь въ душѣ умирающаго. Жизнь загорѣлась снова въ его сердце и, казалось, оставляя его, хотѣла дать почувствовать страдальцу, какъ тяжело разставаться съ нею.

— Зина,—говорилъ онъ,—Зиночка! Не плачь надо мной, не тужи, не тоскуй, не напоминай мнѣ, что я скоро умру. Я буду смотрѣть на тебя,—вотъ такъ, какъ теперь смотрю,—буду чувствовать, что наши души опять вмѣстѣ, что ты проостила меня, буду опять цѣловать твои руки, какъ прежде, и умру, можетъ быть непримѣтно, смерти! Похудѣла ты, Зиночка! Ангель ты мой, съ какой добротой ты на меня теперь смотришь? А помнишь, какъ ты прежде смеялась? помнишь.... Ахъ, Зина, я не ирончу у тебя прощенія, я и поминать не хочу о томъ, что было; потому, Зиночка, потому, что хоть ты, можетъ быть, и простила меня, но я самъ

никогда себѣ не прошу. Были долгія ночи, Зина, безсонныя ужасныя ночи, и въ эти ночи, вотъ на этой самой кровати, я лежаլъ и думалъ, долго, много передумалъ и давно уже рѣшилъ, что мнѣ лучше умереть, ей-Богу лучше!... Я не-годился жить, Зиночка!

Зина плакала и безмолвно сжимала его руки, какъ будто хотѣла этимъ остановить его.

— Что ты плачешь, мой ангелъ? — продолжалъ больной. — О томъ, что я умираю, обѣ этомъ только? Но вѣдь все прочее давно уже умерло, давно скончено! Ты умнѣе меня, ты чище сердцемъ, и потому давно знаешь, что я дурной человѣкъ. Развѣ ты можешь еще любить меня? И чего мнѣ стоило перенести эту мысль, что ты знаешь, что я дурной и пустой человѣкъ! А самолюбія-то, сколько тутъ было, можетъ-быть и благороднаго.... не знаю! Ахъ, другъ мой, если моя жизнь была мечта. Я все мечталъ, всегда мечталъ, а не жилъ, гордился, толку презираль, а чѣмъ я гордился не-редь людьми? и самъ не знаю. Чистотой сердца, благород-ствомъ чувствъ? Но вѣдь все это было въ мечтахъ, Зина, когда мы читали Шекспира, а какъ дошло до дѣла, я и вы-казалъ мою чистоту и благородство чувствъ....

— Полно, — говорила Зина, — полно!... все это не такъ, напрасно.... ты убиваешь себя!

— Что ты останавливаешь меня, Зина! Знаю, ты про-стила меня и давно, можетъ быть, простила; но ты судила меня и поняла — что я таковъ; — вотъ это-то меня и мучитъ. Недостойнъ я твоей любви, Зина! Ты и ка дѣлъ бывалъ чест-ная и великодушная: ты вошла къ матери и сказала, что выйдешь за меня и ни за кого другаго, и сдержала-бы слово, потому что у тебя слово не размылось съ дѣломъ. А я, я! Когда дошло до дѣла.... Зваешь-ли, Зиночка, что вѣдь я даже и не понималъ тогда, чѣмъ ты жертвуешь, выходя за меня! Я не могъ даже того понять, что выйди за меня, ты, можетъ-быть, умерла-бы съ голоду. Куда, и мысли не было! Я вѣдь думалъ только, что ты выходишь за меня, за великаго поэта (за будущаго, то есть), не хо-тель понимать тѣхъ причинъ, которыя ты выставляла, прося навременить сватвой, мучиль тебя, тираннилъ, упрекалъ.

Отд. I.

11

презираль и дошло, наконецъ, до угрозы моей тебѣ этой запиской. Я даже и не подлецъ былъ, въ ту минуту. Я просто былъ дрянь-человѣкъ! О какъ ты должна была презирать меня! Нѣтъ, хорошо, что я умираю! Хорошо, что ты за меня не вышла! Ничего-бы я не понялъ изъ твоего пожертвования, мучилъ-бы тебя, изтерзалъ-бы тебя за нашу бѣдность; прошли-бы годы, — куда! — можетъ-быть и возненавидѣль-бы тебя, какъ помѣху въ жизни. А теперь лучше! Теперь, покрайней мѣрѣ, горькія слезы мои очистили во мнѣ сердце. Ахъ! Зиночка! Люби меня хоть немножко, такъ-какъ прежде любила! Хоть въ этотъ послѣдній часъ.... Я вѣдь знаю, что я недостоинъ любви твоей, но.... но.... о ангель ты мой!

Во всю эту рѣчь, Зина, рыдая сама, нѣсколько разъ его останавливалася. Но онъ не слушалъ ее; его мучило желаніе высказатьсь, и онъ продолжалъ говорить, хотя съ трудомъ, задыхаясь, хриплымъ удущливымъ голосомъ.

— Не встрѣтилъ-бы ты меня, не полюбиль-бы меня, такъ остался-бы жить! — сказала Зина. — Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы сошлись вмѣстѣ!

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, не укоряй себя въ томъ, что я умираю, — продолжалъ больной. — Во всемъ я одинъ виноватъ! Самолюбія-то сколько тутъ было! романтизма! Разсказывали-ль тебѣ подробно мою глупую исторію, Зина? Видиши-ли? былъ тутъ, третьяго года, одинъ арестантъ, подсудимый, злодѣй и душегубецъ; по когда пришлось къ наказанію, онъ оказался самымъ малодушнымъ человѣкомъ. Зная, что большаго не выведутъ къ наказанію, онъ досталъ вина, настойлъ въ немъ табаку и выпилъ. Съ нимъ начались такая рвота съ кровью и такъ долго продолжалась, что повредила ему легкія. Его перенесли въ больницу и, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ умеръ въ злой чахоткѣ. Ну-вотъ, ангель мой, я и вспомнилъ про этого арестанта, въ тотъ самый день.... ну, знаешь, послѣ записки-то.... и рѣшился также погубить себя. Но какъ-бы ты думала, почему я выбралъ чахотку? почему я не удавился, не утопилъся? побоялся скорой смерти? Можетъ-быть и такъ, но все мнѣ какъ-то мерецится, Зиночка, что и тутъ не обошлось

безъ сладкихъ романтическихъ глупостей! Все-таки у меня была тогда мысль: какъ это красиво будеть, что вотъ я буду лежать на постели, умирая въ чахоткѣ, а ты все будешь убиваться, страдать, что довела меня до чахотки; сама придешь ко мнѣ съ совинною, упадешь передо мной на колѣни.... Я прощаю тебя, умираю на рукахъ твоихъ.... глупо, Зиночка, глупо, неправда-ли?

— Не помпай обѣ этомъ! — сказала Зина, — не говори этого! ты не такой!... будемъ лучше вспоминать о другомъ, о нашемъ хорошемъ, счастливомъ!

— Горько мнѣ, другъ мой, оттого и говорю. Полгода года я тебя не видалъ! Душу-бы, кажется, передѣ тобой теперь выложилъ! Вѣдь все то-время, съ тѣхъ поръ, я былъ одинъ-одинешенекъ и, кажется, минуты не было, чтобъ не думалъ я о тебѣ, ангель мой неизгладимый! И знаешь что, Зиночка? какъ мнѣ хотѣлось что-нибудь сдѣлать, какъ-нибудь такъ заслужить, чтобъ заставить тебя перемѣнить обо мнѣ твое мнѣніе. До послѣдняго времени я не вѣрилъ, что я умру; вѣдь меня не сейчасъ свалило, долго я ходилъ съ большой грудью. И сколько смѣшныхъ у меня было предположеній! Мечталъ я, напримѣръ, сдѣлаться, вдругъ, какимъ-нибудь величайшимъ поэтомъ, напечатать въ Отечественныхъ Запискахъ такую поэму, какой и не бывало еще на свѣтѣ. Думалъ въ ней излить всѣ мои чувства, всю мою душу, такъ что гдѣ-бы ты ни была, я все-бы былъ съ тобой, безпрерывнѣ-бы напоминалъ о себѣ моими стихами, и самая лучшая мечта моя была та, что ты задумаешься, наконецъ, и скажешь: «Нѣть! онъ не такой дурной человѣкъ, какъ я думала!» Глупо, Зиночка, глупо, неправда-ли?

— Нѣть, нѣть, Вася, нѣть! — говорила Зина. Она прислая къ нему на грудь и цѣловала его руки.

— А какъ я ревновалъ тебя все это время! Мнѣ кажется я-бы умеръ, еслибы услышалъ о твоей сватыбѣ! Я подсыпалъ къ тебѣ, караулилъ, шпіонилъ, вотъ она все ходила — (и онъ кивнулъ на мать). Вѣдь ты не любила Мозгякова, неправда-ли, Зиночка? О, ангель мой? Вспомниши-ли ты обо мнѣ, когда я умру? Знаю, что вспомнишь; но прой-

дуть годы, сердце остынетъ, настанетъ холодъ, зима на душѣ и забудешь ты меня, Зиничка!...

— О нѣтъ, нѣтъ, никогда! Я не выйду и замужъ!... ты мой первый.... всегдашній....

— Все умираеть, Зиничка, все, даже и воспоминанія!... И благородныя чувства наши умираютъ. Вместо ихъ постуپаетъ благоразуміе. Что-жъ и ролтать! Пользуйся жизнью, Зина, живи долго, живи счастливо. Полюби и другаго, коль полюбится, не мертвѣца-же любить! Только вспомни обо мнѣ, хоть изрѣдка; худаго не вспоминай, прости худое; но вѣдь было-же и въ нашей любви хорошее, Зиничка! О золотые, невозвратные дни!... Послушай, мой ангелъ, я всегда любилъ вечерній, закатный часъ. Вспомни обо мнѣ, когда-нибудь, въ этотъ часъ! О нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ умирать? О какъ-бы я хотѣлъ теперь вновь ожить! Вспомни, другъ мой, вспомни то время! Тогда была весна, солнце такъ ярко свѣтило, цвѣли цвѣты, праздникъ былъ какой-то кругомъ насыщенный.... А теперь! Посмотри, посмотри!

И бѣдный указалъ, изсохшую рукою, на замерзлое, тусклое окно. Потомъ схватилъ руки Зины, прижалъ ихъ къ глазамъ своимъ и горько-горько зарыдалъ. Рыданія почти разрывали позтерзашнюю грудь его.

И весь день страдалъ онъ, тосковалъ и плакалъ. Зина утѣшала его какъ могла, но и ея душа страдала до смерти. Она говорила, что не забудеть его и что никогда, никого не полюбить такъ, какъ его любила. Онъ вѣрилъ ей, улыбался, цѣловалъ ея руки, но воспоминанія о прошедшемъ только жгли, только терзали его душу. Такъ прошелъ цѣлый день. Между тѣмъ испуганная Марья Александровна разъ десять послала къ Зинѣ, молила ее воротиться домой и не губить себя окончательно, къ общему мнѣнію. Наконецъ, когда уже стемнѣло, почти потерявъ голову отъ ужаса, она рѣшилась сама идти къ Зинѣ. Вызвавъ дочь въ другую комнатку она, почти на коленяхъ, умоляла ее «остранить этотъ послѣдній и главный кунжалъ отъ ся сердца». Зина вышла къ цей большая; голова ея горѣла. Она слушала и не понимала свою маменьку. Марья Александровна ушла, наконецъ, въ отчаяніи, потому, что Зина рѣшилась

ночевать въ домѣ умирающаго. Цѣлую ночь не отходила она отъ его постели. Но болѣкому становилось все хуже и хуже. Насталъ и еще день, но уже не было и надежды, что страдальцъ переживетъ его. Старуха мать была какъ безумная, ходила, какъ-будто ничего не понимая, подавала сыпь лекарства, которыхъ опять не хотѣлъ принимать. Аготія его длилась долго. Опять уже не могъ говорить и только безсвязные, хриплые звуки вырывались изъ его груди. До самой послѣдней минуты онъ все смотрѣлъ на Зину, все искалъ ее глазами и когда уже свѣтъ пачаль меркнуть въ его глазахъ, опять все еще блуждающею, невѣрою рукою искалъ руку ея, чтобы скать ее своей. Между тѣмъ короткій, зимній день проходилъ. И когда, наконецъ, послѣдній, прощальный лучъ солнца позолотилъ замороженное, единственное оконце маленькой комнаты, душа страдальца улетѣла вслѣдъ за этимъ лучемъ путь измѣжденаго тѣла. Старуха-мать, увида, наконецъ, передъ собою трупъ своего ненагляднаго Васи, всхлипнула руками, вскрикнула и бросилась на грудь мертвцу.

— Это ты, змѣя подколодная, извела его! — закричала она въ отчаяніи Зинѣ. — Ты, разлучница проклятая, ты, злодѣйка, его погубила!

Но Зина уже ничего не слыхала. Она стояла надъ мертвымъ, какъ обезумѣвшая. Наконецъ наклонилася надъ нимъ, перекрестила, поцаловала его и машинально вышла позъ комнаты. Глаза ея горѣли, голова кружилась. Мучительныя ощущенія, двѣ почти бесконечныя ночи, чуть-чуть не лишили ее разсудка. Она смутно чувствовала, что все ея прошедшее какъ-бы оторвалось отъ ея сердца и началася новая жизнь, мрачная и угрожающая. Но не пропала она десяти шаговъ, какъ Мозгликовъ какъ-будто выросъ передъ нею позъ подъ землю; казалось онъ нарочно поджидалъ ее на этомъ мѣстѣ.

— Зинанда Афанасьевна, — началъ онъ какимъ-то болезненнымъ шепотомъ, торопливо оглядываясь по сторонамъ, потому, что еще было довольно свѣтло, — Зинанда Афанасьевна, я, конечно, оселъ! То есть, если хотите, я ужъ теперь и не осель. потому что, видите-ли, все-таки поступилъ

благородно. Но все-таки я раскаяваюсь въ томъ, что я былъ осель.... Я, кажется, сбываюсь, Зинаида Афанасьевна, но.... вы извините, это отъ разныхъ причинъ....

Зина почти безсознательно посмотрѣла на него и мозача продолжала свою дорогу. Такъ-какъ на высокомъ деревянномъ тротуарѣ было тѣсно двумъ рядомъ, а Зина не стопорнилась, то Павелъ Александровичъ соскочилъ съ тротуара и бѣжалъ подле нея внизу, безпрерывно заглядывая ей въ лицо.

— Зинаида Афанасьевна, — продолжалъ онъ, — я разсудилъ и, если вы сами захотите, то я согласенъ возобновить мое предложеніе. Я даже готовъ забыть все, Зинаида Афанасьевна, весь позоръ и готовъ простить, но только съ однѣмъ условіемъ: покамѣстъ мы здѣсь, все остается вътай-ниѣ. Вы уѣдете отсюда, какъ можно скорѣе, я, потихоньку, вслѣдъ за вами; обвѣчаемся гдѣ-нибудь въ глупи, такъ что никто не увидитъ, а потомъ сейчасъ въ Петербургъ, хотябы и на перекладныхъ, такъ чтобы съ вами былъ только маленький чемоданчикъ.... а? Согласны, Зинаида Афанасьевна? Скажите поскорѣе! Мне нельзя дожидаться; настѣ могутъ увидѣть вмѣстѣ.

Зина не отвѣчала и только посмотрѣла на Мозглякова, но такъ посмотрѣла, что онъ тотчасъ-же все понялъ, снялъ шляпу, раскланился и изчезъ при первомъ поворотѣ въ переулокъ.

— Какъ-же это, — подумалъ онъ, — вчера еще вечеромъ она такъ разчувствовалась и во всемъ себя обвиняла? Видно день на день не приходитъ!

А между тѣмъ въ Мордасовѣ происшествія шли за происшествіями. Случилось одно трагическое обстоятельство. Князь, перевезенный Мозгляковымъ въ гостиницу, заболѣлъ въ ту же ночь и заболѣлъ опасно. Мордасовцы узнали объ этомъ на утро. Калистъ Станиславичъ почти не отходилъ отъ больного. Къ вечеру составился консилиумъ всѣхъ мордасовскихъ медиковъ. Приглашенія имъ посланы были ио-латыни. Но не смотря на латынь, князь со-всѣмъ уже потерялъ память; бредилъ, просилъ Калиста Станиславича сѣсть ему какой-то романъ, говорилъ про какие-то па-

рики; иногда какъ-будто чего-то пугался и кричалъ. Доктора рѣшили, что отъ мордасовскаго гостепріимства у князя сдѣлалось воспаленіе въ желудкѣ, какъ-то перешедшее (въ-роятно, по дорогѣ) въ голову. Не отвергали и нѣкотораго нравственнаго потрясенія. Заключили-же тѣмъ, что князь давно уже былъ предрасположенъ умереть, а потому непремѣнно умретъ. Въ послѣднемъ они не ошиблись, потому что бѣдный старичекъ, на третій-же день, къ вечеру, померъ въ гостинницѣ. Это поразило Мордасовцевъ. Никто не ожидалъ такого серьезнаго оборота дѣла. Бросились толпами въ гостинницу, гдѣ лежало мертвое тѣло, еще не убранное, судили, рядили, кивали головами и кончили тѣмъ, что рѣзко осудили «убійцъ несчастнаго князя», подразумѣвая подъ этимъ, разумѣется, Марью Александровну съ дочерью. Всѣ почувствовали, что эта исторія, уже по одной своей скандалезности, можетъ получить непріятную огласку, пойдетъ пожалуй еще въ дальняя страны и,—чего-чего не было переговорено и пересказано. Все это время Мозгляковъ суетился, кидался во всѣ стороны и, наконецъ, голова у него закружилась. — Въ такомъ-то состояніи духа онъ и видѣлся съ Зиной. — Дѣйствительно положеніе его было затруднительное. Самъ онъ завезъ князя въ городъ, самъ перевезъ въ гостинницу, а теперь не зналъ что и дѣлать съ покойникомъ, какъ и гдѣ хоронить, кому дать знать, везти-ли тѣло въ Духаново? Къ тому-же онъ считался племянникомъ. Онъ трепеталъ, чтобъ не обвинили его въ смерти почтеннаго старца. «Пожалуй еще дѣло отзовется въ Петербургѣ, въ высшемъ обществѣ!—думалъ онъ съ содроганіемъ. Отъ Мордасовцевъ нельзя было добиться никакого совѣта; всѣ вдругъ чего-то испугались, отхлынули отъ мертваго тѣла и оставили Мозглякова въ какомъ-то мрачномъ уединеніи. Но вдругъ вся сцена быстро перемѣнилась. На другой день, рано утромъ, въ городъ вѣхалъ одинъ посѣтитель. Объ этомъ посѣтителѣ мигомъ заговорилъ весь Мордасовъ, но заговорилъ какъ-то таинственно, шопотомъ, выглядывая на него изъ всѣхъ щелей и оконъ, когда онъ проѣхалъ по Большой улицѣ къ губернатору. Даже самъ Петръ Михайловичъ не много, какъ-будто-бы, струсилъ и не зналъ какъ-

быть съ пріѣзжимъ гостемъ. Гость былъ довольно извѣстный князь Щепетиловъ, родственникъ покойнику, человѣкъ еще почти молодой, лѣтъ тридцати пяти, въ полковничихъ зполетахъ и въ эксельбантахъ. Всѣхъ чиновниковъ пробралъ какои-то необыкновенный страхъ отъ этихъ эксельбантовъ. Полицеймейстеръ, напримѣръ, совсѣмъ потерялся; разумѣется, только нравственно; физически-же онъ явился на лицо, хотя и съ довольно вытянутымъ лицомъ. Тотчасъ-же узнали, что князь Щепетиловъ ёдетъ изъ Петербурга, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Духаново. Не заставъ-же въ Духановѣ никакого, полетѣлъ въ слѣдъ за дядей въ Мордасовъ, гдѣ, какъ громомъ, поразила его смерть старика и всѣ подробнѣйшіе слухи объ обстоятельствахъ его смерти. Петръ Михайловичъ даже немного потерялся, давая нужные объясненія; да и все, въ Мордасовѣ, смотрѣли какими-то виноватыми. Къ тому-же у пріѣзжаго гостя было такое строгое, такое недовольное лицо, хотя, казалось-бы, нельзя быть недовольну наслѣдствомъ. Онъ тотчасъ-же взялся за дѣло самъ, лично. Мозгликовъ-же немедленно и постыдно стушевался передъ настоящимъ, несамозваннымъ племянникомъ и изчезъ—неизвѣстно куда. Рѣшено было, немедленно, перенестъ тѣло покойника въ монастырь, гдѣ и назначено было отпѣваніе. Всѣ распоряженія пріѣзжаго отдавались кратко, сухо, строго, но съ тактомъ и приличiemъ. На завтра весь городъ собрался въ монастырь присутствовать при отпѣваніи. Между дамами распространялся неіѣпый слухъ, что Марья Александровна лично явится въ церковь и, на колѣньяхъ передъ гробомъ, будетъ громко испрашиватъ себѣ прощенія, и что все это должно быть такъ по закону. Разумѣется, все это оказалось вздоромъ, и Марья Александровна не явилась въ церковь. Мы и забыли сказать, что тотчасъ-же по возвращеніи Зины домой, ея маменька въ тотъ-же вечеръ рѣшилась перѣѣхать въ деревню, считая болѣе невозможнымъ оставаться въ городѣ. Тамъ, тревожно прислушивалась она изъ своего угла къ городскимъ слухамъ, посыпала на-развѣдки узнавать о пріѣзжемъ лицѣ и все время была въ лихорадкѣ. Дорога, пзъ монастыря въ Духаново, проходила менѣе, чѣмъ въ верстѣ, отъ окошечъ ея деревянного дома—

и потому, Марья Александровна могла удобно разсмотреть длинную процессию, потянувшуюся изъ монастыря въ Духаново, вслѣдь отпѣванія. Гробъ везли на высокихъ дорогахъ; за нимъ тянулась длинная вереница экипажей, провожавшихъ покойника до поворота въ городъ. И долго еще чернѣли на бѣломъ небѣ полѣ эти мрачныя дороги, везомыя тѣхъ, съ подобающимъ величиемъ. Но Марья Александровна не могла смотрѣть долго и отошла отъ окна.

Черезъ недѣлю она перѣехала въ Москву, съ дочерью и съ Афанасіемъ Матвѣичемъ, а черезъ мѣсяцъ узнали въ Мордасовѣ, что подгородная деревня Марьи Александровны и городской домъ продаются. И такъ Мордасовъ на вѣки терялъ такую комъ-иль-фотную даму! Не обошлось и тутъ безъ злозычія. Стали, напримѣръ, увѣрять, что деревня продается вмѣстѣ съ Афанасіемъ Матвѣичемъ.... Прошелъ годъ, другой, и обѣ Марьѣ Александровнѣ почти совершенно забыли. Увы! такъ всегда ведется на свѣтѣ! Рассказывали впрочемъ, что она купила себѣ другую деревню и перѣехала въ другой губернскій городъ, въ которомъ, разумѣется, уже забрала всѣхъ въ руки, что Зина еще до сихъ-поръ не-за-мужемъ, что Афанасій Матвѣичъ.... Но, впрочемъ, нечего повторять эти слухи; все это очень невѣрно.

Прошло три года, какъ я дописалъ посѣднюю строчку первого отѣла мордасовской лѣтописи и, кто-бы могъ подумать, что мнѣ еще разъ придется развернуть мою рукопись и прибавить еще одно извѣстіе къ моему рассказу. Но къ дѣлу! Начну съ Павла Александровича Мозгликова. Ступевавшись изъ Мордасова, онъ отправился прямо въ Петербургъ, гдѣ и получилъ благополучно то служебное мѣсто, которое ему давно обѣщали. Вскорѣ онъ забылъ всѣ мордасовскія события, пустился въ вихрь свѣтской жизни, на Васильевскомъ островѣ и въ Галерной гавани, журировалъ, волочился, не отставалъ отъ вѣка, влюбился, сдѣлялъ предложеніе, сѣялъ еще разъ отказать и, не переваривъ его, по вѣтринности своего характера и отъ-ничего-дѣлать, испросилъ себѣ мѣсто въ одной экспедиціи, назначавшейся въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ нашего бережнаго

Отечества, для ревизіи или для какой-то другой цѣли, на-
вѣрию, не знаю. Экспедиція благополучно проѣхала всѣ лѣ-
са и пустыни и, наконецъ, послѣ долгаго странствія, яви-
лась въ въ главномъ городѣ «отдаленнѣшаго края» къ ге-
нераль-губернатору. Это былъ высокій, худощавый и стро-
гій генераль, старый воинъ, израненный въ сраженіяхъ, съ
двумя звѣздами и съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Онъ при-
нялъ экспедицію важно и чинно и пригласилъ всѣхъ, состав-
лявшихъ ее чиновниковъ, къ себѣ на балъ, дававшійся въ
тотъ-же самый вечеръ, по случаю именинъ генераль-губер-
наторши. Павель Александровичъ былъ этимъ очень довол-
енъ. Нарядившись въ свой петербургскій костюмъ, въ
которомъ намѣренъ былъ произвести эффектъ, онъ развяз-
но вошелъ въ большую залу, хотя тотчасъ-же не много
осѣль, при видѣ множества витыхъ и густыхъ эполетъ и
статскихъ мундировъ со звѣздами. Нужно было откланяться
генераль-губернаторшѣ, о которой онъ уже слышалъ, что
она молода и очень хороша собою. Подошелъ онъ даже
съ форсомъ и, вдругъ, оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Передъ
нимъ стояла Зина, въ великолѣпномъ бальномъ платьѣ и
брилліантахъ, гордая и надменная. Она совершенно не уз-
нала Павла Александровича. Ея взглядъ набрежно скольз-
нулъ по его лицу и тотчасъ-же обратился на кого-то дру-
гого. Пораженный Мозгляковъ отошелъ къ сторонкѣ и въ
толпѣ столкнулся съ однимъ робкимъ молодымъ чиновникомъ,
который какъ-будто пугался самаго себя, очутившись на гене-
раль-губернаторскомъ балѣ. Павель Александровичъ немедлен-
но прижался его разспрашивать и узналъ чрезвычайно интерес-
ныя вещи. Онъ узналъ, что генераль-губернаторъ уже два года,
какъ женился, когда єздилъ въ Москву изъ «отдаленного края»,
и что взялъ онъ чрезвычайно богатую дѣвицу, изъ знатнаго
дома. Что генеральша «ужасно хороши изъ-себя-съ, даже,
можно сказать первыя красавицы-съ, но держатъ себя чрез-
вычайно гордо, а танцуютъ только съ однimi генерала-
ми-съ», — что на настоящемъ балѣ всѣхъ генераловъ,
своихъ и прѣѣзжихъ, девять, включая въ то число и дѣйстви-
тельныхъ статскихъ совѣтниковъ, — что, наконецъ, «у генераль-
ши есть и маменька-съ, которая и живеть вмѣстѣ съ нею и что

эта маменька-сь пріѣхала изъ самаго высшаго общества-сь и очень умны-сь — но что и сама маменька беспрекословно подчиняется волѣ своей дочери, а самъ генераль-губернаторъ не наглядится и не надышитъ на свою супругу. Мозгяковъ заинкуналъ было обѣ Афанасьѣ Матвѣичѣ, но въ «отдаленномъ краю» обѣ немъ не имѣли никакого понятія. Ободрившись немнога, Мозгяковъ прошелся по комнатамъ и, вскорѣ, увидѣлъ и Марью Александровну, великолѣпно разряженную, размахивающую дорогимъ вѣромъ и съ одушевленіемъ говорящую съ одною изъ особъ 4-го класса. Кругомъ нея тѣснилось нѣсколько припадавшихъ къ покровительству дамъ, и Марья Александровна, по видимому, была необыкновенно любезна со всѣми. Мозгяковъ рискнулъ представиться. Марья Александровна немнога, какъ-будто, вздрогнула, но тотчасъ-же, почти мгновенно, оправилась. Она съ любезностью благоволила узнать Павла Александровича; спросила о его потербургскихъ знакомствахъ, спросила отъ чего онъ не за границей? Обѣ Мордасовѣ не сказала ни слова, какъ-будто его и не было на свѣтѣ. Наконецъ, произнеся имя какого-то петербургскаго важнаго князя и осведомясь о его здоровье, хотя Мозгяковъ и понятія не имѣлъ обѣ этомъ князѣ, она незамѣтно обратилась къ одному пошедшему сановнику, въ душпстыхъ сѣдинахъ и, черезъ минуту, совершенно забыла стоявшаго передъ нею Павла Александровича. Съ саркастической улыбкой и со шляпой въ рукахъ, Мозгяковъ воротился въ большую залу. Не извѣстно, почему, считая себя уязвленнымъ и даже оскорблённымъ, онъ рѣшился не танцевать. Угрюмо разсѣянный видъ, ёдкая мѣфистофелевская улыбка не сходила съ лица его во весь вечеръ. Живописно прислонился онъ къ колонѣ (зала, какъ нарочно, была съ колонами) и впродолженіи всего бала, нѣсколько часовъ сряду,остоялъ на одномъ мѣстѣ, съдя своими взглядами Зину. Но увы! всѣ фокусы его, всѣ необыкновенныя позы, розачарованный видъ и проч. и проч. все пропало даромъ. Зина совершенно не замѣчала его. Наконецъ, взбѣшенный, съ заболѣвшими отъ долгой стоянки ногами, голодный, потому что не могъ-же онъ оставаться ужинать, въ качествѣ влюбленнаго и страдающаго, во-

ротился онъ на квартиру, совершенно измученный и какъ будто кѣмъ-то прибитый. Долго не ложился онъ спать, припоминая давно забытое. На другое-же утро представилась какая-то командировка и Мозгяковъ съ наслажденiemъ, вы-
просилъ ее себѣ. Онъ даже оставилъ душой, выѣхавъ изъ города. На безконечномъ, пустынномъ пространствѣ лежалъ снѣгъ осѣпательною пеленою. На краю, на самомъ склонѣ неба, чернѣлись лѣса.

Рѣяные кони мчались, взрывая спѣжинный прахъ колытами. Колокольчикъ звенѣлъ. Павелъ Александровичъ задумался, потомъ замечтался, а потомъ и заснулъ себѣ преспокойно. Онъ проснулся уже на третьей станціи, свѣжий и здоровый, совершившо съ другими мыслями.

Достоевскій.

3-го Января 1859 г.

Пойду на встречу къ нимъ знакомою тропою.
Какою нѣжною, янтарною зарею
Сиять небеса, нетленныя, какъ рай!
Далеко выгнулся земли номеркшій край;
Прохлада вечера и дышеть и не дышеть.
И колось зреющій едва, едва колышетъ.
Нѣтъ; дальше не пойду: подъ сѣнью дубовъ
Всю ночь, всю эту ночь я просидѣть готовъ,
Смотря въ лицо зарѣ, иль вдоль дороги сѣрой.
Какою молодой и безграничной вѣрою
Опять душа полна. Какъ въ этой тишии
Всѣмъ, всѣмъ, что жизнь дала довольная вполнѣ
Инаго ужъ она не требуетъ удѣла.
Собака вѣрная у ногъ моихъ присѣла
И, ухо чуткое настороживъ, слегка,
Глядить на медленно ползущаго жука.
Иль мнѣ послышалось? Въ подобныя мгновенія
Въ дали колеблются и звуки и видѣнья, —
Нѣть, точно издали доходитъ до меня
Нетерпѣливый шагъ знакомаго коня.

Л. Фотъ.

ОРАТОРСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МАКОЛЭ.

Два обстоятельства особенно содѣйствуютъ развитію англійского генія — общественное мнѣніе и практическая дѣятельность писателя.

Общественный голосъ — высшій трибуналъ Англіи. Его судъ — послѣдній судъ, передъ которымъ становится министръ, полководецъ, журн., фабрикантъ, работникъ и литературный талантъ. Въ какой-бы области ни дѣйствовало отдельное лицо, за нимъ зорко слѣдитъ невидимый, но испытующій взглядъ, повѣряетъ его поступки, опредѣляетъ ему доброе имя или клеймить презрѣніемъ. Этотъ органъ возможно-высшей справедливости на землѣ, конечно, можетъ ошибаться, но самыя ошибки его носятъ печать глубокаго смысла и искреннаго убѣжденія. Чѣмъ особенно даетъ высокое значеніе общественному мнѣнію — это нравственный его инстинктъ. Прежде и главнѣе всего оно ищетъ въ нашихъ дѣлахъ и намѣреніяхъ правой стороны, движенія къ человѣческому достоинству, — совѣсти. Какъ-бы ни были блестательны заслуги извѣстнаго дѣятеля, — но если онъ лишенъ нравственного характера, цѣна ихъ сомнительна, награда невѣрна. Оно скорѣе проститъ недостатку ума, воли, энергіи, но никогда не пощадитъ злой и развратной жизни, рано или поздно сниметъ съ головы вѣнецъ, покрытый грязными пятнами. Такихъ примѣровъ Англія представляетъ много; ея парламентскія лѣтописи очень богаты наставленіемъ и для государственного человѣка и для частнаго гражданина. Кто, напримѣръ, могъ предвидѣть, чтобы Пальмерстонъ, послѣ тридцатилѣтней дѣятельности, такъ быстро и

низко упасть въ народномъ мнѣніи? Его дипломатический тактъ, его лицемѣрный либерализмъ, его сильная партія, его правительственная опытность и даже самый недостатокъ болѣе способнаго преемника, — все, по видимому, ручалось за его авторитетъ и твердое положеніе, но съ той минуты, когда ясно обнаружились эгоистическая цѣль его, когда онъ такъ шекстали противуя дружескую руку по ту сторону канала — по всему острову пронесся крикъ негодованія, и первый министръ немедленно лишился своего мѣста. Другая и болѣе благородная личность представляеть намъ иное явленіе: мы говоримъ о Каннингѣ. Когда, въ 1827 году, онъ сталъ въ главѣ министерства, для британской политики началась новая эра. Вліяніе гнилаго австрійскаго кабинета было отброшено; бездарная и свдокорыстная оппозиція, пораженная его правительственнымъ умомъ и убѣдительнымъ словомъ, замолкла, его добросовѣтность пріобрѣла ему общее сочувствіе страны. Народъ съ гордостю смотрѣлъ на пле-боя, правившаго рулемъ государства. Аристократическая партія понимала, что уронить человѣка открыто не было возможности; «она скорѣе могла поворотить воды Тэмзы противъ течения, чѣмъ заставить Каннинга идти противъ своихъ єѣжденій». Но ненависть, какъ любовь, находчива; Торіи истощили все искусство тайной интриги, чтобы отвѣтиться отъ своего мощнаго врага; они «въ иѣсколько мѣ-сяцевъ загнали его въ гробъ». «Но британская нація, говорить Грегъ, инстинктивно презирающая явное неблагород-ство и не допускающая преслѣдованія человѣка, желающаго быть честнымъ, отдала полную справедливость его памяти и никогда отъ сердца не простила его гонителямъ» (Essays on political and social science. By W. Greg. T. P. Стр. 306).

Съ этимъ нравственнымъ инстинктомъ соединяется въ массахъ другое чувство — чувство беспристрастной оцѣнки таланта и его заслугъ. Въ этомъ отношеніи онѣ видятъ гораздо дальше, чѣмъ мы думаемъ. И это понятно. Наши сужденія, перепутанныя личными отношеніями, часто сбываются съ толку затверженными теоріями, или отуманенными самолюбиемъ и завистью, гораздо чаше способны ошибаться, чѣмъ обицій смыслъ. Спросите мнѣніе артиста о его со-

братъ, и вы изъ тысячи отзывовъ навѣрное не услышите десяти справедливыхъ. Обратитесь къ современнымъ критикамъ гениальныхъ людей, и вы не узнаете отъ нихъ ничего кроме двусмысленныхъ похвалъ или безчувственного равнодушія. О Шекспирѣ въ свое время никто изъ литературныхъ судей не сказалъ теплого слова; а между тѣмъ толпы съ восторгомъ шли смотрѣть на его трагедіи. Въ то время, когда критика разбирала по буквамъ вдохновенный стихъ Пушкина, глумилась надъ грамматическими его ошибками, и если не доставало ума, унижала и клеветала на поэта, имъ наслаждалась вся граматная Россія. Необразованное большинство дорожило каждымъ звукомъ его, а образованное меньшинство постаралось прежде временно уложить его въ могилу. Конечно, общественному мнѣнію особенно не развитому опытомъ и воспитаніемъ, часто недостаетъ яснаго пониманія, тонкаго анализа, но оно сердцемъ чуетъ то, чего не постигаетъ его разумъ. Оно измѣряеть цѣну умственной силы бѣеніемъ пульса, раздраженіемъ нервовъ, тѣмъ глубокимъ внутреннимъ ощущеніемъ, которое мы, обыкновенно, замѣляемъ безжизненной рутиной. Во всякомъ случаѣ, оно безпристрастнѣе нашего близорукаго суда. Для него гений — святыня; для насъ — предметъ холоднаго удивленія, если только не преслѣдованія.

Въ Англіи писатель — передовой вождь общественной мысли. Онъ служить самыемъ нѣжнымъ органомъ выражения потребностей, желаній и стремленій своего народа. Онъ действительная сила страны. Ноэль парламента, типографскому станку принадлежитъ главное влияніе въ народной жизни. Онъ, съ быстротой молнии, обобщаетъ взаимные интересы, ежеминутно поддерживаетъ умственное движение, возбуждаетъ и удовлетворяетъ самой разнообразной любознательности, которая растетъ въ прямой пропорціи съ национальнымъ образованіемъ. Даже есть моменты, когда отъ него прямо зависитъ законодательная дѣятельность парламента, который своимъ преобразованіями, улучшеніемъ и зрѣлостью, свѣтлотораго времени, гораздо болѣе обязанъ мечати, чѣмъ отдельнымъ и официальнымъ политикамъ. Этимъ обстоятельствомъ, между прочимъ, объясняется необыкновен-

ное развитіе британскаго журнализа. Бъ одномъ Лондонѣ не менѣе трехъ-сотъ періодическихъ изданій расходится каждый день между читателями всѣхъ классовъ — отъ угольщика до королевы Викторіи. И если одинъ «Times» имѣеть до пятидесяти-тысячъ подписчиковъ (въ одной Англіи), то легко представить, до какой огромной цифры должно доходить число читающей публики. Эта цифра опредѣляетъ одинъ положительный фактъ — потребность гласности. Съ тѣмъ вмѣстѣ, она выражаетъ довѣренность народа своему писателю: и въ этомъ заключается главное его превосходство. Съ одной стороны, онъ пользуется безграшної свободой, съ другой—на немъ лежитъ тяжелая ответственность передъ судомъ общества. Если онъ рѣшаются служить интересамъ касты и частныхъ цѣлямъ во вредъ общему дѣлу, одинъ словомъ, если онъ безсовѣстно лжетъ, его не слушаютъ или презираютъ. Когда Дизраэли, по случаю вопроса о свободной торговлѣ, вдругъ оставилъ свою партію и перешелъ на сторону противниковъ, ему громко замѣтили: «почтенный сэръ, мы въ первый разъ видимъ васъ на этой сторонѣ, и потому не вѣримъ вамъ». (*Disraeli and his political life. London. 1852 г. стр. 19*). Слово *не вѣримъ*—разрушаетъ всю нравственную инициативу писателя или оратора; оно бросило въ лицо Дизраэли передъ лицемъ всего парламента. Въ жизни Роберта Пиля было много подобныхъ скакавковъ; въ послѣдніе годы онъ рѣшительно отрекся отъ своихъ первоначальныхъ мнѣній. Защитникъ католической эманципаціи съ 1829 года, прежде былъ жаркимъ антогонистомъ ея. Въ искренности убѣждений его никто не сомнѣвался, и это спасло его славу; за всѣмъ тѣмъ, на память его осталася горькій упрекъ въ несостоятельности политического характера. Было время, когда великому Пилю не совсѣмъ удобно было въ Англіи или на многолюдной улицѣ.

При такомъ порядкѣ вещей, репутація писателя зависитъ не отъ случая, не отъ маленькаго кружка журнальныхъ сплетниковъ, а отъ сочувствія всего общества; его авторитетъ упрочивается по мѣрѣ содѣйствія народному дѣлу, искренней любви къ прогрессу. Но одной любви недостаточно, однихъ фразъ мало. Если онъ хочетъ дать стре-

млениямъ действительное значеніе, заявить свое имя въ числѣ уважаемыхъ именъ, онъ долженъ изучить национальную жизнь, ея требования и характеръ. Въ этомъ заключается вторая задача его авторскаго призвания.

Англійская наука и литература всегда отличались практическимъ направленіемъ, тѣмъ стройнымъ союзомъ мысли и факта, теоріи и приложенія ея, которымъ мы ничего подобнаго не видимъ на континентѣ. Это направление есть следствіе самой жизни и преоблащающихъ способностей народа. Англо-саксонская порода въ высшей степени реальная порода. Ея гений, въ какой-бы сфере, въ какой-бы моментъ развитія мы ни стали следить за нимъ, вездѣ является гениемъ *опыта*, работа его была трудная и продолжительная, за то прочная и плодовитая. Отрѣзанный океаномъ отъ остального европейскаго міра, развившагося на древне-классической почвѣ, онъ не искалъ источниковъ виѣ, а умѣлъ открыть и разработать ихъ въ самомъ себѣ. Мы можемъ сравнить его съ тѣмъ вѣковымъ шотландскимъ дубомъ, который почерпая жизненные соки въ корняхъ, глубоко заходящихъ въ землю, растетъ и крѣпнетъ самобытно. Отсюда вытекаетъ оригинальность этого гения, которая озадачиваетъ поверхности наблюдателя какимъ-то китайскимъ своеобразіемъ; отсюда строгая послѣдовательность исторического прогресса, уваженіе къ преданию и удивительная способность самоуправленія (*Self-government*). Эта одна способность избавила Англичанина отъ величайшихъ внутреннихъ золъ — отъ виѣшняго деспотизма и полицейскихъ насилий. Его домъ остался неприкосновенной святыней; его семейный очагъ — источникомъ тихаго, но вѣрпаго счастія. Съ первого взгляда кажется неизложимъ, какимъ образомъ страна, достигшая высшей степени цивилизациіи, съ такими многосложными національными интересами, управляетъ безъ систематического свода законовъ, и управляетъ, конечно, лучше Франціі съ ея наполеоновскимъ кодексомъ. Дѣло въ томъ, что для Француза законъ всегда облекался въ лицѣ виѣшней власти, а для Англичанина онъ бытъ потребностью чувства справедливости, или обычаевъ. Первому совершенно не извѣстно чувство личной отвѣтственности и индивидуального достоинства, для второ-

раго оно составляетъ главный актъ человѣческой жизни. У первого жажды формъ и отлпчій доходитъ до какой-то злхорадочной страсти; отъ ребенка и до министра она кружитъ голову всей націи. Сталъ иѣкогда сказала: «Французы будуть доволыны только тогда, когда имъ провозглашатъ конституцію, которой единственнымъ пунктомъ будетъ слѣдующій: «всѣ Французы—чиновники!» Въ самомъ-дѣлѣ, во Франціи болѣе пятидесяти-тысячъ разныхъ должностныхъ лицъ, и администрація имѣетъ въ два раза менѣе дѣлъ и въ десять разъ совершаются хуже, чѣмъ въ Англіи, гдѣ только двадцать-три-тысячи чиновниковъ. Было время, когда Французы безъ позволенія главнаго префекта не могъ огородить дома заборомъ, построить чердака, а Англичанѣ, безъ всякихъ справокъ, заселять цѣлья колоніи, основывали города. Отсутствіе излишней бюрократіи, иѣть сомнѣнія, доказываетъ высокое развитіе законности въ народномъ быту, и обратно. По этому, между прочимъ, Англичанѣ тяжель и остороженъ въ своихъ реформахъ, а Французы, не задумываясь, возмется сочинить конституцію, республику, не только себѣ, но и предписать ее цѣлому миру. Въ «воспоминаніяхъ Мирабо» Дюмонъ очень мѣтко замѣтилъ: «если бъ вы остановили на улицахъ Лондона и Парижа сто человѣкъ безъ различія и предложили имъ создать правительство, девяносто-девять Англичанъ откажутся, а девяносто-девять Франузовъ вознутся. Первые откажутся потому, что для нихъ правительственная перемѣна событие важное, а для вторыхъ не многимъ больше, чѣмъ ребяческая шалость.» Но искрѣнне диаметральная противоположность этихъ народовъ не поражаетъ такъ рѣзко, какъ въ сравненіи ихъ историческихъ судебъ. Исторія Англіи развивается въ ряду постепенныхъ и строго-логическихъ реформъ; тамъ, гдѣ прекращается жизнь одного государственного установленія, возникаетъ другое, болѣе сообразное съ духомъ времени и состояніемъ общества. Притомъ каждый благотворный переворотъ идетъ исподволь: прежде чѣмъ онъ совершился, общественное мнѣніе обсудить, приготовится къ принятію его. Иногда пятьдесятъ лѣтъ нужно па то, чтобы дать вопросу официальное значеніе. Злоупотребленія избрательной системы, какъ

известно, чувствовались еще во времена Бьюрка, но отмѣна ихъ послѣдовала только въ 1832 году. И съ этой поры до настоящей минуты парламентская реформа не останавливается въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи; не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать ей полное осуществление черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Наконецъ въ минуты роковыхъ кризисовъ здѣсь дѣйствуютъ люди умные и опытные. Отъ лорда Чатама до Роберта Поля мы видимъ преемственную генерацію гепіальныхъ государственныхъ мужей. Все па-оборотъ во Франціи. Ея исторія, особенно въ послѣднее полу столѣтіе, состоитъ изъ постоянныхъ реакцій, приливовъ и отливовъ. Въ этомъ хаосѣ республикъ, конституцій и имперій, вы не можете различить ни прошедшаго, ни будущаго ея. Не лм'я ни на волосъ политического воспитанія, она бралась решать самыя капитальныя задачи въ соціальной жизни. Двѣнадцать-милліоновъ ея народа населенія не умѣютъ подписать свое имя и кроме Наполеона I ничего другаго не знаютъ, и рядомъ съ этимъ фактомъ провозглашается всеобщая подача голосовъ. Проникнутая самыми страстными военными инспікторами, всегда готовая воевать, она во-имя-мира объявила новый порядокъ вещей. Исторія этой страны прекрасно выражена на тріумфальныхъ воротахъ, замыкающихъ Елисейскія поля: правая арка носить барельефъ народной немезиды, съ мечомъ въ рукѣ и съ огненымъ взглядомъ; сова эту арку окончила. На другой необходимо было представить Наполеона I въ лавровомъ вѣнѣ и порфирѣ. Девизомъ ея государственныхъ людей можно принять известное выражение одного историка. «*Ils ne savaient faire que deux choses — bien parler et bien mourir* (они умѣли только говорить и умирать.)» Но и этотъ девизъ былъ-бы слишкомъ лестной похвалой ея послѣднимъ представителямъ — Гизо, Тьеру и Ламартину. Они не умѣли стать ни выше интриги, ни выше личныхъ разсчетовъ, когда дѣло шло о счастіи всей Франціи, когда поклонились на ихъ лучшія надежды народа.

Еслибы мы стали приводить эту паралель дальше, мы нашли-бы въ наукѣ, воспитаніи, семейной жизни, въ правахъ и обычаяхъ тоже различие, мы убѣдились-бы въ одной пестинѣ, что глубокая международная ненависть Гальского и

Англосаксонского племени лежит не въ одной исторіи, но въ самомъ нравственномъ ихъ существѣ. Вотъ какъ одинъ изъ превосходныхъ публицистовъ выражается объ этомъ: «Французъ самолюбивъ, беспеченъ, раздражителенъ, всегда мечтающій о совершенствѣ, ищущій неизвѣстнаго и склонный къ абсолютныи идеямъ; онъ постоянно разрушаетъ свое настоящее добро въ нетерпѣльной надеждѣ на лучшее. Англичанинъ точенъ; онъ въ политикѣ знаетъ не болѣе, чѣмъ сколько ему нужно; цѣли его опредѣленыя; онъ не признаетъ то, что устарѣло, отмѣняетъ дурное и не отказывается отъ прошлаго, если оно достойно уваженія. Француза волнуетъ темное желаніе чего-нибудь поваго, необыкновенаго и великаго; онъ лучше соглашается сносить неизвѣстное зло, чѣмъ приняться съ тѣмъ, которое онъ знаетъ. Золотой вѣкъ его въ несбыточномъ, идеальномъ будущемъ; наше счастіе лежитъ ниже, но менѣе безопасно — оно заключается въ прошедшемъ. Французъ любитъ ученыя опредѣленія, теоріи въ политикѣ; Англичанинъ смотритъ на все это съ недовѣріемъ и улыбкой. Первый произноситъ формальныя опредѣленія человѣческихъ правъ, но свои собственные плохо понимаетъ; второй никогда не толкуется о нихъ, но ежедневно исполняетъ и твердо стоитъ, когда касаются ихъ. Первый вполнѣ довѣряетъ своему мнѣнію, хотя-бы никто другой не раздѣлялъ его; второй всегда сомнѣвается, въ правѣ-ли онъ не согласится съ большинствомъ.» (Princ. of social Science. By Greg. т. II. стр. 75 — 76.)

Изъ всего этого ясно видно, на чьей сторонѣ преобладаетъ практическій тактъ и вѣрный взглядъ на вещи. Очевидно также и то, что опытъ, противополагая его отвлеченной мышленію, былъ главнымъ орудіемъ въ образованіи англійскаго генія. Къ нему никогда не прививалась метафизика, не смотря на всѣ попытки ввести ее въ систему университетскаго ученія. Первый великій европеистскій философъ былъ лордъ Бэконъ; разгоняя средневѣковыя тѣши, онъ хотѣлъ дать «свищовыя крылья человѣческой мысли.» Онъ ихъ далъ, поставилъ анализъ и наблюденіе природы единственнымъ правильнымъ методомъ науки. Онъ первый сказалъ: «знаніе — сила,» и можетъ быть великой силой,

если оно основывается на опыте и свидетельствует на массы. Посты Бэкона Англия не сбивалась съ дороги, имъ указанной; не только въ сочиненияхъ ея ученыхъ, но у поэтовъ мы встречаемъ множество практическихъ истинъ, перемѣшанныхъ съ вымысломъ. Главное достоинство Шекспира заключается не въ высотѣ чувствъ и оригинальности образовъ, а въ действительной живописи нашихъ страстей и жизни. Въ романахъ Вальтера-Скотта есть страницы, съ которыми не мѣшаетъ познакомиться агроному и политику. Въ повѣстяхъ Диккенса современная Англия воспроизводится точно, чѣмъ въ историческихъ мемуарахъ Санть-Симона вѣкъ Людовика XIV. Даже у Байрона и Шелли, самыхъ идеальныхъ поэтовъ, можно найти гораздо больше положительныхъ элементовъ, чѣмъ у всѣхъ Французскихъ поэтовъ вмѣстѣ.

У такого народа писатель не можетъ действовать съ успѣхомъ виѣ практическаго круга жизни, безъ знанія ея национальныхъ потребностей. Если онъ хочетъ заставить слушать и раздѣлять свои мнѣнія; его убѣжденія, чувства и вѣрованія должны быть чувствами, убѣжденіями и вѣрованіями всего народа. Согласно съ тѣмъ, воспитаніе съ перваго шага вводить его въ дѣятельную жизнь: въ программахъ школьнаго преподаванія Англійскій языкъ и исторія составляютъ главные предметы; развитіе воли и характера не разрывается съ образованіемъ ума; мальчикъ современемъ можетъ сдѣлаться матросомъ, солдатомъ, посланикомъ, чѣмъ бы онъ ни былъ, но въ немъ прежде всего готовится будущій человѣкъ. Въ университетахъ онъ изучаетъ древне-классическую литературу въ обширномъ объемѣ; изъ нея онъ беретъ тѣ общечеловѣческія начала, безъ которыхъ мы не находимъ смысла въ преподаваніи Греческаго и Латинскаго языковъ. Въ нашихъ университетахъ эти начала убиты немецкой рутиной, и мы знаемъ всѣ, какъ бесплодна для насъ древняя наука. Далѣе, оставляя школьнью скамью, англійскій юноша, съ рѣдкими исключеніями, запасается взглядами наблюденіями посредствомъ путешествій. Если онъ обнаружитъ особенное дарование, рано или поздно его призываютъ къ общественному служенію, на поприщѣ парламентской дѣятельности. Здѣсь онъ окончательно расправ-

ляеть умственные мышцы и прилагаетъ къ дѣлу запасъ готовыхъ свѣдѣній. Поэтому рѣдкій изъ первыхъ министровъ Англіи не оставилъ по себѣ авторской извѣстности, всѣ лучшіе члены настоящаго Уестминстера — замѣчательные писатели. Гладстоунъ, Джонъ Россель, Бульверъ, Гренвиль, Ребекъ, Диизраэли, Уильсонъ, Брайтъ и прочие столько-же знакомы намъ въ политическомъ мірѣ, сколько въ ученомъ или литературномъ. Эта благородная связь таланта съ народнымъ дѣломъ, это справедливое признаніе и довѣріе отличному дарованію возвышаетъ цѣну писателя, а въ лицѣ писателя служитъ пробой государственного человѣка.

Маколэ въ высшей степени національный писатель. Его литературная дѣятельность началась почти въ одно время съ общественной. На тридцатомъ году жизни онъ былъ введенъ въ парламентъ партіей Виговъ. Его имя, какъ отличнаго питомца Кэмбриджскаго университета, какъ превосходнаго сотрудника «Дандібургскаго обозрѣнія», было уже знакомо публикѣ. Кроме литературной репутаціи, онъ имѣлъ право на вниманіе, какъ сынъ Захарія Маколэ и другъ Уинбельфорса — защитниковъ свободы Негровъ. Въ юности будучи свидѣтелемъ жестокаго обращенія съ невольниками по-зорнаго торга «человѣческимъ мясомъ», онъ сохранилъ на-всегда глубокое отвращеніе къ рабству. Основательное классическое образованіе укрѣпило его гуманныя чувства. Съ надеждой на успѣхъ, съ каждой славы, въ цвѣтѣ спѣль и таланта, онъ явился на политической сценѣ.

Время было самое благопріятное. Парламентская реформа (Reform-Bill), такъ давно ожидаемая, наконецъ вступила въ очередь государственныхъ вопросовъ. Вопросъ былъ очень популярный и сложный: онъ за живое задѣвалъ старую аристократическую привилегію, измѣнялъ систему древняго парламента, и касался основныхъ началь конституціи. Дѣло шло о разсмотрѣніи представительныхъ правъ и о сравненіи участія отдѣльныхъ состояній въ законодательной власти. Какъ, обыкновенно, бываетъ со всеми великими реформами никто не предвидѣлъ, какими благодѣтельными послѣдствіями она увѣщается для Англіи и какой серьезный характеръ приметъ на первый разъ. Дряхлый Торизмъ вполнѣ былъ

увѣренъ, что она разрушить конституцію, погубить соединенія королевства. Иначе думало образованное и умное большинство. Общественное мнѣніе встрѣтило реформу съ энтузіазмомъ; повсюду заговорили о справедливости и необходимости предложенной мѣры, повсюду собрались митинги, изъ которыхъ одинъ въ 60,000 человѣкъ видѣлъ изгнанный Карлъ X въ Голландію; отвсюду подавались королю жалобы, просьбы, въ которыхъ умоляли его склонить гордую аристократію на уступку общему дѣлу, времени и обстоятельствамъ. Быль прошелъ парламентъ, принятый большинствомъ 109 голосовъ. Когда эта вѣсть разнеслась по городу, Лондонъ озарился великолѣпной иллюминацией и весело пировала цѣлую ночь. Радость народа скоро достигла послѣднихъ предѣловъ Англіи, которая, послѣ Ватерлооской победы, никогда не испытывала такого искренняго и общаго восторга. Но эта радость скоро перемѣнилась на слезы. Палата лордовъ остановила движеніе быля. Это быль одинъ изъ самыхъ опрометчивыхъ и неблагоразумныхъ поступковъ наслѣдственныхъ законодателей; онъ угрожалъ радикальнымъ потрясенiemъ всей страны. Есть минуты въ народной жизни, когда нельзя повернуть назадъ ея естественного хода, такъ точно, какъ нельзя велѣть юношѣ быть ребенкомъ или ребенку старикомъ. Всѣдѣ за оппозиціей верхней палаты и борьбой ся съ непріятелемъ, поднялись смуты въ главныхъ городахъ, заняли старинные замки и на смутномъ горизонте собиралась страшная буря. Еще одна ошибка, еще одинъ шагъ къ сопротивленію и трудно сказать, чѣмъ-бы кончилась эта единственная драма. Старый герцогъ Грей потерялъ свою популярность и король изъ «отца страны» обратился въ личность, отъ которой ничего не ожидали, которой ни въ чемъ не вѣрили. Наконецъ, съ одной стороны началась сдача, съ другой ограниченія реформы, и дѣло кончилось въ пользу народа. Парламентъ, уравновѣшивъ интересы противоположныхъ партій, вошелъ въ новый періодъ дѣятельности. Съ этой поры онъ сдѣлался, если далеко неполнымъ, то болѣе вѣрнымъ выразителемъ общественнаго мнѣнія; теперь онъ не могъ оставаться глухимъ, по крайней мѣрѣ, къ его настоящему требованіямъ. Прежде онъ былъ

ареной, гдѣ въ четырехъ стѣнахъ, съ закрытыми дверями, обсуживавшись и решались національные вопросы; теперь онъ растворилъ свои двери и вместо 94 впустилъ 159 членовъ. Средніе классы получили доступъ подавать голосъ и охранять свои права съ помошью болѣе безпристрастныхъ и опытныхъ представителей. Наконецъ Виги, побѣдивши Торіевъ, стали въ головѣ правительства. (*History of England. By Martineau. т. II, стр. 42 и др.*)

Маколэ — Вигъ. Торжество его партіи было его собственнымъ торжествомъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ защитниковъ реформы. Нигдѣ и никогда онъ такъ искренно не былъ одушевленъ любовью къ истинѣ, нигдѣ и никогда его познанія, прелестъ языка, энергія характера не проявлялись съ такой силой, какъ въ эту критическую эпоху. Едва заговорилъ тридцатилѣтній молодой человѣкъ, сѣдые лорды обратили на него удивленный взоръ, и соперники почувствовали свѣжаго и мощнаго бойца. Отсюда начинается ораторская его дѣятельность, которая съ небольшими промежутками продолжалась болѣе двадцати лѣтъ.

«Краснорѣчіе въ этой имперіи — власть, говоритъ Фрэнсисъ. Дайте человѣку талантъ, ясное увлекательное и восторженное слово, и его политическая карьера блестательно составлена и упражнена въ иѣсколько мѣсяцевъ» (*Orators of the age. By H. Francis. стр. 2*). Но неужели, въ самомъ дѣлѣ, одного таланта и счастливаго дара силы довольно для истиннаго оратора нашего времени вообще и для оратора Англіи въ особенности? Изъ 658 членовъ парламента, конечно, много людей способныхъ, многие говорятъ хорошо, но очень немногіе выступаютъ за черту носредственности, енც меныше тѣхъ, которые составляютъ себѣ блестящую репутацію въ общественномъ мнѣніи. Первостепеннымъ качествомъ политического оратора должна быть искренность убѣждений. Въ Англіи это тѣмъ необходимо, что въ историческомъ воспитаніи ея было много лицемѣрія и правительственной лжи. Въ ея народѣ сохранилось глубокое недовѣріе къ его предводителямъ, которые подъ маской друзей иногда оказывались злѣйшими врагами. У нея были свои государственные Гартюфы, и Вальполи встречаются чаще, чѣмъ Гамблены и Чатамы.

Разсматривая Маколэ съ этой точки зреія, мы въ правѣ потребовать отъ него отчета въ убѣжденіяхъ, въ правѣ спросить его, въ чемъ заключается его политическая вѣра? Перечитывая его рѣчи отъ первой до послѣдней, мы убѣждаемся, что онъ искренно и пламенно сочувствуетъ прогрессу; онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь, понимаетъ, что человѣчество не можетъ вертѣться на одной точкѣ, что его органическая жизнь предполагаетъ непремѣнное развитіе, стремленіе впередъ. Но кто-же изъ насъ можетъ сомнѣваться въ этой истинѣ, кромѣ развѣ тѣхъ, для кого исторія отъ Сарданапала до Вашингтона — бѣлая страшица, безъ опыта, безъ наставленія, кто дальше своего носа неспособенъ различить ничего въ будущемъ. Любовь къ прогрессу въ душѣ Маколэ не можетъ быть мертвымъ и празднымъ чувствомъ; она должна выражаться въ его мысли, словѣ и дѣлѣ; она должна проникать всю нравственную его жизнь. При этомъ значеніе прогресса пришпмаєтъ множество разнообразныхъ оттѣнковъ въ современныхъ понятіяхъ. Для однихъ онъ составляетъ конкретную истину, ту райскую мечту, во всей прелести восточной поэзіи, которую-бы они хотѣли осуществить разомъ, помимо прошлыхъ уроковъ и будущихъ послѣдствій. Для нихъ есть ни преданія, ни тѣхъ систематическихъ препятствій, о которыхъ ежедневно разлетаются ихъ грезы. Типомъ этихъ людей могъ-бы служить Фурье. Въ то время, когда онъ боролся съ гнетущей бѣдностью, тяжелымъ трудомъ едва приобрѣталь насущный кусокъ хлѣба, въ его воображеніи разцвѣталь новый міръ, полный счастія и гармоніи. Онъ жилъ въ своей фаланстерѣ, какъ мы живемъ въ сновидѣніи. Нельзя не уважать благороднаго желанія этихъ друзей общества, но нельзя и не улыбнуться ихъ увлекательнымъ, но слишкомъ раннимъ мечтамъ. Есть другой родъ прогрессистовъ, болѣе практическихъ, и менѣе взыскательныхъ къ осуществленію своихъ плановъ. Для нихъ въ народной жизни, какъ въ часовомъ механизмѣ, все располагается симметрически, все движется съ математической точностью; каждое колесо, каждый винтъ есть необходимая принадлежность общаго устройства, и стрѣлка не иначе, какъ шестьдесятъ минутъ должна отмѣривать въ часъ. Слишкомъ

крутые повороты въ историческомъ мірѣ кажутся имъ на-
сильственными переломами, бѣдствіями. По мысли ихъ все
должно развиваться постепенно и правильно, какъ- будто
нравственная природа человѣка и ариѳметическая таблица —
одно и тоже. Свѣтлые головы изъ этого разряда умѣютъ
воспользоваться прошедшими опытами и, на случай пужды,
примѣнить ихъ къ будущему; тупые же доктринеры вѣчно
остаются на половинѣ дороги, среди сухихъ формулъ и хро-
нологическихъ списковъ: они легко дѣлаются слѣпымъ ору-
діемъ произвола.... Типомъ этого класса реформаторовъ слу-
житъ Гизо. Но гораздо больше тѣхъ послѣдователей про-
гресса, которые подъ этимъ словомъ понимаютъ какое-то
приказаніе идти впередъ: куда и зачѣмъ идти,—имъ это все
равно. Стадо охотно бредетъ всюду по-звонку и за попут-
нымъ вѣтромъ.

Теперь посмотримъ, къ какому разряду людей принадле-
житъ Маколэ? Замѣтимъ, что преобладающій темпераментъ
умственной организаціи его — историческій. Какъ историкъ,
и притомъ первый историкъ нашего вѣка, Маколэ соединяетъ
въ себѣ всѣ качества, необходимыя дѣписателю. Его гро-
мадная начитанность, освѣщенія геніальныи умомъ, его
пламенное воображеніе, разливающее жизнь на мертвые ма-
теріалы, его неистощимая память и спокойный характеръ,
какъ-нельзя-лучше отвѣчаютъ его историческимъ наклонно-
стямъ. Оль весь живеть въ прошедшемъ; не безъ основанія
упрекаютъ его въ равнодушіи къ современной жизни, къ
тѣмъ обыденнымъ предметамъ, которые окружаетъ его. Не-
удивительно; въ людяхъ этого рода напряженная кабинетная
работа, отчужденіе отъ текущихъ общественныхъ интересовъ,
притупляетъ чувство воспріимчивости впечатлѣній но-
выхъ. Постоянно присутствуя на всемирномъ кладбищѣ че-
ловѣчества, разбирая кости и бренные останки старыхъ дѣя-
телей, они, какъ гробовщики Гамлета, привыкаютъ смотрѣть
съ холодной ироніей на эту погребальную процесію, кото-
рую называютъ исторіей народовъ. Менѣе счастливыя и
спіпатичныя натуры, подобно египетскимъ муміямъ, обра-
щаются въ совершенныхъ мертвцовъ, на которыхъ не видно
тѣлнія, но нѣтъ и духа жизни. Имъ непонятны наши на-

стоящія стопы и слезы, потому что они слышали ихъ много въ минувшія эпохи; имъ чужды наши восторги и смѣхъ, потому что они не понимаютъ ихъ причины. И если ихъ вниманіе иѣсколько лѣтъ было сосредоточено на одномъ пункѣ прошедшаго, этотъ пунктъ, естественно, дѣлается любимымъ предметомъ ихъ мысли, исключительной идеей. Имъ кажется, что только на Римской площади или въ Аѳинскомъ ареонагъ происходила полная драма человѣческаго существованія. Позади и впереди все глухо и бѣдно. Если къ этой односторонности присоединяется, на бѣду, рабское желаніе подслужить патріотизму, они готовы возвести въ поэзію удары татарской плети и прожитое варварство.

Относительно Маколэ отнюдь нельзя сказать этого: гений и живая фантазія не дали ему очерствѣть въ кругу иѣмыхъ собесѣдниковъ, которыхъ онъ впрочемъ предпочитаетъ живымъ; кабинетное его уединеніе освѣжалось общественной дѣятельностью: изъ библіотеки онъ переходилъ въ парламентъ, где жаркая полемика раздражала первы и согрѣвала его сердце; съ береговъ Англіи онъ переплывалъ на берега Индіи, дыша воздухомъ прекраснаго Прованса и бродилъ среди классическихъ памятниковъ Италии. Наконецъ, мы знаемъ личнос отвращеніе Маколэ съ средневѣковой затхлой кельѣ, где такъ стопчески и безплодно трудился бѣдный монахъ, подъ свѣтомъ мерцающей лампы, среди пыльныхъ хартій. За всѣмъ тѣмъ, въ его ораторскихъ рѣчахъ, говорить историкъ. За какую-бы тему онъ ни взялся, его взглядъ невольно обращается къ прошедшему. Никто лучше его не умѣеть объяснить смысла старинныхъ установленій и законовъ, никто яснѣе его не видѣть той тайной нити, которая соединяетъ настоящее съ древнимъ. И какое неисчерпаемое богатство историческихъ примѣровъ, которыс онъ цитируетъ до мельчайшихъ подробностей; какая мѣткость въ сравненіяхъ, проводимыхъ между современными и отжившими формами жизни. Но видимому, неѣть вопроса, который бы онъ не подтвердилъ прежнимъ опытомъ. Эта способность исторического возсозданія въ немъ одномъ развита до такой степени, въ какой она была свойственна Авг. Тьери и В. Скотту. Мы объяснимъ наше мнѣніе примѣра-

и. Такъ, разсуждая о современныхъ бѣствіяхъ Ирландії. Маколэ объясняетъ пхъ историческими фактами. «Нѣть надобности говорить, что состояніе Ирландії должно возбуждать сильное беспокойство. Я увѣренъ, что въ этомъ согласны обѣ стороны Парламента. Эта страна по обширности своей занимаетъ четвертую часть соединенного королевства, и по народонаселенію болѣе, чѣмъ четвертую; плодородіе ея, вѣроятно, превосходитъ всякий равный участокъ въ Европѣ; положеніе ея представляетъ величайшія удобства для торговли, по крайней мѣрѣ, ии чѣмъ не хуже одинаковыхъ съ ней странъ міра; она неистощимая кормилица прекраснѣйшихъ солдатъ, — страна, виѣ всяко сомнѣнія, гораздо болѣе полезная величию и счастію Британской имперіи, чѣмъ всѣ другія болѣе отдаленные владѣнія, еслибъ даже мы увеличили ихъ въ четыре или пять разъ, — страна, болѣе выгодная для насъ, чѣмъ Канада съ Западной Индіей, чѣмъ всѣ наши колоніи на мысѣ Надежды и въ Австралии, со всѣми обширными землями Могола, и эту страну вы довели до такого состоянія, что она вмѣсто источника силы и спокойствія, представляетъ сцену смутъ и беспокойствія. Какъ вы управляете ею? Не во имя любви, а во имя страха, не такъ какъ вы управляете великой Британіей, а какъ вновь завоеванный Сциндомъ; — не въ силу довѣрѣнности народа въ законы и уваженія его къ конституціи, а вооруженной рукой и укрепленнымъ становъ. Еслибъ, кромѣ этого факта вы ничего другаго не знали, то и тогда парламентъ долженъ войти въ изслѣдованіе такого порядка вещей..... Главная причина золъ Ирландії, безъ сомнѣнія, заключается въ ея насильственномъ присоединеніи къ Англіи. Она была жертвой побѣды, и побѣды особеннаго рода. Простой союзъ земли съ Британской монархіей отнюдь не повредилъ бы Ирландію; онъ могъ быть даже благодѣятельнымъ для обѣихъ странъ; но эта побѣда не походитъ на тѣ завоеванія, которыя мы привыкли видѣть въ новой Европѣ. Она не походитъ на соединеніе Лорана съ Франціей или Силезіи съ Пруссіей. Она была побѣдой особеннаго рода, известной въ древнія времена и употребляемой до нашихъ дней грубыми и полу-варварскими народами, — побѣдой одного племенія надъ

другимъ, побѣдої, утвердившій господство Испанцевъ надъ Американскими Индійцами и Маратовъ въ Гваліорѣ. По моему мнѣнію, въ этомъ заключается коренная причина ея бѣдствій. Думаю, что неѣтъ хуже тиранія, какъ тиранія одного племени надъ другимъ. Я полагаю, что неѣтъ вражды между націями, раздѣленными морями и горами, какъ-бы она илъ была укрѣплена долговременнымъ антагонизмомъ, вражды, которая-бы равнялась внутренней затаеной антипатіи между народами, соединенными географическимъ положеніемъ, но никогда не сливавшимися нравственно. Не вы-ли своимъ тиеславиемъ и надменными выходками возбудили въ большей части Англійского народа къ ихъ Ирландскими братиямъ чувство, подобное тому, какое одушевляло Испанцевъ и Маратовъ къ ихъ побѣжденнымъ рабамъ? Можно было надѣяться, что время и цивилизациія залечатъ первоначальное зло, какъ это было въ нашемъ собственномъ отечествѣ. Кельтъ и Саксонецъ, Датчанинъ и Норманъ, здесь сплавились въ одно цѣлое и образовали одинъ Англійской народъ».

«Можно было надѣяться, что подобное соединеніе произойдетъ въ Ирландіи; и я думаю, что оно произошло бы, если-ли не встрѣтились обстоятельства, которыми сопровождалось внеденіе реформаціи въ этой странѣ. Они внесли новые раздоры, растравившіе старыя язвы. Англійскіе колонисты, по примѣру своихъ соотечественниковъ, приняли новое ученіе, а Ирландцы остались вѣрны своей старой вѣрѣ, — одни между всѣми народами европейскаго сѣвера. Тогда прибавилась новая грань разъединенія; теологическая антипатія увеличила прежнюю вражду и одуниевили замѣравшую племенную непависть, продолживъ и закрѣпивъ ее до нашихъ дней.... Къ несчастію, духъ англійской свободы былъ тѣсно связанъ съ свободою теологии, которую ревностно противопоставили католической церкви. И тѣ люди, которые впродолженіе XVII вѣка желали свободнаго правительства, стали на сторонѣ поборошковъ древней религіи, а не противниковъ ея. Съ одной стороны такие борцы, какъ Пимъ, Гамильтонъ и Мильтонъ, при всемъ томъ, что они были знаменитые защитники свободы диспута и религіи, допускали

въ своей вѣротерпимости одно исключение — въ пользу католической церкви. Съ другой стороны, короли, никогда не уважавшіе правъ совѣсти въ протестантскихъ диссидентахъ, всегда готовы были покровительствовать католическихъ подданныхъ. Яковъ I былъ доброжелателемъ ихъ, Карлъ I заступникомъ и приверженцемъ; Карлъ II тайнымъ, Яковъ II явнымъ католикомъ».

«Въ следствіе всѣхъ этихъ событій, продолжавшихся цѣлый вѣкъ, наше рабство и свобода ихъ обратились въ сплошны; все, что въ умѣ Англичанна соединялось съ воспоминаніемъ славы и благосостоянія его страны, въ умѣ Ирландца было воспоминаніемъ разрушенія и униженія его отечества.... Въ теченіе этого столѣтія, католическое народонаселеніе два раза поднималось противъ протестантовъ и дважды было побѣждено, — въ оба раза съ потерей земли, конфискаціей собственности и жестокими наказаніями. Первое восстание было укрощено Кромвелемъ, второе королемъ Вильгельмомъ. Каждый изъ этихъ славныхъ вождей, послѣ побѣды старался ввести свою собственную систему. Система Кромвеля была простая, сильная, строгая и ненавистная; она заключалась въ одномъ словѣ, которое, какъ говорить Кларендонъ, постоянно повторялось англійскимъ войскомъ — «Истребленіе». Что было-бы, еслибы онъ долгъ жилъ — трудно сказать; но цѣль его состояла въ томъ, чтобы истребить въ Ирландіи до послѣдней национальной черты. Кромвель умеръ и планы его были остановлены; политика его изчезла. Мѣры Вильгельма III и его совѣтниковъ, по видимому, были менѣе жестокія, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ дѣйствительно былъ болѣе кроткій. Ирландскіе католики продолжали жить, множиться и населять землю; но они жили какъ спартанскіе Илоты, какъ Греки подъ игомъ оттоманскимъ, или какъ люди чернаго цвѣта въ Пенсильванії. Католикъ былъ удаленъ отъ всѣхъ общественныхъ почестей и выгодъ; каждый шагъ его на пути жизни былъ запутанъ какимъ-нибудь стѣсненіемъ. Если онъ желалъ военной славы — ему говорили пди и добывай ее въ Австріи или Франціи; если онъ чувствовалъ склонность къ политической дѣятельности, онъ искалъ ее въ Италии или Испаніи; но если онъ оставался дома, онъ

былъ чистыи Гибенитомъ — «древосѣкоиъ или водевізомъ».

«Дурные законы, съ дурной администрацией, воспитали и увеличили чувство ненависти. Къ этому періоду и къ этимъ законамъ надо отнести несчастная отношенія между землевладѣльцемъ и фермеромъ, которые искали соціальное состояніе Ирландіи до настоящей минуты. Союзу помѣстныхъ тирановъ, была противопоставлена заклятая злоба сельскихъ разбойниковъ, которые подъ разными именами являлись въ продолженіе всего прошлаго столѣтія. Суды и законы существовали только для господствующей касты».

«Вѣкъ прошелъ; французская революція повѣла новымъ духомъ по всей Европѣ. Партия Якобицевъ вовсе не была союзницей католицизма, но угнетенія и бѣдность производятъ страшныя коалиціи, и коалиція составилась. Третія борьба противъ протестантскаго преобладанія была изложена мечомъ; теперь было долгомъ людей, стоявшихъ въ головѣ правительства, подумать, чѣмъ можно помочь въ періодъ разъяренной Ирландіи. Какъ я ни мало уважаю память Пигга, но если его планъ сравнить съ политикой Кромвеля и Вильгельма, онъ достоинъ похвалы за свою мудрость и благонамѣренность. Соединеніе Ирландіи съ великой Британіей, было частію этого плана, превосходной и существенной, но все-же только частію. Не надо забывать, что предметомъ его была болѣе обширная задача, по она осталась безъ исполненія. Пытъ хотѣлъ соединить не только королевства, но сердца и симпатіи народа». (Speeches By Macaulay. T. II, стр. 58 — 63).

Раскрывъ, въ этой рѣчи, исторически враждебныя отношенія Англіи къ ирландскому народу, Маколэ упрекаетъ правительство въ современныхъ злоупотребленіяхъ власти. Оно, по мнѣнію его, особенно виновато въ томъ, что не только не старалось ослабить эту наследственную племенную ненависть, но разжигало ее своими деспотическими мѣрами. Замѣтимъ, что ни однѣ изъ англійскихъ ораторовъ не защищали Ирландіи, въ послѣднее время, такъ откровенно и мужественно, какъ Маколэ. Въ другой рѣчи отстаивая гражданскія права Евреевъ и необходимость признанія

этихъ правъ, онъ говорить: «я согласенъ, что Евреи не имѣютъ никакого законнаго права на власть, но за 300 лѣтъ прежде они не имѣли никакого законнаго права нахдиться въ Англіи, а за 600 у нихъ не было даже права на собственныя свои зубы; но если мы представимъ другое, правдивое право, то я говорю, что па основаніи всѣхъ начальъ его, Еврей имѣть право на политическую власть». (Speech. T. 1, стр. 6).

Въ слѣдствіе этого исторического взгляда и живой симпатіи съ прошедшимъ, Маколэ отличается тѣмъ благороднымъ консерватизмомъ, который составляетъ характеристическую черту всѣхъ гениальныхъ англійскихъ писателей. Для него неѣтъ ни одной реформы, ни одного государственного учрежденія, котораго бы корни не лежали въ глубинѣ исторической почвы. Поэтому основа политическихъ его убѣждений заключается въ британской конституції. «Я не вѣрю, говорить онъ, общимъ теоріямъ правительства». (Speech. T. I, стр. 12). Но онъ въ то-же время убѣжденъ, что законъ, какъ-бы хорошъ ни былъ, безъ народнаго духа — мертвая буква, что его вигільнія предписанія и внутренняя сила должны совершенствоваться вмѣстѣ съ общественной цивилизацией. «Если противники реформы, продолжаетъ онъ, приписываютъ конституції национальное величіе, то пусть они отнесутъ къ ней-же усѣ народныя иссчастія. Конечно, конституція возвѣсила общественное мнѣніе, распространяла торговлю, обратила варварскія орды, кочевавшія на предѣлахъ Шотландіи, въ лучшихъ земледѣльцевъ міра; конституція улучшила нашп механическія искусства; мы обязаны ей величественными торговыми домами Манчестера и колоссальными доками Ливерпуля; но, съ другой стороны, мы должны въ строгомъ смыслѣ обвинить ее-же въ тяжелыхъ налогахъ, обременяющихъ народъ, который подъ гнетомъ ихъ борется съ застоемъ торговли, промышленности и мануфактуръ, въ ужасномъ положеніи тѣхъ частей государства, где вознагражденіе работника едва достаточно для поддержанія животной жизни; где раззоренный и голодный земледѣлецъ едва существуетъ обыденнымъ трудомъ; где люди возятъ плугъ, подобно вычуныагъ скотамъ, где полночныя зарева и

Отд. I.

13

опустошения пожаровъ часто заявляли нищету и отчаяніе, голодъ и дерзкую беспечность. Почтенные наши противники довольствуются только одной стороной картины, они останавливаются только на вѣшнихъ признакахъ народнаго благосостоянія, и отсюда заключаютъ, что настоящая система въ высшей степени благотворная. Но есть также другіе преобразователи, которые видятъ въ современномъ положеніи имперіи одни бѣдствія и зло.» (Speech. T. I, стр. 93—94). Маколэ не согласенъ ни съ тѣми, ни съ другими. Онъ признаетъ живую силу конституціи только въ той мѣрѣ, въ какой она содѣйствуетъ дѣйствительному благу страны и не противорѣчитъ народному смыслу. «Я знаю, говорить ораторъ, только два способа управления народомъ — посредствомъ меча или общественнаго мнѣнія». (T. I, стр. 58). Послѣднее, по его мнѣнію, составляетъ лучшій критеріумъ прогресса: правительство и общество должны другъ другу помогать, другъ друга поддерживать. «Исторія учитъ насъ, что всѣ великия революціи были слѣдствіемъ разногласія между государствомъ и обществомъ, когда общество возрастало, государство находилось въ застоѣ, не отвѣчало его усовершенствованію». (T. I, стр. 30). Поэтому Маколэ всѣ насильственные перевороты считаетъ непрѣдѣльными реакціями и однѣ побѣды разума и опыта — вѣчными пріобрѣтеніями.

Ясно, что для него неѣть безусловнаго идеала въ политикѣ. Для него всякая форма правленія можетъ быть доброй и злой, смотря по обстоятельствамъ. Самый грубый тиранъ Италии можетъ быть самымъ кроткимъ властителемъ Персіи или Марокко; самая жестокая мѣра въ Америкѣ можетъ быть благодѣтельнымъ учрежденіемъ въ Турціи. Такой, по видимому, равнодушный и безъутѣшный взглядъ на прогрессъ человѣческихъ обществъ близокъ къ лѣнивому и холодному скептицизму его знаменитаго предшественника Гиббона. Иногда, кажется, мы слушаемъ нового Макіавелли, готоваго утверждать, что въ нашей жизніи все зависитъ отъ игры случая и перевѣса силы. Но мы были бы неправы въ этомъ обвиненіи противъ Маколэ. Его скептицизмъ въ религіозныхъ и политическихъ вопросахъ не лишенъ нравственной опоры, на которой мыслитель твердо стоять;

онъ раздѣляетъ съ нами вѣру въ истины, признанныя вѣками и народами; онъ любить справедливость, не въ отвлечномъ ея значеніи, а въ самомъ положительному смыслѣ. Эта справедливость олицетворяется для него въ счастіи народа. Онъ неумолимо преслѣдуется враговъ его, разрываетъ всякую связь съ партіей, если она противорѣчитъ прогрессу, рѣзко и даже колко отзыается обѣ аристократической оппозиціи, и мы нерѣдко въ словахъ вига замѣчаемъ радикала. Есть вопросы, въ которыхъ Маколэ не допускаетъ ни малѣйшей уступки въ пользу времени или обстоятельствъ. Тогда онъ восходитъ на высоту практическаго философа и решаетъ задачу безусловно. Когда парламентъ возобновилъ бывшую уничтоженіе рабства колоніальныхъ негровъ и когда нашлись защитники его, Маколэ отвѣчалъ имъ: «Рабство не было такимъ систематическимъ учрежденіемъ, которое допускало бы переходныя мѣры; оно должно быть уничтожено. Начало его, какъ замѣтилъ Монтескью, было чистымъ, несмѣшаннымъ зломъ. На раба можно дѣйствовать однимъ страхомъ.... Плантаторы и государство были участниками въ преступленіи, поэтому было-бы несправедливо и жестоко возлагать выкупъ невольниковъ на одну изъ этихъ партій, но еще было-бы несправедливо отяготить имъ третію, оскорблennую сторону». (Т. I, стр. 204). Эта любовь къ справедливости народнаго дѣла отнюдь не простирается до обоготворенія толпы, до плоской лести демократическимъ вождямъ. «Я скорѣе готовъ, говорить онъ, сдѣлаться жертвой народной несправедливости, чѣмъ обратиться въ льстеца ея». (Т. I, стр. 150). Когда дѣло коснулось всеобщей подачи голосовъ и ирландскихъ клубовъ, Маколэ подалъ голосъ противъ; но когда возразили, что парламентское преобразованіе уничтожитъ первство англіи, онъ отвѣчалъ такъ: «главное доказательство нашихъ оппонентовъ — въ томъ, что реформа разстронгъ сословіе первъ. Почтенный и ученый членъ стороны Рай ясно призываетъ бароновъ Англіи спасти свой орденъ отъ демократическихъ покушеній, отвергнувъ бывшую

Всѣ эти воззванія и доводы можно истолковать слѣдующимъ образомъ: «объявите своимъ соотечественникамъ, что вы не имѣсте съ ними никакихъ

13*

общихъ интересовъ, никакой симпатіи; что вы можете быть сильны только на счетъ ихъ слабости и возвышены на счетъ ихъ уніженія, что развращеніе и угнетеніе ихъ необходимо для вашей власти, что свобода и чистота выбора несовмѣстна съ существованіемъ вашей налаты. Растолкуйте имъ, что вашъ авторитетъ оціняется не на разумное убѣжденіе, не на обычное ихъ уваженіе, или на право вашей огромной собственности, а на систему общественныхъ золь, несправедливостей, которыя начинаются сознаваться. Отстаньвайтъ привилегіи своего сословія на счетъ нашихъ несчастій; скажите народу, что наслѣдственное перство и представительное собраніе могутъ существовать вмѣстѣ, только по имени; что если онъ желаетъ имѣть налата первъ, съ него довольно одной насыпши, вмѣсто парламента».

«Вотъ совѣтъ, который нашептывается юрдамъ такъ называемыми друзьями аристократіи. Я увѣренъ, что она не послѣдуетъ этому совѣту, но я не могу слушать его равнодушно. Я не могу не удивляться, что онъ сходитъ съ языка тѣхъ-же людей, которые постоянно отылаютъ насть къ исторіи за урокомъ и опытомъ. Смыслили-ли они когда-нибудь, какими послѣствіями сопровождались подобные совѣты прежде? Ноесколько-ли они ту сосѣднюю страну, гдѣ даже отъ глазъ прихожаго иностранца не скрывается великая распущенность и обнищеніе общества? Ходили-ли они по развалинамъ тѣхъ колосальныхъ дворцовъ, которые тянутся по безмолвнымъ улицамъ Сэн-Жерменского фобурга? Видѣли-ли они остатки замковъ, которыхъ террасы и сады покрываютъ берега Луары? Неужели они не знаютъ, что ари-аристократія, обитавшая въ этихъ великолѣпныхъ домахъ и замкахъ, гордая, храбрая и рѣкощная, какую только видѣла Европа, потомъ блуждала въ изгнаніи, просила милости у враждебныхъ правительствъ, рубила дрова въ лѣсахъ Америки или учила французскому языку въ лондонскихъ школахъ. Но почему она паля? Почему она разсѣялась по всему лицу земли, потеряла свои гербы и титузы, оставила парки и дворцы среди опустошеннія, передала свое наслѣдіе иностранцамъ? Потому что у нея не было никакой симпатіи съ народомъ, никакого вниманія къ признакамъ

времени; потому что, съ надменнымъ и честивымъ сердцемъ, она называла людей, которыхъ совѣты могли-бы спасти ее, мечтателями и утопистами; потому что она не хотѣла дозволить никакой уступки до той минуты, когда всякая уступка была бесполезна». (Т. I, стр. 49—50).

Такимъ-образомъ, Маколэ, освѣщая путь ораторской дѣятельности съ одной стороны преданіямъ Англіи, съ другой яснымъ пониманіемъ современныхъ интересовъ, представляется намъ въ высшей степени практическимъ мыслителемъ. Онъ убѣждаетъ своихъ слушателей съ такой силой, что рѣдкій изъ его противниковъ возражаетъ ему въ другой разъ: это неотразимое вліяніе тантся не столько въ его умственной логикѣ, энергіи мысли, сколько въ глубокомъ знаніи своей страны. На этомъ полѣ онъ непобѣдимъ. Притомъ не надо забывать, что Англіачанинъ легко поддается обаянію своей старины; онъ любить ее, потому что дорого купилъ лучшія воспоминанія. Завѣтъ его предковъ не духовное завѣщаніе ищаго, не оставляющаго потомку ничего, кроме сумы и неизвѣстнаго будущаго. Въ этомъ завѣщаніи есть много сокровищъ, которыми могутъ воспользоваться не только настоящія, но и грядущія поколѣнія. Наконецъ, убѣдительному слову Маколэ много помогаетъ поразительная ясность въ постановкѣ вопроса и выраженіе его. Кристальная чистота рѣчи, блескъ и богатство ея, гармонія періода, въ самомъ демократическомъ языкѣ, не имѣющемъ ни грамматики, ни риторики, удивляютъ совершенствомъ. Авторъ «Історіи Англіи» въправѣ сказать о себѣ: «что не ясно въ моемъ словѣ, то не мое».

Но рядомъ съ этимъ неоспоримымъ достоинствомъ, въ ораторѣ есть очень важный недостатокъ — отсутствіе сердца. Онъ не волнуетъ ни одной страсти, не трогаетъ чувства: онъ холоденъ, какъ присланый судья, спокойно читающій смертный приговоръ надъ преступникамъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ намъ французскаго оратора — Гизо, съ тѣмъ различіемъ, что авторъ «І цивилизаций Европы», по выражению Прудона, вытягивался во весь ростъ на кафедрѣ, когда обращался къ народу, и пригибался чуть не до земли, когда говорилъ королю. Маколэ неспособенъ,

да и не смѣть-бы показать неумѣстную сардническую улыбку или тонъ презрѣнія тому обществу, среди котораго онъ живетъ и дѣйствуетъ. Недостатокъ патетического элемента въ его рѣчахъ тѣмъ опутительнѣе, что содержаніемъ ихъ были самыя пародныя темы. Массы живутъ чувствомъ и воображеніемъ. Умственное развитіе, доставшееся въ удѣль высшимъ и въ иѣкоторой степени среднимъ классамъ, недоступно имъ. Осужденныя бороться всю жизнь изъ-за дневнаго проиштанія, лишенныя эстетическихъ наслажденій и опѣленныя всевозможными предразсудками, они не имѣютъ ии средствъ, ии времени запасаться даже элементарными познаніями. Кругъ ихъ свѣдѣній ограничивается тѣми наступными предметами, которые крайне необходимы для материальнаго ихъ существованія, и то не всегда. Но по закопамъ природы, чѣмъ меньше работаетъ нашъ умъ, тѣмъ больше дѣйствуетъ воображеніе: это мы видимъ на дѣтяхъ и на всѣхъ младенческихъ обществахъ. Не сдержанное размышеніемъ, предоставленное полному произволу своихъ творческихъ инстинктовъ, оно населяетъ міръ тѣми фантастическими явленіями, которые обращаетъ въ свою пользу жрецъ, поэтъ и обскурантъ. Оно держитъ невѣжественные классы въ пропасти тѣхъ заблужденій и ошибокъ, за которыя Платонъ выгналъ Гомеровъ изъ своей республики. — Поэтому, чтобы дѣйствовать на массы словомъ, мы должны разсчитывать не столько на холодное убѣжденіе ихъ ума, сколько на возбужденіе чувственныхъ способностей. Нашъ отвлеченный языкъ понятенъ имъ только тогда, когда облекается въ образы, онъ увлекаетъ ихъ, когда говоритъ чувству или страсти. Въ этомъ отношеніи Маколэ далеко не народный ораторъ, и еслибъ онъ явился на мѣстѣ Брайта въ многочисленной аудиторіи, наполненной работниками, его рѣчь не имѣла-бы и половины того успѣха, которымъ пользуется бирмингамскій представитель. Между тѣмъ Брайтъ не имѣеть и третьей доли классического образования и умственной силы Маколэ. Но первый, обращаясь къ народу, говорить его языкомъ, будитъ его инстинкты, воспламеняетъ энтузіазмъ, въ одно и то-же время заставляетъ мыслить и наслаждаться, и народъ отъ души ему рукоплещетъ. Безстра-

стіс Маколэ, независимо оть его природы, объясняется тѣмъ, что онъ ораторъ старой англійской школы, воспитанный подъ вліяніемъ Чатама, Бьюрка, Фокса и Шеридана. Это были гордые парламентскіе бойцы, дѣятели великаго вѣка; они входили въ парламентъ, какъ гладіаторы въ амфитеатръ или актеры на сцену. Ихъ напудренные парики, батистовые манжеты, ловкіе жесты и умѣнье владѣть собой въ обществѣ, придавали имъ изящный внѣшній видъ; аудиторіи ихъ состояли изъ лучшихъ, избранныхъ умовъ своего времени; предметами ихъ совѣщаній были общечеловѣческие вопросы, которые занимали вниманіе всего образованнаго міра; дебюты ихъ были самые драматическіе, оживленные личной полемикой и веселымъ юморомъ. Послѣ парламентскій реформы все это измѣнилось. На одной скамейкѣ уестминстерскаго сената съ потомкомъ герцога Бедфорда усѣлся потомокъ вульвичскаго мясника; въ одной залѣ собрались представители тѣхъ сословій, которыхъ еще такъ недавно чистосердечно презирали другъ-друга, духъ дѣловой и разсчетливой буржуазіи внесенъ въ парламентъ; интересы разсужденій приняли болѣе национальный, но съ тѣмъ вмѣстѣ и болѣе узкій характеръ. Многіе изъ настоящихъ членовъ не имѣютъ понятія ни о философіи, ни о внѣшнихъ потребностяхъ человѣчества; они предпочитаютъ ариѳметическія фигуры риторическимъ, фунты, шиллинги и пенсы — цвѣтамъ поэзіи; они цѣлую жизнь обращались между биржей и пристинью, между конторой и лавочкой, а не между великоклѣпнымъ британскимъ музеумомъ и ученымъ кабинетомъ. Вирочемъ, послѣдніе тридцать лѣтъ въ умахъ всей Европы совершился переворотъ: вмѣсто оратора и поэта воспитывается смышленый государственный человѣкъ и банкиръ. Среди этого новаго поколѣнія пришлося дѣйствовать Маколэ. Можетъ быть, многіе его не понимали, многимъ художественная рѣчь, его безпрерывныя цитаты, его философскіе взгляды казались странными. Не встрѣтивъ полнаго сочувствія въ своемъ собраціи, видя себя въ кругу людей съ другими понятіями и наклонностями, имѣя дѣло большою частію съ предметами, неспособными одушевить гениальнаго человѣка, онъ, естественно, могъ охладѣть къ

своему призванию. По крайней мѣрѣ, первыя его рѣчи лучше послѣднихъ. Притомъ, сколько мы знаемъ, у Маколэ нѣтъ ни терпѣнія, ни способности къ администраціи, которая такъ нужна парламентскому дѣятелю; онъ съ величайшимъ удовольствіемъ перечитаетъ до послѣдней буквы Аристотеля, но неохотно займется какимъ-нибудь министерскимъ отчетомъ о современномъ состояніи Индіи. Мы увѣрены, что изъ него вышелъ-бы самый плохой членовникъ нашей казенійной палаты. Но намъ могутъ возразить: какое дѣло парламентскому оратору до народа, когда онъ говоритъ въ аудиторіи людей, большую частію образованныхъ и умныхъ? Онъ произносить свои рѣчи не на форумѣ, не передъ толпой, а передъ трибуной спикера, надъ сводами монументальной залы. Это —такъ; но его рѣчь, иногда, прежде чѣмъ онъ окончитъ ее, читается всѣмъ Лондономъ; черезъ нѣсколько дней повторяетъ ее вся Англія. Рѣчи Маколэ имѣнно такого рода, и ихъ будетъ читать не одно поколѣніе. Къ сожалѣнію, онъ будуть настольной книгой одного образованнаго класса, но никогда не вызовутъ сочувствія въ ширишихъ рядахъ, гдѣ слово замѣчательнаго мыслителя всегда приноситъ двойной плодъ. Наконецъ замѣтимъ, что въ ораторскихъ способностяхъ Маколэ не достаетъ вѣнчанихъ качествъ, не лишенныхъ вліянія. Его голосъ отягачается монотонностію, столь рѣдкой у его сѣверныхъ соотечественниковъ Твида, тѣмъ-же безстрастіемъ, которое отнимаетъ жизнь у его чувства. Онъ низкаго роста, круглой осанки, и вовсе непривлекательной манеры. Голова торчитъ на его плечахъ прямо, какъ неподвижный штицъ. Но все эти диспропорціи искупаются прелестью глазъ, полныхъ глубокаго выраженія мысли и знанія; на его открытомъ и широкомъ лбу вы останавливаете глазъ съ удовольствіемъ. Если-бы Пальмерстона и Маколэ заставили говорить передъ собраніемъ американскихъ дикарей, они непремѣнно предпочтли-бы первого, потому что онъ въ физическомъ размѣрѣ цѣлой головой выше втораго.

Но что гораздо важнѣе, у Маколэ нѣтъ дара импровизаціи. Привыкнувъ постоянно работать въ кабинетѣ размышленіемъ, всегда сосредоточенный въ себѣ, онъ не на-

ходитъ готовой рѣчи во всякую минуту, по крайней мѣрѣ, она не повинуется ему такъ легко, не выражается такъ изящно, какъ послѣ приготовленія. Впрочемъ, кто-же можетъ требовать, чтобы ораторъ, какого-бы таланта онъ ни былъ, могъ во всякое время, на каждую тему, такъ блистательно говорить какъ Маколэ. Въ этомъ случаѣ гораздо выше его маленькой Джонъ Россель.

За всѣмъ тѣмъ парламентское краснорѣчіе Маколэ на-долго останется памятникомъ англійского слова. «Народный голосъ, говоритъ Фрэнзисъ, ставить Маколэ въ числѣ первостепенныхъ нашихъ ораторовъ». Когда онъ присутствовалъ въ парламентѣ, его рѣчи были праздникомъ для старыхъ лордовъ, слышавшихъ Канинга и помишихъ Фокса. «Когда проносится слухъ, говоритъ очевидецъ, что Маколэ будетъ говорить объ особенномъ вопросѣ, эта новость какъ талисманъ дѣйствуетъ на членовъ. Кто не участвуетъ въ самомъ парламентскомъ засѣданіи, тотъ приходитъ на хоры, въ галереи или библіотеку, боясь опоздать и утратить необыкновенное умственное наслажденіе; и какъ только встаетъ ораторъ, парламентъ, какъ-будто по магическому жезлу, наполняется множествомъ людей, не сходящихъ съ мѣста до тѣхъ-поръ, пока слышится его голосъ.... Если онъ приготовится къ рѣчи, тогда является раньше, чѣмъ обыкновенно, стараясь говорить до обѣда, когда его память свѣжка, когда жаркая атмосфера залы, поздній вечерний часъ и одушевленные споры еще не утомили его. Въ это время, собраніе членовъ обыкновенно бываетъ многочленіе. Открывается дебютъ, Маколэ встаетъ или лучше вскакиваетъ съ лавки, и прямо, безъ предисловія, заходить въ самое сердце предмета. Нѣсколько минутъ вы слышите тошкое альто, съ необыкновенной быстротой звенящее словами, и вы скоро догадываетесь, что говорить человѣкъ вовсе недюжины разбора. Еще нѣсколько минутъ, и весь парламентъ оживляется, со всѣхъ сторонъ слышатся одобрѣнія,— и вы неутомимо слѣдите за его истощимой рѣчью, въ которой онъ, кажется, никогда не остановится, даже на главныхъ пушкахъ. Онъ спѣшитъ и спѣшитъ, никогда не нуждаясь въ словахъ, не останавливался за мыслями, даже не

переводя духа; и чѣмъ дальше, тѣмъ больше сила его мысли, тѣмъ полнѣе развивается предметъ со всѣми возможными доводами и поясненіями, тѣмъ ярче освѣщается путь, проходимый этимъ гигантомъ, пока наконецъ онъ не доходитъ до заключенія, — столь яснаго, удивительно ловко вѣнчающаго всю его рѣчъ, и если удивленіе начало ослабѣвать, подъ конецъ опо снова возбуждается, и слушатель остается побѣжденнымъ и уничтоженнымъ этимъ потопомъ идей и движений, которыя властвовали надъ нимъ». (*Orators of the age. Macaulay. By Francis*).

Такой талантъ не могъ оставаться незамѣченнымъ въ Англіи. Общественное мнѣніе рано увидало его и открыло ему блестящую государственную и громкую литературную извѣстность. Помимо партій и аристократическихъ связей, единственно въ силу своихъ заслугъ и дарованій, Маколэ былъ представителемъ второй британской метрополіи и недавно возведенъ въ достоинство лорда. Но не имя лорда должно быть дорого геніальному человѣку: оно блѣднѣеть передъ той обще-европейской славой, которую онъ раздѣляетъ съ В. Скоттомъ и Диккенсомъ. Его читаетъ, имъ паслаждается не одна Англія, но весь образованный міръ: вдвойнѣ завидный удѣль высокаго ума: онъ дѣлаетъ честь своему народу и служитъ на пользу всему человѣчеству.

Г. Благосвѣтловъ.

ПѢСНЯ ПРО КНЯГИНЮ УЛЬЯНУ АНДРЕЕВНУ ВЯЗЕМСКУЮ.

(посвящается Князю Петру Андреевичу Вяземскому.)

Что — летить буйный ветерь по берегу;
Что — летить и Тверца по-подъ берегомъ, —
Да летить она — брызжетъ слезами горючими....

Буйный быструю дощанивалъ:
«Ты по комъ — по чёмъ, лебёдунка,
Встосковалась — закручинилась,
Что слезами разливаешься,
О пороги убиваешься?
Передай тоску ми́й на-руки,
Перекинь ми́й горе за-плечи:
Унесу тоску я за-море,
Горе ибо-илю размыкаю.»

Поплыла белой лебедью быстрая,
Повела она речь тихимъ пошепотомъ....
Богу вѣсть, что промежъ было сказано,
Только взвихрился буйный, разгнівался,
Закрутился по чисту — илю
И понесся на синё — море....
Горе онъ размыкалъ ибо-илю,
Да тоски не спесь онъ за-море:
По пути тоска распѣлася.

Въ ночьку темную — осеннюю,
Ходитъ вѣтеръ вдоль по улицѣ,
Ходитъ буйшій, распѣвающи
Подъ воротами, подъ окнами.
Дѣды старые-бывалые
Пересяли пѣсню буйшаго —
Малымъ внукамъ её пересказываютъ:
Коль по сѣрдцу приидѣтъ, такъ и слушаютъ.

Было въ городѣ во — Новомъ во — Торгу,
Объ вечерияхъ, въ самый Духовъ-День случилося....

Выходили Новоторжане
Изо всѣхъ воротъ на улицу —
Старшки посидѣть на завалинкѣ,
Подъ берёзками окрошенными;
Пошумѣть, поговорить, пображничать.
А старухи-то ихъ ужъ и поготово:
Разгулялись и забражничали,
На цвѣтной хороводъ заглядѣвшіи:
У иной изъ нихъ горе — невѣстушка
Бѣлошеею лебедью плаваетъ —
И уплыть — ис-уплыть ей отъ сокола;
У другой девка — дочь подневѣстилась,
Молодою зоринцею вспыхиваетъ....
По посаду — народъ, по людямъ — хороводъ:
Что на парняхъ рубашки кумачные,
Сарафаны на девкахъ строчёные....
Да и солнышко — ярышко
Разгорѣлось для праздника:
Пышетъ красное въ полнеба полымя
На лѣсѣ, на дубровы дремучія,
На поля, на луга — на поѣмные,
На Тверцу-рѣку, на-городъ,
На Соборъ — золоченныя маковки,
И на всѣ, что ни есть, православное.

Ай люли-люли! льётся пѣсенка,
 Ай люли-люли! хороводная:
 Не одно плечо передёрнуло,
 Не одинъ-то взоръ притуманило.
 Веселись, народъ, коль весна цвѣтеть,
 Коль въ поляхъ красио, въ закромахъ пошио,
 Коль съ заутрень-день подъ росой бѣаѣль,
 Коль по вечеру вѣдро прімѣтливо,
 Да и ночь не скунится казною Господнею —
 Разсыпаетъ съ плеча звѣзды лесныя,
 Только жемчугъ окатный съ алмазами крупицами,
 Что по бархату, по небу катятся.
 Веселись народъ, коль Господь дастъ
 Князя крѣпкаго, съ вѣча да съ волошками,
 Да просторъ на четыре сторонышки.
 А что крѣпокъ на княженьѣ Юрий-князь,
 Крѣпокъ онъ, Осударь — Святославовичъ 1)
 Прогадалъ онъ Смоленскую отчину,
 Не умомъ, не мечомъ — Божьей волею,
 Прогадалъ во грозу перехожую,
 А въ Торжкѣ подъ Москвой,
 Онъ, что дубъ подъ горой,
 И грозу поднебесную выстоитъ:
 Отъ Татаръ, отъ Литвы отбиваестся,
 Всякимъ дѣломъ мірскимъ управляется,
 Держитъ столъ стариною и пошлиною.

Ай люли-люли! льётся пѣсенка,
 Ай люли-люли! хороводная.
 Заплетися-плетень-расплетися,
 Веселись народъ, оглянися —
 По землѣ весна переходчива,
 Въ небѣ солнышко перемѣнчиво.
 Вотъ тускинѣть оно, будто къ осени,
 Вотъ вѣнецъ лучи съ себя скинуло,
 Вотъ убрусъ, шитый золотомъ, сбросило,
 Стало мѣсяцемъ малымъ сумеречнымъ,

1) См. примѣчаніе.

И рога у него задымлися,
 И легла по земле тень багровая,
 И проглянули звезды, что въ полночи....
 Испугалася тутъ Новоторжане —
 Стали вѣче звонить, во весь колоколъ....
 А князь Юрий Смоленскій дослышилъ:
 Какъ ударили въ колоколъ, такъ онъ и на площадь,
 Шапку снягъ, поклонился счастливо,
 И повелъ съ міромъ рѣчь Княженецкую:

«Господѣ-Новоторжане, здравствуйте!
 Вотъ Господь посыпаетъ намъ знаменіе,
 Да его убояться не надобеть:
 Убоимся грѣха непрощеннаго....
 Вѣленъ Богъ и во гнѣвѣ, и въ знаменіѣ,
 А къ добру, или къ худу — намъ видѣти....
 Я съ проста, да со глупаго разума,
 Смѣю молвить: все такъ и сбываются,
 Какъ Самъ Спасъ наказалъ намъ и въ Евангелии:
 Въ дни послѣдніе явятся знаменія
 Въ небеси, — на звѣздахъ и на мѣсяцѣ;
 Солнце ясное кровью обрызнетъ;
 Встанетъ взращено языкъ на языкъ;
 Встанутъ царства на царства смятѣнныя;
 Братъ на брата, отецъ выйдетъ на сына,
 И предастъ друга другъ, пуще врата,
 И пройдётъ по земле скорбь великая,
 А за тѣмъ, чтобы люди покаялись,
 Со честнымъ со крестомъ, да съ молитвою.
 Осударь Новый-Торгъ, сами знаете:
 По молитвѣ и день занимается,
 И красно Божій міръ убирается,
 И самъ грѣхъ да бѣда, что на комъ ни живеть,
 Покаянной молитвѣ прощается.
 Такъ-бы, вѣ-время, намъ и покаяться:
 Всѣ мы пѣтыe, въ церковь ношенные,
 Всѣ крецѣнныe, всѣ причащенныe,

И казнілъ бы пасть Богъ, православные,
Да не дать умереть непокаянно.»
Говорилъ князь, а вѣче помалчивало,
Въ перепугѣ всѣ къ верху посматривало:
Глядь — анъ солнце и вспыхнуло полымя,
И опять разыгралося по небу.
Вздохнули тутъ всѣ Новоторжане,
Словно бѣремя съ плечъ на земль сбросили.
Загудѣлъ вдоль по городу колоколь,
Растворились двери соборныя,
Повалилъ Новый-Торгъ къ Дому Божему,
А впередъ Юрій-князь — яснымъ соколомъ.
Отслужили молебенъ съ акафистомъ;
Ко иконамъ святымъ приложились,
И пошли ко дворамъ, словно съ исповѣди.
А съ конемъ князя-Юрия конюхи
Въ поводу ужъ давно дожидаются,
И давно удилѣ конь опѣниваетъ.
И ступилъ въ стремя князь, и побѣжалъ трапезовать
Къ своему другу милому, вѣрному,
Ко служилому князю, подручному,
Семеону Мстиславичу Вяземскому.

Какъ у князь-Семеона дворъ — море,
У Мстиславича-свѣта широкое:
Что волной, его травкой подернуло.
Ворота у него и скрипучие,
Да гостямъ-то ужъ болыно отворчивы,
Въ огородѣ кусты и колючие,
Да на ягоду болыно оборчивы.
Красень дворъ, краше теремъ узорочьемъ:
Гдѣ вѣнецъ, тамъ отѣска дубовая,
Гдѣ покрышка — побивка свинцовая,
Гдѣ угрица, тамъ печь изразцовая;
Сѣни новыя понавѣсились,
Не шатаются, не рѣшѣтятся....
Только краше двора, краше тѣрема

Самъ-отъ онъ Семеонъ князь Мстиславовичъ:
 Знать рожено дитя въ пору въ-время,
 Подъ воскресный, заутреній благовѣсть,
 Знать клали его матушка
 Въ колыбель багрецовую,
 Раскачала родимая.
 Отъ востока до запада.
 Не обнѣсь онъ и щенаго братиной;
 Сорокаго пришеръ рогатиной,
 У него жеребецъ купленъ дрого —
 Головою улуснаго бѣтыря,
 У него на цѣлии иѣсь откормленный —
 Взять щенкомъ изъ подъ суки притравленной.
 Красень князь удалой, да не только собой,
 И хозяйкой своей молодой:
 Не жила, не была, п красой не цвѣла
 Ни царица одна, ни царевна,
 Не свѣтила Руси, что звѣзда съ небеси,
 Какъ пиягни Ульяна Андреевна!
 Самородна коса, не наѣмная,
 Свѣтлорусою съ-измала кѣвана,
 Воронёна тогда, какъ подкѣсъ завилося,
 Какъ сердечко въ лебяжія груди толкнулося,
 Какъ зажглися глаза синимъ яхонтомъ,
 Молокомъ напились руки бѣлыя.

Хорошо въ терему князя Вяземскаго:
 Всё у мѣста, прилажено, прибрано,
 Какъ къ Великому, Свѣтлому празднику;
 Вымыть полъ, ометешъ свѣжимъ вѣнникомъ;
 Слюда въ окнахъ играетъ на солнышкѣ;
 Что ни лавка, то шитый полавочникъ;
 Поставецъ серебромъ такъ и ломится;
 А въ углу милосердіе Божіе: —
 Клинический кіотъ рѣзанъ трѣвами;
 Колыхаясь лампада подвѣсная,
 Огонькомъ по окладамъ подсвѣчиваетъ;

А иконы — письма Цареградского,
Всѣ бурмистрскими зернами изаны;
Самоцвѣтные камни на вѣничикахъ.

Столъ дубовый накрытъ бранной скатертью;
За столомъ оба князя бесѣдуютъ;
На столѣ три стопы золоченыя:
Въ первой — брѣга похмѣльная, мартовская,
Во второй — липецъ-медь, на-вѣкъ ставленный,
Въ третьей — фряжское, прямо изъ-за-моря;
По стопамъ ужъ и чарки подобраны.

А княгиня Ульяна Андреевна
Подъ окошкомъ стоитъ и красуется,
Зеленымъ своимъ садомъ любуется:
Развернулись въ немъ лапы кленовые,
Зацвѣли въ немъ цвѣточки махровые,
Зацвѣли — и алѣ, и лазбрево,
Закадили роснымъ, вешнимъ ладаномъ,
На утѣху пѣвуньямъ охотливымъ,
Мекимъ пташкомъ лѣснымъ, перелетливымъ.

Говорить Юрий-князь:

«Не управишься:

Больно вѣлить Литва окаянная,
Все къ ночи, неторенной дорогою.
Какъ ни ставь-ты на сторожѣ, зѣгодя,
Ужъ на что тебѣ парня проворного, —
Такъ и вырѣжетъ, тѣкъ-вотъ и вырѣжетъ,
Что косоу снесѣтъ.... какъ-бы справиться?
Аль Москвѣ отписать?... Охъ!... не хочется
Всякимъ дѣломъ Василею кланяться.»

Говорить ему Вяземскій:

«Чтѣ-же князь!

У меня-бы и кони стоялье,
И дружинники въ полѣ бывалые: —
Прикажи, Осударь, мы ужъ выручимъ —
Будемъ бѣть, Осударь, на пропающую,

Отд. I.

А Литву не отъучимъ, такъ выучимъ.
 Только гдѣ намъ повѣнішь плечо размять?
 Подъ Смоленскимъ-ли, аль подъ Опочкою?
 Аль ходить, такъ ходить, и коней напоить
 Не Днѣпромъ, не Двиной, а Немигою?»
 — «Ладно-бы! молвилъ князь-Юрій, задумавшись, —
 Ладно-бы! чтожъ мы и въ правду хоронимся,
 Отъ Литвы, что отъ бѣса, сторбнимся? —
 — Такъ — прикажешь сѣдлать?
 — «Съ Богомъ, князь Семеонъ!
 Выщемъ чарку на путь, на дороженьку.
 А себя береги: ты покладливый,
 Да ужъ больно подъ бѣрдыши угадливый.»

Оба выпили.... Тутъ-то княгиня Ульяна Андреевна
 И подходитъ.... кровинки въ лицѣ ея не было.
 Молвила: — «князь-Семеонъ, Осударь мой Мстиславовичъ,
 Хоть брани, хоть казни, — правду выскажу:
 Боронись отъ обидчика-нѣдруга,
 Боронися отъ гостя незвѣннаго,
 Коль идетъ не спросясь, не сославшися;
 Встрѣть бѣду, коли Богъ нашлетъ,
 Только самъ, Осударь, за бѣдой, не ходи,
 Головы подъ бѣду, подъ топоръ, не клади.
 А меня ты прости, мой желанный....
 Вотъ стучитъ миѣ, стучитъ, словно молотъ, въ виски,
 Кровь къ нутру прилила, и на сердцѣ тоска.
 Ты прости меня дуру, для праздника,
 Хоть убей, да не ъзи ты въ поле наѣзжее!»
 Покачаль головою князь Вяземскій,
 И княгинѣ шепнуулъ чтѣ-то на ухо:
 Посмотрѣла на образъ, шатнулася,
 Слезы градомъ, что жемчугъ, посыпались,
 И потупившись вышла изъ тѣрема.

Лѣто красное; росы студеные;
 Изумрудомъ всѣ листья цвѣченые;

По кустамъ, по вѣтвямъ потянулися
 Паутинки серебряной проволокой;
 Зажелтели вдоль тына садового
 Ноготки, лятаремъ осмоленные;
 Покраснѣла давно и смородина;
 И крыжовникъ обжегъ себѣ усикѣ;
 И наливомъ сквознымъ свѣтилъ яблоня.
 А клягнилъ Ульяна Андреевна

И не смотритъ на лѣто на красное:
 Все по князѣ своемъ убиваются,
 Все, голубка, его дожидается.
 Видитъ мамушка, Мавра Терентьевна,
 Что ужъ больше княгиня кручинится —
 Стала разъ уговаривать.... Смѣшила
 И, что сваха, уломиша старая;
 Слово къ слову она нижетъ бисеромъ,
 А взгляни ей въ глаза — смотрить вѣдьмою.
 Дверью скрипъ во свѣтлицу княгинину,
 Поклонилася въ поги, заплакала....
 «Что съ тобою Терентьевна?»

— Матушка,

Свѣтъ-княгиня, нѣть мочушки:
 На тебя все гляжу — надрываюся....
 И ростила тебя я, и нянчила,
 Такъ ужъ правды не скажешь, а скажешься:
 Аль тебѣ, моя лебедь хвалынская,
 Молодые годки-то прискучили,
 Что изводишь свой вѣкъ, словно каженница?
 Изъ чего убиваешься пышусту?
 Ну, уѣхалъ-уѣхалъ — вордится!
 Ты покамѣ-то, матушка, смилуйся:
 Не слези спопхъ глазокъ лазоревыхъ,
 Не гони ты зори съ неба яснаго,
 Не смытай и румяница-то, плачуши,
 Не себѣ порадѣй, людямъ добрыпмъ.
 Вонъ сосѣди ужъ что поговариваютъ:
 «Богъ суди-де Ульяну Андреевну,
 Что собой насть она не порадуетъ:

Не видать-де ея ни на улицѣ,
 Ни на праздники въ храмѣ Господніемъ,
 А куды мы по ней встосковалася».
 Не гнѣвись, мое красное солнышко,
 А еще пошепчу тебѣ на-ухо....
 Ошамедии князь-Юрій засыльвалъ:
 «Не зайдеть-ли моль Мавра Терентьевна?»
 Согрѣшила — зашла, удосужившись....
 И глядѣть — не наглядитъ, закручинился,
 Наклонить ко сырой зѣми голову,
 Да какъ бхпеть, мой соколь, всей душенькой :
 «Охъ, Терентьевна-матушка, выручи!
 Наказалъ Новый-Торгъ Спасъ напасть милостивый,
 А меня пуще всѣхъ, многогрѣшнаго.
 Наказалъ не бѣдою напоеною,
 А живою бѣдою, ходячею —
 Во хрущатой камкѣ мелкотравчатой,
 Въ жемчугахъ, въ соболяхъ, въ ломъ бархатѣ.
 Шла по городу красною зорькою,
 Да пришла ко двору чёрной тучею,
 А въ ворота ударила бурею.
 Не любя, не ласкаши, состарила ,
 Безъ ума, что младенца, поставила.»
 Вотъ-вѣдь-что говорить, а я слушаю,
 Да сама про себя-то и думаю :
 Про кого-это оғь миѣ напшептываетъ?
 Ну, отелушала все, поклонилася,
 Да и прочь пошла....»

— Полно ты, мамутика, —
 Говорить ей Ульяна Андреевна —
 Миѣ про князя и слушать тошнѣхонъко:
 Не взлюбила его крѣпко-на-крѣпко,—
 Словно ворогъ миѣ стала, не глядѣла-бы....»
 Разсмѣялася Мавра Терентьевна:
 «Ну-ты, сердце мое колыхливое,
 Какъ расходишься-ты, расколошешься —
 Не унять ни крестомъ, ни молитвою,
 Ни досужимъ смѣшкомъ-прибауткою.»

Охъ-ты, ночь моя, поченька темная,
Молчалива ты, ночь, неповѣдима,
Не на всякое слово отвѣтлива,
А спросить — разсказала-бы много, утайливая....

Ширь-город на дворѣ князя Вяземскаго:
Какъ съ обѣденій ворота отворены,
Такъ-вотъ настежь и къ нбчи оставлены,
И народу набилося всякаго....
Оттого и весь ширь, что *санк* Юрій-князь
На почетъ и привѣтъ щедръ и милостивъ.
Призвалъ стольника княжого Якова,
Говоритъ: «Слушай-ты-неослушайся!
Я-бы съ князь-Семеономъ Мстиславичемъ
Радъ крестами меняться, колъ вызволить;
А за службу его, за гораздую,
Не токмѣ-что его — дворню жалую»....
И пожаловалъ бочкою мѣда залѣжною,
Что насылу изъ погреба выкатили,
Приказалъ выдать тушу свинину увозную,
Приказалъ отрясти онъ и грушу садовую,
Чтобъ и дѣвкамъ княгини Ульяны Андреевны
Было-чѣмъ вечеркомъ позабавиться;
Да копѣекъ Московскихъ серебряныхъ
Въ шапку Якова высипалъ пригоршню;
Не забыть даже пса приворотнаго:
Наказатъ накормить его дѣ-сыта.

Ширь-город на дворѣ князя Вяземскаго:
Конюхъ Борыка подпилъ и шатается, —
Словно руки ему балалайкой оттягиваешь;
Стольникъ Яковъ не пьянъ — что-то нѣвесель;
А ужъ Выдру-псаря больно зѣбраю:
Изгибается онъ въ три погибели
Подъ четыре лады балалачные —
Спирей, фертомъ, татариномъ, селезнемъ,
А Маланья съ Федорою, сѣянныя дѣвушки,

И подшлясываютъ, и подманиваютъ...
 Да ужь чтò-тутъ! И Мавра Терентьевна
 Не одну стопку лишнюю выпила,
 Подгуляла, какъ бтъ-роду съ ней случалося:
 Позабыла, что ночь въ подворотни подглядываетъ,
 Что пора-бы взойти и въ свѣтицу княгинину,
 И лампадку поправить подъ образомъ,
 И постель перестлать, и княгию раздѣть,
 На желѣзный пробой и крючокъ поглядѣть,
 Да привѣстить къ двери цѣпь лужёную....

Позабыли и сѣнныя дѣвушки...

А княгиня Ульяна Андреевна
 Передъ образомъ молится-молится,
 Все земными поклонаами, частыми....
 Отмолилась она, приподнялася,
 Утерла рукавомъ слезы дробныя,
 Сѣла къ зеркалу....

Тихо по-гброду;
 Ночь окошко давно занавѣсила;
 Только съ задворка хмѣльные пѣсни доносятся,
 Да Буянь подъ окномъ кость грызеть и полаиваетъ:
 Знать, спустили съ цѣпи, да съ двора не пошелъ....
 Хоть княгиня сидѣть передъ зеркаломъ,
 А не смотрѣть въ него: такъ задумалась ...
 Вотъ горитъ-опливаетъ свѣча воску ярова,
 Вотъ совсѣмъ догараетъ.... Очнулася....
 Встрепенулася иволгой чуткою,
 Повернула головкой, что всиугнутая,
 И каптуръ стала скидывать, вслушивалась ;
 Да взглянула въ стекло — и сама усмѣхнулася,
 Таково хорошо усмѣхнулася,
 Что вся сила потѣмная сгинула,
 А за ней отлетѣла и думушка черная....
 Засвѣтила княгиня другую свѣчу,
 Что была подъ рукою въ венедскомъ подсвѣчникѣ,

Отстегнула жемчужныя запонки —
И забылъ бѣльй кипенъ плечѣ изъ-подъ ворота....
Турій гребень взяла, расплела свои косы разсыпчатыя,
Стала ихъ полюбовно расчесывать,
Волосокъ къ волоску подбирающи....

Чу? Буянъ забрехалъ, да и смолкъ: — на своихъ....
Вѣрю мамка и сѣнныя дѣвушки?...
Только вѣть — не онъ... Надо-быть, на прохожаго?...
Тиши... мышенокъ скребётъ подъ подполицей....
Клонитъ сонъ.... очи сами слипаются
И....

Какъ крикнетъ княгиня Ульяна Андреевна:
За плечами стоять кто-то въ зеркалѣ!
Побѣдѣла, какъ холстъ, только все-жъ обернулася:
Юрій-князь на порогѣ стоять, шапку скидываетъ
И на образъ Владимиrской крестится....

«Что ты князь?»
— «Доброй ночи, княгинюшка!
Ужъ прости, что не въ-пиру, не вѣ-время....
Ѣхалъ мимо: ворота отворены;
На дворѣ ни души; сѣни отперты —
Что-молъ такъ? Дай взойду хоть непрошенній....
Извини меня, гостя незваннаго,
Да пейся: я самъ, а не оборотень.»

Отдохнула княгиня Ульяна Андреевна,
Только пуще того испугалася,
Заломила себѣ руки бѣлья:
— «Ты ужъ, князь, говори — не обманывай:
Мужу худо какое случилося? — »
— «Что-ты? Богъ съ тобой! Мужъ здоровъ-хонекъ....
Отъ него и сегодня есть вѣсточка —
Передамъ — хочешь что-ль?....»
А глаза такъ и искрятся —
Наразстегнутый воротъ уставились...
Попяла наконецъ, догадалася:

Вся зардѣлася, очи потупила,
 Вся дрожитъ, а рука, что-свинцовая:
 Застегнѣтъ, либо нѣтъ впору запонку....
 А сама говоритъ: — «Благодарствуемъ —
 За себя и за мужа я кланяюсь!...
 Не тебя мнѣ учить, самъ ты вѣдаешь,
 Что бѣда и въ чужую свѣтлицу заглядываетъ,
 Да не къ полночи, князь!... было-бѣ сказано....
 Буде словомъ какимъ я обмолвилась,
 Мужа нѣтъ, стало быть, нѣтъ и разума...
 А что люди у насъ разгулялись, —
 По твоей-же, по княжеской милости,»
 Шапкой Ѹ-земь ударила:
 — «Послушай-же:
 Ты полюбишь, аль нѣть пасъ, Ульяна Андреевна?
 Коль не-волей возьму, такъ ужъ силою
 И въ охабѣ снесу на перину пуховую.»
 Какъ промолвилъ, она развернулась,
 И откуда взялся у ней ножъ — Богу вѣдомо,
 Только въ грудь не попала князь-Юрію,
 А насквозь пронизала ему руку лѣвую...
 — «Такъ-то?» — Только и вымолвилъ — вонъ пошелъ...

А по-утру княгиню Ульяну Андреевну
 Взяли изъ-дому сыщики Княжескіе,
 Обобрали весь домъ, гдѣ рука взяла,
 А ее самое въ порубъ кинули,
 Да ужъ кстати пришибли Буяна дубиною:
 Не пускалъ изъ воротъ ее вынести.

Весель князь-Семеонъ, весель-радошень,
 Правитъ къ Новому-Торгу по-злѣсью,
 А за нимъ цѣлый станъ на возахъ такъ и тянется:
 Все съ добромъ не на житымъ, не купленымъ —
 Бердышемъ и мечемъ съ поля добытымъ.
 Весель князь, видно слышалъ пословицу:
 Удался-бы наездъ, ужъ удастся прїездъ.

Ой неправда!.. Глядь: изъ за кустика,
Почитай-что у самой околицы,
Двое вышли на путь, на дороженьку....
Видить князь: конюхъ-Борька и съ Яковомъ-столыпкомъ
Подбѣгаютъ и въ ноги ему поклонилися,
Быть челомъ подъ копытами конскими...
— «Что-вы, что-вы, ребята, рѣхнулися»,
Аль бѣжали съ чего-нибудь изъ-дому?»
— «Осударь, молвишъ Яковъ, ужъ впрямь, что рѣхнулися,
Не гадавъ подъ топоръ подвернулися:
Вѣдь бѣдою у насъ ворота растворилися,
Все отъ мамушки Мавры Терентьевны....
Я обухомъ ес и пришибъ, вѣдьму старую,
Да повиненъ, что раньше рука не поднялася...»
И разсказывать князю сталь на-ухо,
Чтобы лишнее ухо не слышало.
Конюхъ Борька ему подговариваетъ:
— «И Буяна ни зѣ-что, ни прѣ-что ухлоали...»
Закусилъ губы Князь: — Ладно!.. Съ версту осталося?...»
— «Меньше, Князь-Осударь, тутъ рукой-бы подать.»

Ужъ ударилъ-же Князь аргамака острогами! —
Вихорь-вихремъ влетѣлъ онъ на дворъ къ князю-Юрію,
А ужъ тотъ на крыльце дожидается,
Сѣсть съ коня помогаетъ, взялъ зѣ-руку,
Поклонился до самаго пояса, рѣчъ повелъ:
— «Такъ-то мнѣ, Семеонъ, ты послуживаешь?
Бабѣ, съ дуру-то, волю даль эдакую,
Что пыряеть ножемъ князя стольнаго?
Ну, спасибо!.. И самъ я за службу пожалую!»
Да-какъ хватить его засапожникомъ подъ-сердце,
Такъ снопомъ и свалился князь Вяземскій,
Словно громомъ убило... А Юрій-князь
И не дрогнулъ: глядѣть туча-тучею,
Инда старый за малаго прячется.
Да ужъ тутъ-же, съ сердцемъ, повелѣлъ онъ изъ поруба
И княгиню Ульяну Андреевну выволочь

За ея темно-русую косыньку,
 Руки-поги отсечь повелъть ей, безъ жалости,
 И въ Тверцѣ утопить... Такъ и сбылося:
 Самъ стоялъ и глядѣль, словно камешный,
 Какъ тонула головка побѣдная,
 Какъ Тверца алой кровью багровѣла....

Вѣче цѣлое ахнуло съ ужаса,
 Хоть никто не сказалъ даже слова единаго —
 Потому: Юрій-князь былъ досужливый,
 На противное слово пригрозливый....
 Только знать самого совѣсть зазрила:
 Съ пѣтуховъ собрался, не сказавшия,
 Домъ своею рукою поджегъ, не жалѣючи,
 И сѣжалъ онъ въ Орду тайной тайною —
 И поклона прощального нѣ-было
 Съ Новымъ-Торгомъ и съ вѣчемъ поклончивымъ.

Ужъ догналъ-ли въ Орду, намъ невѣдомо,
 А заѣзжіе гости разсказывали,
 Что прогналъ подъ Рязанью онъ къ пустынѣ,
 Ко Петру-христомюбу, игумену нѣкоему,
 Разболѣлся, да тамъ и преставился,
 Въ кельѣ, и покомъ, въ самое Вздвиженье,
 На чужой землѣ, а не въ отчинѣ,
 Не на Княженѣ, а въ изгнаніи,
 Безъ княгини своей, безъ дѣтей своихъ болѣзныхъ...

Провожали его честно, по княжески.

Да и мы, за его душеньку грѣшную,
 Богу нашему вкуни помолимся:
 «Подаждь, Господи, ради Святой Богородицы,
 Правовѣрнымъ князьямъ и Княженіе мирное,
 Тихо-кrotкое и не мяteжное,
 И не завистное и не раздорное,

**И не расколоное и безкрамольное,
Чтобы тихо и намъ въ тишинѣ ихъ пожилося.»**

Что летить буйный вѣтеръ по берегу;
Что летить и Тверцѣ по-подъ берегомъ,
Да летить она — брызжетъ слезами горючими....

ПРИМѢЧАНІЕ.

Въ велиокняженіе Димитрія Іоанновича Донскаго, на Смоленскомъ столѣ сидѣлъ князь Святославъ Ивановичъ, внукъ Александра, правнукъ Глѣба.

Въ 1386 году 29 Апрѣля, онъ былъ убитъ въ схваткѣ съ Литвою, на р. Весрѣ, подъ г. Мстиславлемъ. Разбивъ княжескую дружину, перебивъ или забравъ въ полонъ бояръ и слугъ, Литовцы иогнали изгоюю къ г. Смоленску, взяли съ города окупъ а на Княжинье, изъ своихъ рукъ, посадили сына Святославова *Князя Юрия*.

До 1395 года, Юрий княжалъ спокойно; и о осеню этого года, именно 28 Сентября, во время поѣздки Князя въ Рязань, къ тестю его Олегу Ивановичу Рязанскому, Литовскій Князь Витовтъ обманомъ взялъ Смоленскъ, выжегъ посадъ, изоронилъ много народа и, ограбивъ городъ, оставилъ въ нёмъ своихъ намѣстниковъ.

Въ Августѣ 1401 года, князь Юрий Святославичъ съ Олегомъ Рязанскимъ опять пришли подъ Смоленскъ, «а въ городѣ,— говоритьъ лѣтопись,— бысть мятежъ и крамола, ови хотяху Витовта а друзіи отчича; Князъ же Юрий сослася съ гражданы, гражданъ же Смоленскіи, не могуще терпѣти налоги и насильства отъ иноверныхъ отъ Ляховъ, и пріяша Князя Юрья, и предавшася и градъ ему отвориша.» Намѣстники Витовтovy были убиты и князь Юрий опять сѣлъ въ своей отчинѣ. Осеню Витовтъ снова приходилъ къ Смоленску, стоялъ подъ пимъ много дней, но города не взялъ и заключилъ перемиріе.

Въ 1404 году, послѣ Насхи, Витовтъ еще разъ пришёлъ подъ Смоленскъ, осаждалъ его 7 недѣль безуспѣшино, и еще разъ отступилъ. Тогда князь Юрий, сославшись съ княземъ Василіемъ Московскімъ, оставилъ свою княгиню и бояръ въ городѣ, а самъ поѣхалъ въ Москву — бить челомъ Великому Князю, чтобы опять принялъ подъ свою руку и его, и всѣ Смо-

ленское Княжество. Не желая измѣнить своему тестю Витовту Литовскому, Великий Князь отказался, а въ это время Витовтъ внезапно появился подъ Смоленскомъ, взялъ его, забралъ въ ильинъ княгиню Юрьеву, Смоленскихъ Князей и бояръ и послалъ ихъ въ Литву, посадивъ въ городѣ своихъ намѣстниковъ, «И князь Юрий то слышавъ, съ своимъ сыномъ Феодоромъ, съжалившися въ горести душа и побѣжа съ Москвы въ Новгородъ Великій; и тамо Новогородци пріяша его съ мпромъ.»

Дальниѣшайшая его судьба тѣсно связана съ горестною участью князя и княгини Вяземскихъ.

Вотъ двѣ выписки изъ Новогородской четвертой лѣтописи, подъ 1406 — 1407 годами.

1. Той же осени Князь Юрий Смоленскій отъѣхъ изъ Новогорода на Москву, и Князь Василей дасть ему намѣстничество въ Торжьку, и онъ ту убилъ исповинно служащаго ему Семеона Мъстиславича князя Вяземского; на его княгиню Ульяну уязвившися окаяннымъ своимъ похотѣніемъ, на его подружіе, она же предоблая мужелюбца мужески воспротившися ему, и земли ножъ удари въ мышицу на ложи его; онъ же взъярився вскорѣ самъ князя ея уби, а самой руки и нозъ цовелѣ отсѣющи и въ-вреши и въ рѣку: и бысть ему въ грѣхъ и въ студъ велики. и съ того сбѣжа къ ордѣ, не теря горькаго своего безвремья и безчестья.

2. Преставися князь Юрий Смоленскій, на Въздвиженіе честнаго креста, не въ своей отчинѣ, но на чужей странѣ въ изгнаніи, а своего княженія лишень и своей княгини и своихъ дѣтей, но въ Рязанской землї въ пустыни въ монастыри у пѣкоего христолюбца игумена Петра; и ту иѣколько дній поболѣ и скончася, и проводиша его честно.»

и. мей.

МАРЛО, ОДИНЪ ИЗЪ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВЪ ШЕКСПИРА.

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОЙ ДРАМЫ.

(Окончаніе.)

Намъ остается разсмотрѣть еще одну драму Марло, безспорно лучшую изъ всего его театра. Около 1592 года давали его Эдуарда II ^(*)). Марло не первый выступилъ на по-priще историческихъ драмъ, поприще столь прославленное въ послѣдствіи Шекспиромъ. Еще до Марлова «Эдуарда» являются многія попытки перевести на сцену діалогизированія хроники, самыя интересныя царствованія Англіи и Шотландіи или тѣ изъ нихъ, о которыхъ сохранилась въ народѣ живѣйшая память. Нѣкоторыя изъ этихъ опытовъ дошли до нась; шные безъ имени автора (5). Историческая драма, продуктъ по преимуществу Англійской, возможный, можетъ-быть, только въ Англіи, и въ Англіи того времени, восходитъ по первымъ началамъ своимъ до эпохи еще гораздо отдаленнѣйшей. Но Марло и на этомъ новомъ поприщѣ явился преобразователемъ; можно сказать, что онъ открылъ и здѣсь путь Шекспиру. Одинъ Гринъ могъ-бы опорить эту славу, но «Бэконъ» его выдержанъ въ сказоч-

^(*) The troublesome Raigne and lamentable Death of Edward the Second King of England: wirth the tragical fall of prond Mortimer. And also the Life and Death of Peirs Geveston, the great Earle of Cornewall, and might favorite of King Edward the Second. As it was publicquely acted by the right honorable the Earle of Pembroke his servantes. Written by Chri. Marlow. Gent. Imprinted his ist at London by Richard Bradocke, for William Jones, doveling neere Holburne Conduit at the sign of the Gunne. 1598. 4-to. 2-е изданіе въ 1612. 4-to. 3-е въ 1622. 4-to. Эдуардъ II внесены въ списки книжной торговли 1592 г.

номъ, романтическомъ тонѣ, который почти и встрѣчается у него одного. Во-всякомъ-случаѣ, «Эдуардъ II» трагедія замѣчательная, свидѣтельствующая о значительной зрѣлости того театра, на который Шекспиръ только-что выступалъ *). Марловъ Эдуардъ II достойно предшествуетъ творцу Генриховъ и Ричардовъ. Есть даже какое-то сходство между приемами Шекспира и Марло. Послѣднему, безспорно, удалось схватить самыя интересныя черты тревожнаго правлѣнія Эдуарда II, передать ихъ съ необыкновенною живостію и поэзіей и внушить къ нимъ, въ читателѣ, живой интересъ. Въ его Эдуардѣ предлагается образчикъ исторіи народной, исторіи по источникамъ не живымъ, но такимъ, въ которыхъ кромѣ самыхъ событий отсвѣчиваются здравый смыслъ народа, его фантазія, всѣ его порывы и стремленія. Такою явилась исторія, когда она въ томъ-же великомъ XVI вѣкѣ, отрясла съ себя вѣковую пыль сухихъ средне-вѣковыхъ хроникъ, такъ понималъ исторію еще самъ Мильтонъ. Хроника Голлиншиеда (Hollinshead) — исторія въ этомъ новомъ духѣ, — была тогда народнымъ чтеніемъ; всѣ знали ее, всѣ судили по ней о временахъ давно-минувшихъ; она служила главнымъ источникомъ Шекспиру — изъ нея-же безъ сомнѣнія черпалъ и Марло живую воду, которой онъ воскре-спѣлъ изтерзанный прахъ Эдуарда и страшные образы лицемѣрной фуріи Изабеллы и кроваваго Мортимера. Судьбы историческихъ лицъ, вызванныхъ на сцену, ихъ мысли и порывы переданы съ поразительной вѣрностію, выражены языкомъ поэтическимъ и сильнымъ, языкомъ совершившо свойственнымъ лицу и страсти, заставляющей его говорить. Вильгельмъ Шлегель сказалъ объ историческихъ драмахъ Шекспира, что «онъ такъ вѣрно схватилъ главныя черты событий, такъ зорко усмотрѣлъ ихъ причины, даже самыя сокровенные, что по нимъ можно изучать достовѣр-

*) Извѣстно, что хронологія Шекспировскихъ пьесъ еще не установлена окончательно. Чальмерсъ (Chalmers), Мэлонъ, Дрекъ выставляютъ каждый свои числа. Раннѣйшая, по общему согласію, изъ несомнѣнныхъ пьесъ Шекспира — это его «Комедія ошибокъ» (Comedy of Errors), написанная по Мэлону въ 1592, въ одинъ годъ съ Эдуардомъ II, а по Дреку и Чальмерсу годомъ раньше.

ную исторію». Отзывъ пламенного поклонника Шекспира надо конечно нѣсколько ограничить. Ни Шекспиру, ни Марло не могла прийти мысль писать строго-фактическую исторію; да такая исторія еще не существовала въ то время; но если мы скажемъ вмѣсто исторіи достовѣрной, исторія поэтическая, народная, проникнутая всѣми думами и интересами великой эпохи, то отзывъ Шлегеля окажется справедливымъ не только въ отношеніи къ Шекспиру, но еще съ болѣею справедливостію въ отношеніи къ Эдуарду Марло. У Шекспира и самыя события, какъ онъ ихъ зналъ, подчиняются законамъ идеала, который онъ носилъ въ душѣ своей. Онъ нигдѣ и никогда не терялся въ чужихъ воззрѣніяхъ, какъ-бы высоки они не были. Въ Марловомъ-же Эдуардѣ нѣть этого внутренняго закона; но за то, тѣмъ нераздѣльнѣе проявляется въ немъ внѣшняя сфера, сфера исторіи, оживленной духомъ и сочувствіемъ народнымъ. Марло опять весь въ своей публике, но къ счастію, на этотъ разъ, требованія ея были иные и гармонировали съ благотворнымъ, прозрѣвляющимъ качествомъ поприща, на которое выступалъ теперь предъ ней Марло. И еще одну важную выгоду извлекъ Марло изъ избранной имъ исторической драмы: она навела его на болѣе обширную характеристику его лицъ. Исторія Эдуарда II не выставляетъ одного лица, которое, какъ Faустъ, какъ Мальтійскій Жидъ, поглощало-бы въ одномъ себѣ всю дѣятельность вокругъ себя, превращало-бы всѣхъ прочихъ въ служебные духи собственного произвола. И самъ Эдуардъ при малѣйшемъ соблюденіи исторической вѣрности, — а близость къ источнику, одинъ изъ перловъ Марлова Эдуарда, — не изъ тѣхъ характеровъ, которые порѣшены и готовы съ первой сцены. Ему надо пройти долгое поприще превратностей, испытаній, муки, чтобы достигнуть просвѣтленія мученичества. Эта необходимость предмета подействовала благодѣтельно на слабую сторону таланта Марло, на характеристику; ему удалось въ Эдуардѣ II стать, п въ этомъ отношеніи, выше прочихъ своихъ драмъ, достигнуть такой художественности, въ которой уже можно предвкушать творенія Шекспира. При всей испорченности Эдуарда II, Марло,

смѣясь надъ трудностями, ничего не скрываетъ изъ его преступныхъ слабостей, не выпуская даже страшныхъ обвинений, распущенныхъ современниками про несчастнаго короля и любимца его *). При всѣхъ слабостяхъ короля, Марло заставляетъ принимать въ немъ живѣйшее участіе, любить его, любить даже любимцевъ его; возмущаться озлобленіемъ враговъ Эдуардовыхъ, не разъ даже спрашивать себя, за что ута злоба? Испытать счастливаго поворота событий вопреки неизбѣжной судьбѣ, все болѣе и болѣе путающей ходъ драмы, просвѣчивающей вѣщай молнией изъ черныхъ тучъ. Марло постигъ, кажется, завѣтную тайну трагедіи, и драмы вообще. Въ сфере бѣдствій короля и страданій народа, онъ выводитъ вѣчную и повсемѣстную исторію: борьбу свободной воли съ сильными искушеніями, съ сѣдѣленіями обстоятельствъ, недопускающими по видимому выхода помимо преступленія. Жизнь человѣка и благо государства, влече-
ніе сердца и суровая обязанность долга, противуполагаются въ рѣзкомъ, по видимому, непримиримомъ контрастѣ. Марло передалъ съ ужасающей ясностью, съ необыкновенною живостію, исторію несчастнаго Эдуарда, павшаго жертвой безграничной приверженности къ любимцамъ, свергнутаго съ престола заговоромъ собственной жены съ перами, убитаго по повелѣнію Мортимера, любовника преступной королевы, павшаго въ свою очередь приговоромъ сына короля-мученика. Всѣ эпизоды и перипетіи этой мрачной драмы выведены съ потрясающей вѣрностію, все связано одно съ другимъ, все идетъ неукротимо, какъ-бы естественно, къ самой ужасной и безчеловѣчнойвязкѣ. Роковую участію короля можно предвидѣть въ первой, еще не преступной улыбкѣ Изабеллы Мортимеру, въ дерзкихъ словахъ, еще невольно вырвавшихся у будущаго убийцы его. Когда-же связь королевы съ Мортимеромъ уже несомнѣна, когда уже заключенъ ихъ адскій союзъ, — тогда всѣ эти мелочи припоминаются читателю, становятся предзнаменованіемъ, подтверждающимися на самомъ-дѣлѣ. Какъ не испорченъ

*) Pour ce qu'il étoit héritle et sodomite, ainsi que on disoit mémement du roi, et pour ce avoit le roi déchassé la roine de lui et pour son enuort. Froissart.

и не преступецъ несчастный король, какъ не оправдывается, ио видимому, горькою неизбѣжностію возстаніе бароновъ — видно однаждъ, что судьбы короля и противниковъ его решаются въ иной, высшей сферѣ. Изъ всего хода драмы видно, что главная провинность Эдуарда въ томъ, что онъ пришелся не по-сердцу своимъ баронамъ, что онъ не таковъ, какимъ долженъ быть король надъ ними. Видно еще, что первы и прелаты не способны быть судьями щадъ имъ, что они живо прикрываютъ громкими словами: народъ, государство и пр. свои собственные дерзкіе и корыстные замыслы. Народъ ропщетъ на заточеніе Эдуарда, Коммуны требуютъ его освобожденія — Мортимеръ и Изабелла вынуждены прибѣгать къ хитростямъ, къ лицемѣрію, — Эдуардъ погибаетъ; но умилостивленныя небеса даруютъ наконецъ истомленному народу короля, въ которомъ желѣзная воля дѣда скрашена непонятою гуманностію несчастнаго отца; короля по-сердцу народу, а не строптивымъ баронамъ, которыхъ онъ съумѣеть держать въ рукахъ.

Дѣйствіе открываетъ Гавестонъ, любимецъ Эдуарда, изгнанный покойнымъ королемъ, обреченный имъ, особой статьей духовнаго завѣщанія, на вѣчное изгнаніе, на вѣчное удаленіе отъ особы资料 of сына. Гавестонъ входитъ *), читая письмо отъ Эдуарда; тѣло отца Эдуардова еще не погребено — а сынъ уже не думаетъ о завѣщаніи отца, о клятвахъ, конечно вынужденныхъ. Первымъ дѣломъ новаго короля призвать къ себѣ своего любимца, своего друга. Гавестонъ уже въ Лондонѣ. Его монологъ кишитъ буйною радостію, нетерпѣливымъ желаніемъ привѣтствовать, прижать къ груди новаго короля своего; брызжетъ и блещетъ сильными и поэтическими метафорами. Отнынѣ Гавестонъ будетъ знать одного короля:

«Прости низкопоклонничество иерамъ,
«Я гну колѣна лишь предъ королемъ».

Вѣсть о призваніи Гавестона ко двору привлекаетъ къ нему трехъ бѣдняковъ. Будущій временщикъ уже проглядываетъ

*) Эта драма не дѣлится на дѣйствія и явленія. Текстъ ограничивается указаниемъ входовъ и выходовъ: enter, exit, exequit, exequit omnes, manet. Нагдѣ также не обозначается мѣстность.

въ обращеніи Гавестона съ ними. Одного изъ этихъ иска-
телей счастія, воина изувѣченного въ битвахъ съ Шотланд-
цами, Гавестонъ отсыаетъ въ госпиталь. Воинъ удаляется
съ проклятіями наглому временщику:

«Процай и пропади отъ руки солдата за то, что за на-
градой отсылаешь его въ гошпиталь».

Гавестонъ мало озабоченъ этой угрозой. Извѣстный
острякъ, онъ видитъ въ оскорблѣнномъ воинѣ «гуся, корчо-
щаго дикобраза, теряющаго перья, въ надеждѣ, что онѣ
вонзятся ему въ грудь». Однако при всей вѣтрениности, онъ
не можетъ не видѣть, что безъ любви ему не устоять.

«Уже-ль однако трудно быть ласковымъ съ народомъ?»
Характеръ гнусный, будто недостойный трагедіи, но Гаве-
стонъ иностранецъ, сынъ яснаго неба Прованса; — откуда
взять ему любовь къ Лондону, къ Англичанамъ? Будетъ съ
него любви къ королю, любви искренней, хоть и не безко-
рыстной, постоянной, какъ ни легкомысленно сердце, въ ко-
торомъ она живетъ. Гавестонъ и симпатиченъ и ужасенъ.
Но такъ-ли онъ виновенъ? Государственное право тѣхъ
временъ обязывало Гавестона вѣриностью и любовью един-
ственно къ королю. Понятія: отчество, народъ, государ-
ство, едва-ли существовали даже по названию. Марло удач-
но схватилъ духъ феодального быта, который впрочемъ еще
живъ въ памяти народа. Любовь Гавестона къ королю спа-
саетъ его отъ совершенного наденія въ глазахъ читателя.
Ненависть къ Гавестону первъ и нечистыя причины ея, не
менѣе того самая юность Гавестона, говорятъ въ его поль-
зу. Два друга Эдуардъ и Гавестонъ съ первыхъ двухъ
сценъ возбуждаютъ симпатію, такъ-что невольно жаль въ
интересѣ драмы, что исторія не позволила Эдуарду оставить
не занятymъ мѣсто своего первого любимца, что въ послѣ-
ствіи дружба Спенсера изгладила изъ сердца Эдуарда па-
мять о Гавестонѣ. Но до-тѣхъ-поръ далеко, а пока Гаве-
стонъ хочетъ окончательно овладѣть впечатлительною душою
короля. То будутъ не воинскія потѣхи, какъ въ-старь, а ко-
медіи, Итальянскія маски (*Italian masques*). Красивые пажи
Гавестона представляютъ предъ очарованннымъ королемъ Діану,
купающуюся среди Пімфъ, и Актіона, нескромно подсматрива-

вающаго ихъ обнаженные прелести; раздраженная богиня пошлетъ ему извѣстную казнь и его растерзаютъ тутъ-же собственные псы (6).

Нить пустыхъ мечтаній легкомысленнаго любщца прерывается входомъ короля и лордовъ. Они выходятъ изъ парламента послѣ коронованія. Гавестонъ становится въ сторону. Уже здѣсь видна жгучая ненависть къ Гавестону лордовъ и епископовъ. Уже теперь всѣхъ смѣлѣе и дерзостнѣе Мортимеръ младшій. Однимъ стихомъ онъ выражаетъ, чего хотятъ бароны, какимъ долженъ быть король, чтобы имъ нравиться; не стѣсняясь никакими соображеніями, онъ говоритъ королю: «Коль вы наasz любите, милордъ, такъ не навидьте Гавестона» *). Ланкастеръ, дядя короля, оба Мортимера, Варвикъ, всѣ они за одно. Онизываются на завѣщаніе великаго Эдуарда, которое должны подъ клятвой исполнить. Они грозятъ, еще не думая возмущаться; Мортимеръ опять говоритъ громче всѣхъ: «прежде, чѣмъ нарушу клятву, пусть моя сабля—отмщеніе врагамъ вашимъ, пусть она спить въ ножнахъ тогда, когда потребуется на службу вашу; а подъ вашими знаменами пусть идетъ кто хочетъ.»

Эдуардъ выведенъ наконецъ изъ терпѣнія:

«Графы и бароны» говорить онъ, «я нѣмѣю предъ вашей дерзостью; но теперь я буду говорить и надѣюсь не даромъ. Я помню при жизни отца, Лордъ Перси съ сѣвера, въ припадкѣ гнева, вызвалъ Мубери въ присутствіи самого короля. За такую дерзость, не будь онъ такъ любимъ Его Величествомъ, онъ-бы лишился головы. Но отъ одного взгляда покойнаго короля смирился неукротимый духъ Перси, и онъ и Мубери помирились. А вы дерзаете въ глаза прекословить вашему королю! Братъ! (обращается къ Кенту) мсти за меня. Пусть ихъ головы съ конца шеста возвѣщаютъ провинность языка.

Однѣ изъ характеровъ, наиболѣе замѣчательныхъ въ драмѣ — это Кентъ, единственный вѣрный другъ короля. У него нѣть недостатка ни въ головѣ, ни въ сердцѣ, онъ впе-

* If you love us, my lord, hate Gaveston.

реди другихъ и на полѣ браны. Кентъ чуждъ грубыхъ интересовъ своей касти. Опала не властна надъ нимъ, какъ и надъ прочими баронами, но за то Кентъ (да еще Мортимеръ, это единственная общая черта между ними) не подкупенъ милостями короля. Кентъ искренно любить короля; но это чувство въ немъ не единственное. Въ немъ пробуждается, и можетъ-быть въ немъ одномъ, темпс сознаніе, что онъ гражданинъ, что онъ имѣеть священные обязанности къ народу, къ государству. Этимъ новымъ чувствомъ опережаетъ Кентъ вѣкъ свой, но себѣ на гибель. Хорошо бы было Эдуарду, если-бы онъ слушался брата; — но Кентъ не можетъ стать рѣшительно и безусловно па сторонѣ короля, участвовать хоть молчаниемъ во всѣхъ его безумныхъ дѣлахъ. Эдуардъ не винитъ его увѣщаніямъ, — Кентъ прорицаетъ, какъ древняя Кассандра, и никогда не находить вѣры въ слова свои. Онъ пристаетъ къ партіи бароновъ, обманутый призракомъ блага общаго, котораго они обзываютъ себя поборникамъ, — пристаетъ къ самому Мортимеру (черныхъ замысловъ котораго не могъ не подозревать вовсе). Но если Кентъ обманутъ, то не на долго. Можетъ-быть и самое сближеніе его съ баронами произошло отъ невозможности стоять въ сторонѣ. Есть, кажется, отдаленное сходство между Кентомъ и Альбани въ королѣ Лирѣ. Но Альбани переживаетъ ужасную катастрофу; ему, прямому и благодушному, но все-таки эпигону, достается добыча, изъ-за которой боролись па смерть исполнены доблести и преступлений. Кентъ-же не такъ счастливъ; онъ самъ уносится вихремъ ужасныхъ бѣдъ, разразившихся надъ преступной главой его брата, — и падаетъ жертвой своей чести, жертвой невозможности согласовать гласа крови съ требованиями долга; онъ гибнетъ отъ безгласности народа, еще не пробудившагося къ сознанію своихъ правъ и силъ, еще не существующаго политически. Опираясь на народъ, который долженъ-быть его идеаломъ, Кентъ совершилъ бы чудеса доблести, — онъ не допустилъ-бы до трагического конца Эдуарда. Послѣ изложenia несчастного брата, когда дерзость бароновъ, злодѣйства Изабеллы и Мортимера, опасенія за будущность, почивающую на главѣ младенца, возбуж-

дли иаконецъ ропоть Коммунъ,—Кентъ ищетъ загладить не-
вольные, какъ-бы невинные проступки, но поздно! Долгіе,
тщетные поиски сдѣлали его нерѣшительнымъ, неспособ-
нымъ воспользоваться счастливою минутою. Къ тому-же
его всегда чуждались собраты — бароны. Мортимеръ сдѣ-
лать ястребинымъ глазомъ за всѣми его движеніями. Не-
рѣшительность сдѣлала Кента подозрительнымъ въ глазахъ
всѣхъ, — его стараются очернить даже предъ собственнымъ
членяникою, сыномъ Эдуарда, будущимъ королемъ. Кентъ
долженъ быть ждать его совершеннолѣтія, чтобъ дѣйство-
вать. Не во-время предирпиятия попытки освободить брата
стоять ему жизни и можетъ-быть ускоряютъ трагическую
смерть несчастнаго Эдуарда.

Таковъ Кентъ, единственное, строго - правственное лицо
въ этой драмѣ, единственная незапятнанная иничѣмъ и без-
корыстная жертва немезиды. Кентъ, по самой натурѣ своей,
не изъ главныхъ дѣйствователей въ нашей драмѣ, а потому
Марло, вѣрный привычкѣ своей: сосредоточивать всю силу
изложенія на двухъ-трехъ главныхъ характерахъ, выводить
его не такъ часто, какъ-бы намъ хотѣлось въ самомъ ин-
тересѣ его созданія. Тѣмъ не менѣе характеръ Кента схва-
ченъ вѣрио и развивается сообразно ходу драмы, къ кото-
рой и возвращаемся. Гавестонъ выступаетъ изъ-за угла,
гдѣ онъ былъ невидимымъ свидѣтелемъ всего происходив-
шаго, и бросается на колѣни предъ королемъ. Радость Эду-
арда не знаеть мѣры.

«Какъ, Гавестонъ! не цѣлуй моихъ рукъ! Обними меня,
Гавестонъ, также, какъ я тебя обнимаю. Къ чему преклю-
няешь колѣни? Развѣ ты не знаешь меня! Я другъ твой,
тотъ-же — ты, такой-же Гавестонъ!»

(*Thy freind, thy self, another Gaveston!*)

Пренебрегая представлениами Кента, король тутъ-же
осыпаетъ милостями своего любимца, дѣлаетъ его верхов-
ными камерленгомъ, тайнымъ секретаремъ короны, гра-
фомъ Корнуоллійскимъ (Корнуолль считался удѣломъ прин-
цевъ крови), королемъ острова Мана. Отнынѣ вся участъ
королевства въ рукахъ временища; онъ судить и рядить
въ высшей единственной инстанціи. Эдуардъ, съ свойствен-

ною слабымъ натурамъ нетерпѣливою пылкостію и потребностію виѣшией опоры, считаетъ себя совершенно твердымъ и безопаснымъ. Онъ уже думаетъ о мести; и тутъ же вымѣщаетъ, только на-первыхъ-порахъ скрѣе съ юношескою опрометчивостью, чѣмъ съ обдуманною жестокостью, обиды себѣ и своему любимцу на епископѣ Ковентрійскомъ, одномъ изъ первыхъ, подавшихъ покойному королю совѣтъ удалить Гавестона отъ сына; епископъ лишается доходовъ, сокровищъ, самого дома своего — и все это отдается Гавестону и принимается съ благодарностью и наглыми шутками. Мало этого, Эдуардъ дѣлаетъ Гавестона епископомъ, а бывшему епископу велитъ быть его капелланомъ. Кентъ и здѣсь предостерегаетъ короля, грозитъ ему справедливымъ ропотомъ бароновъ и негодованіемъ Рима. Угроза непустая!

Разъяренные лорды сходятся; жалуются на новаго графа Корнваллійскаго, дерзкаго, всесильного временщика. Они передразниваютъ его, смѣются надъ нѣжностью къ нему короля и представляютъ въ лицахъ тѣсное обращеніе обоихъ друзей. Возникающая оппозиція произволу короля руководится Римомъ, оскорблениемъ въ лице епископа. Папскій легатъ и примасъ Англіи архіепископъ Контербурійскій, становятся въ главѣ разъяренныхъ бароновъ. Все сговаривается противъ несчастныхъ и уже раздаются неистовые клики:

Въ изгнанье или на смерть Гавестона!

На сцену вбѣгаетъ королева Изабелла. Она «спѣшить въ дремучій лѣсъ прожить въ немъ вѣкъ свой въ горѣ и въ грустномъ одиночествѣ, — король и государь мой теперь уже не смотритъ на меня; онъ дорожитъ лишь Гавестономъ, треплетъ его щеки и вѣшается ему на шею, улыбается ему, шепчетъ ему на-ухо. А на меня онъ хмурится, какъ будто говоритъ: иди, куда глаза глядятъ, съ меня довольно Гавестона.» Эта жалоба королевы даетъ новый и рѣшительный оборотъ совѣщаніямъ недовольныхъ, новый и благовидный предлогъ тѣмъ мѣрамъ, которыя они обдумывали. Надо счасти короля отъ гибельного обаянія, отъ чаръ наглаго любимца. Здѣсь-же въ общемъ собранії всѣхъ при-

родныхъ (*natural*) советниковъ короля торжественно и единодушно положено изречь изгнаніе Гавестону и скрѣпить этотъ приговоръ своими подписями и печатью. А если Эдуардъ не послушается? Мортимеръ и тутъ готовъ съ отвѣтомъ: «тогда мы вправѣ отложитьсь отъ него (*Then may we law fully revolt from him*) и мы изгонимъ хитраго, вкрадчаго Француза или сложимъ головы; но прежде, чѣмъ этотъ день наступить, король лишится короны. У насъ довольно силы и хватитъ духу, чтобы истить сполна».

Однако вымолвить эту крайнюю мѣру, раньше или позже неизбѣжную, дерзаетъ одинъ Мортимеръ. Всѣ прочіе боятся еще и думать о ней. Самъ архіепископъ, который такъ недавно проповѣдывалъ только-что не крестовый походъ противъ оскорбившихъ церковь — самъ онъ запрещаетъ обнажить сабли противъ короля. Сама Изабелла, сколь она ни ненавидитъ Гавестона (а можетъ-быть уже и самого Эдуарда) содрагается при мысли о крови и насилии. «Пусть лучше останется Гавестонъ, пусть Эдуардъ тѣшится съ своимъ любимцемъ, тогда какъ я буду томиться въ грусти и печали, — но не потерплю, чтобы междуособная брань угнетала моего мужа и Государя.» Прощаясь съ лордами, она заклинаетъ Мортимера отъ своего имени щадить короля.

(Farewell «sweet» Mortimer; and for my sake
For bear to levy arms against the king).

Гавестонъ, между-тѣмъ, не боится набѣгающихъ черныхъ тучъ — онъ шутитъ надъ недовольными, надъ главой ихъ Эдмундомъ Ланкастерскимъ. Однако, требование изгнанія Гавестона написано и подписано всѣми духовными и свѣтскими перами. Остается вынудить согласіе короля. Сцена, где король отстаиваетъ своего любимца (а можетъ-быть и собственную независимость) противъ требованій, угрозъ, явного наконецъ насилия, — какъ онъ уступаетъ имъ и не можетъ не уступить, не склонить чела, съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, предъ всемогущимъ Римомъ, которому перы не стыдятся жертвовать независимостю королевства — эта сцена, одна изъ лучшихъ во всей драмѣ.

Мортимеръ младшій. — Имя Мортимера будетъ стра-

шнымъ королю, если онъ не отстанетъ во время отъ пагло проходимца.

(*входяще Король и Гавестонъ*).

Эдуардъ. — Что! Вы ропщете на то, что Гавестонъ здѣсь засѣдаетъ? Такова наша воля, быть-по-сему.

Ланкастеръ. — Ваше королевское величество благо поступили съ новымъ графомъ, помѣстивъ его около себя. Ему не сдобровать на иномъ мѣстѣ.

Мортимеръ старший. — Кого изъ благородныхъ первъ не возмутить такое зрѣлище! Quam male convenient! Смотрите, какіе падменные взгляды бросаетъ, этотъ выскочка!

Пэмброкъ. — Развѣ прилично царскому льву ласкаться къ пресмыкающимся муравьямъ.

Варвикъ. — Презрѣнныи вассаль, который, какъ Фазтонъ, замыслилъ править солнцемъ.

Мортимеръ младший. — Вотъ, вотъ они надутъ, ихъ силы уже надорваны. Имъ не провести насъ суровыми лицами и взглядами.

Эдуардъ. — Схватить измѣника Мортимера!

Мортимеръ старший. — Схватить измѣника Гавестона.

Кентъ. — Таковъ-ли долгъ, которымъ вы обязаны королю?

Варвикъ. — Мы знаемъ свой долгъ, но пусть и онъ знаетъ своихъ первъ.

Эдуардъ. — Куда влечете вы его? Остановитесь или вы умрете.

Мортимеръ старший. — Мы неизмѣнники, къ чему-жъ угрозы?

Гавестонъ. — Нѣть, не грозите, Миlordъ, а платите имъ дѣлами. Еслибъ я былъ король....

Мортимеръ младший. Бездѣльникъ! какъ смѣешь ты говорить о королѣ, ты, что врядъ-ли дворянинъ родомъ.

Эдуардъ. Будь онъ хоть селянинъ, коли онъ мой любимецъ, я заставлю надменнѣйшаго изъ васъ склонять предъ нимъ чено.

Ланкастеръ. — Милордъ! Вы не захотите до того
насть унизить! Прочь, прочь, говорю я, ненавистнаго Га-
вестона!

Мортимеръ старшій. — Туда-же и графа Кента,
который благоволить къ нему.

Эдуардъ. — Коль такъ, такъ налагайте руки на ва-
шего короля. Сюда Мортимеръ, садись на тронъ Эдуарда;
Варвикъ или Ланкерстеръ носите корону мою. Былъ-ли ко-
гда король также ущенъ, какъ я? *)

Ланкастеръ. — Учитесь лучше править пами и госу-
дарствомъ.

Мортимеръ младшій. — Что мы сдѣлали, готовы
мы скрѣпить кровью, жизнью.

Варвикъ. — Ужель вы думаете, что мы можемъ спо-
сить надменность проходимца?

Эдуардъ. — Отъ гнева, отъ нылкой ярости коснѣть
языкъ мой!

Архиепископъ. — Чему вы гибнетесь? Успокойтесь,
Милордъ, и взирайте милостиво на попеченія вашихъ вѣр-
ныхъ союзниковъ о благѣ вашемъ.

Мортимеръ младшій. — Господа, будемъ дѣйство-
вать рѣшительно, станемъ за одно. Или добьемся, чего хо-
тимъ или сложимъ головы.

Эдуардъ. — Такъ вотъ зачѣмъ сошлись вы, гордыя,
шаглые перы. Прежде-чѣмъ отторгнутъ отъ меня моего
доброго Гавестона, этотъ островъ всплыветъ на океанъ и
понесется къ неизвѣданной Индїи. **)

*) *Was wer king thus over — rul'd as I?*

**)

Ere my sweet Gaveston shall part from me,
This isle shall upon the ocean,
And wander to the unfrquented Jnde!

Анахронизмъ конечно, по анахронизму, можно-сказать, чрезвычайно сча-
стливый. Чреда отважныхъ плаваний, открытій новыхъ земель, только-что
перешла отъ Испанцевъ къ соотечественникамъ и современникамъ Марло.
Ихъ отважные походы были предметомъ живѣйшаго сочувствія въ народѣ.
Нубилка Марло, по преимущству народная, встрѣчала безъ сомнѣнія съ

Архієпископъ. — Вы знаете, я легать паны. Именемъ подданства вашего каеодрѣ Петра, подпишите актъ объ изгнанії Гавестона, подписанный всѣми нами.

Мортимеръ младшій. — Отлучите его, коль онъ не согласится. Тогда мы можемъ свергнуть его съ престола и избрать новаго короля.

Эдуардъ. — Такъ вотъ куда вы летите! Но все-же я не уступлю; отлучайтсѧ, изгояйте меня, свирипствуйте, какъ-только можете.

Ланкастеръ. — Не медлите болѣе, Милордъ, рѣшайтесь.

Архієпископъ. — Припомните, какъ вы глумились надъ епископомъ. Или вы изгоните того, кто васъ подвигнуль на этотъ проступокъ, иль я теперь-же разрѣшу бароновъ отъ подданства и вѣрности, подобающихъ вамъ.

Эдуардъ. — (въ сторону) Угрозы не подвѣнутъ дѣла— мнѣ надо говорить ласково. Папскій легать силенъ заставить повиноваться... — (въ слухъ) Милордъ, вы будете канцлеромъ державы, — ты, Ланкастеръ, главнымъ адмираломъ нашего флота,— молодой Мортимеръ и дядя его будутъ графами, а вы, Лордъ Варвикъ, намѣстникомъ сѣвера, мало вамъ этого, подѣляйте отдѣльныя королевства пзъ этой монархіи, дѣлите ее поровну между всѣми вами, — только-бы мнѣ остался какой-нибудь приютъ или уголокъ, гдѣ-бы тѣшился на волѣ съ моимъ Гавестономъ.

Архієпископъ. — Ничто пачь не язмѣнить, мы рѣшились твердо.

Ланкастеръ. — Полно, полно, подписывайте.

Мортимеръ младшій. — Отъ чего-бы вамъ любить того, кого всѣ ненавидятъ?

Эдуардъ. — Потому, что онъ меня любить, какъ и никто въ мірѣ. И одни суровыя, черстыя души могутъ же-

восторгомъ намеки на Америку, на страну, гдѣ открывался новый обильный источникъ для фантазіи, таинственные берега, за которыми скрывались и Эльдорадо и родина Амазонокъ, гдѣ былъ ключъ живой воды, гдѣ благоухали древа райскіи, поэтическія грэзы, которыхъ не были чужды "люди, какъ Чаботъ и Рахэ.

дать погибели моему Гавестону. Вы люди благородного происхождения, вы-бы должны призрѣть его.

Варвикъ. — А вы, сынъ короля, должны его отвергнуть, стыдитесь, подписывайте! И пусть временщикъ убирается.

Мортимеръ старшій. — Убѣдите его, Миlordъ.

Архіепископъ. — И такъ вы согласны изгнать его изъ королевства?

Эдуардъ. — Я вижу, я долженъ и потому нечего дѣлать, согласенъ: я подпишу, вмѣсто черниль, слезами моими.

Мортимеръ младшій. — Король изнываетъ по своемъ любимцѣ.

Эдуардъ. — Подписано, — теперь отиади проклятая рука!

Ланкастеръ. — Давайте мнѣ этотъ актъ, я провозглашу его по улицамъ.

Мортимеръ младшій. — А я иду хлопотать о его немедленномъ отъѣздѣ.

Архіепископъ. — Теперь душа моя спокойна.

Варвикъ. — И моя.

Пэмброкъ. — Добрыя вѣсти простому народу.

Мортимеръ старшій. — Добрыя или цѣль, а онъ здѣсь долго не наживется. — (Лорды уходятъ)

Эдуардъ. — Какъ они спѣшатъ изгнать того, кого я люблю! А для меня они не шевельнулись. Зачѣмъ-бы королю быть подвластнымъ монаху. Гордый Римъ! Ты высаживающій вѣценосныхъ рабовъ; за твои суевѣрные свѣчи, которыми пытаютъ твои антихристовы церкви, я подпалю твое треснувшее зданіе и сравняю съ землей папскія твердыни. Пусть русло Тибра запрудится трупами убитыхъ ксендзовъ, берега его повысятся отъ ихъ могилъ. А вы, первы, ревностныс друзья духовенства, когда я стану королемъ на-самонъ-дѣлѣ, ни одинъ изъ васъ не останется въ живыхъ.» *) Какъ пи жалокъ Эдуардъ, по уже симпатія

*) How fast they run to banish him I lowe!
They would not stir, were it to de me good.
Why should a king be subjeet to a priest?
Proud Rome! that hatchest such imperial grooms,

нублики переходитъ на его сторону. Невольно повторяешь за имъ: «Меня не любить тотъ, кто пнавидитъ Гавестона». *) Къ его вздохамъ по изгнанию любимицъ примѣшиваются вопли о стѣсненной свободѣ; вмѣстѣ съ слезами о разлукѣ съ другомъ, падають изъ очей короли слезы бѣшенства о поруганіи власти своей. Гавестонъ не только предметъ недостойной страсти, игрушка, осориваемая съ ребяческимъ упрямствомъ; но имя его символъ Эдуардовской свободы, ставка въ кровавой игрѣ о власти, о значеніи его короны. Можно ожидать отъ Эдуарда, что онъ въ свое время не отступить, — по прежде нужно, чтобы въ немъ пробудилась энергія, надо пройти ему прежде чрезъ самыя горькія уничиженія. Эдуардъ, Мортимеръ и Изабелла, между которыми дѣлится весь интересъ этой мрачной эпохи, и у Марло — главные столпы его драмы. Мортимеръ не менѣе самого Эдуарда занимаетъ этого ранніго и замѣчательнаго драматура. Изабеллу (общая участъ всѣхъ женскихъ характеровъ, выводимыхъ Марло) надо подъ-часть угадывать, многое дополнять въ ней — трудъ, на который наводятъ впрочемъ ясные очерки Эдуарда и Мортимера, и наконецъ знаеніе Исторіи, на сколько его было у нублики Марло (безъ котораго историческая драма вообще не возможна). Роковая тріада — мученикъ и его мучители — выводятся на сцену у Марло въ уровень. Роковая связь между ними схвачена имъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Какъ-бы уступая наитію тайныхъ силъ магистического сродства, каждый шагъ одного изъ невольныхъ участниковъ въ этой круговой порукѣ, вызываетъ соотвѣтствующій у двухъ другихъ; и все къ одной цѣли, къ одной кровавой развязкѣ. Виѣшишеее вмѣ-

For these thy superstitions taper-lights,
Wherewith thy Antichristian churches blaze,
I'll fire thy erased buildings, and enforce
Thy papal towers to kiss the lowly ground!
With flaughter'd priests may Tyber's channel swell,
And banks raise higher with their sepulchres!
As for the peers, that back the clergy thus,
If I be king, not one of them shall live.

*⁴) They love me not, that hate my Gaveston,

шательство, тяготѣющее надъ самыми сердечными привязанностями несчастнаго короля естественно заставляютъ его дорожить ими, какъ уважѣліемъ свободной воли и все болѣе охлаждаютъ его къ королевѣ. Каждый новый шагъ пѣсчастнаго Эдуарда по этому, можно сказать, вынужденному повріцу, петерпѣливое его движеніе, заставляютъ Изабеллу искать прибѣжница и защищты у Мортимера, а Мортимеру открываютъ глаза, бросаютъ новый свѣтъ на темную стезю его. Эта какъ-бы симпатія антинатическихъ натуръ проводится чрезъ всю драму, обнаруживается во всѣхъ ея эпизодахъ, и въ мелкихъ всего яснѣ; но выписками врядъ ли можно показать всѣ моменты ея; особенно при манерѣ Марло, скжатой, пресыщенной дѣйствіемъ, требующей, можетъ быть, для совершеннаго уразумѣнія всѣхъ соображеній поэта, скорѣе оживленной, художественной ягры, чѣмъ чтенія, хоть и внимательнаго. Марло, какъ уже замѣчено, не щадитъ своего героя. Какъ Эврипидъ, онъ любить выводить царей въ рубищѣ. Таковъ Эдуардъ въ прощальной сценѣ съ Гавестономъ; онъ не можетъ вырваться изъ объятій своего любимица, не можетъ до сыта насмотрѣться на него. Онъ хочетъ спрятать Гавестона гдѣ-нибудь при себѣ отъ глазъ бароновъ, обѣщается обмануть ихъ, велитъ Гавестону ждать скоро обратнаго вызова изъ Ирландіи, куда тотъ отправляется въ изгнаніе, но въ качествѣ памѣстника. Изабелла приходить отравить горькую сцену прощаній. Гавестонъ укоряетъ ее — у злобы глазъ зоркій — въ любви къ Мортимеру. Эдуардъ съ петерпѣлостію балованнаго ребенка осыпаетъ ее дерзкими упреками, грубыми ругательствами.

Чтобы сдѣлаться однимъ изъ ужаснѣйшихъ характеровъ Англійской исторіи, чтобы созрѣть къ злодѣйству, заключиться въ немъ, и самой Изабеллѣ надо пройти чрезъ слезы и уничтоженія. Эдуардъ гонитъ ее изъ дворца и запрещаетъ явиться къ себѣ на глаза, пока Гавестонъ не будетъ снова призванъ ко двору. Изабелла принуждена умолять лордовъ обѣ этомъ и успѣваетъ чрезъ Мортимера. Это второе сближеніе Изабеллы съ Мортимеромъ опять надо-бы передать въ цѣлости, но еще лучше видѣть на сцѣнѣ. Самая роль

Изабеллы какъ-будто требуетъ этого. Какъ вообще женскія роли у Марло, она менѣе выражается сама-собою, словами по-крайней-мѣрѣ,—болѣе-же выступаетъ изъ ситуаций, изъ проявленій другихъ лицъ драмы;—особливо Эдуарда и Мортимера, какъ-бы мѣриль ея нравственной атмосфѣры. Роль Изабеллы богата мотивами,—ея улыбка, ея глаза говорятъ болѣе и вразумительнѣе усть. Изабелла снова среди бароновъ. Они и слышать не хотятъ неестественныхъ моленій Изабеллы за Гавестона. Но Изабелла отводитъ въ сторону Мортимера и обѣцаетъ баронамъ склонить его и убѣдить, съ тѣмъ условиемъ, чтобы никто не слушалъ ихъ задушевной бесѣды. Въ этой бесѣдѣ какъ-бы совершается обрученіе двухъ сердецъ, влекомыхъ роковою силою одно къ другому. Ланкастерь, Пэмброкъ и прочіе бароны присутствіемъ своимъ скрѣпляютъ союзъ любви и честолюбія на погибель несчастнаго короля. Но то, чему они свидѣтели, превышаетъ сферу ихъ грубыхъ, тупыхъ умовъ. Они знаютъ только, что безъ Мортимера имъ ничто не удастся и знаютъ уже взяніе Изабеллы на Мортимера. «Опа улыбается,» воскликнѣаетъ одинъ изъ нихъ, «не быть мнѣ живу, если Мортимеръ не измѣнился.» Марло не передалъ бесѣды Изабеллы и Мортимера, но Изабелла убѣдила его. Ему, въ свою очередь, не трудно убѣдить бароновъ въ необходимости вызвать Гавестона изъ Ирландіи, имѣть его на глазахъ. Въ Ирландіи сокровища Гавестона составятъ ему сильную партію, надѣляютъ ему друзей и свергнуть его будетъ невозможно. «А будь онъ здѣсь, и какъ теперь всѣми ненавидимъ, чего стоять подкупить первого негодяя привѣтствовать нового лорда кинжаломъ въ бокъ; и врядъ-ли кто осудить убийцу, скорѣе же похвалитъ смѣлое его покушеніе; пожалуй, внесутъ его имя въ хронику за то, что спасъ королевство отъ этакой чумы». Этими словами Мортимера завершается, можно-сказать, первая приготовительная часть драмы. Характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, взаимныя отношенія ихъ очерчены такъ, что уже знаешь, чего можно ожидать отъ нихъ. Предугадывается уже, куда клонится теченіе дѣль, затянутыхъ до того, что насильственное разрѣшеніе узла — мысль о преступленіи является сама собой, какъ единствен-

ный исходъ изъ положенія, по видимому, безвыходнаго. На первыхъ порахъ, Мортимеръ заносить ножъ противъ любимца короля. Въ сердцѣ его не зараждалась ли еще мысль болѣе дерзновенная? Или, можетъ-быть, онъ самому-себѣ еще пе смѣеть признаться въ ней? Однако уже набирается весь арсеналъ будущей трагедіи—черная туча убийствъ, злодѣйствъ всякаго рода, растетъ и усложняется гибельными элементами неминуемой, разрушительной грозы. Быстрота, съ которой идетъ у Марло (какъ въ исторіи) эта первая часть, дѣлаетъ честь соображеніямъ поэта. Она составляетъ истинно драматической контрастъ болѣе медленному ходу послѣдующихъ перипетій драмы, какъ-бы коснѣющей, издыхающей подъ бременемъ несказанныхъ бѣдствій. Мортимеръ и первы идутъ къ Эдуарду, облекшемуся въ трауръ по Гавестону. Изабелла возвѣщаетъ ему добрую вѣсть о согласіи на призваніе назадъ его любимца. Радость Короля не знаетъ предѣловъ; онъ мирится съ Изабеллой, подаетъ ей руку, вновь ощущаетъ къ ней прежнюю любовь; первовъ осыпаетъ милостями и приглашаетъ ихъ, среди пировъ и веселья, ожидать своего любимца. Старый Мортимеръ, оставшись наединѣ съ племянникамъ, хвалится щедростью и милостями короля, и въ самой страсти короля къ Гавестону недальновидный старикъ утѣшается примѣрами древности, дружбой Ахиллеса къ Патроклу, Александра къ Эфестіону и пр. Но племянникъ его пе забываетъ ненависти къ временщикамъ.

На сцену выступаетъ новое лицо — Спенсеръ, будущій преемникъ Гавестона въ сердцѣ короля. Въ разговорѣ съ бывшимъ товарищемъ, когда они оба служили у Глочестера, Спенсеръ высказываетъ обыкновенную политику любимцевъ, временщиковъ. Онъ и его товарищъ Бальдокъ хотятъ поступить на службу къ Гавестону, за котораго король прочтъ вдову ихъ бывшаго господина. Гавестонъ заставляетъ долго себя ждать; радость и беспокойство Эдуарда Марло выставляется во всей ихъ ребяческой наготѣ, такъ-что Эдуардъ снова жалокъ и смѣшонъ. Наконецъ, радостная минута наступила. Всѣ лорды созваны, чтобы привѣтствовать Гавестона, Эдуардъ расточается на ласковыя слова, — но уже

девизы, избранные баронами *) для турнира, задаваемаго королемъ, по случаю возвращенія своего любимца, девизы, подные злобныхъ намековъ на завидное, хотя не прочное счастье высокочки,—показываютъ ему, какъ не-хотя бароны согласились на его прихоть, какъ тщетно старался онъ примирить ненависть и презрѣніе родовыхъ перовъ къ новому жалованному. Старая ненависть вспыхнула при первой встречѣ перовъ съ Гавестономъ, при первыхъ съѣсивыхъ рѣчахъ неосторожнаго любимца. Ланкастеръ и Мортимер обнажаютъ шаги на него при всемъ дворѣ, въ присутствіи короля. Клики раздраженныхъ перовъ заглушаютъ голосъ короля; его власть не признается болѣе и лишь оружіемъ можно смирить ихъ буйство. Между-тѣмъ еще открывается возможность примиренія. Старикъ Мортимеръ, главнокомандующій надъ войсками противъ Шотландцевъ, попадается имъ въ пленъ. Выкупомъ его Эдуардъ могъ-бы обязать младшаго Мортимера, могъ-бы обязать перовъ и зажать имъ рты; но казна Эдуарда, истощенная на любимца, не позволяетъ этой благородной мести! Поднимается новая ужасная гроза упрековъ, угрозъ, — все упущенія, беспорядки, слабость правления,—все приводится королю на глаза; впрочемъ перечень сухой, черезъ-чуръ отзывающійся хроникой.—Бароны покидаютъ поруганного короля и велять ему ожидать ихъ съ расщещенными знаменами. — Терпѣніе короля, терпѣвшаго такъ-долго, наконецъ лопнуло. Жребій междуусобной войны брошенъ невозвратно. Будущій характеръ ея высказывается въ монологѣ взволнованнаго короля, ушибленаго, но уже въ послѣдній разъ:

«Съ досады надрывается мое переполненное сердце! Какъ часто я былъ посмѣшищемъ этихъ перовъ и не смѣялъ думать о мненіи! Ихъ сила велика! Однако долго-ли еще бояться льву пѣнія этихъ пѣтуховъ? Эдуардъ, расправь свои

*) Напримѣръ девизъ Мортимера:

A lofty cedar-tree fair flourishing,
On whose top-branches kingly eagles perch,
And by the bark a canker creeps me up,
And gets unto the highest bough of all:
The motto, *Aequa tandem*.

когти и пусть ихъ теплая кровь утолитъ твою алчную ярость. Если я буду жестокъ, если я стану тираномъ, пускай они благодарятъ себя и будутъ каяться, но поздно!» *) Эдуардъ не смущается отныне никого, и самаго Кента постигаетъ опалъ и изгнаніе, который принужденъ пристать къ мятежнымъ баронамъ. Однако королю еще нельзя вести съ ними открытую борьбу. Онъ еще не взывалъ къ народу, естественному союзнику и защитнику короля въ подобныхъ кризисахъ. Эдуардъ старается забыться, разсѣяться. Онъ пишетъ на свадьбѣ Гавестона и здѣсь-же принимаетъ въ службу Спенсера, представленнаго ему самимъ любимцемъ. Между-тѣмъ какъ король теряетъ время; бароны, и Кентъ съ ними, берутъ въ расплохъ замокъ Тинмаутъ (Tinmouth), въ которомъ Эдуардъ предается гибельной безопасности. Эдуардъ, Гавестонъ, Спенсеръ едва успѣваютъ сѣсть на корабль и спастись въ Скорборо (Scorborough). Бароны гонятся за ними. Бѣгство короля затягиваетъ узель, связующій, на гибель Эдуарду, Мортимера съ покищутой королевой.

«Мой милый Мортимеръ, доблести твои таковы, что Изабелла готова жить съ тобой на вѣки,»—говорить она. Изабелла должна искать защиты у брата, короля Франціи, противъ неправистнаго Гавестона—а можетъ-быть врагъ ея падеть въ этотъ самый день, но ужъ можно предвидѣть, что отныне Мортимеръ и Изабелла не остановятся на одной казни любимца короля.

Тревога! Гавестонъ вѣгаеть; за нимъ погоня. Наконецъ онъ попадается въ руки раздраженныхъ враговъ. Эдуардъ предлагаетъ огромный выкупъ за своего любимца, умоляетъ наконецъ, чтобы дали ему еще разъ побесѣдоватъ съ нимъ, а посланный короля предлагаетъ самаго-себя въ залогъ воз-

*) My swelling heard for very anger breaks!
How oft have I been baited by these peers,
And dare not be reveng'd for their pow'r is great!
Yet, shall the corwing of these cockerels
Affright a lion? Eduard, unfold thy paws,
And let their lives'blood floke thy fury's hunger.
If I be cruel and grow tyraunnous,
Now let them thank themselves, and rue too late.

вращенія Гавестонова. Еще разъ свидѣться, проститься съ королемъ — это послѣднее единственное желаніе и самого Гавестона; любовь къ королю — единственное чувство, спасавшее его отъ презрѣнія, — переживаетъ всѣ прочія, заставляетъ простить ему всѣ грѣхи, его жадность и легко-мысліе; онъ будетъ жить въ памяти народа и зрителей въ образѣ блестящаго рыцаря грустной тѣни, вопіющей о мести за кровь. Бароны не отваживаются дѣйствовать открыто. Поручательство Арюнделя, посланного отъ короля, принимается. Пэмброкъ берется доставить Гавестона къ королю; но Пэмброкъ, небрежный въ отправлении принятаго на себя обязательства, отлучается и Гавестонъ, остается только съ однимъ изъ его людей. Варвикъ настигаетъ ихъ, уводить Гавестона и возвѣщаетъ ему въ варварской шуткѣ неминуемую гибель *). Между-тѣмъ, дѣла Эдуарда идутъ лучше. Силы его увеличиваются. Отецъ Спенсера приводить ему толпы народа. Онъ можетъ надѣяться, что распра съ баронами кончится въ его пользу и можетъ-быть безъ крови, что все обойдется незначительными уступками — и только ждетъ Гавестона съ нетерпѣніемъ, но безъ особыхъ опасеній. Запутанныя дѣла съ Франціей тоже новидимому представляютъ мало затрудненій. Эдуардъ отправляетъ туда Изабеллу съ малолѣтнимъ принцемъ, чтобы уладить возникшія политическія несогласія. Марло не отступаетъ предъ трудной задачей, вывести на сцену мальчика, рожденаго быть героемъ. Изабелла отправляется съ сыномъ въ роковой путь, съ котораго она вернется на гибель мужу. Этой гибели однако теперь ничего еще не предвѣщаетъ, — никогда еще, казалось, положеніе дѣль не было для Эдуарда такъ благопріятно. Впервые, несчастному королю улыбнулось небо! Но изъ яснаго неба раздается въ слухъ его громовая вѣсть. Входитъ Арюндель, по однѣмъ, (что уже пугаетъ короля) и объявляетъ ему о злодѣйскомъ нападеніи Варвика на безоружнаго Гавестона, о томъ, какъ онъ отвѣгъ его въ свой станъ и въ окопахъ стана отру-

*) Gaweston: Treacherons earl, shall I not see the king
Warwik: The king of heaven perhaps, no ottur king.

быть ему голову. Эдуардъ на колънахъ произносить клятву въ непримиримой мести:

«Клянусь землей, нашей общей матерью! клянусь небомъ и всѣмъ, что въ немъ движется! Клянусь этой десницей и саблей отца и всѣми почестями моей короны! За жизнь Гавестона я возьму столько головъ и жизней, сколько у меня замковъ, крѣпостей, городовъ, башенъ. Въроломный Варвикъ! Измѣнникъ Мортимеръ! Если я король Англіи, то въ озерахъ крови велю влечить ваши обезглавленные трупы, чтобы вы напились до сыта крови, чтобы вы пропитались ею. И въ той-же крови я выкуплю мое королевское знамя и тогда кровавые цветы мои будутъ говорить всѣмъ о вѣчной мести надъ проклятымъ отродьемъ вашимъ, измѣнники, убийцы моего Гавестона *).

Мѣсто Гавестона король тутъ-же даетъ Спенсеру. Снова тревога, битва. Бароны разбиты, взяты въ плѣнъ. Ланкастеръ, Варвикъ уводятся на немедленную казнь. Но Мортимеръ, самый опасный изъ враговъ Эдуардовыхъ, спасается бѣгствомъ изъ Лондонской башни, куда его заключили,— и Кентъ, тоже взятый въ плѣнъ, но пощаженный королемъ, способствуетъ освобожденію своего будущаго убийцы и сопутствуетъ ему въ бѣгствѣ во Францію къ Изабеллѣ.

Такъ все спутывается и затмѣвается всеобщимъ бѣдствиемъ страны, такъ-трудно въ смутное время узнать друга отъ недруга.

*) By earth, the common mother of us all!
By heaven, and all the moving orbs thereof!
By this right hand! and by my father's sword!
And all the honours' longing to my crown!
I will have heads, and lives for him, as many
As I have manors, castles, towns, and towers.
Treacherous Warwiw! traitorous Mortimer!
If I be England's king, in lakes of gore
Your headless trunks, your bodies will I trail,
That you may drink your fill, and quaff in blood,
And stain my royal standard with the same
That so my bloody colours may suggest
Remembrance of revenge immortally,
On your accursed traitorous progeny,
You villains that have slain my Gaveston.

Дѣйствіе переходитъ во Францію. Задаренные Эдуардомъ министры короля и самъ король глухи къ жалобамъ Изабеллы. Свои замыслы она должна таить въ сердцѣ, боясь малолѣтнаго сына.

Королева. — Увы! дитя мое, иѣтъ у насъ друга во Франціи; вельможи жестоки и король немилостивъ, что дѣлать намъ?

Принцъ. — Вернуться въ Англію, Миледи, и тамъ искаль милостей у отца; тогда къ чему намъ здѣсь во Франціи ласкаться къ дядѣ? Ручаюсь вамъ, я скоро войду въ вѣмѣсть Его Величества; онъ любить меня больше, чѣмъ тысячу Спенсеровъ.

Королева. — Ахъ, сынъ мой, ты ошибаешься! Повѣрь миѣ, насъ нельзя настроить на одинъ ладъ; иѣтъ, иѣтъ, мы съ нимъ слишкомъ разошлись! Жестокій Валуа! Несчастная Изабелла! Если Франція тебя отринетъ, куда, куда направишь ты путь свой?

Наконецъ графъ Эннегау склоняется надъ покинутой королевой, зоветъ ее къ себѣ и обѣщаетъ помочь. Въ это время является къ ней главный союзникъ ея — Мортимеръ. Партия недовольныхъ Эдуардомъ растетъ и усиливается. Вѣсть объ этомъ застаетъ Эдуарда, торжествующаго съ Спенсеромъ и Арюндемъ побѣду надъ своими послушниками и врагами. Эдуардъ празднуетъ дикое торжество безграинчной мести; — злобно шутить надъ казнями враговъ своихъ, велитъ читать списки новыхъ жертвъ. Въ немъ пробудилась наконецъ энергія; онъ сталъ бдителенъ и остороженъ; прежній легкомысленный и позлопамятный Эдуардъ сдѣлался подозрительнымъ тираномъ. Отнынѣ борьба съ нимъ возможна, возможна и немезида, жертвой которой онъ долженъ пасть. Покуда Эдуардъ не впадетъ опасности, предпринятія мѣры ручаются за спокойствіе внутреннее и вѣнчанее. Но отъ Мортимера Эдуарду не суждено счастись. Приходитъ письмо отъ резидента его во Франціи, который пишетъ, что королева, Мортимеръ и Кентъ собираютъ войско во Фландріи, — что къ нимъ прибыли всѣ бѣглецы и недовольные, что надо ожидать ихъ со дnia на день въ Англіи. При роковомъ имени Мортимера, все прежнее спокойствіе

исчезаетъ и Эдуардъ съ друзьями спѣшить въ Бристоль на встрѣчу инсургентамъ.

Входятъ королева, Мортимеръ, молодой принцъ, Кентъ и войска инсургентовъ. Тревога и битва. Эдуардъ разбитъ. Его приверженцы разсѣяны, — самъ онъ и друзья его должны скрываться отъ преслѣдований. Переходъ отъ верховной власти къ нищетѣ, столь-же быстрый, какъ измѣненіе въ душѣ зрителей негодованія, противъ тирана, на состраданіе къ королю-мученику. Уже въ сценѣ, гдѣ въ послѣдній разъ Эдуардъ въ кругу друзей, вѣтъ кроткій духъ примиренія. Эдуардъ, Спенсеръ, Бальдокъ вѣтъ прибѣжища въ монастырѣ. Приведемъ сцену арестованія короля.

Игуменъ. — Не тревожтесь, не бойтесь ничего, ми-
лордъ. Мы будемъ такъ молчаливы, такъ осторожно будемъ
беречь вашу королевскую особу отъ всякой бѣды, отъ по-
дозрѣній и наглаго набѣга, отъ тѣхъ, что гонятся за ва-
шимъ величествомъ и за этими вами избранными спутника-
ни, какъ-только того требуетъ нынѣшняя смутныя времена.

Эдуардъ. — Отче! лицо твое не должно скрывать об-
мана. О, еслибы ты былъ королемъ, въ твою душу запа-
ло-бы глубокое сочувствіе къ моимъ бѣдствіямъ и ты не
могъ-бы не грустить о моей судьбѣ. Я былъ пѣкогда ве-
личавъ и гордъ; сокровищами переполнялась казна моя; вѣр-
ные слуги толпились около меня; я былъ мощень и полонъ
славы! Да найдется-ли хоть одинъ человѣкъ, котораго власть
и держава не сдѣлали-бы несчастнымъ въ жизни или по
смерти? Сюда Спенсеръ, сюда Бальдокъ, присядьте ко мнѣ; —
покажемъ собой примѣръ той философіи, которую въ слав-
ныхъ нашихъ разсадникахъ наука черпалъ ты изъ Платона
и Аристотеля! Отче! созерцательная жизнь — это рай! О
еслибы мнѣ дано было спокойно проводить такую жизнь!
Но увы! За нами погоня! И за вами, друзья мои, — они го-
нятся за вашей жизнью и за моимъ безславіемъ. Кроткіе
иноки ни за какія награды, богатства, сокровища не пре-
давайте нашихъ друзей.

Илокъ. — Ваше величество можете быть спокойны,
только-бы никто, кроме насъ, не зналъ о вашемъ убѣжищѣ.

Спенсеръ. — Никто изъ живыхъ о немъ не знаетъ; а все-жъ я съ ужасомъ оглядываюсь. Кто-то внизу, въ долинѣ, мрачнымъ видомъ, послалъ намъ въ слѣдъ пытливый взглядъ. Милордъ, я увѣренъ въ этомъ, всѣдѣ подняли оружіе, оружіе, преслѣдующее нашу жизнь съ смертельной ненавистью.

Бальдокъ. — Мы сѣли на корабль, чтобы плыть въ Ирландію, мы несчастные! Но злыя вѣтры и бури выбросили насъ на берегъ. И теперь мы мѣремъ въ ужасѣ отъ клеветовъ Мортимера.

Эдуардъ. — Мортимеръ! Кто говоритъ о Мортимерѣ? Кто разитъ меня именемъ Мортимера, именемъ этого мужа крови? Отче, на твои колѣни склоняю голову, полную убийственныхъ заботъ. О, еслибъ я могъ никогда болѣе не открывать этихъ глазъ, не поднимать поникшаго чела!!... О, еслибъ не билось болѣе это замирающее сердце!

Спенсеръ. — Ободритесь, Милордъ. Бальдокъ, эта сопливость не предвѣщаетъ ничего доброго. Вотъ мы ужъ преданы.

Входитъ Лейчестеръ, Рейсъ-апъ-Овель (Rice ap Hovel) съ погоней; съ ними и косарь, указавшій убѣжище короля.

Косарь. — Не будь я живъ, вотъ они, которыхъ вы ищете.

Рейсъ. — Довольно, негодяй. Милордъ, прошу васъ поспѣшить. Помните, что мы уполномочены подлиннымъ указомъ.

Лейчестеръ. — Да, указомъ королевы, поиukаемой Мортимеромъ. Чего королева не сдѣлается для насъ? Увы! смотрите — вонъ онъ сидитъ и надѣется укрыться отъ рукъ, готовыхъ лишить его жизни! Но Лейчестеръ, умѣй владѣть собой! Спенсеръ и Бальдокъ, я арестую васъ, какъ государственныхъ измѣнниковъ. Повинуйтесь, арестъ во имя королевы Изабеллы. Къ чему, Милордъ, вы такъ поникли чломъ?

Эдуардъ. — О день, послѣдній день моего земнаго блаженства! Центръ всѣхъ бѣдствій! И вы суровыя звѣзды, къ чему вы такъ злорадно свѣтите на короля? Ужель пришелъ Лейчестеръ, отъ имени Изабеллы, лишить меня жизни

и спутниковъ?... Сюда, мой другъ, вскрай мнѣ эту трепещущую грудь, исторгни сердце мнѣ, но пощади друзей.

Рейсъ. — Прочь съ ними.

Спенсеръ. — Ужели ты не дашь намъ проститься съ его величествомъ?

Игумени. — Сердце надрываетя, смотря на такое зрѣлище. Король, и долженъ сносить такія слова, такія надменныя приказанія!

Эдуардъ. — Спенсеръ, милый мой Спенсеръ! Итакъ мы должны проститься.

Спенсеръ. — Должны, Милордъ, такова воля раздраженныхъ небесъ.

Эдуардъ. — Нѣть, это воля ада и жестокаго Мортимера; кроткія небеса не участвуютъ въ его злодѣйствахъ!

Балльдокъ. — Милордъ, къ чему грустить и предаваться гнѣву. Позвольте намъ смиренno проститься съ вашимъ величествомъ; нашъ жребій выпалъ, — страшусь подумать, не выпалъ ли и вашъ?

Эдуардъ. — На небѣ можетъ-быть, но на землѣ мы больше не встрѣтимся. Скажи Лейчестеръ, что будетъ съ нами?

Лейчестеръ. — Ваше величество должны отправиться въ Килингвортъ.

Эдуардъ. — Долженъ, — а тяжело, коль короли должны!

Лейчестеръ. — Носилки готовы, и ожидаютъ вашу королевскую милость; — ужъ поздно.

Рейсъ. — Лучше отправиться, чѣмъ терять и быть застигнуту ночью.

Эдуардъ. — Носилки приготовилъ ты? Нѣть, клади меня въ гробъ, неси меня къ вратамъ ада; пусть колокола Плутона звонятъ отходную по мнѣ, пусть на берегахъ Харона вой вѣдьмъ накликаетъ мою смерть! Друзей нѣть у Эдуарда, кромѣ этихъ друзей, и они должны умереть подъ ножомъ тирана!

Рейсъ. — Милордъ, отправляйтесь въ путь; не тужите объ этихъ молодцахъ — мы постараемся укоротить ихъ на голову.

— ЭДУАРДЪ. — Хорошо, чему надо быть, то будетъ— мы должны разстаться! Прочь, притворный трауръ! Печаль моя не притворна. Отче, прости.... Лейчестеръ ждетъ меня.... Я долженъ идти, прости жизнь вмѣстѣ съ друзьями. (*Уходитъ съ Лейчестеромъ*).

СПЕНСЕРЪ. — О ужель онъ ушелъ, ужель ушелъ, благородный Эдуардъ? Похищенъ, чтобъ никогда насъ болѣе не видѣть. Разступись—сводъ небесный! померкни—свѣтъ, разсыпшись въ прахъ — земля! О, мой государь, ушелъ! Ушелъ, ушелъ, увы, чтобъ никогда не вернуться!

БАЛЬДОКЪ. — Спенсеръ, я вижу, наши души парятъ отсюда, — насъ не грѣсть болѣе солнце жизни; готовься, мой другъ, къ новой жизни; взирай къ небу, вознеси и сердце и руки къ вѣчному престолу на небеси, — уплати съ радостнымъ лицомъ послѣдній твой долгъ природѣ. Приведемъ всѣ мысли наши къ одной: чтобъ умереть, другъ Спенсеръ, для того живемъ мы на землѣ. Спенсеръ, всѣ живутъ для того, чтобъ умереть и поднимаются, чтобъ пасть.

РЕЙСЪ. — Добро, добро, береги эти назиданія, когда придетъ имъ пора. Ты и твоего покроя люди надѣлали довольно назидательныхъ дѣлъ въ Англії.

Отнынѣ судьба Эдуарда — одна, непрерывная, томительная агонія. Его подвергаютъ строгому заточенію. Единственное утѣшеніе его заточенія — это стражъ его, чевѣколюбивый Лейчестеръ. Несчастный Эдуардъ волить и мечется предъ нами въ пароксизмахъ ужасной пытки насильственного отрѣченія отъ престола; ему не дано даже предпочесть смерть униженію.

ЭДУАРДЪ. — Ужель я долженъ отказаться отъ короны, чтобъ хищнаго Мортимера сдѣлать королемъ?

ВИЧЕСТЕРЪ. — Ваше величество не поняли насъ; мы просимъ короны для блага Англії и въ виду правъ принца Эдуарда.

ЭДУАРДЪ. — Нѣть; я знаю лучше, для Мортимера, не для Эдуарда вы требуете корону. Эдуардъ, ягненокъ среди волковъ, — они растерзаютъ его въ одно мгновеніе. Но если гордый Мортимеръ будетъ носить эту корону, да обратить ее небо въ полымя неугасимаго огня. Иль пусть она

вопьется въ виски его ненавистной головы змѣинымъ вѣнкомъ Тизфоны. О Лейчестеръ! разсуди, каково мнѣ терять корону и власть ни въ чемъ не виновному! Уступать мое право Мортимеру, который суровымъ утесомъ высятся надъ счастіемъ моей жизни! Отъ этихъ бѣдственныхъ крайностей мой умъ тупѣеть и помрачается.... Но, да будетъ воля небесъ. Я долженъ покориться! Вотъ она, примите мою корону, примите вмѣстѣ и жизнь Эдуарда. Не могутъ-же править Англіей за разъ два короля. Нѣтъ... подождите немного... дайте мнѣ быть королемъ до ночи, чтобы я могъ вдоволь пасмотрѣться на эту блестящую корону; мои глаза пасытятся въ послѣдний разъ, а голова получитъ въ послѣдний разъ честь, подобающую ей... и пусть, потомъ и око и чело согласно уступятъ свое родное, завѣтное *). Свѣти на всегда, о солнце, не попускай молчаливой почи застывать сводъ небесъ; остановитесь, стражи стихій. Часы и годы, остановитесь, чтобы Эдуардъ все былъ-бы еще королемъ цвѣтущей Англій!... Но лспый лучъ дня спѣшилъ погаснуть, я долженъ, неумолимо долженъ сложить эту славную корону. Безчеловѣчныя твари, вскормленныя млекомъ тигровъ! Чему вы радуетесь? Низверженю вашего монарха? Моя корона, моя безвинная жизнь! Смотрите, изверги, смотрите, я буду опять носить корону! (Эдуардъ снова надѣваетъ корону на голову). Кто вы, пе страшитесь ярости вашего короля? **) Увы, злосчастный Эдуардъ! ты въ сладкомъ обаяніи, ты пасупилъ брови, но до

*)

But what the heavens appoint, I must obey!
Here take my crown; the life of Edward too;
Tiso kings in England cannot reign at once.
But stay a while, let me be king till night,
That I may geze upon this glittering crown;
So shall my eyes reccive their last content,
My heat the latest honour due to it.

**)

But day's bright blam doth vanish fast avay,
And needs I must resign my wished crown
Inhuman creatures! murs'd with tiger's milk!

твоего чела теперь имъ дѣла иѣтъ — они ищутъ новаго короля. Это наполняетъ мнѣ душу страшными, безконечными мученіями и отъ нихъ мнѣ иѣтъ покоя, развѣ когда я чувствую корону на главѣ. О дайте мнѣ ноносить ее еще немнога *).

Прияжный парламента. (Trusty) — Милордъ, парламентъ ждстъ скорыхъ вѣстей. Итакъ, объявите, согласны ли Вы отречься или иѣтъ?

(Король блѣснулся).

Эдуардъ. — Не отрекусь, покуда живъ, я буду королемъ! Иzmѣниши, прочь отсюда, идите къ Мортимеру; избирайте, утверждайте, возводите, кого хотите! Ихъ кровь и ваши запечатлѣются эти крамолы.

Винчестеръ и прияжпый. — Мы доставимъ этотъ отвѣтъ, итакъ простите.

Лейчестеръ. — Зовите ихъ назадъ, Милордъ, и говорите съ ними ласково. Если они удалятся, принцъ Эдуардъ потеряетъ свое право.

Эдуардъ. — Зови ихъ самъ, мнѣ иѣтъ силъ, говорить.

Лейчестеръ. — Милордъ, король готовъ отречься.

Винчестеръ. — Какъ ему угодно, пусть избираетъ для себя....

Эдуардъ. — О, еслибы я могъ избирать! Но небо и земля сговорились на мою погибель! Вотъ она, берите мою корону. Примите ее. Иѣтъ, мои невинныя руки не провинягся въ столь ужасномъ преступлени. Кто изъ васъ всѣхъ болѣе жаждетъ моей крови? Кто хочетъ слыть

Why gape you for your sovereign's overthrow?

My diadem I mean and guiltless life.

See, monsters, see I'll wear my crown again.

What fear you not the fury of your king?

**) But hapless Edward, them art fondly led,
They pass not on thy frowns as late they did,
But seek to make a new-elected king;
Which fills my mind with strange despairing thoughts,
Which thoughts are martyr'd with endless torments,
And in this torment comfort find I none,
But that I feel the crown upon my head,
And therefore let me wear it yet a while.

убийцей короля, пусть сниметъ ее съ моей головы. Что? Вы тронуты? Вамъ жаль меня? Такъ шлите за непреклоннымъ Мортимеромъ, за Изабеллой, ея стальные очи скорѣе сверкнутъ искрой, чѣмъ прольютъ слезу. Нѣтъ... стойте... чтобы только не видѣть ихъ, я готовъ... вотъ, вотъ она (отдаетъ корону), теперь, Боже милосердый, дай мнѣ презрѣть эту преходящую славу и возсѣсть на вѣки у Твоего небеснаго престола. Сюда смерть, закрой мнѣ очи пли, если я долженъ жить, дай ты мнѣ замозабвеніе *).

(Входитъ Берклэ).

БЕРКЛЭ. — Государь!

ЭДУАРДЪ. — Не зови меня государь! прочь съ глазъ моихъ; а.... прости меня. Горе сводить меня съ ума. Не позволяйте этому Мортимеру быть протекторомъ надъ мопмъ сыномъ; пасть тигра не такъ опасна, какъ обятья Мортимеровы. Несите королевъ эту корону, орошенную моими слезами, провѣненную моими вздохами. Мало ей этого, — окуните мою корону въ кровь мою **). Привѣтствуйте отъ меня сына и совѣтуйте ему лучше править, чѣмъ я

*) Receive it! no these innocents hands of mine
Shall not be quitly of so foul a crime.
He of you all that most desires my blood,
And will be call'd the murtheren of a king,
Take it. What, are you mor'd? Pity you me?
Then send for unrelenting Mortimer,
And Isabel, whose eyes, becinc turn'd to steel ♦
Will swear sparkle fire than shade atear.
Yet stay, for rather than I will look on them,
Here, here: now, sweet God of heav'n!
Make me despise this trauscitory pomp,
And sit for ever in thronig'd in heav'n!
Come death and with fingers close my eyes
Or, if I live, let me forget myself.

**) Bear this to the queen
Wet with my tears, and dry'd again with sighs,
If with the sight thereof she be not mor'd,
Return it back, and dip it my blood.
Commend me to my son, and bid him rule
Better than I. Yet, how have I transgress'd
Unless it be with too much clemency.

правиль. Однако, чѣмъ-же я погрѣшилъ, какъ не чрезмѣрною кротостію.

При赖以ый. — За-симъ мы смиренno кланяемся.

Эдуардъ. — Прощайте, я знаю, первая новая вѣсть, которую они принесутъ, будетъ вѣсть о моей смерти — и радъ я буду ей. Несчастнымъ смерть отрада...

Не останавливаемся долѣ на этомъ оспариваніи короны и плачѣ надъ неї, столь-же раздражающемъ душу, какъ плачѣ Эвріпидовой Ифигеніи по радостномъ свѣтѣ дня. Эта сцена Марловой драмы, почти совершенно, чужда риторики; въ ней слышится вопль страданія, патетической и безъискусственныій. Эта сцена предвѣщаєтъ многія подобныя у Шекспира; она припоминается изъ самой исторіи. Эдуардъ II открывается собой въ Англіи рядъ вѣнценосцевъ, не умѣшихъ угодить народу, или скорѣе той или другой дроби его,— развѣянчанныхъ свопми подданными во имя права, свободы, религіи.

По словамъ Мильтона *) Шекспиръ былъ любимымъ чтеніемъ Карла I, не послѣдняго въ этомъ печальному сонмѣ. Сколько примѣровъ собственной судьбы долженъ быть находить несчастный король въ этомъ существующемъ и вѣршномъ товарищѣ своего заточенія; съ какимъ волненіемъ долженъ быть онъ читать, напримѣръ, въ Рихардѣ II о воиняхъ ненависти, которымъ преслѣдуютъ королей, о прахѣ, возметаемомъ на ихъ освященную главу! Онъ могъ видѣть свою судьбу, но съ утѣшительнымъ сознаніемъ нравственнаго превосходства, и въ Эдуардѣ II, въ его вынужденномъ отреченіи отъ престола, въ его предчувствіяхъ ужасной смерти. Замѣчательно, что слова, въ которыхъ, Эдуардъ Марловъ, надеждой на небо ищетъ уладить свое земное уничиженіе, походятъ на тѣ, которыя Карлъ I говорилъ предъ плахой своему духовнику: «Я перехожу отъ короны тлѣній къ нетлѣнной, исвѣдающей скорби и исчали».

Всѣ мученія, всѣ уничиженія, которыми адскій разсчетъ изверговъ Мортимера и Изабеллы старается убить несчастна-

*) One author, whom we well know, was the closest companion of these his solitudes. W. Shakespeare (*Eikonoclastes*).

го,— сътна гуманного Лейчестера другими лицами, болѣе преданными двору,— все отъ мелкихъ оскорблений Гурнэ и Матревисъ, которыми досаждаютъ несчастному королю эти стражи, избранные Мортимеромъ, въ нетерпѣливомъ ожиданіи смерти Монарха — до двусмысленного письма, въ которомъ участъ Эдуарда виситъ на занятой, *) и наконецъ самая смерть его — все это находить мѣсто въ его драмѣ; не можетъ и не должно быть опущено.

Въ тѣскомъ и смрадномъ заточеніи, еще болѣе отравляемъ звѣрскими лицами, демонскими шутками неотлучныхъ пазачей, несчастный Эдуардъ находитъ минутное забвеніе, когда легкія тѣни друзей его Гавестона, Спенсера являются его разстроенному воображенію, его глазамъ, помутившимся отъ слезъ и безсонницы.

Между-тѣмъ, Мортимеръ и Изабелла достигли цѣли своихъ преступныхъ желаній и должны утвердиться въ ней, если королева не перестанетъ слѣдовать совѣтамъ Мортимера. Однако торжество ихъ непрочно. Коммуны начинаютъ жалѣть о бывшемъ королѣ и беспокоиться о его участіи. А при дворѣ, Кентъ уже возбудилъ подозрѣніе въ Мортимерѣ. Одинъ изъ всѣхъ, вернувшихся съ королевой пѣгшаниковъ, оплакиваетъ опять короля, оплакиваетъ безуміе, съ которымъ самъ такъ-слѣпо вдался въ преступные замыслы Изабеллы и ея любимца. Кентъ сблизился теперь съ молодымъ принцемъ. Опасенія преступной четы, неожиданные вопросы молодаго принца про отца, искаки и навѣты, которыми Изабелла старается очернить въ глазахъ принца ядю его Кента и тѣмъ отвлечь вниманіе отъ отца — вся эта темная игра партій, вѣдомая роковымъ, зловѣщимъ шопотомъ, схвачена у Марло чрезвычайно вѣрно, поэтично въ сценахъ, распределенныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ.

Изабелла безпрерывно толкуетъ о несчастномъ мужѣ, скорбитъ о томъ, что все еще не можетъ облегчить его участіи, шлетъ ему знаки любви и памяти; между-тѣмъ-какъ съ Мортимеромъ обдумываетъ средство скрыть его такъ, что-

*) „Eduardum ocsidere nolite timere bonum est“.

бы никто не зналъ, кромѣ ихъ, гдѣ онъ находится; и наконецъ на рѣшительный вопросъ Мортимера: не лучше ли, не медля, раздѣлаться съ нимъ, — соглашается на смерть его, только-бы опь умеръ безъ ея вѣдома. Лицемѣріе и жестокость изверга! Самая оговорка, съ которой она соглашается на смерть Эдуарда, самая слѣпая приверженность королевы къ Мортимеру, которому она готова всѣмъ жертвовать, только не безопасностю сына — показываетъ, что и это чудовище было когда-то женщиной!

Приведемъ одну изъ сценъ ея съ Мортимеромъ.

Королева. — Миlordъ, какъ здравствуетъ король?

Гонецъ. — Онъ здоровъ, Милендъ, но полонъ горькихъ думъ.

Королева. — Увы, несчастный! О, если-бъ мнѣ было дано облегчить его печаль Неси Его Величеству покорный мой привѣтъ, скажи, что я все стараюсь, но доселѣ тщетно, выхлоупать ему свободу и вручи ему это въ знакъ моей любви.

(Гонецъ уходитъ.)

Мортимеръ. — Тонко разыграло, продолжайте все такъ, милая королева.

Королева. — Милый Мортимеръ, жизнь Изабеллы, ты знаешь, какъ я люблю тебя! Только-бы принцъ, сынъ мой, который мнѣ дороже глазъ моихъ, былъ виѣ опасности — а противъ отца его, рѣшай — что хочешь; ко всему я охотно приложу печаль и подпись.

Мортимеръ. — Сперва обождемъ извѣстія о его низложении — а тамъ предоставьте мнѣ справиться съ нимъ.

(Входитъ Винчестеръ.)

Винчестеръ. — Король добровольно отрекся отъ престола, — но мы слышали, что Кентъ задумалъ освободить своего брата; еще Берклэ (новый приставъ при королѣ) столь-же сострадателенъ, какъ Лейчестеръ, что прежде былъ при королѣ.

Королева. — Такъ пусть кто-нибудь другой будетъ страшемъ короля.

Мортимеръ. — Не беспокойтесь, государственная печать при мнѣ. Кто тамъ? Позвать сюда Гуриз и Матривиса;

они ускорять отлогъ (drift) тупоголоваго Кента,—Берклэ будеть отставленъ, король увезенъ и никто, кромъ насть, не будеть знать — куда.

Королева. — Но, Мортимеръ, покуда онъ живъ, кто по ручится за спокойствіе наше, за безопасность сына моего?

Мортимеръ. — Говорите, раздѣлаться съ нимъ не медля, умрать ему?

Королева. — Пусть онъ умретъ, только бы я про то не знала.

Мортимеръ становится выше всѣхъ.

«Я правлю принцемъ, повелѣваю королевѣ и первые лорды королевства кланяются мнѣ до земли. Ко всему я прилагаю печать, казнь и милую; дѣлаю, что хочу. Меня боятся болѣе, чѣмъ любятъ — пусть ихъ боятся. За принцемъ я присматриваю очами Аристарха, взоръ котораго для школьника былъ хуже розогъ. Они навязываютъ мнѣ протекторъ и вымаливаютъ мое согласіе на то, чего я желаю. А я въ совѣтѣ жалуюсь на недостатокъ силъ, то важницаю, то кривляюсь, какъ какой-нибудь святоша-пурпуринъ, — наконецъ, я лордъ-протекторъ! Теперь все дѣло сдѣлано, королева и Мортимеръ будутъ править королевствомъ, самимъ королемъ; а памъ никто не будетъ править, бѣда врагамъ моимъ! Друзей я буду жаловать и повелѣвать имъ все, что вздумается — кто осмѣлится прекословить? Major sum quam cui possit fortuna poscere. Сегодня коронованіе принца — такова воля моя и королевы Изабеллы.»

Мортимеръ уже созрѣлъ для немезиды — его часъ уже близокъ, только-еще двѣ жертвы должны быть принесены его звѣрскому честолюбію, безопасности его и его ужасной любовницы. Короля душатъ въ темницѣ. Кента, захваченнаго въ попыткѣ освободить несчастнаго короля, уводятъ на казнь, по повелѣнію временщика, не смотря на успленныя просьбы только-что коронованаго принца. Молодой король просить наконецъ матъ свою заступиться за Кента, — но уже Мортимеръ ее не слушаетъ. Съ молодымъ королемъ онъ обращается, какъ съ мальчикомъ, — ошибка, за которую онъ платить жизнью. Молодой Эдуардъ обманываетъ блѣднѣющую опеку убийцъ отца своего. Мортимера

уводятъ на казнь, а королеву въ заточеніе, въ Лондонскую башню: ждать въ ней изслѣдованія дѣла о ея участіи въ убіеніи мужа.

Прощаясь съ жизнью, Мортимеръ думаетъ только о Фортунѣ, единственной мечтѣ своей жизни.

«Фортуна искажа, теперь, я вижу въ твоемъ колесѣ есть точка, по достижениіи которой, падаешь тутъ-же стремглавъ; этой точки я коснулся, и если подняться выше не возможно, къ чему-же горевать о паденіи? Прости, прекрасная королева, не плакь по Мортимеру. Онъ презираетъ свѣтъ и, какъ странникъ, идетъ отыскивать, еще неизвѣданныя страны.» *)

Разставаясь съ Марло, принесемъ еще послѣднюю дань его мрачному гению, выписавъ въ цѣлости сцену убіенія Эдуарда. Нигдѣ можетъ-быть паѳосъ Марло не выступаетъ съ такой потрясающей силой, какъ въ этомъ мрачномъ склепѣ, гдѣ при тускломъ свѣтѣ фонаря, нагой, полуумный Эдуардъ, скорѣе призракъ, чѣмъ человѣкъ, судорожнѣ, но тщетно, какъ нѣкогда корону, отстаиваетъ послѣднія дыханія жизни. Становится страшно и дурно, какъ отъ стона жертвъ подъ ножемъ.

Эдуардъ. — Кто тамъ? Что это за свѣтъ? Зачѣмъ пришелъ ты? .

Лейтборнъ. — Чтобъ успокоить васъ и пришестіе вамъ радостную вѣсть.

Эдуардъ. — Въ твоихъ глазахъ мало радости для бѣднаго Эдуарда. Владѣй, я знаю, ты пришелъ убить меня.

Лейтборнъ. — Убить васъ, государь всемпложивый? Мыѣ и на умъ не приходило чѣмъ-нибуль повредить вамъ. Королева послала меня узнать, какъ съ вами обходятся; она смягчилась, услыхавъ про ваше положеніе. Да, чьи глаза удержанятся отъ слезъ, увида короля въ такомъ положеніи?

*) And, as a traveller
Goes to discover countries yet unknown.

Эти слова, можетъ-быть, изъ тѣхъ, которыя недоброжелатели Марло не преминули-бы обратить уликой на его голову, не разбирал, кто ихъ произноситъ.

Эдуардъ. — Ты уже плачешь. Послушай меня немнogo, и твое сердце, будь оно, какъ сердце Гурнэ или Матривиса, высѣчено изъ Кавказскаго утеса, растаетъ прежде, нежели я доскажку мою повѣсть. Этотъ склепъ, въ которомъ они меня держать — стокъ, куда стекаются помои со всего замка.

Лейтборпъ. — Злодѣи!

Эдуардъ. — Вотъ ужъ десять сутокъ я въ смрадѣ и сырости; боясь, чтобъ я не вздрогнулъ, они безпрестанно бываютъ въ барабанѣ; меня, короля, содержать на водѣ и хлѣбѣ! Отъ недостатка въ сиѣ и пищѣ, мой умъ помрачился, а тѣло цѣпенѣеть и я уже не знаю, есть-ли у меня члены или пѣть. О, дай Боже, чтобъ кровь моя капала изъ каждой жилы, какъ вода съ моей изодранной одежды. Скажи Изабеллѣ, королевѣ — не таковъ я былъ, когда во Франціи ради ее красовался на турнирахъ и тамъ ссадилъ съ коня герцога Клермонта.

Лейтборпъ. — О не говорите болѣе, милордъ, мое сердце надрываетяется. Лягте на эту постель, отдохните немнogo.

Эдуардъ. — Твои глаза вѣщаютъ смерть. Моя трагедія начерчена въ твоихъ бровяхъ. Но погоди, удержи на время кровавую руку, дай мнѣ завидѣть ударъ, прежде чѣмъ онъ сразитъ меня, чтобъ, раставаясь съ жизнію, душа моя тѣмъ крѣпче-бы уповала на Бога моего.

Лейтборпъ. — Почему, ваше величество, такъ недовѣрчивы ко мнѣ?

Эдуардъ. — Къ чему-же ты такъ притворствуешь со мной?

Лейтборпъ. — Эти руки никогда не обагрялись невинной кровью — ужель мнѣ теперь начать съ короля?

Эдуардъ. — Прости мнѣ эту мысль. Еще одинъ бриллантъ остался при мнѣ, возьми его. Но я все страшусь, не знаю чего. Каждая жила содрагается во мнѣ, когда я тебѣ его даю. О, если ты кроешь убийство въ сердцѣ, пусть этотъ даръ отвратить твой замыселъ, спасетъ твою душу. Помни — я король, а при этомъ словѣ я чувствую цѣлый адъ скорби; гдѣ моя корона?.. Ушла, ушла! а я — я ос-таюся!

Лейтборнъ. — Вы измучены безсоницей, милордъ; лягте, успокойтесь.

Эдуардъ. — Я-бы заснулъ, но тоска все меня будить. Мои вѣки не смыкались цѣлыхъ десять сутокъ. Теперь они опускаются, но страхъ ихъ будить снова. О, къ чему ты сидишь здѣсь?

Лейтборнъ. — Если вы не довѣряете мнѣ милордъ, я уйду.

Эдуардъ. — Нѣтъ, нѣтъ. Если ты рѣшился погубить меня, ты воротишься, а потому лучше оставайся.

Лейтборнъ. — Онъ спитъ.

Эдуардъ. — О, не убивай меня, погоди еще, еще не много.

Лейтборнъ. — Что съ вами, милордъ?

Эдуардъ. — Все кто-то еще шепчетъ мнѣ на ухо, что если я усну, я болѣе не проснусь. Скажи-же мнѣ, зачѣмъ пришелъ ты?

Лейтборнъ. — Избавить тебя отъ жизни. Сюда Матривисъ.

Эдуардъ. — Я слишкомъ слабъ и болѣнъ, не могу сопротивляться. Помоги мнѣ, благій Боже, и прійми душу мою.

Сознавая искусство, съ которымъ писана эта сцена, Вильменъ приводитъ ее однакоже въ доказательство того, что Марло не было дано возвыситься надъ этимъ материальнымъ паѳосомъ, надъ воплями страдающей плоти, — что далеко-такому кровавому паѳосу, которымъ впрочемъ не гнушался и театръ самыхъ Грековъ до тѣхъ терзаній души, которыми въ Гамлетѣ, Лирѣ, на смертномъ одре кардинала Вольсэ, Шекспиръ возбуждается въ зрителяхъ глубокую скрѣбь, эту душу трагедіи. Вильменъ вообще отказываетъ Марло въ величинѣ, въ возвышенности чувствъ, но здѣсь онъ заходитъ, кажется, слишкомъ далеко; слишкомъ несправедливъ къ Марло. Припомнимъ, напримѣръ, сцену въ монастырѣ, где Эдуардъ въ послѣдний разъ въ кругу друзей, сцену, какъ-будто нарочно пропущенную въ рецензіи Вильмена. Можно сказать еще, что сужденія блестящаго критика о Марло нѣсколько бѣглы (что впрочемъ объясняется формой ихъ появленія) и все еще отзываются отвергнутыми, но еще не

забытыми приемами прежней школы — школы Лагарда — судить о целой драме по двумъ-тремъ сценамъ, метода, оправдываемая натурой псевдо-классической драмы Франціи и вычтожностью ея новѣйшаго театра. Шлегель и его школа протестовали противъ примѣненія этой методы къ Шекспиру. Можно было бы разпространить такой протестъ и въ пользу Марло, по-крайней-мѣрѣ въ пользу лучшаго его произведения. Эдуардъ II по цѣлости своей допускаетъ, кажется, оценку, болѣе подробную; допускаетъ разборъ того искусства, съ которымъ авторъ выполняетъ существенные, общія требование драматургіи. Мы указывали на несомнѣнныя достоинства этой драмы и намекали также на то, какъ трудно выписками дать достаточное понятіе именно обѣ этой драмѣ, въ которой такъ-многое, съ вѣрными расчётомъ на драматический интересъ, не доказано; гдѣ такъ-многое вытекаетъ безъ словъ изъ самыхъ ситуаций. Слѣдовало бы заключить обзоръ драмъ Марло (*) общій характеристикой его творчества, опредѣлить его мѣсто въ исторіи Англійскаго театра. Задача довольно трудная и сама по себѣ, и по степени современной критики до-Шекспировскаго периода. За недостаткомъ положительныхъ выводовъ и достаточныхъ отзывовъ присяжныхъ знатоковъ, остается руководствоваться чувствомъ, и чувствомъ, взятымъ изъ чтеній самого Шекспира. Метода эта, при всей кажущейся неустойчивости своей, можетъ считаться единственою для определенія достоинства и не однихъ предшественниковъ Шекспира. Въ самомъ-дѣлѣ, Шекспиръ оставилъ въ своихъ драмахъ теорію драматургіи, такъ-сказать, абсолютную, господствующую и до нынѣ нераздѣльно. За немногими исключеніями можно по правиламъ, добытымъ изъ драмъ Шекспира, обсуживать и новѣйшія драматическія произведения, если они хоть сколь-

^(*) Онъ написалъ еще въ сотрудничествѣ съ Нашемъ: Дидону (*The Tragedie of Dido Queen of Carthage*). Трагедія эта не вошла въ составъ его сочиненій. Любопытно было бы видѣть, какъ Марло на этомъ классическомъ спорѣ спровался съ своими школьными воспоминаніями, столь-мало стѣснявшими его въ прочихъ его драмахъ. Неменѣе любопытно было бы определить отношеніе этой Дидоны къ знаменитой трагедіи Жоделя на тотъ-же сюжетъ.

ко-нибудь превышаютъ уровень эфемерныхъ потѣхъ празднай толпы. Правила эти до того усвоились драматической критикѣ, что такая медота обсуживанія является сама-собою. Съ другой стороны, не стѣсняясь ни временемъ, ни незнакомствомъ Шекспира съ поэтикой Аристотеля, на драмахъ его можно провѣрить ее. Марло удовлетворяетъ всей существенной части ея или лучше-сказать, всѣмъ органическимъ законамъ драмы, насколько тайны ея были открыты Грекамъ. Сличеніе съ Шекспиромъ дало-бы такимъ-образомъ, съ одной стороны вѣрное мѣрило достоинствъ Марло и другихъ предшественниковъ Шекспира, съ другой стороны бросило-бы новый свѣтъ на самого Шекспира. Первое, что кидается въ глаза у Марло, Грина и другихъ — это вѣнчанее совершенство ихъ театра. Такъ напримѣръ естественность входовъ и выходовъ — вещь немаловажная и въ наше время; какимъ покажется это искусство, если сличишь непринужденность явлений въ любой пьесѣ Марло съ натянутостію и неуклюжестію входовъ и выходовъ во многихъ драмахъ того времени, напримѣръ въ Ветстоновой: Пріамусъ и Кассандра (откуда Шекспиръ заимствовалъ свою: «Мѣра за мѣру»), гдѣ напримѣръ появление нового лица непремѣнно заблаговременно объявляется въ послѣднихъ словахъ предыдущей сцены; мало этого, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, иѣкоторые сцены позамысловатѣ снабжаются краткими указаніями на поляхъ текста, произносившимися, кажется, суплеромъ въ слухъ. Вообще можно-сказать, что какъ у Марло, такъ и у Грина всѣ главныя затрудненія возникающаго театра почти совершенно преодолѣны. Театру ихъ врядъ-ли идетъ название опытовъ; такъ ихъ приемы вѣрны и рѣшительны, такъ мало у нихъ слѣдовъ нерѣшительности въ подыскаваніи средствъ (иногда нарушающихъ драматическую иллюзію): объяснить предшествующее, вдви-нуть какъ-нибудь избранный сюжетъ въ еще грубо обтесанную раму драматического дѣйствія. О наперстникахъ, напримѣръ, у нихъ и рѣчи иѣть; иѣть также длинныхъ разсказовъ, столь неестественныхъ, столь тягостныхъ для жертвъ ихъ на сценѣ и въ публикѣ. Монологи Марло заслуживаютъ также особенного вниманія; они уже выдержаны въ той ма-

нерѣ, которую Шекспиръ силою своего гenія навсегда узаконилъ въ истинной драмѣ. Въ этихъ монологахъ, произносящіе ихъ не выставляютъ заднимъ числомъ собственныхъ судебъ, не излагаютъ, какъ въ какомъ-нибудь кондуктномъ спискѣ, своихъ добрыхъ и худыхъ качествъ. Въ нихъ не говорить самъ писатель съ публикой, не заставляетъ произносящее ихъ лицо неестественно пробалтываться или разсуждать въ слухъ. Монологи, какъ ими владѣетъ Шекспиръ и какими уже они встрѣчаются у Марло, чужды всему находящемуся въ интереса самой драмы, вѣрные и характеру лица и даже страсти и положенію, возбудившимъ ихъ, такие монологи выводятъ предъ слушателями самыя завѣтныя мысли говорящихъ, въ самый моментъ зарожденія ихъ, мысли тревожныя, недосказанныя, нерѣдко полныя софизмовъ, самооправданія и самообольщенія. (*) Не уста, произносящія монологъ, но самыя мысли дѣйствующаго лица говорять, сходятся, сталкиваются, разыгрываютъ драму своего рода. Такіе монологи — нѣчто въ родѣ хора древней трагедіи; только не имѣютъ его беспристрастія. Еще лучше, ихъ можно сравнить съ тѣми стеклами фантастической шлифовки, которыя позволяютъ глазу, вооруженному ими, смотрѣть непосредственно въ душу людей. Публика древняго Англійскаго театра имѣла эту привилегію и умѣла переноситься въ ту идеальную сферу, которой принадлежать вмѣстѣ съ поэтическимъ языкомъ, съ стихотворною рѣчью и т. д. и разбираемые нами монологи.

Зрѣлость Марлова театра, болѣе еще, чѣмъ изъ его сценическихъ пріемовъ, обнаруживается изъ самыхъ цѣнъ его репертуара. Пьесы эти — не отрывки, не одна или двѣ удавшіяся сцены (примѣты возникающаго театра); напротивъ, театръ Марло замкнутостію въ себѣ, многосторонностію драматического дѣйствія, полнотою, представляетъ нѣчто цѣлостное, законченное. На этомъ театрѣ, Марло, какъ мы видѣли, создалъ нѣсколько родовъ драматической поэзіи, про-

^{*)} Смотри напримѣръ несравненный монологъ принца Гейнриха послѣ первой бесѣды его съ веселыми, но мало назидательными товарищами его юной молодости. Король Гейнрихъ IV Част. I, Д. I, Яв. II.

славленныхъ въ послѣдствіи Шекспиромъ. Фаустъ-же Марловъ и все, что принадлежитъ къ этому миру, остался въ Англіи по-крайней-мѣрѣ безъ послѣдователей. *)

Гринъ и Марло — болѣе, чѣмъ замѣчательные предшественники Шекспира; ихъ можно назвать зарей величаваго солнца, геніями однородными исполну — драматургу. Подобно алмазамъ съ чистой водой, Гринъ и Марло отражаютъ, если не весь образъ, то уже иѣсколько яркихъ лучей Шекспировской поэзіи. Марло — паосъ; Гринъ — мягкость тоновъ и юморъ. Неудивительно, что при такомъ нравственномъ сродствѣ, — близости поэтическаго языка, сходствѣ въ пріемахъ — въ той или другой драмѣ ихъ напр. въ «Бѣкона» Грина, въ «Эдуардѣ» Марло, какъ будто, вѣтъ Шекспировой атмосферой; читателю, еще мало искушившемуся въ изученіи величайшего мастера драматического искусства, видится въ той или другой сценѣ тѣнь его. Однако это только призракъ, исчезающій передъ глазомъ, болѣе изощреннымъ. И въ этомъ самомъ, въ томъ, что Гринъ и Марло заставляютъ обращаться къ Шекспиру, снова проявлять недосягаемыя красоты его, заключается, можетъ-быть, главное назначеніе предшественниковъ Шекспира, особенно этихъ послѣднихъ. Членіе ихъ, въ особенности теперь, когда у насть начинаютъ серьозно заниматься Шекспиромъ, послужило бы лучшей пропедевтикой къ нему. Можетъ-быть даже, поставленный на сцену Эдуардъ II приготовилъ бы зрителей къ пониманію Гейнриховъ. Творецъ ихъ стоитъ въ отношеніи къ Грину и Марло не только какъ славный послѣдователь, но и въ качествѣ единицы высшаго порядка; къ его мощному генію, какъ къ центру своей вселенной, тяготѣеть геній всей той эпохи.

Драмы Шекспира — идеалъ, къ которому стремятся Гринъ и Марло; при всякомъ стремлѣніи степению приближенія къ идеалу, опредѣляется самое достоинство творенія; но сдѣлать на этомъ основаніи общиі выводы достоинствъ Марло

*) Гринъ также не нашелъ послѣдователей. Народно-романтическій театръ, открытый его: «Сказаніемъ о Бѣкона» (friar Bacon and friar Bunday) имѣлъ и кончился.

новело-бы къ анализу не только таланта его, но и всей драматургіи Шекспира — трудъ, простирающійся за предѣлы простаго очерка. Ограничимся немногими указаціями, и посыть столькихъ, надѣемся, справедливыхъ похвалъ нашему поэту, указаніями болѣе отрицательными на тѣ изъ проявленій его, где гений Марло остается позади цѣли, къ которой безсознательно стремится. Эта самая безсознательность, на которую мы не разъ указывали, есть, можетъ-быть, главный недостатокъ Марло. Отсюда проистекаетъ безграничная преданность къ публикѣ, зависимость (не всегда благодѣтельная) отъ сюжета своей драмы, отъ вишенія собственного тревожнаго генія. Спокойное созерцаніе, щателльная отдѣлка, художественность, дѣлаются чрезъ это невозможными. Неравенство репертуара Марло — самый близкій тому примѣръ; но и самая лучшія произведенія Марло страдаютъ все отъ той-же капитальной погрѣшности, недостатка той полноты всѣхъ частей, той высшей замкнутости (въ художественномъ, если такъ можно выразиться, эгопзмѣ), благодаря которымъ драмы Шекспира, въ свое время удовлетворявши публику наравнѣ съ драмами современниковъ его (или быть-можетъ даже менѣе популярныя), пережили ихъ всѣхъ и изъ театра мѣстнаго и временнаго перешли на сцену міровую.

Пьесы Шекспира держались не столь игрой актеровъ, какъ сами вызывали порывы искуснѣйшихъ изъ нихъ и всегда будуть выше ихъ, всегда будутъ допускать новую игру, новое пониманіе. *) Какъ всякий идеаль, характеры Шекспира, при всей высотѣ своей, въ тоже время близки каждому непороченному и непредубѣжденному сердцу. Да и сцена Шекспира, можно-сказать, не въ исключительномъ завѣдываніи однихъ актеровъ. Шекспиръ умѣеть открыть ее непосредственному участію самыхъ зрителей, дастъ имъ узнавать себя на ней, чувствовать себя въ своемъ театрѣ, какъ у себя дома. Нѣчто подобное можно замѣтить и у

*) Извѣстная выходка доктора Джонсона, что марionетки разыграли-бы драмы Шекспира не хуже живыхъ актеровъ, выражаетъ, хотя конечно преувеличенно, независимость Шекспира отъ сценическаго искусства.

Марло, напр. въ фантастическихъ сценахъ его Фауста; во всѣхъ другихъ драмахъ самъ писатель, театръ и публика — три строго отдельныхъ сферы; во всѣхъ ихъ видно, что для публики пишетъ Марло и предъ публикой разыгруиваютъ его творенія. Вездѣ театральная рампа — неизроходимая преграда, раздѣляющая два міра. Въ его Эдуардѣ напримѣръ было-бы тщетно искать тѣхъ сценъ, которыя у Шекспира, какъ-бы выкроены изъ самой исторіи, и въ строгомъ смыслѣ не принадлежа къ сюжету драмы, такъ не обыкновенно способствуютъ ускорѣнію хода пьесы, въ которыхъ, какъ на нейтральной почвѣ, сходятся дѣйствователи и зрители; гдѣ можно застать *en-negligé* главныя лица, подслушать ихъ задушевныя бесѣды. Подобныя сцены — какъ-бы закулисный міръ самой пьесы — находятся во всѣхъ драмахъ Шекспира; въ историческихъ онѣ необходимы, иначе драма станетъ діалогизированной хроникой. И надо повторить за Гервинусомъ, что Эдуардъ Марловъ при всей поэзіи его, при всей живости діалога и искусномъ распределеніи сценъ, все-еще сильно отзыается хроникой. Иногда она проглядываетъ, какъ сухой оставъ, въ самыхъ оживленныхъ сценахъ; такъ напримѣръ въ той, гдѣ разыренные бароны высказываютъ Эдуарду всѣ промахи и опущенія его правленія; въ этой сценѣ все есть, приводится даже пѣснь, сложенная Шотландцами въ осмѣяніе короля — нѣть только драматического, и это наводитъ на другой недостатокъ Марло, именно: въ его драмахъ нѣть или почти нѣть задняго плана (*arrière plan*). Въ Эдуардѣ, напримѣръ, запутанныя дѣла съ Франціей, неудачныя войны съ Шотландіей, шумные сходки недовольныхъ, однимъ-словомъ, все, что происходит виѣ души, виѣ истинной сферы короля, Мортимера и т. д. — все это узнается изъ устъ-же короля, Мортимера и бароновъ. Остается только удивляться рѣдкому счастію Марло, что свѣдѣція, являющіяся въ такомъ видѣ, такъ-мало утомляютъ читателя. А все-таки они охлаждаютъ интересъ, вносятъ въ драму что-то необработанное; а главное — они не позволяютъ зрителю собственнымъ опытомъ и убѣждениемъ провѣрить точность почти-что голословныхъ обвинений, взводимыхъ на короля, судить самому на сколько слабъ

и нерадивъ король и преступны его любимицы. Какъ-ни-мало заботился тотъ вѣкъ роскошнаго разцвѣта романтизма о строгомъ соблюденіи колорита эпохи, однако отсутствиемъ задолга плана драмы, Марло лишалъ ее опредѣленнаго мѣста во времени и пространствѣ. Въ самомъ Эдуардѣ, сколько существенныхъ чертъ той эпохи,—именно настроение парламента и даже народа къ низложенню короля; первое пробужденіе коммунъ и пр., что или во все опущено или только намекается какъ-бы мимоходомъ.

О прочихъ драмахъ Марло, въ этомъ отношеніи, нечего говорить, ихъ почти невозможно отнести къ какой-нибудь странѣ, какой-нибудь эпохѣ. Это самоограниченіе Марло крайне-необходимымъ можно видѣть и въ самыхъ лицахъ, выводимыхъ имъ на сцену. Вѣрный своему сюжету, Марло выставляетъ столько лицъ, сколько находилъ ихъ въ своихъ источникахъ. Его творчеству довольно хода, сценъ, рѣчей—онъ не ощущаетъ побужденія создать новое лицо. Возвращаясь опять къ лучшему произведенію Марло, его Эдуарду, мы неходимъ тѣхъ личностей, которыхъ можно считать любимыми дѣтьми фантазіи Шекспира, близкими ко всѣмъ главнымъ лицамъ, представляемыми самимъ сюжетомъ или источниками драмы, близкими вмѣстѣ съ тѣмъ и зрителю. У Марло не найдешь ничего, чтобы напоминало бастарда въ королѣ Йоаннѣ или веселыхъ собесѣдниковъ принца Гейриха. Это замѣчаніе наводитъ еще на одну важную погрѣшность Марло, на его недостаточную характеристику. Мы уже не разъ указывали на свойство Марло соередоточивать всю силу характеристики на одномъ, или много на двухъ лицахъ. Наконецъ, сколь ни тщательно обрисованы эти немногія лица — за исключеніемъ развѣ Фауста, въ которомъ отразится можетъ-быть самъ Марло — онъ далеко не тѣ люди плоти и крови, какие умѣетъ создавать Шекспиръ, таящіе идеальные думы творца въ оболочки совершенно индивидуальныхъ проявленій. О женщинахъ Марло припомнимъ уже сказанное нами; ихъ въ собственномъ смыслѣ нѣть, по крайней-мѣрѣ для читателя; онъ являются уму его, то привлекательныя, какъ Абичаиль, то ужасныя, какъ Изабелла, не столько собственнымъ проявленіемъ сердца и духа, сколь-

ко ио отзываемъ тѣхъ лицъ, съ которыми ихъ связываетъ судьба.

Здѣсь опять надо дивиться таланту Марло, но здѣсь сквозь обманчивую ткань оживленного діалога, сквозь ловкие театральные приемы и другія совершенства театра Марло, видно, что въ талантѣ его эпический складъ не уступилъ совершенно еще мѣсто драматическому. Эпический складъ проглядываетъ и въ самомъ ходѣ и составѣ драмъ Марло.

При всемъ умѣнии приступать къ дѣлу, при всемъ искусствѣ и снаровкѣ располагать сцены — недостатокъ внутренняго центра, къ которому-бы тяготѣли всѣ сцены и эпизоды драмы, недостатокъ, па который мы указали въ его Жизнѣ— встречается во всемъ репертуарѣ Марло. И здѣсь Марло какъ-бы ограничился крайне необходимымъ, какъ въ характеристикиѣ, такъ и въ числѣ выводимыхъ на сцену лицъ. Весь ходъ драмы касается прямо и исключительно судебъ одного человѣка; виѣ ихъ, нѣть иного дѣйствія у Марло. Поэтому, драмы Марло, при всемъ его пониманіи сцены, походятъ на разсказъ, на эпосъ; и какъ въ настоящемъ эпосѣ, такъ и въ драмахъ Марло, даже самые крайніе предѣлы ихъ, начало и конецъ избираются произвольно, не въ силу неизбѣжныхъ требованій внутренняго закона самой драмы. Марло, уступая уже въ этомъ собрату своему Грину, не умѣеть вести въ уровень приключенія нѣсколькихъ лицъ, не умѣеть разнообразить ходъ драмы эпизодами, по видимому чуждыми ей; для того, чтобы всѣ эти элементы подчинить одной неизбѣжной катастрофѣ и въ неизбѣжный срокъ, определенный внутреннимъ принципомъ пьесы. Драмы его не представляютъ намъ того завершенного организма, того великодѣйнаго зрелища, къ которому пріучили насъ драмы Шекспира, гдѣ, какъ во вселенной, все вращается около одного недосягаемаго центра, проливающаго повсюду свѣтъ и теплоту;—все держится игрой враждебныхъ силъ; гдѣ, проложенный цѣльными противупоставленными мірами, ходъ дѣйствія имѣеть естественное начало, слѣдуетъ непреоборимой стремнинѣ, то спѣшитъ и мчится нагорнымъ потокомъ, то медлить грациозными излучинами величавой рѣки, и всегда упоспѣть

съ собой полную, все болѣе возрастающую симпатію зрителей. У Марло-же ничего подобнаго неѣть, даже самое обыкновенное средство разнообразить драму: пародія (общее достояніе всѣхъ романтическихъ театрловъ) вовсе не является въ его драмахъ. Геній Марло чуждался ее или былъ къ ней, быть-можеть, неспособенъ. Источниковъ такихъ пародій: ироніи и юмора — неѣть у Марло.

Единственная пассива его — паоось; паоось, которому онъ предается всесѣло, съ такой полнотой вѣры, которой недоступно самоосмыяніе ироніи. Этаъ самыи паоось и ужасы придаютъ генію Марло какую-то неумолимую сурогость, съ которой даже юморъ трагической не можетъ ужиться. Суровость Марло мѣшаетъ естественности, правдѣ въ его созданіяхъ. Люди, выставленные ими — существа, обреченные на бѣдствія; ничто не спасаетъ ихъ отъ гибели творца; даже собственное ихъ Я прорывается по видимому только въ стонахъ и вопляхъ; — и Марло не думаетъ облегчить бальзамомъ кроткаго, мягчительного юмора ихъ кровавыя, зіяющія раны. Скажемъ рѣшительно: какъ ни вкрадчивъ талантъ Марло, каковъ-бы ни былъ даже сценический эффектъ нѣкоторыхъ изъ его драмъ, для поклонниковъ Шекспира онъ драматургъ только въ половину. Самое большее, что можно сказать въ честь его, это — повторить отзывъ о немъ Филиппса: «Марло былъ чѣмъ-то въ родѣ Шекспира.» Марло и Гравъ были приютками мощнаго генія Шекспира. Отношеніе ихъ къ Шекспиру можно уподобить одному метеорологическому феномену. Иногда, по утрамъ, насыщеннымъ густымиарами, два-три солнца восходятъ за-разъ, сходныя до обольщенія ока; но задолго до полудня, обманчивая паргелія изчезаетъ вмѣстѣ съ утреннимъ туманомъ, породившимъ ее.

Марло не суждено было удержаться на сценѣ. Забвеніе, выпавшее ему на долю, хотя и не заслуженное, обратилось, можетъ-быть, въ пользу искусства. Если-бы Марло дано было подвизаться долѣе, если-бы его театръ еще болѣе выработался и утвердился — Англійская драма получила бы ранній авторитетъ, раннія преданія, и хотя-бы остановилась на значительной высотѣ, но все- же далеко отъ того идеала, который даровалъ ей геній Шекспира. Примѣръ Корнелія

подъ рукой, чтобы показать, какъ стѣснительно дѣйствуютъ преданія даже на генія высшаго полета.

Мы уже намекали на не-драматическія произведенія Марло. Въ его «Эро и Леандръ», въ подражаніяхъ Овидію *), Вильменъ выхваляетъ поэтическій колоритъ, щеголеватость выраженія, доходящую до роскоши — плодъ изученія древнихъ классиковъ,—изысканность, стоящую въ столь-рѣзкомъ контрастѣ съ шереховатой простотой среднихъ вѣковъ. Художественностию стиха, живописностію описаній, Марло не-рещеголялъ самаго творца «Эро и Леандръ.» Повсюду изысканные образы, остроумные концепты (concetti),—что составляло тонъ двора Елизаветы и классическихъ писателей того времени,—что подъ часть способно очаровать и насть у Сиднэ, Спенсера и другихъ отборныхъ умовъ этого великаго столѣтія. (7) Поэмы Шекспира дадутъ близкое понятіе объ этихъ переводахъ и подражаніяхъ Марло.

О драматическомъ слогѣ Марло можно судить по представленнымъ выпискамъ. Въ дикціи Марло встрѣчается также неровность, какъ и въ репертуарѣ его. Мы уже замѣтили, что его «Тамерланъ» невыгодно отличается отъ другихъ пьесъ надутостью и даже шероховатостью и неуклюжестію стиха. Но «Мальтійскому Жиду» и его «Эдуарду» никто не можетъ сдѣлать такого упрека. Риторика Марло ушла на первое произведеніе его—«Тамерланъ». Чисто риторическихъ мѣстъ найдется мало въ «Фаустѣ» или «Эдуардѣ». Картинность и живописность—общая черуга всѣхъ писателей того времени—господствуетъ и въ драмахъ Марло. Можно сказать, онъ мастеръ въ поэтической дикціи; не думаю, чтобы у него нашлась одна ложная картина. Конечно, встречаются мѣста темныя; но ихъ можно почти все отнести къ неисправности текста. Игры словъ (quibbles, концептовъ) сравнительно мало; а въ Эдуардѣ II ихъ, кажется, вовсе нѣтъ. Вообще Марло (не ставимъ ему этого въ достоинство)

* Стевенсъ говоритъ, что въ 4-мъ году царствованія Елизаветы эти переводы изъ Овидія были сожжены по повелѣнію Архіепископа Кантербuriйскаго и Епископа Лондонскаго въ Stationer's Hall, (центрѣ книжной торговли).

читается и понимается гораздо легче, чѣмъ Шекспиръ. *)

Но однѣ драмы не могутъ дать полнаго понятія о гибкости его языка, о разнородности его чувствъ. Кто-бы подумалъ, что пѣснь «влюблённого пастуха своей возлюбленной»—(The passionnate shepherd to his love), пѣснь исполненная нѣги и наивной граціи—произведеніе того-же мрачнаго генія, жаднаго къ кровавымъ ужасамъ, къ слезамъ и стонамъ несчастныхъ жертвъ. Пѣснь эта донынѣ живетъ и распѣвается въ Англіи. Сиръ Вальтеръ Ралэ, блестящій предворецъ Елизаветы, написалъ отвѣтъ на нее: «отвѣтъ Нимфы (The Nymph's Reply) **). Пламя генія коснулось устья и того и другаго; и оба—и бѣдный поэтъ, и поэтическій вельможа, погибли ужасною смертью. Ралэ сложилъ голову на плахѣ; Марло былъ убитъ въ нечаянной схваткѣ. Въ гостиницѣ небольшаго села Детфордъ, въ окрестностяхъ Лондона, онъ встрѣтился съ своимъ соперникомъ по любовной связи, столь-же недостойной его, какъ и соперникъ (этотъ соперникъ носилъ ливрею какого-то вельможи). Марло бросился на него, но предупрежденный имъ, былъ убитъ своимъ собственнымъ кинжаломъ. Въ спискахъ прихода св. Николая въ Детфордѣ нашлось слѣдующее извѣстіе о его смерти: 1-го июня 1593 г. Христофоръ Марло убитъ Францисомъ Арчериомъ. Нѣть никакихъ свѣдѣній о томъ, преслѣдовали-ли убійцу. Смерть Марло пошла за обыкновенный случай постыдной ссоры. Собраты Марло—поэты не были такъ равнодушны

*) Иногда Марло и Шекспиръ сходятся въ тѣхъ-же образахъ, наприм. въ королѣ Эдуардѣ Марло:

Gallop a pace bright Phoebus though the sky,
And dusky night, in rusty iron car,
Between you both, shorten the time, I pray,
That I may see that most desired day,
When we may mate these traitors in the field.

И Шекспиръ въ монологѣ Юліи (Ромео и Юлія. Д. III, Яв. 2). Gallop a pace и проч.

**) Шекспиръ помѣстилъ нѣсколько отрывковъ ся въ Виндзорскихъ ку-
мушкахъ (Merry wives of Windsor) Д. III, Я 1. Почему онъ влагаетъ ее въ
уста Сиръ Югъ Эванса, комического лица, искаженного выговора которого
достаточно, чтобы сдѣлать смѣшиною какую-бы то ни было поэзію? (Смотр.
примѣч. 10).

бъ его смерти. Францісъ Мересь, извѣстный писатель того времени, сравнилъ въ своей «сокровищницѣ ума» (*Wit's treasury*) смерть Марло со смертю трагика Ликофорна, убитаго завистливымъ соперникомъ. Но далеко не всѣ были такого мнѣнія о несчастномъ трагикѣ. Впечатлѣніе, произведенное твореніями его, ужасъ и мнительность перешли, казалось, на главу автора. Мрачный образъ мыслей, дикие ярвы, страшный конецъ Марло отпечатлѣли въ фантазіи народа, какъ поэта, отверженаго небомъ. Припомнить возрастающее вліяніе пуританъ, и благодаря ихъ узкому ханжеству, готовящееся гоненіе на театры, актеровъ, драматическихъ писателей. Этимъ ханжамъ жизнь и участъ Марло могла подать драгоценный текстъ для пузьреческихъ разглагольствованій.

Одинъ изъ ревностѣйшихъ пуританъ Томасъ Бардъ (*Thomas Beard*), въ своемъ «Театрѣ суда Божія» (*Theatre of God's Judgements*), помѣстилъ и Марло въ каталогъ сыновъ Велларихъ (выражаясь назидательнымъ языкомъ ревностнаго доктора). «Никто изъ вышеприведенныхъ — говоритъ онъ — не уступалъ въ атеизмѣ, а по казни имъ всѣмъ уравненъ иѣкто Марло, недавно отшедшій на мѣсто свое; званіемъ литераторъ, учившійся въ молодости въ Кембриджскомъ университетѣ, но въ послѣдствіи вмѣсто дѣльныхъ занятій писавшій театральныя пьесы и подобные пустяки. Сей человѣкъ далъ полную волю уму своему и спустивъ удила похоти своего сердца, впалъ въ то-же озлобленіе и ту-же гибельную крайность, какъ и французскій трагический писатель Жодель, (*Jodelle*, отъявленный эпикуреецъ и атеистъ), отрицалъ Бога и Христа его и не только па словахъ хулилъ Троицу, но еще, по свидѣтельству людей достовѣрныхъ, писалъ книги такого содержанія: что Спаситель нашъ былъ обманщикъ, а Моисей волхвъ и лъстецъ; что въ Св. Бібліи однѣ только лживыя и пустыя сказки и всякая религія ни-что иное, какъ политической вымыселъ. Но зри, благочестивый читатель, на какой крюкъ пагубы и отмщенія насадилъ Господь этого пса лающа! Случилось такъ, что въ то самое мгновеніе, какъ онъ хотѣлъ своимъ книжаломъ заколоть ко-го-то, котораго ревновалъ къ своей любовнице, сей послѣд-

шій, завидя это, уклонился отъ удара, да еще такимъ образомъ, что ухватилъ его за кисть руки и собственный его кинжалъ вонзилъ въ его собственную голову: въ слѣдствіе чего, не смотря ни на какія пособія, онъ умеръ въ скоромъ времени смертю, по обстоятельствамъ и характеру ея (ибо онъ клялся и хулилъ до послѣдняго издыханія, и вмѣстѣ съ дыханіемъ проклятия изрыгались изъ устъ его), до того ужасною, что всѣ смотрѣвшіе на нее страшились и ужасались ей, какъ явному знаку суда Господня. И здѣсь же проявилось правосудіе Божіе въ томъ напаече обстоятельствѣ, что Господь ту-же самую руку, которая писала «хулы—сѣдаль орудіемъ казни за нихъ, заставивъ ее сокрушить мозгъ, въ коемъ онѣ зародились.»

Безчеловѣчная жестокость этой низнительной проповѣди, можетъ-быть, еще не составляетъ единственного достоинства ея — проповѣдникъ счелъ, кажется, цужнымъ призвать клевету на помощь своему краснорѣчію. Нѣтъ шигдѣ никакого слѣда безбожныхъ книгъ, приписываемыхъ Марло. Однако клевета и злоба находили отголосокъ и въ народѣ, зараженномъ уже пуританскю нетерпимостю и даже въ умахъ болѣе просвѣщенныхъ, у самыхъ поэтовъ. Одинъ изъ нихъ, авторъ «Возвращенія съ Парнаса» (*The Return from Parnassus Ac. I, Sc. 2*), прославляя геній Марло, мокалъ перо свое въ черную желчь пуританизма: «Марло — говоритъ онъ — былъ счастливъ въ своей театральной музѣ, но, увы! очень злополученъ въ жизни и кончинѣ. Какъ жаль, что генію его сужено было снискать столь дурное жилище: этотъ геній, ниспосланный небесами, долженъ быть выгнать среди пороковъ, изрыгнутыхъ адомъ.» *)

Чѣмъ заслужила тѣнь несчастнаго поэта такія неистовыя нареканія? Нѣсколько необдуманныхъ словъ, нѣсколько стиховъ изъ его Фауста; а главное слѣпая ненависть къ театру, актерамъ, театральнымъ писателямъ — и Марло слыветь

*) Marlowe was happy in his buskin'd muse

Alas! unhappy in his life and end.

Pity it is that wit so ill should dwelle

Witt lent from heaven, but vices sent first hell.

Возвращеніе съ парнаса явилось въ свѣтъ въ 1606 г.

атеистомъ. (8) Однако Марло недаромъ избралъ Фауста своимъ героемъ, недаромъ дышалъ онъ обаятельной атмосферой и своего вѣка и вольнаго театральнаго міра.

Мы имѣемъ свидѣтельство, незаподозрѣнное въ пуританизмѣ, о томъ, какъ Марло увлекался прыжками пагубнаго легкомыслія,—это свидѣтельство его друга и товарища Роберта Грина, несчастнаго не меныше Марло и умершаго въ страшной нищетѣ нѣсколькими мѣсяцами раньше него и подобно Марло въ цвѣтѣ лѣтъ (1550—1592).

Въ книгѣ, явившейся по смерти Грина, подъ заглавіемъ: «Раскаяніе Р. Грина» *), родъ исповѣди истаго сына XVI столѣтія, Гринъ, сокрушаясь по грѣхамъ своимъ, не забываетъ и собратовъ своихъ по литературѣ и театру надѣлять єдко-назидательными поученіями. Во-первыхъ, онъ берется за Марло; «не дивись, что я начинаю съ тебя, столь прославлявшаго нашу трагическую сцену; не дивись, если Гринъ, повторявшій за тобой, какъ безумный въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ — теперь воздаетъ почесть Его величію. Могущество Его всюду и десница Его отяготѣла на мнѣ. Ужели гений твой, даръ Его благости, на столько слѣпъ, что ты не хочешь воздать хвалу Даровавшему тебѣ его? Одній изъ собратовъ нашихъ по дьявольскому атеизму, уже преставился; но въ жизни своей онъ никогда не зналъ счастія, котораго всегда искалъ; и начавъ съ порока, онъ жилъ тревожно и умеръ въ отчаяніи. Ужели, другъ мой, ты захочешь быть его послѣдователемъ? Взгляни на меня, котораго онъ прельстилъ идти во слѣдъ себѣ въ эту ложную свободу, и ты найдешь, что эта мнимая свобода — вѣчное рабство.»

Надо признаться, что эта исповѣдь обличаетъ и дерзкія мнѣнія и распущенныя нравы, которые въ тотъ вѣкъ сопутствовали движенію умовъ и литературной дѣятельности. Принять къ свѣдѣнію эту нечистую примѣсь нужно для полнаго уразумѣнія Англійскаго театра того времени. Вліяніемъ ея въ особенности объясняется выборъ Фауста — любимый пред-

*) R. Greene's groat's worth of wit bought with a million of repentance. Собственно: Р. Грина на гроши ума, выкупленное миллионами раскаяній.

быть и въ другое время броженія умовъ—въ эпоху молодости Гете.

Гений и заслуги Марло нашли себѣ впрочемъ цѣнителей, умѣвшихъ отдать въ немъ поэта отъ человѣка.

Сохранились похвалы его гению, писанныя первыми поэтами того времени. Генрихъ Пето (Petowe), издатель его «Эро и Леандръ», посвятилъ памяти Марло дифирамбъ, въ которомъ онъ ставить его выше всѣхъ писателей всѣхъ временъ—гдѣ въ противность ханжамъ—пуританамъ, называетъ его славнымъ на землѣ, блаженнымъ на небѣ *).

Мнѣніе объ немъ Гевуда (Haywood) мы уже привели. Карю (Carew), Нашъ (Nasch), Джорджъ Пиль (George Peel)—всѣ говорятъ о божественной музѣ Кита (Kitt) (уменьшительное отъ Христофоръ) Марло. Дрейтонъ (Drayton), знаменитый поэтъ того времени въ своей «Одѣнкѣ поэтовъ» (Censure of poets), включилъ стихи о Марло, въ которыхъ вѣтъ какъ-бы духомъ древности. **) Бенъ-Джонсонъ въ гимнѣ, посвященномъ памяти Шекспира (Verses to the memory of M. William Shakespeare), расточая похвалы своему возлюбленному пасателю, говоритъ между-прочимъ: Еслибъ я зналъ навѣрное, что мое сужденіе станетъ приговоромъ вѣковъ, я-бы назвалъ твоихъ перовъ (равныхъ) и я-бы сказать, какъ далеко ты оставляешь позади себя шутки Кеда или мощный стихъ Марло (9) Этотъ мощный стихъ (Marlowe's mighty line) выхваляетъ еще Аддисонъ. Но уже до Аддисона наступила для Марло пора забвѣнія. Наконецъ пробудившійся интересъ къ славному періоду Англійскаго театра, восстановилъ и память Марло, товарища Шекспира по избранному поприщу, по славѣ и незаслуженному

*) What soule more happy, than that soule of thine? •

Live stil in heaven thy soule, thy fame on earth и т. д.

**) Next Marlow, bathed in the Thespian springs,
Had in him those brave sublunary things,
That your first poets had; his raptures were
All air and fire, which made his, verses clear:
For that fine madness still he did retain,
Which rightly should possess a poet's brain.

(Censure of poets):

забвенію. Въ 1826 г. вышло полное собрание всѣхъ твореній Марло. О достоинствѣ Марло голоса раздѣлились. Пень-Коль находитъ въ его Эдуардѣ величайшее сходство съ историческими драмами Шекспира, думаетъ, что Марло, еслибъ вѣкъ его продлился, могъ-бы сдѣлаться опаснымъ соперникомъ Шекспира. Гервинусъ напротивъ - того не даетъ ему даже первого мѣста между предшественниками великаго драматурга и ставить Грина выше Марло; а Тикъ не помѣстилъ ни одной изъ драмъ его въ своихъ сборникахъ и переводахъ изъ древняго Англійскаго театра. Можетъ-быть, дѣйствительно Марло принялись выхвалять не по-достоинству. Отъ Тика- антикварія можно впрочемъ апшелоровать къ тому-же Тику, автору извѣстнаго романа: «Жизнь поэта» (Шекспира), въ которомъ Марло, его мрачный гений, пылкіе порывы и страшная кончина писаны широкою кистью, мрачными красками и освѣщены поэтическимъ свѣтомъ (10).

ПРИМѢЧАНИЯ.

- 1) Приводимъ важнѣйшія изъ этихъ полемическихъ сочинений:
 - a. Джорджъ Фентонъ (George Fenton): о формѣ благоустройства — (*The form of Christia policie*). London, 1574. in-8.
 - b. Джонъ Нордербрукъ (John Northerbrook): Трактать, въ которомъ игра въ зерна, пляска, суетныя комедіи и проч. предаются осужденію. 1577.
 - c. Стефанъ Госсонъ (Stephen Gosson): Школа злоупотребленій. (*The School of abuse*. 1579) и его же: опровергнутыя комедіи въ пяти жалобныхъ пунктахъ. (*Plays confuted in five actions*).
 - d. Филиппъ Стѣбсъ (Phillip Stubbs): Анатомія злоупотребленій (*Anatomie of abuses*). 1589.
 - e. Вилліамъ Ранкинъ (William Rankin): Зеркало чудовицей (*Mirrour of monsters*). 1587.
 - f. Докторъ Рейнольдъ (Reinold): Театральныя зрѣлища опровергнутыя (*Overthrew of stage plays*).
- Всѣхъ превзошли ядовитостю, но и жестоко поплатился за нее:
- g. Вилліамъ Принъ (William Prynne): Бичъ актеровъ (*Histrionomastix*). 1633. in 4. Въ этой книжѣ постыдители театра называ-

ются воплощенными бѣсами, а музыка ревомъ безловеснаго скота. Обычай того времени: давать женскія роли мальчикамъ и молодымъ людямъ считается оскорблениемъ и соблазномъ. Можно было бы заключить, что Принцъ будетъ благосклоннѣе къ женщинамъ на сценѣ (первая англійская актриса mistress Saunderson выступила въ роли Дездемоны въ 1663 г., но Принцъ могъ знать объ актрисахъ во Франціи и Италиї); ничуть не бывало; неумолимый ревнитель угощаетъ ихъ непереводимымъ эпитетомъ: *women actors notorious whores*. На бѣду ревностнаго критика, придворные спектакли не выключали женскихъ ролей, а въ одной пасторали, за годъ до появленія «бича актеровъ», выступили на сцену молодая королева и ся французскія фрейлины. Дворъ взялъ подъ свое покровительство дѣло актеровъ съ Принцомъ; врагъ ихъ обложенъ былъ неожиданно г҃бнею, выставленъ съ обрѣзанными ушами на позорномъ столбѣ, а книга его сожжена рукою палача.

Пуритане ссылались также и на гражданскіе законы, запрещавши будто бы занятіе актеровъ, ио съ явной и недоброжелательной натяжкой ихъ смысла. Чаще всѣхъ приводится статутъ Елизаветы (Stat. 39, Elis. c. 4) противъ бродягъ и ложныхъ нищихъ. Но на этомъ самомъ можно видѣть всю недобросовѣтность этихъ ревнителей благочинія. Приводимый ими статутъ противъ актеровъ исключаетъ именно ихъ искусство изъ числа запрещенныхъ промысловъ. Само собою разумѣется, что друзья и покровители актеровъ и театрловъ не оставались въ долгу. Въ царствованіе Елизаветы, Іакова I-го и Карла I-го, рѣдкій комическій писатель не выводитъ на сцену какого-нибудь несчастнаго лицемѣра, фанатического прецизіана (*precisian*), какъ величали себя строгіе пуритане, или люди изъ Банбури (Banbury-men), какъ ихъ звали по одному мѣстечку, славившемуся издавна числомъ и необузданностію своихъ протестантскихъ святынь. Укажемъ на Вароломеевскую ярмарку (Bartholemew-fare) Бенъ Джонсона, гдѣ одинъ такой пустосвятъ расточаетъ анаѳемы и доводы противъ невинныхъ актеровъ кукольной комедіи.

2) Четырнадцать отдѣльныхъ труппъ наперерывъ тѣшили дворъ Елизаветы: Лорда Лейчестера, получившая въ 1574 г. королевскій дипломъ (*license*); въ 1572 г. составилась труппа сира Роберта Лена; въ томъ же году лорда Кинтона; въ 1575 составились труппы: лорда Варвика и лорда Камерленга; имя Шекспира стоитъ въ спискѣ слугъ (актеровъ) лорда Камерленга; въ 1576 г. графъ Суссексъ собралъ труппу; въ 1577 лордъ

Говардъ; въ 1578 — графъ Эссексъ; въ 1579 — лордъ Стренджъ и графъ Дѣрби; въ 1591 — лордъ Адмираль; въ 1592 — графъ Гертъордъ; въ 1593 — лордъ Пэмбракъ, а въ послѣдніе годы Елизаветы — графъ Ворчестеръ составилъ новую труппу. Іаковъ I превзошелъ и Елизавету въ покровительствѣ сценическому искусству. Онъ придалъ ему важность и достоинство, которыхъ оно до него не имѣло. 12 дней спустя по вступлѣніи на престолъ, онъ выдалъ дипломъ (license) труппѣ лорда Камерленга, переименовавъ ее королевской; королева посыпала его примѣру и выбрала актеровъ графа Ворчестера, а принцъ Валлійскій (Гейнрихъ, старшій братъ Карла, наследника Іакова) принялъ въ свое услуженіе труппу графа Ноттингама.

Перейдемъ къ театрамъ. Изъ церквей, въ которыхъ еще Боннеръ, епископъ Лондонскій, въ 1542 г. запретилъ давать сценическія мистеріи, переселились онѣ на дворы гостинницъ. Здѣсь устраивались временные театры, и форма этихъ дворовыхъ дала модель первымъ постояннымъ театрамъ. Въ 1570 г. сооружено первое подобие постоянного театра, а можетъ-быть и второе. Достовѣрно то, что два древнѣйшихъ театра въ Лондонѣ, въ зданіяхъ бывшихъ монастырей черныхъ и белыхъ монаховъ (Blackfriars и Whightfriars) существовали задолго до 1575 г. Въ этомъ году Лондонскій магистратъ, подстрекаемый шуриганами, запретилъ всякия театральные представленія въ мѣстахъ, подчиненныхъ его вѣдомству.

Всѣдѣствие этого дворы гостинницъ затворились, а Вейтфрейерсъ и нѣсколько базагановъ и навѣсовъ (которые величались тоже театрами) были срыты. Къ счастію, театръ Блакфрейерсъ, при мостѣ того же имени, былъ въ вѣдомства магистрата и не только уцѣлѣлъ, но еще обновился и украсился. Его снялъ Ричардъ Бурбаджъ, другъ Шекспира, режиссеръ труппы Лейчестера. Блакфрейерсъ стоялъ прямо у воротъ Сити, что давало единственное средство укрыться отъ преслѣдований магистрата. Около того же 1575 г., явились также въ города, где властвовали Лордъ меръ и альдерманы, еще два театра: «театръ и занавѣсь (curtain) въ Шоредичѣ». Число театровъ, около времени прибытія въ Лондонъ Шекспира, возросло до семи; кроме сказанныхъ упоминаются; Фениксъ въ Дрюрилендѣ, Глобусъ на южномъ берегу Темзы (Baukside), Рыжій быкъ (Red Bull), на верхнемъ концѣ улицы св. Іоанна (Upperend of st. Johns' street) и Фортунъ въ улицѣ благо креста (Whitecross - steet). Театръ Вейтфрейерсъ то же вновь упоминается послѣ постигшей его катастрофы; слѣ-

довательно, онъ или уцѣлѣлъ или возсталъ изъ развалинъ. Блакфрейерсъ, Вейтфрейерсъ и Фениксъ назывались частными домами, въ отличие отъ остальныхъ, такъ называемыхъ публичныхъ театровъ. Чѣмъ отличался частный домъ (*private-house*) отъ публичного театра, опредѣлить въ точности отказываются сами англійскіе писатели обѣ этомъ предметѣ. Знаемъ только, что такъ называемые частные дома были меныше публичныхъ театровъ и что въ нихъ играли обыкновенно при свѣчахъ. Былъ еще три публичныхъ театра около этого же времени: Лебедь (*Swan*), Роза (*The Rose*) и Надежда (*The Hope*), но держались не долго. Главнѣйшими театрами были: Глобусъ и Блакфрейерсъ. Только на этихъ двухъ давались пьесы Шекспира. Въ послѣдствіи Бенъ-Джонсонъ и его школа завладѣли Блакфрейерсомъ, считавшимся одно время самымъ моднымъ театромъ. «Фортуна» же, которую содержалъ Ричардъ Алленъ (въ соперничество Глобусу) посѣщала простой народъ. Эти семь главныхъ театровъ продержались во все время дѣятельности Шекспира; ихъ было мало для публики. Какъ бы на зло пуританамъ въ 1600 г. театръ считалось уже 11; а въ царствованіе Иакова до 17, болѣе нежели въ нынѣшнемъ Лондонѣ, увеличившемся противъ тогдашняго по крайней мѣрѣ въ шесть разъ.

3) Фаустъ явился въ печати спустя 40 лѣтъ по смерти Марло; къ тому же ничего не известно о достоинствахъ рукописи, по которой его печатали (Мальтійскій Жидъ явился въ печати столь же поздно, но по рукописи, бережно сохраненной Гевудомъ). Въ самомъ заглавіи, издатель Фауста сознается въ прибавленіяхъ къ тексту. Изъ этого можно или даже должно заключить, что онъ не дошелъ до насъ въ безукоризненной чистотѣ. Тикъ идетъ далѣе и отказываетъ ему во всякомъ довѣріи. По словамъ Тика достаточно того свидѣтельства, что нынѣшній текстъ Фауста вышелъ изъ репертуара театра «Фортуна» (для котораго преимущественно писалъ Марло), чтобы окончательно заподозрить его. Директоръ этого театра Алленъ былъ соперникомъ Глобуса, театра Шекспира и дѣйствовалъ противъ него тѣмъ, что привлекалъ простой народъ. Ненасытимость такой публики нельзя было утолить иначе, какъ все новыми пьесами — а за неимѣніемъ ихъ, ставили старыя и при этомъ немилосердо передѣльвали ихъ. Такой-то передѣлкѣ, доходящей до искаженія, подвергся, по мнѣнію Тика, и Фаустъ. Вѣрный этому мнѣнію, Тикъ утверждаетъ, что по Фаусту, напечатанному въ собраніи старыхъ пьесъ (*Old plays*) несправедливо было бы судить объ

искусствъ Марло — а въ своемъ романѣ «Жизнь Поэта» (Шекспира) заставляетъ Марло своеручно сжечь рукопись своего Фауста. Создавая иѣкоторыя несовершенства нынѣшняго текста Марловы Фауста, нельзя однако же не подивиться, какъ несомнѣнныя красоты его могли ускользнуть отъ вниманія Тика, бывшаго въ свое время такимъ ревностнымъ поклонникомъ и глубокимъ знатакомъ этого ранняго періода Англійской драмы.

4) Она имѣла успѣхъ на другой сценѣ, на театрѣ маріонетокъ; успѣхъ въ то время не маловажный, запаменяющій народную славу Марло. Деккеръ, современникъ Шекспира, говоритъ, что въ его время давали на театрѣ маріонетокъ (*acted by puppets*) Юлія Цезаря и Герцога Гиза, и что онъ самъ видѣлъ эти кукольныя трагедіи; этотъ Герцогъ Гизъ ничто иное, какъ драма Марло: «парижскія убийства». Что же касается до Юлія Цезаря, то Пэнъ Коллье не сомнѣвается признать въ немъ известную подъ этимъ именемъ трагедію Шекспира. Къ сожалѣнію, противъ миѣнія Пэнъ-Киллье возстаютъ разныя хронологическія трудности, которыя здѣсь не мѣсто разбирать. Марло не остался въ долгу у этихъ новыхъ подвижныхъ актеровъ. По примѣру почти всѣхъ драматическихъ писателей того времени (извѣстно, какъ часто самъ Шекспиръ намекаетъ на театръ маріонетокъ) — Марло спасъ отъ забвенія иѣкоторыя фигуры кукольной комедіи; напримѣръ въ Мальтійскомъ Жидѣ Барава обѣщаетъ молодому рабу женить его на Милеми-Суетѣ.

A youth? I'll buy you, and marry you to Lady Vanity.

Lady Vanity была во время оно непремѣнное лицо моралей.

5) Мэлонъ представилъ списокъ 38 пьесъ, за исключеніемъ мистерій, мираклій, интермедій (*intermezzo*) и переводныхъ пьесъ, писанныхъ до 1592 г. включительно. Выписываемъ историческія:

Король Генрихъ V (King Henry V), не Шекспировъ, около 1589 г.

Распра домовъ Йоркъ и Ланкастеръ (Contention between the houses York and Lancaster) около 1590 г.

Король Иоаннъ (King John), въ двухъ частяхъ, 1591 г.

Яковъ IV король Шотландіи (James IV, king of Scotland), ранѣе 1592 г.

Сказаніе о монахѣ чародѣѣ Бэконъ (friar Bacon and friar Bungay) Грина, принадлежитъ собственно къ романтическимъ драмамъ, 1592 г.

Сюда можно прибавить близкія по сферѣ дѣйствія:

Бѣдствія Артура (*misfortunes of Arthur*), 1587 г.

Альфонсъ, король Арагоніи (*Alfonsus, king of Arragon*), раньше 1592 г.

Наконецъ и самого Феррекса и Поррекса, 1561 г.

6) Марло описалъ здѣсь придворные спектакли своего времени (*masques, pageants*). Главное мѣсто въ нихъ занимали декорации и музыка. О вялости и пустотѣ ихъ можно судить по одному образчику, по Палемони и Арциту, Ричарда Эдварса, члена королевской капеллы, гдѣ лай гончихъ собакъ былъ такъ удачно схваченъ, что королева и вѣльможная публика пришли въ восторгъ. Впрочемъ эти маски еще долго послѣ Марло удерживались при дворѣ. Бенъ Джонсонъ блесталъ въ нихъ, и самъ Мильтонъ оставилъ намъ *chef d'oeuvre* въ этомъ родѣ. Миѳология господствовала въ нихъ, а эпизодъ Діаны и Актеона былъ очень популярнѣй въ вѣкъ Шекспира. Бенъ Джонсонъ написалъ на этотъ сюжетъ маску, игрannую предъ Іакомомъ I, только-что прибывшемъ изъ Шотландіи для вступленія на престолъ Англіи. Тотъ-же сюжетъ встрѣчается въ старинныхъ пьесахъ того времени, напр. въ Гринѣ, Крайденскомъ угольщикѣ (*Grim the collier of Craydon*). Д. ІІІ, Явл. I.—(можетъ быть взятый у Марло).

7) Тонъ этотъ, эта изысканность языка получили техническое название эвфуизма (*Euphaisme*), заимствованное изъ романовъ Джона Лили:

«*Euphues, the Anatomy of Wit.*» (4° 1581 г.) «и *Euphues and his England.*» (4° 1582 г.) Лили славился умомъ, а послѣ изданія этихъ романовъ считался преобразователемъ Англійского языка. Вотъ что говоритъ о немъ, еще въ 1632 г., Блунтъ, издавшій шесть драмъ (*plays*) Лили: «нашъ народъ обязанъ Лили новымъ Англійскимъ языкомъ (*new English*), которому онъ научилъ его, котораго первыя начала заложилъ онъ въ «*Euphues and his England.*» Всѣ наши дамы стали его ученицами, и на ту придворную красавицу, которая не умѣла бы «*parle (sic) Euphicism*», также мало обращали-бы вниманія, какъ въ наше время на не знающую по французски.» Нѣсколько выписокъ дадутъ лучшее понятіе о слогѣ этого необыкновенного романа:

«Въ каждомъ треугольникѣ необходимы три стороны; первая начинаетъ, вторая приращаетъ, третья завершаетъ его фигуру; такъ и въ любви: страсть, влекущая сердце; скрытность, увеличивающая надежду; постоянство, завершающее все дѣло. Безъ одного какого-либо изъ этихъ правилъ не можетъ быть треугольника; а безъ одной изъ этихъ добродѣтелей — нѣть любви.»

или

«Огонь нельзя спрятать во льне безъ дыму, ни мускуса за пазухой безъ запаха, ни любви въ сердцѣ безъ подозрѣнія.»

или еще:

«Она цвѣтъ привѣтливости, картина красоты; она срамитъ Венеру, превосходя ее красотою и тѣмъ, что гораздо дѣбродѣтельнѣе ея; и затѣмъ ваетъ Діану, столь-же цѣломудренная, но гораздо любезнѣе ея; но чѣмъ болѣе у ней красоты, тѣмъ-болѣе гордости; чѣмъ-болѣе добродѣтели, тѣмъ-болѣе осмотрительности. Павлинъ приличествуетъ одной лишь Юонѣ; голубь одной Вестѣ; никто не дерзасть носить Венеру въ скрижалѣ, развѣ Александръ; или Палладу въ перстнѣ, развѣ Одиссей. Ибо какъ одинъ только Фениксъ во всей природѣ, и дерево одно только въ Аравіи, на которомъ онъ гнѣздится; и точно такъ, какъ слава раздается про одну Камиллу, равнымъ образомъ есть одинъ только Цезарь, достойный ея любви.

Охотники могутъ найти многія параллели этихъ хрій въ «Александрѣ и Кампастѣ», драмѣ Лили, напечатанной въ собраніи «Old plays»

Однако достаточно этихъ примѣровъ, чтобы провѣрить сужденіе объ эвфуизмѣ Лили и другихъ, познакомившихся въ самомъ подлинникѣ съ этимъ уродливымъ и причудливымъ говоромъ. По всеобщему мнѣнію даже ближайшихъ къ появлению этого романа временъ, Лили своимъ нарѣчіемъ заразилъ будто-бы не только дворъ, но и самую литературу великаго столѣтія. Эти мнѣнія повторялись такъ-часто, что обратились наконецъ въ аксиому. Можетъ-быть, не мало темныхъ мѣстъ въ Шекспирѣ находятъ себѣ окончательное толкованіе только въ эвфуизмѣ. Одни эвфуизму придали, кажется, значеніе слишкомъ общирное (въ особенности комментаторы Шекспира и по преимуществу Англійскіе), причисляя къ нему все, что по оригинальности, по фантазіи и щеголеватой игривости сравненій выходило изъ общаго уровня понятій, вѣка, языка, наконецъ, можетъ-быть, индивидуальности изучающихъ и изучавшихъ Англійскихъ поэтовъ великаго столѣтія. Я не думаю, чтобы гдѣ-либо въ Шекспирѣ нашлось что-нибудь, напоминающее нелгѣности въ родѣ приведенныхъ выше; развѣ въ роляхъ комическихъ лицъ, напр. Дона Адріана-де-Армадо, да и здѣсь скорѣе можно видѣть сатиру на испанскую надутость. Мы читали романы, которыхъ авторы, по собственному признанію, были эвфуисты; такъ напр. «Дораста и Фавнію» Роберта Грина; также «Розалинду» Томаса Lodge'a, кото-

рую самъ авторъ называлъ золотымъ наслѣдствомъ эвфуеса—романъ, изъ котораго Шекспиръ взялъ свою комедію: «*As you like it*» (какъ вамъ нравится); но и въ этихъ двухъ романахъ нѣтъ ничего подобнаго. Можно надѣяться, что читатели составятъ себѣ о слорѣ Лодже (Lodge) выгодное понятіе, напр. изъ разговоровъ Орланда и Розалинды, въ которыхъ Шекспиръ замѣчательно близко придерживался своего источника. Наконецъ такое сильное господство Лилевої чепухи было-бы чѣмъ-то сверхъ-естественнымъ. Эвфуизмъ Лили гораздо ниже языка пресеневшій знаменитаго алковизма отеля Рамбулье, *Carte du tendre* Скюдери, ~~и~~ ^и сгигированнаго языка временъ Ришелье и испанскаго *estilo culto*, пущеннаго въ ходъ Гонгорой, надъ которыми такъ-жѣ склонялся Сервантель. Не вѣрится, чтобы Лили могъ имѣть такое влияніе въ вѣкъ Елизаветы, Спенсеровъ, Сиднеевъ и проч., стилистовъ, первыхъ можетъ-быть по гению и искусству во всей Англійской литературѣ. Конечно, пошлости пользуются иногда особыеннымъ покровительствомъ Фортуны, но всему-же есть предѣлы. Не лишнимъ было-бы снова провѣрить это пресловутое влияніе Лилева романа; въ результатѣ, получилось-бы, можетъ-быть, что существенная часть его ограничивается выборомъ, заглавія, однимъ словомъ эвфуестъ; нашлось-бы, можетъ-быть, что дворъ Елизаветы и любимые ея писатели были эвфуистами только по имени.

8) Противъ двухъ-трехъ двусмыслиостей, сколько можно привести изъ того-же Марло (напр. въ Эдуардѣ II) христіанскихъ чувствъ, живыхъ симпатій къ той-же реформѣ, именемъ которой его преслѣдовали! Въ ненависти къ его памяти много виновата и другая причина, уже чиколько не зависящая отъ самого писателя — неспособность публики забыть личность актеровъ въ разыгрываемой пьесѣ и личность автора ея. Вильменъ приводить примѣръ Сирано де-Бержерака (*Cyrano de Bergerac*), французскаго писателя конца XVII ст., который едва не поплатился самъ, и очень дорого, зрителямъ, разгневаннымъ на него, за безбожныя фразы, которыя онъ вложилъ въ уста Сеяна. Какъ ни хороша была въ Англіи театральная публикa того времени, однако за ней, кажется, тоже водился этотъ грѣхъ. Флетчеръ сдѣлалъ его предметомъ одной изъ лучшихъ комедій своихъ: «рыцарь пылающаго песта» (*The Knight of the burning pestle*). Аптекарь и аптекарша, не смотря на всѣ усилия писателя, сочинившаго по ихъ же просьбѣ пьесу исключительно во-славу достохвальнаго ихъ цѣха, и на самую оживленную игру актеровъ,

остаются все-таки не довольны въ самомъ главномъ лицѣ—рыцарѣ; имъ все еще видится Ральфъ, мальчикъ при ихъ аптекѣ. Флетчеръ былъ современникъ и другъ Шекспира. А каковъ слѣдующій отзывъ о самомъ Шекспирѣ: «Я не могу, безъ негодованія, находить въ Шекспирѣ, что «смерть есть сонъ.» Подобное разсужденіе монаху—неприлично, въ разсуждающемъ—нельзя, въ поэты—пошло и обыденно.» И кто-же такъ обвиняетъ Шекспира и по какому поводу? Его мудрый критикъ и комментаторъ Джонсонъ, въ примѣчаніи къ первой сценѣ III акта: «Мѣры за мѣру» (Measure for Measure), гдѣ герцогъ, переодѣтый монахомъ, увѣщеваетъ Клаудіо, приговореннаго къ смерти; но самъ-же герцогъ знаетъ, чѣмъ все кончится и не можетъ войти въ роль и по непривычкѣ, и въ виду веселой развязки.

9) Въ этомъ похвальному хорѣ недостаетъ для насть самого важнаго. Какъ цѣнилъ Шекспиръ своего старшаго брата? Если не ошибаюсь, Шекспиръ вообще мало говорить о литературныхъ знаменитостяхъ своего времени. Встрѣчаются намеки на Бенть-Джонсона, на Спенсера,—но именно одни намеки; большею частію разгадать ихъ стоитъ многосложныхъ соображеній, да и тогда еще результатъ не всегда пеоспоримъ. Каковы были отношенія Шекспира къ Марло—отвѣтать трудно. Жизнь первыхъ драматурговъ, да и самого Шекспира, дошла до насть съ весьма немногими достовѣрными подробностями. Извѣстно, что Шекспиръ основалъ дружескій клубъ въ знаменитой тавернѣ Сирена (Mermaid), издавна любимомъ мѣстѣ остряковъ; мы знаемъ и имена членовъ этого клуба, который образовался около 1603 года; стало-быть по смерти Марло. Какъ Марло смотрѣль на своего великаго современника, угадающи онъ его гений—вопросъ, который также врядъ-ли удастся разрѣшить. Мэлонъ и Стевенъ приводятъ горькие, завистливые отзывы Грина и другихъ о Шекспирѣ и его пліяніи на театръ. Зависть въ нихъ прикрывалась пренебреженiemъ къ писателю, мало знающему древніе языки. Еще Бенть-Джонсонъ счелъ нужнымъ въ приведенной выше похвалѣ Шекспиру не скрыть отъ читателей, что Шекспиръ, котораго онъ не сомнѣвается ставить на ряду съ Эсхиломъ, Эвріпидомъ и Софокломъ, зналъ однако мало по-латыни, а еще менѣе по-гречески. На этомъ основаніи Тикъ толкуетъ въ обидномъ для Шекспира смыслѣ иѣсколько стиховъ изъ краткаго пролога Марло къ своему Тамерлану: *From jigging veins of rhyming motherwits and such conceits as clownage keeps in pay, we'll had you, etc.*

«Мы уведемъ васъ отъ попыльихъ плясовыхъ напѣвовъ (jig),

парижованныхъ умами- самоучками и отъ такихъ концептовъ, за которые платить скоморохи.»

Слово самоучка, по мнѣнію Тика, относится къ Шекспиру. Затѣмъ Тикъ старается хронологически оправдать свою догадку; но, кажется, безуспѣшио. Врядъ-ли Шекспиръ издалъ что-либо раньше Тамерлана. Во-всякомъ-случаѣ недостатокъ образованія, полагая даже, что Шекспиръ заслужилъ этотъ упрекъ (между тѣмъ романтики приписываютъ ему-же знаніе многихъ языковъ!), принадлежитъ все-же не одному Шекспиру изъ всѣхъ писателей того времени.

10) Надо замѣтить, что лѣсъ влюблennаго пастуха долгое время приписывалась самому Шекспиру и даже вышла въ свѣтъ подъ его именемъ еще при жизни его. Права Марло на нее впрочемъ несомнѣнны и окончательно доказаны, если не ошибаемся, впервые Томасомъ Перси въ его сборникѣ древней Англійской поэзіи.

Вотъ текстъ пѣсни *Лизи*, какъ ее называютъ, сонета Марло и отвѣта Раїз.

МАРЛО.

Live with me and be my love,
And we will the pleasures prove
That hills and vallies, dale and field,
And all the craggy mountains yield.

There will we sit upon the rocks
And see the shepherds feed their flocks,
By shallow rivers, to whose falls
Melodious birds sing madrigals.

There will I make thee beds of roses
With a thousand fragrant posies,
A cap of flowers, and a kirtle
Imbrodered all with leaves of myrtle.

A gown made of the finest wool,
Which from our pretty lambs we pull;
Slippers lin'd choicely for the cold,
With buckles of the purest gold.

A belt straw, and ivies buds,
With coral clasps, and amber studs:
And if these pleasures may thee move,
Then live with me, and be my love.

The shepherd swains shall dance and sing
 For thy delight each May morning:
 If these delights thy mind may move,
 Then come to me and be my love.

The Nymph's Reply. Ряд.

If that the World and Love were young
 And truth in every shepherd's young,
 These pretty pleasures night me move
 To live with thee, and be thy love.

But time drives flocks from field to fold,
 When rivers rage, and rocks grow cold,
 And Philomel bewmeth dumb;
 And all complain of eares to come.

The flowers do fade, and wanton fields
 To wayward winter reckoning yield:
 A honey tongue, a heart of gall
 Is fancies spring, but sorrows fall.

Thy gowns, thy shoes, thy beds of roses
 Thy cap, thy kirtle, and thy posies,
 Soon break, soon wither, soon forgotten,
 In folly ripe, in reason rotten.

Thy belt of straw, and ivie buds,
 Thy coral clasps, and amber studs;
 All these in me no means can move
 To come to thee, and be thy love.

But could youth last, and love still breed,
 Had joies no date, nor age no need;
 Then those delights my mind might move
 To live with thee, and be thy love.

С. Уваровъ.

Дерптъ 1858. Октябрь.

КРИТИКА.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ СО СМЕРТИ ПУШКИНА. — РОМАНТИЗМЪ. — ОТНОШЕНИЕ КРИТИЧЕСКАГО СОЗНАНИЯ КЪ РОМАНТИЗМУ. — ГЕГЕЛИЗМЪ. — (1834—1840).

(Статья вторая.)

IX.

«Романтизмъ» — писалъ Бѣлинскій въ заключительной статьѣ «Литературныхъ мечтаний» — «вотъ первое слово, огласившее Пушкинскій періодъ; народность — вотъ альфа и омега новаго періода. Какъ тогда всякий бумагомаратель изъ кожи лѣзъ, чтобы прослыть романтикомъ; такъ теперь всякий литературный мужъ претендуетъ на титло народнаго писателя. Народность — чудное словечко! Что передъ нимъ вишь романтизмъ! Въ-самомъ-дѣлѣ, это стремленіе къ народности весьма замѣчательное явленіе. Не говоря уже о нашихъ романтистахъ и вообще новыхъ писателяхъ, взгляните, что дѣлаютъ заслуженные корифеи нашей словесности: Жуковскій, этотъ поэтъ, гений котораго всегда былъ прикованъ къ туманному Альбіону и фантастической Германіи, вдругъ забыть своихъ паладиновъ, съ ногъ до головы закованныхъ въ сталь, своихъ прекрасныхъ и вѣрныхъ принцессъ, своихъ колдуновъ и свои очаровательные замки — и пустился писать Русскія сказки.... Нужно-ли доказывать, что эти Русскія сказки также не въ ладу съ Русскимъ духомъ, котораго въ нихъ слыхомъ-не-слыхать и видомъ-невидать, какъ не въ ладу съ Русскими сказками греческій или пѣмецкій гекзаметръ?... Но не будемъ слишкомъ строги къ этому заблужденію могущественнаго таланта, увлек-

Отд. II.

1

шагосл духомъ времени: Жуковскій вполнѣ совершилъ свое поприще и свой подвигъ: мы больше не въ правѣ ищего ожидать отъ него. Вотъ другое дѣло Пушкинъ: странно видѣть, какъ этотъ необыкновенный человѣкъ, которому иш-чего не стояло быть народнымъ, когда онъ не старался быть народнымъ, теперь такъ мало народенъ, когда рѣшительно хочется быть народнымъ; странно видѣть, что онъ теперь выдастъ памъ за нечто важное то, что прежде бросалъ им-моходомъ, какъ избытокъ или роскошь. Мне кажется, что *это стремление къ народности, произошло изъ того, что вся живо почувствовали непрочность нашей подражательной литературы и захотѣли создать народную, какъ прежде силились создать подражательную. Итакъ, опять цѣль, опять усилия, опять старая погудка на новый ладъ.* Но развѣ Крыловъ потому народенъ въ высочайшей степени, что старался быть народнымъ? Нѣтъ; онъ обѣ этомъ ип мало не думалъ; онъ былъ народенъ, потому что не могъ не быть народнымъ: былъ народенъ безсознательно и едва-ли зналъ цѣну этой народности, которую усвоилъ созданіямъ своимъ безъ всякаго труда и усилия. По-крайней-мѣрѣ, его современники мало умѣли цѣнить въ чемъ это достоинство: они часто упрекали его за *низкую природу* и ставили на одну съ панью доску прочихъ баснописцевъ, которые были несравненно ниже его. *Съдовательно, наши литераторы, съ такою ревностію заботящіеся о народности, хлопочутъ по пустому.*

Чтобы понять совершенно смыслъ этой правдивой по всему кромѣ Пушкина выходки Бѣлинского, — должно припомнить факты.

Это было время историческихъ романовъ, выходившихъ дюжинами въ мѣсяцъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, — романовъ, въ которыхъ большую частію изображенія предковъ были прямо списаны съ кучеровъ ихъ потомковъ, которыхъ народность заключалась только въ разговорахъ ямщиковыхъ, да и то еще подслушанныхъ и переданныхъ не вѣроно и не свободно, а *историческое*, въ описаніяхъ старыхъ боярскихъ одеждъ и вооруженій, да столовъ и кушапій — въ которыхъ *оригинальна* была только дерзость авторовъ, изображавшихъ съ равной безцвѣтностью всякую эпоху нашей исторіи....

Разумѣется, что я говорю это не о романахъ Загоскина, не о романахъ Полеваго, которыхъ никакъ не слѣдуетъ ставить на одну доску съ его драмами — этими несчастными плодами несчастной эпохи его дѣятельности, и въ особенности не о романахъ Лажечникова. Это были блестящія исключенія — хотя, надоѣло сказать правду — только даровитость и какая-то оригинальная задушевность тоща выкапають романы Загоскина: только смѣлые замашки, только стремленія къ проведенію новыхъ историческихъ мыслей — вѣрныхъ или невѣрныхъ, но во всякомъ случаѣ имѣвшихъ отрицательное значеніе, сообщаютъ пѣкоторую жизнь Симеону Кирдяпѣ, Клятвѣ при гробѣ Господнемъ и другимъ попыткамъ Полеваго, который вовсе не былъ рожденъ творцемъ и художникомъ, — и только романы Лажечникова остались и уцѣлѣли для насъ, со всѣми ихъ огромными пожалуй недостатками, но и огромными достоинствами... Всѣ же остальное вполнѣ стоило нападокъ Бѣлинскаго. Писались, или лучше сказать фабриковались, эти штуки по извѣстнымъ рецептамъ: Московскія издѣлія по Загоскинскимъ, Петербургскія по Булгаринскимъ.

Кромѣ того, историческое повѣтріе ударило и въ другую область, въ область драмы. На сценѣ постоянно горячиль и хвасталь Ляпуновъ, кобънился Мининъ въ видѣ Дѣвы Орлеанской, и по-истинѣ въ грязь стаскивались эти великия и доблестныя тѣни. Опять должно и тутъ исключить нѣсколько попытокъ Хомяковскихъ — несмотря на ихъ странный въ приложеніи къ нашему быту Шиллеровскій лиризмъ, подававшій поводъ къ правдивымъ и язвительнымъ насмѣшкамъ — и пожалуй Погодинскихъ, — хотя менѣе всего къ художеству способенъ достопочтенный цашъ историкъ, и только глубокое знаніе, столь-же глубокое чутье историческое и пламенная любовь къ быту предковъ, подкупали въ отношеніи къ его драмамъ небольшой кругъ друзей, между прочимъ Пушкина, который вовсе не иронически написалъ къ нему извѣстное письмо объ его Мароѣ-посадницѣ. Замѣчательный фактъ, — что Хомяковскія и Погодинскія попытки, т. е. единственные остатки историко-драматического повѣтрія, о которыхъ можно вспомнить съ уваженіемъ, не пользова-

лись въ то время никакимъ успѣхомъ: на сценѣ свирѣпствовали Ляпуновы и ломались Мипины....

Таково было состояніе литературы, которое Бѣлинскій охарактеризовалъ какъ стремлѣніе къ народности и отдѣлилъ отъ прежняго, отъ стремлѣнія романтическаго. Прежде-всего самое отдѣленіе такое было неправильно. Эпоха была и долго еще оставалась романтическою, — самъ Бѣлинскій былъ еще въ то время романтикомъ и потому-то въ послѣдствіи, разъяснивши себѣ окончательно вопросы, всю свою энергическую вражду обратилъ на романтизмъ, преслѣдуя и бичуя его нещадно.... Но понятіе о романтизмѣ, до-сихъ-поръ такое еще мало-разъясненное понятіе,— что и, воюя съ романтизмомъ, Бѣлинскій долго еще былъ романтикомъ, только въ другой кожѣ, — да едав-ли и не-ресталъ быть имъ до конца своего поприща.... Нѣтъ покрайней-мѣрѣ сомнѣній — а если и есть, то они легко могутъ быть опровергнуты фактами, которые изложены будуть въ сей статьѣ, что Бѣлинскій второй эпохи своего развитія, т. е. развитія нашего общаго критического сознанія— эпохи «Наблюдателя зеленаго дѣла и Отечественныхъ Записокъ 1839, былъ романтикомъ Гегелизма и съ наивно-страстною энергию, бичеваль въ себѣ и во всѣхъ — романтика старой формы, романтика французского романтизма.

Да и что называть романтизмомъ, мы доселъ едва-ли можемъ дать себѣ ясный и окончательный отчетъ.

Поэзія Жуковскаго — романтизмъ.

Гюго — романтикъ.

Полежаевъ и Марлинскій — романтики.

Гамлетъ Полеваго и Мочалова — романтикъ.

А Кольцовъ развѣ не романтикъ? А Лермонтовъ въ Арбенинѣ и Мцыри, развѣ не романтикъ?

Все это — романтизмъ и все это весьма различно, такъ различно, что не имѣеть никакихъ связующихъ пунктовъ.

Одинъ Нѣмецъ, кажется Шмидтъ, написалъ цѣлыхъ двѣ книги о значеніи романтизма — и Боже великий! какихъ чудесъ не встрѣтите вы въ этой книгѣ: Мольеръ, напримѣръ, выходитъ у автора романтикомъ, а Шекспиръ устраниется, выгораживается, а съ нимъ вмѣстѣ и все протестантское

изъ романтизма, какъ изъ чего-то позорного и ужаснаго. Сколько можно понять изъ истинно-немецки запутанного сочиненія г. Шмидта, романтическое рѣшительное сливается для него съ католическимъ и слово романтизмъ обозначаетъ для него всякую несвободу мысли и чувства, всякое подчиненіе души чему-то смутному, темному, неопределенному. Такъ-какъ во всякой галиматьѣ, по справедливому замѣчанію Печорина, есть идея, а иногда бываютъ даже и двѣ; то и смутное определеніе романтизма г. Шмидтомъ, носить въ себѣ зародыши идеи.

Дѣйствительно, романтическое въ искусствѣ и въ жизни, па-первый-разъ представляется отношеніемъ души къ жизни несвободнымъ, подчиненнымъ, несознательнымъ, — а съ другой стороны оно-же — это подчиненіе чему-то отношение — есть и то тревожное, то вѣчно-недовольное частвищимъ, что живетъ въ груди человѣка и рвется на просторъ изъ груди и чему недовольно цѣлаго міра,—тотъ огонь, о которомъ говорить Мцыри, что онъ

отъ юныхъ дней

Таяся жить въ груди моей....

И онъ прожегъ свою тюрьму....

Начало это — несвободно, потому что оно стихійно, — но оно-же, тревожное и кипящее, служитъ толчкомъ къ освобожденію сознанія отъ стихійнаго: оно-же разрушаетъ кумиры темныхъ боговъ, которымъ подчинено еще само, потому-что слишкомъ хорошо помнить ихъ сплю и вліяніе, испытало на себѣ дѣйствіе, вѣяніе этихъ силъ — но само въ тоже время есть вѣяніе. Романтическое такого рода было и въ древнемъ мірѣ — и Шатобріанъ, одинъ изъ самыхъ наивныхъ романтиковъ, чутьемъ романтика отыскиваетъ романтическія вѣянія въ древнихъ поэтахъ; романтическое и въ средневѣковомъ мірѣ, и въ новомъ мірѣ, и въ стремленахъ Гётеvскаго Фауста, и въ лихорадкѣ Байрона, и въ судорогахъ французской словесности тридцатыхъ годовъ. Романтическое является во всякую эпоху, только-что вырвавшуюся изъ какого-либо сильнаго морального переворота, въ переходные моменты сознанія — и только въ такомъ определеніи его, воздушная и сладко-тревожная мечтатель-

ность Жуковская мирится съ мрачною тревожностью Байрона — и первная лихорадка Гляура съ пьяною лихорадкою русского романика Любима Торцова.

Я упомянулъ имя Шатобриана — и въ самомъ дѣлѣ, это одинъ изъ самыхъ характеристическихъ представителей одной стороны романтическаго вѣянія — и та страница въ его *Memoires d'Outretombe*, гдѣ онъ называетъ себя предшественникомъ Байрона, не покажется исколько хвастовствомъ тому, кто читалъ Начезовъ, Рене, Атalu. Что такое Рене, какъ не исповѣдь самого Шатобриана? Сквозь всю шумиху фразъ и старыхъ формъ, затрудняющихъ для читателей позаго времени чтеніе поэмы «Начезы», не прорывается-ли тотъ недугъ *de la melancolie ardente*, который, конечно, не въ одинаковой степени грызъ и автора «Генія христіанства» и автора «Чайльда Гарольда»? Что такое Рене, какъ не болѣзниченный первенецъ XIX вѣка, получившій въ наслѣдіе безстранный скептицизмъ, не совладѣвшій съ нимъ и не усвоившій какъ Байронъ рокового наслѣдства, а бросившійся, напротивъ, съ отчаянія въ обожаніе разрушающихся, но величавыхъ старыхъ формъ? Что такое Рене, какъ не тотъ же Корсаръ и Лара — только не переступившій страшной бездны, въ которую они ринулись, а остановившійся передъ нею въ болѣзнишемъ недоумѣніи? А помните-ли вы исповѣдь Эвдора въ *«Les Martyrs»* — единственный, но за то истинно-поэтический оазисъ этого надутаго романа? Надѣ этимъ отрывкомъ есть романтическое вѣяніе переходныхъ эпохъ: въ тяжкой скорби терзающей героя, въ безсознательномъ пресыщеніи жизни его и всѣхъ лицъ его окружающихъ, въ безуміи-лихорадочномъ порывѣ страсти къ Велледѣ — пробивается тотъ-же романтическій недугъ, то тревожное начало, которое равно способно и къ плачу по старомъ мѣрѣ и къ его разрушенню, только неспособно ни къ какому соединенію. Поэтому-то у Шатобриана есть странное чутье на открытие романтической струпъ повсюду; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоять только развернуть на любой страницѣ второй томъ *Genie du Christianisme*. Онъ слышитъ романтическія вѣянія въ стихахъ Одиссея, подмѣчаетъ порывы романтические у Виргиля, ищетъ только этой одной струпъ

и надобно прибавить, указываетъ на нес всегда правильно и ею только въ состояніи отъ души увлекаться....

Можетъ-быть никто такъ глубоко и болѣзнико не прочувствовалъ романтическаго вѣянія, какъ одинъ изъ немногихъ истинныхъ поэтовъ нашей эпохи, Альфредъ-де-Мюссе, вѣроятно потому, что это романтическое вѣяніе закружило его окончательно, въ слѣдствіе чего онъ и палъ бѣдою жертвою обладавшаго имъ тревожнаго, стихійнаго начала въ «*Confessions d'un enfant du siecle*», этой глубоко-искренней книгѣ — романтическое вѣяніе рѣшительно является въ видѣ темныхъ и страшныхъ сплѣ, уже отошедшихъ въ область прошедшаго, но еще гнетущихъ своимъ вліяніемъ настоящее, въ видѣ старыхъ божествъ, изъ подъ власти которыхъ только-еще вырвалось, ушло — но еще не высвободилось сознаніе.... Одну, глубокую страницу изъ этихъ *Confessions*, я долженъ напомнить читателямъ для поясненія моей мысли о романтизмѣ, какъ стихійномъ вѣяніи; ибо никакое діалектическое развитіе не пояснитъ такъ мысли, какъ поэтическое ея выраженіе.

«Во времена войнъ Имперіи—рассказывается герой книги, Октавій—въ то время, какъ мужья и браты были въ Германіи, тревожныя матери произвели на свѣтъ поколѣніе горячее, бѣдное, нервное. Зачатыя въ происшедшей битвѣ, воспитанныя въ уччищахъ подъ барабанный бой, тысячи дѣтей мрачно озирали другъ друга, пробуя свои слабые мускулы. По временамъ являлись къ нимъ, покрытые кровью отцы, подымали ихъ къ залитой въ золото груди, потомъ слагали на землю это бремя и снова садились на коней».

Но война окончилась, Кесарь умеръ на далекомъ островѣ.

«Тогда на развалинахъ міра сѣла тревожная юность. Всѣ эти дѣти были капли горячей крови, напоившей землю: они родились среди битвъ.... Въ головѣ у нихъ былъ цѣлый міръ: они глядѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги: все было пусто, и только приходскіе колокола гудѣли въ отдаленіи».

«Три стихіи дѣлили жизнь, разстилавшуюся передъ юношами; за ними—навсегда разрушенное прошедшее, передъ ними—заря безграничнаго небосклона, первые лучи будущаго, и меж-

ду этих двух миров.... пльто подобно Океану, отдаляющему старый материк от Америки, не знаю, что-то неопределенное и зыбкое, море тишистое и грозящее кораблекрушениями, переплываемое по временамъ далекимъ бѣлымъ парусомъ или кораблемъ съ тяжелымъ ходомъ,— настоящій вѣкъ, однимъ словомъ, который отдѣляетъ прошедшее отъ будущаго, который — ни то, ни другое, и походитъ на то и на другое вмѣсть, где на каждомъ шагу недоумѣваешь, идешь ли по сѣменамъ или по праху»....

«И нынѣ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангелъ сумерекъ — не день и не ночь: они нашли его сидѣющимъ на мѣшкѣ съ костями и закутаннымъ въ плащъ эгопзма, дрожащимъ отъ холода. Смертная мука закраилась къ немъ въ душу при взглядѣ на это видѣніе — полу-мумію и полу-прахъ; они подошли къ нему, какъ путѣшественникъ, которому показываютъ въ Стразбургѣ дочь старого графа Сарвердена, бальзамированную, въ гробу, въ вѣчальномъ нарядѣ. Страшень этотъ ребяческій скелетъ, ибо на худыхъ и блѣдныхъ рукахъ его обручальное кольцо, а голова распадается прахомъ посреди цветовъ».

Въ такой поэтически-страшной картинѣ изображаетъ поэтъ общее состояніе эпохи.

Мы не станемъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ начальной мысли поэта, но должны указать на его упреки и проклятія Гёте и Байрону, какъ провозвѣстникамъ разочарованія.... «О Боже!» говоритъ онъ, обращаясь къ пѣвшу Лары, «я, который говорю съ тобою, я, который не болѣе, какъ слабый ребенокъ, я выстрадалъ, можетъ быть, больше бѣдствій, чѣмъ ты, а все-таки вѣрю въ надежду, все-таки благословляю Бога».

«О, народы будущихъ вѣковъ! оканчиваетъ онъ свое вступленіе, «когда въ жаркій лѣтній день склонитесь вы подъ плугомъ на зеленомъ лугу отчины, когда подъ лучами яркаго, чистаго солнца,—земля, щедрая мать, будетъ улыбаться въ своемъ утреннемъ нарядѣ земледѣльцу; когда, отпрая съ спокойшаго чела священный потъ, вы будете покончть взглядъ на безпределномъ небосклонѣ.... вспомните о насъ, которыхъ не будетъ ужъ болѣе; скажите себѣ, что *дорого купили мы*

*самъ будущій покой — пожалѣйте насъ больше, чѣмъ всѣхъ
вашихъ предковъ: у нихъ мнѣго горя, которое дѣлало ихъ
достойными состраданія, у насъ наимѣнѣе того, чѣмъ ихъ умѣ-
жало...*

Зачѣмъ-же, спрашивается, назвали *романскимъ* это нача-
ло стихійное и тревожно лихорадочное, которое было обще
многимъ эпохамъ и вѣроятно будетъ обще многимъ другимъ,
этотъ звобъ и жаръ съ напряженнымъ біенiemъ пульса,
который равно болѣзнь, окажется-ли онъ сладкою, но все
таки тревожною и разъѣдающею мечтательностю Жуков-
ского, тоскою-ли по прошедшемъ Шатобриана, мрачными-ли
и сосредоточенными отрицаніемъ Байрона, судорожными-ли
созданіями Виктора Гюго и литературы тридцатыхъ годовъ,
борьбою-ли съ ними свѣтлой и ясной Пушкинской натуры,
подчиненiemъ-ли ему до морального уничтоженія натуръ Мар-
инскаго и Полежаева, Мочаловскими-ли созданіями, вошли-
ми-ли Огаревскихъ «монологовъ» или Фетовскими — «стран-
ными», но для души ясными намеками на какіе-то звуки»,
которые

Льнуть къ моему изголовью,
Полны они томной разлуки
Дрожать небывалой любовью.

— которые

Такъ томно и грустно-небрежно,
Въ свой міръ раззвѣченный уносятъ
И ластятся къ сердцу такъ иѣжно
И такъ умилительно просятъ...

Зачѣмъ-же назвали, говорю я, исключительно *романскимъ* это
начало, которое столь-же, если не болѣе свойственно и на-
шей русской природѣ, которое не разъ закруживало эту при-
роду до безвыходной хандры, до Лермонтовскаго ожесточе-
нія и зловѣщихъ предчувствій, до Тургеневскаго раздвоенія и
разслабленія — а въ сферахъ болѣе грубыхъ до Полежаевскаго
цинизма и до запоя Любина Торцова?...

X.

Неудачное название придумано въ неудачную эпоху — въ
эпоху такъ называемой романтической реакціи, доходившей

въ Германии, странѣ послѣдовательности мышленія до безумствъ «Доктора любви» Захарія Вернера и до католическаго отступнія братьевъ Шлегелей!... Въ этой своей формѣ, въ формѣ тоски по прошедшемъ, доходящей до кукольной комедіи въ отношеніи къ прошедшему, романтизмъ намъ мало свойственъ. Самое наше Славянофильство далеко не то, что романтизмъ Гёрреса и братьевъ Шлегелей — ибо подъ формами его танцуетъ нечто живое, нечто иное — ибо иная была наша историческая судьба и иное вслѣдствіе того возникло у насъ отношеніе къ нашему прошедшему.

Поэзія Жуковскаго — не смотря на великий талантъ Жуковскаго — мало привилась къ нашей жизни. Поэтъ остался для насъ дорогъ какъ поэтъ истинный — но тихогрустное вѣяніе его пѣсней, туманныя порыванія въ даль встрѣтили себѣ отпоръ въ нашемъ здоровомъ юморѣ или тотчасъ-же доведены были до послѣднихъ границъ русской послѣдовательностью и были убиты именно тѣмъ, что дошли въ *наивныхъ* повѣстяхъ и романахъ Полеваго до комического. Его «Блаженство безумія», его «Аббадона», его «Уголшпо» — въ этомъ отношеніи факты драгоценнѣйшіе. Ни въ чемъ, разумѣется, все то комическое, что лежало въ неясныхъ порываніяхъ *вдаль, куда-то* — не-являлось съ такихъ смѣшныхъ сторонъ, какъ въ выраженіи чувства любви къ женщинѣ и въ развитіи этого чувства; поэтому я позволю себя прослѣдить эту одну сторону романтическаго *романтически-туманнос* — по скольку оно выражалось въ нашей литературѣ.

Пушкинъ — его не минуешь и къ нему всегда возвращаешься, о чёмъ-бы ни началась рѣчь — Пушкинъ вездѣ сопровождавшій мѣру, самъ — живая мѣра и гармонія — и тутъ, даже въ особенности тутъ, является нашею, Русскою мѣрою чувствъ... и говорить объ отношеніи Пушкинской поэзіи къ чувству любви и къ женщинѣ — значитъ то же, что говорить о самомъ правильномъ, нѣжномъ, тонкомъ и высокомъ отношеніи человѣка къ этому существенному вопросу, отношеніи столь-же чуждомъ ложнаго идеализма, выдаваемаго за высокое, какъ и грубаго материализма, принимающаго различные обольстительные виды. Чтобы тотчасъ-же,

ярче, нагляднѣе понять,—ца сколько Пушкинъ чуждъ перваго, стоять только приравнять духъ его поэзіи къ духу поэзіи Шиллера, котораго, между намп будь сказано, нѣтъ уже въ наше время возможности читать, какъ поэта эротического, безъ весьма странного чувства, граничащаго со смѣхомъ: тамъ, гдѣ Шиллеръ иѣженъ — онъ впадаетъ въ не-выносимую сентиментальность и приторность, такъ-что правильно-чувствующій человѣкъ постыдится какъ-то прочесть его стихи женщинѣ, которую онъ любить: тамъ, гдѣ Шиллеръ страстенъ—онъ впадаетъ въ неистовство идеализма, близкое къ грубѣйшему матерьялизму. Пусть попробуетъ читатель, въ слѣдъ за стихотвореніемъ Пушкина: «Для береговъ отчизны дальней».... прочесть, напримѣръ, «Der Jungling am Bachen», — или послѣ, напримѣръ, письма Онѣгина и письма Татьяны — Das Geheimniss der Reminiscenz.... самое неистовое изъ пеистовыхъ стихотвореній Шиллера. Но Шиллеръ уже далекъ отъ насъ—ничего скрывать отъ себя этой правды; Шиллеръ великъ и останется великъ, но только тамъ, гдѣ онъ, истинный маркизъ Поза, мечтатель, говорить какъ адвокатъ человѣчества. Попробуйте сравнить поэзію Пушкина съ идеализмомъ французскихъ и при-томъ не бездарныхъ поэтовъ, съ идеализмомъ Гюго, напримѣръ, поэта безъ-сомнѣнія даровитаго, съ идеализмомъ Ламартина, который значительно выше Шиллеровскаго идеализма въ отношеніи къ любви, у котораго найдете вы строфы полныя правды и чистоты чувства, хотя совсѣмъ потонувшія въ морѣ воды.... Съ Байрономъ сравнивать Пушкина нельзя: оба равно велики какъ поэты,—оба лучше, если хотите; по общаго между ними одна только спла генія, и Пушкинъ потому единственно подпалъ подъ вѣнчаное влияніе Байрона, что былъ моложе его. Обратимся въ другую сторону. Пушкинъ столь-же мало матерьялистъ, какъ и идеалистъ: въ его взглядѣ на любовь нѣтъ ничего похожаго на взглядъ величайшаго и тоинчайшаго матерьялиста Гёте, общаго между ними опять—таки только спла генія, равно спокойное пареніе орла, созидающаго силу своихъ крыльевъ, хоть иногда германскій орель слишкомъ долго любилъ засиживаться на утесахъ и зѣвать подъ шумъ похвалъ своего неупрехотливаго и

наклоннаго къ языческому поклоненію отечества, которому, что ни давалъ онъ, все было хорошо. Попробуйте сравнить по тому-же вопросу Пушкинскую поэзію съ современными, хитрымъ и ловкимъ материализмомъ Гейне, и Пушкинъ, одинъ по отношенію къ этому чувству, окажется полнымъ, цѣльнымъ, неразорваннымъ человѣкомъ.

Невозможно въ краткомъ очеркѣ обрисовать, такъ сказать, физиологію Пушкинской любви, обозначить всѣ ея признаки, подметить всѣ ея тонкія черты—всю глубину и нѣжность у поэта этого чувства,—одно стихотвореніе: «Я въсъ любилъ».... эта тема, на которую потомъ написано столько вариаций и дурныхъ, и нерѣдко хорошихъ, и болѣзнейшихъ, и изрѣдка нравильныхъ,—уже цѣлая поэма, на которую можно сочинять комментаріи:

Я въсъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ,
Я въсъ любилъ такъ плаценно, такъ ильжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Послѣдній стихъ несравненнѣй ни съ чѣмъ; онъ высокочеловѣческій; нѣжная мысль, въ немъ являющаяся, еще опредѣленіе сказалаась въ заключительныхъ стихахъ другаго, одного изъ позднѣйшихъ стихотвореній, въ желаніи любимому существу всего:

Все, даже счастіе тою, кто избралъ ей,
Кто милой дѣлъ дастъ названіе супруги....

Это самоотверженіе чувства встрѣтите вы только у Пушкина, да развѣ еще у Мицкевича и то, впрочемъ, не въ такой чистотѣ. Такое самоотверженіе не есть уступчивость, происходящая отъ холодности чувства; пламенный нельзя ничего встрѣтить ни у какого поэта въ мірѣ—и этихъ становъ сердца, которые слышны въ стихотвореніи, призывающемъ на свиданіе усопшую, и этой ревности:

Вотъ мѣсто: по горѣ теперь идетъ она....
Одна.... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ,
Никто ея колынь въ забвеньи не цалуетъ....
Одна, ипчымъ устамъ она не предаетъ
Ни плечъ, ни вѣжныхъ усть, ни персей бѣлоснежныхъ....

• • • • •

Но если....

ничего во всей лирической поэзіи нельзя найти задушевище стиха, какъ-будто случайно вырвавшагося изъ сердца поэта въ разговорѣ съ киппогородавцемъ....

Вся жизнь — одна-ли, двѣ-ли ночи....

или стиховъ, звучащихъ такъ грустно въ послѣдніхъ строфахъ Опѣгина:

А ты, съ которой дорисованъ
Татьяны милый идеаль....
О! много, много рокъ отъялъ....

ничего, кроме опять-таки развѣ исколькихъ стиховъ Минкевича.

Ничего страстнѣе и вмѣстѣ общедоступнѣе въ поэзіи нельзя найти въ письма Опѣгина:

Нѣть, постоянно видѣть васъ,
Повсюду слѣдоватъ за вами,
Улыбку усть, движенье глазъ
Ловить влюбленными глазами....

и т. д.

ничего, кроме развѣ вотъ какихъ стиховъ, которые тоже въ своемъ родѣ нес *plus ultra* страстности:

Ona jeszcze nie słucha, on jej szepce do ucha
Nowe skargi, czy nowy zaklęcia,
Aż wzruszona, zemdiona, opuszcila ramiona
I schylila sie w jego objęcia....

А между-тѣмъ, какъ поэтъ простѣ въ анализѣ этого полнаго и цѣльнаго чувства, начиная отъ тонкихъ и, такъ сказать, первоначальныхъ его признаковъ:

Я щыхалъ къ вамъ.... живые сны,
За мной вились толпой игривой,
И мѣсяцъ съ правой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ ретивой....
Я щыхалъ прочь.... иные сны, —
Душѣ влюбленной грустно было
И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ мой бѣгъ унылой....

до болѣе положительныхъ его проявленій:

Грустно, Нина, путь мой скученъ....

и т. д.

Перечтите это послѣднее стихотвореніе, дышащее какоюто ежедневностью, такъ-сказать домашностью, чтобы ясно понять—какъ просто у поэта чувство, какъ оно присутствуетъ въ душѣ цѣльно, не разрываясь съ другими, обычными впечатлѣніями, правильное, свѣтлое, глубокое.... Пушкинъ, какъ истинно—великій поэтъ, понималъ, что чувство правильное носить въ себѣ залогъ вѣковѣчности, что оно не можетъ быть ип грубымъ чувственнымъ порывомъ, ип напряженію трагедіей, ип болѣзпенной язвой, душевнымъ ракомъ, который истощаетъ въ душѣ всѣ другіе соки. Отношеніе Пушкинскаго я прослѣдилъ какъ нашу *душевную мѣрку* — для того чтобы яснѣ обозначить искаженія, которыя мы привыкли называть *романтическими*. Главные источники для опредѣленія особенности романтическаго воззрѣнія суть безъ сомнѣнія: — Марлинскій, Кукольникъ, Полевой и нѣсколько лирическихъ поэтовъ, однимъ словомъ—литература тридцатыхъ годовъ. — Основныя, существенные черты воззрѣнія слѣдующія:

1) «Души избранныя» — томятся постоянно тоскою по своимъ половицамъ, для нихъ собственно предназначеными.... До встрѣчи съ своими «половинами» таковыя души обыкновенно даромъ бременятъ землю, или еще того хуже — враждуютъ съ неопишающими ихъ свѣтомъ,—ломаютъ стулья, коли заговорятъ объ Александрѣ Македонскомъ и вообще о высокихъ предметахъ, Ѣдятъ, пьютъ и спятъ, какъ прочие смертные; но чрезвычайно на это сердятся и ругаютъ презрѣвшую прозу жизни.

2) При встрѣчѣ съ «половинами» онъ тотчасъ-же угадываютъ по вдохновенію свое родство съ ними и начинаютъ говорить языкомъ никому, кроме сихъ половинъ, непопятныхъ, заговариваются какъ Тассо или Джакобо-Саниазартъ, или какъ Нино-Галлупи спрашиваютъ у своихъ половинъ:

. Скажи мнѣ,
Какъ ангелы на небѣ говорятъ....

ругая немилосердо бѣдный языкъ человѣческий:

Нѣтъ, я не люблю тебя — нѣтъ! это слово
Выдумано человѣкомъ, осквернено оно...

3) Съ «избранныцами» — означенія души могутъ жить только въ Аркадіи, въ idealen Welt, гдѣ не пытъ и не ёдять, а только цѣлюются, гдѣ не работаютъ — а развѣ только плетутъ корзинки для цвѣтовъ....

Довольно, кажется для того, чтобы обозначить, какого рода сторону романтизма эти воззрѣнія выражали. Но пре-имущество эту сторону романтизма имѣлъ въ виду Бѣлин-скій, враждуя въ послѣдствії уже въ 1848 году съ романтизмомъ, или лучше сказать, окончательно формулируя свою вражду, пачавшуюся гораздо прежде.

Выписываю большой отрывокъ изъ статьи, принадлежащей по своимъ идеямъ уже къ новому фазису его, т. е. нашего критического сознанія. — Это мѣсто — изъ знаменитой статьи о «Горѣ отъ Ума», где о «Горѣ отъ Ума» собственно говорится очень мало — но зато много и великолѣпно хорошо говорится о «Ревизорѣ» Гоголя. Къ «Горю отъ ума» Бѣлинскій видимо охладѣлъ, пбо охладѣлъ къ личности его героя. Вѣрованіемъ его, живымъ, пламеннымъ стало творчество Гоголя — и во имя своего вѣрованія опь казнить всякую поэзію, которая не есть поэзія дѣйствительности. Это мѣсто — его profession de foi литературное, въ эту минуту его сознанія.

«Такъ называемые романтики» — говорить онъ, отдѣлавши напередъ классиковъ — «ушли не дальше ихъ (классиковъ) и только впали въ другую крайность; отвергнувъ псевдоклассическую форму и чопорность, они полагали романтизмъ въ безформенности и дикомъ неестественнѣ. Дикость и мрачность они провозгласили отлѣчительнымъ характеромъ поэзіи Шекспира, смѣшавъ съ ними его глубокость и бесконечность и не поняли, что формы Шекспировскихъ драмъ — совсѣмъ не странности, но условливаются идею, которая въ нихъ воплотилась. Есть еще и теперь люди, которые Бетховена называютъ дикимъ, добродушно не понимая, что дикость есть униженіе, а не достоинство гenія, и что энергія и глубокость совсѣмъ не то, что дикость....

«Поэзія — говорить онъ черезъ страницу — есть истина въ формѣ созерцанія; ея созданія — воплотившіяся идеи, видимыя, созерцаemыя идеи. Слѣдовательно — поэзія есть также

философия, тоже мышление, потому-что имѣеть тоже содер-
жаніе — абсолютную истину, но только не въ формѣ диа-
лектическаго развитія идеи изъ самой себя, а въ формѣ
непосредственнаго явленія идеи въ образѣ. Поэтъ мыслить
образами, онъ не доказываетъ истины, а показываетъ ее.
Но поэзія не имѣеть цѣли въ себѣ — она сама себѣ цѣль;
следовательно—поэтическій образъ не есть что-нибудь выс-
шее для поэта или второстепенное, не есть средство, но есть
цѣль, и т. д....

«Есть люди — это все они же, все романтические-же
классики, — которые отъ всей души убѣждены, что поэзія
есть мечта, а не дѣйствительность, и что въ нашъ вѣкъ,
какъ *положительный* и *индивидуальный*, поэзія невозможна!
Образцовое невѣжество! позѣность первой величины! Что
такое мечта? Призракъ, форма безъ содержанія, порожде-
ніе разстроеннаго воображенія, праздной головы, колоброд-
ствующаго сердца! И такая мечтательность нашла своихъ
поэтовъ въ Ламартинъ и свои поэтическія произведенія въ
идеально-чувствительныхъ романахъ въ родѣ Аббадоны, —
но развѣ Ламартинъ поэтъ, а не мечта, — и развѣ Аббадона
ноэтическое произведеніе, а не мечта?...»

«Романтическое искусство — продолжаетъ черезъ стра-
ницу Бѣлинскій свою Филиппику — переносило землю на
небо, его стремленіе было вѣчно туда, по-ту-сторону дѣй-
ствительности и жизни: наше новѣйшее искусство перено-
ситъ небо на землю и земное просвѣтляетъ небеснымъ.
Въ наше время, только слабыя и болѣзnenныя души видятъ
въ дѣйствительности юдоль страданія и бѣдствій и въ ту-
манныю сторону идеаловъ переносятся своей фантазіею,
на жизнь и радость въ мечтѣ: души *нормальныя* и *крепкія*
находятъ свое блаженство въ живомъ сознаніи живой дѣй-
ствительности и для нихъ прекрасенъ Божій міръ и само
страданіе есть только форма блаженства, а блаженство —
жизнь безконечная. Мечтательность была высшою дѣйстви-
тельностью только въ периодѣ юношества человѣческаго ро-
да. Тогда и формы поэзіи улетучивались въ *вимѣанѣ* молит-
вы, во вздохѣ блаженствующей любви и въ тоскующей разлуки
Поэзія- же мужественнаго возраста человѣчества, наша

новѣйшая поэзія, освѧщено изящную форму прославляестъ эон-ромъ мысли и на яву дѣйствительности, а не во снѣ мечта-ний, отворяетъ таинственные врата освященнаго храма духа. Короче, какъ романтическая поэзія была поэзіею мечты и безотчетнымъ порывомъ въ область идеаловъ, такъ но-вѣйшая поэзія есть поэзія дѣйствительности, поэзія жизни. (Отеч. Зап. 1840 г. N 1).

Правота этого протеста, — очевидна, но очевидно; ка-жется, и то, что только съ одною стороною романтиз-ма, да и то доведеною до крайности, борется великій кри-тикъ.... Намъ уже теперь съ этою стороною бороться не-чего — она отошла въ прошедшее. — Но минутный отзывъ ея въ душѣ человѣческой возможенъ — разумѣется, не въ тѣхъ смѣшныхъ крайностяхъ, до которыхъ доводили дѣло Кукольникъ, Полевой и проч. Благоуханіе этой стороны романтизма остается все-таки благоуханіемъ въ Жуков-скомъ!....

XI.

Но въ романтизмѣ есть еще другая сторона, сторона ли-хорадочно-тревожнаго вѣянія, сторона, которой могуществен-нымъ и вѣковѣчнымъ голосомъ явился Байронъ, сторона без-щаднаго, но не холоднаго отрицанія,—безжалостнаго, но не спокойнаго, не разсудочнаго скептицизма.

Было время и притомъ очень недавнее, когда все роман-тическое безъ различія клеймилось насмѣшкою, когда мы всѣ пытались казнить въ себѣ-самихъ то, что называлось нами романтизмомъ и что гораздо добросовѣстнѣе будеть называть началомъ тревожнаго порыванія, тревожнаго стре-мленія соединеннаго съ давленіемъ и гнетомъ разрушенаго, но еще памятнаго, еще вліяющаго прошедшаго. Анализъ зирая безтрепетно самихъ-себя мы, дошли наконецъ до судорожнаго и болѣзненнаго смѣха Тургеневскаго Гамлета ІІагровскаго уѣзда надъ тревожнымъ порываніемъ, до со-вершенного невѣрія въ тревожное начало жизни, къ кото-рому приводилъ анализъ Толстаго, до попытокъ положи-тельныхъ успокоеній, которыя, хотя пѣсколько односторон-не, выражали собою комедіи Островскаго.... Но чѣмъ-же

Отд. II.

2

разрѣшился процессъ нашъ? Казнь романтизма, повсюду совершающаяся во все это время въ общемъ мышлении и отражавшаяся во всей современной литературѣ, кончается однако вовсе не такъ рѣшительно, какъ она начиналась. Часто и въ самое продолженіе борьбы эта казнь представляла извѣстное изображеніе змѣя, кусающаго собственный хвостъ, т. е. конецъ анализа бывалъ часто поворотомъ къ началу: притомъ-же весьма у немногихъ изъ насъ доставало послѣдовательности, на основаніи вражды къ тревожному началу, взглянуть какъ на незаконный, на многія сочувствія, въ которыхъ мы воспитались. *Храбрыхъ* въ этомъ дѣлѣ нашлись повторяю немного, а тѣмъ, которые нашлись — храбрость ровно ничего не стоила, т. е. они по натурѣ лишены были органовъ для пониманія того, съ чѣмъ другимъ тяжело было разставаться. Многіе храбрились сначала, а потомъ рѣшительно теряли храбрость и возвращались потихоньку къ незаконнымъ сочувствіямъ. Тургеневъ принялъ было казнить Рудина, а въ эпилогѣ круто повернувшись къ апoteозѣ. Островскій по добросовѣстности художнической натуры кончили свой примирительныя попытки — борьбою и раздвоеніемъ, весьма очевидными въ Доходномъ мѣстѣ и послѣдующихъ его произведеніяхъ. Голоса, вопившіе на Лермонтова за то, что онъ малоуважаетъ своего «Максима Максимича», нашли мало сочувствія. Толстой, сохранивъ всю силу своего безтреветнаго анализа, впалъ въ переходную, конечно, мыса это крѣпко надѣемся, но тѣмъ не менѣе очевидную апатію мышленія. Писемскій тщетно пытался опоэтизировать точку зрѣнія на жизнь губернскаго правленія: ни сила таланта, ни правда манеры, ни новость приемовъ не спасли отъ антипоэтической сухости его большія, стремившіяся къ цѣлості произведенія....

Смыселъ всего этого движенія — я постараюсь разыскать по крайнему моему разумѣнію въ послѣдствіи. Здѣсь приведѣ я только факты, которыми заключилась борьба нашего сознанія съ романтизмомъ.

Въ жару борьбы мы забыли многое, что романтизмъ намъ далъ: мы, какъ и самъ выразитель нашего критического сознанія, Бѣлинскій, — осудили самымъ строгимъ су-

домъ, предали анаесиѣ *тридцатые* годы нашей литературы.

Чтобы понять, какъ таковой переходъ былъ рѣзокъ — надобно иѣсколько перенестись въ тридцатые годы и постараться взглянуть на нихъ ихъ-же взглядомъ.

У насъ въ эти годы, за исключениемъ Пушкина и иѣсколькихъ лириковъ его окружавшихъ, было, конечно немногого. Представителями романтизма съ его тревожной стороны были Марлинскій, Полежаевъ и въ особенности Лажечниковъ. Быть еще представитель могущественный, чародѣй, который творилъ около себя міры однимъ словомъ, однимъ дыханіемъ — но отъ него кромѣ вѣянія этого дыханія ничего неосталось и — такъ еще мало отвыкли мы отъ казенщины и рутинности въ приемахъ — о немъ какъ-то странно говорить, говоря о писателяхъ, о литературѣ. Я разумѣю Мочалова — великаго актера, имѣвшаго огромное моральное влияніе на все молодое поколѣніе тридцатыхъ годовъ, — великаго выразителя, который былъ гораздо больше почти всего имъ выражаемаго, Мочалова — слѣдь котораго остался только въ памяти его поколѣнія, да въ пламенныхъ и высокопоэтическихъ страницахъ Бѣллинскаго, обѣ игрѣ его въ Гамлетѣ. Единственный человѣкъ, который въ ту эпоху стоялъ съ Мочаловымъ въ уровеніи богатствомъ романтическихъ элементовъ въ душѣ, Лажечниковъ не давалъ ему никакой пищи, потому-что писалъ романы а не драмы: эпохи новой, эпохи типовъ геніальный выразитель не дождался — и онъ творилъ изъ самыхъ бѣдныхъ материаловъ, творилъ, влагая въ скучныя формы свое душевное богатство.... Если читатели мои пробѣгали «Воспоминанія студента» въ 1-мъ № Отечественныхъ Записокъ — и мой разсказъ въ 1-мъ № «Слова» — двѣ вещи, такъ странно неожиданно, тоже вѣроятно въ слѣдствіе какого-то вѣянія столкнувшіяся, — они поймутъ совершенно, почему имя Мочалова попало въ критическую статью о литературѣ: это сдѣжалось потому-же самому, почему имя Грановскаго, оставившаго по себѣ очень скучные письменные, литературные слѣды, займетъ самое значительное мѣсто въ очеркахъ другой эпохи, тогда-какъ множество много нисавшихъ господъ будуть упомянуты только по именамъ. Такъ съ «Гра-

2*

новскими сливается — не во гнѣвъ будь сказано господамъ, которые доходили до клеветъ, лишь бы понизить въ общемъ мнѣніи значеніе его вліянія — цѣлое жизненное воззрѣніе, цѣлое направленіе дѣятельности, — такъ съ *Мочаловыми* сливается эпоха романтизма въ мысли, романтизма въ искусствѣ, романтизма въ жизни — и если пришлось говорить о романтизмѣ, то нельзя миновать его имени.

Бѣлицкій, какъ воплощенное критическое сознаніе эпохи, можетъ-быть сплынѣе всѣхъ подвергался вліянію этой стороны романтическаго вѣянія. Можно сказать, что оно наполняло всю его страстную душу въ періодъ отъ 1834 года, отъ ряда статей «Литературныя мечтанія» до 1838 года, когда онъ въ Наблюдателѣ зеленаго цвѣта спѣль ему послѣднюю прощальную пѣсню въ страстныхъ и великолѣпныхъ «статьяхъ о Гамлетѣ и игрѣ въ немъ Мочалова», на половину уже впрочемъ пронитанныхъ мистическимъ Гегелизмомъ, т. е. новымъ видомъ романтизма.

Это «романтическое вѣяніе» съ одной стороны пришло къ намъ извнѣ; но съ другой стороны нашло въ нась-самыхъ, въ нашей натурѣ готовыя даныя къ его восприятію. Говоря о Пушкинѣ — но не называя еще началъ, съ которыми онъ боролся, романтическими — я, съ возможною для меня ясностію, старался изложить эту мысль. То, что однажды Пушкинъ, надѣ чѣмъ сталъ онъ властелиномъ, что привело въ мѣру и гармонію — то другихъ, менѣе сильныхъ, закручивало въ какомъ-то угарѣ — и сколько жертвъ пало заокруженныхъ этими вихремъ: Марлинскій, Полежаевъ, Владимиръ Соколовскій, самъ Мочаловъ, Иеронимъ Южный.... Есть книги — которые представляютъ собою для наблюдателя нравственного міра такой же интересъ по своей много говорящей уродливости — какъ остатки донотопного міра для геолога. Такая книга, напримѣръ, весь Марлинскій, съ шумной его фразъ, съ насильственными порывами безумной страсти — совершенно ненужными, потому-что у него было достаточно настоящей страсти, съ дѣтскими промахами и широкими замашками, съ зародышами глубокихъ мыслей.... Его уже нельзя читать въ настоящую эпоху — потому-что онъ и въ своей-то эпохѣ промелькнулъ метеоромъ;

но тѣ элементы, которыя такъ дико бушуютъ въ его Ам-
малать-Бекъ, въ его беконечно тянувшемся Мулла-Нурѣ, вы
ими-же, только сплоченными могучею властительною рукою
художника, любуетесь въ созданіяхъ Лермонтова.

Отношеніе Бѣлинскаго къ этому, въ 1834 году еще мод-
ному, еще любимому писателю истинно изумительно и паво-
дить на многія размышенія. Оцѣнка Марлинскаго Бѣлин-
скимъ въ «литературныхъ мечтаніяхъ» — несравненно выше
и вѣриѣ оцѣнки Марлинскаго имъ-же въ Отечественныхъ
Запискахъ 40-хъ годовъ. Въ ней дорого то, что Бѣлинскій
тутъ еще самъ романтикъ — да и какой еще! романтикъ
французскаго романтизма! — тогда, какъ въ 40-хъ годахъ,
перешедши горнило Гегелизма правой стороны и отринувши
эту форму — онъ уже относится къ Марлинскому съ слиш-
комъ отдаленной и эпохѣ Марлинскаго чуждой высоты тре-
бованій.

«Почти выѣстѣ съ Пушкинымъ — говоритъ онъ — вы-
шелъ на литературное поприще и Марлинскій. Это одинъ
изъ привлѣчательнѣшихъ нашихъ литераторовъ. Онъ теперь
безусловно пользуется самымъ огромнымъ авторитетомъ: те-
перь передъ нимъ все на колѣнахъ; если еще не всѣ въ
одинъ голосъ называютъ его *Русскимъ Бальзакомъ*, то пото-
му только, что боятся унизить его этимъ и ожидаютъ, что-
бы Французы назвали *Бальзака Французскимъ Марлинскимъ*.
Въ ожиданії, пока совершится это чудо, мы похладокров-
нѣ разсмотримъ его права на такой громадный авторитетъ.
Конечно страшно выходить на бой съ общественнымъ мнѣ-
ніемъ и возставать явно противъ его идоловъ; но я рѣ-
шаюсь на это не столько по смѣлости, сколько по безко-
рыстной любви къ истинѣ. Впрочемъ, меня ободряетъ въ
семъ случаѣ и то, что это страшное общественное мнѣніе
начинаетъ мало по малу приходить въ память отъ оглуши-
тельного удара, произведенаго на него полнымъ изданиемъ
Русскихъ Повѣстей и Разсказовъ Г. Марлинскаго; начинаютъ
ходить темные толки о какихъ-то натяжкахъ, о скучномъ од-
нообразіи, и тому подобномъ. И тѣкъ я рѣшаюсь быть ор-
ганомъ новаго общественнаго мнѣнія. Знаю, что это новое

жнѣніе найдетъ еще сътикомъ много противниковъ, но какъ бы то ни было, а истина дороже всѣхъ на свѣтѣ авторитетовъ.

На безлюды поэтическихъ талантовъ въ нашей литературѣ, талантъ Г. Маргинскаго, конечно, явленіе очень пріимѣчательное. Онъ одаренъ устроемъ неподдѣльнымъ, владѣеть способностью разсказа, нерѣдко живаго и увлекательнаго, умѣеть иногда снимать съ природы картинки - заглядѣнья. Но вмѣстѣ съ этимъ, нельзя не сознаться, что его талантъ чрезвычайно одностороненъ, что его претензіи на пламень чувства весьма подозрительны, что въ его созданіяхъ нѣтъ никакой глубины, никакой философіи, никакого драматизма; что, въ слѣдствіе этого, всѣ герои его повѣстей сбиты на одну колодку и отличаются другъ отъ друга только именами; что онъ повторяетъ себя въ каждомъ новомъ произведеніи; что у него болѣе фразъ, чѣмъ мыслей, болѣе риторическихъ возгласовъ, чѣмъ выражений чувства. У насъ мало писателей, которые бы писали столько, какъ Г. Маргинскій: но это обѣдіе происходитъ не отъ огромности дарованія, не отъ избытука творческой дѣятельности, а отъ навыка, отъ привычки писать. Если вы имѣете хотя нѣсколько дарованія, если образовали себя чтеніемъ, если запаслись извѣстными числами идей и сообщили имъ пѣкоторый отпечатокъ своего характера, своей личности, то берите перо и смѣло пишите съ утра до ночи. Вы дойдете наконецъ до искусства, во всякую пору, во всякомъ расположениѣ духа, писать о чёмъ вамъ угодно; если у васъ придумано нѣсколько пышныхъ монологовъ, то вамъ не трудно будетъ придѣлать къ нимъ романъ, драму, повѣсть; только позаботьтесь о формѣ и слогѣ: они должны быть оригинальные.

Венцы всего лучше познаются сравненіемъ. Если два писателя пишутъ въ одномъ родѣ и имѣютъ между собою какое-нибудь сходство, то ихъ не иначе можно оцѣнить въ отношении другъ къ другу, какъ выставивъ параллельный мѣста: это самый лучшій пробный камень. Посмотрите на Бальзака: какъ много написалъ этотъ человѣкъ, п не смотри на то, есть ли въ его повѣстяхъ хотя одинъ характеръ, хотя одно лицо, которое бы сколько нибудь походило на другое? О какое непостижимое искусство обрисовывать характеры

со всеми оттенками ихъ индивидуальности! Не пресыщалъ ли авторъ этого грезный и холодный обликъ Феррагуса, не заречишили они сънъ и во снѣ и на яву, не бродилъ ли за сми неизвѣстною тѣмью? О, вы узнали бы его между тысячами; и между тѣмъ въ повѣсти Бальзака онъ стоитъ въ тѣни, обрисованъ слегка, мимоходомъ, и застаниеніе лицами, на коихъ сосредоточивается главный интересъ поэмы. Отчего-же это лицо возбуждаетъ въ читателѣ столько участія и такъ глубоко врѣзывается въ его воображеніе? Оттого что Бальзакъ не выдумалъ, а создалъ его, оттого что онъ перенесся ему прежде нежели была написана первая строка повѣсти, что онъ мучилъ художника до тѣхъ поръ, пока онъ не извелъ его изъ міра душъ своей въ явленіе, для всѣхъ доступное. Вѣть мы видимъ теперь на сценѣ и Другаго изъ Тринадцати: *Феррагусъ и Монрено* видимо одного покроя: *люди съ душою глубокою, какъ морское дно, съ силой воли не преодолимою, какъ воля судьбы;* и однакожъ, спрашиваю васъ: похожи-ли они хотя сколько-нибудь другъ на друга, есть-ли между ними что-нибудь общее? Сколько женскихъ портретовъ вышло изъ щодѣ плодотворной кисти Бальзака, и между тѣмъ повторялъ-ли онъ себя хотя въ одномъ изъ нихъ?... Таковы-ли въ семъ отношеніи созданія Г. Марлинскаго? Его *Аммалатъ-Бекъ*, его *Полковникъ В****, его герой Страшнаго Гаданья, его *Капитанъ Правиль*, всѣ они родные братцы, которыхъ различить трудно самому ихъ родителю. Только развѣ первый изъ нихъ немного отличается отъ прочихъ своимъ азиатскимъ колоритомъ. Гдѣ-же творчество? Притомъ, сколько натяжекъ! Можно сказать, что *натяжка* у Г. Марлинскаго такой конекъ, съ котораго онъ рѣдко слѣзаетъ. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ его повѣстей не скажетъ ни слова просто, но вѣчно съ ужимкой, вѣчно съ эпиграммою или съ каламбуромъ или съ подобиемъ; словомъ у Г. Марлинскаго каждая копѣйка ребромъ, каждое слово завиткомъ. Надо сказать правду: природа съ избыткомъ наградила его этимъ остроумiemъ веселымъ и добродушнымъ, которое колетъ, но не язвитъ, щекочетъ, но не кусаетъ; но и здѣсь онъ часто пересаливаетъ. У него есть цѣлья огромныя повѣсти, какъ напр. Наезды, которыя суть не иное что,

какъ огромныя натяжки. У него есть талантъ, но талантъ не огромный, талантъ обезсиленный вѣчнымъ принужденiemъ, избившійся и разтрепѣшійся о пни и колоды выискааннаго остроумія. Мнѣ кажется, что романъ не его дѣло, ибо у него неѣть никакого знанія человѣческаго сердца, никакого драматическаго такта. Для чего, напримѣръ, заставилъ онъ Князя, для котораго всѣ радости земли и неба заключались въ устрицахъ, для котораго вкусный столъ всегда былъ дороже жены и ея чести, для чего заставилъ онъ его проговорить патетической монологъ осквернителю его брачнаго ложа, монологъ, который сдѣлалъ-бы честь и самому *Правину?* Это просто натяжечка, закулисная подставочка; автору хотѣлось быть нравственнымъ на манеръ Г. Булгарина. Вообще онъ не мастеръ скрывать закулисныя машины, на коихъ вертится зданіе его повѣстей; онъ у него всегда на виду. Впрочемъ, въ его повѣстяхъ встрѣчаются иногда мѣста истинно прекрасныя, очерки истинно мастерскіе: таково напримѣръ, *описаніе Русскаго простонароднаго Мефистофеля* и вообще всѣ сцены деревенскаго быта въ Страшномъ Гаданыи; таковы многія картины, снятые съ природы, исключая, впрочемъ, Кавказскихъ очерковъ, которые натянуты до *plus ultra*. По мнѣ лучшія его повѣсти суть *Испытаніе* и *Лейтенантъ Бѣлозоръ*: въ нихъ можно отъ души полюбоваться его талантомъ, ибо онъ въ нихъ въ своей тарелкѣ. Онъ смѣется надъ своимъ стихотворствомъ: но мнѣ переводъ его *Пльсенъ Горцевъ* въ Амаллатъ-Бекъ кажется лучше всей повѣсти: въ нихъ такъ много чувства, такъ много оригинальности, что и *Пушкинъ* не постыдился-бы назвать ихъ своими. Равнымъ образомъ и въ его Андреѣ Переяславскомъ, особенно во второй главѣ, встрѣчаются мѣста истинно поэтическія, хотя цѣлое произведеніе слишкомъ отзывается дѣтствомъ. Всего страннѣе въ Г. Марлинскомъ, что онъ съ удивительною скромностю недавно сознался въ такомъ грѣхѣ, въ которомъ онъ не виноватъ ни душою, ни тѣломъ: въ томъ, что будто онъ своими повѣстями отворилъ двери для народности въ Русскую литературу: вотъ что, такъ ужъ неправда! Эти повѣсти принадлежать къ числу самыхъ неудачныхъ его попытокъ, въ нихъ онъ народенъ не больше

Карамзина, ибо его *Русь* жестоко отзыается его завѣтною, его любимиою *Лизомію*. Время и мѣсто не позволяютъ мнѣ подкрѣпить выписками изъ сочиненій Г. *Марлинскаго* мое мнѣніе о его талантѣ: впрочемъ это очень легко сдѣлать. О слогѣ его не говорю. Нынѣ слово *слог* начало терять прежнее свое обширное значеніе, ибо его перестаютъ уже отдѣлять отъ мысли.»

Къ этой оцѣнкѣ — почти нечего прибавить и въ наше время, какъ къ чисто - художественной; слѣдуетъ только посмягчить ее тамъ, гдѣ наше сознаніе выросло до болѣе яснаго разумѣнія. Естественно, что мы теперь не можемъ видѣть Русскаго Мефистофеля въ фантастическомъ лицѣ повѣсти: «страшное гаданье». Но Бѣлинскій правъ и тутъ, если на это лицо взглянуть, какъ на допотопный памекъ... Естественно такъ же, что и повѣсти: «Лейтенантъ Бѣлозоръ» и «Испытаніе» — потеряли для насть всякое поэтическое значеніе, точно такъ-же, какъ повѣсти Карамзина.... Но общій тонъ оцѣнки до-сихъ-поръ и вѣренъ и дорогъ, не смотря на то, что Бѣлинскій является здѣсь фанатическимъ поклонникомъ лицъ, подобныхъ Феррагусу и Монриво — и что самъ онъ потомъ съ такою-же наивною яростью преслѣдовалъ поклоненіе этимъ призракамъ, перенося озлобленіе неофита Гегелиста на всю французскую литературу....

Вотъ этотъ-то фактъ, этотъ быстрый переворотъ, совершившійся въ Бѣлинскомъ, въ представитель критического сознанія цѣлой эпохи, и важенъ въ высочайшей степени. Мнѣ замѣтить, что Пушкинъ никогда не увлекался юной французской словесностью, а умѣль между тѣмъ оцѣнить въ ней перъль дарованія А. де Миоссе, — но Пушкинъ пережилъ тревожное вѣяниe такой поэзіи, которой французскій романтизмъ былъ только извращеніемъ, поэзіи, Байрона — и юная французская словесность застала его уже въ зрѣлую эпоху развитія. Мнѣ замѣтить, что И. В. Киреевскій, авторъ первого философскаго взгляда на нашу литературу, остался чуждъ этому вліянію, равно какъ и его кружокъ, — но Киреевскій и его кружокъ были чистые теоретики, таковыми остались и такими окончательно являются. На натуры живыя, подобныя патурамъ Надеждина и Бѣлинскаго,

это въяніе должно было сильно подѣйствовать: на натуры, богато-одаренныя художественными силами, но недостаточно зрѣлья, какъ натура Полежаева, или недостаточно гармоническія, какъ натура Лажечникова, это въяніе опять-таки должно было дѣйствовать сильно. Кто изъ насъ — дѣтей той эпохи ушелъ изъ подъ этого въянія?

Тѣмъ болѣе, что въяніе-то было сильное. Вѣдь Notre-Dame Виктора Гюго расшевелила даже старика Гѣте — и понятно почему: на что онъ слегка намекнулъ въ своей Мишонѣ, то — геніальный уродъ, пусть и болѣзнино, и чудовищно, но развилъ до крайнихъ предѣловъ въ своей Эсмеральдѣ! Вѣдь и теперь еще, надобно большія, напряженныя усилия дѣлать надъ собою, чтобы начавши читать Notre-Dame, не забрести, искреще не забрести вмѣстѣ съ головнымъ поэтомъ Пьеромъ Гренгуаромъ за цыганочкой и ея козочкой въ Cour des miracles, не увлечься потомъ до страстиаго сочувствія судьбою бѣдной мушки, надъ которой вѣтъ сѣть злой наукъ — судьба, не проклиная этого злого паденія съ другою его жертвою Клавдіемъ Фролло, удержаться отъ головокруженія, читая описание его паденія съ башни Notre Dame и проч. и проч. Все это дико, чудовищно, — по увы! геніально, и понятенье лирическій восторгъ, съ которымъ однѣ изъ нашихъ тогдашнихъ путешественниковъ, нынѣ едавали помнятій или постаравшійся забыть эти впечатлѣнія — описывали въ Телескопѣ свое восхожденіе на башни Notre Dame и свое свиданіе съ В. Гюго. Да и не Гюго одинъ; въ молодыхъ новѣстяхъ и молодыхъ безирравственныхъ драмахъ А. Дюма, размѣшившагося въ послѣдствіи на Монте-Кристо и Мушкетеровъ, бѣть такъ лихорадочно пульсь, клюкочеть такая лава страсти, хоть-бы въ маленькомъ разсказѣ: «Маскерадъ» или въ драмѣ «Антони», (а надобно припомнить еще, что въ Антони мы видѣли Мочалова — да и какого Мочалова!) — что потребна и теперь особенная крѣость первовъ, для того, чтобы эти въянія извѣстнымъ образомъ на насъ не подѣйствовали. Скажу болѣе — они, эти въянія, должны были быть пережиты — все отъ романовъ Гюго до «Мертваго осла и обезглавленной женщины», Ж. Жанена.... Эти въянія отразились и притомъ отразились двойственно,

созидаельно съ одной стороны и разрушаельно съ другой, на дѣятельности полнѣйшей и даровитѣйшей художнической натуры тридцатыхъ годовъ — Лажечникова.

Нѣть никакого сомнѣнія, что перейти бездну, лежащую между написанными въ карамзинскомъ духѣ «Воспоминаніями офицера» и послѣдующими романами, помогла Лажечникову юная французская словесность. Натура богата безсознательнымъ чутьемъ, жестивенно-страстною впечатлительностью, но положительно лишенная самообладанія, Лажечниковъ подъ вліяніемъ вѣянія, возвысившійся до «Ледяного дома» и «Бусурмана», переживши вѣяніе, отдавши ему дань — упала до «бѣлецкихъ и чернецкихъ», до драмы «Еврейка» и проч.

Поразительнейшее явленіе этотъ огромный талантъ безъ всяаго мѣрила, талантъ, въ которомъ романтизмъ получилъ русскій характеръ, — талантъ, могущественный до созданіи истинно-народныхъ типовъ и безтакто сопоставляющій съ этими типами, фигуры съумазбредныхъ художниковъ à la Кукольникъ, сладкихъ мечтателей à la Полевой — полнѣйшее оправданіе мысли о дочотонныхъ организаціяхъ въ мірѣ искусства. Допоточное значеніе его особенно будетъ ясно, когда я буду говорить о народности и отношеніи къ ней критического сознанья. Здѣсь я беру его чисто какъ романтика и притомъ русского романтика. Полнѣйшее выраженіе русскаго романтизма, это «Ледяной домъ». Все, что въ русскомъ человѣкѣ есть непосредственно романтическаго, возведено до поэзіи въ лицѣ Волынского — и не знаю, какъ читателемъ, а мнѣ было удивительно смѣшно читать, какъ г. Аѳанасьевъ въ «Атенеѣ» тщился недавно доказывать, что въ изображеніи Волынского, Лажечниковъ погрѣшилъ противъ исторической истины. Да кому какое дѣло до настоящаго исторического въ поэтическомъ созданіи. Вотъ напримѣръ, не очень давно, одинъ англійскій историкъ доказалъ фактами, что Ричардъ III вовсе не былъ злодѣемъ и извергомъ — что-же? Шекспировскій образъ, созданный по тому представлению, которое уцѣльно въ памяти народа, — потерялъ что-ли отъ этого свою правду?...

Волынскій Лажечникова — поэтический образъ русскаго

человѣка въ трагическомъ положеніи, общественномъ и нравственномъ, а не обслѣдованіе уголовно-поэтическаго процесса. Всѣ его типическія стороны взяты вѣрио, взяты вездѣ въ мѣру, образъ цѣленъ и законченъ, — что, какъ говорится, и требовалось доказать.

А между тѣмъ, какъ ни оригинально созданъ типъ Бѣлинскаго, цѣлый романъ павѣянъ романтическимъ вѣяніемъ и именно вѣяніемъ романтизма юной французской словесности.

XII.

Одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей русскаго романтизма — если не самый яркій, былъ безъ-сомнѣнія Полежаевъ — и на его поэтической физіономіи невольно должно остановиться, коснувшись этой эпохи романтизма. Статья Бѣлинскаго, приложенная къ теперѣшнему изданію его стихотвореній, относится уже къ сороковымъ годамъ, къ третьему періоду развитія Бѣлинскаго и у самаго же Бѣлинскаго, въ Наблюдателѣ 1839 года, найдется замѣтка о Полежаевѣ, написанная нѣсколько въ иномъ тонѣ, чѣмъ эта статья. Въ этой библіографической замѣткѣ отличающейся необыкновеннымъ лиризмомъ, исполненной первого упоменія, которое давали примирительныя формы философіи Гегеля, — проповѣдалось, что поэтъ не есть воркующая горлица и т. д. — Это мѣсто такъ извѣстно, что я не считаю нужнымъ прибѣгать къ выпискѣ — идеаломъ поэта, поэтомъ по преимуществу, являлся для критика олимпійски-спокойный Гёте — и между тѣмъ въ ней Бѣлинскій прямо говоритъ то, чего подговариваетъ въ послѣдующей статьѣ — что Полежаевъ «былъ рожденъ великимъ поэтомъ». Важна здѣсь не самая эта мысль, которая, какъ всякая мысль имѣть свою правильную и неправильную сторону, — важна степень сочувствія критика къ поэту.

Сочувствіе перенеслось потомъ на другое явленіе, въ которомъ полнѣе и могущественнѣй выразились стихійнотревожныя начала, волновавшія душу Полежаева — на Лермонтова, т. е. нашло себѣ новую пищу, а не изсякло, не вымерло... Въ этомъ, если хотите и заключается порѣшеніе вопроса о романтизмѣ и отношеніяхъ къ нему Бѣлин-

скаго, какъ въ эпилогѣ тургеневскаго Рудина заключается отчасти порѣшеніе вопроса о другомъ родѣ романтизма и отношеніяхъ къ нему критического сознанія въ нашу эпоху.

Въ-самомъ-дѣлѣ вглядитесь пристальнѣе въ ту поэтическую физіономію, которая встаетъ изъ за отрывочныхъ, часто небрежныхъ, но мрачныхъ и пламенныхъ пѣсенъ Полежаева — вы признаете то лицо, которое устами Лермонтовскаго Арбенина, говорить:

На жизни я своей узналь печать проклятъя.

И холодно закрылъ объятья

Для чувствъ и счастія земли...

Только Лермонтовъ уже прямо и безтрепетно начинаетъ съ того, чѣмъ безнадежно и отчаянно кончилъ Полежаевъ, съ положительной невозможности процесса нравственнаго возрожденія. О чѣмъ Полежаевъ еще стонаетъ, если не плачетъ, — о томъ Лермонтовъ говоритъ уже съ холодной и пропищеской тоской. Полежаевъ, рисуя мракъ и адъ собственнаго душевнаго міра, говоритъ:

Есть духи зла — неистовыя чада

Благословенныаго Творца,

Удѣлъ ихъ — грусть, отчаяніе — отрада,

А жизнь — мученье безъ конца

и описывая судъ, совершившійся надъ надиими духами, кончаетъ такъ:

Съ тѣхъ поръ, враги прекраснаго созданія
Таятся горестно во мглѣ —

И мучитъ ихъ и жжетъ, безъ состраданія
Печать проклятъя на челѣ.

Напрасно ждутъ преступные свободы,

Они противны небесамъ. —

Не долетитъ въ объятія природы

Ихъ недостойный онімамъ.

Лермонтовъ безъ страха и угрозъ, съ ледицой ироніей становится на єсторону тревожнаго, отрицательнаго начала въ своемъ «Демонѣ» и въ своей «сказкѣ для дѣтей», онъ съ ядовитымъ наслажденіемъ пдетъ обѣ-руку съ мрачнымъ прізракомъ, имъ-же вызваннымъ: видѣть вмѣстѣ съ имъ,

. съ невольною отрадой

Преступный сонъ подъ сѣкью падать,

Корыстный трудъ предъ тощою лампадой
 И страстныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
 Ловить, какъ этотъ же зловѣщій призракъ
 блуждающіе звуки
 Веселый смѣхъ и крѣкъ послѣдней муки.
 подслушиваетъ «въ молитвахъ — упрекъ»
 Въ бреду любви безстыдное желанье,
 Вездѣ обманъ, безумство или страданье.

Состояніе духа, конечно болѣе послѣдовательное, но едвали не болѣе насильственное — нежели дрожь и знобъ страданія и страха, смѣнишіе съ неукротимою страстью и гордостью отчаянія, которые слышны въ Полежаевскихъ звукахъ...

Мрачныя, зловѣщія предчувствія, терзавшія душу Полежаева и вырывавшія изъ души его энергическіе стоны въ родѣ пьесы «Осужденный» въ особенности ея начала:

Я осужденъ къ позорной казнѣ,
 Меня законъ приговорилъ;
 Но я печальный мракъ могилъ
 На плахѣ встрѣчу безъ боязни,
 Окончу дни мои какъ жилъ.
 Къ чemu раскальне и слезы
 Передъ безчувственной толпой,
 Когда назначено судьбой
 Мне слышать вопли и угрозы
 И гулъ проклятій за собой?
 Давно душей моей мятежной
 Какой-то демонъ овладѣлъ
 И я зловѣщій мой удѣлъ,
 Неотразимый, неизбѣжный,
 Въ дали туманной усмотрѣлъ...
 Не розы свѣтлаго Наоса,
 Не ласки Гурій въ тишинѣ,
 Не искры яхонта въ винѣ,
 Но смерть, сѣкіры и колеса
 Всегда инѣ грезились во снѣ.

(Стихотв. Полежаева Москва, 1857 г. страницы 59, 60)

Эти мрачныя, зловѣщія предчувствія — звучащія стономъ и трепетомъ ужаса — совершенно понятны будутъ, если читатели припомнить выписку, сдѣланную мною въ началѣ сей

статьи изъ глубокой по смыслу книги А. де Мюссе, и подумаютъ объ аналогії, которую съ эпохой, подъ вліяніемъ вѣлінія которой воспитался Октавій—представляетъ эпоха, подъ вліяніемъ которой взросъ Полежаевъ... У Лермонтова—такъ же выдаются въ послѣдствіи эти мрачныя, зловѣщія предчувствія — но самый каніскій трепетъ получить что-то и язвительное и вмѣстѣ могущественное въ стихотвореніи. «Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою» или въ другомъ:

Гляжу на будущность съ боязною,
Гляжу на прошлое съ тоской
И какъ преступникъ передъ казнью
Ищу кругомъ души родной...

У Лермонтова все оледенится, застынетъ въ суровой и жесткой гордости... Онъ съ наслажденіемъ будетъ, вмѣстѣ съ своимъ Арсеніемъ, всматриваться въ смерть и разрушеніе:

Но приближаясь видитъ онъ
На тонкихъ бѣлыx кружевахъ
Черньющиі слоями пражъ
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вокругъ занавѣсокъ парчевыхъ...
Тогда въ окно свѣтлицы той
Упаль заката лучъ златой,
Играя. На коверъ цвѣтной
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою...
Увы! теперь онъ былъ-бы радъ,
Когдабъ быстрѣй чѣмъ мысль пль взглянуть
Въ него проникъ смертельный ядъ!
Громаду блѣдую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой сплошной и пѣмой —
Вотъ что узрѣлъ онъ передъ собой:
Густая, длинная коса,
Плечи бѣломраморныхъ краса
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ проплутала.. . и тамъ,

Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ птицы ужъ бродилъ
Кровавыи прахъ, жилицъ монъ

Уже и по одному такому многознаменательному мѣсту — мы все были въ правѣ видѣть въ поэта то, что онъ самъ въ себѣ провидѣлъ, т. е. «не Байрона, а другаго, еще невѣдомаго избранника» и притомъ «съ Русскою душой» — ибо только русская душа способна додѣти до такой безпощаднѣйшей послѣдовательности мысли или чувства въ ихъ приложеніи на практикѣ, — и отъ этой трагической, еще мрачной безтрепетности — одинъ только шагъ до простыхъ отношеній графа Толстаго къ идеѣ смерти и до его безпощаднаго анализа этой идеи въ послѣднемъ его разсказѣ («три смерти») — или даже до разсказовъ извѣстнаго разсказчика о смерти старухи или о плаче барыни о покойномъ мужѣ — разсказовъ, въ которыхъ въ самой смерти уловлено и подмѣчено то, что въ ней можетъ быть комическаго.... А между-тѣмъ — безтрепетность Лермонтова есть еще романтизмъ, выходитъ, какъ уже сказано, изъ состоянія духа, болѣе послѣдовательнаго, но за то болѣе насильственнаго чѣмъ настроеніе полежаевское въ пѣсняхъ «Черная коса» — «Мертвая голова» и проч.

Ледяное ироническое спокойствіе Лермонтова — только кора, которою покрылся романтизмъ, — да и кора эта иногда сиадаетъ, какъ напримѣръ въ пѣсняхъ «къ ребенку», «1-е января», гдѣ поэтъ, измѣнивъ своей искусственной холодности, плачетъ искренно, уносясь въ своего рода «Dahin»! въ романтическій міръ воспоминаній :

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться памятью, къ недавней старинѣ,
Лечу я вольной, вольной птицѣ,
И вижу я себя ребенкомъ и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей.
Зеленои сѣстью травъ подернутъ сияющій прудъ.
А за прудомъ село дымится и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.

Въ аллею темную вхожу я: сквозь кусты,
Глядить вечерий лучь, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою,
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье,
Съ глазами полными лазурного огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сиянье!

Подобнаго рода порывы тоскующаго глубоко и искренне чувства — рѣдкие у Лермонтова, постоянно встрѣчающіеся у Полежаева «Черные глаза» «Зачѣмъ задумчивыхъ очей»: — нашли для себя особенный голосъ въ послѣдствіи въ поэтъ: «Монологъ» «Диллжанса» и другихъ дышащихъ глубокою и неподѣльною скорбью стихотвореній.

XIII.

Романтизмъ и притомъ нашъ, русскій, въ наши самобытныя формы выработавшійся и отлившійся, романтизмъ быль не простымъ литературнымъ, а жизненнымъ явленіемъ, цѣлою эпохой морального развитія, эпохой, имѣвшей свой особенный цвѣтъ, проводившей въ жизни особое возарѣніе... Пусть романтическое вѣяніе пришло извнѣ, отъ западной жизни и западныхъ литературъ, оно нашло въ русской натурѣ почву готовую къ его воспринятію — и потому отразилось въ явленіяхъ совершенно оригинальныхъ. Ежели даже туманное и мистическое, какимъ было оно въ пѣсняхъ Жуковскаго — романтическое вѣяніе дошло въ русской натурѣ до безпощадно, хотя и безсознательно комической послѣдовательности въ повѣсти: «Блаженство безумія» романъ: «Аббадона» — до дикихъ рѣчей героевъ г. Кукольника; ежели таинственные призывы: *Dahin, dahin!* принятые совершенно просто, за настоящее дѣло — свѣжею и малоспособною къ раздвоенію мысли и жизни русскою душою — прилагались прямо къ практикѣ и породили длинный рядъ самыхъ комическихъ и наивныхъ неизѣпостей, которыхъ физіологію я уже изложилъ въ ея особенно рѣзкихъ чертахъ: то тѣмъ болѣе, въ тревожно-лихорадочномъ выраженіи своемъ, перешло въ жизнь

Отд. II.

3

и практику романтическое въяніе, породило крайности дикія, но уже не смѣшныя, а печальныя,—явленія уродливыя, но уже не комическія, а трагичеекія. Великая и цѣльная натура Пушкина, рѣшительно не поддававшаяся туманному въянію, какъ слишкомъ ясная и живая — подвергаясь въянію стихійно-тревожнаго — боролась съ нимъ увѣковѣчивая борьбу высокими созданіями, пытаясь уходить отъ стихійно-тревожнаго въ разсудочныя и простодушныя воззрѣнія Ивана Петровича Бѣлкина — и опять будила въ себѣ страстные элементы, но будила ихъ — уже овладѣвавая ими, возводя ихъ въ мѣру и гармонію. Пушкинъ года за три до своей смерти доходилъ уже дѣйствительно до какого-то олимпійскаго спокойствія и величія въ творчествѣ, являлся властелиномъ и могучимъ заклинателемъ стихії самыхъ разнородныхъ.... Рукописи, оставшіяся послѣ него и постепенно печатавшіяся посмертіи поэта въ его «Современникѣ», свидѣтельствовали ясно о такомъ полномъ развитіи творчества — и понятно то, почти языческое поклоненіе, которое возбудили эти отрывки или цѣльныя созданія въ душѣ Бѣлинскаго. Появленіе ихъ, этихъ посмертныхъ остатковъ великаго духа, совпадало притомъ у Бѣлинскаго съ новымъ фазисомъ его духовнаго развитія, съ новымъ романтизмомъ, — романтизмомъ Гегелизма, котораго формы, таинственныйя, какъ клинообразныя письмена, обѣщали такъ много успокоительнаго, такое разумное примиреніе съ дѣйствительностью.... И вотъ опять, по поводу появленія «Каменного Гостя» въ первомътомъ» Статскихъ литераторовъ, является у Бѣлинскаго одна изъ этихъ неоцѣненныхъ страницъ дышащихъ всею мощью всѣмъ глубокимъ пониманіемъ прекраснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ всею искренностью души, беззавѣтно отдавшейся новымъ въяніямъ — безповоротно откидывающей старыя формы, въ которыхъ она разъубѣдила, разочаровалась.

«Герой этой небольшой драмы — говорить критикъ. Наблюдателя зеленаго цвѣта,» Донъ Хуанъ, тотъ самый, который является въ либретто знаменитой оперы Моцарта; но у Пушкина общаго съ этимъ либретто только имена дѣйствующихъ лицъ — Донъ Хуана, Доны-Анны, Лепорело, а идея цѣлаго созданія, его расположеніе, ходъ, завязка и раз-

вязка, положеніе персонажей — все это у Пушкина свое, оригинальное. Поэма помѣщена неболѣе какъ на *тридцати пяти* страницахъ и не смотря на то, она есть цѣлое, до-конченное произведеніе творческаго генія; *художественная форма, вполнъ обніявшая безконечную идею, положенную въ ея основаніе;* гигантское созданіе великаго мастера, творческая рука котораго на этихъ бѣдныхъ *тридцати пяти* страницахъ умѣла исчерпать великую идею, всю до малѣйшаго оттѣнка.... Просимъ не принимать нашихъ словъ за сужденіе: нѣть, онъ не сужденіе, онъ — звукъ, восклицанія, междометія.... Сужденіе требуетъ спокойствія, *не того пошлаго разгудочнаго спокойствія, источникъ котораго есть мелкость и холодность души недоступной для сильныхъ и глубокихъ впечатлѣній* — нѣть, того спокойствія, которое дается полнымъ удовлетвореніемъ изящнымъ произведеніемъ. полнымъ восприятіемъ его съ полнымъ погруженіемъ, въ таинство его организаціи.... Чтобы оценить вполнѣ великое созданіе искусства, разоблачить передъ читателемъ тайны его красоты, сдѣлать прозрачною для глазъ его форму, — чтобы сквозь нее могъ онъ подсмотрѣть въ немъ великое таинство духа жизни, ощутить его благоуханное вѣяніе, — для этого требуется много, слишкомъ много, по-крайней-мѣрѣ гораздо больше нежели сколько можемъ мы сдѣлать.... Торжественно отказываемся отъ подобнаго подвига и признаемъ свое безсиліе для его совершенія.... Но для насъ оставалось-бы еще неизреченное блаженство передать читателю наше личное, *субъективное* впечатлѣніе, пересказать ему, *какъ духъ нашъ — то замиралъ и изнемогалъ подъ тяжестью невыносимаго восторга, то мощно возставалъ и овладѣвалъ своимъ восторгомъ, когда передъ нимъ разверзалось на минуту царство безконечнаго....* Но мы не можемъ сдѣлать этого, мы *увидѣли даль безъ границъ, глубь безъ дна, и съ трепетомъ отступили назадъ....* Да, мы еще только изумлены, пріятно испуганы и потому, не въ силахъ даже отдать себѣ отчетъ въ собственныхъ ощущеніяхъ.... Что такъ поразило насъ? Мы не знаемъ этого, но только предчувствуемъ это и отъ этого предчувствія *дыханіе занимается въ груди нашей и на глазахъ дрожатъ слезы трепетнаго восторга....* Пушкинъ, Пушкинъ!...

И тебя видѣли мы.... Неужели тебя? *Великий, неужели безвременная смерть твоя непремѣнно нужна была для того, чтобы разгадали, кто былъ ты?* (Моск. Наблюд. 1839 г. N 3. отдѣль литературной хроники).

Анализъ натуры Бѣлинскаго есть анализъ нашего критического сознанія, по-крайней-мѣрѣ въ извѣстную эпоху—какъ анализъ Пушкинской натуры есть анализъ всѣхъ творческихъ силъ нашей народной личности — по-крайней-мѣрѣ на весьма долгое время—и читатели должны извинить меня въ моихъ безпрестанныхъ возвращеніяхъ къ Пушкину и Бѣлинскому, къ силѣ и къ сознанію.

Въ вышеприведенномъ отрывкѣ Бѣлинскій сказался точно также весь полно, ярко и искренно—какъ въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», перемѣнились формы, расширились съ одной стороны и можетъ-быть съузились съ другой точки зрѣнія, другое вѣяніе захватило душу—но душа съ ея стремлѣніями осталась также. Это все тотъ-же высокій и пламенно—стремящійся къ правдѣ жизни и искусства духъ—съ страстной отзывчивостью на все великое и прекрасное, съ раздражительной преданностью впечатлѣніямъ, съ неопытной и наивной способностью противорѣчить себѣ, не замѣчая противорѣчій.

Что Бѣлинскій, увлеченный тогда новымъ вѣяніемъ Гегелизма, воспринявшій въ себя вполнѣ всѣхъ обаятельное вліяніе громадной логической системы, обѣщавшей на первый разъ обнять всю жизнь въ ея разумныхъ законахъ — остается тутъ все-таки романтикомъ,—это очевидно. Пусть въ эту минуту онъ смотрить уже съ яростною враждою на тревожную и судорожную французскую литературу,—пусть онъ отвернулся съ презрѣніемъ неофита отъ кумировъ, которыми за два, за три года покланялся съ неистовствомъ жреца,—пусть на романтическое круженіе глядить онъ уже съ олимпійской высоты новаго, еще для него таинственнаго, но увлекшаго его ученія,—все-таки онъ здѣсь романтикъ, какъ останется романтикомъ и въ третьемъ periodѣ своего развитія. Преслѣдователь тревожнаго и судорожнаго, жрецъ новой, успокоятельной философіи, философіи уразумливающей дѣйствительность, — враждуетъ романтически съ разсудоч-

постью.... Хотите-ли выраженія еще болѣе рѣзкаго и наивнаго этой вражды къ разсудочности, этого служенія тревожнымъ и страстнымъ началамъ? Перечтите въ томъ-же Наблюдатель зеленаго цвѣта», въ этомъ изданіи полномъ свѣтлыхъ юношескихъ надеждъ, въ лагерь кружка воспитаннаго Станкевичемъ, въ Наблюдателѣ который, какъ всѣ юношескія надежды

Не разцвѣть а отцвѣль
Въ утрѣ пасмурныхъ дней

— пламенную статью о воспитаніи, по поводу какихъ-то дѣтскихъ книжонокъ, статью повторенную послѣ почти цѣлымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года.

«Разсудокъ» — говорить въ ней между-прочимъ Бѣлинскій, — «когда онъ дѣйствуетъ въ своей сферѣ, есть также искра Божія, какъ и разумъ, и возвышаетъ человѣка надъ всею осталью природою, какъ ступень сознанія; но когда разсудокъ вступаетъ въ право разума, тогда для человѣка гибнетъ все святое въ жизни и жизнь перестаетъ быть таинствомъ, но дѣлается борьбою эгоистическихъ личностей, азартною игрою, въ которой торжествуетъ хитрый и безжалостный и гибнетъ неловкій или совѣстливый. Разсудокъ, или то, что французы называютъ *le bon sens*, что они такъ уважаютъ и представителями чего они съ такою гордостью провозглашаютъ себя, разсудокъ уничтожаетъ все, что выходитъ изъ сферы конечности, понятно для человѣка только силою благодати Божіей, силою откровенія; въ своемъ миѳурномъ величиі, онъ гордо опираетъ ногами все это, потому только, что онъ безсиленъ проникнуть въ таинство безконечнаго; XVIII вѣкъ былъ именно вѣкомъ торжества разсудка, вѣкомъ, когда все было переведено на ясныя, очевидныя и для всякаго доступнныя понятія».

....И черезъ нѣсколько строкъ: «*Въ опредѣленіяхъ разсудка — смерть и неподвижимость; въ опредѣленіяхъ разума жизнь и движеніе.* Сознавать можно только существующее: такъ неужели конечныя истины очевидности и соображенія опыта существенное, нежели тѣ дивныя и таинственные потребности, порыванія и движенія нашего духа, которыя мы назы-

ваемъ чувствомъ, благодатю, откровеніемъ, просвѣтленіемъ».

Нужды неѣть, что въ это время Бѣлинскій вѣровалъ какъ дитя въ разумность всего дѣйствительного и былъ близокъ сознаніемъ къ знаменитымъ своимъ статьямъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года, — где онъ съ наивною яростью подвизался за эту разумность вѣчной дѣйствительности — онъ все тотъ-же человѣкъ, который покланяется въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Феррагусу и Монтиро Бальзака — и скоро будетъ поклоняться новому, могущественному вѣянію стихійно-тревожнаго въ Лермонтовѣ — все тотъ-же романтикъ, который и умретъ романтикомъ!

Междудѣмъ — въ сознаніи его-то есть въ нашемъ общемъ критическомъ сознаніи, совершился дѣйствительный, несомнѣнныи переворотъ въ эту эпоху. Новыя силы, новыя вѣянія могущественно влекли жизнь впередъ: эти силы были Гегелизмъ съ одной стороны и поэзія дѣйствительности съ другой. Небольшой кружокъ не многимъ тогда, не всѣмъ еще и теперь извѣстнаго, но по вліянію могущественнаго дѣятеля — Станкевича, кружокъ изъ котораго прямо или косвенно вышли даровитѣшіе представители мысли и науки конца тридцатыхъ и всѣхъ сороковыхъ годовъ, — разливая на все молодое поколѣніе — я разумѣю то, что дѣйствительно стоило названія молодаго поколѣнія — свѣтъ новаго ученія. Это ученіе уже тѣмъ однимъ было замѣчательно и могуче, что манило и дразнило обѣщаніями осмыслить міръ и жизнь, связать общими началами все то, что стихійно раздроблено, что искало себѣ сосредоточенія, — и бушевало, кружило, выхватывало у жизни жертвы за жертвами, въ следствіе совершенной потери мысленного и душевнаго центра, совершенно слѣпаго подчиненія тревожнымъ вѣяніямъ. Шеллингизмъ хотя имѣлъ у насъ даровитыхъ, глубокомысленныхъ и даже строго логическихъ представителей въ лицѣ И. В. Киреевскаго, Надеждина и Павлова — но онъ, въ первоначальной формѣ своей, завлекая своимъ таинственнымъ тождествомъ сознающаго *и* и сознаваемаго *не-я*, приводилъ *en definitive* къ стихійному раздвоенію быль; узаконеніемъ, оправданиемъ этого раздвоенія — или дѣйствуя другими,

внѣшне-мистическими своими сторонами, увлекалъ благородныя, ищущія цѣльности, ищущія успокоенія и центра, души въ какія-то за-облачныя выси, гдѣ ихъ обманывали призрачныя формы примиренія въ прошедшемъ, въ отжитомъ мірѣ.... Новое ученіе смыло ставило всеобъемляющій принципъ, проводило его съ строжайшею, желѣзною логическою послѣдовательностью, дразня въ тоже время душу своими отвлечеными таинственными сторонами....

Гейнрихъ Гейне, сказалъ въ одной изъ своихъ книгъ, что Шеллингизмъ похожъ на іероглифы, которые издали кажутся изображеніями странныхъ, любопытныхъ животныхъ а въ сущности ничего не значать, — а Гегелизмъ напротивъ на клинообразныя письмена, присмотрясь къ уродливости которыхъ видишь простыя буквы — а буквами этими написаны самые простыя ясныя и здравыя истины. Это чрезвычайно остроумно — хоть и не совсѣмъ такъ и по отношению къ іероглифамъ и по отношению къ Шеллингизму. Но это больше чѣмъ остроумно, это—глубоко вѣрно какъ выраженіе отношеній той эпохи къ двумъ ученіямъ!....

Съ другой стороны — явились новыя художественныя силы въ лицѣ Гоголя. Поэзія отвѣтила живыми образами на требованія жизни. Пусть эти образы были только отрицательные: въ ихъ отрицательности оказались новыя силы жизни, силы отвергнуть всѣ формы, оказавшіяся несостоятельными, разбивъ все фальшиво-героическое въ представленіяхъ души. Таковъ былъ отвѣтъ поэзіи на требование успокоеній и примиреній. Это былъ протестъ — какъ протестъ-же скрывался и подъ клинообразными письменами Гегелизма — которыя суили адептамъ-неофитамъ полное оразумленіе всего дѣйствительного!

Ан. Григорьевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

І. УРАЛЬЦЫ. Очерки быта уральскихъ казаковъ. Соч. Іоасафа Желѣзнова. Москва. Въ типогр. А. Семена. 1858. Два тома. 374 — 371 стр. in 8°.

Болѣе двухъ - сотъ лѣтъ, на восточной границѣ Россіи, за Волгою, ведется упорная борьба цивилизаціи съ варварствомъ, борьба не такая блестящая и громкая, какъ однородная съ нею борьба съ племенами Кавказа, но уже принесшая не мало утѣшительныхъ разультатовъ; она потеряла свой прежній, чисто боевой характеръ и приняла другой, болѣе желанной, характеръ мирного завоеванія, — преобладанія силы нравственной, а не физической. Героями этой упорной и славной борьбы были Уральские казаки, нашедшие теперь въ г. Желѣзновѣ, своемъ землякѣ, достойнаго повѣстователя о подвигахъ ихъ предковъ.

Разсказы г. Желѣзнова первоначально были напечатаны въ Отечественныхъ Запискахъ. Затерянные въ этомъ журналь во множествѣ другихъ статей, имѣвшихъ интересъ минуты, они были замѣчены немногими и изъ этихъ немногихъ не всѣми оцѣнены по достоинству. Напечатанные отдельно, они являются теперь на судъ публики, успѣвшей, съ чужаго голоса, составить себѣ не совсѣмъ выгодное понятіе. Мы постараемся, на сколько понимаемъ, объяснить, какимъ - образомъ въ читающей публикѣ могло составиться предубѣжденис противъ г. Желѣзнова и тѣмъ охотнѣе исполнимъ это, что указавъ на незначительные, но тѣмъ неменѣе рѣзко выдающіеся недостатки въ книгѣ г.

Желѣзнова, мы тѣмъ самымъ выставимъ въ настоящемъ свѣтѣ и неотъемлемая достоинства его прекраснаго труда.

Прежде всего, въ книгѣ г. Желѣзнова, непріятнымъ образомъ поражаетъ читателя постоянное противорѣчіе автора самому себѣ, постоянный разладъ съ самимъ собою. Человѣкъ далеко не рядовой, г. Желѣзновъ хорошо понимаетъ, что старое умерло и оживить его не возможно, а между тѣмъ то-и-дѣло слышишь отъ него вздохи и охи о прекрасной старинѣ, когда рѣки были сытовыя, берега кисельные; г. Желѣзновъ горячо любить просвѣщеніе, искренно желаетъ успѣховъ его въ родномъ краю — и тутъ-же посмѣется надъ господиномъ съ свѣтлыми пуговицами, серьезно и съ любовію занимающимся какою-нибудь отраслью знанія, посмѣется надъ высиживаньемъ цыплятъ помощію печи и искусственнымъ разведеніемъ рыбы; г. Желѣзновъ самъ видитъ и хорошо понимаетъ несостоятельность во многихъ случаяхъ формъ казацкаго быта и не можетъ удержаться, чтобы не потрунить надъ людьми, помышляющими о новыхъ формахъ для новыхъ потребностей, смѣшивая этихъ людей съ своеокрыстными административными промышленниками и клеймить и тѣхъ и другихъ однимъ насмѣшивымъ прозвищемъ прожектеровъ. Ежели въ книгѣ г. Желѣзнова мы перейдемъ отъ содержанія къ формѣ, первое впечатлѣніе будетъ тоже не совсѣмъ радостное. Какъ разскащикъ, г. Желѣзновъ не подражаемъ: широкою и смѣлою кистью рисуетъ онъ передъ читателемъ рядъ очаровательныхъ картинъ, отъ которыхъ не отказался-бы ни одинъ изъ нашихъ первоклассныхъ писателей, картинъ, то привлекательныхъ по своей наивности, то грандіозныхъ, то суровыхъ и дикихъ, то смѣшныхъ и забавныхъ; но эти картины загромождены у него самою странною обстановкою: прибавками, вставками, замѣчаньями, которые предварительно надо бно снять, какъ снимаютъ слой пыли и грязи съ картинъ замѣчательнаго древняго мастера. Только послѣ этой сухой и утомительной работы, за которую впрочемъ не всякий возмется и безъ которой ошибочное сужденіе о книгѣ г. Желѣзнова не избѣжно, читателя ждетъ полное очарованіе: патріархальные нравы и обычай казаковъ, ихъ борьба съ полудикими

сосѣдями, борьба съ природой, скупой и суровой, ничего не дающей даромъ, и заставляющей все братъ съ боя и нерѣдко съ самого упорного боя, — рисуются передъ читателемъ въ живой, цѣльной, художнически оконченной картинѣ. Въ изумлениіи протираете вы глаза и спрашиваете: что-же заставило автора запрятать такое сокровище подъ кучею безобразнаго хлама.

Отвѣта на этотъ вопросъ надобно искать тоже въ самой книгѣ г. Желѣзнова. Сильный и неподдѣльный талантъ автора не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но вмѣстѣ съ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію и недостатокъ прочнаго образованія. Этюю стороною, г. Желѣзновъ напоминаетъ имъ же описаннаго старика Степана Гладова (т. I, стр. 147), человѣка весьма пожилаго, но который вѣрить только тому, до чего онъ дошелъ, подобно гоголевскому судье, *своимъ умомъ*. Выводовъ, практически добытыхъ, г. Желѣзновъ не можетъ привести въ систему, не можетъ связать съ общими началами, отъ которыхъ они зависятъ и съ пониманiemъ которыхъ ему стали-бы ясны и уклоненія отъ этихъ началъ. Процессъ самовоспитанія сказывается въ книгѣ г. Желѣзнова на каждомъ шагу: подошелъ одинъ чистый случай подъ другой, тоже частный, ему извѣстный, — ну и хорошо; не подошелъ — дрянь-дѣло, говорить о немъ серьезно не стоитъ, а поглумиться можно. Недостатокъ прочнаго образованія отозвался и на вѣшней сторонѣ труда г. Желѣзнова. Художникъ по преимуществу, онъ не могъ и не хотѣлъ описать свой край иначе, какъ въ картинѣ художественной и должно сказать въ цѣломъ исполнить свою задачу безукоризненно; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не хотѣлъ разстаться съ огромнымъ запасомъ разнообразныхъ свѣдѣній о бытѣ уральцевъ и, не съумѣвъ отыскать имъ приличное мѣсто, тискалъ ихъ всюду, где пришлось. Эти-то непрошенные гости и легли темными, безобразными пятнами, заслоняющими несомнѣнныя достоинства его труда.

Всѣхъ разсказовъ, или очерковъ, какъ называетъ ихъ г. Желѣзновъ, въ его книгѣ пять: четыре въ первой части и одинъ во второй, въ которой кромѣ того, помѣщены критика пушкинской Исторіи пугачевскаго бунта и мысли о

казачествѣ. Вотъ названія очерковъ первой части: Картины казацкой жизни, — Сайгачники, — Башкирцы, — Картины аханаго рыболовства. Очеркъ, помѣщенный во второй части названъ по имени мѣстнаго ярла (героя) гурьевскаго казака Василья Струняшева. Описывая похожденія этого несчастнаго и вмѣстѣ необыкновенаго человѣка, г. Желѣзновъ, по своему обыкновенію знакомитъ читателя и съ нравами и обычаями гурьевцевъ и съ краемъ, въ которомъ совершаются похожденія его героя. Мы съ намѣреніемъ останавливаемся на этомъ разсказѣ, такъ-какъ въ немъ ярче нежели въ другихъ высказались и достоинства и недостатки таланта г. Желѣзнова.

Василий Струнишевъ осиротѣлъ въ самомъ нѣжномъ дѣствѣ. Грамата, которой хотѣла научить его бабка, ему не далась, но изъ него вышелъ казакъ храбрый, трудолюбивый, смышленый. Съ такими качествами онъ скоро вышелъ въ люди. Оставивъ меньшаго брата хоziйничать и торговать, самъ онъ воевалъ съ сосѣдями своими, киргизами и нажилъ въ одномъ изъ нихъ, Кара-Кузькѣ, непримиримаго врага: сыновья его пали въ схваткахъ съ казаками отъ руки Струнишева, да и самъ Кара-Кузька имъ-же изувѣченъ, имъ-же доведенъ до раззоренія и нищеты. Этотъ человѣкъ поклялся погубить Струнишева и чтобы погубить его, идетъ къ нему въ пастихи. Вкравшись къ Струнишеву въ довѣренность и удачно воспользовавшись обстоятельствами, онъ достигаетъ своей цѣли: Струнишевъ раззоренъ, потерялъ брата, невѣсту, вынесъ продолжительный и тяжелый плѣнъ у Киргизовъ. Суровый урокъ, заданный ему судьбою въ самую золотую пору жизни, до того ожесточилъ его, что Струнишевъ забылъ человѣческія и христіанскія обязанности и во встрѣчахъ съ Киргизами, которыхъ всегда самъ искалъ, не давалъ пощады ни полу, ни возрасту. Только глубокая старость положила конецъ его свирѣпому мщенію. Струнишевъ кончилъ, какъ непремѣнно слѣдовало кончить русскому человѣку: когда ноги отказались переносить его въ глубокія степи Киргизскія а руки уже не въ силахъ были душить женщинъ и младенцевъ. Струнишевъ удалился на необитаемый островъ и тамъ посвятилъ остатокъ своей жизни посту, покаянію и молитвѣ.

Таковъ въ сущности разсказъ о яроѣ гурьевскомъ, яроѣ, могущемъ скорѣе внушить состраданіе къ себѣ нежели сочувствіе. А г. Желѣзновъ вполнѣ сочувствуетъ этому человѣку, не хочетъ видѣть, что между Струняшевымъ и Карапузькой, Киргизомъ, который его губитъ, почти нѣтъ разницъ; что Струняшевъ стаитъ даже ниже его, потому-что Карапузька мстить какъ дикарь и магометанинъ, а Струняшевъ христіанинъ и прежде всего долженъ приписать свои страданія Божію Промыслу, искать утѣшенія въ покорности волѣ Божіей, въ смиреніи; или по крайней-мѣрѣ въ мести быть разборчивымъ на средства. Любопытно было-бы послушать чтобы заговорилъ г. Желѣзновъ, еслибы онъ передавалъ подвиги не русскаго, а на-примѣръ, Туркменца, поставленаго въ такіе-же отношенія къ Киргизамъ, въ какихъ быль къ нимъ Струняшевъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что симпатія автора къ своему герою пропала-бы и въ немъ громко заговорилъ-бы голосъ человѣка и христіанина, голосъ, заглушаемый теперь любовью къ земляку и *хорошему человѣку*, которому можно все простить, котораго можно даже прославить и возвеличить въ слѣдствіе этихъ чисто-русскихъ причинъ. *И все* это, какъ уже сказали, отъ шаткости убѣжденій, не укорененныхъ въ авторѣ прочнымъ образованіемъ; они-то рисуютъ его передъ читателемъ, его, друга просвѣщенія и развитія, чуть-ли не поборникомъ обскурантизма и застоя.

А между-тѣмъ на этой не совсѣмъ привлекательной канвѣ авторъ вывелъ очаровательные узоры и силою своего таланта не разъ заставляетъ читателя сочувствовать своему не совсѣмъ симпатичному герою. Эпизоды, одинъ другаго сильнѣе прочувствованные и живѣе переданные, невольно приводятъ вниманіе къ судьбѣ несчастнаго Струняшева. Въ молодости онъ влюбился въ дочь богатаго Киргиза, Алтыпу, увезъ ее, хотѣль ее окрестить и жениться на ней, но попытка не удалась: начальство выдало бѣглянку оскорбленному отцу. Долго горюетъ Струняшевъ, наконецъ забываетъ свою возлюбленную, даже начинаетъ гнушаться первою своею страстью, переносить свою привязанность на молоденькую сиротку, съ которой думаетъ зажить припѣ-

ваючи, — но въ это время преданный Кара-Кузькой, раненый и униженный, попадаетъ въ плѣнъ Киргизамъ и переходя изъ рукъ въ руки, достается богатому, старому, счастолюбивому Киргизу, мужу своей Алтыпы. Много подлили оба они воды въ свой бокаль съ тѣхъ поръ какъ разстались и Струнишевъ не любя, а покоряясь обстоятельствамъ дѣлается простымъ угодникомъ по прежнему страстью и ревниво любящей его Алтыпы. Жизнь становится ему въ тягость, но наконецъ судьба скжалилась надъ нимъ и онъ выбѣгаешь изъ плѣна. А между тѣмъ, въ его отсутствие, все измѣнилось: меньшой его братъ предательски убить Киргизами, невѣста его вышла за мужъ. Ошеломленный этими тяжелыми вѣстями, Струнишевъ не съумѣлъ совладѣть съ ними и становится звѣремъ, долгое время справлявшимъ кровавыя поминки по братѣ и погибшей своей молодости.

По заведенному обычаю, авторъ все стараніе приложилъ къ тому, чтобы отбить у нетерпѣливаго читателя охоту до читать его разсказъ до конца. Вставкамъ не идущимъ, какъ говорится, ни къ селу ни къ городу, — нѣтъ счету. Такъ въ началѣ повѣсти когда Струнишевъ влюбленъ въ Алтыпу, вставлено повѣрье о шутахъ и шутовкахъ, которому слѣдовало бы быть въ 1 части; въ разсказѣ (тамъ есть рубрика тоже Богъ-знаетъ какъ туда зашедшая): повѣрье и преданье (Т. I, стр. 146.), съ стран. 103 по 113 идетъ разсказъ о томъ, что казаки не смѣли, преслѣдуя Киргизовъ, переходить указанной правительствомъ черты, а съ 143 по 167 разсказы обо всемъ: о томъ, что генералъ Бизяковъ просвѣщенный и всѣми уважаемый человѣкъ; что лейбъ-гвардія уральской сотни мало давали щербы (ухи) въ Петербургѣ; что они выпросили-было себѣ у Императора Павла Петровича *харунку* (зnamя) да въ Петербургѣ ее и потеряли. Все это чрезвычайно любопытно, но будучи вставлено не къ мѣсту, много теряетъ цѣны и вредить ходу разсказа. О мелкихъ вставкахъ, о неудачныхъ выраженіяхъ мы не говоримъ: г. Жельзновъ конечно замѣтилъ ихъ и постарается исправить въ будущихъ изданіяхъ, которыя мы пророчимъ его книгѣ и которыхъ она вполнѣ заслуживаетъ.

Указывать на частные достоинства въ книгѣ г. Жельз-

нова значило-бы, по нашему мнѣнію, переписать почти всѣ страницы обѣихъ томовъ. Бесѣды казаковъ въ первомъ разсказѣ, чудакъ Вертячинъ, разсказы о Разинѣ, о кладахъ, о безвѣстномъ кораблѣ, описание сайгаковъ (*antilopa Saiga*) и охоты за ними, сцены аханнаго рыболовства конечно никогда не забудутся тѣми, кто разъ прочиталъ ихъ.

А. Х....

II. СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ СЕНКОВСКАГО (Барона Брамбеуса). Т. 1 и 2. Спб. 1858. in 12°.

Не здѣсь было-бы мѣсто говорить о неоспоримыхъ ученыхъ заслугахъ покойнаго О. И. Сенковскаго, какъ ориенталиста; чтобы по достоинству оцѣнить эти заслуги, должно обладать специальными свѣдѣніями по части изученія восточныхъ языковъ — специальная статья вошла-бы уже въ отдѣльный, а не въ отдѣльный библиографическій.

Но Сенковскій дѣйствовалъ и въ общедоступной литературѣ, былъ и повѣствователемъ, и критикомъ, и редакторомъ журнала, — какъ это всѣмъ безъ сомнѣнія известно. Дѣятельность на этомъ поприщѣ въ свое время возбуждала сильный антагонизмъ, потомъ была забыта — въ наше время опять поднята, такъ-сказать изъ праха, и возбудила новые толки. Вѣроятно, всѣ читатели наши знакомы уже съ замѣчательною статьею г. Дудышкина, обѣ этой дѣятельности покойнаго Сенковскаго; многимъ изъ нихъ такъ-же вѣроятно известно, что теперешній редакторъ журнала начатаго Сенковскимъ, А. В. Дружининъ, нѣсколько разъ поднималъ голосъ за эту дѣятельность: помнится даже, если мы не ошибаемся, онъ поднималъ голосъ не только за Сенковскаго, какъ критика, но даже за Сенковскаго, какъ беллетриста и повѣствователя.

Нашему времени иногда ужасно хочется быть эклектическимъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое эклектическое стремленіе оказывается въ немъ несостоятельнымъ. Есть вопросы, не решаемые окончательно во время борьбы за нихъ или противъ нихъ, вопросы, которые сколько ни поворачивай — а они все-таки станутъ къ читателямъ той своей стороной,

которая въ нихъ особенно ярко и рельефно выдавалась. Таковъ и вопросъ о дѣятельности Сенковскаго, какъ повѣстователя — да таковъ-же собственно и вопросъ о дѣятельности его, какъ критика. Никто въ наше время не станетъ читать «фантастическихъ путешествій» или повѣсти «любовь и смерть», по той простой причинѣ, что ни въ «путешествіяхъ», ни въ повѣстяхъ подобныхъ упомянутымъ, нѣтъ никакого существенного содержанія — а манера ихъ совершенно для насть устарѣла — да и результатъ, остающійся послѣ чтенія статьи г. Дудышкина, весьма неутѣшителенъ въ отношеніи къ Сенковскому, какъ критику. Сенковскій *ничего* не сдѣлалъ какъ критикъ, не шелъ впередъ съ поколѣніями, не разъяснялъ имъ искусства и жизни. Это не Бѣлинскій, котораго и издавать и изучать слѣдуетъ.

Сенковскій 30-хъ годовъ, какъ критикъ и литераторъ, равно пустъ и бесодержателенъ и въ 40-хъ годахъ и въ 50-хъ. Въ 30-хъ годахъ онъ громить «сіи и оные», въ 40-хъ ругается надъ Гоголемъ; въ 50-хъ повторяетъ старыя пѣсни. Никто этихъ пѣсень не слушаетъ — ибо уже покойный Надеждинъ отпѣль имъ вѣчную память своими обличительными статьями, отпѣль такъ, что Бѣлинскому нечего уже и было бороться со взглядами Сенковскаго — а пѣсни все-таки повторяются и тѣшатъ помѣщиковъ послѣ жирнаго обѣда. Печальная истина — а что-же дѣлать? — все-таки истина назидательная, если хотите — въ общемъ смыслѣ. Сенковскій живое свидѣтельство того, что умъ и талантливость извѣстнаго рода и обширная ученость — безъ любви къ правдѣ искусства и жизни, безъ горячаго убѣжденія, ровно ничего не значать.

Замѣчательна въ особенности судьба этой безплодной и безцѣльной дѣятельности въ 50-хъ годахъ, когда она появлялась по временамъ, какъ яркій анахронизмъ — все та-же какъ и въ 30-хъ годахъ — пустая и вмѣстѣ цинически-наглая. Такъ въ 1852 г. по поводу какой-то драмы г. Кукольника раздалась нежданно-негаданно старая пѣсня, которую всѣ уже считали затихшую. Позволяемъ себѣ заняться иѣсколько этой статьею.

Баронъ Брамбеусъ, какъ извѣстно всѣмъ, помянявшимъ тридцатые годы литературы, любилъ цвѣтистый восточный слогъ, такой-же анахронизмъ въ наше время, какъ и его критический и вообще литературный взглядъ; но, говоря о его статьяхъ вообще и объ этой въ особенности, слѣдуетъ не обольщаться ея *цептами*, а обнажать напротивъ содержаніе, выводить изъ нея пункты и положенія. Итакъ — пунктъ первый, прикрытый цвѣтами восточного краснорѣчія, гласитъ: «Въ тридцатые годы литературы, литература была молода, рвалась впередъ, вѣрила въ призваніе». Прежде всего, любя и уважая глубоко нашу, до-сихъ-поръ еще, слава Богу, молодую литературу, мы скажемъ къ чести ея, что рѣдко находили на нее эпохи, когда-бы она не рвалась впередъ и не вѣрила въ призваніе, а если и бывали такія грустныя эпохи, то были весьма кратковременны. Время тридцатыхъ годовъ было тоже блестательное время — но почему? Потому-что тогда во главѣ литературы стоялъ гений Пушкина, только-что вступившій въ зрѣлую пору своего развитія. Въ немъ заключалось все будущее русской литературы, — но не его имѣть въ виду авторъ статьи: *on le voit venir!* Зрѣлое Пушкина весьма немногіе понимали въ эти тридцатые годы литературы — и его «Бориса» тогдашняя критика считала *слабымъ* произведеніемъ, и въ эти-же тридцатые годы, во второй ихъ половинѣ, — критика умудрилась до того, что великое имя Пушкина стали ставить рядомъ съ именами разныхъ пошлыхъ стихотворцевъ. Это фактъ! Авторъ этой статьи помнить, какъ въ ранней еще молодости его, привыкшаго съ нѣкоторымъ сердечнымъ трепетомъ слышать и произносить великое имя, поразило непріятно такое чудовищное сопоставленіе, — въ одной литературной лѣтописи «Библіотеки для чтенія», где передъ какимъ-то восточнымъ пашею читали разныя стихотворенія, и прочтя однимъ духомъ стихотвореніе Пушкина и вмѣстѣ стихотвореніе г. Н. Н., восклицали: «оба молодцы!». Если такимъ-образомъ рвалась впередъ литература тридцатыхъ годовъ, то нечего жалѣть о ея молодости, потому-что ея молодость не имѣла прочныхъ началъ и убѣждений, мѣняла великое на мелочное. Она не знала даже (немногихъ

благородныхъ дѣятелей на поприщѣ мысли и искусства, которые принадлежали почти всѣ Пушкинскому кругу), что считать за великое и важное въ литературѣ, и доселе еще оказываетъ такое странное незнаніе.

«Созвѣздія, свѣтившія нашему началу, — продолжаетъ статья, — оканчивали свое торжественное теченіе; новое небо и другія свѣтила возникали изъ тьмы неизвѣстности надъ плодородною и едва разчищенною и только кое-гдѣ воздѣланною равниною русской литературы. Славная плеяда, въ которой различныи блескомъ сияли Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Грибоѣдовъ, Булгаринъ, Полевой, Загоскинъ и нѣсколько звѣздъ меньшей величины, вмѣстѣ съ кучею принадлежащихъ имъ звѣздочекъ, — величественно совершила свой закатъ. Съ противной стороны восходила новая плеяда, къ которой вся Русь устремила взоръ съ трепетомъ любопытства и восторга: Брюсовъ, графиня Ростопчина, Кукольникъ, Лермонтовъ, Гоголь, одинъ за другимъ ярко выходили изъ мрака».

Опять цвѣты краснорѣчія и опять изъ-подъ цвѣтовъ, нѣсколько шероновскихъ, вынимаемъ положенія и пункты:

- 1) Равнина русской литературы, на которой, замѣтьте, работали: Ломоносовъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Дмитріевъ и многіе другіе, великие или даровитые и благородные дѣятели, — эта равнина, изволите видѣть, была едва разчищена и только кое-гдѣ воздѣлана, — когда Карамзинъ, Жуковскій и Пушкинъ взбороили и вспахали ее (продолжая риторическую фигуру автора статьи) во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ. Опять-таки онъ *voit venir* критика — и мы сейчасъ увидимъ, кто по его мнѣнію разчистилъ поле литературы. 2) Въ литературѣ различныи (ужъ подлинно различныи!) блескомъ сияли имена Пушкина и.... *Булгарина!* 3) Литература тридцатыхъ годовъ дѣлаетъ уступку и причисляетъ къ яркимъ свѣтиламъ новымъ Гоголя. Сильно состарѣлась литература тридцатыхъ годовъ, когда принуждена прибѣгать къ такимъ кореннымъ уступкамъ. Вопросъ въ томъ только, повѣрить-ли новое время искренности этой почтенной литературы, которая нѣкогда такъ глумилась надъ малороссійскимъ яко-бы жартомъ знаменитаго русскаго поэ-

Отд. II.

4

та и падъ его «Мертвыми Душами»?... Цѣль такой уступки обозначается притомъ слишкомъ ясно въ послѣдующемъ, тоже цвѣтистомъ разсужденіи, — и основная задача выказывается довольно нецеремонно.

«Но геніемъ путеводителемъ начинающейся эпохи казался Брюлловъ: все это (?) пытало страстнымъ энтузіазмомъ къ искусствамъ и къ искусству, все мечтalo о формѣ, о коло ритѣ, о чистотѣ и естественности мысленной линіи; умѣніе просто и хорошо выразить задуманное и отвращеніе къ остаткамъ манерности въ языкѣ и слогѣ сдѣлялись страстью. Послѣдній день Помпей и первая книжка Библіотеки для Чтенія, два незабвенные явленія, произведшия такое сильное сотрясеніе, такое возбужденіе умственныхъ силъ въ русскомъ мірѣ, — были явленія одновременныя».

Вотъ наконецъ и главный пунктъ, который таплся подъ цвѣтами краснорѣчія. Послѣдній день Помпей — и первая книжка Библіотеки для Чтенія! что за удивительныя сопоставленія! а впрочемъ, собственно говоря, нечего удивляться, что критикъ Библіотеки считалъ появленіе первой книжки своего журнала литературною эпохой, когда въ одной книгѣ, посвященій разсужденію о русской словесности, начало изданія Отечественныхъ Записокъ пришапо чуть-что не за начало исторіи русской литературы. Шутки въ сторону! неужели въ наше время не смѣшны подобныя мысlenія? Мы знаемъ въ русской литературѣ періоды Карамзинскій, Пушкинскій, Лермонтовско-Гоголевскій, но не знаемъ и не хотимъ знать періодовъ Телеграфа, Библіотеки, Отечественныхъ Записокъ, и т. д. Карамзинъ и Жуковскій, Пушкинъ и его спутники, Гоголь и Лермонтовъ внесли въ литературу новыя живыя литературныя начала, — журналы только разъясняли эти начала, и имѣли конечно свои заслуги, которыхъ никто также въ наше время отвергать не станетъ, но расплодили вмѣстѣ съ тѣмъ и множество эстетическихъ ересь, изъ которыхъ иѣкоторые, какъ, напримѣръ, ересь объ упадкѣ Пушкина въ зрѣлую пору его дѣятельности, о слабости Бориса Годунова и т. д. — ересь телеграфская, казнены временемъ и стерты съ лица земли; другія какъ, напримѣръ, ересь о нехудожественности комедіи Грибоѣдова

о безычности Чатцаго и т. д., до сихъ поръ еще находять отолосокъ. Не помпная всѣхъ литературныхъ грѣховъ русской журналистики, и преимущественно грѣховъ Библіотеки для Чтенія, мы замѣтимъ только, что въ наше время нельзѧ безнаказанно трактовать русскую литературу съ точки зрѣнія литературы тридцатыхъ годовъ, что теперь это почти тоже, что черпать сужденья

изъ забытыхъ газетъ

Времень очаковскихъ и покоренья Крыма.

«Сотрудники этого журнала (Библіотеки для Чтенія) вдругъ «составили изъ себя звѣздистое поле вокругъ главныхъ новорожденныхъ звѣздъ, несшихъ новое время и новое счастіе уму и искусству русскому. Сотрудники другаго большаго изданія, составившагося вслѣдъ за этимъ, «Энциклопедического Лексикона», образовали вторую группу писателей, второе богатое скопленіе свѣтлыхъ дарованій и ревностныхъ усилий. На огромномъ пространствѣ все вдругъ закипѣло. «Никогда на Руси не видали такого горячаго умственнаго движенія во всѣхъ направленихъ. Публика бросалась къ чтенію и къ удовольствію восхищаться съ энтузіазмомъ, равнѣмъ тому, который одушевлялъ новыхъ писателей. Пять, шесть, семь-тысячъ подписчиковъ были тогда ни почемъ. Смирдинъ, на счетной доскѣ, выкладывала сто русскихъ литераторовъ, сто извѣстныхъ талантовъ, сто геніевъ на лицо....»

Остановимся на минуту перевести духъ. Здѣсь уже краснорѣчіе не восточное, но краснорѣчіе Ливія, — и какъ у Ливія-же, къ разсказу повѣствователя примѣшивается много эпическихъ подробностей, и напротивъ, вѣроятно, не умышленно, стираются многія дѣйствительныя черты. Разоблачимъ-же съ одной стороны миѳы, и дополнимъ картину для исторической вѣрности. Достовѣрны и несомнѣнны въ блестящей панорамѣ прошедшаго, раскидываемой критикомъ, два факта: 1) пять, шесть, семь-тысячъ подписчиковъ, и 2) намѣреніе Смирдина издать Сборникъ подъ заглавиемъ: «Сто русскихъ литераторовъ», остановившійся на второмъ томѣ. Къ числу ста геніевъ причислялись гг. Н. Н., С. С., въ числѣ новыхъ блестящихъ свѣтиль пропущены критикомъ другія имена, которыя возводились иѣ когда Библіотекою для

Членія въ генії съ удивительною легкостью. Достовѣрно и несомнѣнно также то, что съ этой эпохи на литературу многіе литераторы стали смотрѣть преподавательственно съ точки зрѣнія интересной, т. е. съ точки зрѣнія выгодъ, доставляемыхъ ею какъ ремесломъ, — и что появился въ печати милые попреки однихъ журналовъ другимъ въ такъ называемомъ *быть по карманамъ*, — понятіе и слово, пущенное въ ходъ и въ печать критикою тридцатыхъ годовъ литературы. Что-же касается до *новаго счастія*, принесшаго *уму и искусству русскому*, сотрудниками журналовъ вообще и Библіотеки въ особенности, то это счастіе, помнится намъ, заключалось въ генеріи на несчастныя выстолченія *сей и оны*, да въ забытыхъ нынѣ драматическихъ фантазіяхъ или мистеріяхъ, и забытыхъ также фантастическихъ путешествіяхъ. Истинная литература, сосредоточивавшаяся въ Пушкинѣ съ его сопутниками, находившая убежище въ Телескоѣ, паконецъ въ Отечественныхъ Запискахъ, а потомъ въ Московскомъ Наблюдателѣ, въ Современнике Плещнева, вооружалась прямо и сильно на такое *счастіе*, принесенное литературою тридцатыхъ годовъ, вооружалась и дѣльной полемикою и смѣхомъ.

«Новое пишущее поколѣніе — говоритъ статья далѣе чрезъ нѣсколько строкъ — имѣло безспорное преимущество передъ *прежнимъ* (Н. В. замѣтьте, что прежнее — было Карамзинское и Пушкинское): оно привнесло на поприще, кроме любви къ искусству и формѣ, рѣшительное стремленіе къ самобытности и огромный запасъ прекрасныхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, примицательную ученость по всемъ отраслямъ знанія — и свою собственную идеи».

Какъ? поколѣніе или поколѣнія, прежде дѣйствовавшія не вносили съ собою ничего этого въ литературу? ни стремленія къ самобытности? ни запаса свѣдѣній? ни учености?... Какъ? только съ «Библіотеки» началось стремленіе къ самостоятельности взгляда? Любопытно!

Хороши-ли были эти идеи, или дурины, это могло показать время, но по крайней-мѣрѣ они были свои. Вѣкъ подражанія и поклоненія образцамъ и условленнымъ формамъ кончился. Каждый стремился къ самостоятельности, къ че-

му-нибудь новому и собственному, и Кукольникъ былъ самымъ вѣрнымъ, и вмѣстѣ самымъ блестящимъ выраженіемъ не только этого стремленія, но и всей новой эпохи».

Оставляя пока вопросъ о таланѣ г. Кукольщика, до которого добралась наконецъ статья, мы обратимъ вниманіе на тотъ назидательный фактъ, что истинно самостоятельный гений русской земли, великий талантомъ и заслугами, Пушкинъ, не примкнулся къ этому *самостоятельному* направлѣнію, а вынужденнымъ пашелся основать свой журналъ для поддержанія здравыхъ понятій объ искусствѣ, что Гоголь стоялъ съ самаго начала дѣятельности виѣ этого *самостоятельного* направлѣнія, что все замѣчательное мыслю или талантомъ въ тридцатые года литературы: Плетневъ, Хомяковъ, Языковъ, Надеждинъ, Шевыревъ, Погодинъ, Вяземскій, Одоевскій, Павловъ, Бѣлинскій — не только не было за это направлѣніе, но было постоянно противъ него. Это направлѣніе, приписывало себѣ заслугу противодѣйствія французскому романтизму: въ разныхъ статьяхъ той эпохи (какъ напримѣръ въ статьѣ Телескона: «здравый смыслъ и баронъ Брамбеусъ»; въ статьѣ Моск. Набл. «баронъ Брамбеусъ и юная словесность»), была доказана фактами вся неискренность этого противодѣйствія. Страшная буря *враждѣ* (N B. русскій языкъ «Библіотеки для Чтенія» въ тридцатыхъ годахъ, а равномѣрно и въ 1850-мъ) «взвившалася — по выраженію барона Брамбеуса — надъ Библіотекою для Чтенія», взвилась вовсе не со стороны ноборняковъ французскаго романтизма, которыхъ собственно и не существовало на Руси, а со стороны представителей русской мысли, русскаго искусства и здравыхъ понятій. Библіотека для Чтенія русскому слову и русской словесности не оказала никакой услуги, — даже изгнанныя ею мѣстоимѣнія употреблялись въ нужныхъ случаяхъ Пушкинъ, и доселе въ нужныхъ-же случаяхъ употребляются; польскіе обороты рѣчи, которые она вводила, также не привились на почвѣ русскаго слова, какъ германизмы и всякие другіе варваризмы. Критикъ Библіотеки для Чтенія въ упоминаемой нами статьѣ, идетъ дальше и говоритъ, что если теперь пишутъ хорошо, и если стать писать хорошо Лермонтовъ, то этимъ обязана литература все-таки-же Библіотекѣ; —но, во-первыхъ, теперь

далеко не вѣдь пишутъ хорошо, а во-вторыхъ, дай Богъ и хорошо пишущимъ поучиться простотѣ и недосягаемой чистотѣ русской рѣчи у великаго автора «Капитанской дочки» и даже у людей его поколѣніи.

Но этого мало. Въ 1852-мъ-же году по поводу изданія сочиненій г. Кукольника явилась статья еще болѣе циническая, статья представляла собою, особенно въ 1852 году, нечто такое *incredibile visu*, такой *волюющій* литературный фактъ, что, читая ее, всякий спрашивалъ себя невольно, за что припинать читаемое? Статья имѣла предметомъ «сочиненія Нестора Васильевича Кукольника» и скрывала съ самаго начала своихъ цѣлей, — не давала даже ни на мгнуту усомниться въ своей *откровенности*, и вы, читая ее отъ начала до конца, переходили разныя степени изумленія. Въ ней, въ этой поразительно-*откровенной* статьѣ, по словамъ даровитаго поэта:

«Все растетъ и рвется вонъ изъ яѣры!»

какъ въ фантастическомъ сновидѣніи, и даже

«Много сновъ проносится знакомыхъ»,

знакомыхъ конечно всѣмъ тѣмъ, которые помнятъ, какъ не-когда критика Библіотеки для Чтений надала въ прахъ передъ драматической фантазіей «Торквато-Тассо», и ставила по этому поводу г. Кукольника выше Гёте. Съ другой стороны, когда вы читали статью, вамъ приходило въ голову, не написана-ли она въ порывѣ того лирическаго вдохновенія, овладѣвающаго иногда любимыми героями г. Кукольника: Доминиками, Санназарами и другими многими, которые, какъ известная *птица Сирингъ*, изображаемая на суздалскихъ картинахъ, «сами себя позабываютъ» и должны или прибѣгать, какъ Доминико, къ восклицаніямъ въ родѣ:

Цаца-ляля, цаца-ляля!

или, какъ Санназарь, сознаваться, что у нихъ

Умъ не видитъ ничего.

Особенно интересно было въ ней начало. Это начало — есть то, что технически называется *подходомъ*, и притомъ, оно совершенно въ манерѣ Павла Ивановича Чичикова, когда тотъ, приступая къ разговору съ Собакевичемъ, разсуждастъ первоначально о безмѣрномъ пространствѣ нашемъ.

го отечества и т. д. Извѣстно всѣмъ, что Павлу Ивановичу не совсѣмъ удалась эта тактика съ Собакевичемъ — кажется, что и критику «Библіотеки для Чтенія» не удалось она съ читателями 1852 года.

«Намъ предстоить», такъ начинался *подходъ*, «говорить о трудахъ одного изъ современныхъ писателей, принимавшаго постоянное и дѣятельное участіе въ теченіе цѣлыхъ восьмнадцати лѣтъ въ издаваемомъ нами журналѣ; намъ предстоитъ оцѣнивать труды, которыхъ большая часть напечатана была въ Библіотекѣ для Чтенія». «Согласитесь, читатель, что положеніе наше щекотливо».

Не знаемъ, согласятся-ли читатели въ томъ, что щекотливо положеніе критика въ этомъ случаѣ, но они согласятся съ нами, конечно, что изъ этого положенія критикъ выходитъ съ невѣроятною ловкостью, которую можно сравнить только съ ловкостью извѣстныхъ профессоровъ Германа и Боско. Эта ловкость была-бы еще замѣчательнѣе и поразительнѣе, если-бы въ настоящее время читатели не знали уже наизусть всѣхъ уловокъ журнальной тактики. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ критику, принявшемуся за панегирикъ во вкусѣ панегирика Плинія младшаго, отѣлаться отъ упрека въ пристрастії? Очень не мудрено — стоять только спрятавшись съ образцами или даже съ реторическими *locis topica*?... Надобно отозваться съ нѣкоторой ироніей о недобросовѣтности современной критики, и такимъ-образомъ поставить читателямъ на видъ, что онъ, критикъ, таковой недобросовѣтности не раздѣляетъ, — это можно сдѣлать съ благороднымъ сознаніемъ собственного достоинства, которое могло нѣкогда *импонировать* на простодушную *иногда* публику. Такъ статья и поступила, забывая только къ сожалѣнію, что все это публика слыхала уже изъ разныхъ критическихъ устъ восемьсотъ-семьдесятъ-семь разъ съ половиною — и значитъ, зарядъ пропадалъ даромъ.

«Хвалить произведенія, напечатанныя въ своемъ журналѣ», говорить критикъ съ вышеупомянутымъ сознаніемъ собственного достоинства и съ ироніей, «самое современное журнальное дѣло, и значило-бы дѣйствовать вполнѣ въ журнальномъ духѣ; осуждать то, что сами находимъ прекрас-

«нымъ—онять было-бы обыкновеннымъ современнымъ жур-
нальнымъ подвигомъ.... Но мы совѣстимся хвалить напечатанно-
стью у насъ, и не въ состояніи охуждать то, что въ душѣ
«считаемъ хорошимъ; поэтому, извините насъ, если мы рѣ-
шаемся поступить нѣсколько несовременно».

Почему совѣстно хвалить литературное произведеніе, напечатанное въ своемъ журналѣ, если только оно принадлежитъ литературѣ и остается въ литературѣ? мы не знаемъ, а *совѣстимся* ли критикъ хвалить (да еще какъ!) произведенія г. Кукольника, — это мы сейчасъ увидимъ.

Поставивши себя въ выгодное и благородное положеніе — критикъ начинаетъ говорить уже совершенно въ манерѣ Павла Ивановича о томъ, что Россія есть государство пространное.... или, — что все равно въ случаѣ, къ которому относилась его статья, что предприятіе г. Смирдина — издавать сочиненія русскихъ авторовъ есть предприятіе весьма полезное. *Засимъ* уже, критикъ приступаетъ къ настоящему предмету — и тутъ-то съ перваго же раза обозначается, что, или критикъ особымъ образомъ понималъ значеніе слова «совѣститься» — или поступилъ съ читателями, какъ *профессора Германъ и Боско.*»

«Знакомые съ исторію литературы, знаютъ тотъ фактъ, что во всѣхъ литературахъ, у всѣхъ народовъ, бываетъ «множество писателей талантливыхъ, геніальныхъ, оказавшихъ большія услуги языку и обществу, и которымъ однакожъ, «по разнымъ историческимъ обстоятельствамъ, не суждено было стать въ исторіи литературы на первомъ планѣ, хотя «очень часто писатели эти почти ни въ чемъ не уступали «тѣмъ счастливцамъ, тѣмъ избранныкамъ исторіи, которымъ «суждено служить предводителями известнаго періода, из- «вестной школы, или составить собою эпоху. Повѣрьте эту «мысль на всѣхъ возможныхъ литературахъ, и вы согласитесь «съ нами».

Любопытно было-бы знать, какого рода *историческая обстоятельства* могутъ воспрепятствовать свѣтиламъ первой величины сиять всѣмъ блескомъ: мы признаемся откровенно, что таковыхъ *историческихъ обстоятельствъ* не вѣдаемъ, и полагаемъ, что самое слово «*историческая обстоятельства*»

вставлено было критикомъ для красоты слога — и можетъ быть съ надеждою на русское *авось*. Авось, де-скать, принуть на вѣру, что бываютъ такія историческія обстоятельства, да и не подумають хорошенько, что такое вообще историческія обстоятельства. Съ другой стороны — неужели г. критикъ считаетъ только счастливцами тѣхъ избраниковъ, которымъ, какъ напримѣръ: Карамзину, Жуковскому, Пушкину, Гоголю, суждено стоять во главѣ литературныхъ движений? мы не думаемъ, чтобы критикъ самъ вѣрилъ въ то, что онъ говоритъ. Наконецъ, критикъ приглашалъ повѣрить свою мысль на всѣхъ возможныхъ литературахъ.

Всего забавнѣе, что мысль свою критикъ изобрѣлъ собственно для статьи о г. Кукольнику, — но уже и сколько не было забавно то, что онъ рѣшился провести параллель между г. Кукольникомъ и (страшно сказать!) *Пушкиныи*.

«Н. В. Кукольнику, продолжала статья, подобно нѣкоторымъ другимъ геніальнымъ писателямъ, не суждено было составить собою эпоху въ русской литературѣ, не суждено было открыть собою новый періодъ, потому-что въ одно время съ нимъ явился другой геніальный писатель, поэтъ по преимуществу, который долженъ былъ замкнуть собою Карамзинскій періодъ и показать свопмъ соотечественникамъ, о чёмъ они тогда не думали, что никогда не ожидали, не предвидѣли и не предчувствовали, а главное чему не могли вѣрить — что можно стать еще выше Карамзина, Дмитрева и Жуковскаго. И точно въ литературѣ нашей Пушкинъ сталъ выше всѣхъ своихъ предшественниковъ. При Пушкинѣ не возможно было явиться таланту, не только выше, даже равному ему (??), потому-что Пушкинъ представилъ усиленное развитіе русской литературы, подражая частью Байрону, частью Гёте и другимъ тогдашимъ представителямъ западныхъ литературъ».

Боже мой! сколько нелѣостей нужно было насказать для оправданія нелѣнаго сравненія г. Кукольника съ Пушкинымъ! Чѣмъ, спрашиваемъ мы, могъ мѣшать Пушкинъ Гоголю, чѣмъ *могъ-бы* помѣшать Пушкинъ Лермонтову — чѣмъ Гёте могъ мѣшать Шиллеру, и на оборотъ,—Байронъ В. Скотту, и на оборотъ?...

«Если допустить,—продолжаетъ неустрашимый критикъ— что Н. В. Кукольникъ и Пушкинъ одарены были *равными* способностями (NB. Да помилуйте кому—же такое *если*— приходило въ голову?), то и въ такомъ случаѣ они не могли быть равны. Кукольникъ и Пушкинъ воспитались при совершенно разныхъ условіяхъ, были обставлены совершенно различными образомъ. Тогда-какъ Кукольникъ слушалъ курсъ въ Ильинскомъ лицѣль, мало отличавшемся тогда отъ любой гимназіи, — Пушкинъ воспитывался въ Царскосельскомъ лицѣль, где были и лучшіе профессора, и отборные товарищи, и всѣ возможныя средства къ развитію природныхъ дарованій.»

Замѣтимъ только на это *странные* разсужденіе, что въ одно время съ г. Кукольникомъ,— изъ того-же самаго Нѣжинскаго лицея вышелъ поэтъ съ значеніемъ въ высокой степени важнымъ въ литературѣ и жизни, даже большімъ чѣмъ Пушкинъ.

«Когда Пушкинъ открылъ собою новый періодъ русской литературы, Кукольникъ сталъ на правомъ его флангѣ и потомъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ былъ вѣреинъ характеру этого періода и дѣятельно поддерживалъ его.»

Что-же это такое? По словамъ автора статьи должно было умозаключить, вопреки всѣмъ извѣстнымъ и нерензвѣстнымъ фактамъ, что *дѣятельность* г. Кукольника нача-лась и шла обѣ-руку съ дѣятельностью Пушкина — или что настоящею дѣятельностью Пушкина должно признавать то время, когда начинается дѣятельность г. Кукольника.... Чѣмъ г. Кукольникъ поддерживалъ характеръ Пушкинскаго періода, мы несомнѣмъ и не знаемъ также, вѣреинъ онъ былъ ему, потому-что отличительного качества пушкинской манеры—изящной простоты, положительно неѣть въ манерѣ г. Кукольника.

«Изъ конца въ конецъ о-бокѣ имени Пушкина прогремѣло имя Кукольника....»

Est modus in rebus! Или это была шутка, одна изъ тѣхъ милыхъ шутокъ, которыми издавна отличалась критика Библиотеки для Чтенія, и въ такомъ случаѣ нечего говорить! Или это была уже не шутка, а иѣчто другое, что на лите-

ратурномъ языке не имѣеть имени, на что запрещаетъ отвѣтить литературное приличіе.

«Что Кукольникъ владѣеть огромнымъ талантомъ, доказательство тому можетъ представить каждый, кто когда и хоть что-либо читалъ изъ произведений этого художника-писателя: мы имѣемъ еще особенное тому доказательство, именно то, что было время, когда самъ Пушкинъ завидовалъ успѣху И. В. Кукольника.»

Пушкинъ никогда и ничему успѣху не завидовалъ. Литературная миѳнія Пушкина извѣстыны всѣмъ и каждому, кто читалъ и изучалъ все, что напечатано въ собраніи его сочиненій. Ясно поэтому для каждого, что не только завидовать, но даже особенно сочувствовать не могъ Пушкинъ г. Кукольнику. «Какъ поэтъ, въ тѣскомъ смыслѣ слова, Пушкинъ стоитъ выше Кукольника (НВ. Какую честь дѣлалъ авторъ статьи великому Пушкину!).—Произведенія Пушкина нѣжнѣе, изящнѣе, отчетлиѣе, обработаннѣе чѣмъ произведенія Кукольника. Но Кукольникъ умнѣе, ученье, основательнѣе Пушкина и дѣльнѣе его смотрѣть на вещи.»

Вотъ ужъ это называется—казнить такъ казнить, миловать такъ миловать!

Но, спрашивается, каково-же было читать все это публикѣ, и за что была осуждена она все это читать?

Наконецъ, въ эти-же времена удивительно наивно высказалось разъ, какъ Сенковскій понималъ дѣло критики. «Рѣшительно», — говорить онъ въ одной статьѣ, по поводу критики вообще, — «отказался я отъ этого литературнаго шарлатанства, гдѣ человѣкъ, по уму и сердцу такой-же, какъ и всѣ прочие, да часто и ниже прочихъ, смѣло выступаетъ впередъ, незванный и необязанный, и говоритъ вамъ, болѣе или менѣе хитро, но во-всякомъ случаѣ довольно нагло: я, де-скать, умнѣе, нравственнѣе и ученье всѣхъ, я проглотилъ всѣ законы ума и природы, всѣ тайны исторіи и сердца, всѣ правила вдохновенія, творчества и вкуса; я знатокъ, браковщикъ и верховный судья ума, сердца, нравственности, понятій, съѣдѣній и искусства другихъ, мнѣ подобныхъ людей; я-де вамъ стану судить объ умѣ и сердцѣ умнѣншихъ изъ нихъ, тѣхъ, кому вы удивлleteесь,

тѣхъ, которые сочиняютъ знаменитыя книги, тѣхъ, которые творять чудеса искусства; слушайте меня; одинъ я обладаю сверхъ-естественною добродѣтелью судить безпристрастно, разумно и непогрѣшемо; и что скажу я, то свято, — какъ я рѣшу, такъ вамъ и дѣйствовать — бранить или удивляться, смеяться или скучать. *И добрые, умные люди, которыхъ, за прыхи ихъ, зовутъ читателями, озадаченные такою сильностью, пойманнны торжественностю осанки и рѣчи судьи-самозванца, слушаютъ этого человѣка, развѣся уши, и добро-душно вѣрятъ его произвольнымъ приговорамъ!* Чѣмъ-само-увѣреніе судить онъ обѣ умѣ и сердцѣ бѣдныхъ авторовъ, которые очень часто превосходнѣе его, и умомъ и сердцемъ, чѣмъ-болѣе ему рукоплещутъ; чѣмъ-ловче надуваетъ почтеннное собраніе, чѣмъ-пламенѣе удивляются ему, чѣмъ-страстнѣе любятъ его пустыя разглагольствія, чѣмъ-громче провозглашаютъ его великимъ критикомъ. *Никто не сообразитъ, что для суда о произведеніяхъ ума, искусства, вкуса, нѣть и быть не можетъ никакихъ положительныхъ законовъ; что для своего критического трибунала, самъ-же онъ и сочиняетъ законы, и толкуетъ ихъ, и прилагаетъ къ случаю, самоуправно унижая однихъ и возвышая другихъ, слѣдяя просто личному своему уму и вкусу,* что всякое этого рода сужденіе, даже и при полномъ отсутствіи страстей, основывается на однѣхъ только предвзятыхъ теоріяхъ, на умозрѣніяхъ и предположеніяхъ, заимствующихъ все свое достоинство отъ степени ума самого суды. Никто не подумаетъ, что безпристрастіе, которымъ онъ хвастается, то есть, уничтоженіе въ себѣ всякой страсти въ дѣлахъ ума и вкуса — подвигъ человѣчески-невозможный, потому-что, во-всякомъ-случаѣ, остается въ насъ пристрастіе къ собственному нашему уму, къ нашимъ личнымъ взглядамъ, идеямъ и привычкамъ, совершенно достаточное для того, чтобы искривить правильность сужденія. Я утверждаю — сколько разумѣю дѣло — что хвастаться своимъ безпристрастіемъ въ критикѣ — еще смыслище, чѣмъ писать критики; это уже, просто, безстыдно. Въ такихъ дѣлахъ, безпристрастіе, еслибы оно существовало, опять было-бы не что иное, какъ степень ума суды. А отсюда слѣдуетъ, что сколько-ни-есть на свѣтѣ различ-

ныхъ степеней ума и степеней глупости, столько-же должно быть и различныхъ безпристрастій, — т. е., различныхъ на одинъ и тотъ-же случай справедливостей — что совершило равно нулю безпристрастія и справедливости. Никто, конечно, не станет спорить, что безпристрастное суждение умного человѣка и безприсграстное суждение дурака — вещи совсѣмъ неодинаковыя, ни въ сущности, ни въ результатахъ. Слѣдовательно, для избѣжанія обмана, нужно было-бы, чтобы всякий объявляющій о своемъ намѣреніи говорить безпристрастно при измѣреніяхъ чужаго ума и оцѣнкахъ чужихъ дарованій, сказавъ прежде о себѣ съ полнымъ безпристрастіемъ: я-де уменъ во столько-то градусовъ, или дуракъ на столько-то дюймовъ!

«Одинъ только можетъ-быть законный судья произведеній литературы и искусства: это — человѣкъ несравненно умнѣе всѣхъ тѣхъ, которые ихъ производятъ. О! друзья мои! хотите-ли, чтобы я выдалъ себя за такого человѣка?... Вѣдь я еще ис сумашедший!

«Ходить по бѣлу-свѣту — повѣрье, распространенное и поддерживаемое шарлатанствомъ самихъ-же критиковъ, будто *критика* — *искусство*, имѣющее свои *правила* или законы. Спору нѣтъ, что она — искусство, даже большое искусство; но искусство выдавать себя ловко и удачно за человѣка всѣхъ умнѣе и всѣхъ совершенѣе. Правила-же этого искусства — смѣло увѣрять добрыхъ людей въ своемъ небываломъ и несбыточномъ безпристастіи — искусно представлять свои воззрѣнія и свои идеи непреложными истинами, передъ которыми все должно преклониться, — за тѣмъ вратъ все, что ни подсказываютъ вамъ ваше самолюбіе, ваша гордость, ваша самонадѣянность — и главное, не павратъ чего-нибудь такого, изъ чего-бы всѣ примѣтили, что вы оселъ пли грубіянъ. Надо умѣть притвориться сладкимъ, скромнымъ, безконечно кроткимъ, и тогда — рѣзать. Хотите-ли, друзья мои, чтобы я для вашей потѣхи всенародно упражнился въ такомъ достохвальномъ искусстве?»

Послѣ всего этого — кажется, что-бы и говорить уже о покойномъ Сенковскомъ какъ о критикѣ — къ чему-бы и издавать его полныя сочиненія? Дѣло порѣшено давно,

сдано въ архивъ и вынимать его оттуда — не зачѣмъ. Русской литературѣ не было отъ критической дѣятельности Сенковскаго ни тепло ни холодно: серьезная мысль, разъ навсегда изобличивши ея тайныя пружины, перестала ей заниматься, а если и занялась въ наше время — ибо статью г. Дудышкина слѣдуетъ отнести къ области серьезнаго мышленія — то рѣшительно только по своимъ, отъ усталости происходящимъ, стремленіямъ къ эклектизму. Но эклектизмъ, какъ уже сказано — современной мысли не дается, что относится къ большей ся чести.

Издание сочиненій Сенковскаго — довольно хорошо и опрятно, въ типографскомъ отношеніи.

Ан. Григорьевъ.

С М Ъ С Ь.

ДУНЯ.

Р А З С К А З Т.

Посвящ. Графинѣ Л. И. Кушелевой-Безбородко.

Я хочу рассказать одну, не скажу занимательную, но довольно странную исторію изъ жизни моихъ сестрь.

Прежде всего оговорка.

Хотя домъ, которому суждено было сдѣлаться театромъ прошествія не составляетъ важной декорации въ моемъ разсказѣ, тѣмъ не менѣе онъ достоинъ привлечь вниманіе читателя, какъ архитектурная рѣдкость. Такихъ домовъ нынче не строятъ. Архитектурный вкусъ хотя и изощрился въ наше время, но въ немъ утратился прежний элементъ силы, прочности, долговѣчности. Посмотрите на мой домъ: двухъ-этажный, каменный на сводахъ, гдѣ помѣщались кладовыя, и гдѣ копились денежки въ мѣшкахъ, кружева, дорогія пласти, еще завѣщанныя прадѣдами, п мѣха. Въ флигеляхъ, соединенныхъ съ главнымъ домомъ, калонадами, стучали инструменты столяровъ, слесарей, ткачей. Въ мезонинахъ, приклѣенныхъ съ обыкновенно русскою беззаборностю, раздавались пѣсни дѣвокъ, скучавшихъ за урочными кружевами или вязавшихъ шицейчій пухъ. Вся эта груда пристроекъ давила землю, а воля хозяина давила все населеніе. Нынѣшніе котеджи и виллы изящны и уютны, да въ нихъ нечувствуется простора, все какъ будто въ гостяхъ. Если вы приѣдете въ такую виллу или швейцарскій домикъ вать положить спать или въ кабинетъ хозяина или, еще хуже, въ гостиную. Тамъ вамъ не крѣпко поснится, потому что долгимъ сномъ вы нарушите обычный порядокъ и чистоту въ домѣ. Теперь трудно встрѣтить рядъ коридоровъ со множествомъ дверей по обѣимъ сторонамъ, гдѣ помѣщались въ старину прѣжніе гости. Вать уложить на мѣбель съ пружинами, валь на ней хорошо, но узенько. То-ли дѣло броситься на широчайшую перину, вѣби-

тую чуть не до потолка. Она пріятной теплотою облегала каждую вашу фібуру. Скажите, развѣ не чѣмъ вспомянуть старого добра го времени. А какой чудный садъ окружалъ мой домъ. Аллеи стоятніхъ липъ, цвѣтники въ родѣ чудовищныхъ корзинъ или сплетшихся вензелей хозяина и хозяйки. Все дѣлалось прочно. Старики собирались жить двѣsti лѣтъ и не мѣняли своихъ вкусовъ во всю свою длинную жизнь. Комнаты дышали просторомъ: огромныя дубовые двери и рамы, штуцныя затѣлывыя полы, тяжелыя дубовые лѣстницы. Прекрасной и вѣчно прочної лѣпной работы потолки и стѣны, кажется, такъ и говорили, что хозяинъ-то строилъ себѣ на забаву, да и внуковъ не забыть, чтобы не помянули лихомъ. Если по постройкѣ можно узнать характеръ строителя, общій видъ моего старинаго дома краснорѣчиво говорилъ, что владѣлецъ его любилъ подъ одною крышею соединить пріятное съ полезнымъ. Онъ не относилъ людскія и прочія надворныя строенія за версту отъ дома, чтобы не смѣшиваться съ толпою, онъ ихъ всѣхъ раскидалъ по широкому двору и любилъ взглянуть, какъ дворовые живутъ, и какъ они работаютъ, и какъ они въ праздникъ веселятся и пляшутъ.

Пѣсни, говорѣ, стукъ домашней обуви не разстраивали ему нервы. Онъ любилъ это сообщество и въ большіе праздники смышился съ толпою. Онъ былъ слишкомъ сановитъ, чтобы сейчасъ-же не отличиться отъ окружающей его пестрой челяди.

Мнѣ кажется, тогда и чувства и страсти проявлялись какъ-то ощущительнѣе, какъ-будто и онъ хотѣли потверждь врѣваться въ память и дѣйствователей и зрителей и слушателей.

Въ такое, можно сказать, впечатлительное время жилъ Александръ Несоновичъ Несоновъ, богатый баринъ съумѣвшій, какъ это дѣлалось прежде, прибрать въ свои руки всю окружающую мелочь, и въ лицѣ своемъ соединилъ идею сановитаго барина. Что тогда обыкновенно выражалось аравою слугъ, широкими гостепріимствомъ, однако чаще съ разборомъ. Званые и незванные на праздникахъ равно садились за огромный столъ, но блюда подавались неодинаковыя. Нижній конецъ стола обыкновенно довольствовался и худшимъ виномъ и менѣе роскошными блюдами. Но за то всего было вдоволь, и невзыскательные паразиты и паразитки, по окончаніи праздниковъ, усердно кланились хозяину и возвращались домой съ поzymыми ридикюлями или карманами разныхъ домашнихъ сладостей для дѣтей. О такихъ праздникахъ въ околодкѣ разсказывалось довольно долго, потому что Несоновъ всегда ознаменовывалъ ихъ какимъ-нибудь

особеннымъ подвигомъ или удалою шуткою надъ тѣмъ или другимъ изъ своихъ сосѣдей.

Александру Петровичу было лѣтъ 30 или 35. Онъ былъ, что-называется, молодецъ собою, плечистъ. Черные глаза его смотрѣли какъ-то особенно смѣло изъ подъ густыхъ бровей. Онъ выражали умъ и сильный необузданый характеръ. Еще съ малыхъ лѣтъ все способствовало этой необузданности. Сначала мамки и няньки говорили ему, что нѣтъ его лучше и богаче, что онъ можетъ дѣлать все что захочетъ, а потому и родители увѣряли, что съ ихъ богатствомъ и именемъ до всего можно легко добиться, и что вотъ-только стоитъ написать, тому или другому въ Петербургъ и мѣсто и чинъ дадутъ — какой пожелаешь. Однако Александръ Петровичъ не льстился на эти слова, не просилъ писать въ Петербургъ, а предпочиталъѣздить на охоту, волочиться за своими горничными и расти въ феодальныхъ привычкахъ.

Время пришло и бороду брить, и товарищи его дѣтства давно были на службѣ, многіе даже воротились украшенные орденами, а Александръ Петровичъ все по прежнему оставался въ деревнѣ, да думалъ, а вотъ еще успѣю поступить на службу, вѣдь только стоитъ попросить. Надо замѣтить, что онъ по своему времени былъ достаточно образованъ. Отецъ его не жалѣлъ денегъ ни для гувернеровъ ни для учителей. Александръ Петровичъ сначала учился съ охотою, а потомъ какъ засиграла молодая кровь, да какъ увидѣлъ себя на совершенной волѣ, послѣ смерти стариковъ — учителей всѣхъ прогналъ, остался только одинъ французъ, да и то потому, что отлично ходилъ на зайца и безбожно льстилъ молодому барину.

У Несонова устроенъ былъ своего рода дворъ. Слуги были раздѣлены на разныя категоріи, одни были охотники, другіе актеры, пѣвчиѳ, гребцы, музыканты и проч. Садовники, столяры, слесари все были обращены въ потѣшныхъ.

Горничныя также не были забыты и онъ составляли особый штатъ. Если прѣѣзжалъ какой-нибудь гость на распашку, послѣ обѣда обыкновенно призывались пѣсеники и пѣсениницы, и вино лилось рѣкою. Пѣсни длились до поздняго утра, тутъ происходили всѣ возможныя продѣлки того времени и баринъ говоривалъ: «Ну-ка Ѳедосья или Ирасковья хватите любимую: «мы прискутили ночи темныя», и если былъ доволенъ пѣвицею, клалъ ей за пазуху пучки мелкихъ ассигнацій. Потомъ, когда вино уже достаточно разогрѣвало кровь, пѣсеники и пѣсениницы

прогонялись безъ церемоніи, и приказывалось сѣдѣть лошадей, и вся компанія отправлялась въ отъѣзжее поле.

Тамъ, послѣ порядочной угонки разстилались ковры, начиналась общая попойка, гдѣ уже не разбирались чины, а потомъ вся подгулявшая ватага отправлялась куда-нибудь въ ближнее село, дѣлая набѣгъ, разбивала кабаки, врывалась въ дома и увозила дѣвокъ, а часто и молодыхъ бабъ отъ мужей.

Такіе подвиги обыкновенно производились въ собственныхъ имѣніяхъ Нескова, а иногда и въ сосѣднихъ. Жалобы умолкали, еще не дойдя до передней помѣщика или суда. За все платилось широко, а въ собственныхъ имѣніяхъ никто жаловаться не смѣлъ. Обоженнымъ, смотря по достоинству, давали деньги, платки, сарафаны, переводили на барскій дворъ, строили избы или прилично выдавали за мужъ. Натура Александра Петровича нетерпѣла никакихъ преградъ. «Ужъ если кутить, говорилъ онъ, такъ на широкую ногу. Вина! кричали онъ, пѣсни. пусть все вокругъ меня пирутъ и веселится.»

Изъ всего этого можно видѣть, что кругъ знакомства его былъ не совсѣмъ пріличный, и правда онъ какъ помнитъ себя ни разу не говорилъ съ образованной женщиной, чѣмъ онъ впрочемъ всегда хвалился. «То-ли дѣло съ Малашкой или Дунькой, говорилъ онъ. Пой говорю, пей говорю, а зацеремонится по шей. «А вѣдь за то какъ онъ всю меня и любятъ, русская натура требуетъ кулака, вотъ какъ мой. Ей дай раздолбье, прося душа чего хочешь, а какъ разнѣжится-то кулакомъ-то и стиски, она въ себѣ и удержитъ нѣжные соки, не дастъ пять череазъ-чуръ скоро выѣѣтиться, не то-что барышня какая на нѣмецкій манеръ воспитанная, она сейчасъ вся и разстаетъ, а потомъ что изъ нее выходитъ—тряпка».

Такимъ порядкомъ проходило время лучшее въ жизни Нескова до 30 слишкомъ лѣтъ онъ ни разу не оглянулся назадъ, не пожалѣлъ такъ ничтожно растраченные молодыя силы. Его кипучая кровь не позволяла ему сосредоточиться и подумать: что-же принесла твоя молодость.

И гнѣвъ и раздражительность и доброта его была какъ-то порывисты. Онъ былъ, въ полномъ смыслѣ, человѣкъ минуты. Все, чтобы онъ не обдумасть, никогда не приходило къ счастливому результату, ему нужно было пользоваться внезапнымъ планомъ и тотчасъ же его приводить въ исполненіе.

И странно, что несмотря на такую широту жизни, на такую беспутную растрату силъ и здоровья, Александру Петровичу ни

разу не пришло въ голову остепениться и сдѣлаться достойнымъ своего имени и богатства.

Въ одинъ изъ обыкновенныхъ набѣговъ послѣ страшнаго кутежа ему случилось пріѣхать въ одну изъ своихъ дальнихъ деревень, т. е. на расстояніи 40 верстъ отъ главной усадьбы. Надѣбно замѣтить, что у прежнихъ помѣщиковъ во всякомъ боялѣ или менѣе большомъ селѣ, помимо главной усадьбы, строился домъ, назначенный для пріѣзда, въ которомъ по штату состояла дворня обоихъ половъ, ожидавшая помѣщика во всякую пору дня и ночи. Передовыя, прискакавши въ Немирово, объявили полусонному прикащику, что ѿдетъ баринъ. Быстро забѣгали огоньки по дому, начали приготовлять постель, затопили печки и прикащикъ Иванъ Семеновъ вышелъ на встрѣчу барина.

— Здравствуй, Иванъ,— вскричалъ сиплымъ голосомъ съ нервоя Несоновъ.— Все ли благополучно?

— Все, сударь, славу Богу благополучно,— отвѣчалъ Иванъ, освѣщающая переднюю.

— Насъ много пожаловало къ тебѣ въ гости, приготовлены постели,— да скажи чтобы подали чего-нибудь перехватить. Что тамъ есть у насъ изъ ёды? И вина.

— Слушаюсь; Дуня подержи свѣтчику,— сказалъ Иванъ, отдавая свѣтчу молоденькой дѣвушкѣ лѣтъ 16,— а я пойду къ людямъ.

— Ты что за дѣвочка,— сказалъ Несоновъ, взявъ за подбородокъ Дуню.

— Я дочь Ивана Семенова, Авдотья.

— Ты что же здѣсь дѣлаешь,— сказалъ Несоновъ, входя въ спальню и кабинетъ вмѣстѣ.

— Я живу при тятинѣ и мамонькѣ.

— Ну, разумѣется, работаешь. Сними-на сапоги,— сказалъ Несоновъ садясь на кровать.— Умѣешь снимать сапоги? А что еще не замужемъ? А хочется замужъ?— продолжалъ онъ надѣвая халатъ. Дѣвушка покраснѣла, ничего не отвѣчала, поставила свѣчу на столъ и хотѣла уйти.

— Куда же ты?— сказалъ Несоновъ, разматривая Дуню,— еще успѣешь надрыхнуться.

Дуняша отошла къ двери и сложивъ руку-на-руку остановилась въ почтительномъ отдаленіи.

— Нечего долго спѣть въ дѣвкахъ, пора замужъ, а у меня и женихъ есть, знаешь кучера Никиту—славный парень. Кстати, жениться просится. Невѣста Дуня поблѣднѣла.

— Ты что это дуришь? — вскрикнул Несоповъ, взглянувъ пристально въ дѣвушку. — Ты ослушиваться что-ли, или другой на примѣтъ?

— Никого у меня нѣть, — сказала сквозь слезы Дуня. — Да я не хочу еще за мужъ, — осмѣялась она прибавить.

— Какъ не хочешь замужъ, чтожъ ты хочешь просто баловаться, 16 лѣтъ есть тебѣ, такъ и въ церковь. Я не люблю, чтобы у меня долго сидѣли въ дѣвкахъ. А будешь капризничать, завтра же обвѣнчу. Пошли и знай, что ты невѣста Никиты; завтра съ нимъ познакомишься.

Дуня ни жива, ни мертвa вышла изъ кабинета Александра Петровича и, едва удерживая слезы, пришла въ избу своей матери.

Дуня далеко не была красавица, но съ первого раза поражала какою-то особеною прелестью всѣхъ частей лица. Это была именно умная, русская головка, съ прекрасными темными волосами и свѣтлымъ взглядомъ. Она росла въ холѣ у своихъ стариковъ, какъ единственная дочь, и такъ-какъ Богъ се наградилъ умомъ, она, по какой-то безотчетної побудкѣ, желала выйтти изъ будничной среды, въ которую ставили ея положеніе. Напримеръ, она сама научилась грамотѣ, и, смѣшно сказать, по конфектнымъ билетикамъ. Сначала ей любопытно было узнать, что написано было на этихъ бумажкахъ, а потомъ, когда она увидѣла, что на нихъ написаны были очень-пріятныя слова, стала собирать, и, съ помощью земскаго, единственнаго грамотника на селѣ, прочитывала ихъ.

Отецъ и мать между хлопотами и не думали, что дочь ихъ желаетъ учиться, да притомъ, и не къ тому они ее готовили; умѣла-бы работать на себя, да на дѣтей, когда Богъ пошлетъ мужа, да помнила-бы вѣру и знала законъ Божій. Впрочемъ, этого, слава Богу, и довольно для всякаго простолюдина, да многие и этого не знаютъ. Натура-же Дуни была выше ея положенія, дружбу она всегда вела еще дѣвчонкой съ поцовскими дѣтьми. Съ крестьянскими дѣвочками обращалась хотя и просто, но больше тономъ покровительства. Сосѣдніе мелкіе помѣщушки ихъ-же прихода звали ее въ гости вмѣстѣ съ дѣтьми священника. Въ этихъ играхъ съ дворянскими дѣтьми, ея врожденная побудка получила еще болѣшій толчекъ. Дуня начала думать и о другой лучшей жизни и о замужствѣ, какъ одномъ изъ обычновенныхъ средствъ, выйти изъ своего положенія. Она даже могла сдѣлать очень приличную партію въ уѣздномъ городѣ, гдѣ чиновники суда и другихъ мѣстъ съ удовольствіемъ взяли-

бы ее за себя, тѣмъ-больше, что у Ивана водилась немалая деньга. Сватовство же въ деревнѣ ей было не по-сердцу. Зашилютъ сватовъ, любы или не-любы, дѣвка или парень, а женись, такъ хотятъ старики. Она мечтала о взаимности, хотѣла, чтобы мужчина съ нею обращался вѣжливо, а не то, какъ дворовые или мужики промежъ себя: чѣмъ больнѣе или ловчѣе ударить дѣвку, то и любезнѣе. Она не то, чтобы глядѣла дворянкою, а что называется, отметнымъ соболемъ. Въ ней было что-то особенное, не обижавшее ни ея подругъ, ни другихъ дворовыхъ. Она нисколько не чуждалась ихъ общества. Какъ и прочія дѣвки плясала и пѣла на вечеркахъ, только никому изъ мужчинъ не приходило въ голову отпустить ей плоскую или двухсмысленную шутку, которая такъ часто по душѣ нашимъ простымъ дѣвушкамъ. Сошьетъ-ли платье, оно какъ-то особенно хорошо охватывало ея стройный станъ. Въ походкѣ была какая-то особенная легкость. Словомъ, она, какъ и многія женщины, обладала тѣмъ природнымъ сознаніемъ своего достоинства, которое дѣлаетъ чудеса даже съ необразованною натурою. За недостаткомъ образцовъ для своего естественнаго требованія порядочности, она, благодаря своему врожденному такту, съумѣла выказаться, по русскому выраженію, недотрогой-царевной. Ей прирождена была способность быть именно отмѣтнымъ соболемъ, — повторяю выраженіе, потому-что иначе не могу выразиться. Въ какую-бы среду ее не поставили, она всегда-бы выказала свою изящную особенность.

А потому, съ такими данными, какъ она могла принять нѣсколько грубое предложеніе или приказаніе своего помѣщика. Она разразилась слезами и съ ужасомъ предвидѣла свою будущность соединять съ мужикомъ, да еще съ такимъ, котораго она совсѣмъ не знала.

Между-тѣмъ, компанія Несокова заняла отведенныя комнаты.

Послѣ ужина и опять сильной попойки, баринъ удалился въ свою спальню, призвалъ къ себѣ Ивана, объявилъ ему, что его дочь хорошенъкая и что онъ ей пріискать женicha. Потомъ приказалъ ему короче познакомиться съ Никитой и свести нареченную пару. Повторилъ, что онъ не терпитъ отлагательства, и что въ будущее воскресеніе самъ пожалуетъ на сватъбу любимаго кучера.

— Да готово-ли у тебя приданое? — спросилъ Ивана Несоковъ. — На, вотъ, возьми деньги, да смотри, чтобы пиръ быль

на славу. Насъ много пріѣдетъ. Я пришлю наканунѣ свою кухню. Ну, что, доволенъ-ли ты, старикъ?

— Много довольны вашею милостію, — отвѣчалъ Иванъ: — мы такой чести не ожидали.

— Я молодыхъ не оставлю, все имъ дамъ на обзаведеніе. Выстрою домъ. Понимаешь?

— Какъ не понимать, сударь, по гробъ будемъ благодарны. Я чаю, дочь моя такого счастія и во-снѣ не выдала.

— Завтра благослови жениха съ невѣстою. Я буду у него посаженымъ отцомъ. Ну, прощай теперь, ложись спать.

Иванъ поклонился, поцѣловавъ руку и вышелъ.

— Ей, Никита! — вскрикнулъ Несоновъ.

Вошелъ кучеръ; лѣтъ двадцати-двухъ. Здоровый, удалой парень, готовый на всякую продѣлку, если барину будетъ угодно.

— Сыналъ, сударь, Александръ Петровичъ.

— Ну что, доволенъ?

— Очінно довольны, таперича говорятъ ребята, граматная, да чаю, болыно бѣлоручка, — напрему брату, пожалуй, не рука будетъ.

— Что-жъ, тебѣ лучше жениться на лапотницѣ, что-ли?

— Да нѣтъ, сударь, а евта ужъ болыно не-замай. Я съ ней, было, началъ говорить такъ по душѣ, а она и слушать не хотѣть. Убѣжала, да такъ посмотрѣла, что у! у!...

— Ну, значитъ, понравился, — сказалъ Несоновъ. — Ты смотри, съумѣй съ ней поладить, знаешь, по-моему. Теперь ступай и знай, что сватъба въ будущее воскресенье.

— А, право, славная дѣвчонка, — сказалъ Несоновъ каммердинеру, который раздѣвалъ его: — пожалуй, и на нашъ зубъ пригодна.

Лакей ухмыльнулся, кашлянувъ руку и вышелъ.

Утромъ поданъ былъ завтракъ, этотъ чудовищный завтракъ помѣщика того времени. Столъ ломился подъ тяжестью огромныхъ окороковъ и индеекъ, гусей, множества бутылокъ разнородныхъ формъ и названій. За столомъ прислуживали барские охотники, въ прекрасныхъ зеленыхъ кафтанахъ, опущенныхъ сѣрымъ барашкомъ. Старший изъ нихъ, исполнявшій роль метръ д'отеля, весь зашитъ былъ въ галунахъ, и за поясомъ у него торчалъ ножъ въ серебряной оправѣ.

Александръ Петровичъ вышелъ въ столовую также въ охотничью нарядѣ: въ синемъ кафтанѣ, опущенномъ бобромъ, и на распашку. Изъ-подъ него виднѣлась яркая шелковая рубаш-

ка сверхъ широкихъ панталонъ. Несоновъ былъ удивительно хорошъ въ этомъ костюмѣ. Изъ другихъ дверей вышелъ французъ, въ сопровождѣніи гостя-офицера, ирѣхавшаго въ отпускъ съ Кавказа. Они были тоже живописно одѣты. Французъ надѣлъ какое-то *habit de chasse*, а сверхъ сапогъ — гетры. Костюмъ офицера былъ не менѣе изысканъ. Въ то время бредили Кавказомъ и его полу-дикимъ костюмомъ. И офицеръ этотъ надѣлъ малюновый бешметъ съ его желтоватымъ отливомъ и въ шесть полотнищъ шаровары, а станъ перетянутъ поясомъ съ серебряными насычками. На немъ висѣла, никогда и вигдѣ не покидавшій его книжалъ тульской базаевской работы, который, по увѣренію офицера, отнятъ былъ имъ у черкеса, жарившаго на немъ пашлыкъ.

— Ну, господа, — сказалъ Несоновъ, — позднеенько встали; впрочемъ, было послѣ чего и заснуть. А я уже п дѣло сдѣлалъ. Сосваталъ невѣstu Никитѣ.

— Une promise à le brave Niquita, — замѣтилъ французъ, — vous usez terriblement de vos droits de Seigneur, Александръ Нестровичъ.

— А вотъ женихъ съ невѣстой сейчасъ придутъ съ нами завтракать. Мы ихъ всѣ дружно поздравимъ. Эй, холоднаго вина, да позвать жениха съ невѣстой.

Вошли Никита и Авдотья.

— Ну, здорово, садитесь съ нами завтракать, да пу-же, шевелитесь.

Никита, привыкшій обращаться почти за панибрата съ бариномъ, сѣлъ, и какъ-разъ подѣлъ офицера. Авдотья не садилась. Послѣдній съ неудовольствіемъ отворотился и перемѣнилъ мѣсто. Несоновъ это замѣтилъ. Онъ вообще не церемонился со своими гостями.

— Что, вѣрно, не ловко ишь, можетъ-быть, надоѣло у себя на хуторѣ, гдѣ, бишь, въ Саратовѣ спѣсть съ своими хуторными? А что, съ десятокъ ихъ будетъ?

Офицеръ обидѣлся и замѣтилъ, что это неприлично, что онъ не позволить такъ обращаться съ собою, что онъ у своего начальника принять какъ свой, и что онъ даже возьметъ его въ адъютанты.

— Братъ, не кстати заважничай! — вскричалъ Несоновъ, — въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходи. И коли наша компанія вамъ неприлична, — замѣтилъ Несоновъ, перемѣнивъ тонъ, — то лошади вамъ готовы и не угодно-ли вамъ будеть

Ѣхать. А повѣрьте, вы вашими замѣчаніями меня не исправите. Никита, цѣлуй меня въ щеку — такъ, въ другую. А чтобы тебя сравнять съ нами, то я тебя поздравляю съ вольной. Иванъ, приготовить отпускную, чтобы къ вечеру было къ подписанію. Теперь это не Никитка, а Никита Савельичъ А...., 3-й гильдии купецъ, знай нашихъ, — сказалъ онъ, хлопнувъ Никиту по плечу. — Мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ вы бражничали съ нашими купцами, когда продавали имъ лошадей. — Никита, хочешь купить лошадь у г. Офицера, ту, что онъ продавалъ мнѣ? Ну, валай, по рукамъ.

Офицеръ былъ совершенно уничтоженъ. Другой на его мѣстѣ давно-бы ушелъ, не поклонясь хозяину, но хозяинъ-то былъ нуженъ: и денегъ признанть и лошадку продать или выпросить. А потому помѣщицья гордость преклонила выю и офицеръ остался.

— Я знаю, что шутникъ — Александръ Петровичъ, — сказалъ онъ.

— А коли знаете, что шутникъ, держитесь пословицы: «съ волками жить, по волчьи выть.» Ну-да, не стонть сегодняшній день портить, выпьемте-ка лучше за жениха съ невѣстой.

Во все время этого разговора, Авдотья стояла, какъ вкопанная. Въ лицѣ у неї не было ни кровинки. Она думала, миѣ что же дѣлать, когда и дворяне, ему равные, боятся его.

— Садись сюда, возлѣ менѣ, — сказалъ Несоновъ Авдотью. — Подавайте кушанья, что разинули рты! — крикнулъ онъ лакеямъ. — Подавать начинайте съ невѣсты.

Отъ первого блюда Авдотья отказалась.

— Что же вы не кушаете, сударыня, — сказалъ Несоновъ. — M-r Roger, servez M-lle.

M-r Roger, имя Француза, съ ловкостію петиметра, положилъ на тарелку Авдотью кушанье.

— Кушайте, душишка, если баринъ приказыватъ, — сказалъ онъ ломанымъ языкомъ.

— Roger, что за фамильярность съ дамою, что за слово душенька, я вѣсъ прошу воздать все должное моей дамѣ. Въ прежнее время, вы меня такъ не учили говорить съ дамами.

— Mais monseigneur, — прибавилъ Roger, — c'est une femme de chambre....

— Если сидитъ со мною за столомъ, такъ всѣмъ намъ равна. Да вы-то чѣмъ лучше. Я думаю прежде были или сапожникомъ или трубачемъ великой арміи.

— Vous vous trompez, Monsieur, je suis tout aussi gentilhomme que vous et je saurai donner un dementi à celui qui osera....

Онъ не кончилъ послѣднихъ словъ, какъ мимо ушей его проletѣла тарезка.

— Вонъ его! — закричалъ Несоновъ, — въ шею! Поганый французишкя, сегодня-же, чтобы поги твоей не было въ домѣ, вотъ твое жалованье, — сказалъ Несоновъ, бросая въ сѣдѣ за нимъ пучекъ ассигнацій.

Французъ не хотѣлъ ихъ поднять, по одинъ язъ лакеевъ поднялъ и подалъ Французу. Онъ положилъ ихъ въ карманъ и вышелъ.

Сцены такого рода бывали часто, но обыкновенно подъ пьяную руку. Вѣрно, вчерашняя хмѣль не совсѣмъ еще оставилъ его голову.

— Ну, теперь чище въ воздухѣ. Эй, шампанскаго!

Подали вина.

— За здоровье жениха и невѣсты, ребята, и вы всѣ пейте. Я хочу, чтобы все веселилось. Ну, поздравляю, нарѣченная мои дѣти. Пѣсеники, начинай сперва заупынную, а потомъ лихую, а гдѣ нужно и въ присядку валяй.

Началась пѣсня. Несоновъ сначала былъ тактъ, а потомъ, разгорячаясь все болѣе и болѣе, началъ самъ подтягивать и кончилъ самой залихватской пляской. Офицеръ, значительно выпивши вина, мрачно смотрѣлъ на окружающихъ, но общий энтузиазмъ и его поднялъ на ноги, и онъ прошелъ свою родимую лезгинку подъ свистъ и хлопанье въ ладоши Несонова.

— Ты чтожъничего не дѣлаешь — сказалъ Несоновъ Авдотѣй, — или ужъ такъ пришелся по сердцу женихъ, что насмотрѣться на него не можешь. Ну, поцѣлуйтесь крѣпче.... еще разъ.... Ну вотъ это какъ слѣдуетъ. Ну и со мной поцѣлуйшися. А? Поди-ка. Онъ притянулъ дѣвушку къ себѣ, но она взглянула на него такъ, что онъ невольно остановился. Въ этомъ взглядѣ была и мольба, и презрѣніе, и наконецъ отчаянная покорность. И поэтому онъ бытъ такъ чистъ, что невозможно пробудить стыдъ въ душѣ Несонова. Ему еще никогда неслучалось встрѣтить такого взгляда. Онъ заставилъ его посмотреть внутрь себя и увидать, какъ тамъ все мертвѣо и пусто. Руки у него опустились, и онъ только могъ поглядѣть Дуню по головѣ.

— Довольно, — крикнулъ онъ. — Мы жениха съ невѣстой поздравили теперь, а завтра чѣмъ свѣтъ въ поле. Шевелись.

И вся ватага высыпала съ пѣснями на улицу. Офицеръ ушелъ отдохать въ свою комнату. Несоновъ остался одинъ, сѣлъ подг҃б разбитаго фортепьяно и началъ перебирать по клавишамъ.

Прошло около часу въ этомъ занятіи. Ему стало стыдно, что онъ долженъ былъ отступить, или лучше сказать уничтожиться предъ простотою дѣвкой.

— Эй, — закричалъ онъ, — позвать сюда Авдотью....

Пришла.

— Скажи пожалуста, ты идешь замужъ по волѣ, или женихъ тебѣ не нравится, говори прямо.

— Что могу говорить я, сударь, была ваша воля. Намъ послушаться нельзя.

— Но если бы тебѣ позволили выбирать ты выбрала бы Никиту.

— Конечно, сударь, Никиту Савельича я не знаю, а если вы держите его руку, значитъ человѣкъ хороший, заслужилъ довѣріе ваше.

— Ты, я вижу, краснобайка, не грамотная-ли ужъ ты. Да не отвертывайся отъ моего вопроса. Нравится тебѣ твой женихъ?

— Я не знаю,—сказала закраснѣвшись Дуня.—Какъ вамъ будетъ угодно. Да и тятенька съ маменькой совѣтуютъ. Не паше дѣло выходить изъ послушанія; старшіе знаютъ, что дѣлаютъ.

— Ого, ты, я вижу, хитрая, скрываешь, что женихъ нравится, а по вашему обыкновенію хочешь изъ себя представить жертву барской и родительской воли. Лучше скажи на прямикъ. Но тебѣ-ли женихъ или иѣть?

— Какъ вамъ будетъ угодно, а въ противность вашей власти не пойду.

— Ну, хорошо же,—сказалъ Несоновъ,—посмотримъ что ты скажешь завтра, когда поведутъ тебя въ церковь. Коли ты такъ покорна моей воли, то сватъбу надо ускорить. Что долго дожидаться и томить тебя. Если что и не будетъ готово, то послѣ сватъбы сдѣлаешь, ты чай работать мастерица.

— Училась, сударь.

— То-то и платье-то у тебя сегодня такое нарядное. Гдѣ жъ ты училась?

— А у Анны Васильевны, что живетъ въ Быстровѣ, тамо шняя помѣщица, онѣ и граматѣ меня учили вмѣстѣ съ своими дочерьми.

— А такъ ты и не на шутку граматная. Что жъ и хорошо пишешь?

— Не знаю, сударь.

— Ну-хорошо, папиши мнѣ къ завтрему письмо, посмотримъ что ты за граматница такая, коли языка не хватаетъ прямо мнѣ сказать, по душѣ-ли тебѣ Никишка или нѣтъ, такъ можетъ-быть въ письмѣ языкъ развязжется. Вѣдь у граматницъ все такъ бываетъ. Посовѣтуешься тамъ съ кѣмъ-нибудь и настрочишь цидулку.

— Да я такъ писать не скучью.

— Ничего, какъ скучаешь, понимаешь. Завтра утромъ къ моему вставанью чтобы было письмо. А не то разсержусь, и тогда плохо будетъ. Ну, теперь ступай и твердо помни мое приказание.

— Да сударь, я право не умѣю....

— Безъ отговорокъ, ступай,—сказалъ Несоковъ, взявшіи Дуню за плечо и провожая ее до двери.

Что оставалось дѣлать молодой дѣвушкѣ. Ослушаться она и подумать не смѣла, а написать ей казалось очень трудно. Да и что она напишетъ. Пошла пословѣтываться съ отцомъ, что ей дѣлать. И ему показался до чрезвычайности страненъ ка-призъ барина. Это что-то до-сихъ-порѣ невиданное. Однако по привычкѣ безпрекословно повиноваться барской волѣ, онъ строго-на-строго приказалъ Авдотѣ написать. Къ этому признаться сказала пріѣхала и честолюбіе у старика, похвастаться предъ бариномъ, что у него дочь граматная, а потому пораздумавши онъ нашелъ, что это даже не капризъ, а чрезъ послушаніе все-таки что-нибудь перешадеть въ карманъ.

— Ты напиши,—сказалъ онъ дочери—все напиши, да благодѣри барина, что онъ о тебѣ заботится, да напиши, что и мы съ матерью ужъ какъ имъ довольны. Да прошиши, что въ вѣкъ не забудемъ, что онъ настѣнъ глупыхъ жалуетъ своею милостію. Слышишь, Дуняша,—сказалъ старикъ, который очень хорошо понялъ, что за штука у него помѣщикъ,—ты все какъ-ни-на-есть лучше прошиши.

Написать для Дуняши во все не было трудной работой, она знала граматѣ очень порядочно, даже случалось и переписку вела съ дочерьми помѣщицы быстровской, да тутъ-то не знала, какъ приняться и что написать. Предметъ письма былъ для нея совершенно новой, небывающей. Если-бы только благодарить барина, это было-бы не трудно, но она шла за человѣка, кото-

рый такъ далекъ бытъ отъ ея идеала, но все таки и не бытъ противенъ, особенно когда отпустятъ еще на волю и она сдѣлается купчихой. Если сказать по чистой совѣсти, Никита отчасти и нравится ей. Онъ бытъ въ-самомъ-дѣлѣ красивый и смѣтливый парень, съ нею обращаясь куда-какъ вѣжливо, какъ будто самъ чувствовалъ ея превосходство.

Дѣлать было нечего, надо взяться за сочиненіе. И вотъ, она, еще разъ усовѣщанная отцомъ и матерью, сѣла писать. Но въ самомъ начаѣ встрѣтила затрудненіе — какъ начать письмо. Къ счастію, подвернулся тутъ конторщикъ; онъ совѣтывалъ начать В. В-діе А.л. Петр. Она послушалась и написала: « Ваше Высокоблагородіе Алексѣй Петровичъ! Вашъ угодно было говорить меня за Никиту Савельева. Я его не знаю, и съ тяtenька и мamenька уговариваютъ меня не перечить вашей господской волѣ, а благодарить, что вы наши, рабами вашими, не гнушаетесь. Я еще сильно молода, чтобы жить своимъ разумомъ и надо дѣлать, что велятъ старшіе. Они лучше знаютъ, чѣмъ наше сердце глупое, дѣвичье. Вы приказали мнѣ написать откровенно; я вамъ открываюсь какъ отцу родному, что мнѣ Никита Савельевъ не противенъ, но еще не слюбился. Богъ одинъ знаетъ, что кому на роду написано, я-же про себя скажу, что однимъ повиновеніемъ родителямъ своимъ и барской волѣ, которая надъ нами поставлена отъ Бога, можно быть ему угоднымъ. Простите меня В. В-діе за мою можетъ-быть глупость, писала я какъ умѣла, и въ помышленіи не было пдти въ противность вашей волѣ, а такъ-какъ вы приказали мнѣ быть откровенной, то я все по чистой совѣсти сказала и ничего не утаила. Тяtenька и мamenька премного благодарять васъ за незабываніе наасъ, рабъ вашихъ.

Остаюсь нижайшая и всепреданная раба ваша Авдотья.»

Письмо было написано, съ весьма малымъ количествомъ орѳографическихъ ошибокъ, положено въ пакетъ, и Авдотья на другое утро принесла его Несонову.

Александъ Петровичъ не мало удивился, когда Дуня подала письмо, онъ совсѣмъ и забыть свое вчерашнее приказаніе, однако распечатать письмо пробѣжалъ и удивился, что его крестьянская дѣвка пишетъ такъ складно. Но особенно, что удивило Несонова въ письмѣ, это бездна здраваго смысла и очень деликатныхъ чувствъ. Онъ сложилъ письмо, посмотрѣлъ на дѣвушку и сказалъ:

Значитъ, ты идешь по доброй волѣ,—ну, слава Богу. Такъ смотри, сватъба будетъ на недѣлѣ и вотъ тебѣ на платьѣ, сдѣлай на славу. Тутъ онъ вынулъ ассигнацію и подалъ Авдотьѣ. Она поцѣловала уничтожено у него руку и вышла.

Несоновъ призвалъ Никиту, объявилъ, что сватъба чрезъ трое сутокъ и что онъ уѣзжаетъ отсюда, а на сватъбу пріѣдетъ съ гостями. Ему позволили остатся и приготовиться, а охотникамъ приказалъ спарижаться въ дорогу.

Чрезъ два часа Несоновъ оставилъ Немирово и гарцевалъ на отличномъ скакунѣ, вѣроятно позабывъ, что онъ таѣтъ неожиданно устроилъ сватъбу Дуни, которая за сутки предъ этимъ еще мечтала о какомъ — нибудь повытчикѣ Земскаго Суда или, по крайней мѣрѣ, о писецѣ съ хорошимъ поведеніемъ и краси-вымъ почеркомъ.

Черезъ три дня Несоновъ пріѣхалъ въ Немирово, и именно въ самый день сватъбы съ нѣсколькоими новыми лицами, желавшими принять участіе въ сватъбѣ хорошенкою горничной. — Когда вся эта кампанія сѣла завтракать, причемъ было выпито порядочное количество вина, вошелъ женихъ вмѣстѣ съ отцомъ невѣсты просить гостей пожаловать къ нему на сватъбу. Предложеніе было принято шумно. Жениха заставили пить (хотя онъ по обычаю ничего не долженъ ни есть и ни пить до бракосочетанія.) Онъ представлялъ такие резоны, но его не слушали и каждый изъ гостей считалъ обязанностію поднесли рюмку, а женихъ съ свой стороны не могъ отказываться. Когда-же онъ пришелъ въ церковь, то и самъ не могъ понять, зачѣмъ онъ тутъ такъ все ходилъ ходенемъ у него въ головѣ.

Гости отправились въ церковь. Невѣста уже была тамъ. Она стояла, накрывши голову и все лицо платкомъ.

Одинъ изъ гостей приподнялъ платокъ и вскрикнулъ отъ удовольствія.

— Ну, Александръ Петровичъ, невѣста просто прелестъ да это барышня, хоть кому невѣста! — сказалъ онъ.

— Ну что жъ женись, есть еще время; — сказалъ Несоновъ.

— Право прелестъ, — продолжалъ гость.

— А знаешь ли, сказалъ Несоновъ—она грамотная и славно пишетъ. Написала мнѣ письмо, просто на славу, хоть-бы и вашимъ барышнямъ такъ писать.

— Ну-да, это и видно, что она смыслиенная, посмотря какіе глазенки.

Несоновъ подошелъ къ Авдотьѣ и приподнялъ платокъ.

Онъ такъ и обомѣгъ, потому что Дуня въ новомъ розовомъ платьѣ была дѣйствительно хороша. Умные глаза еще живѣе глядѣли изъ подъ красивыхъ бровей. Несоновъ въ эту минуту почувствовалъ, что онъ далъ промахъ. Дѣвушка такая хорошенъкая и умная, могла-бы быть и для него находка, тѣмъ болѣе, что его пѣсениницы ужъ надоѣли и необразованностию, а потому ужъ чрезмѣрною залихватностію, отличающею русскихъ женщины, если онѣ пошли во всѣ нелегкія. Ну, что ей за радость будетъ отъ Никиты, — думалъ Несоновъ. Ей нужны и хорошее платье и хола, а не грязная работа да нянчанье дѣтей. Тогда, прощай хорошенъкая Дуня и расцѣлывается и огрубѣеть Дуня. А у меня жила-бы она въ спокойствіи, да притоуль въ моей жизни забубенной такая дѣвушка кладъ. Впрочемъ, думалъ Александръ Петровичъ — можно будетъ послѣ поладить, еще дѣло не ушло, вѣдь не въ первый разъ отбивать жену у мужа. А потому подумалъ, — все это ужъ не то, женихъ ей нравится, потому пожалуй и не совладаешь, какъ полюбить мужа. Я этакихъ выдалъ. И къ чему я торопился, отъ чего я прежде ее хорошенъко не разглядѣлъ. Замѣтно было, что Дуня не только нравилась Несонову, какъ еще новая прихоть, но она просто его приводила къ себѣ. Онъ часто о ней думалъ однако, по беспечности и вѣтрености не слишкомъ углублялся въ свои чувства и далъ дѣлу идти своимъ порядкомъ. Только въ церкви, подойдя къ Дунѣ, Несоновъ понялъ, чего онъ лишается однимъ разомъ и кишучая кровь его заговорила. У него мельнула мысль разстроить эту сватъбу. Онъ даже составилъ планъ, какъ лучше это исполнить; но его размышенія прерваны были появлениемъ Священника, который взялъ жениха и невѣсту за руку и повелъ къ налою. Вдругъ Несоновъ отталкнулъ Никиту, сталь на сго мѣсто и сказалъ Священнику: «батюшка, вѣничайте наасъ.»

Вся церковь дотолѣ шумная превратилась въ мертвое молчаніе. Сначала думали, что баринъ шутитъ. Гости собрались уже смеяться, но Несоновъ обвелъ всю церковь глазами какъ-бы желая сказать: «Нѣть я не шучу и прошу никого въ этомъ не сомнѣваться.» Священникъ, зная каковъ Несоновъ, не смѣялъ его усовѣщевать и дрожащею рукою повелъ новобрачную чету къ налою. Запѣли «гряди, гряди, ты голубица» и началася обрядъ обрученія. Одинъ изъ гостей подошелъ къ Несонову и сказалъ: «Что ты дѣласши, вѣдь ты кажется не пьянъ. Образумься, вѣдь есть еще время.» — Несоновъ не обратилъ никакого вниманія и остался твердъ въ своемъ намѣреніи. Я уже сказалъ, что онъ

быть человѣкъ минуты. Принесли вѣнцы, обвѣли вокругъ налоя— и все было кончено. Незнаю, что происходило въ душѣ Дуни, но на лицѣ Несонова ясно выражалось удовольствіе.

Итакъ обрядъ совершился, что оставалось дѣлать гостямъ, какъ не поздравлять.

Отецъ молодой не смѣлъ къ ней подойти, а мать рыдала отъ радости.

— Иванъ Семеновичъ, поздравляю васъ;—сказалъ Несоновъ,— отецъ моей жены не можетъ оставаться крѣпостнымъ. Вы съ женой вольные. Никита и тебя поздравляю, какъ сказано—такъ п будетъ сдѣлано; ты тоже вольный.

Лицо Никиты въ эту минуту показывало какое-то замѣшательство, а въ сущности онъ не приходилъ въ отчаяніе, жена эта слишкомъ похожа на барыню,—что въ низшемъ сословіи ставится даже въ порокъ. Тамъ нуженъ мужъ-глава дома, а за такую жену онъ и не зналъ-бы, какъ взяться. Значить, всѣ были довольны.

Несоновъ выпѣль изъ церкви и шовелъ жену свою подъ руку до самаго дома. Всѣ гости и народъ хлынули за ними.

Въ дверяхъ дома Иванъ съ женой встрѣтили молодыхъ съ образами. Несоновъ исполнилъ какъ-слѣдуетъ всѣ обряды. За обѣдомъ посадилъ отца и мать жены рядомъ съ собою и пили ихъ здоровье.

Праздникъ продолжался до поздней ночи, а на другой день приказано было всѣмъ отправляться въ главную усадьбу Горки и приготовить почетный пріемъ для молодой барыни, очистивъ домъ отъ всего лишняго. Это были собственные слова Несонова и касались особенно до одной Аниоты, которая могла принять сватбу Александра Петровича не совсѣмъ благосклонно, по особымъ и многоразличнымъ причинамъ.

Двое сутокъ Несоновъ оставался въ Немировѣ глазъ-на-глазъ съ женой. Это дало ему случай убѣдиться, что Дуня далеко не простая горничная, воспитанная въ избѣ. Ее можно всюду показать и нигдѣ она не уронитъ своего мужа. Дуня въ свою очередь совершенно свободно вошла въ свою новую роль, какъ-будто всегда для нея готовилась. Съ отцомъ и матерью была въ строгой почтительности, а съ мужемъ свободна, какъ съ своимъ равнымъ. Подъѣзжая къ Горкамъ, Александръ Петровичъ нѣсколько сѣѣшался при торжественной встрѣчѣ, и взоръ его пытливо искалъ въ толпѣ разряженныхъ дворовыхъ пару огненныхъ и ревнивыхъ глазъ Аниоты. Хотя ему и донесли, что ее нѣтъ въ

Горкахъ, но, зная ея отчаянный и дерзкій характеръ, Несоновъ боялся, чтобы она не явилась, какъ помѣха на праздникъ, со сценами ревности и проч. Однако въ толпѣ ея не было; она еще наканунѣ, при извѣстіи о свадьбѣ барина и о своемъ удаленіи изъ Горокъ, написала до-пьяна и ушла ночью, куда—Богъ знаетъ.

Въ Горкахъ встрѣтили молодыхъ съ необыкновенною пышностью. Съѣхалась бездна окружныхъ помѣщиковъ, посмотреть на немировскую Дуньку, какъ ее прозвали маменьки взрослыхъ дочекъ, когда до нихъ дошла вѣсть объ этомъ оригинальномъ бракѣ. Несоновъ задавалъ пиры на славу и къ нему любилиѣздить. Собравшимся гостямъ объясняли, что жена его хочетъ познакомиться съ ихъ женами,—на что гости, забывъ, немировскую Дуньку, наперерывъ старались любезничать съ молодою.

Когда всѣ окрестные помѣщики узнали короче госпожу Несонову, любезнную и внимательную со всѣми, то порестали говорить о ея происхожденіи и неровности брака мало удивлялись. И правда, въ Дунѣ было столько женственной прелести, что даже самыя злые маменьки, все-таки браня еї, отдавали справедливость ея такту.

—Представьте, даже,—говорила одна старуха—«войдти умѣеть, какъ-будто родилась на паркетѣ.»—У этой старухи одно изъ главныхъ условій тона было умѣнье войти въ гостиную, — что отчасти спрavedливо и чего не умѣютъ часто сдѣлать и пропордныя дворянки.

— Войдетъ, всѣхъ свободно оглядитъ, сядетъ какъ-будто ни въ чёмъ не бывало, а давно-ли еще мыла полы въ отцовской избѣ. Нѣть, нынче вѣкъ-то идетъ впередъ. Это просто соблазнъ мопмъ дѣвкамъ, пожалуй и онѣ Богъ-знаетъ- что о себѣ подумаютъ.

Старуха эта тяготила своихъ горничныхъ разными работами—плетеніемъ кружевъ, вязаніемъ индѣчьяго пуху и проч. и строго смотрѣла за своей женской республикой.

Такимъ-то образомъ прошедшее постепенно оттолкнулось отъ Дуни. Отецъ и мать ея выпущены были на волю и уѣхали жить въ городъ. — Никита тоже получилъ вольную, но остался при баринѣ, напередъ выпросивъ себѣ невѣсту по вкусу.

Такъ прожилъ въ совершенномъ счастіи Несоновъ около пяти лѣтъ, угождая по своему женѣ, т. е. какъ дозволялъ ему его дикий характеръ; однакожъ жизнь прежняя не была совершенна оставлена. Онъ хотя и рѣже прежняго, но кутилъ, пропадалъ по нѣсколько дній изъ дома. Сначала уѣзжалъ только на охоту,

а потомъ постепенно принялся за прежнія продѣлки. Жена съ какимъ-то стоническимъ терпѣniемъ уговаривала его оставить беспорядочную жизнь. Ничто не помогало.

Когда-же Дуня увидала, что увѣщанія не приносятъ пользы, она замолчала и безпрекословно покорилась своему жребію. Принялась за воспитаніе дѣтей и нашла въ этомъ душевное спокойствіе. Сначала Несонову нравилось, что онъ оставленъ въ покой и можетъ безъ зазрѣнія совѣсти вести свободную жизнь. Но потомъ беспокойный его характеръ приписалъ это равнодушію жены и совершенно несправедливо. Не было мѣры заботливости Дуни. Она отдавала отъ мужа всѣ мелкія домашнія хлопоты, необходимыя въ деревенской жизни, сама разбирала тяжущихся и недовольныхъ, такъ-что ни одна жалоба не доходила до Несонова. Дуня заранѣе умѣла предупредить ихъ. Она боялась болѣе-всего причинить разстройство мужу, зная его болѣній характеръ и безразсудную запальчивость, которой подвергались часто и виновные и невинные. — Всѣ эти мелочи деревенской жизни она несла твердо и спокойно. Изъ любви къ мужу она рѣшилась-бы и не на такую жертву, да она и не считала это жертвою — а долгомъ.

Такое спокойствіе Несонову было не по-сердцу. Онъ не давалъ себѣ труда входить въ подробности; но, видя Дуню всегда съ покойнымъ лицомъ, началъ подозрѣвать ее сначала въ равнодушіи, а потомъ даже и въ невѣрности. Сталъ искать, кто замѣнилъ его въ сердцѣ Дуни. Подозрительность его ничего не разбирала. Онъ слѣдилъ за Дуней и въ ея ровномъ и спокойномъ обращеніи съ niektóryми изъ слугъ хотѣлъ найти что-нибудь преступное. Онъ даже началъ намекать ей обѣ этомъ, но Дуня, сознавая свою правоту и достоинство, только пожимала плечами и еще болѣе увеличивала свою заботливость о мужѣ.

Это спокойствіе было Несонова, особенно когда онъ пьяный возвращался домой, будиль жену и дѣтей и засыпалъ кучею упрековъ. — Одинъ-разъ дошелъ до того, что рѣшился намекнуть на отношенія ея къ Никитѣ, вспомнивъ, что она воююла за него за-мужъ. Тутъ Дуня не выдержала, засипала слезами и просила лучше выгнать её изъ дома чѣмъ подозрѣвать въ такихъ низостяхъ. Несоновъ обыкновенно успокоивался, прося прощенія, а потомъ чрезъ нѣсколько времени повторялъ тоже самое. Жизнь Дуни становилась грустнѣе и грустнѣе, и бывали минуты, что она жалѣла свое прошедшее, тѣмъ болѣе, что Несоновъ даже запретилъ ей выѣзжать изъ дому. А между

тѣмъ самъ, исколко не затрудняясь, почти открыто держалъ любовницу, все туже Аниоту, которая очень часто наговаривала ему на жену.

— Что вы думаете, что она изъ себя святую-то представляеть, а посмотрите, что она дѣлаетъ съ французомъ—просто срамъ.

У Несонова для дѣтей, а отчасти и для самой Дуни были взяты Французъ, человѣкъ молодой и отлично образованный.

Mr. Spotreau не походилъ не на одного изъ перебывавшихъ въ домѣ Несонова французовъ. Въ немъ было развито до крайней степени чувство долга, что нѣмцы такъ хорошо выражаютъ словомъ *Pflichtgefühl*. Встрѣтивъ такую пассивную натуру какъ Дунину, Жюльенъ, постоянный мученикъ, долго не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ этихъ каждодневныхъ терзаній бѣдной женщины. Онъ не удивлялся ни страннымъ выходкамъ Несонова, ни терпѣнію Дуни. Въ первомъ онъ видѣлъ скѣды дикаго воспитанія, а въ Дунѣ жертву долга, сестру свою по выбору, которую только надо укрѣпить совѣтами и примѣромъ на ея скользкому жизненному пути. Кончивши образованіе въ одномъ изъ лучшихъ университетовъ Германіи, обогативши себя разнородными познаніями и, какъ бѣдный человѣкъ, изучивши и прочувствовавши жизнь на горькомъ опыте, Жюльенъ явился истиннымъ наставникомъ ума и сердца бѣдной женщины и ея дѣтей.

А потому Дуня, оставаясь почти всегда одна, невольно находила удовольствіе въ обществѣ Французца. И онъ къ ней привязался въ свою очередь, видя это безмолвное страданіе, но о чувствахъ своихъ никогда не распространялся и даже не дѣлалъ намека. Деревенская скука и бездѣлье, длинные вечера сдѣланы разговоры Дуни съ Французомъ какъ-то особенно задушевными, вирочемъ и весьма естественно, Дуня все-таки была его ученицей и не только съ охотою, но съ жаждою знаній.

Несоновъ, возбуждаемый къ ревности своей любовницей, дѣлалъ часто сцены Французу, но послѣдній съ такимъ достоинствомъ умѣлъ отклонить гнѣвъ, что Несоновъ скоро забывалъ свое неудовольствіе и еще крѣпче сходился съ учителемъ.

На такие характеры и на такое направленіе всегда сильно дѣйствуютъ силетки. Любовница не унималась и выжидала только случая окончательно восстановить Несонова. Она никогда не могла простить Дунѣ, что она сдѣлалась ея госпожею, тогда какъ она сама, Анна, была и изъ лучшаго семейства и красива-

За случаемъ долго бѣгать не надобно. Несонова съ дѣтьми и гувернеромъ поѣхала въ лѣсъ сбирать ягоды и рвать цветы. Несоновъ остался дома и, по обыкновенію выпивши за обѣдомъ, собирался лечь отдохнуть. Вошла Анна.

— Вы сударь здѣсь спите, а барыня-то съ французомъ гуляютъ.

— Ты мнѣ надѣла, пошла вонъ, и какъ ты смѣешь говорить такъ о своей барынѣ. Смотри, чтобы я тебя не проучилъ.

— За что проучить-то, — сказала рѣзко Анна, — я говорю правду, поѣзжайте-ка теперь въ лѣсъ, да посмотрите. Мнѣ все ровно, я обѣя васъ-же хлопочу, вѣдь не мнѣ срамъ-то будетъ, а вамъ, какъ всѣ-то заговорятъ. Да впрочемъ, и безъ того уже не мало слышно....

— Что ты слышала! — вскричала вскочивъ съ дивана Несоновъ.

— А то слышала, — сказала Анна грубо, — что Французъ то-предло цѣлуется съ барыней.

— Ты врешь, — сказалъ Несоновъ.

— Да хоть теперь поѣзжайте, такъ увидите.

Несоновъ приказалъ осѣдлать лошадь и поѣхать въ лѣсъ обѣдомъ. Подѣхавши къ лужайкѣ, окруженнѣй густыми дубами, онъ сошелъ съ лошади и пошелъ въ чащу пѣшкомъ. На немъ сидѣли Дуня и Французъ и очень жарко разговаривали; потомъ Французъ всталъ, поцѣловавъ руку Дунинѣ и сказавъ: «Итакъ послѣ ужина» — пошелъ къ дѣтямъ, которыя играли у опушки.

Этого довольно было Несонову, онъ сѣлъ на лошадь и поскакалъ домой. Но дорогою красивый голопъ лошади, которую Несоновъ очень любилъ, утишилъ его гнѣвъ. Войдя въ свой кабинетъ, переломавъ нѣсколько вещей, Несоновъ бросился на диванъ и сталъ ожидать жену. Готовясь сцена, безъ которой кровь Несонова не могла бы успокоиться, хотя почтительный тонъ учителя въ обращеніи съ Дуней отчасти уже обезоруживалъ его.

Дуня не замедлила воротиться и тотчасъ-же пришла въ кабинетъ мужа.

— Что съ тобою, — сказала она войдя, — ты на себя не похожъ. Вѣрно не здоровъ, а все отъ того что спишь послѣ обѣда. Тебѣ надо дѣлать движение. Напрасно съ нами не поѣхалъ.

— Напрасно, — сказали Несоновъ вопросительно, — да что мнѣ тамъ съ вами дѣлать. Слушать вздоры Французца.

— Ты кажется не находилъ этого прежде. Ты былъ всегда благодаренъ ему за то, что онъ съ такою охотою занимался моимъ воспитаніемъ. Теперь тебѣ не стыдно за меня и за мое происхожденіе.

— А когда я его стыдился? Что я дѣлаю, въ томъ я никому не даю отчета. Я захотѣлъ тебя сдѣлать барыней, и всѣ должны тебя уважать и принимать какъ барыню и мою жену.

— Но представь себѣ, если бы я не хотѣла, или не могла какъ слѣдуетъ образовать себя, а осталась бы прежнею Дунею, я не знаю, было-ли-бы тебѣ пріятно?

— Прежняя Дуня была лучше;—сказалъ Несоновъ,—ей дурь въ голову не приходила. Она за счастіе считала быть моей женой, а теперь какъ понабралась учености и сливетъ за Авдотью Ивановну Несонову, помѣщицу 3000 душъ, то мужъ ей все равно, чтобы и не былъ. Лучше сентиментальнничать съ Французомъ, да набивать голову французской дрянью. Что ты тамъ не дѣлай, а все сливешь за немировскую Дуньку. Хвоста не спрячешь, коли онъ въ два аршина.

— Такъ, значитъ, ты недоволенъ моимъ превращеніемъ, а я думала сдѣлать тебѣ угодное. Одинъ Богъ знаетъ, чего мнѣ это стоить,—сказала Дуня сквозь слезы.—Я знаю, ты меня ревиуешь и добро-бы отъ себя, а то отъ дурной женщины. И что я ей сдѣлала, я ее кажется оставила въ покой и держу себя, какъ съ равною. Прикажешь, она будетъ сидѣть съ нами за столомъ.

— Да когда посажу, такъ станеть сидѣть,—вскрикнула Несоновъ.—Да ты не представляй пожалуста изъ себя жертвы. Мнѣ и такъ наскучило твое кислое лицо.

— Но за что—же ты несправедливо меня подозрѣваешь? Это обидно.

— Какъ несправедливо, — закричалъ Несоновъ, — а зачѣмъ Французъ поцѣловалъ въ лѣсу твою руку и сказалъ «послѣ ужина»—это что значитъ. Я все видѣлъ, отъ меня ничего не скроется.

— Это очень просто,—отвѣтала спокойно Дуня.—Послѣ ужина онъ съиграетъ новую пѣсцу, которую посвятилъ мнѣ, и именно когда ты ляжешь спать. Я знаю, ты не любишь, когда я играю съ Жюльеномъ въ четыре руки.

— А за чѣмъ-же для этого цѣловать твою руку.

— Я дала ему слово писать, когда онъ уѣдетъ во Францію. Ты знаешь онъ намѣренъ уѣхать въ концѣ лѣта.

— И чертъ съ нимъ, — сказалъ Несоновъ. — Эка невидалъ. Этой дряни вездѣ много.

— Но онъ нась не совсѣмъ оставляетъ.

— Нѣтъ; ужъ у меня—если ѓдетъ, такъ-чтобъ убирался совсѣмъ. Такъ и скажи ему.

— Нѣтъ; я этого говорить не стану.

— Какъ? да это самый лучшій случай при разставаныи обѣняться клятвами въ вѣчной дружбѣ. Ты вѣрно этого еще не проходила въ курсѣ французскаго языка, развѣ только можетъ-быть читала въ романахъ, которыми онъ набиваетъ тебѣ голову.

— Ты несправедливъ, Богъ съ тобой,—сказала Дуня, выходя изъ комнаты.

— Ты несправедливъ, несправедливъ,—повторилъ Несоновъ подражая голосу и манерѣ Дуни.

Французу была сдѣлана сцена, и онъ твердо рѣшился оставить домъ Несонова.

На недѣлѣ былъ назначенъ его выѣздъ.

Все время до отѣзда Несоновъ не выпускалъ ни жену ни Француза изъ виду, не давалъ имъ случая оставаться вдвоемъ.

Дунѣ хотѣлось въ послѣдній разъ поговорить съ Жюльеномъ, излить ему свою душу, какъ единственному человѣку, понимавшему ея горькое положеніе. Онъ любилъ Дуню какъ свое созданіе, тихое, покорное благодарное и Дуня это знала и цѣнила, какъ только могла ея возвышенная душа.

Она теперь именно была въ томъ нравственномъ настроеніи, которое испытываетъ человѣкъ, когда онъ неминуемо долженъ потерять что-нибудь или оторваться отчего-то особенно дорого. Не знаю, о чёмъ Жюльенъ думалъ во время длинныхъ разговоровъ своихъ съ Дуней; но цѣль ихъ всегда была укрѣпить ее на твердый подвигъ обратить къ себѣ мужа. Въ этихъ задушевныхъ разговорахъ Дуня и почерпала твердость, необходимую для своего плана, потому что она все еще любила Несонова.

Въ день отѣзда Француза Дуня была особенно озабочена, и это не ускользнуло отъ Несонова. Онъ видѣлъ въ этомъ скрытую страсть.

Ревность его не имѣла границъ, особенно когда Анна объявила ему, что у Дуни сегодня назначено свиданіе и чтобы убѣдиться, то пусть Несоновъ покараулитъ ихъ ночью. Такая роль и обижала и устрашала Несонова. Ну, если это правда, думалъ онъ, что жена его приметъ у себя въ комнатѣ любовника, а впрочемъ это возможно. Онъ уѣзжаетъ и ничто уже никогда

не напомнить ебъ этомъ свиданіи. Его тираническая ревность выдумала еще лучше. Какъ-только жена ушла въ свою комнату, Несоновъ вынесъ лукошко муки, нарочно приготовленное и въ потьмахъ разсыпалъ муку передъ комнатой жены. Самъ же какъ нельзя болѣе спокойно отправился въ свой кабинетъ и легъ спать.

Поздно въ ночь уѣхалъ Жюльень и, не имѣя возможности переговорить съ Дунею, написалъ къ ней письмо, получилъ отвѣтъ и спокойный и счастливый отправился въ путь.

Едва забрезжилось утро, Несоновъ всталъ и пошелъ къ комнатѣ жены. И каково было его удивленіе. На полу оказались явственно слѣды мужской ноги въ красивомъ сапогѣ.

Тогда все сдѣлалось ясно Несонову. Не обдумавши ни минуты, онъ застучалъ въ дверь спальни.

Дуня отворила и опъ увидѣла ее въ слезахъ, не раздѣтую.

Первое, что онъ сдѣлалъ, — схватилъ бѣдную женщину за волосы и притащилъ за-косу къ дверямъ спальни.

— Смотри, — закричалъ онъ бѣшенымъ голосомъ. Это чьи слѣды, нюхай ихъ, —кричалъ онъ, нажимая голову Дуни къ полу такъ, какъ это дѣлаютъ, когда наказываютъ маленькихъ собачекъ за неопрятность.

— Не утерпѣла, призвала его, безстыдница. За это сдѣдуетъ тебя выгнать изъ дома. Да я это и сдѣлаю. Сего дня же, чтобъ тебя не было, слышишь! Убирайся къ отцу въ избу, за прежнее ремесло.

— Но что съ тобою, опомнись ради Бога, — умоляла Дуня.

— Ничего знать не хочу, вонъ изъ дома. Не умѣла прилично нести своего званія. Да и я-то дуракъ посадилъ ворону въ свои хоромы. Тебѣ-бы быть Никишкиной женой.

— Но я ничего не знаю; что ты хочешь со мною дѣлай, а я невинна, — клянусь.

— Всѣ вы таковы, знаю я ваши клятвы. А это чьи слѣды видишь. Смотри.

И онъ снова пригнулъ голову Дуни къ полу. Дуня была жалка въ эту минуту.

— Не горячись такъ, успокойся, что если услышатъ дѣти, — сказала она, стараясь пересилить боль.

— Дѣти! а пусть они увидятъ матеря свою и будутъ съ-этими-поръ знать, что у нихъ иѣтъ матери. Вонъ, сегодня же вонъ изъ дома, — закричалъ Несоновъ и хлопнула дверью.

Дуня, сама не понимая, что съ нею происходит, съ рыданиями бросилась на постель. На крики Несонова прибѣжала горничная.

— Что-сь вами, матушка-барыня?

— Я несчастная,—повторила Дуня,—и кто захотѣлъ моей чести, безсовѣстный. Боже, Боже! тяжелая досталась мнѣ доля, но я ее выдержу до конца.

Горничная никакъ не могла понять—въ чемъ дѣло, но Дуня когда прошелъ порывъ слезъ и отчаянія, объяснила ей. Горничная такъ и всплеснула руками.

— Ну-ужъ, это чьи-нибудь штуки. Ужъ не самаго ли, пожалуй, прежде-таки онъ ихъ продѣльывалъ, какъ были холстыя. Бывало, насыпить муки у какой-нибудь изъ дѣвокъ, а потомъ надѣнеть чужіе сапоги, да самъ и пройдетъ, а послѣ и пошли ужастія. Нарочно весь домъ переколотитъ, кричить: я отыщу мерзавца. А какъ накричится, самъ бывало и хохочетъ, что насть всѣхъ провелъ.... Да это не его слѣды, нога-то болѣно мала сказала горничная разглядывая полъ. Ужъ не украли онъ нарочно сапоги-то у Француза, да-и-ну дѣлать слѣдъ.

— Нѣть, тогда-бы онъ такъ не разсердился, а просто бы, желая меня испытать, показалъ-бы на слѣдъ, — сказала Дуня.

— Ну-ужъ дѣлѣ, — сказала горничная, — а вотъ постойте, я, разузнаю да соберу концы. Ну-ужъ дѣлѣ. Ужъ не штуки-ли это, Аютки. У ней вѣдь на это ума хватитъ, больно шустрая.

Горничная даala слово отыскать завязку дѣла и уговаривала Дуню, какъ это умѣютъ дѣлать привязанные люди, не беспокоиться, а уповать на Бога, который и невидимо пошлетъ утѣшеніе.

Въ-самомъ-дѣлѣ къ обѣду все объяснилось очень просто. По горячимъ слѣдамъ горничная Дуня нашла у Анны за кроватью сапогъ, вѣроятно унесенный у Француза. Тогда Дуня рассказала мужу, на какомъ волоскѣ вѣсѣла ея репутація, и что чрезъ скверную женщину она навсегда могла лишиться уваженія мужа и дѣтей.

Несоновъ съ обыкновенною скоростію рѣшилъ дѣло; Анну вѣдь тотчасъ-же отвезти въ городъ съ строжайшимъ приказаніемъ никогда не показываться въ его усадьбѣ, а для спѣльнѣйшаго наказанія острѣгъ косу, что какъ известно въ старину почтаго было за самое ужасное наказаніе.

Когда такимъ-образомъ, судьба ударила опасную соперницу, Дуня вздохнула свободнѣе и дала себѣ слово обратить мужа на хорошую дорогу.

Но это было трудно исполнить.

Несонову Дуня стала надоѣдать, во первыхъ потому, что походила на всѣхъ барынь, которыхъ онъ такъ не любилъ, а во вторыхъ—и физически она была уже не прежнею Дунею. Безсонные ночи и вѣчное беспокойство унесли и цвѣтъ лица и блескъ глазъ, но за то Дуня пріобрѣла то спокойствіе и достоинство, которыхъ отличаютъ порядочную женщину. А этого именно и было достаточно для Несонова, чтобы охладится къ своей женѣ. Ему теперь стало какъ-то неволко по прежнему говорить рѣзко, не останавливаться въ весьма смѣлыхъ русскихъ выраженіяхъ, которыми былъ богатъ его обыкновенный словарь.

И вотъ они обоюдно перешли къ совершенной холодности, впрочемъ и лѣта Несонова требовали этого охлажденія. Ему стукнуло 45 лѣтъ, и хотя для деревенского жителя это лишь пора зрѣлости, но Несоновъ дорого заплатилъ за свою молодость. Широкая жизнь провела рѣзкія черты не только на его лицѣ, но и на цѣломъ организмѣ. Онъ начиналъ чувствовать усталость, но неугомонная кровь вопреки лѣтамъ не давала ему покоя.

Казалось-бы тихія, спокойныя занятія въ кругу семейства еще надолго могли укрѣпить его организмъ. А ихъ-то и боялся Несоновъ. Онъ думалъ, что успокоившись и найдя удовольствіе въ домашней тишинѣ онъ какъ-разъ обабится, подчинится женѣ, на которую, по привычкѣ, все еще смотрѣлъ какъ на бывшую свою крѣпостную. Подчиненія, какого-бы то нибыло рода, Несоновъ не признавалъ, и лишь-только начиналъ предаваться лѣни, на которую располагаетъ деревенское довольство, какъ тотчасъ-же сбрасывалъ, по его мнѣнію, бабство, садился на коня и въ отъѣзжемъ полѣ снова предавался обыкновеннымъ своимъ занятіямъ, всему и любовнымъ интригамъ.

Это продолжалось до того времени, пока въ одинъ вечеръ его безъ чувствъ не привезли домой. На-ту-пору случился докторъ, который прямо объявилъ Дунѣ, что все кончено и что нѣтъ средствъ спасти мужа. Ударъ былъ такъ силенъ, что хотя Несоновъ и жилъ еще нѣсколько дней, но потерялъ все способности, начиная съ зреінія. Эти дни, т. е. до смерти Несонова, Дуня явила собою образецъ истинной женской любви. Она не отходила отъ постели больнаго, ухаживала за нимъ какъ за ребскомъ. Даже исполняла сама всѣ черные работы.

Кажется, въ послѣднія минуты Несоновъ почувствовалъ—какую онъ имѣлъ жену. Мысленіемъ вмѣсто словъ, пожатиемъ руки, гла-

зами позными слёзъ, онъ хотѣлъ выразить все раскаяніе за грустную жизнь, которою онъ надѣлилъ свою жену.

Послѣ его смерти Дуня сдѣлалась обладательницею 3000 душъ и опекуншою трехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему уже было 10 лѣтъ.

Не всякая мать такъ-высоко понимала свое назначеніе какъ Дуня. Впереди у ней только и было воспитаніе дѣтей и мысль сдѣлать ихъ достойными своего имени и богатства.

Послѣ двухъ лѣтъ самой тихой сосредоточеній жизни, Дуня поняла, что трудъ воспитанія ей одной не по силамъ. Что дѣлала умная женщина, то разрушала слабая мать. Болѣе всего она боялась за сына. Онъ характеромъ страшно походилъ на отца. Дуня поняла, что для него нуженъ человѣкъ съ строгимъ благородазуміемъ, а не слабая женщина. Кто-же лучше всего на это способенъ, какъ не бывшій его воспитатель Жульенъ. Послѣ его отѣзда, она ни разу ему не писала, боясь этимъ нарушить домашнее спокойствіе и слово, которое вырваль у ней покойный мужъ вскорѣ послѣ отѣзда гувернера. Справиться впрочемъ было не долго, и послѣ трехъ мѣсячной переписки Monsieur Julien, но уже лысый явился въ Горкахъ. Какъ они встрѣтились и какъ принялись за воспитаніе дѣтей, я не считаю нужнымъ разсказывать; знаю только, что Несонова скоро сдѣлалась Г-жею Жульенъ и теперь еще существуетъ подъ этимъ названіемъ. Дѣти все пристроены; сынъ служить, дочери за-мужемъ. Мать ничего для нихъ не жалѣла, а напротивъ наградила ихъ въ ущербъ своихъ интересовъ, именно взяла себѣ одно Немирово, свою родину, село въ 250 душъ, где выстроила себѣ прекрасный домикъ на мѣстѣ отцовской избы, а все остальное достояніе раздѣлила между дѣтьми.

Мг Жульенъ, прекрасный агрономъ, постоянно занятъ улучшеніями своего хозяйства, а бывшая Дуня отличается необыкновенною способностію радушно принимать гостей, угождать имъ на-славу и проигрывать въ карты. Я ее часто встрѣчаю и люблю играть съ нею. Никто съ такою милостію (если можно такъ выражаться) не ставитъ ремизовъ, такъ спокойно не проигрываетъ какъ она. Если-же ей случится выиграть, что бываетъ очень рѣдко, ей какъ-то совѣстно отпустить своего гостя въ проигрышъ, она непремѣнно упросить сыграть еще пульку, навѣрное все назадъ проиграетъ, да еще приплатить своимъ денегъ.

Когда вы пріѣдете въ нашъ городъ и увидите довольно полную даму въ чепчикѣ съ зелеными лентами темнѣе или свѣтлѣе (она мѣняетъ нюансъ), съ сѣдыми какъ серебро волосами, спокойно говорящую съ какою-то особенно милую улыбкою, въ безукоризненно свѣжемъ платьѣ; то знайте, что это Авдотья Ивановна Жюльень, бывшая Несонова, благодѣтельница своихъ крестьянъ и всѣхъ бѣдныхъ. Многіе изъ сосѣдей удивляются ея тароватости, но она обыкновенно отвѣчаетъ: «Насъ двое дѣти мои пристроены и кажется счастливы. Богъ послалъ мнѣ другихъ дѣтей, это мои крестьяне. Я знаю, какъ имъ тяжело безъ руководителя, сама родилась въ курной избѣ, вмѣстѣ съ дымомъ ей винтила въ себя и нужды и радости этихъ благородныхъ и добрыхъ людей.

Шетръ Кроль.

Нѣсколько замѣчаній объ охотѣ вообщѣ.—Господа неохотники, и даже многіе охотники, встрѣтили новый «Журналъ Охоты» съ сомнѣніемъ въ его пользу, практической и не-практической; на него смотрятъ съ предубѣжденіемъ, иные даже съ насмѣшкою, какъ на дѣло пустое. Многіе прибавляютъ еще, что журналъ этотъ не пойдетъ, что русская публика не станетъ тратить деньги на подобное изданіе, а немногіе запи-сные охотники не въ состояніи будутъ поддержать его. Журналы смотрятъ на него съ высоты своего величія....

Между тѣмъ «Журналъ Охоты» можетъ имѣть почти такое же важное общественное значеніе, какъ и всѣ другіе журналы, и литературные и хозяйственныя и ученыя. — Мысль эта покажется съ первого взгляда странною, даже дикою; но я постараюсь доказать ея справедливость и думаю, что внимательное разсмотрѣніе дѣла убѣдить въ этомъ, если не всякаго, то хоть нѣсколькихъ.

Журналы, особенно въ Россіи, всегда играли важную роль въ читающей публикѣ и черезъ нее, безъ сомнѣнія, дѣйствовали, болѣе или менѣе, на всю массу народа; они проводники просвѣщенія, органы современныхъ идей и нового взгляда на вещи. На это скажутъ, что конечно, значеніе журналовъ, литературныхъ, ученыхъ, хозяйственныхъ и проч. весьма важно; но что это никакъ не можетъ относиться къ Журналу Охоты, потому-что если онъ и будетъ распространять современныя, лучшія понятія, то не болѣе какъ обѣ охотѣ, о праздной забавѣ.

Вотъ въ этомъ-то и ошибка! Охота, какая-бы она ни была, съ ружьемъ-ли, съ собаками-ли, съ ястребомъ или соколомъ, тѣсно связана съ жизнью охотниковъ и близкихъ къ нимъ людей; а охотниковъ у насъ много. Быть просвѣщеннымъ охотникомъ и охотиться по-татарски — невозможно; получивъ настоящее понятіе о предметахъ охоты, нельзя оставаться совершеннымъ невѣждою, нельзя не идти впередъ.

Всѣ науки подаютъ другъ другу руку; а охота есть такъ-же своего рода наука; она имѣеть свою исторію, весьма любопытную, поучительную и важную, и жаль, что никто не занимается ею и не знаетъ ее. Въ охотѣ выражается жизнь и помѣщика и простолюдина и всѣхъ классовъ народа; она есть выраженіе ихъ быта, понятій и даже, больше или меньше, ихъ личныхъ качествъ. Сто-ли собакъ у помѣщика при двадцати охотникахъ, стремянныхъ, доѣзжающихъ, на сѣрыхъ коняхъ, въ красныхъ кафтанахъ; шесть-ли собакъ, при двухъ людяхъ, которые вмѣстѣ и кучера или камердинеры; выѣзжаетъ-ли баринъ на пистрѣленіе лисицъ, волковъ и зайцевъ въ отѣѣзжее поле на три, на четыре дни, съ поварами, картами и толпой гостей; или ёдетъ одинъ на три, на четыре часа; ёдетъ-ли онъ на охоту, чтобы съ большими вкусомъ выпить водки; или по страсти собственно къ охотѣ, или для здоровья и мочона; травитъ-ли охотникъ зайцевъ на логовицѣ, и маленькихъ и взрослыхъ, чтобы только больше натравить ихъ для продажи шкуръ; или-же, поднявъ зайца, отпускаетъ его на должное разстояніе, давая ему всѣ средства спасенія, наслаждаясь собственно картиною и эмоціею травли; стрѣляетъ-ли онъ дичь на продажу, или только по страсти стрѣлять, — все это разные люди, разные характеры и разныя понятія. Строгий порядокъ, система и толькъ въ охотѣ показываютъ и порядочнаго человѣка и вѣроятно хорошаго хозяина; безъ развитыхъ, больше или меньше, понятій нельзя быть настоящимъ спортсменомъ. Но ~~тому~~ у насъ въ Россіи понятія объ охотѣ, коннозаводствѣ и вообще о предметахъ «спорта», самыя отсталыя, ложныя и вредныя для охотниковъ. И вотъ почему значеніе «Журнала Охоты», какъ проводника современныхъ знаній въ охотѣ, какъ органа науки объ охотѣ, можетъ быть для насъ весьма важно.

Охота — цѣлая *наука*, обширная и сложная: наука потому, что заключаетъ въ себѣ рядъ правилъ, слѣдующихъ въ строгочъ систематическомъ порядке и вытекающихъ одно изъ другого по непреложныи законамъ логики и опыта: нарушеніе

одного изъ этихъ правилъ, какъ въ ариометическомъ счетѣ, ведеть къ неизбѣжной ошибкѣ и къ разстройству цѣлой системы, всего порядка. Нужны года, чтобы выучить эту науку, даже при хорошихъ способностяхъ ученика; въ охотѣ теорія столько-же необходима, сколько и практика, какъ въ военныхъ наукахъ — тактикѣ и стратегіи; одна теорія и одна практика не могутъ образовать искуснаго полководца и искуснаго охотника; въ охотѣ тоже необходимы природныя способности, — смѣтливость, присутствіе духа, воля, быстрый умственный взглядъ и весь другія качества полководца, хотя и въ слабѣйшей степени и съ тою разницею, что въ охотѣ послѣдствія ошибокъ или мудрыхъ соображеній неважны и потому незамѣтны. Объяснимъ это примѣромъ. Охота съ борзыми собаками, какъ одна изъ высшихъ охотъ, требующихъ больше знаній, опыта и соображенія на мѣстѣ дѣйствія, показываетъ ясно, что охота — наука, большая и сложная наука; науку-же, о чёмъ-бы она ни разсуждала, не должно третировать съ пренебреженіемъ.

Положимъ, вы выучились узнавать формы собакъ, борзыхъ и гончихъ, разныхъ породъ, ихъ стати и разныя примѣты, означающія быстроту, силу, сносность, крѣпость ногъ и проч. и выучились воспитывать ихъ такъ, чтобы не отнять, но развить данное природою *); выучили стати, выдержали собакъ для скачки, не испортили ихъ, но напротивъ улучшили, выбрали и приготовили людей и лошадей систематически, по законамъ науки. Все у васъ исправно, въ порядкѣ, какъ- нельзѧ-лучше; но вы мало бывали въ полѣ, вы не знаете жизни, характера, вкусовъ, одн. слов., — натуры зайца, — гдѣ-же и какъ будете искать его?.. Вамъ представляются: сжатыя жнива, зелени, соры, паша, степи, кусты, — гдѣ-же заяцъ? И вы проишщете его цѣлое утро, не зная, гдѣ ложится онъ въ это время; вы наконецъ нашли его, положимъ, на зеленяхъ, и въ слѣдующій разъ спѣшили на зелени, — и ѿздите по нимъ три часа безуспѣшино; но вчера былъ дождь, зелени грязны, «мажутся» и заяцъ не ложился на нихъ, но разсыпался по парамъ, по межамъ и сорамъ. Не охота виновата, а охотникъ; не наука, а его незнаніе. Или-же на-оборотъ, вы часто ѿздили на охоту съ другими, пріобрѣли нѣкоторое знаніе натуры зайца, или лисицы, развили въ себѣ смѣтливость

*.) Это не бездѣлица; отнять данное природою очень легко, но прибавить къ данному не во власти человѣка; оно можетъ только развить дарованное.

и соображение; но у васъ своихъ собакъ не было, и вы не занимались ими; онѣ мѣшались безъ правилъ, безъ цѣли, безъ строгой и разумной пробы, и у васъ вышли безобразныя и никуда негодныя собаки. Положимъ даже, что онѣ хорошо скачутъ на далекое разстояніе; но вамъ приходится ъздить въ лѣсистыхъ мѣстахъ, съ гончими или безъ гончихъ; прекрасныя собаки цаши не ловятъ на короткомъ разстояніи и зайцы уходятъ; вы браните собакъ, мѣняете ихъ, а дѣло идетъ еще такъ же худо. Или выпала пороша; неопытный охотникъ выѣхалъ, состѣдилъ зайца, другаго, третьяго, — всѣ ушли безъ угонки. Что за странность! Собаки ловили прекрасно назадъ тому три дня, выдержаны въ теченіи осени совершенно, — отчего-же не ловятъ? Отчего у нихъ пальцы въ крови? Оттого, что на дняхъ былъ дождь, потомъ морозъ и наконецъ вышелъ снѣгъ; его выпало не много, подъ нимъ жестко, болѣво ногамъ и собака не скачетъ; тогда какъ у зайца лапки покрыты густою шерстью, какъ въ чулкахъ. Хорошо еще, если собаки не вырывали себѣ ногтей и не сломали пальцевъ. Много надо знать охотнику! Этихъ примѣровъ безчисленное множество; они, кажется, ясно доказываютъ, что охота — наука большая, съ строгими законами и правилами и требующая много знанія и много опыта.

Охота — предметъ важный больше, нежели думаютъ господа неохотники; она, конечно, не многимъ приноситъ пользу матеріальную, доходъ; но развѣ человѣку нужна одна матеріальная польза? Польза нравственная, безъ сомнѣнія, должна стоять гораздо выше. Людямъ, проповѣдывающимъ о пользѣ матеріальной, Пушкинъ сказалъ:

Тебѣ-бы пользы все! — На вѣсь
Кумиръ ты цѣнишь бельведерскій;

Есть люди, которые презираютъ и поэзію, и музыку, и живопись, — если онѣ не приносятъ пользы, т. е. дохода. Но каковы эти люди, — всѣ мы знаемъ: существа сухія и черстыя, если они иногда и дѣлаютъ добро, то только въ слѣдствіе принятыхъ правилъ; люди, одаренные только однимъ умомъ, т. е. половиною человѣческой природы; другой, лучшей половины — въ нихъ нѣть; нѣть поэтическаго чувства, нѣть воспріимчивости красоты, нѣть и увлеченій; а человѣкъ безъ этихъ даровъ — полулюди. Насъ отличаютъ отъ животныхъ два главныхъ качества — умъ и чувство; способность говорить имѣютъ и вороны и попугаи и сороки; но умъ только служить чувству; умъ —

исполнитель, слуга нашего чувства, нашихъ страстей, желаний и влечений; и за что такое поклонение и уваженіе уму, слугѣ иль гospодина, — не понятно. Развѣ потому, что слуга этотъ забралъ въ руки господина и потому теперь больше значить въ свѣтѣ.... Древніе Греки ясно и тонко понимали значеніе искусства и значеніе охоты; ихъ богъ охоты была женщина, идеалъ чистоты нравовъ и непорочности, — Діана, сестра Аполлона: они понимали, что въ женщинѣ особенно развито поэтическое чувство, чувство красоты и вообще всякое чувство. Они понимали, что въ охотѣ есть поэзія, музыка, живопись, часто драма и спленная онущенія боя; и что дѣйствіе ея на охотника часто бываетъ тоже самое, какъ и дѣйствіе музыки и поэзіи,— отъ того Діана и сестра Аполлона. Начиная съ тихаго удовольствія удаить рыбу до сраженія со львомъ, тигромъ, медведемъ, въ разныхъ родахъ охоты столько увлеченія и различныхъ онущеній, что удивительно равнодушіе многихъ къ охотѣ, особенно людей не разъ испытавшихъ ея удовольствія. Объ этихъ людяхъ должно сказать тоже самое, что о тѣхъ, которые презираютъ музыку, слушая Гризи въ Нориѣ, или живопись выйдя изъ Эрмитажа. Впрочемъ, есть люди, которые ёздятъ спать въ оперу.... А между тѣмъ, человѣкъ, совершенно безъ чувства и безъ чувства красоты и поэзіи, былъ бы только умнымъ животнымъ, — слономъ, бобромъ, собакою; потому-что мы отличаемся отъ животныхъ не столько умомъ, сколько чувствомъ. Понятно, что музыкантъ, ученый, художникъ, — могутъ быть равнодушны къ охотѣ, — они уже отдались одной страсти, одному увлечению; но если не поэтъ, не музыкантъ и вообще человѣкъ, не занятый исключительно ничѣмъ, презираетъ охоту, — то мнѣ кажется, онъ принадлежитъ къ числу людей, такъ сказать, половинчатыхъ, о которыхъ я сей-часъ говорилъ. Исключенія есть, но исключенія не говорять противъ правила.

Дѣйствіе охоты на душу, также-какъ и дѣйствіе поэзіи и музыки, безотчетно, но сильно; она также возвышаетъ насъ минутно надъ мелочными житейскими интересами, въ которыхъ мы-бы совершенно погрязли; она развлекаетъ человѣка, поглощая собою на-время всю его духовную сторону; она успокаиваетъ и укрѣпляетъ духъ и сверхъ-того укрѣпляетъ тѣло и здоровье сильнымъ и продолжительнымъ моченомъ.

Почему охота называлась изстари занятіемъ благороднымъ, и самые лучшіе люди, если не были охотниками, то понимали прелесть и заманчивость ея? Почему такъ-сильно дѣйствуетъ

на насть красота природы, поэтическое произведение, картина, музыка, — на это отвѣтить здѣсь не мѣсто; почему:

Когда волуптается желѣзная ини
И свѣжій листъ шумитъ при звукѣ вѣтерка, —

почему:

Тогда смиряется душа моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе.

почему? Откуда это успокоятельное, сильное дѣйствіе?... Охота производить его, также какъ и красота природы и поэзія. Охотники въ душѣ — согласятся со мною; а неохотникамъ нельзя вложить чувства, которымъ ихъ обѣлила природа: съ слѣ- порожденными нечего говорить о цвѣтахъ. Раздражилъ ли барина староста своими плутнями, или жена — капризами, дѣти — не послушаніемъ и вредными шалостями, знакомые — клеветою и сплетнями, — онъ выѣзжаетъ въ поле, грустный, сердитый, съ горечью на-сердцѣ. Но мало-по-малу ему становится легче, онъ уже занятъ исканіемъ зайца по жилицамъ, или лягавая собака его напала на слѣдъ бекаса и ведеть по берегамъ ручья; ему нельзя не быть заняту этимъ. И вдругъ, какъ-будто выросъ изъ земли, поднялся заяцъ, быстро и граціозно прыгнулъ; собаки рванулись на сворѣ, спущены, летятъ, — и вся душа охотника за ними и на нѣсколько минутъ, покамѣстъ собаки ловятъ, онъ забылъ и старосту, и сосѣдей, и жену, и весь міръ; не забыть нельзя, — это не совмѣстно съ природою человѣка. Собаки догоняютъ; картина прекрасная: заяцъ то приложитъ уши, напрягая силы, то подниметъ ихъ, выбирая мѣсто куда уйтти и направляя ими свой бѣгъ; быстрота стремленія, успія собакъ, непрѣвѣтность, поймаютъ или неѣтъ, невольная радость, когда собака подаетъ надежду; то волненіе страха, то сомнѣніе, то увѣренность и часто потомъ вдругъ снова сомнѣніе, и наконецъ пропавшая надежда, — все это совершенно поглотило охотника, и когда заяцъ пойманъ, или ушелъ, на душѣ его уже не староста и не жена; но собаки и новые поиски зайца; а староста представляется ему какъ-то въ туманѣ, какъ-будто онъ не видаль его года два. Таково дѣйствіе событий охоты; такъ иногда охота дѣйствуетъ на душу, какъ ваппа на усталое тѣло, и отрицать это дѣйствіе — тоже, что отрицать влияніе музыки. На это скажутъ, что горе не велико, если охота можетъ заставить забыть его; но если горе сильно, то ни музыка, ни картины природы и ничто не затушитъ его! Человѣкъ въ сильномъ горѣ не станетъ и слушать музыку.

Отд. III.

3

Охота удовлетворяет душевнымъ безотчетнымъ потребностямъ часто самыхъ тревожныхъ, дѣятельныхъ и сильныхъ натуръ и многихъ людей избранныхъ; примѣровъ этого не мало; стало-быть въ ней много богатаго материала, много живаго и жизненнаго. Иные изъ этихъ людей идутъ воевать, другіе пускаются въ карточную игру, третьи идутъ охотиться. Одинъ изъ великихъ людей и великихъ дѣятелей нашей исторіи, Владимиrъ Мономахъ, былъ охотникъ и считалъ охоту не праздною забавою, но занятіемъ укрѣпляющимъ духъ и тѣло; въ наставленіи Мономаха дѣтямъ своимъ находится замѣттельный разсказъ его о своихъ подвигахъ на охотѣ: *) — «Конь дикихъ своима руками связалъ семь, въ пущахъ 10 и 20 живыхъ конь; а кромѣ-того иже по рови Ѣзда, имаъ есмъ своима руками тѣ же кони дикий. Тура мя 2. метала на розѣхъ и съ конемъ, олерь ми одинъ болъ, а 2. лоси, одинъ ногама топталъ, а другой ногама болъ; вепрь ми на бедрѣ мечъ отъялъ, медвѣдьми у колѣна подклада укусилъ; лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже: и Богъ неврежена мя сѣблюде. И съ коня много падахъ, голову си разбихъ дважды и руцѣ и нозѣ свои верїдихъ....»

Не робокъ и не слабъ духомъ долженъ быть человѣкъ, испытавшій столько опасностей на охотѣ; подобные люди не идутъ за другими, но обыкновенно ведутъ за собою другихъ. Замѣтимъ при этомъ, что не смотря на суровый образъ жизни многихъ закоренѣлыхъ охотниковъ, въ душѣ ихъ есть хоть частица нѣжнаго чувства, какъ-бы ни была груба и жестка ихъ наружность и вся природа, — чтобы ни говорили противъ этого наши дамы, которымъ принятъ за правило жалѣть отъ всего сердца «бѣднаго зайчика», пимало не жалѣя ни курицы, ни карася, котораго даже сами ловятъ на удочку. Охотникъ чаше находитъ съ природою, отъ которой такъ отдалили насъ наши служебныя, промышленныя и всякія занятія; а намъ очень и очень полезно быть иногда поближе къ природѣ. Геніальный типъ охотника Купера, извѣстнаго «Патфайндера», «Соколиаго глаза», доказываетъ это яснѣе меня. Извѣстно, что племена, занимающіяся исключительно охотою, въ Америкѣ-ли, въ Азіи, или въ Россіи, отличаются хотя суровыми, но чистыми нравами, прямодушiemъ, мужествомъ и многими другими хорошии качествами. Это и должно быть: охотникъ въ душѣ не можетъ погрязнуть

*) Лаврентьевская лѣтопись.

въ безпрерывномъ расчетѣ о пользѣ и выгодѣ, — у него есть минуты увлечения; въ душѣ его остается хоть одинъ уголокъ, чистый отъ расчета, хоть одна искра чувства, возвышающая его надъ корыстію. *Охотника занимаетъ* не только собственно охота, но и воспитаніе, или дрессированіе разнаго рода собакъ или птицъ, и разныя приготовленія къ охотѣ; если онъ настоящій охотникъ и желаетъ, чтобы у него все было въ лучшемъ вѣдѣ, то онъ долженъ заниматься этимъ серьезно, съ зна-
ніемъ и подумавши; это вовсе не легко, поэтому и занимательно, и требуетъ много времени и много заботъ. Что все это должно занимать — кажется понятно: и садовнику любопытно слѣдить за возрастомъ молодаго растенія, и коннозаводчику пріятно видѣть формирование жеребенка, ждать, когда онъ будетъ лошадью, куда будетъ годенъ и проч. Я вижу благодѣтельное, спасительное вліяніе охоты на наши права, на современные душевные недуги нашего общества. Спинъ и хандрѣ бѣгутъ отъ охотника, по крайней мѣрѣ осенью, разочарованію, пресыщенію и нагубной скучѣ и пустотѣ — пѣтъ мѣста; праздничное время и праздная мысль заняты, занята и душа больше или меньше. У охотника больше философіи, больше крѣости духа. На это скажутъ, что, кто расположень быть охотникомъ того конечно она и займется, и сущна у него, по его природѣ быть не можетъ; а человѣка съ больною душою смѣшно лѣчить охотою; — пѣтъ, не смѣши, а разумно: примѣровъ излѣченія подобныхъ людей охотою я видѣлъ нѣсколько; охота обновила ихъ, дала имъ новый міръ, дала содержаніе, цѣль, занятія и развлечениe. Въ охотѣ много увлечений, это неоспоримо, и потому вліяніе ея очень сильно; она средство сплошное и безвредное. Въ наше время особенно, надобно пріучать молодыхъ людей къ дѣлу, къ занятіямъ и — къ охотѣ. Надобно только умѣть взяться за это и изъ охоты не дѣлать «праздной забавы», надобно чтобы она производилась не кое-какъ.

Ко всему этому надобно прибавить, что охота весьма полезна и со стороны практической, утилтарной; она изтребляетъ дикихъ звѣрей, доставляетъ мяча и пищу, — иные племена живутъ единственно охотою; у насъ-же она не только ничему не мѣшаетъ, но напротивъ, косвенно помогаетъ сельскому хозяину, дѣлая пріятнымъ пребываніе въ деревнѣ, весною и осенью, что для многихъ было бы невыносимо безъ охоты. Кромѣ того, охотникъ съ толкомъ лучше другого разбереть породу лошадей, коровъ и вообще породы и формы скота; меньше другого опи-

бется въ смѣшнѣе породъ и не испортитъ того, что есть, какъ у насъ испортили все, что было хорошаго между породами дожавшихъ животныхъ. Охотникъ обладаетъ многими свѣдѣніями натуральной исторіи, до которыхъ никогда не дойдетъ ученый зоологъ.

Охота то дѣйствуетъ на насъ благотворно, какъ никогда (не всегда) дѣйствуетъ музыка и поэзія; то какъ всякая страсть въ излишествѣ, завлекаетъ иныхъ далеко съ прямаго пути, отрываетъ отъ дѣла и занятій и, какъ страсть, заключаетъ въ себѣ много слабостей, странностей и смѣшныхъ сторонъ. Какъ не смыться надъ жалкимъ охотникомъ, который завидя вдали сидящую на озерѣ утку, вдругъ падасть на землю, иногда лежа заряжаетъ ружье и ползетъ къ уткѣ сажень двѣсти и триста, ползетъ полчаса, боясь приподнять голову, и когда паконецъ доѣдетъ на должное по его мнѣнію разстояніе, усталый, въ пыли или въ грязи и въ поту, дрожащими руками стрѣляеть и—проводжааетъ далеко глазами улетѣвшую утку. «Это видно не наша»,—говорить онъ и ползетъ за другою, которую можетъ-быть сущайно и убить. Очень забавно смотрѣть иногда на охотника ловить сѣтью перепеловъ. Весною онъ отправляется, около захожденія солнца, съ сѣтью и съ перепелиною дудочкою, въ рожь или въ густую и высокую траву; разкидывается сѣть и начинаетъ играть на дудкѣ; перепела, правда, бѣгутъ на зовъ и легко попадаютъ въ сѣть; но охотникъ долженъ лежать не спиваясь, какъ окаменѣлый, не переставая напирывать обѣими руками; между-тѣмъ тучи комаровъ и мошекъ лезутъ ему въ носъ, въ глаза и въ ротъ; а руки заняты, перестать нельзя не во-время, перепель тоже остановится и услышавъ шорохъ, уѣхжитъ; гри- масы несчастнаго охотника, ртомъ и носомъ, до того разнообразны, что рѣдкій можетъ быть ихъ зрителемъ безъ сильнаго смѣха, который тѣмъ заразительнѣе, что долженъ быть сдерживаемъ.

Но смѣшныя стороны есть вездѣ, отъ смѣшнаго и до величайшаго очень близко; можно пародировать самые высокіе предметы; причиной смѣха будешь не охота, но охотникъ; въ охотѣ же, какъ въ наукѣ, нѣтъ смѣшнаго. Много на охотниковъ карикатуръ и часто совершино заслуженныхъ; это означаетъ вмѣстѣ и недостатки охотниковъ и общественное значеніе охоты: на пустяки никто не напишетъ и не нарисуетъ карикатуры; сатира поражаетъ только крупные недостатки, замѣтныя черты нравовъ.

:

Наконецъ, и что весьма важно, охота образуетъ отличныхъ стрѣлковъ или кавалеристовъ для арміи, людей проворныхъ, распоропныхъ и смѣтливыхъ. Почему въ послѣднюю войну, въ Крызу, прославились Винсенские стрѣлки и въ войнахъ Наполеона — стрѣлки Тироля? Потому-что въ горахъ Тирольскихъ живутъ охотники, а въ Винсенѣ существуетъ школа стрѣльбы. Бывшій охотникъ поступаетъ въ военную службу почти готовымъ и хорошимъ солдатомъ: онъ не боится ружья или лошади, что такъ-долго пугаетъ нашего рекрута, не бывшаго охотникомъ. Наши лучшіе стрѣлки въ полкахъ тоже—бывшіе охотники,—что весьма естественно, потому-что они стрѣляли съ молоду и пощадили въ цѣль гораздо меньшую; а въ настоящее время застрѣльщики, какъ известно, играютъ важную роль въ сраженіи. Охота-же на дикихъ звѣрей представляетъ войску людей испытанного мужества; идти съ рогатиною на медвѣдя такъ-же опасно, какъ идти на непріятельскую батарею; можетъ-быть даже больше, потому-что при нападеніи на батарею, ядро или картечь минуютъ многихъ и каждый солдатъ можетъ думать, что авось минуетъ его; но при нападеніи на медвѣдя, кабана или тигра, одинъ-на-одинъ,—этой надежды быть не можетъ; здѣсь одна надежда — на себя, на свое мужество, присутствіе духа, ловкость и силу.

Кромѣ этихъ, высшихъ качествъ, охотникъ имѣеть много другихъ, также весьма важныхъ для войска: онъ привыкъ довольствоваться, въ случаѣ нужды, кускомъ черстваго хлѣба, переносить нещоду, проходить цѣлый день съ ружьемъ или собаками; сидѣть иѣсколько почей съ риду на караулѣ, выжидая или зайца на овѣсѣ или вальдшнѣса на тягѣ, или журавлей на сжатыхъ поляхъ. Всѣ эти качества не оцѣнены въ солдатѣ, и хотя по одному этому надоѣло поощрять охоту, а не пренебрегать ею!

Объ увлечениіи охотою, кажется, нечего говорить и отучить человѣка отъ охоты также невозможно (т. е. настоящаго, въ душѣ охотника), какъ отучить музыканта отъ музыки, живописца — отъ рисования и т. п. Приведемъ только иѣсколько примѣровъ увлечениія охотою.

Одинъ старый французскій аббатъ (когда во Франціи еще были аббаты), строгихъ правилъ, что было тогда болѣшою рѣдкостію,—зажалъ, по дорогѣ, къ барону Б., страстному охотнику, За обѣдомъ, на которомъ было конечно множество самой лучшей дичи, рѣчь зашла объ охотѣ, и аббатъ, кушая филе дикой

коны, пмѣль духъ укорять барона за его страсть къ охотѣ и удивлялся тому — какое удовольствіе можетъ находить порядочный человѣкъ, гоняя зайцевъ, лисицъ или козъ и увлекаясь этимъ съ слѣпою страстью; однимъ словомъ говорилъ тоже, что и теперь говорятъ многіе. Баронъ Б. сначала спорилъ, потомъ замолчалъ и началъ даже соглашаться; но въ это время онъ придумалъ опытъ надѣ самимъ аббатомъ. На другой день аббатъ собрался въ дорогу, сѣлъ въ карету и уѣхалъ. Между тѣмъ съ утра все уже было готово у барона; охотники, пикрёры и венёры, съ гончими и борзыми, ждали появленія аббата у опушеки лѣса и едва показалась вдалѣ карета, «бросили» гончихъ, и закипѣла гоньба, и ожила молчаливый лѣсъ; кучеръ подкупленный барономъ щѣхалъ тихо; аббатъ невольно прислушивался къ дикой, но живой гармоніи лая гончихъ собакъ, криковъ охотниковъ и звуковъ роговъ, то раздававшихся близко, то замиравшихъ вдали. Онъ вспомнилъ время своего дѣтства, свою юность, свою «свѣжесть», когда онъ, веселый мальчикъ, слыхалъ эту музыку и, можетъ-быть, бѣгая смотрѣть на охоту какого-нибудь сосѣдняго графа; а въ то время все казалось хорошо и гладко: вездѣ было столько жизни, увлеченій и поэзій... Не разъ вздохнулъ аббатъ, проѣзжая мимо лѣса. Но вотъ все смолкли, и вдругъ топотъ лошадей и голоса со всѣхъ сторонъ; аббатъ выглянула въ окно; къ нему мчалась охота; заяцъ былъ уже около его лошадей; красивыя борзыя догоняли, «угоняли» его; охотники скакали; заяцъ вертѣлся, то разбрасывая собакъ, то отѣнялся отъ нихъ и когда, у самой кареты, въ десяти шагахъ, онъ былъ пойманъ и окружены всюю стаю, аббатъ высунулся до пояса въ окно и вскрикнулъ съ невольнымъ торжествомъ; но заяцъ спасся, — граціозно выпрыгнулъ изъ толпы собакъ и снова полетѣлъ; тогда аббатъ не вытерпѣлъ, выскочилъ изъ экипажа, началъ самъ потихоньку «атукать» и провожать охоту глазами, приложивъ руку ко лбу отъ солнца, и поднимаясь на пальцы *). Баронъ съ товарищами стоялъ близко за кустомъ и весело смѣялся, торжествуя свою выдумку. Еще не давъ аббату времени прийти въ себя, вся компания подбѣжала къ нему. — «То-то, г. аббатъ», сказалъ баронъ Б., когда поутѣшили смѣхъ и говорѣ, — «не судите людей, пе испытавъ сами ихъ жизни, пхъ положенія, не испытавъ нашихъ интересовъ, страстей и увлеченій. Теперь вы по опыту будете

*.) Все это исторически вѣрно.

знатъ, что охота очень заманчива и простигте насть, слабыхъ смертныхъ; тѣмъ больше, что она никою не вредить ни нравиць, ни выгодамъ нашимъ». Аббатъ былъ столько уменъ и прямодушенъ, что не сконфузился и даже согласился съ барономъ, хотя и побраницъ его за приготовленное представлениe.

Другой случай. Одинъ изъ моихъ родственниковъ, съ толпою сосѣдей помѣщиковъ, съ стремянными и доѣзжачими, въ числѣ пятнадцати или двадцати человѣкъ, былъ на охотѣ. Подозрѣли зайца, начали травить, по заяцъ вдругъ изчезъ въ сорахъ; искали, искали, — нѣть зайца. Всѣ столпились въ кучу, собаки разметались по полю: въ это время охотники слышать,— кричитъ и машетъ шапкою мужикъ па просѣ. «Вонъ онъ! вонъ онъ!» — кричитъ мужикъ, показывая на свою полосу проса, и всѣ пятнадцать человѣкъ бросились туда; заяцъ, засыпавъ топотъ съ одной стороны, бросился въ другую, черезъ полосу проса; собаки и охотники, — всѣ за нимъ и — проса какъ не бывало! Усталаго уже зайца поймали сейчасъ и тутъ только догадался мужикъ, что погубилъ свой хлѣбъ и взвылъ, какъ говорится, голосомъ. Вотъ каково бываетъ увлеченіе охотою! Господа охотники много смѣялись надъ нимъ, но щедро вознаградили за потоптанное просо.

Другой, знакомый мнѣ, помѣщикъ, вовсе не охотникъ, пошелъ разъ, ради прогулки, въ поле, съ ястребомъ па руки и съ собакою; собака подняла не перепелку, какъ ожидалъ охотникъ, но дупеля. Ястребъ за нимъ; дупель летитъ какъ пуря; ястребъ не хочетъ отстать; знакомый мой инстинктивно бежитъ за пуря что-есть-мочи, забывъ въ своемъ увлечениi, что бѣжать вовсе не зачѣмъ, бѣжитъ смотря въ небо, вдругъ и самъ летитъ — въ страшный оврагъ. Онъ больно упался, лежалъ безъ памяти и очнулся отъ поцарапевъ собаки,лизавшей его въ лицо; ястребъ пропалъ и бѣдный охотникъ до-сихъ-поръ не забылъ, какъ ему показалось тогда, что и онъ самъ летитъ за ястребомъ. Онъ умѣлъ рассказывать это очень забавно.

Художникъ К., очень порядочно рисующій животныхъ, (что у насть въ Россіи очень рѣдко), до-сихъ-поръ не можетъ выучиться нарисовать зайца на бѣгу, когда его ловятъ собаки какъ только вскочить заяцъ, вся душа его устремляется за нимъ, онъ уже не художникъ, но страстный охотникъ; онъ забылъ, что хотѣлъ замѣтить направленіе ногъ, шеи, ушей, степень разтяженія тѣла и проч., все забыто въ это время, или отложено до слѣдующаго раза. Потомъ онъ бранитъ себя, обѣщаетъ пе-

принимать участія въ охотѣ и опять никакъ не можетъ сла-
дить съ собою. Это фактъ замѣчательный.

Настаетъ осень; на дворѣ сыро и холодно; съеть мелкій дождь, сплошные и исподвижные облака заволокли небо; съ крыши капаетъ; деревья обнажены и послѣдніе листья падаютъ, крутясь въ воздухѣ, на землю; лѣсъ видѣнъ насквозь; добрый хозяинъ пожалѣсть собаку выгнать на дворъ въ такую погоду; но охотникъ съ радостію выглянуть въ окно; мороза нѣтъ, славный день, опь єдетъ па охоту; скакать собакамъ мягко и не жарко. Опь дождался этихъ дней цѣлый годъ (я говорю объ истинномъ охотнику); онъ мечталъ объ нихъ зимою, сидя въ скучномъ водевилѣ цып переходя изъ комнаты въ комнату, па балѣ и жмурясь отъ излишняго освѣщенія; мечталъ объ осеннихъ дняхъ лѣтомъ, гуляя по разчищеннымъ аллеямъ петербургскихъ острововъ; вздыхая объ этихъ дняхъ, говоря любезности хорошенъкимъ женшинамъ. Въ деревнѣ онъ не дождется — когда-же крестьяне дожнутъ и свезутъ на гумна хлѣбъ: онъ пиаче смотрѣть па скучныя и однообразныя поля наши; для него поле — не пустыня, не безгранична равнина съ овсомъ, рожью, пшеницею и гречихою, вся одного цвета, или зеленая или желтая; для него поле не только кормилица и житница, для него хлѣбъ — не однѣ деньги; поле для него и увеселеніе, и развлеченіе, и наслажденіе *). Пробѣзжая полями, опь соображаєтъ вѣроятности здѣсь или тамъ найти зайца, какъ травить его па томъ холмикѣ за оврагомъ, чтобы не допустить до лѣсу и мало-ли какие у него въ то время вопросы, соображенія и выводы! И вотъ дождался онъ осени; поѣхалъ наконецъ па охоту; и мокнетъ онъ пять часовъ, наслаждаясь вполнѣ и возвратившись домой, съ пятнью, шестью русаками, онъ хотя утомленъ, и охрипъ, и прозябъ, но совершенно доволенъ и счастливъ и, ложась спать, долго мечтає о событияхъ для охоты. Все это буквально вѣрно; ссылаюсь па гг. охотниковъ. Что-же за очарование заключается въ охотѣ?... Пощите-же этого господина въ такую погоду, верхомъ, па ученье, па маневры, или по дѣлу.... Но не даромъ говорятъ, что «охота пуще неволи.»

Послѣ всего сказанаго, легко понять увлеченіе извѣстнаго «Ревельскаго барона», который, бывт изгнанъ нуждою изъ родо-

*) Все это конечно пимало не мѣшасть человѣку быть отличнымъ хозяиномъ, литераторомъ, фабрикантомъ. Только у насъ какъ-то не умѣютъ соединять удовольствія съ пользою, склонности съ разсчетомъ.

ваго имѣнья, пріѣхалъ въ Москву и «рядкомъ съ крыльцомъ, въ трактире скромно поселился»; того барона, который въ тоскѣ по роднымъ полямъ и холмамъ, гдѣ мирно протекали его «осени», проснувшись на зарѣ, увидѣлъ вдругъ, «напротивъ, на стѣнѣ,— картину милой псовой ловли!» Баронъ стремглавъ вскакиваетъ съ постели, вѣроятно въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ спалъ, схватываетъ «свой рогъ охотничій старинный», и трутить, и атакуетъ, и кричитъ, какъ въ старину въ отъѣзжемъ полѣ», — забывъ, что онъ въ Москвѣ, по дѣламъ, въ номерѣ гостиницы. Настоящіе охотники понимаютъ барона и вполнѣ сочувствуютъ ему; тѣмъ больше, что можетъ-быть многіе изъ нихъ бывали сами въ подобномъ положеніи. Съ бѣднымъ охотникомъ, загнаннымъ обстоятельствами, «дѣлами», въ городѣ, особенно въ столицѣ, откуда не видно даже и полей, при наступлении осени дѣлается тоска, грусть по полямъ «Heimweh»— болѣзнь очень опасная, по увѣренію пѣкоторыхъ изъ нихъ.... Одинъ изъ моихъ пріятелей, принужденный обстоятельствами прожить безвыѣздно въ губернскомъ городѣ цѣлую осень и часть зимы, и потерять такимъ-образомъ невозвратно лучшее время года, заказалъ достать живаго русака и помѣстить его въ особой комнатѣ, изъ которой сдѣлалъ онъ родъ театральной декораціи, для большей иллюзіи; почти во всю комнату стоялъ ящикъ съ землею и посыпаною на ней травою; по угламъ и въ разныхъ мѣстахъ — деревья въ горшкахъ и кадкахъ, представившіе странное соединеніе юга и сѣвера, — лимоновъ, померанцевъ, елей и пихтъ, т. е. что можно было достать въ губернскомъ городѣ. — «И все это для зайца!... Говорилъ съ удивленіемъ человѣкъ его, никакъ не хотѣвшій понять, что убранство это было вовсе не для зайца. Раза два, три въ день пріятель мой заходилъ къ своему пѣннику; отворивъ дверь, онъ на долго задумывался, смотря на лежащаго зайца, «вѣроятно переносился на свои родныя поля и острова»; иногда тошнувъ ногою, захлопытывалъ дверь; не разъ вздыхалъ и случалось, когда заяцъ хорошо лежалъ, какъ-будто дѣйствительно въ полѣ, въ зеленяхъ, пріятель мой громко и протяжно кричалъ: — а-ту его! поднявъ къ верху правую руку.... Зимою онъ вырвался изъ города и выпустилъ зайца въ поле.

Но всѣхъ примѣровъ увлеченія охотою не перечтешь; отрицать силу и степень этого увлеченія, — тоже, что отрицать дѣйствіе на насъ музыки. Человѣкъ, не сочувствующій музыкѣ, не имѣеть права отрицать ея вліяніе на душу, и никто не осмѣ-

ится на это; какое-же право имѣютъ неохотники отрицать дѣйствіе охоты, не понимая ее, не сочувствуя ей?... Но памъ стыдно не вѣрить въ силу музыки; а въ силу дѣйствія охоты можно смѣло не вѣрить: насть не сочтутъ за натуры грубыя, сухія и черствыя; тогда-какъ это почти тоже самое, — если только человѣкъ знакомъ съ охотою близко? Публика наша давно живетъ чужимъ умомъ, что въ модѣ въ Европѣ, то уже обязательно и для насть. Назадъ тому лѣтъ тридцать, высшее общество наше, разумѣется—дамы особенно, считало охотниковъ за людей непорядочныхъ; слово «псовый охотникъ» было синонимомъ закоренѣлого провинціала, неотесанного деревенщины; съ этимъ словомъ соединялось въ ихъ умѣ понятіе о грубоosti нравовъ, о пьянствѣ, буйствѣ и тунеядствѣ. Я очень хорошо это помню. Легкомысленные люди, привыкшіе судить только то, что для нихъ обсужденено другими, никакъ не въ силахъ были понять, что въ то время и неохотники провинціали, были точно такими-же, какъ самые записные охотники; что тогда лучшіе люди, имѣвшіе претензію на образованіе, не смѣли быть охотниками; а если нѣкоторые изъ нихъ, по силѣ своей природы, пре-небрегали общимъ мнѣніемъ и заводили охоту, то это считалось несчастіемъ, порокомъ, какъ страсть къ вину, къ картамъ и т. п.

Но явилась англоманія, сначала во Франціи, потомъ конечно и у насть; «спортъ» вошелъ въ моду и тѣ же охотники сдѣлялись другими людьми въ глазахъ прежней публики; охота стала наконецъ не только терпима, но даже уважаема; такова наша публика!... Это историческій фактъ, въ справедливости котораго вѣроятно поручатся всѣ наши старые охотники. Теперь вовсе неохотники въ душѣ заводятъ и собакъ, и ружья, и охотничихъ лошадей, — ради моды и отъ нечего дѣлать. Но въ нашъ вѣкъ самые записные охотники уже не буйные наѣздники «доброго старого времени»; но смиренные и вѣжливые джентльмены въ лайковыхъ перчаткахъ, съ изящными ногтями и если пьютъ вино и водку, то пьютъ не больше другихъ. Многіе изъ нихъ отлично хоятъ, другіе служатъ, даже занимаются науками, литературою и извѣстны своими сочиненіями; ухаживаютъ за дамами являются въ свѣтѣ, одн. слов. настоящіе, неподдѣльные львы; такъ-что, взглянувъ на нихъ, не вѣришь — можетъ ли такой блестящій господинъ прикоснуться къ собакѣ, не только приколоть зайца; станеть-ли Ѣздить подъ дождемъ и снѣгомъ пять часовъ сряду тихимъ шагомъ, усердно ища зайца и обращаясь съ своею спорою заботливо и внимательно, какъ па-

пенька съ дѣтьми! — Да; не вѣрится; все старый идеалъ записанаго охотника предъ глазами. А между тѣмъ это правда; я знаю охотниковъ изъ свѣтскихъ и самыхъ благовоспитанныхъ людей, которые свою собаку не промѣняютъ можетъ-быть на многихъ дамъ, которыхъ ониувѣряютъ въ своихъ чувствахъ; которые даже живутъ въ обществѣ собакъ, и даже спятъ съ собаками,— *autres temps, autres moeurs!*... Все это, конечно единицы, исключенія, самобытныя и независимыя натуры; но общаго типа «новаго» охотника еще нѣтъ.

Теперь англійскія лошади, англійскія собаки разныхъ породъ, англійскія коровы, пѣтухи, стали предметами почетными; пѣтуши и гусинія драки, травяя крысы и мышей терріерами и скочт-терріерами, сдѣлались не порокомъ и не странностію, въ глазахъ нашей публики, но приличною забавою, развлеченіемъ, какъ театръ, концертъ, гулянья и т. п. Явились описанія охотъ Тургенева, и наши господа убѣдились еще больше, убѣдились изъ печатнаго, что и джентльмену можно быть страстнымъ охотникомъ, что человѣку *somme-il-faut* почти должно быть охотникомъ, спортсменомъ. Всѣ стали охотниками.....

По этому можно подумать, что теперь охота процвѣтаетъ въ Россіи, или мы стали образованными охотниками? Нѣтъ, она у насъ въ самомъ жалкомъ видѣ; даже у стариковъ нашихъ она была много лучше, не говоря о томъ, что сами они были охотниками больше насть.— «Нынче такихъ охотниковъ нѣтъ. Какие нынче охотники!» Справедливо замѣчаютъ старики. Теперь многие охотятся ради моды, да кое-какъ; въ старину было-ли то, когда всѣ страсти, влеченія и самые поступки выдавались рельефно, меньше были сдержаны и сдавливены; а теперь —

И ненавидимъ мы, и любимъ мы — случайно,
Ничѣмъ ис жертвую ни злобѣ, ни любви.

Въ молодости москвичъ я зналъ охотника, дворового человѣка старого времени, и человѣка прекраснаго; жена его была ключницей при барскихъ погребахъ, кладовыхъ и ледникахъ; у нихъ было маленькие дѣти, въ впослѣдствіи отличные охотники — *bon chien chasse de race*; старики, когда только могъ, воровалъ у жены молоко; но не для дѣтей, а для щенятъ и подвергаясь бранн, упрекамъ, а нерѣдко и толчкамъ своей половины; но зато въ какомъ видѣ были у него щенята и вообще собаки — о томъ нечего и говорить. Немного найдется теперь такихъ охотниковъ! Къ сожалѣнію, старики изчезаютъ, а съ ними изчезаютъ

и типы старыхъ охотниковъ, и новое поколѣніе будеть имѣть обѣихъ только темное понятіе, по рассказамъ.

Въ Англіи и теперь есть истинные охотники; тамъ напр. многие богатые люди (Лорды, конечно, а не банкиры или откупщики) отказываютъ своимъ фермерамъ и хлѣбопашцамъ и перестаютъ пахать поля, стараясь чтобы на земляхъ ихъ было меньше людей и въ слѣдствіе этого—больше дичи. Конечно, нечего хвалить подобное распоряженіе (можетъ быть отчасти и полезное для Англіи); но оно доказываетъ силу желанія и силу страсти человѣка; если такой человѣкъ что-нибудь полюбитъ, то полюбитъ сильно, постоянно и нажерствуетъ многимъ и «злобѣ и любви» своей; полюбить не такъ какъ любить напр. картофель, малину или яблоки. Наша природа конечно не бѣднѣе англійской; но мы не смыслимъ еще сильно и отъ всей души предаваться чему-нибудь, не говоря даже обѣ охотѣ; не смыслимъ быть самими собою.

Натурально человѣкъ не долженъ предаваться охотѣ съ излишествомъ, исключительно, безумно; точно-также какъ вредно бросать все для музыки, картъ и всякой другой страсти и склонности; «дѣлу время и потѣхѣ часть», говоривъ мудрый царь Алексѣй Михайловичъ;—я хотѣлъ только сказать, что должно заниматься всѣмъ не какъ-нибудь, но съ желаніемъ и требованіемъ возможнаго совершенства. Обѣ этомъ-то у насъ никто и не заботится.

Наши охотники (и коннозаводчики многие)—и не знающіе и отсталые люди; они не знаютъ какъ содержать и выводить собакъ, и не имѣютъ понятія о томъ, какъ должно охотиться; дома у нихъ все идетъ кое-какъ, а на охотѣ они Татары, а не образованные люди; исключений очень немногого. У нихъ напр. не знаютъ какихъ статей и формъ должна быть собака псовая, горская, шотландская, сетерь или пойнтеръ; не знаютъ отличительныхъ чертъ, нравственныхъ и физическихъ, той или другой породы; вообще типъ растѣ и характеристическая свойства ихъ не знакомы нашимъ охотникамъ, и потому тѣмъ меньше знаютъ они — что выходить изъ смысли разныx породъ и какъ производить эту смысль, чтобы достигнуть желаемыхъ результатовъ, въ чемъ такие мастера Англичане.

Но всѣхъ недостатковъ, заблужденій и ошибокъ ихъ не перечтешь; всѣ они доказываютъ и незнаніе и отсталость и ложный взглядъ охотниковъ, и что всего хуже, охотники не считаютъ даже и важнымъ заботу обо-всемъ этомъ. Журналъ Охоты (ко-

нозаводства и т. п.) долженъ принести именно ту пользу, что мало-по-малу можетъ очистить и просвѣтить подобныя понятія. Въ этомъ отношеніи исправлять охоту, т. е. образовывать человѣка, со сторсны его страсти на охотѣ, также полезно какъ исправлять коннозаводство и всякое хозяйство. Не всѣ могутъ писать объ овцеводствѣ, вѣлѣкахъ и молотильныхъ машинахъ; пусть же «кто на чёмъ гораздъ», какъ говорять въ народѣ — «на томъ и играетъ.»

Кромѣ того, Журналъ Охоты можетъ имѣть и историческое значеніе, показывая современное состояніе забавы, промышленности и занятія охотою, точно также-какъ и всѣ литературные журналы, рисуя современные нравы, понятія и бытъ охотниковъ и близкихъ къ нимъ людей. Онъ можетъ принести намъ большую пользу и потому, что собереть и сохранить знанія и опытъ стариковъ. Большая часть нашихъ практическихъ, знающихъ охотниковъ никогда не писали и вѣроятно не будутъ писать и, безъ ревностнаго лѣтописца, любопытныя, драгоценныя свѣдѣнія ихъ, вѣроятно, умрутъ вмѣстѣ съ ними.

Ревельскій Варенъ.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Да слова о масляницѣ. — Бѣдный очеркъ темнаго міра. — Баль и вѣсколько знаменитостей. — Новый скрипачъ Лебузъ. — О концертахъ. — Пьянство Герцъ и другія музыкальныя свѣтила. — Маги. — О скромныхъ двигателяхъ въ театрѣ: — Гг. Перро, Пейсарь и Вороновъ. — Новые пѣвицы. — Перестройка театровъ.

Какъ вспомнишь, чтѣдѣлалъ Петербургъ на масляницѣ такъ за человѣка становится странно!.. Что это такое? Вѣдь это просто какой-то водоворотъ, омыть общаго безумія. Я говорю: общаго безумія, потому что отдельно-то каждый житель Петербурга и въ продолженіи масляницы сохраняетъ обычное благоразуміе, солидность и даже хоть притворную скромность... Но взгляните такъ, вообще на весь городъ — боги милостивые! что въ чёмъ творится! Слово: масляница — кличка обжорливости и бѣснованію. Вдругъ, ни съ того ни съ другого, самый умѣренный и воздержный смертный пришибается истеблять ужасающее количество блиновъ и икры. Самый скромный и смиренный смертный, сбросивъ форменный вицмундиръ, вишивать: вице-кафтанъ, пускается, что называетъ, во всѣ нелегкія. Театры всѣ, отъ итальянской оперы до русской, биткомъ набиты п утромъ и вечеромъ. Въ маскарадѣ тѣсно; на улицѣ про-

ходу нѣть отъ подгулявшей мастеровщины; старики, лѣти, пяньки, са-
новники, чиновники, офицеры и проч. и проч. все петербургское населе-
ніе поставляетъ себѣ долгомъ повеселиться на масленицы. Блины смѣ-
няются катаньемъ, катанья спектаклемъ, спектакли балами, балы до-
 машними представлениями.... и конца этому нѣть. Трудятся на маслени-
циѣ только повара, кухарки, извозчики, содержатели различныхъ шата-
тельныхъ заведеній и жрецы и жрицы балаганного искусства, — послѣд-
ние собираютъ жатву съ загулявшагося человѣчества и запасаются на весь
годъ.

По-всей-вѣроятности читателю очень мало знакомъ темпій міръ ба-
лаганыхъ артистовъ; а онъ, между тѣмъ, не лишенъ нѣкоторой зани-
мательности. Хотите блѣдный очеркъ этого темнаго міра.

Вотъ онъ:

Кругъ балаганыхъ артистовъ дѣлится на пѣсколько разрядовъ. Есть
тутъ, во первыхъ, артисты, специально посвятившіе себя на служеніе ба-
лаганному искусству и стяжавшіе даже на свое мъ трудномъ и неблагодар-
номъ поприщѣ нѣкоторую известность. Кто, напримѣръ, цѣ знаетъ
семейства Легата, недавно умершаго, или семейства Вейнерть, отличаю-
щагося уже нѣсколько лѣтъ на Крестовскомъ у Русскаго трактира. Тай-
ны пантоминаго искусства, кувыркавыя, хожденія по канату и другихъ
болѣе или менѣе трудныхъ штукъ, переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ
и составляютъ все ихъ достояніе, ихъ единственное наслѣдственное богат-
ство. Артисты этого разряда смотрятъ на свое ремесло съ гордостью и
чувствомъ собственного достоинства, дѣломъ своимъ они занимаются съ
любовью и не лишены нѣкотораго артистического тщеславія. Рукопле-
скианія развеселой толпы пріятно дѣйствуютъ на ихъ самолюбіе и вызы-
ваютъ ихъ нерѣдко па самые отчаянныя подвиги и самопожертвованія въ
пользу искусства. Такіе артисты любить за кружкой пива потолковать о
своемъ дѣлѣ, любить разсказать другъ другу о своихъ успѣхахъ и разу-
мѣется, прихващнуть при этомъ. Потомъ, есть артисты, отличающіеся
какимъ-нибудь однимъ званіемъ, полезнымъ и даже необходимымъ при
балаганномъ искусстве, напримѣръ: умѣньемъ составлять бенгальскіе огни
и устроивать фейерверки. Такой артистъ почти всегда домашній другъ
въ одномъ изъ артистическихъ семействъ первого разряда и существуетъ
или на счетъ ближняго, или занятіями, не принадлежащими области бала-
ганного искусства, какъ составленіемъ, напримѣръ, блестящей ваксы, раз-
веденіемъ и выкармливаніемъ собакъ и т. п. Есть, за тѣмъ, маленькие
барумы, дѣйствующіе въ сфере балаганного искусства своими капиталами

и способностью отыскивать на бѣломъ свѣтѣ разныя диковинки въ родѣ карликовъ, альбиносовъ и Юлій Пастраль. Къ такимъ барнумамъ принадлежитъ въ Петербургѣ знаменитая когда-то вафельница — г-жа Гебгардтъ. Она славится своимъ гостепріимствомъ; почти всѣ, болѣе или менѣе извѣстные личности по балаганной части, знакомы съ нею и нерѣдко пользуются ея опытностью и наставлѣями. Есть еще артисты-дилетанты, выступающіе на балаганное поприще только въ извѣстное время, т. е. на масляницѣ и на Святой и единственno по страсти къ спектакльскому искусству. Представить офицера или прекраснаго разбойниччьего атамана для такого дилетанта — верхъ наслажденія; всѣ добытыя имъ деньги онъ съ радостью готовъ пропить съ пріятелемъ, похвалившись его игрой. У каждого подобнаго дилетанта есть свое особое амплуа, которое онъ измѣняетъ только въ крайней необходимости. Любители эти никогда не наживаются дешевъ, да объ этомъ они и не хлопочутъ, имъ только-бы поиграть. Прекрасный полъ этого разряда, представляющій прелестныхъ турчанокъ и не менѣе прелестныхъ россиянокъ, похваляемыхъ разбойниками, турками и офицерами, — весьма темнаго происхожденія и красоты сомнительной. Наконецъ къ числу балаганной братіи слѣдуетъ прибавить разрядъ, заслуживающей особеншаго участія и состраданія, разрядъ бѣдныхъ дѣвушекъ, рѣшающихся явиться на балаганныхъ подмосткахъ только по вопіющей нуждѣ. Такъ у покойшаго Легата, напримѣръ, въ группахъ ставили нерѣдко очень порядочные дѣвочки, дочери бѣдныхъ чиновниковъ. И повѣрьте мнѣ, милостивые государыни, бѣдныя дѣвочки эти, не смотря на свое жалкое положеніе, красоту и молодость, вели себя скромно и честно. Гдѣ-нибудь на Охтѣ или на Пескаре въ сырой каморкѣ голодная и обворванная семья благословляла добрую сестру, большая мать и выбывающая изъ силъ труженикъ-отецъ горячо обнимали и благодарили дочь, на которую вы, милостивые государыни, извѣстныя покровительницы бѣдныхъ, смотрѣли можетъ быть съ презрѣніемъ. Какъ легко иногда ошибаться!....

Продолжая свой слабый очеркъ я долженъ замѣтить, что описываемый мною темный мірокъ, дробясь до безконтрольности, имѣеть, разумѣется, свою аристократію и своихъ презрѣнныхъ плебсовъ. Старики съ пепельковыми бородами и не совсѣмъ цензурнымъ краснорѣчиемъ, и подозрительныя испанки и турчанки, отличающіяся па круглыхъ качеляхъ, *самокатахъ*, страшными тѣлодвиженіями, предсказывающими будто-бы польку и другое, благородные танцы, суть плебсы балаганного человѣчества — это ясно и вѣрно, какъ дважды два — четыре. Появление труппы на балконѣ и

закликаніе посѣтителей — признакъ дурнаго тона и въ аристократическихъ балаганахъ не допускаются.

Жизнь этого бѣднаго человѣчества, отличающагося дважды въ годь на адмиралтейской площади, представляетъ много занимательнаго для охотника, по боясь оскорбить изящный вкусъ моихъ читателей вѣсколько грязными картинами и впачесть въ слишкомъ длинное разглагольствованіе я стану говорить только о томъ времени, когда это человѣчество является на судъ почтенной публики. Тѣ изъ балаганныхъ артистовъ, что побогаче, съ наступлениемъ масляницы, принимаются за дѣло очень просто; за деньги являются: архитекторъ, подрядчикъ, матеръяль, труппа, касиръ и прислуга. Дѣло влѣается само-собою, безъ особыхъ хлопотъ и затруднений. Не такъ легко тѣмъ, у кого нѣть собственнаго капитала, а нужно отыскивать его у другихъ. Скоро-ли еще найдешь охотника, да еще каковъ этотъ охотникъ; иной разъ попадется такой, что не радъ и жизни. Обыкновенно принявшій на себя расходы по устройству балагана собираетъ прежде всего доходы себѣ и, только уже за покрытіемъ съ лихвою его издержекъ, барышами начинаютъ пользоваться антрепренѣръ и его труппа. Самые бѣдныя балаганные артисты поступаютъ въ какую-нибудь труппу, просто на поденную плату, или-же составляютъ компанію, которая, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, дѣлится между собою барышами.

Для-з-два до масляницы въ недостроенномъ еще или по-крайней мѣрѣ въ неотѣлланномъ балаганѣ, при сильнѣйшемъ сквозномъ вѣтре, въ холодѣ и сырости, начинаются репетиціи. Много хлопотъ и непрѣятностей антрепренеру; артисты по-большей-части отличаются необычайнымъ, приводящимъ въ отчаяніе, тупоуміемъ; даровитые *сюжеты* мужскаго пола придерживаются горячихъ напитковъ, или невыносимо самолюбивы и капризы. Между-балаганныя интриги, переманиваніе артистовъ и машинистовъ, ссоры, доходящія часто до рукопашныхъ боевъ, изчезновеніе прелестныхъ коломбій и турчанокъ, заключеніе въ полицейскіе, исправительные уголки разбойничьяго атамана и тысячу подобныхъ этому еловыхъ шишекъ валяются на голову бѣднаго Макара, т. е. антрепренера балаганной труппы. Бѣдный Макарь теряетъ терпѣніе и голосъ, падаетъ духомъ и, нерѣдко, съ горя конечно, напивается самъ до положенія ризъ. Наступаетъ, пакощецъ, первый день масляницы, желанный флагъ поднять, музыка грянула въ разныхъ концахъ площади торжественные марши, klarinetъ фальшиво и неистово заливается вмѣстѣ съ пѣсенниками на самокатахъ, испанки и турчанки затряслись въ усладу собравшейся толпы,

погода стоитъ хорошая, народу много, приближается вожделенная минута. О! какъ бьется сердце антрепренера, что пошлетъ ему судьба: барыши или убытокъ? Антрепренеръ въ лихорадкѣ, дрожать и артисты, не столько отъ волненія, сколько отъ холода, балаганъ наполняется посетителями. Антрепренеръ сущится въ изорванныхъ кулисахъ.

— Ради Бога, — говорить онъ одному изъ своихъ артистовъ, — ради самого Бога, не стрѣляй ты, Еремей Афанасьевичъ, прямо въ рожу Петру, ты ему глаза выжжешь, бери немного вверхъ.

Ты — обращается онъ къ примадоннѣ — не стой, сдѣлай милость, такой колодой, когда разбойники убиваютъ тебя; ты этакъ ручками прибройся, ты вѣдь боишься, поснимаешь, вѣдь они убить тебя хотятъ... и потомъ не таращи ты такъ буркалы-то свои, когда Еремей Афанасьевичъ открывается тебѣ въ любви, ты вѣдь невинная девица, ты должна глаза внизъ опустить, застыдиться.

— Ты ради Создателя, Иванъ Иванычъ, будь осторожнѣе и не пей; а то съ пьяныхъ-то глазъ ты, чего доброго, и вправду пырнешь кого-нибудь ножомъ, воздержись до вечера, вечеромъ хоть окатись.

— Вы, не торопиться зажигать бенгальскій огонь, смотри на меня; я вотъ такъ саблей взмахну, тогда и валяй.

— А ты ужъ пазузился, окаянный,—ахъ, ты каторжный, Бога ты не боишься! Ну, какъ ты станешь плясать, вѣдь у тебя, смотри, теперь уже ноги переплетаются....

Бѣгаеть несчастный антрепренеръ по сценѣ, поправляетъ покривившуюся турецкую палатку, поглядываетъ тревожно въ дырочку зашавѣса — много-ли народу; распоряжается на право и на лѣво, изъ силъ выбивается. Нужно-ли добавлять, какъ грязно, изорвано, бѣдно и жалко все, что окружаетъ этого хлопотуна?.. Какой отвратительный видъ представляютъ, вблизи и при дневномъ освѣщеніи, всѣ эти холщевые и бумажные дома, залы, лѣса и проч.? Какія грязныя лохмотья прикрываютъ прелестную турчанку или очаровательную коломбину; какъ разить сивухой отъ турецкаго сultana или ловкаго арлекина; какъ, однимъ словомъ, все здесь кричать о той страшной бѣдности, которой мы съ вами, милостивыя государыни и милостивые государи, и знать не хотимъ?.. Холодъ, сырость, сквозной вѣтеръ, голодъ и ломанье въ продолженіи цѣлаго дня — вотъ розы, которыми усыпашь путь балагашыхъ артистовъ. Неужели они не заслуживають состраданія?..

Вечеромъ истомленная труппа оживаетъ. Но окончанія послѣдняго представлениія, вся эта вата гаситъ спѣшить сбросить великолѣпныя театраль-

Отд. III.

4

шная лохмотья, чтобы облачиться въ свои собственныя, получить заработанный грошъ и часто, увы! пропить его въ ближайшемъ трактирѣ. При раздачѣ поденной платы не обходится безъ шума и исторій; хозяинъ дѣлаетъ различные вычеты: то за изорванный костюмъ, то въ видѣ штрафа за невоздержность и какой-нибудь чрезчуръ буйный и неприличный поступокъ; артисты спорятъ, крупная брань сыпится перекрестнымъ огнемъ, и хорошо еще если не случится драки. За тѣмъ почти весь балаганый міръ переселяется въ трактиры. Аристократія собирается преимущественно въ Лондонѣ, гдѣ попойка и хвастовство дятся далеко за полночь. Все горькое и тяжкое, всѣ жизненные терціи забываются здѣсь, и бѣдняки веселятся на славу и толкуютъ все-таки о своемъ дѣлѣ, о своей работе. Всѣ почти комедианты называютъ свое занятіе работой: когда я работалъ въ Гамбургѣ, говорятъ они, когда я работалъ на лѣстницѣ, когда я работалъ на неосвѣданной лошади и т. д. Недовольно ли о закулисныхъ тайнахъ темшаго, балаганшаго міра?.. Грязь, бѣдность и горе — картины непривлекательныя и непріятно дѣйствуютъ на благородные нерви. Заглянемъ въ другой міръ, свѣтлый и блестательный, гдѣ все нарядно, гдѣ тепло и привольно.

Въ домѣ.... я неимѣю права назвать гостепріимныхъ и радушныхъ хозяевъ, но многіе вѣроятно догадаются — о комъ идетъ рѣчь; въ одномъ домѣ, который красенъ не только углами, но и пирогами, бытъ недавно, т. е. на масляницѣ, балъ, домашній спектакль и концертъ. О балѣ сказать многое трудно; во-первыхъ, всѣ они похожи одинъ на другой; во вторыхъ, оставляютъ по-большей-части впечатлѣніе неопределеннѣе. Вспоминая балъ, вы представляете себѣ, прежде всего, залу большую, свѣтлую, вѣсколько жаркую атмосферу; потомъ, музыку и, наконецъ, уже передъ вами мелькаетъ безчисленное множество лицъ. Если вы въ хорошемъ расположени, воображеніе рисуетъ вамъ лица, болѣе пріятныя, опредѣленіо, сливая остальныхъ въ неструю, блѣдную массу; если въ дурномъ, на первомъ планѣ — лица, сильно надѣвшія вамъ. На каждомъ балѣ встрѣтите вы господь съ постными, вытянутыми лицами, не известно за чѣмъ явившихся сюда; встрѣтите непремѣнно, доживающую съ озлобленіемъ свой вѣкъ, старую дѣву, съ морщинистымъ и коричневатымъ лицомъ; эта общественная язва, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, слѣдитъ зорко за молодымъ поколѣніемъ и — горе неблагоразумнымъ! Встрѣтите добродушнѣйшаго старичка, пріятно улыбающагося всѣмъ и каждому. Встрѣтите офицера, поразительно ловкаго и красиваго собою, но довольно молчаливаго. Встрѣтите милѣйшую старушку, убѣжденну-

что решительно все влюблены въ ея дочь. Встрѣтите, наконецъ, прелестную брюнетку, блестящую своей красотой и очаровательную блондинку, воздушную и легкую. Все это—такіе общіе признаки, которые идутъ ко всѣмъ баламъ въ мірѣ, не опредѣляя особенно ни одного. Баль, о которомъ зашла здѣсь рѣчь, былъ весьма оживленъ. Въ числѣ гостей собралось мнѣго знаменитостей различнаго рода; тутъ было мужчинъ среднихъ лѣтъ, съ довольно полнымъ лицомъ, большою бородою, длинными черными волосами и ушами, выразительными глазами, гость въ Петербургѣ—г. Теофиль Готье. Пользуясь тѣмъ, что г. Теофиль Готье не станетъ читать моего фельтона, я могу еще прибавить, что наружность его, съ первого взгляда довольно серьезная и даже мрачная, мгновенно измѣняется и оживляется, когда онъ начинаетъ говорить. Въ началѣ разговора рѣчь его какъ-будто не совсѣмъ свободна, онъ словно ищетъ выраженій; но, одушевляясь постепенно, рѣчь эта превращается въ неудержимый потокъ краснорѣчія, въ которомъ и парадоксы проскаиваютъ незамѣтно, словно ихъ и не было. Подъ иностранной знаменитости должно упомянуть и о нашихъ; было нѣсколько литераторовъ, художниковъ, были знаменитости шахматнаго міра, какъ И. С. Шумовъ и т. д. Перечень былъ бы неполонъ, еслибы я умолчалъ о пѣвцахъ гг. Эверарди, Кальцолари и Монжини и новомъ скрипачѣ г. Лаубѣ. Правда, сказать что-нибудь новое о первыхъ трехъ почти невозможно, такъ много уже говорено и писано о нихъ, но не могу отказать себѣ въ удовольствіи остановиться на г. Эверарди. Я рѣдко встрѣчать наружность, болѣе располагающую къ себѣ, наружность, болѣе открытую. Его красивое, блѣдное лицо, всегда оживленное и радушное, большие, умные, черные какъ уголь глаза, живая манера и необыкновенно симпатическій голосъ, не только въ пѣніи но и при разговорѣ, съ первого взгляда привлекаютъ къ себѣ каждого. Есть что-то обаятельное въ этой прекрасной личности, и чѣмъ ближе знакомитесь вы съ г. Эверарди, тѣмъ сильнѣе правится онъ вамъ. Въ пѣніи какъ-будто отражается вся наружная красота его. Бархатный голосъ Эверарди производитъ глубокое впечатлѣніе на слушателя, если только у слушателя не желѣзные нервы. Эверарди очень хорошо знаетъ музыку и отлично владѣеть своимъ голосомъ. Во время пѣнія, на подвижномъ лицѣ его отражается характеръ каждого слова, каждого звука, каждой нотки; но нѣть и саѣда усиля, въ самыхъ трудныхъ пассажахъ. Г. Эверарди уже пріобрѣлъ европейскую извѣстность, но смѣло можно предсказывать, что извѣстность эта должна разростись и увеличиться.

Г. Фердинандъ Лаубѣ, скрипачъ Е. В. Короля Пруссіа и Е.

В. Великаго Герцога Саксен-Веймарскаго и солистъ королевской оперы въ Берлинѣ, играть весьма хорошо, но, кажется, подверженъ нѣсколько слабости, которою страдаютъ многие скрипачи новой школы и преимущественно г. Ап. Контскій, т. е. слабостью къ такъ называемымъ музикальнымъ фокусамъ. Можеть-быть со стороны г. Лауба, эта — уступка вкусу петербургской публики, которая когда-то сильно увлекалась г. Ап. Контскимъ; дай Богъ, чтобы это было такъ и чтобы г. Лаубъ, какъ можно скорѣе убѣдился, что не всѣ въ Петербургѣ увлекаются музикальными фокусами. Рѣшительшаго суда, впрочемъ, о новомъ скрипачѣ еще нельзя высказать — подождемъ его концерта. Для желающихъ — вотъ краткій біографіческій очеркъ, заимствованный изъ одной газеты:

«Г. Лаубъ родился въ 1832 году въ Прагѣ и получилъ музикальное образованіе въ тамошней консерваторіи. Четырнадцати лѣтъ онъ отправился въ Вѣну и явился тамъ на концертной эстрадѣ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. За тѣмъ, онъ путешествовалъ по Германіи, игралъ въ Мюнхенѣ, Стутгартѣ и другихъ городахъ. Успѣхъ его былъ тотъ-же, а извѣстность росла съ каждымъ годомъ. Скоро во всей Германіи заговорили о его замѣчательномъ таланѣ. Блестящая репутація, пріобрѣтенная молодымъ артистомъ, была причиною того, что г. Лаубъ получилъ приглашеніе въ Лондонъ, во время всемірной выставки для участія въ фестиваляхъ и концертахъ. Ему пришлось здѣсь соперничать съ Вѣтаномъ, Сивори и другими первоклассными виртуозами, уже пользовавшимися европейскою знаменитостью. Изъ этого испытанія г. Лаубъ вышелъ съ такимъ успѣхомъ, что въ слѣдующемъ году (1852) снова явился въ Лондонъ и вторично удостоился цѣлаго ряда тріумфовъ. Отсюда онъ былъ приглашенъ въ Веймаръ, чтобы занять мѣсто знаменитаго скрипача Іохима, въ качествѣ концертмейстера и каммервиртуоза. Въ послѣднее время г. Лаубъ находился въ Берлинѣ, гдѣ и до-сихъ-поръ состоить первымъ скрипачемъ при королевскомъ оперномъ театрѣ и придворнымъ виртуозомъ.»

Берегите ваши карманы! наступаетъ ужасное время — концерты днемъ, концерты вечеромъ, концерты въ залахъ, концерты въ театрахъ, концерты просто, концерты съ живыми картинами.... Боже праведный! сколько музыки и сколько денегъ! Надо сказать правду — гг. музыканты, особенно пріѣзжіе, слишкомъ высокаго понятія и о себѣ и о нашихъ карманахъ; они не задумываются назначать за входъ цѣны баснословныя, у нихъ въ сторонѣ всякая скромность и умѣренность. Воображенію моему представляются опечаленные лица тѣхъ небогатыхъ родителей, которымъ

судьба послала дѣтей съ музыкальными наклонностями.... Хотѣлось-бы какому-нибудь Александру Федоровичу или Ольгѣ Павловнѣ свозить своихъ дочерей, ихъ положимъ три и все они очень хорошія музыкантши, въ концертъ знаменитаго пьяниста Генриха Герца, удостоившаго Петербургъ своимъ постѣщеніемъ; но съ грустью видѣть и Александръ Федоровичъ и Ольга Павловна, что жѣлание ихъ невозможно, цѣны назначены невѣроятныя: ложа 2-го яруса стоитъ *десять рублей серебромъ*, ложа 3-го яруса, это очень wysoko, стоитъ *шесть рублей* — для бѣднаго и семейнаго человѣка — сумма большая! Жаль мнѣ и васъ молодой человѣкъ, влюбленный въ свою скрипку и жаждущій послушать хорошаго скрипача и поучиться; жаль, если вы не богаты, вамъ закрыты желанныя двери, они отворяются только такимъ Ключемъ, какимъ вы не владѣете. Пять, шесть концертовъ раззорять васъ, а вамъ нужно жить, одѣваться, платить за уроки. Если все концертисты пытавшія поста послѣдуютъ примѣру гг. Герца и Лауба, я поздравляю петербургскія карманы; иному пожалуй благородное искусство покажется... не знаю какимъ.

Кромѣ гг. Герца и Лауба, которые уже назначили свои концерты и скрипача Іотти, который собирается назначить, въ Петербургъ ждутъ пѣвца Парижской комической оперы Стокгаузена.

Кромѣ концертовъ, предстоящихъ въ наступившемъ посту, появились въ Петербургѣ фокусники, магики и чуть-чуть не чародѣи. Но о нихъ когда-нибудь послѣ, а теперь поговоримъ о лицахъ, которыхъ очень мало знаетъ большинство публики и которые, между-тѣмъ, играютъ весьма важную роль въ дѣлѣ сценическаго искусства. Милости просимъ на свѣтъ Божій, гг. режиссеры, дирижеры и другіе невидимые двигатели и жрецы драматического искусства. Если журналы и газеты имѣютъ право восхищаться артистомъ, а порой и по прекашутъ его какимъ-нибудь грѣшкомъ, почему не воздать и вамъ, тайные жрецы, по заслугамъ. Печатно говорять о добрыхъ и дурныхъ помѣщикахъ, о чиновникахъ, погруженныхъ во взяточничество, и чиновникахъ, безкорыстно и благородно подвизающихся на пользу отечества, о писателяхъ и редакторахъ, — почему-бы не поговорить о режиссерахъ, дирижерахъ, сирѣчь капельмейстерахъ и всѣхъ тѣхъ господахъ, которые нерѣдко бывають причиной и успѣха и неуспѣха сценическихъ представлений?

Велика, многосложна и трудна обязанность режиссера. Въ одномъ лицѣ должны соединяться природный умъ, образованіе, развитый и изящный вкусъ, знаніе сцены, горячая любовь къ искусству, твердость воли и

характера , способность отгадывать и направить молодое дарование , полагающее беспристрастие и , наконец , умение внушить къ себѣ уваженіе , любовь и довѣріе артистовъ . Чѣмъ сложнѣе обязанность режиссера , тѣмъ выше , разумѣется , заслуга его . Зритель , восхищающійся представленіемъ обязанъ режиссеру ; зритель , приходящій въ отчаяніе отъ дурнаго исполненія пьесы , долженъ порицать режиссера . Актеръ не на своею мѣстѣ — виноватъ режиссеръ , актеръ не знаетъ роли — виноватъ режиссеръ , актеръ не понимаетъ роли — виноватъ опять-таки режиссеръ ; спектакль скученъ , актеры одѣты дурно , путаются по сценѣ и не знаютъ своихъ мѣстъ — во всемъ виноватъ все тотъ-же режиссеръ ; за то , если на оборотъ , все хорошо — честь и слава режиссеру . Довольно важную роль играетъ также въ оперѣ и капельмейстеръ ; въ его власти поддерживать самого плохаго пѣвца и погубить весьма хорошаго . Ему стоять ускорить темпъ или замедлить его и дѣло пойдетъ вверхъ ногами . Объяснивъ нѣсколько значеніе и кругъ дѣйствія этихъ важныхъ на сценѣ лицъ , посмотримъ , какъ исполняютъ они свое дѣло у насъ ; начнемъ съ Большаго театра .

Я пропускаю режиссера и капельмейстера Итальянской Оперы , потому-что при такихъ артистахъ , изъ какихъ состоять у насъ Итальянская Оперная труппа , они не играютъ слишкомъ большой роли ; но , во всякомъ случаѣ , должно отдать имъ полную справедливость , все и всегда слажено и обставлено безупречно ; оркестръ играетъ стройно и вѣрно , многие изъ музыкантовъ пользуются даже извѣстностью . При такихъ благопріятныхъ условіяхъ на долю капельмейстера выпадаетъ не много труда . Не трудно также и режиссеру обставить оперу при артистахъ , каковы Г-жи Бозіо , Лотти , гг . Тамберликъ , Эверарди , Кальцолари и проч .

Итакъ первое мѣсто на Большомъ Театрѣ принадлежитъ по всей справедливости балетмейстеру г . Перро . Одинаццатилѣтняя дѣятельность его , онъ пріѣхалъ сюда въ 1848 году , при Фанни-Эльслеръ , представляя длинный рядъ истинныхъ заслугъ на балетномъ поощреніи . Попадить съ такимъ огромнымъ количествомъ различныхъ характеровъ и самолюбій ; съумѣть , не обижая никого , обставить балетъ такъ , чтобы и публика восхищалась имъ ; выдвинуть и показать молодое дарование въ настоящемъ свѣтѣ — дѣло-по-истинѣ не легкое . Но все это составляетъ только меньшую половину заслугъ г . Перро . Припомните , сколько составлено имъ танцевъ и группъ , и какихъ группъ . Припомните , какой прекрасный актеръ самъ г . Перро , сколько чувства , теплоты и естественности въ его мимикѣ . Припомните все это и вы согласитесь , что такой

балетмейстеръ находка для нашей сцены, что онъ рѣшительно незамѣнна. Прекраснѣшіе балеты: Эсмеральда, Катарина, Война Женщинъ, Газельда, Фаусть, Армида, Наида и Рыбакъ и, наконецъ, Дриада — остаются на нашей сценѣ, на долго, прочными памятниками необыкновенной даровитости, воображенія и изящнаго вкуса г. Перро. Въ подтверждение сказанного о сценическомъ искусствѣ г. Перро я-бы могъ напоминать о превосходной, истинно трогательной сценѣ въ Эсмеральда, где Пьеръ-Гренгоаръ рыдаетъ передъ темницею Эсмеральды, мимическую сцену у фонтана смѣха въ Армидѣ и сотни другихъ. Но кто-же сомнѣвается въ даровитости этого любимца и публики и закулиснаго міра. Доказательствомъ необыкновенного искусства г. Перро ставить кордебалетъ и устраивать превосходныя группы могутъ служить: кордебалетъ съ ружьями въ Катаринѣ, всѣ танцы кордебалета въ Газельдѣ, кордебалетъ въ Армидѣ и въ 1-мъ дѣйствіи Дриады. Вездѣ видно неистощимое воображеніе, чисто-артистический вкусъ и искусство, соединенное съ опытностью. Въ послѣдній спектакль на маслашицѣ г. Перро быть вызванъ и осыпанъ громкими рукоплесканіями. Такое впечатліе публики дѣлаетъ честь и ей и артисту, вполнѣ заслужившему это.

За г. Перро, должно обратиться съ искреннею благодарностью къ режиссеру нашей французской труппы, г. Пейсару. Его добросовѣтный трудъ и зданье своего дѣла видны въ постановкѣ каждой пьесы. Взглядите, какъ все слажено и округлено, съ какимъ неподражаемымъ ансамблемъ разыгрываются на сценѣ Михайловскаго театра французскія пьесы. Положительно можно сказать, что многія изъ нихъ, не имѣя никакого внутренняго достоинства, только и держатся на сценѣ и даже нравятся публикѣ, благодаря превосходной постановкѣ. Зритель не входитъ въ подробныя изслѣдованія, почему именно пьесы поставлены хорошо и хорошо разыгрываются, онъ прямо приписываетъ это искусству и умѣнию режиссера, на которомъ лежитъ священная обязанность помочь артистамъ своими замѣчаніями, показать имъ мѣста, позаботиться о такъ называемыхъ аксессуарахъ, раздать вѣрно роли, забывая всякия личные отношения и все сладить.

Переходя со сцены Михайловскаго театра на сцену Александринскаго, я, увы! долженъ высказать нѣсколько горькихъ истинъ режиссеру русской драматической труппы, что можетъ онъ сдѣлать? Весьма много. Онъ можетъ, во-первыхъ, и долженъ заботиться о лучшемъ выборѣ пьесъ; если цѣль ничего замѣчательнаго-новаго, найдется не малое количество пьесъ старыхъ, но очень хорошихъ. Онъ можетъ дать хоть какое-нибудь опредѣленное

направлеше драматическому искусству, изгоить напримѣръ всѣми силами отвратительную рутину, вводить простоту и естественность. Оно можетъ выдвигать молодыя дарования, но выдвигать ихъ, не какъ средство заманивать публику, потому-что такая-то или такой-то въ модѣ, т. е. пе наваливать на одно и тоже човое и модное лицо весь репертуаръ. Такою системою рѣшительно убивается всякое дарование; во-первыхъ, молодая артистка слишкомъ рано начинаетъ сознавать собственное достоинство и уже съ меньшимъ жаромъ и трудолюбиемъ занимается своимъ дѣломъ; во-вторыхъ, ей и некогда заняться порядкомъ, при огромномъ количествѣ ролей, которые ей навязываются. За тѣмъ режиссеръ долженъ и имѣть неотъемлемое право наблюдсти, чтобы артисты выучивали свои роли; наблюдсти, чтобы какой-нибудь юный артистъ по неопытности не вышелъ, напримѣръ, въ роли мальчишки городничаго, въ Ревизорѣ, съ англійскимъ проборомъ на затылкѣ; наблюдсти, чтобы гости и придворныя лады, герцоги безъ рѣчей и тому подобныя лица имѣли хоть сколько-нибудь благовидную царужность; чтобы *многочисленная* толпа народа не состояла изъ трехъ статистовъ и пяти воспитанниковъ, чтобы въ великолѣпной гостиной не стояла простая мебель и проч. и проч. Конечно, это мелочи; но и мелочи эти имѣютъ значеніе, и прямой отвѣтчикъ за цихъ — режиссеръ. Отъ чего не могутъ разыгрываться русскія пьесы съ тѣмъ-же ансамблемъ, какъ разыгриваются французскія? Отъ чего не могутъ быть разданы на сценѣ Александрина театра, какъ раздаются онѣ у французовъ, т. е. чтобы каждый актеръ и актриса были на свое мѣстѣ? Все это по нашему мнѣнію, — прямая обязанность режиссера. Русскимъ артистамъ достается часто и отъ публики и отъ рецензентовъ, а между-тѣмъ, чѣмъ же ограничиваетъ г. режиссеръ, свою прекрасную и почетную обязанность? Написать репертуаръ, замѣнить на скорую руку большаго артиста здоровымъ, подсказать выходъ артисту или артисткѣ, машинально, когда *народу* нужно вскрикнуть ура, или когда машинально долженъ пустить въ ходъ громъ, молнию и дождь? Для этого за глаза доволыши одного изъ помощниковъ; — за чѣмъ-же брать па себя эту *черную* работу, когда должностъ режиссера даетъ широкое и почетное поле дѣятельности, болѣе уточненной и возвышенной. Режиссеръ долженъ быть режиссеромъ. .

Чтобы покончить съ театромъ, прибавляю слухи о будущемъ составѣ итальянской оперы; не знаю справедливо-ли, но говорятъ, что вмѣсто г-жи Лотти сюда пріѣдетъ хорошенъкая примадонна парижской итальянской оперы г-жа Ченко; а на роли г-жи Демерикъ ангажирована извѣст-

ная пѣвица парижской-же итальянской оперы г-жа Нантье-Дидье. Выигрываемъ-ли мы или проигрываемъ въ этой перемѣнѣ — пока не известно; будемъ надѣяться хорошаго.

Театръ Михайловскій и театръ-циркъ явятся въ новомъ и конечно улучшенномъ видѣ; ихъ будутъ перестраивать, а современемъ и Александровскій театръ; не мѣшало-бы сдѣлать его свѣтлѣе — съ этимъ согласятся, вѣроятно, многіе, какъ согласятся и съ тѣмъ, что каждой болтовнѣ — предѣль.

Клеръ Моллеръ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Читатели, вѣроятно, не будуть сѣтовать на насъ, что литературный отдѣлъ настоящей книжки — нѣсколько полнѣе и разнообразиѣ другихъ ея отдѣловъ — и поймутъ, вѣроятно, почему мы разомъ хотѣли подѣлиться съ ними, скопившимися у насъ материалами по этой части. Имѣя въ запасѣ на будущія книжки, во-первыхъ большой романъ автора «Дядюшкина Сна» — комедію, обѣщанную намъ А. Н. Островскимъ, — романъ М. И. Михайлова, множество стихотвореній гг. Фета, Мая и другихъ — мы не хотимъ, да и не должны скучиться въ этомъ отношеніи.

Но, понимая сами всю важность современныхъ вопросовъ и ученыхъ трудовъ, мы постараемся въ слѣдующей книжкѣ дать болѣе мѣста статьямъ подобного рода. Съ этой слѣдующей книжки, напримѣръ мы начнемъ печатать материалы изъ рукописей покойнаго А. С. Грибоѣдова, разобранные и объясненные примѣчаніями племянникомъ покойнаго поэта Димитріемъ Александровичемъ Смирновымъ, получившимъ рукописи отъ одного изъ искреннѣйшихъ друзей Грибоѣдова, Д. Н. Бѣгичева. Въ той-же книгѣ будутъ напечатаны: 1) статья объ Амурѣ въ историческомъ отношеніи, къ которой приложена будетъ ни кѣмъ еще доселѣ не изданная карта Амура и прилежащихъ къ нему областей. 2) Проектъ Русско-Американского международнаго телеграфа. Вопросъ этотъ мы считаемъ потому современно-интереснымъ, что съ 1857 года и до настоящаго времени, правительство получаетъ постоянныя предложения, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ капиталистовъ о дозволеніи устройства этой телеграфической линіи.

Такъ какъ рядъ статей, начатыхъ нами въ отдѣлѣ критики, продолжится на нѣсколько книгъ, а между-тѣмъ замѣчательныя совре-

иенные явленія требуютъ такъ-же отзывовъ, — то не прерывая начатыхъ статей, мы съ слѣдующей книжки начнемъ кромѣ этого общаго обозрѣнія помѣщать постоянно критическія статьи о современныхъ художественно-замѣчательныхъ явленіяхъ, начавши съ «Дворянскаго гнѣзда» И. С. Тургенева.

Желая и «смѣсь» нашу сдѣлать, какъ можно разнообразнѣе, мы имѣемъ въ виду печатать въ ней различные рассказы служащіе продолженіемъ разсказовъ подъ названіемъ: «Мелкотравчатые» — известнаго автора Одарки Квочки, Квартета и Паныча, Е. Э. Дріансаго.

Графъ Г. Кушелевъ-Безбородко.

Я. Полонскій.

А. Григорьевъ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 3.

Разсужденіе объ игрѣ по памяти.—Историческія о ней свѣдѣнія.—Партія Бертолъда Зулесъ Г-ца К.—Объ игрѣ по перепискѣ и по консультациіи.—Дѣй консультационными партіями К. А. Яниша и И. С. Шумова противъ Кназа Д. С. Урусова и В. М. Михайлова.—Еще три партіи изъ матча Андерсена съ Морфи.—Руководство къ изученію шахматной игры; соч. Ки. С. С. Урусова (статья 2-я).—Рѣшеніе задачь.—Задачи.—Корреспонденція.

Въ настоящее время искусство играть по памяти, — не рѣдкость и къ сожалѣнію, сть каждымъ днемъ болѣе и, болѣе входитъ въ моду. Мы говоримъ *къ сожалѣнію*, потому что считаемъ это упражненіе совершенно-безполезнымъ для успѣховъ игры и, сверхъ того, вреднымъ для здоровья. Очевидно, что шахматная наука, развивающаяся единственно путемъ точнаго анализа, невозможна безъ помощи доски и шашекъ, — нисколько не подвигнется впередъ отъ пріобщенія ся къ игрѣ въ жмурки; столь же бесплодно оно и въ отношеніи практики, ибо нѣтъ сомнѣнія, что никто не можетъ играть à l'aveugle. *лучше* чѣмъ обыкновеннымъ способомъ. Правда Людвигъ Паулсенъ утверждаетъ противное и говоритъ, что доска и шашки мѣшаютъ ему играть, но это, признаемся, кажется намъ уже слишкомъ невѣроятнымъ. Въ послѣднее время мы разбирали множество партій играемыхъ по памяти и убѣдились, что хотя въ числѣ ихъ и есть нѣкоторыя довольно хорошенкия, со смѣлыми атаками, блестящими пожертвованіями т. п., но ни одна изъ нихъ, въ отношеніи послѣдовательности развитія и глубины соображеній, не можетъ сравнится съ классическими партіями — Петрова, Морфи, Андерсена и другихъ знаменитыхъ игроковъ. Ихъ можно прочесть съ удовольствіемъ, но строгой критики онъ не выдерживаютъ и красота ихъ почти всегда основана на какой нибудь довольно грубой ошибкѣ противника слѣпца. Добро бы еще игроки второстепенные тѣшили себя странной забавою играть не смотря, но не жалко-ли, что такие люди какъ Гаррвитцъ и Морфи тратятъ

Отд. IV.

7

на это время, а, можетъ быть, и здоровье. Вѣдь это тоже что Ньютону ломать голову надъ извлечениемъ корней, по памяти, изъ числа цифръ въ двадцать или Пушкину писать стихи на заданныя риёмы.

Выраженное нами мнѣніе покажется, можетъ быть, противу-рѣчащимъ тѣмъ, отчасти восторженнымъ возгласамъ, съ которыми мы извѣстили въ первомъ нумерѣ Листка о восьми одновременныхъ партіяхъ Морфи и десяти Паулсена, но смысль увѣ-ритъ, что это противурѣчіе только кажущееся. Мы признаемъ искусство играть по памяти совершенно бесплоднымъ относи-сительно успѣховъ шахматной теоріи и практики, но ни сколько не отвергаемъ, что оно, обнаруживая во всемъ блескъ силу умственныхъ способностей человѣка и требуя страшного ихъ напряженія, представляетъ весьма замѣчательное психическое явленіе, достойное обратить на себя вниманіе мыслителя. По-этому мы надѣемся, что наши читатели не безъ интереса прочтутъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія объ этомъ искусствѣ, заимствованныя нами, преимущественно, изъ статьи Генри Гар-риса, о которой было упомянуто въ яиварскомъ Шахматномъ Листкѣ. Не лишнимъ считаемъ замѣтить, что благодаря лю-безности К. А. Яниша, дозволяющаго намъ дѣлать справки въ его превосходной шахматной библіотикѣ, мы убѣдились, что со-общаемыя Г. Гаррисомъ свѣдѣнія почерпнуты, большую частію, изъ писателей, достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

28 мая 1788 года англійская газета Morning Post сообщила, что находившійся въ то время въ Лондонѣ Филидоръ сыгралъ, одновременно, противъ трехъ сильнейшихъ игроковъ Англіи, три партіи à l'aveugle; выигралъ двѣ изъ нихъ и одну сдѣлалъ ничью. Это извѣстіе произвело всеобщее изумленіе; англійскіе и континентальныя журналы съ величайшимъ энтузіазмомъ восхваляли этотъ безпримѣрный, по ихъ мнѣнію, подвигъ и Филидоръ единогласно былъ признанъ первымъ игрокомъ всѣхъ временъ. «Всѣ газеты» пишутъ Филидоръ женѣ своей 3 июня 1788, «печатаются удивительныя похвалы по поводу трехъ партій, игранныхъ мною по памяти прошлую субботу». Въ другомъ письмѣ его, помечен-номъ февралемъ 1790, читаемъ: «прошлую субботу я опять игралъ три партіи за разъ; все были отъ нихъ восхищеніемъ». Этого мало: въ третьемъ изданіи Филидорова «Анализа» сказано, что игранныя имъ по памяти партіи печатаются съ тѣмъ, чтобы потомство не усомнилось въ возможности подобного факта. Дѣло

въ томъ, что Филидоръ и всѣ его современники очень плохо знали исторію шахматной игры; иначе они не признавали бы безпримѣрнымъ и невѣроятнымъ явленія, которое уже давнѣмъ давно было известно на востокѣ, въ Италии и Испаніи.

Нельзя опредѣлить когда и гдѣ именно явилась въ первый разъ мысль о возможности играть въ шахматы безъ помоши доски и шашекъ, но есть поводъ думать что въ Индіи и Китаѣ *) этотъ странный способъ игры, уже много вѣковъ тому назадъ быть доведенъ до значительной степени совершенства, и распространился на всемъ почти востокѣ еще до времени Тamerлана, который самъ былъ страстныи охотникъ до шахматной игры и называлъ, въ честь ея, четвертаго своего сына «Шахрохъ».

Въ 970 году по Р. Х. грекъ по имени Тчеїеби славился въ Триполи искусствомъ играть съ закрытыми глазами, но ему дозволено было трогать шашки, которые были весьма большаго размѣра. Тусиъ разсказываетъ, что въ 1266 году прибылъ во Флоренцію сарацинъ Буцека и сыгралъ три партии противъ трехъ лучшихъ тамошнихъ игроковъ: двѣ по памяти, а одну обыкновеннымъ образомъ. Въ двухъ играхъ онъ остался побѣдителемъ, а третью привелъ къ розыгрышу посредствомъ вѣчнаго шаха. Около того же времени игра à l'aveugle — была въ обыкновеніи у подданныхъ Калифовъ, перенявшихъ ее, можетъ быть, у аравийянъ, которымъ, по свидѣтельству одного арабскаго историка, она была уже давно известна. Карера говоритъ, что Турки часто ведутъ между собою шахматныя партии прогуливаясь верхомъ.

Многіе шахматные писатели и игроки: Сальвіо, Лероне, Медрано, Монджолино, Леонардо, Картига, Рюи-Лопецъ умѣли играть по памяти. Сиракузянинъ Паоло Бон игралъ такимъ образомъ по три игры за разъ; Карера написалъ даже книгу подъ заглавиемъ „Искусство играть не смотря на доску“ **). Португалецъ Даміано заключаетъ свое сочиненіе нѣкоторыми наставленіями касательно игры по памяти; при чемъ замѣчаетъ однако, и весьма справедливо, что всѣ они недостаточны безъ большой практики. Въ началѣ прошлаго столѣтія, іезуитъ Саккieri, преподаватель математики въ Павіи, превзошелъ не только всѣхъ своихъ предшественниковъ, но и многихъ послѣдователей, не выключая самого Филидора: онъ игралъ по четыре партии за разъ. Извѣст-

*) Что въ Индіи играютъ по памяти это не подлежитъ сомнѣнію, но относительно Китая мы не можемъ ручаться.

**) Это говоритъ г. Гаррисъ, мы же никогда не слышали о существованіи такого сочиненія Кареры.

ный шахматный писатель Сарратъ нерѣдко упражнялся въ игрѣ по памяти съ молодымъ французскимъ игрокомъ Бурблономъ. Лабурдонѣ, лучшій игрокъ первой половины девятнадцатаго вѣка, игралъ такимъ образомъ по двѣ партіи одновременно и шыталъ, впрочемъ кажется безуспѣшно, играть три. Поклонники Лабурдоне, желаю прославить его не только героямъ, но и мученикомъ шахматной игры, распустили слухъ будто бы онъ умеръ отъ усиля, котораго требуетъ этого рода упражненіе. Это совершенно несправедливо; Лабурдоне умеръ отъ водяной въ брюшной полости, а эта болѣзнь ужъ конечно не можетъ быть следствіемъ умственнаго напряженія. Знаменитый соперникъ Лабурдоне, шотландецъ Макдональдъ, такъ рано похищенный смертью, тоже упражнялся въ игрѣ по памяти и говоривалъ, шутя, что единственное неудобство шахматной игры это именно доска и пешки.

Наконецъ въ послѣднее время искусство играть по памяти достигло чудовищныхъ размѣровъ. Мореи уже нѣсколько разъ игралъ по восьми партій одновременно; Гаррвитцъ повторилъ недавно въ *Café de la Régence* ту же штуку. Нѣкто Бергольдъ Зуле, изъ Бонна, игрокъ молодой и даже вовсе не очень сильный, попробовалъ, во времія пребыванія своего въ минувшемъ году въ Венеціи, играть по памяти и скоро достигъ до того, что игралъ съ полнымъ успѣхомъ по четыре игры за разъ, да еще въ какомъ неудобномъ мѣстѣ: въ одномъ изъ кафѣ на площади Св. Марка, гдѣ съ утра до ночи толпа народа, громкие разговоры, пѣсни, музыка, крики продавцевъ, шумъ стражниковъ. Но возвращеніе въ Боннъ, Г. Зуле, 20 декабря прошлаго года, вѣль въ продолженіи двенадцати часовъ, восемь одновременныхъ партій; выигралъ шесть и двѣ привелъ къ розыгрышу. Вотъ одна изъ этихъ партій.

№ 17.

ГАМБИТЬ КОРОЛЕВСКАГО КОНИЯ.

Зул.	Г-иѣ Кр.		
(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) e2—e4	e7—e5	6) f1—c4	h8—h7
2) f2—f4	e5—f4°	7) d2—d4	f8—h6
3) g1—f3	g7—g5	8) b1—c8	c7—c6
4) h2—h4(1)	g5—g4	9) e5—d3	d8—f6
5) f3—e5	h7—h5	10) e4—e5	f6—f5
		11) d3—c5	f5—g6
		12) c4—d3	g6—g7

13) d3—h7°	g7—h7°	24) 0—0—0	c6—c5(2)
14) c3—e4	b7—b6	25) d1—e1	a6—b7
15) e4—d6+	c6—d8	26) d3—e5	b7—d5
16) c5—d3	f7—f6	27) e5—g6	d5—f7
17) c1—f4°	c8—a6	28) e1—e4°+	g8—e7
18) d1—d2	h6—f8	29) g5—e7°	b8—c6
19) h1—f1	f8—d6°	30) e7—g5+	c6—e7
20) e5—d6°	b7—e4+	31) g6—e7°	и какъ бы черные ни ходили, они получаютъ матъ въ два хода.
21) d2—e3	f6—f5		
22) e3—e4°	f5—e4°		
23) f4—g5+	d8—e8		

Примѣчанія къ партіи №. 17.

1) Многіе называютъ этотъ варіантъ гамбита — гамбитомъ Алтайера; такое название неправильно ибо варіантъ Алтайера состоитъ въ томъ, чтобы на пятомъ ходѣ, вмѣсто f3—e5, играть f3—g5; еще неправильнѣе стали называть его французы, а за ними и нѣмцы, гамбитомъ Кіезерицкаго; можно ли обозначать именемъ современаго игрока дебютъ, анализы котораго встрѣчаемъ уже у старинныхъ итальянскихъ писателей?

2) Если, вмѣсто этого хода, бѣлые возьмутъ коня пѣшкою, то получать матъ въ три хода.

Не каковы бы ни были подвиги Морфи, Гаррвайта, Зуле и всѣхъ ихъ предшественниковъ въ искусствѣ играть по памяти: все они блѣднѣютъ передъ тѣмъ что дѣлаетъ Людвигъ Паульсенъ, біографію котораго мы сообщимъ въ слѣдующемъ листкѣ, замѣствуя ее изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ: статей Г. Гарриса, коротко знакомаго съ Паульсеномъ, и нѣкоторыхъ писемъ сего послѣдняго.

Совершенную противуположность съ игрою по памяти составляетъ игра по перепискѣ. Въ первомъ случаѣ, даже геніальный игрокъ не обрѣтаетъ всей силы своего соображенія, напротивъ того въ игрѣ по перепискѣ и мазеттамъ рѣдко дѣлаетъ промахи. Поэтому то изученіе этого рода партій несмѣя содѣйствуетъ основательному познанію игры, и мы особенно советуемъ его начинавшимъ. Недостатка въ источникахъ быть не можетъ; почти въ каждомъ руководствѣ можно найти много игровыхъ по перепискѣ партій, а кромѣ того есть книги исключительно посвященные этому предмету напр. изданныя Бледовыцъ брюсселя

подъ заглавiemъ: «Die zwischen dem Berliner und Posener Club durch Correspondenz gespielten Schachpartien mit Anmerkungen und Varianten. Nebst einer Sammlung von 50 andern Correspondenz-Partieen.» Игры по перепискѣ служатъ, между прочимъ, яснымъ доказательствомъ сложности и трудности шахматныхъ комбинацій. Казалось бы нельзя сдѣлать ошибки когда имѣешь нѣсколько дней на обдумыванье каждого хода, можешь разобрать всѣ варіанты, справиться съ руководствами, совѣтываться съ кѣмъ угодно; а на дѣлѣ выходитъ, что и въ партіяхъ по перепискѣ встрѣчаются ошибки и даже иногда довольно грубыя, какъ напр. знаменитый промахъ сдѣланный Лондонскимъ клубомъ въ его партіи противъ Эдинбургскаго.

Нѣчто среднее между игрою обыкновенною и по перепискѣ представляетъ игра по консультациі. Двое или болѣе игроковъ составляютъ между собою родъ военнаго совѣта и ведутъ такимъ образомъ партію противъ подобнаго же совѣта противниковъ. Шахматные столы помѣщаются въ разныхъ комнатахъ, дабы играющіе не слышали совѣщаній своихъ непріятелей; ходы передаются письменно и играющимъ дозволяется разматривать могущія произойти отъ нихъ послѣдствія, посредствомъ передвиженія шашекъ; поэтому то мы и говоримъ что консультационная игра имѣть сходство съ игрою по перепискѣ, но она гораздо пріятнѣе въ томъ отношеніи, что идетъ несравненно быстрѣе, такъ какъ всѣ ходы не требующіе большаго обдумыванія,— а ихъ въ каждой партіи встрѣчается не мало,— дѣлаются также скоро какъ въ обыкновенной игрѣ. Для примѣра этого рода игры сообщаю двѣ партіи игранныя два года тому назадъ въ обществѣ Любителей Шахматной Игры. непремѣнныемъ секретаремъ его К. А. Янишемъ и И. С. Шумовымъ противъ Князя Д. С. Урусова и меня.

№ 18.

НОРМАЛЬНЫЙ ДЕБЮТЬ.

Кн. Д. С.-Урусовъ.	К. А. Янишъ.	5) f1—d3	f8—d6
В. М. Михайловъ.	И. С. Шумовъ.	6) 0—0	0—0
(Бѣлые.)	(Черные.)	7) c1—e3	b7—b6
1) e2—e4	e7—e6(1)	8) b1—d2	c8—b7
2) d2—d4	d7—d5	9) f3—h4	c7—c5
3) e4—d5°	e6—d5°	10) c2—c3	d8—c7
4) g1—f3	g8—f6	11) f2—f4	b8—c6

12) a1—c1	a8—e8	26) e3—c4°	g6—f4°
13) d1—f3	b7—c8	27) c1—f4°	c7—f4°
14) h2—h3	e8—e7	28) f3—f4°	e4—g5
15) f1—d1	f8—e8	29) e2—e8°+	d7—e8°
16) d2—f1	c5—c4	30) f4—f1(2)	d5—c4°
17) d3—f5	h7—h6	31) h3—h4(3)	e8—e4
18) g2—g4	f6—e4	32) f1—g2	g5—f3+
19) f5—c8°	c7—c8°	33) g1—f2(4)	e4—c2+
20) h4—f5	e7—e6	34) f2—f3°	c2—d1°+
21) c1—c2	d6—c7	35) f3—g3	g7—g6
22) c2—g2	e6—f6	36) f5—h6°+	g8—h7
23) e3—c1	c6—e7	37) h6—f5	g6—f5°
24) f1—e3	c8—d7		бѣлые сдаются.
25) g2—e2	e7—g6		

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПАРТИИ №. 18.

1) Это рѣшительно самый лучшій и осторожный отвѣтъ на 1) e2—e4, но онъ рѣжевстрѣчається чѣмъ 1) e7—e5 потому что поражаетъ партію менѣе оживленныя и интересныя.

2) Вместо этого слѣдовало играть 30) f4—e3 послѣдствіемъ чего былобы вѣроятно 30) f6—e6 31) c4—e5 32) h3—h4 33) e3—f3 34) f3—d5° 35) e5—d4° 36) e6—e1+ 37) g1—g2 38) g2—g3 39) d1—e1° 39) d4—f2 40) g3—f2° игра равна.

3) Непостижимая ошибка.

4) На g1—h1 черные съигралибы f6—f5°, а на g1—f1 e4—f4 и въ обоихъ случаяхъ бѣлымъ плохо. Вообще въ настоящимъ положеніи наша партія уже проиграна.

№ 19.

ГАМБИТЪ КОРОЛЕВСКАГО СЛОНА.

К. А. Янишъ.	Кн. С. С. Урусовъ.	6) d2—d4	d7—d5
И. С. Шумовъ.	В. М. Михайловъ.	7) e4—e5	d5—c4°
(Бѣлые.)	(Черные.)	8) e5—f6°	c8—e6
1) e2—e4	e7—e5	9) c1—f4°	b8—a6
2) f2—f4	e5—f4°	10) f4—e5	h8—g8(2)
3) f1—c4	d8—h4+	11) f6—g7°	f8—g7°
4) e1—f1	g8—f6(1)	12) b1—d2	0—0—0(3)
5) g1—f3	h4—h5	13) c2—c3	f7—f6(4)

14) e5—g3	d8—e8	26) e2—e6°	b6—d5
15) f1—f2	g7—h6	27) h4—e7	f8—f5
16) h1—e1	f6—f5	28) e1—e2	g7—g4
17) e1—e5	h5—f7	29) b2—h3	g4—h3°
18) d1—e2	f5—f4	30) f3—h4	f5—f7
19) g3—h4	a6—b8	31) e7—c5	f4—f3
20) a1—e1	b8—d7	32) e6—e8+	b8—b7
21) e5—e2	d7—b6	33) h4—f3°	g8—g2°+
22) f2—g1	f7—g7	34) e2—g2°	h6—e3+
23) f3—e5	c8—b8	35) e8—e3°	d5—e3°
24) d2—f3	e8—f8	Бѣлые сдаются.	
25) e5—c6+	b7—c6°		

Примѣчанія къ партіи № 19.

1) Доаго полагали и печатали во всѣхъ руководствахъ, что тутъ слѣдуетъ играть g7—g5, но теперь, доказано что это несправедливо; пѣкоторые новѣйшие игроки думаютъ даже, что въ этомъ дебютѣ не слѣдуетъ давать шаха ферземъ на третью ходѣ.

2) Можно бы также g7—f6°, что дало бы чернымъ сильную атаку.

3) a6—b4 было едва ли не лучше.

4) Можно бы c7—c5.

Результатъ матча Морфи съ Андерсеномъ уже извѣстенъ нашимъ читателямъ, остается только сказать, что нѣмцы, кажется, очень огорчены пораженіемъ своего соотечественника и Г-нъ Ланге въ январской книжкѣ своего журнала старается доказать, что партіи проигранныя Андерсеномъ проиграны въ слѣдствіе его ошибокъ, тѣ же напротивъ, въ которыхъ онъ остался побѣдителемъ выиграны по всѣмъ правиламъ искусства. Нельзя не согласиться, что въ этомъ есть своя доля прправды; Андерсенъ не разъ дѣлалъ ошибки, которыхъ отъ него никакъ нельзя было бы ожидать и вообще во все время матча,—за исключениемъ лишь первой игры.—игралъ менѣе хорошо чѣмъ обыкновенно, что можно видѣть и взъ трехъ слѣдующихъ партій.

№ 20.

СИЦИЛІЯНСКІЙ ДЕБЮТЪ.

Морфи. (Бѣлые.)	Андерсенъ. (Черные.)	3) d2—d4	c5—d4°
1) e2—e4	c7—c5	4) f3—d4°	e7—e6
2) g1—f3	b8—c6	5) d4—b5(1)	d7—d6

7) f4—e3	f7—f5(2)	13) d5—f6°+	d6—d5
8) b1—c3(3)	f5—f4	14) e4—d5°+	f7—g6
9) c3—d5	f4—e3°	15) f3—h5+	g6—f6°
10) b5—c7+	e8—f7(4)	16) f2—e3°	d4—c2+
11) d1—f3+	g8—f6	17) e1—e2	
12) f1—c4	c6—d4		АНДЕРСЕНЪ сдается.

ПРИМѢЧАНИЯ КЪ ПАРТИИ № 20.

- 1) Эта атака, изобрѣтенная, если не ошибаемся, венгерцемъ Левенталемъ,—очень хороша и наподитъ даже на мысль, что спиллианская защита совсѣмъ не такъ вѣрна какъ многіе думаютъ, предполагая со стороны черныхъ 5) $a7—a6$ получимъ 6) $b5—d6+$. 7) $\frac{d1—d6^o}{d8—e7}$ 8) $\frac{d6—g3}{}$ и бѣлые имѣютъ превосходство положенія..

2) Лучше было бы 7) $\frac{a7—a6}{}$ хотя и въ этомъ случаѣ бѣлые имѣли бы перевѣсъ.

3) Превосходный ходъ, значительно усиливавшій атаку.

4) Вынужденный ходъ.

№ 21:

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

Морфи.	Андерсенъ.	13) f4—c7°	c6—d4
(Бѣлые.)	(Черные.)	14) d1—d4°	c5—c7°
1) c2—e4	d7—d5	15) e2—d3	c8—g4
2) e4—d5°	d8—d5°	16) f3—g5	f8—d8
3) b1—c3	d5—a5	17) d4—b4	g4—c8
4) d2—d4	e7—e5	18) f1—e1	a7—a5
5) d4—e5°	a4—e4°+	19) b4—e7	c7—e7°
6) f1—c2	c8—b4	20) e1—e7°	f6—d5(1)
7) g1—f3	b4—c3°+	21) d3—h7°+	g8—h8
8) b2—c3°	e4—c3°+	22) e7—f7°	d5—c3
9) c1—d2	c3—c5	23) b1—e1	c3—a2°
10) a1—b1	b8—c6	24) f7—f4	a8—a6(2)
11) 0—0	g8—f6	25) h7—d3	
12) d2—f4	0—0		АНДЕРСЕНЪ сдается.

ПРИМѢЧАНИЯ КЪ ПАРТИИ № 21.

1) Послѣ этого хода игра черныхъ не можетъ быть спасена.

2) Слабый ходъ.

Отд. IV

№ 22.

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ДЕБЮТЪ.

А Н Д Е Р С Е Н Ъ.	М о р ф и .		
(Бѣлые.)	(Черные.)		
1) a2—a3	e7—e5	26) c3—c4+	b5—c4°
2) c2—c4	g8—f6	27) d2—c4°	a6—a1°
3) b1—c3	d7—d5	28) b2—a1°	d7—f6
4) c4—d5°	f6—d5°	29) a1—c3	a8—a2
5) e2—e3	c8—e6	30) c3—d2	f6—d5
6) g1—f3	f8—d6	31) g1—f1	c7—d8
7) f1—e2	0—0	32) f1—e1	d8—e7
8) d2—d4	d5—c3°	33) c1—b1	h7—h6
9) b2—c3°	e5—e4	34) c4—e5	c6—c5
10) f3—d2	f7—f5	35) d4—c5°	e7—c5°
11) f2—f4	d8—h4+	36) b1—b5	d5—e3°
12) g2—g3	h4—h3	37) b5—c5°	e3—g2+
13) e2—f1	h3—h6	38) e1—e2	e4—e3
14) c3—c4	c7—c6	39) e5—f3	g7—g6
15) c4—c5	d6—c7	40) c5—d5	g8—f7
16) f1—c4	b8—d7	41) d5—d6	f7—g7
17) 0—0	b7—b5	42) h2—h4	e3—d2°
18) c5—b6°	a7—b6°	43) d6—d2°	a2—a4
19) d1—b3	f8—e8	44) e2—f2	g2—f4°
20) c1—b2	b6—b5	45) g3—f4°	a4—f4°
21) c4—e6°+	h6—e6°	46) d2—d4	f4—d4°
22) b3—c3	e6—d5	47) f3—d4°	g7—f6
23) f1—c1	a8—a6	48) f2—e3	g6—g5
24) a3—a4	e8—a8	49) h4—h5	f6—e5
25) a4—b5°	d5—b5°	50) d4—f3+	e5—f6
			ничья.

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНИЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ.

Соф. кн. С. УРУСОВА.

(статья 2-я)

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О ВРЕМЕНИ.

§ 8. Въ первой главѣ доказано, что о сравнительной силѣ шашекъ нельзя судить по одному лишь количеству и качеству ихъ, но необходимо всегда принимать въ соображеніе первенство хода, и что численный перевѣсъ не есть еще вѣрный признакъ выигрыша: можно владѣть большою массою и проиграть потому только, что противникъ, имѣя за собой первенство хода, раньше успѣеть сдѣлать королю матъ. Нельзя однако же изъ этого заключить, чтобы сила первенства хода была всегда столь велика, что давала бы рѣшительный перевѣсъ. Сила эта измѣняется, смотря по расположению шашекъ. Очевидно только то, что въ рѣшительный моментъ, когда одному изъ двухъ противниковъ долженъ быть матъ, первенство хода рѣшить участъ игры.

Этотъ новый, невидимый элементъ, который оказываетъ столь очевидное влияніе на ходъ и результатъ игры, и который выражается словами «успѣть раньше противника — опередить его въ достижениіи предположенной цѣли,» — этотъ элементъ принято называть *временемъ*.

§ 9. Время, неимѣющее впрочемъ ничего общаго съ тѣмъ, которое измѣряется часами, на шахматномъ нарѣчіи означаетъ совокупность какихъ-то величинъ, изъ коихъ каждая называется *темпомъ*, а иногда — *ходомъ*.

Выигрышъ одной изъ такихъ величинъ называется выигрышемъ темпа, а выигрышъ нѣсколькихъ темповъ называется выигрышемъ времени.

§ 10. Одинъ или нѣсколько темповъ выигрываются слѣдующимъ образомъ: посредствомъ выжидательного хода; выигрышемъ пространства; такимъ маневромъ, который можетъ заставить противника ступить одной и той же шашкой чѣсколько разъ безъ всякой для него пользы; и такимъ маневромъ, который заставить шашку противника ступить на клѣтку, занятіе коей есть само-по себѣ проигранное время.

§ 11. Самое слово *выжидательный ходъ* (*coup de repos*) означаетъ какое-то пассивное дѣйствіе, имѣющею цѣлью выигрышь времени. Выиграть такимъ образомъ темпъ значитъ ступить одной и той же шашкой съ одной данной клѣткы на другую данную въ извѣстное число ходовъ.

Примѣры: 1) Положимъ, что по смыслу игры потребовалось бы выиграть темпъ ферземъ, ступивъ имъ на клѣтку b2 во второй ходъ: (Диагр. I) ферзь идетъ на какую-лѣбо клѣтку, съ которой можно было бы удаержать ударъ на клѣтку b2, напримѣръ на h8, и во 2-й ходъ ступитъ на b2.

2) Требуется занять королемъ клѣтку g7 во 2-й ходъ: (Диагр. I) король идеть сперва на h7, а во второй ходъ на g7.

3) Требуется занять слономъ клѣтку f2 во 2-й ходъ: (Диагр. I) слонъ идеть сперва на e3, а потомъ на f2.

4) Требуется ступить пѣшкой на 7-ю линію въ пять ходовъ: (Диагр. I) пѣшка идетъ: 1) d2—d3 (а еслибы въ четыре хода, то 1) d2—d4), 2) $\frac{d3\ d4}{d4\ d5}$, 3) $\frac{d4\ d5}{d5\ d6}$, 4) $\frac{d5\ d6}{d6\ d7}$ и 5)

Подобнымъ образомъ поступаютъ и съ ладьей.

Мы поставили слона въ самое невыгодное положеніе, дабы показать случаи, въ которыхъ онъ не выигрываетъ темпа. Такихъ положеній для каждого слона можетъ быть по четыре а именно, для слоновъ ходящихъ по чернымъ клѣткамъ a7, b8, g1, h2, а для тѣхъ, которые ступаютъ къ бѣлымъ клѣткамъ a2, b1, g8, h7. Напримѣръ: если бы потребовалось ступить слономъ съ g1 на h2 во второй ходъ—онъ этого не могъ бы исполнить.

Чтобы выиграть темпъ посредствомъ выжидательного хода, шашка должна обладать способностью попадать съ одной клѣтки на другую какъ въ четное такъ и въ нечетное число ходовъ. Каждая изъ вышеописанныхъ шашекъ владѣеть этой способностью въ большей или меньшей степени, но конь никакимъ образомъ не можетъ сдѣлать выжидательного хода; ибо на клѣтку одного цвета съ тою, которую занимаетъ, онъ можетъ ступить только въ четное, а на клѣтку другаго цвета—только въ нечетное число ходовъ.

§ 12. Выигрышъ одного или несколькиихъ темповъ посредствомъ завоеванія пространства достигается всего чаще надвиганиемъ своихъ шашекъ на шашки противника. Въ положеніи Диагр. II, ходомъ d4d5, слонъ лишается четырехъ ходовъ.

§ 13. Къ маневрамъ выигрывающимъ время принадлежать атака и пожертвованіе.

Въ положеніи Діагр. III, если бы черные вывели слона на d6—бѣлые, надвинувъ на него пѣшку e4, выиграли бы время.

Въ положеніи Діагр. IV, если бы черные вывели слона на с5 и бѣлые захотѣли бы выиграть темпъ, пожертвованіемъ d2d4—цѣль была бы достигнута.

§ 14. Для объясненія четвертаго способа, приводимъ два положенія: Діагр. V и VI.

Въ первомъ, маневромъ коня на b5, черные запираютъ пѣшку b4 и, вынудивъ тѣмъ слона запереть своего короля, даютъ на с7 матъ конемъ.

Во второмъ, ходомъ h6g5, бѣлые вынуждаютъ черныхъ принять пожертвованіе и ступить на клѣтку, занятіе коей позволяетъ бѣлымъ выиграть.

§ 15. Пожертвованіе на шахматномъ нарѣчіи называется *гамбитомъ*.* Дать гамбитъ значитъ предложить пашкѣ противника взять свою пашку даромъ. *Принятый гамбитъ* будетъ, если пашка будетъ взята; въ противномъ случаѣ гамбитъ будетъ *не принятый*. Гамбитъ предложенный изъ за руки (т. е. не тѣмъ игрокомъ который начиналъ партію) называется *контргамбитомъ*.

Всякое пожертвованіе даетъ выигрышъ времени; но иное вознаграждается этимъ выигрышемъ, иное же не вознаграждается; и, следовательно, иной гамбитъ есть правильный образъ дѣйствій, иной же—рискованный, то есть неправильный. Всякое пожертвованіе даетъ атаку, и по силѣ ея судятъ о значеніи пожертвованія. Иначе сказать:

Непремѣннымъ следствіемъ выигрыша одного или несколькихъ темповъ, а следовательно также и первенства хода, должна быть атака.

§ 16. Атака есть дѣйствіе имѣющее цѣлью приобрѣтеніе; она можетъ быть трехъ родовъ: вѣрная, бесполезная и рискованная.

Признаки первого рода атаки суть: быстрое стѣсненіе обороны и существенное приобрѣтеніе.

Признакъ втораго рода атаки есть продолжительность ея безъ существеннаго приобрѣтенія.

Третьяго рода атака, при правильной оборонѣ, не приближается къ цѣли, но удаляетъ отъ нея. Однако же, такъ со-

*). Кн. Урусовъ придаетъ слову *гамбитъ* весьма обширное значеніе. Собственно гамбитомъ называется пожертвованіе пѣшкѣ и притомъ на извѣстномъ именно ходѣ; такъ, въ королевскомъ гамбите жертвуется пѣшка королевскаго слона—на второмъ ходѣ, въ шотландскомъ пѣшка ферзя—на третьемъ ходѣ и. т. п.

Прил. ред.

вершенно правильная оборона рѣдко встречается на практикѣ, то и рискованная атака можетъ имѣть успѣхъ. Обыкновенно атакуешь начинаяющій, потому что онъ располагаетъ большими средствами къ достижению цѣли—мата.

§ 17. Правильная оборона есть та которая предполагаетъ переходъ въ наступленіе и потому называется *активной обороной*. въ противность другаго рода оборонѣ, называемой *пассивной*. Оборона труднѣе атаки; ибо атакующій, нанося удары, разсчитываетъ только средства противника отклонять ихъ и въ случаѣ неудачи находить спасеніе въ оборонѣ; между тѣмъ какъ обороняющійся, кроме необходимости взвѣшивать свои и чужія средства, долженъ угадывать планъ противника и постоянно думать о томъ, чтобы не пропустить момента для перехода въ наступленіе, рискуя въ случаѣ малѣйшей оплошности проиграть игру.

И такъ, кроме нравственного преимущества, выгоды атаки надъ обороной состоять, во-первыхъ, въ цѣли, которая есть положительная, а во-вторыхъ и въ томъ, что она управляетъ игрой.

§ 18. Впрочемъ, нельзя опредѣлить безусловно который образъ дѣйствій выгоднѣе: атака или оборона; все зависитъ отъ силы первенства хода и расположения шашекъ. Бываются положенія, гдѣ первенство хода даетъ выигрышъ; бываютъ такія, гдѣ оно равно нулю, и наконецъ такія, гдѣ первенство хода есть величина отрицательная, то есть ведетъ къ проигрышу; такъ напр. въ положеніи діагр. V если переставимъ коня.черныхъ на b5 и предположимъ что бѣлымъ начинать,—первенство хода будетъ единственной причиной ихъ проигрыша.

Единственный выводъ относительно дѣйствій обѣихъ сторонъ можно сдѣлать только тотъ, что, при равныхъ силахъ и тождественномъ расположении шашекъ, если только выигрышъ возможенъ,—матъ долженъ быть данъ начинаящимъ; ибо двухъ одновременныхъ ударовъ быть не можетъ и, слѣдовательно, тотъ, который владѣеть первенствомъ хода, всегда успѣхъ прежде противника нанести рѣшительный ударъ. А изъ этого слѣдуетъ что, когда сильная сторона атакуетъ, слабая сторона можетъ нападать только послѣ совершенного отраженія удара. И слѣдовательно: правильнѣйший образъ дѣйствій будетъ атака съ одной стороны и оборона съ другой.

§ 19. Само собою разумѣется, что если значительно ограничимъ число вопросовъ, которые захотимъ рѣшить, и будемъ дѣлаться не безусловныхъ, но общихъ выводовъ, то дойдемъ до

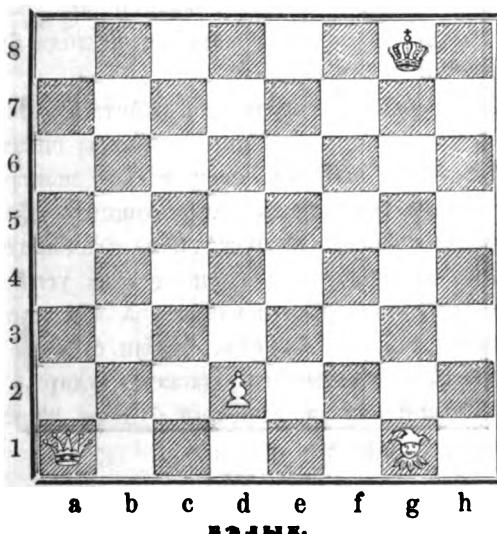
того, что подготовимъ множество вѣрныхъ и весьма полезныхъ правилъ для практической игры, а это то и составляетъ цѣль науки.

По условіямъ игры съ обѣихъ сторонъ должно быть по-ровну шашекъ, разставленныхъ тождественно. Самое это условіе, а также и то, что фигуры всегда должны быть прикрыты пѣшками, указываетъ, что предметомъ изученія должны быть такія положенія, въ которыхъ первенста хода и пѣшки играютъ важнѣйшую роль. Изученіе сихъ положеній въ особенности полезно для познанія наступательной игры; ибо если будемъ умѣть нападать на равныя силы, то тѣмъ болѣе съ умѣемъ напасть на слабѣйшаго. Изученіе же положеній, въ которыхъ силы не равны, необходимо для изученія обороны; ибо если будемъ умѣть защищаться противъ сильнѣйшаго, то съумѣемъ защищаться и противъ равныхъ силъ. Такъ какъ этаъ послѣдній классъ положеній доступнѣе для анализа, то съ него мы и начнемъ.

И такъ всѣ вообще положенія мы раздѣляемъ на два класса: къ первому причисляемъ всѣ тѣ положенія, въ которыхъ силы не равны, а ко второму—такія, гдѣ силы совершенно или почти совершенно тождественны. Въ положеніяхъ первого класса главную роль будутъ играть фигуры, а во второмъ—пѣшки.

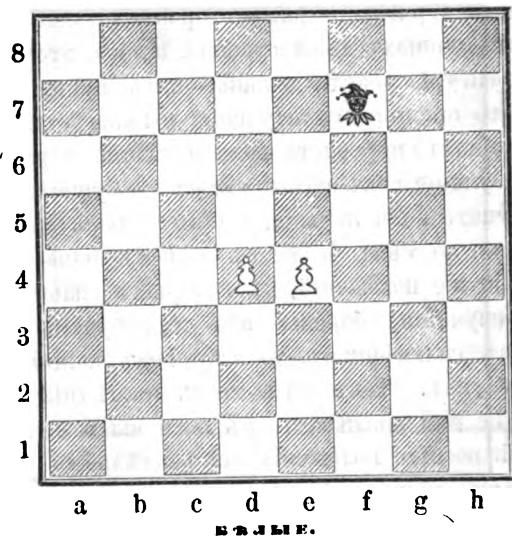
I.

ЧЕРНЫЕ.

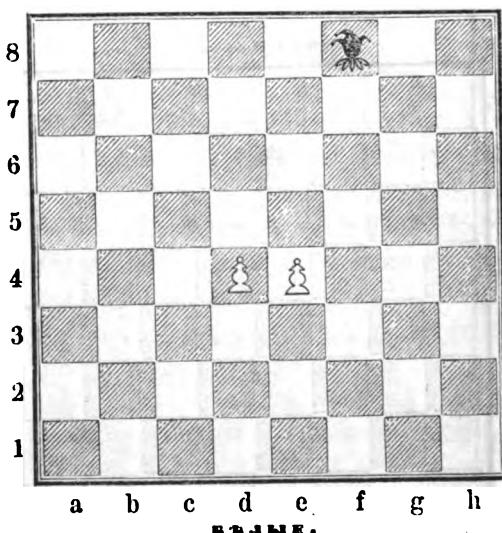
II.

ЧЕРНЫЕ.

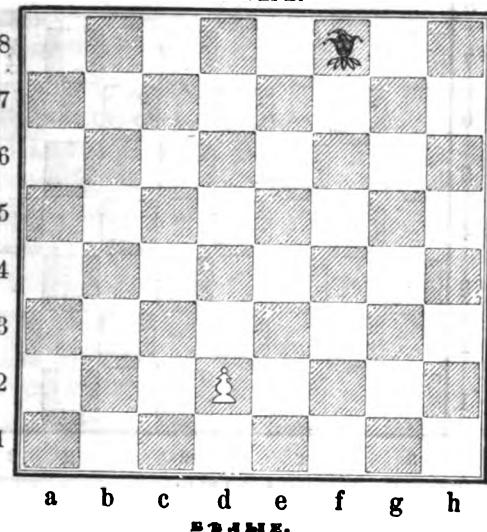
III.

ЧЕРНЫЕ.

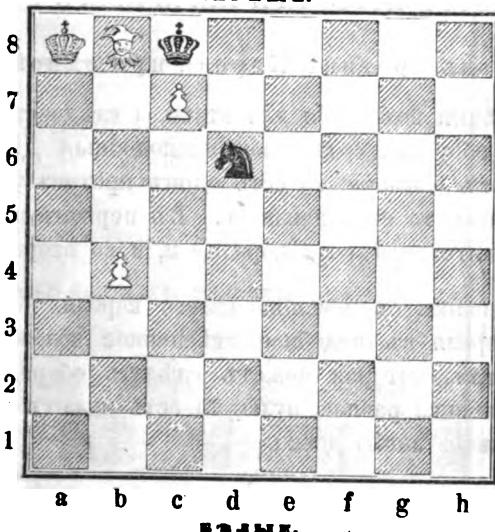
IV.

ЧЕРНЫЕ.

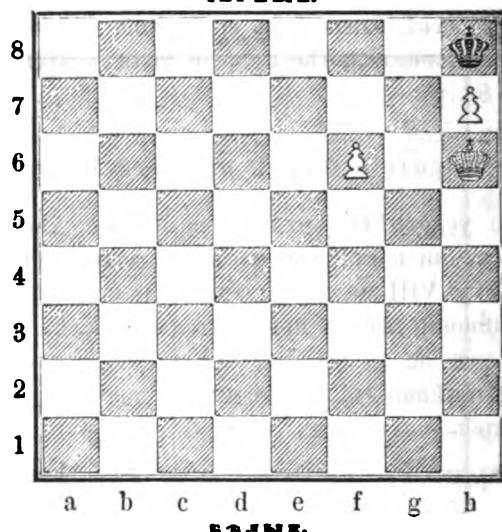
V.

ЧЕРНЫЕ.

VI.

ЧЕРНЫЕ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПРОЦЕССЪ ИГРЫ ПРИ НЕРАВНЫХЪ СИЛАХЪ.

1. Король противъ Короля при одной шашкѣ.

Выгоднѣйшія положенія для атаки, а слѣдовательно невыгоднѣйшія для обороны, суть положенія подобныя Діагр. VII и VIII, гдѣ короли въ опозиціи, то есть одинъ противъ другаго, или въ контрапозиціи, то есть наизкось. Въ первомъ изъ этихъ положеній оборонительная сила короля—2, и во второмъ—3.

Всякая шашка, съ помощью своего короля, можетъ привести одинокаго короля въ подобное стѣсненное положеніе; но только та даетъ матъ, которая можетъ сдѣлать оборонительную силу короля противника равной нулю, то есть можетъ напасть разомъ на всю крайнюю линію доски.

По свойству ходовъ различныхъ шашекъ только ферзь да ладья могутъ дать матъ: пѣшка можетъ дать матъ если сдѣлается ферземъ или ладьей, а слонъ и конь, каждый отдельно, дать матъ не могутъ.

Этакъ преимуществомъ одной шашки надъ другою доказываетъ ся, во первыхъ, сколь велика оборонительная сила короля; а во-вторыхъ,—что, на доскѣ близкой къ свободной, ферзь, ладья и пѣшика, каждая отдельно, сильнѣе слона и коня, взятыхъ порознь.

2. Король и Ферзь противъ Короля.

Не трудно усмотретьъ, что въ положеніи Диагр. VII, ферзь, куда бы мы его ни поставили, могъ бы дать матъ*) на первомъ ходѣ, а въ Диагр. VIII не позже третьяго хода и не трудно добиться, что одипокій король приводится на послѣднюю линію ферземъ и королемъ не позже шестаго хода,—первенство хода полагается за сильнѣйшимъ. Всего нужно, значитъ, не болѣе девяти ходовъ, чтобы дать этотъ матъ.

Въ руководство къ уразумѣнію этой игры приводимъ 3 примера.

Въ первомъ, діагр. IX, бѣлые даютъ матъ въ пятый ходъ ступивъ королемъ одинъ только разъ:

1) $\frac{c1-c6}{e5-f5}$ выжидательный ходъ 2) $\frac{c6-d6}{f5-g4}$ 3) $\frac{d6-g6+}{g4-h3}$ (а если бы f5g5, то 3) $\frac{d6-e6}{e3-f3}$ 4) $\frac{e3-f3}{}$ и въ слѣдующій ходъ матъ

Во второмъ положеніи, діагр. X, матъ въ пять ходовъ одними выжидательными маневрами:

1) $\frac{d8-d3}{c5-c6}$ (1) $\frac{a7-b6}{c5-b4}$ 2) $\frac{a7-b6}{b4-a4}$ 3) $\frac{b6-c5}{a4-a5}$ и 4) $\frac{d3-b5\cancel{x}}{}$) 2) $\frac{d3-d4}{c6-c7}$
3) $\frac{d4-d5}{c7-c8}$ (2) $\frac{a7-b7}{c6-b5}$ 3) $\frac{a7-b7}{c8-b8}$ 5) $\frac{d5-d8\cancel{x}}{}$.

Въ третьемъ положеніи, Диагр. XI, матъ въ 9 ходовъ.

1) $\frac{a1-b2}{f6-e6}$ ходы черныхъ разницы не дѣлаютъ; бѣлые во всякомъ случаѣ идутъ своимъ королемъ на встрѣчу королю, отнюдь не стущая по одной и той же линіи болѣе одного раза— 2) $\frac{b2-c3}{e6-f6}$
3) $\frac{c3-d4}{f6-e6}$ 4) $\frac{b1-g6+}{c6-d7}$ 5) $\frac{d4-d5}{d7-c7}$ 6) $\frac{g6-c6+}{c7-b8}$ 7) $\frac{c6-d7}{b8-a8}$ 8) $\frac{d5-c6}{a8-b8}$ 9) $\frac{-b7\cancel{x} pL}{}$

*) Кому покажется эта игра трудною,—совѣтуемъ начать упражненіе съ производствѣ матъ съ большаго числа шашекъ; начавъ, напримѣръ съ ферзя при двухъ ладьяхъ. Не уразумѣть вполнѣ игры ферземъ и королемъ противъ ферзя, не должно переходить къ ладьѣ.

Для полнаго уразумѣнія игры ферземъ весьма полезно упражняться надъ производствомъ маты однимъ ферземъ—безъ перенесенія короля.

Возможность этого маты замѣтилъ прежде всѣхъ Клингъ*). Матъ этотъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если король, при которомъ есть ферзь, будетъ занимать одну изъ четырехъ клѣтокъ: с3, с6, f3 и f6.

Выгоднѣйшее положеніе для обороны есть Диагр. XII,—и здѣсь матъ не позже 24 хода.

- 1) $\frac{c7-h7+}{h1-g2}$ (если h1—g1, то матъ буд. въ 23 хода) 2) $\frac{h7-h4}{g2-g1}$
(или, что все равно, 2) $\frac{h4-g5}{g2-f3}$ 3) $\frac{h4-g5}{g1-f2}$ 4) $\frac{b8-g4}{f2-f1}$
5) $\frac{g4-g3}{f1-e2}$ 6) $\frac{g3-f4}{e2-e1}$ 7) $\frac{f4-f3}{e1-d2}$, — Этимъ преслѣдованіемъ, на разстояніи коневьяго хода, король подводится на клѣтку a5 и получаетъ матъ 7) $\frac{f3-e4}{e1-d2}$ 8) $\frac{f3-e4}{d2-d1}$ 9) $\frac{e4-e3}{d1-c2}$ 10) $\frac{e3-d4}{c2-c1}$ 11) $\frac{d4-d3}{c1-b2}$
12) $\frac{d3-c4}{b2-a1}$ Теперь начинаются выжидательные маневры, которые необходимо заучить, 13) $\frac{c4-b5}{a1-a2}$ 14) $\frac{b5-b4}{a2-a1}$ 5) $\frac{b4-d2}{a1-b1}$ 16) $\frac{d2-e3}{b1-a2}$
17) $\frac{c3-c1}{a2-b3}$ 18) $\frac{c1-d2}{b3-a3}$ 19) $\frac{d2-c2}{a3-b4}$ 20) $\frac{c2-d3}{b4-a4}$ 21) $\frac{d3-b5+}{a4-a3}$ 22) $\frac{b5-b1}{a3-a4}$
23) $\frac{b1-b2}{a4-a5}$ 24) $\frac{b2-b5\times}{}$

Откуда слѣдуетъ, что, изъ какого бы то ни было положенія, можно, ступивъ королемъ не болѣе двухъ разъ, дать матъ одному ферзю.

3. Король и Ладья противъ Короля.

Можно математически доказать, что ладья при своемъ ходѣ даетъ матъ не позже 18-го хода.

Такъ какъ доска, отъ присутствія на ней трехъ шашекъ, весьма мало разнится отъ свободной, то для вычисленія почти безошибочно можно принять $22\frac{3}{4}$ за истинную среднюю силу ферзя, а 14 за истинную среднюю силу ладьи.

И такъ:—Ежели сила $22\frac{3}{4}$ достигаетъ какой-то цѣли M черезъ 9 ходовъ, тѣ и сила 14 черезъ какое-то число ходовъ, у, должна достигнуть той же цѣли M.

* Родомъ изъ Пруссіи, знаменитъ какъ писатель и сильный игрокъ.

Или: $22\% + 9 = M$
 $14 + y = M$
откуда $y = 17\%$

То есть: ладья при своем ходѣ даетъ матъ не позже 18-го хода; что подтверждается и фактически.* Діагр. XIII.

1) $\frac{f2-f3}{e4-d4}$ 2) $\frac{f3-f4+}{d4-e5}$ 3) $\frac{e2-e3}{e5-d5}$ 4) $\frac{f4-f5+}{d5-e6}$ 5) $\frac{e8-e4}{e6-d6}$ 6) $\frac{f5-f6+}{d6-c5}$
7) $\frac{f6-e6}{c5-c4}$ 8) $\frac{e6-c6+}{c4-b5}$ 9) $\frac{e4-d5}{b5-b4}$ 10) $\frac{c6-c5}{b4-b3}$ 11) $\frac{c5-c4}{b3-b2}$ 12) $\frac{d5-d4}{b2-b3}$ 13) $\frac{d4-d3}{b3-b2}$
14) $\frac{c4-b4+}{b2-a3}$ 15) $\frac{d3-c3}{a3-a2}$ 16) $\frac{b4-a4+}{a2-b1}$ 17) $\frac{a4-a3}{b1-c1}$ 18) $\frac{a3-a1}{b1-c1} \times$

4. Король и Пѣшка противъ Короля.

Изслѣдуемъ два примѣра (Діагр. XIV и XV) и выведемъ условія, при которыхъ пѣшка выигрываетъ и не выигрываетъ.

1) $\frac{c2-d3}{c8-c7}$ 2) $\frac{d3-c4}{c7-c6}$ (а если $d3d4$, то $c7d6$)

Изъ нижеслѣдующихъ ходовъ увидимъ, что движеніе пѣшки впереди своего короля ведеть къ розыгрышу, 3) $\frac{c4-d4}{c8-d6}$ 4) $\frac{c8-c4}{d6-c6}$ 5) $\frac{c4-c5}{c6-c7}$ можно отступить на любую изъ трехъ клѣтокъ; но отступая съ 7-й линіи на 8-ю необходимо занимать клѣтку на одной вертикальной линіи**) съ пѣшкой; 6) $\frac{d4-d5}{c7-d7}$ 7) $\frac{c5-c6+}{d7-c7}$ 8) $\frac{d5-c5}{c7-c8}$ 9) $\frac{c5-d6}{c8-d8}$ 10) $\frac{c6-c7+}{d8-c8}$ ничья.

* Считаемъ нужнымъ оговорить, что мы не раздѣляемъ матъ автора относительно возможности подобного вычислениія и признаемъ вышеприведенное уравненіе неосновательнымъ, ибо во первыхъ, нельзя вводить въ одну и туже формулу величины столь разнородныя и несопоставимыя какъ *она шахматы и число ходовъ*, и во вторыхъ, матъ вовсе не имѣть характера величины, количества, и следовательно не можетъ быть выражено алгебрически. Если въ настоящемъ случаѣ математическое вычисление подтверждается шахматнымъ анализомъ, то это чистая случайность, въ чёмъ легко убѣдиться вставивъ въ предлагаемое авторомъ уравненіе вместо числа 14 — 5½ т. е. среднюю силу коня; изъ этого нового уравненія мы видѣли бы, что конь (разумѣется съ королемъ), даетъ однокому королю матъ въ 27 ходовъ, тогда какъ онъ и въ безконечное число ходовъ не можетъ сдѣлать матъ.

Примѣч. Ред.

**) Вертикальными линіями авторъ, по примѣру нѣмецкихъ писателей,— называетъ линіи, обозначаемыя въ алгебрической нотации буквами т. е. линіи а, б, с и т. д., а горизонтальными тѣ, кои означаются цифрами 1, 2, 3 и т. д.—Иными словами: линіи, на которыхъ при началѣ игры, расположены пѣшки и всѣ иные параллельныя—суть горизонтальная линіи, а перпендикуляр-

Черные начинаютъ 1) $\frac{c3-c4}{c8-c7}$ 2) $\frac{c2-d3}{c7-d7}$ (если бы с2b3, то с7b7);
Всякий другой ходъ черныхъ имѣть бы слѣдствіемъ проигрышъ,
3) $\frac{d8-c4}{d7-c6}$, и. т. д., какъ выше. Черные дѣлаютъ ничью потому
только, что выиграли темпъ.

Слѣдующій примѣръ разбирается и въ другихъ руко-
водствахъ) 1) $\frac{c1-d2}{c8-d7}$ 2) $\frac{d2-c3}{d7-c7}$ Выигрышемъ темпа черные опять
выигрываютъ опозицію, но въ этотъ разъ пѣшка отыгрываетъ
этотъ темпъ и выигрываетъ:

3) $\frac{c3-c4}{c7-c6}$ 4) $\frac{c2-c3}{c6-d6}$ — этотъ ходъ рѣшаetъ участъ боя — 4) $\frac{c6-d6}{c8-d8}$
5) $\frac{c4-b5}{d6-c7}$ 6) $\frac{b5-c5}{c7-d7}$ 7) $\frac{c5-b6}{d7-c8}$ 8) $\frac{b6-c6}{c8-d8}$ 9) $\frac{c3-c4}{d8-c8}$ 10) $\frac{c4-c5}{c8-d8}$ 11) $\frac{c6-b}{c8-d8}$
и бѣлые выигрываютъ. Черные начинаютъ: — с8—с7 1) $\frac{c1-d2}{c7-c6}$
2) $\frac{d2-c3}{c6-c5}$ 3) $\frac{c8-d3}{c5-d5}$ 4) $\frac{c2-c3 \text{ или } c4}{d5-c5}$, и т. д. какъ въ бывшемъ уже
примѣрѣ: выигрыша быть не можетъ.

Изъ послѣднихъ двухъ примѣровъ выводимъ:

- 1) Возможность провода пѣшки зависитъ отъ одного темпа;
- 2) Атакующій долженъ стараться занять опозицію впе-
реди своей пѣшки, а обороняющійся старается недопускать до
этого:

3) Если только обороняющійся допустилъ противника занять
королемъ шестую кѣтку, впереди пѣшки и на той самой линіи,
но которой сія послѣдняя движется, — выигрышъ безусловенъ.—
На шахматномъ нарѣчіи подобной кѣткѣ даютъ название ключа-
позиції.

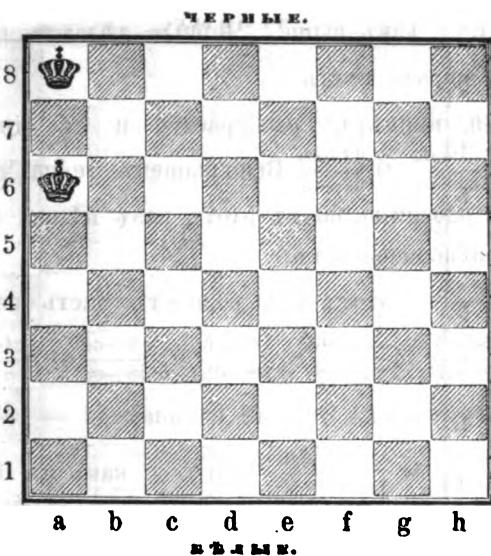
Наконецъ приходимъ къ заключенію, что вообще говоря, ко-
роль при одной пѣшкѣ противъ короля не выигрываетъ; ибо
случаевъ, гдѣ пѣшка проходитъ въ ферзя, меньше чѣмъ такихъ,
въ которыхъ она не проходитъ.

Все это относится до шести пѣщекъ линій b, c, d, e, f, и g;
пѣшки боковыхъ линій (т. е. a, и h) выигрываютъ еще рѣже.

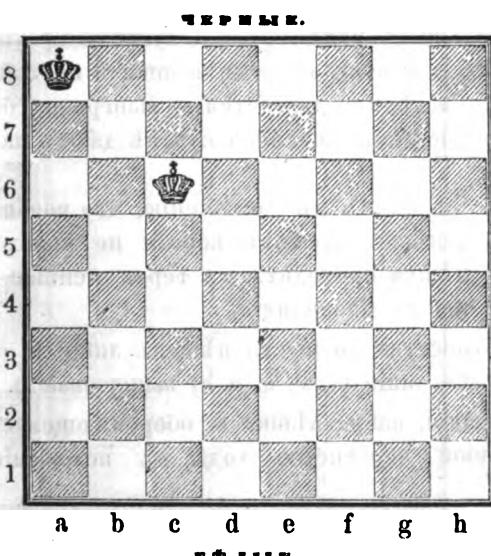
Для удержанія, напр., пѣшки a, обороняющемуся достаточно
имѣть за собой первенство хода въ положеніи подобномъ
Діагр. XVI.

ныя къ нимъ — вертикальныя. Этой же терминологіи будемъ слѣдоватъ и мы,
за неимѣніемъ другого выраженія, хотя она и не совсѣмъ правильна, ибо соб-
ственно вертикальныхъ линій на шахматной доскѣ не имѣется. *Прил. ред.*

VII.

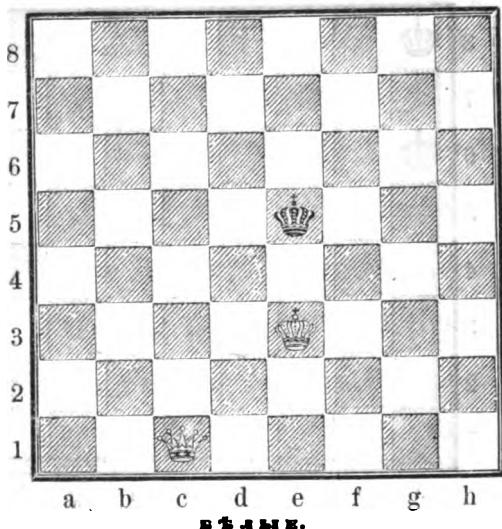

VIII.

IX.

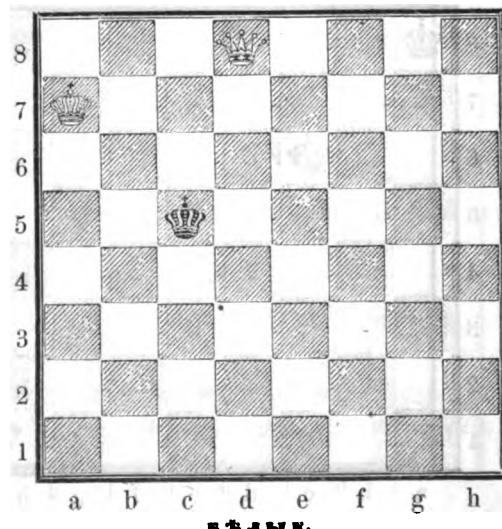
WHITE.

BLACK.

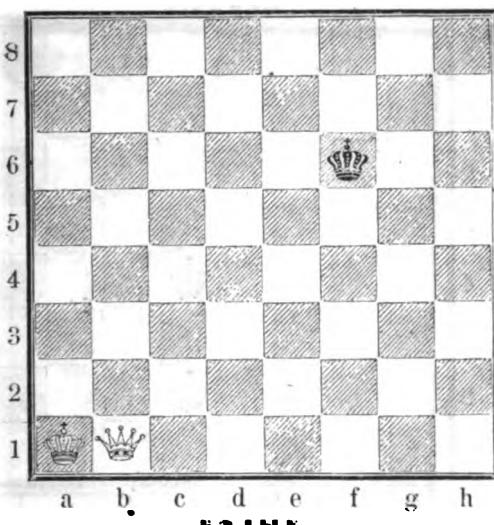
X.

WHITE.

XI.

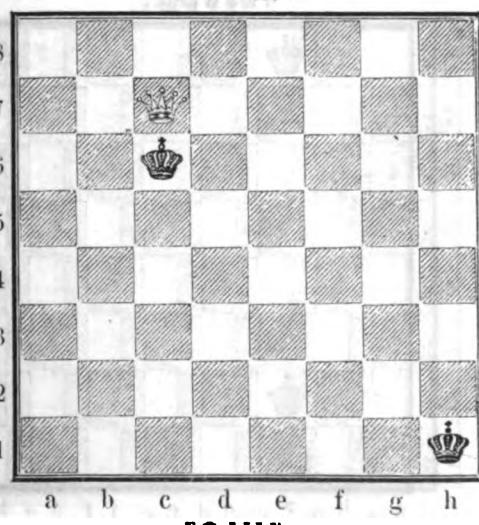
ЧЕРНЫЕ.

БЕЛЫЕ.

XII.

ЧЕРНЫЕ.

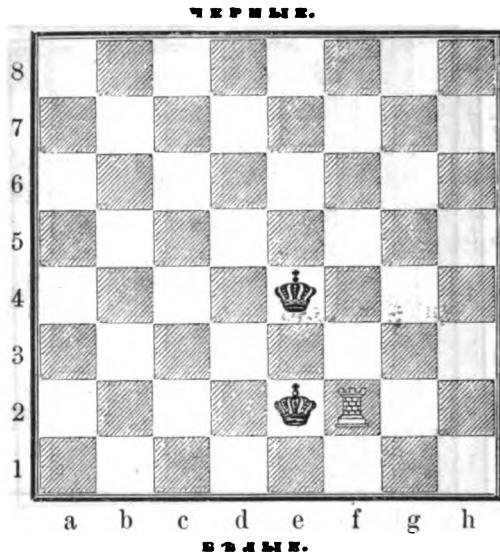

БЕЛЫЕ.

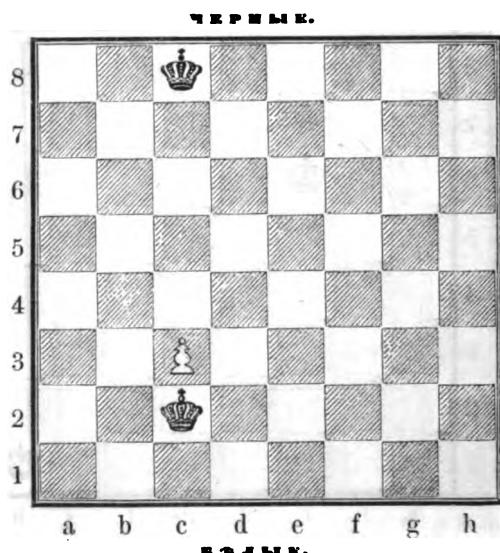
Отд. IV.

10

XIII.

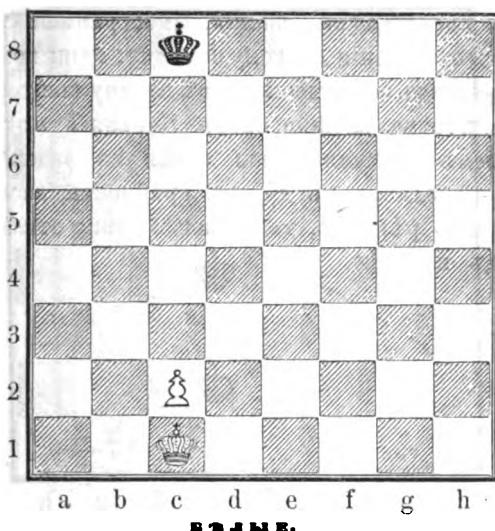

XIV.

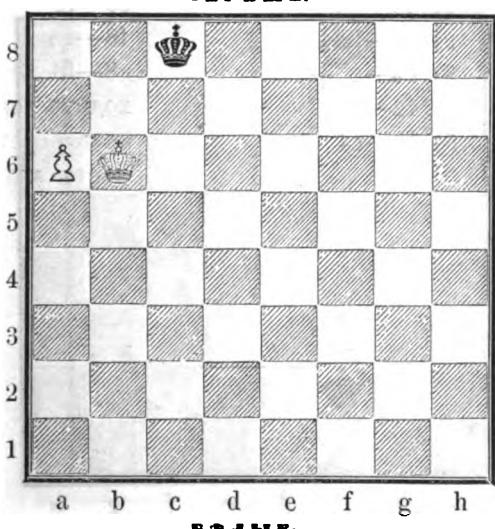
XV.

Ч Е Р Н Ы Е .

XVI.

Ч Е Р Н Ы Е .

10*

Рѣшеніе задачъ. Печатая въ первый разъ рѣшеніе задачъ, считаемъ нужнымъ предварить читателей, что всякая, помѣщаемая въ Шахматномъ Листкѣ задача, разрѣшена будетъ два мѣсяца спустя послѣ напечатанія. Иностранные журналы слѣдуютъ въ этомъ отношеніи другому порядку: одни помѣщаютъ рѣшенія въ слѣдующемъ за заключавшимъ задачу выпускѣ, другіе отлагаютъ его на неопределѣленное время. Первая изъ этихъ системъ даетъ читателемъ слишкомъ мало времени на разсмотрѣніе проблемъ, вторая впадаетъ въ другую крайность, заставляя слишкомъ долго ждать рѣшенія, такъ Szachzeitung откладываетъ его иногда на годъ и болѣе.

№ 1.

1) c3—e4	b7—b6
2) e4—c2	e5—e4°
3) f4—d3	e4—d3°
4) e7—f5	ξ

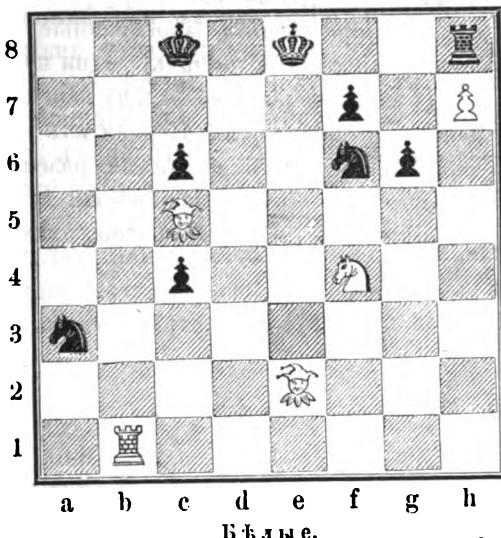
№ 2.

1) f5—d6+	e8—f8
2) h4—f2+	f8—g8
3) e4—f6+	g8—f8
4) f2—c5	ходитъ конемъ.
5) d6—c4	конь беретъ ферзя и
даетъ матъ.

№ 5.

Конрада БАЙЕРА (въ Вѣнѣ).

Черные.

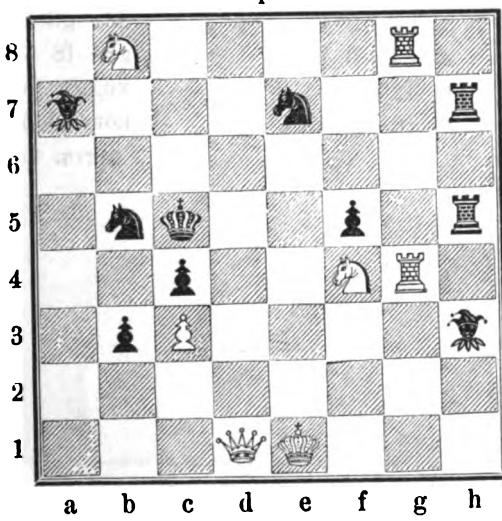
Бѣлые.

Бѣлые начинают и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 6.

Конрада БАЙЕРА (въ Вѣнѣ).

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинают и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

Корреспонденція. *θ. И. Р—ру* (въ Киевѣ). Получивъ письмо Ваше только вчера, мы не успѣли еще обсудить хорошенько возраженіе Ваше касательно замѣчанія берлинскаго журнала о 20-мъ ходѣ партіи Морфи съ Паулсеномъ, но безотлагательно приступимъ къ надлежащему по сему предмету анализу и результатъ его сообщимъ въ слѣдующемъ Листкѣ.

Н. И П—му (въ С. Петербургѣ). Сообщенное Вами рѣшеніе задачъ — совершенно вѣрно. Благодаримъ за доставленіе партіи и задачъ. Партию не печатаемъ, потому что противникъ Вашъ игралъ ее ужъ слишкомъ не хорошо. Замѣтимъ кстати, что Вы упустили, въ одномъ мѣстѣ, случай сдѣлать красивый матъ въ три хода, что вырочемъ весьма естественно, такъ какъ Вы играли не смотря на доску. Разсмотрѣніемъ задачъ займемся на дняхъ.
